

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Научно-исследовательский центр «Байкальский регион»
Лаборатория геoarхеологии Байкальской Сибири
Автономная некоммерческая организация
«Научно-просветительский центр палеоэтнологических исследований»

МАТЕРИАЛЫ
LXI РОССИЙСКОЙ (С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ)
АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
СТУДЕНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

УДК 902/904+39](47)(063)

ББК 63.4+63.5](2)л0

М34

Проведение конференции и публикация сборника материалов осуществлены с использованием гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов, проект № 20-1-028012

Ответственные редакторы:

канд. ист. наук И. М. Бердников

Д. Н. Лохов

Редакционная коллегия:

М. Е. Абрашина, Н. Е. Бердникова, В. В. Бурова, канд. ист. наук О. И. Горюнова,

С. П. Дударёк, Д. П. Золотарев, К. А. Крутикова, канд. ист. наук Е. А. Липнина,

канд. ист. наук А. Г. Новиков, канд. биол. наук Д. В. Пежемский, канд. ист. наук

Е. О. Роговской, канд. ист. наук Н. А. Савельев, канд. ист. наук М. Г. Туров,

И. В. Уланов, З. Ч. Ухинов

Ответственный секретарь

А. В. Уланова

М34

Материалы LXI Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; отв. ред.: И. М. Бердников, Д. Н. Лохов. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2021. – 245 с.

ISBN 978-5-9624-1944-2

Представлены результаты археологических, этнологических, культурологических и междисциплинарных исследований древних, традиционных и современных обществ Евразии, проведенных молодыми учеными и студентами как самостоятельно, так и под руководством ведущих специалистов.

Издание адресовано специалистам – археологам, этнологам, историкам, культурологам, регионоведам, музейным работникам, студентам, осваивающим эти специальности, а также краеведам и широкому кругу читателей, интересующихся археологическими древностями, проблемами развития палеокультур и современными этнокультурными процессами Евразийского пространства.

УДК 902/904+39](47)(063)

ББК 63.4+63.5](2)л0

ИСТОРИОГРАФИЯ, ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ АРХЕОЛОГИИ

<i>Осипова Е. В.</i> История изучения мегалитических памятников Северо-Западного Кавказа. Советский период	9
<i>Макарова Ю. В.</i> К историографии изучения ананьинских могильников Предкамья.....	10
<i>Вахрушева Е. Е.</i> Историографический обзор изучения средневековых памятников Нижнего Прикамья	12
<i>Рюмин И. В.</i> История изучения тюркизации населения Барабинской лесостепи.....	14
<i>Мишенина О. Н.</i> История изучения археологических памятников Павловского района Алтайского края	15
<i>Мальцев Р. К., Мальцева А. А.</i> Вклад Я. А. Шера и Б. Н. Пяткина в становление Кемеровского центра по изучению наскального искусства.....	17
<i>Серээдар С. В.</i> К вопросу об историографии археологических исследований на территории Тувы	18
<i>Мухаметзянов А. Р.</i> История исследования города Сарайчик.....	20
<i>Арсеньева Д. С.</i> Древняя и традиционная культура народов Енисейской Сибири глазами иностранных путешественников XXI века (на примере поездки Жана Клотта в 2010 г.).....	22
<i>Рахматуллина О. Р.</i> Археологические исследования Восточной Сибири в «Известиях ВСОИРГО»	24
<i>Золотарева М. Г., Макарова В. В.</i> «Феномен оленных камней»: к историографии проблемы.....	26
<i>Гордеенко А. Р.</i> Роль Императорского Русского географического общества в археологических исследованиях на территории Забайкалья в XIX в.	29
<i>Кочурова Д. С.</i> История изучения бронзового и раннего железного веков Западного Забайкалья отечественными исследователями XVIII – середины XX века	30
<i>Бянкин Д. Д., Плотников Г. В.</i> Работы С. М. Цейтлина в Забайкалье	32
<i>Ячменев О. Ю.</i> Забайкальские страницы исследований С. Н. Астахова	33
<i>Иванушко Е. И.</i> История исследования михайловской археологической культуры в Западном Приамурье.....	34
<i>Масленникова В. Р.</i> Историография изучения остатков млекопитающих на памятниках палеолита и неолита юга Дальнего Востока.....	36
<i>Цепкало А. О.</i> Археология Сахалина и Курильских островов в советский период истории Сахалинской области (1925 (1945) – 1991 гг.).....	37
<i>Федорова А. А.</i> Из истории французских археологических исследований в Индокитае: школы и миссии	39
<i>Соколовский В. А.</i> Монументальная архитектура как археологический признак ранней цивилизации	40
<i>Алексейцева В. В.</i> Пещерные археологические памятники как объект палинологических реконструкций: методологические аспекты.....	42
<i>Панкина А. И., Ростяженко Т. Е.</i> Проблемы изготовления трехмерных моделей для изделий из нефрита методом фотограмметрии.....	43
<i>Яковлева Е. А.</i> О содержании понятия «церковная археология»	45

КАМЕННЫЙ ВЕК

<i>Золотарев Д. П.</i> Вестернизация китайской археологии (палеолит).....	47
<i>Астолопов Р. Е.</i> Проблема абсолютной хронологии раннего неолита лесостепного Поволжья	49
<i>Францева Е. А.</i> Экспериментальное исследование костяных ретушеров из Денисовой пещеры.....	50
<i>Белан О. В.</i> Результаты исследований местонахождения «Бородино. Стоянка Бородинский разрез» в Канско-Рыбинской котловине в 2019 г. (новые данные).....	52
<i>Шегутов И. С.</i> Морфометрическая характеристика резцов de jete геoarхеологического объекта Туяна.....	54
<i>Сизова В. В., Маликов Д. Г.</i> Археозоологический анализ костных остатков крупных млекопитающих с палеолитической стоянки Туяна.....	56
<i>Марков Н. А., Кустов Г. Н., Киенко А. В., Викулова Н. О.</i> Мастерская имени А. П. Окладникова на Титовской сопке (Восточное Забайкалье).....	59
<i>Мороз П. В., Истомин Ю. О.</i> Бифас из четвертого культурного слоя Сухотинской мастерской	61
<i>Шайхудинова Е. М.</i> Новое палеолитическое жилище на поселении Усть-Менза-1 (Забайкалье).....	62
<i>Уланов А. А.</i> К вопросу о систематике продуктов микропластинчатого расщепления.....	65
<i>Кузнецов А. М.</i> Система жизнеобеспечения охотников-собирателей Северного Приангарья в раннем голоцене: организационный аспект	66
<i>Зограф А. А.</i> Неолитическое поселение Лавровка: особенности локализации памятника	68
<i>Кошкина Д. С.</i> Опыт использования планиграфического анализа в изучении каменного века Байкало-Енисейской Сибири	70
<i>Крутикова К. А.</i> Характеристика костяного инвентаря раннеолитических захоронений в устье р. Китой (Южное Приангарье)	71
<i>Крутикова К. А., Дударёк С. П.</i> Проблемы идентификации некоторых неолитических погребений Байкало-Енисейской Сибири	74
<i>Уланов И. В., Соколова Н. Б.</i> Особенности исходного сырья и формовочных масс неолитической керамики посольского типа Южного Приангарья	76
<i>Торохова А. Д.</i> Керамическая коллекция II культуросодержащего горизонта местонахождения Отико I (Северное Приангарье)	77
<i>Мархаева Д. А.</i> Керамика посольского типа из многослойной стоянки Улан-Хада на оз. Байкал.....	80
<i>Иванова М. А.</i> Предварительный анализ остеологической коллекции стоянки Поповский Луг за 2001–2002 годы.	81
<i>Ростяженко Т. Е.</i> Вкладышевый кинжал из коллекции могильника Фофаново в контексте концепции «технологий престижа».....	83
<i>Щипун О. И.</i> Каменная индустрия прибрежных памятников позднего неолита Приморья: по материалам памятников Русский-Аякс-1 и Бойсмана-2	84
<i>Корякина О. А.</i> Археологическое наследие Венесуэлы: антропоморфная пластика в доиспанских культурах	86
<i>Ковалева Н. Н.</i> Древнейшая керамика Эквадора, комплексы Вальдивия и Сан-Педро (иконографический аспект).....	87

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

<i>Зикеева Ю. Э.</i> О типе лука у племен скелянской культуры.....	90
<i>Осипов С. Г.</i> О неординарных погребениях энеолита юга Восточной Европы	91
<i>Жихарева Д. А.</i> Потревоженные погребения бронзового века могильника Улярба: ограбление, ритуал, осквернение.....	92
<i>Иванова А. А., Шергин Д. Л.</i> К вопросу о ремонте глиняных сосудов на территории Прибайкалья	94
<i>Еремеев А. В., Рженев Н. А.</i> Техноморфологический анализ каменного инвентаря второго культуросодержащего горизонта стоянки Ручей Акимов (Северное Приангарье).....	97
<i>Киселев В. Г.</i> Керамика из жилища эпохи палеометалла на памятнике Ветка-2.....	99
<i>Гаврилин А. С.</i> Орнаментальные традиции сузгунской культуры.....	100
<i>Монгуш К. М.</i> Материалы кургана 1 могильника Бош-Даг в свете новых данных по археологии эпохи бронзы Центральной Азии	102
<i>Кудряшова И. А.</i> Особенности орудийного набора байрыкско-лыбаевской культуры лесостепного Притоболья.....	106
<i>Некраш А. А.</i> Половозрастная дифференциация в погребальной практике носителей единовской культуры (по опубликованным материалам памятника Тартас-1)	108
<i>Рысбергенов М. А.</i> Эпоха палеометалла: производящее хозяйство в степях Казахстана в энеолите	109
<i>Каримбаева З. Р.</i> Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана: новые открытия	111
<i>Гармаева А. В., Ляпина Е. А.</i> Культура плиточных могил: материалы к археологической карте.....	113
<i>Богайчук Е. А.</i> Поселение Потаповы Лужки III – памятник самусьской культуры в Томском Приобье	114
<i>Ларочкин А. А.</i> Рыболовный инвентарь эпохи ранней – развитой бронзы на территории Барабинской лесостепи.....	116
<i>Комарова О. С.</i> Реконструкция орнаментов керамики цэпаньской культуры селища Дом Отдыха-3	117
<i>Лазина А. А.</i> Керамическая посуда эпохи палеометалла памятника Солонцовая-2.....	119
<i>Дюков Е. И.</i> Жилище 13.3 на памятнике Солонцовая-2.....	121
<i>Руденко М. К.</i> Природно-климатический фактор в формировании системы жизнеобеспечения янковцев на поселении Черепаха-7	122
<i>Мельникова М. А.</i> Роль домашних животных в мировоззрении позднебронзового населения лесостепного Притоболья.....	124
<i>Фурсова И. М.</i> Керамика эпохи поздней бронзы на поселении Долотинка-III в Миллеровском районе Ростовской области.....	125
<i>Краснова Ю. Е.</i> Загадочный образ на камне со склонов горного массива Оглахты.....	126
<i>Чумов Т. Е.</i> Новые данные по быстрианской культуре Бийского Приобья.....	129
<i>Данилов В. А.</i> Керамика раннего железного века Мегино-Кангаласского улуса Республики Саха (Якутия) по материалам хозяйственных работ ЯГУ.....	130
<i>Проконова М. М.</i> Основные проблемы в изучении торговли и обмена у населения саргатской культуры раннего железного века.....	131
<i>Нарудцева Е. А., Радовский С. С.</i> Роль В. А. Могильникова в выделении каменной культуры Алтая раннего железного века	133

<i>Эккердт А. А.</i> Диски с концентрическим орнаментом Нижнего Приангарья: морфологическая характеристика.....	135
<i>Сарыглар А. Г.</i> Бронзовые зеркала скифов и кузунгу шаманов	136
<i>Мусаханова-Аскерханова А. Б.</i> Звериный стиль в декоре костюма эпохи железного века (на территории Казахстана): опыт изучения и анализ	138
<i>Добровольский Л. С.</i> Проблема генезиса скифской культуры: центральноазиатская и автохтонная гипотезы	139
<i>Топча Ч. М.</i> Котлы из кургана Аржаан-2 как символ величия скифских царей (историко-культурная интерпретация).....	141
<i>Губенко Е. В.</i> Технология сверления каменных бус (по письменным источникам)	143
<i>Грехов С. В.</i> Сверление нефрита по данным экспериментов	144

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ

<i>Урбушев А. У.</i> О датировании наскальных изображений Сары-Кобы (Центральный Алтай).....	146
<i>Муратбакиева А. Д.</i> Две крылатые фигурки из Уньинского клада: история изучения, интерпретация, аналогии	148
<i>Галютин Е. С.</i> Косторезное дело средневекового населения Приморья	150
<i>Белых А. В.</i> Погребение раннего средневековья у с. Куртан	152
<i>Такпаева В. И.</i> Средневековая керамика поселения Купчегень-1 (Центральный Алтай)	153
<i>Мамбетова Л. В.</i> Женский и мужской костюм кушнаренковской культуры по материалам Башкирского Предуралья	154
<i>Гриб М. А., Качесова О. А.</i> Социальная элита одинцовской культуры (по материалам погребальных памятников)	156
<i>Герасева М. В.</i> Проблема изучения хозяйственно-культурной адаптации мохэских мигрантов в Юго-Восточном Забайкалье.....	157
<i>Кушнарев Н. Е., Мальшев А. С.</i> Хозяйственно-бытовая деятельность населения Краскинского городища.....	159
<i>Еремеева Е. А.</i> Разнообразие погребальных практик в южной части побережья Перу (культуры чирибайя, тиуанако).....	161
<i>Половников И. С.</i> Роговые подпружные пряжки из древнетюркского погребального комплекса Маркелов Мыс 2: морфологический и технологический анализ	162
<i>Солод Ю. А.</i> Граненные сосуды из драгоценных металлов эпохи средневековья.....	164
<i>Биткина М. Д.</i> Техноморфологический анализ артефактов 1-го культуросодержащего горизонта многослойного местонахождения Адорма (Северное Приангарье).....	165
<i>Ягловский А. С.</i> Шлифованные каменные изделия о-ва Четырехстолбовой (по материалам раскопок 1995 г.)	167
<i>Ким И. К.</i> Предметы торевтики снаряжения коня древних мадьяр.....	169
<i>Давыдов Р. В.</i> Инкрустация торевтики енисейских кыргызов: технологический аспект.....	171
<i>Гайса А. М.</i> Технология сырцовых архитектур в древнем зодчестве Казахстана.....	173
<i>Рахматуллин С. Х.</i> К вопросу о типологии Кирменского городища	174

<i>Максакова Д. А.</i> Четырехлепестковые нашивки в средневековых комплексах Нижнего Приангарья: морфологическая характеристика.....	176
<i>Карепин К. В.</i> Новая находка золотоордынского мавзолея на Нижнем Дону.....	178
<i>Ганусова В. П.</i> Лаконичная композиция на курганном камне (могильник Селиваниха в окрестностях г. Минусинска).....	180
<i>Мамуль Я. М.</i> Новый археологический памятник владимировской культуры в Амурской области.....	182
<i>Зеленина Е. В.</i> Культурные различия качинцев и аринцев среднего Енисея позднего средневековья и начала нового времени (по данным погребальных комплексов).....	184
<i>Николаев Е. Н.</i> Железоплавильные мастерские на территории Хангаласского района Республики Саха (Якутия).....	186
<i>Рженев Н. А., Еремеев А. В.</i> Керамические грузила с многослойного местонахождения Усть-Ёдарма II и русского старожильческого поселения Деревня Ёдарма (Северное Приангарье).....	188
<i>Горлышкин Н. Е.</i> «Исчезнувшие» деревни как уникальный источник по археологическому изучению материальной культуры русского старожильческого населения Кузнецкого Притомья в XVII–XVIII вв.	190
<i>Иванов А. А.</i> Предварительные результаты изучения керамического комплекса XVIII – нач. XIX в. исторической части г. Якутска (по материалам раскопок на ул. Ярославского).....	191
<i>Беляева Ю. С.</i> Терракотовый изразец из деревни Кемерово: морфология и исторические аспекты.....	193
<i>Харланович А. Д.</i> Заграничный фарфор и фаянс в археологии Красноярска.....	195

ЭТНОЛОГИЯ И ЭТНОАРХЕОЛОГИЯ

<i>Паук Е. А.</i> Этнос через призму синергетики – попытка новой интерпретации.....	197
<i>Баяндина А. В.</i> Свадебные традиции алтайцев.....	198
<i>Ябыштаев С. С.</i> О создании праздника Эл Ойын для арены национальных видов спорта в Горном Алтае.....	199
<i>Тойбазарова Д. Ш.</i> Трансформация казахского погребального обряда в условиях пандемии (на примере аула Сегизбай).....	201
<i>Черляков И. Г.</i> Христианизация коренных народов Северного Приителечья в условиях трансформации традиционного общества на рубеже XIX–XX вв.	202
<i>Люля Н. В.</i> Кухонная утварь украинцев Алтайского края в XX в.	204
<i>Свидовская А. С.</i> Развитие садов потребительского типа в селах Алтайского края в 1930–2010-е гг. (по полевым материалам).....	207
<i>Ооржак Б. Э.</i> Типы головных уборов в традиционной культуре тувинцев.....	209
<i>Монгуш А. М.</i> Испытания «Тос берге» («девять трудностей») как основа формирования мужских качеств в традиционном тувинском обществе.....	210
<i>Хомушку С.-Б. Д.</i> Трансформация повседневной и кочевой жизни тувинцев.....	212
<i>Ондар А. У.</i> Обрядовая пища тувинцев (на примере растительной пищи).....	215
<i>Доржу С. Н.</i> Национальные пояса (<i>кур</i>) как часть материальной и духовной культуры тувинцев.....	216
<i>Михайлова С. М.</i> Народные методы лечения туберкулеза у якутов.....	217
<i>Дивдевилова Е. Н.</i> Современные практики в погребально-поминальном обряде якутов.....	219

<i>Николаев В. Р.</i> Боевые татуировки и мужские прически народа мдевокантонов из группы сиу, чукчей и эвенков: сравнительный аспект	220
<i>Ефименко У. В.</i> Элементы гендерного подхода в современных исследованиях культур Японского архипелага	222
<i>Дружинин Д. С.</i> Обзор основных групп источников по изучению Огненной Земли	224

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

<i>Жанатаев Д. К.</i> Государственная программа по сохранению культурного наследия Республики Казахстан	226
<i>Ананьин А. В.</i> Археологические памятники как ресурс регионального историко-культурного туризма (на примере Белозерского р-на Курганской области)	228
<i>Девяткина Е. Н.</i> Сохранение культурного наследия коренных малочисленных народов Севера в контексте государственной политики на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры	229
<i>Емельянцева М. П.</i> Опыт и возможности «восстановления» наскальных изображений (по материалам коллекции каменных плит из фондов музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ)	230
<i>Ухинов З. Ч., Коваленко В. В.</i> Этнографические элементы в деятельности Дома ремесел и фольклора	232
<i>Доржу А. А.</i> Некоторые объекты культурного наследия Республики Тыва	234
<i>Мусиенко А. В., Лавриненко Э. В., Очкуров Н. Е.</i> Разработка тематической экскурсии по археологии Западного Приамурья на базе музея археологии БГПУ	235
<i>Лебедева Л. С.</i> Гижигинск в начале XX в. (по результатам полевых и архивных исследований в 2020–2021 гг.)	237
<i>Иванов А. А.</i> Фарфор из коллекции ОАН «Город Гижигинск»	239
<i>Береговых А. В.</i> Инструменты и строительные материалы из коллекции ОКН «Город Гижигинск» (по результатам исследования в 2020 г.)	240
<i>Казимиров И. В.</i> Предметы охотничьего промысла и рыбной ловли из коллекции ОКН «Город Гижигинск»	242
Резолюция LXI Российской археолого-этнографической конференции с международным участием студентов и молодых ученых, посвященной 85-летию со дня рождения Г. И. Медведева	244
Список сокращений	245

УДК 903.532(470.6)"637"

**История изучения мегалитических памятников
Северо-Западного Кавказа. Советский период**

Е. В. Осипова

*Российский православный университет св. Иоанна Богослова, Научно-просветительский
центр палеоэтнологических исследований, Москва, Россия*

Среди научных открытий советского периода в археологии особое место заняли исследования дольменов. Абхазия в это время становится новым местом изучения дольменной культуры ввиду большого количества найденных там дольменов, ранее неизвестных.

Одним из первых, кто выявил новые границы распространения дольменной культуры, был В. И. Стражев. Он опроверг предположение П. С. Уваровой, отрицавшей наличие дольменов на территории Абхазии [Стражев, 1926]. И. И. Иващенко также говорит об Абхазии как о южной границе распространения дольменов, параллельно выдвигая предположения о целях и предназначениях дольменных сооружений [Иващенко, 1935, с. 8–10].

Серьезным вопросом остается датировка дольменов. Многие исследователи, после изучения дольменных памятников, стали склоняться к гипотезе происхождения дольменной культуры на территории Кавказа в раннебронзовом веке [Куфтин, 1949, с. 259; Клейн, 2014, с. 34].

Вопрос о типологии дольменов тоже был предметом расхождения среди исследователей. Свою типологию выдвигали многие специалисты. В. Н. Худадов в своем труде «Мегалитические памятники Кавказа» делит дольмены на несколько типов: 1) черноморские и кубанские дольмены – правильно сложенные сооружения из огромных обтесанных каменных плит; 2) группа из необтесанных плит. Автор утверждает, что «дольмены Закавказья примитивнее» (это дольмены Ахалкалакского района) [Худадов, 1937, с. 196]. Л. И. Лавров в труде «Дольмены Северо-Западного Кавказа» первым применил нумерацию и составил подробный список дольменов с их измерительными характеристиками [Лавров, 1960, с. 102]. В. И. Марковин, опираясь на труд Л. И. Лаврова, разработал типологию с небольшими дополнениями. Было выделено 4 типа: 1 – плиточные, сложенные из больших каменных плит; 2 – составные, сложенные из небольших каменных блоков; 3 – корытообразные, у которых камера высечена в камне и сверху перекрыта отдельной плитой; 4 – монолитные сооружения, целиком высеченные в скале. Типология В. И. Марковина [1973, с. 9] лежит в основе работ последующих исследователей.

Одна из объемных работ кодификации материала по дольменам, с учетом предыдущих исследований, была проведена Л. И. Лавровым. Автор составил нумерацию всех дольменов, открытых на тот момент [Лавров, 1960, с. 102].

Составлением карт с обозначениями дольменов на территории Северного Кавказа, Черноморского побережья и юга Абхазии занимались такие ученые, как В. П. Пачулия [1968, с. 27], Л. И. Лавров [1960], Ю. Н. Воронов [1969, с. 16–17]. Помимо этого, Ю. Н. Воронов [1979] выступал и как ведущий исследователь сочинских дольменов с их особенностями.

О предназначении втулок и отверстий в дольменах писали многие ученые. Большинство сходилось на том, что отверстие служит для подношения тела, пищи и инвентаря.

Немаловажной являлась и проблема обряда погребения. Анализируя предыдущие результаты исследований, Л. С. Соловьев критически подошел к этому вопросу. По его мнению, через отверстия вносились разрозненные кости, а не целые останки человеческого тела [1960, с. 79].

В. В. Бжания был среди первых, кто заговорил о сравнении майкопской и дольменных культур и о их возможной преемственности [Бжания, Цвинария, Бжания, 1985, с. 13]. Что касается связей с майкопской культурой, то В. И. Марковин говорит, что «дольменная культура не связана с майкопской культурой, она вполне самостоятельна» [1973, с. 19–20], параллельно с этим приводя другие теории происхождения. Например, О. М. Джапаридзе считает, что невозможно связывать дольменную культуру с Малой Азией, так как там дольмены не известны. Также невозможно знать, откуда пришли носители дольменной культуры [Марковин, 1973, с. 22].

В. И. Марковин стал крупным специалистом советского периода в изучении дольменов. Его фундаментальный труд «Дольмены Западного Кавказа» объединил в себе всю проанализированную им информацию о дольменах начиная с XIX в. [Марковин, 1973].

Таким образом, мы можем охарактеризовать советский этап изучения дольменной культуры как прогрессивный. В итоге были разработаны система изучения данной категории памятника и его типология, изменились подходы к изучению дольменной культуры. В исследованиях у ученых появилась масса новых задач, но многие из них так и остаются нерешенными из-за плохой сохранности памятников и нехватки материала.

*Научный руководитель – Т. В. Корниенко
канд. ист. наук, доцент,*

*кафедра библейской истории и древнего права,
Российский православный университет св. Иоанна Богослова*

Список литературы

- Бжания В. В., Цвинария И. И., Бжания Д. С. Раскопки дольменов в селе Хуап в 1982 году // Археологические открытия 1981–1982 гг. в Абхазии. Тбилиси, 1985. С. 8–14.
- Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969. 225 с.
- Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979. 125 с.
- Иващенко И. И. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. Тифлис, 1935. 86 с.
- Клейн Л. С. История российской археологии: учения, школы и личности // Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. СПб., 2014. 704 с.

Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1949. 360 с.

Лавров Л. И. Дольмены северо-западного Кавказа // Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа. 1960. № 31. С. 101–179.

Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа (некоторые итоги изучения). М., 1973. № 1. С. 3–23.

Пачулиа В. П. Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. М., 1968. 168 с.

Соловьев Л. Н. Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района // Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа. 1960. № 31. С. 69–101.

Стражев В. И. К Азартскому дольмену // Изв. Абхаз. науч. общества. Сухуми. 1926. С. 125–127.

Худадов В. Н. Мегалитические памятники Кавказа // Вестн. Древней истории. 1937. № 1. С. 195–215.

History of Research Megalithical Monuments of the Northwestern Caucasus. "Soviet" Period

E. V. Osipova

The article dedicated to the brief historiographical review of the dolmens in the territory of the North-West Caucasus and Abkhazia in the Soviet period. Several problematic issues have been identified. Methods for studying and analyzing dolmens are listed. The connection between the Dolmen and Maikop cultures and their main contradictions are shown. Thus, we can characterize the Soviet stage in the study of dolmen culture as progressive. As a result, a system for studying this category of a monument and its typology was developed, approaches to the study of the dolmen culture changed. Now in research, scientists have a lot of new task.

Keywords: Caucasus, Bronze Age, megalithic monuments, dolmens, Maikop culture, historiography, typology.

Осипова Екатерина Владиславовна

магистрант 2-го года обучения

Российский православный университет св. Иоанна Богослова

научный сотрудник

Научно-просветительский центр

палеоэтнологических исследований

e-mail: oskate4@mail.ru

Osipova Ekaterina Vladislavovna

Graduate student 2nd year

Russian Orthodox University of Saint John the Divine

Research Associate

Scientific and Educational Center

for Paleoethnological Research

e-mail: oskate4@mail.ru

УДК 903.5(470.41)"638"

К историографии изучения ананьинских могильников Предкамья

Ю. В. Макарова

Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, Елабуга, Россия

В эпоху поздней бронзы и раннего железного века сформировались свои археологические культуры, значение которых огромно до сих пор. Данный период заложил основу для всей этнокультурной карты Евразии. В конце VII – начале III в. до н. э. на территории Волго-Камья обитали племена древних ананьинцев. Именно они оставили после себя ананьинскую культурно-историческую общность (АКИО). Данная общность стала базовой основой этноса, которая сформировала современные народы, например, финно-пермского и угорского мира.

В данной работе рассматривается вопрос об ананьинских могильниках, их особенностях и значении. Несмотря на однородность Волго-Камского региона, каждый археологический памятник имеет свою особенность. В статье приводится список памятников ананьинской культуры Предкамья. Данная территория включает в себя огромные просторы южной тайги на Средней Каме, Вятке и Ветлуге [Кузьминых, 2000]. Термин «ананьинская культура» появился в начале 20-х гг. XX в. Его использовал в своих исследованиях М. Г. Худяков, так данный термин и устоялся. При этом археолог относил к данному термину все случайные находки на Нижней Каме, Средней Волге и Нижней Белой, а также предполагал скорое открытие нового могильника у д. Пустые Моркваши. Поэтому М. Г. Худяков пришел к выводу, что территория ананьинской культуры не ограничивается известными местонахождениями, а занимает всю территорию нижнего течения р. Кама до р. Свияга на западе и до р. Белая на востоке, вплоть до водораздела Камы и Иртыша.

К ананьинской культуре Среднего Прикамья относятся Ананьинский, Луговской, Котловский могильники. Установлено, что чаще всего могильники располагали на высоких террасах (Луговской) или же на останцах (Ананьинский). Из всех могильников только на Ананьинском присутствует надгробная стела [Ашихмина, 2014, с. 80].

Из особенностей ананьинских могильников – все они лишь грунтовые. Умершие имеют вытянутое положение на спине, руки вытянуты вдоль тела. Иногда у погребенных

руки и ноги были слегка согнуты. Также исследователи отмечали следы огня в местах захоронения [Там же, с. 92].

Большую роль в изучении раннего железного века в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье сыграло открытие Ананьинского могильника близ с. Ананьино в Республике Татарстан в 1856–1858 гг. Е. В. Шишкиным и П. В. Алабиным, исследованного впоследствии А. А. Спицыным и А. В. Збруевой. Ананьинская культура датируется VIII–III вв. до н. э. и является одной из наиболее ярких археологических культур на северо-востоке Европы. Данный памятник дал толчок к широкомаштабному изучению эпохи железа на Востоке Европы. Долгое время археологи не могли приступить к раскопкам, так как территория Ананьинского могильника принадлежала императорскому двору. И лишь в 1858 г. под руководством П. В. Алабина впервые были проведены археологические раскопки. В конце XIX в. были открыты и изучены многие другие могильники, подобные Ананьино (Зуевский могильник, «костеносные городища», Акозинский, I Новомордовский и др.). На данный момент официально установлено, что Ананьинский могильник причисляется к раннеананьинскому периоду.

Нами уже отмечалось, что открытие Ананьинского могильника произошло в 1856 г. Для работ на могильнике согнали около 100 крестьян с трех окрестных деревень: Ананьино, Мальцево и Пospelово. За один день было вскрыто 47 погребений, при этом ни плана раскопок, ни зарисовок могил и погребений не было сделано. П. В. Алабин лично вел записи о находках. Это открытие древнего некрополя на Нижней Каме положило начало изучению новой и совершенно необычной археологической культуры Северо-Восточной Европы, получившей впоследствии название ананьинской.

Изучение Ананьинского могильника проводилось с 1856 по 1930 г. и продолжается по сей день. Могильник содержал более 1500 костяных, каменных и металлических предметов, не считая керамики и вещей из частных коллекций. Исследования 1930 г. показали, что памятник практически уничтожен и продолжать на нем раскопки нецелесообразно.

А. Х. Халиков и С. В. Кузьминых изучали ананьинские коллекции. В своих исследованиях ананьинской культуры оба археолога ссылались на материалы, хранящиеся в Финляндии.

В 1938–1940 гг. Камским отрядом Куйбышевской экспедиции ИИМК АН СССР под руководством А. В. Збруевой был открыт Луговской могильник с 57 захоронениями раннеананьинского периода. Исследования были продолжены П. П. Ефименко, раскопавшим 15 погребений.

Луговской могильник – памятник, относящийся к ананьинскому миру, довольно богатый погребальными находками, находится близ пос. Луговой в Елабужском районе Республики Татарстан. Луговской могильник хорошо исследован группой А. В. Збруевой. Могильник известен как погребальный. А. В. Збруева датировала данный памятник ранним ананьинским временем (VIII–VI вв. до н. э.).

А. В. Збруева в 1940 и 1946–1948 гг. у пос. Лугового открыла полуземлянки на Луговских I и II стоянках, а в 1946–1947 гг. были раскопаны Луговские курганы поздней бронзы. Вторая половина XX в. была ознаменована публикационными исследованиями. В 1950 г. вышла работа О. Н. Бадера, в которой автор анализировал как археологические исследования Луговского и Ананьинского могильников, так и всю культуру древнего населения Прикамского региона [Ашихмина, 2014, с. 80].

Котловский могильник находится на правом берегу р. Кама, в Елабужском районе. Данный могильник был открыт в 1892 г. Ф. Д. Нефедовым, раскапывался им в 1892–1894 гг., в 1895 г. – И. Н. Смирновым. На данный момент могильник полностью разрушен. Ф. Д. Нефедов определил этот памятник как ананьинский; Н. А. Прокошев датировал могильник VIII–VII вв. до н. э., А. В. Збруева – V–III вв. до н. э. [Нигамаев, 2020, с. 38].

Можно проследить заметные сходства ананьинских памятников с другими памятниками ананьинской культу-

ры, даже если каждый могильник или погребение по своему уникальны и не имеют аналогов. Однако связь расположения, материальной базы, ритуальных и погребальных обычаев и т. п. очевидна. Взаимосвязь всех памятников ананьинской культуры Нижнего Прикамья заключается в том, что все они находятся либо на берегах р. Камы, либо на ее притоках.

Таким образом, открытие Ананьинского могильника породило массовое изучение древностей Волго-Камья, заинтересовав исследователей из различных точек Европы в Нижнем Прикамье. Первоначально изучение вели, не зарисовывая и не записывая, фиксируя лишь общие черты. Спустя несколько лет повсеместно стали открываться новые памятники, которые, безусловно, стали относить к ананьинскому типу, т. е. причислять к ананьинской культуре. Самые известные и наиболее изучаемые памятники ананьинской культуры Нижнего Прикамья – Ананьинский могильник, Елабужское городище, Луговской могильник, Гремячий Ключ, Сорочьи Горы, Курган, Казанка I, Казанский, Нижнесулонский, Макарьевский, Антоновский, Именьковский, Черепашье и множество других памятников.

*Научный руководитель – М. С. Купцова
зав. лабораторией археологии и этнографии,
Елабужский институт Казанского (Приволжского)
федерального университета*

Список литературы

Ашихмина Л. И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) // Серия «Археология евразийских степей». Казань: Ин-т археологии им. А. Х. Халикова АН РТ, 2014. Вып. 19. 300 с.

Кузьминых С. В. К проблеме поисков финно-угорской прародины // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Ижевск, 2000. С. 37–42.

Нигамаев А. З. Историко-археологическое наследие Восточного Предкамья. Елабуга, 2020. 144 с.

On the Historiography of the Study of the Ananyin Burial Grounds of the Predkamye

Yu. V. Makarova

In this work, the author gives a list of the Ananyin burial grounds of the Eastern Predkamye, their features and significance. This territory includes vast expanses of southern taiga on Srednyaya Kama, Vyatka and Vetluga. And despite the homogeneity of the Volga-Kama region, each archaeological site has its own peculiarity. The author traces the similarities between the Ananyin sites and other monuments of A. to. The connection between them is obvious: location, material base, ritual and burial customs, etc. The discovery of the Ananyin burial ground gave rise to a massive study of the antiquities of the Volga-Kama region, attracting the interest of both archaeologists and other scientists from various points of Europe in the Lower Kama region. Therefore, A. to. remains relevant to this day. The Ananyin culture of the Middle Kama region includes the Ananyin, Lugovskoy, Kotlovskiy burial grounds. The study of the Ananyin burial ground was carried out from 1856 to 1930.

Keywords: early Iron Age, AKIO, Volgo-Kamye, burial grounds.

Макарова Юлия Владимировна

студент 4-го курса
Елабужский институт Казанского (Приволжского)
федерального университета
e-mail: iulija_mak@mail.ru

Makarova Yulia Vladimirovna

Student 4th year
Elabuga Institute (branch) of Kazan (Volga Region)
Federal University
e-mail: iulija_mak@mail.ru

Историографический обзор изучения средневековых памятников Нижнего Прикамья

Е. Е. Вахрушева

Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, Елабуга, Россия

Елабужское (Чертово) городище (Елабужский район Республики Татарстан) – остатки древнего поселения, расположенного на большом мысу коренной террасы р. Камы, включает в себя белокаменную башню домонгольского болгарского периода, посад и три некрополя, функционировавшие в пределах X–XVI вв. Наиболее ранние сведения о Елабужском городище можно увидеть в татарском фольклоре, также в произведении «Казанская история» второй половины XVI в. Они сообщают о наличии самого памятника, его месторасположении, правителях. В дальнейшем проводились работы по описанию Елабужского городища, выдвигались первые теории о функционале памятника. Так, в 1767 г. монахом Троицкого монастыря была сделана «Опись древнего каменного здания» [Невоструев, 1871]. После, в 1769 г., Н. П. Рычков определил памятник как храм язычников [1772, с. 45, 51], а Ф. И. Эрдман в 1825 г. – как каменную преграду на Каме [1834]. Не менее значимым является первая реставрационная работа по сохранению остатков белокаменного здания в 1876 г., выполненная И. В. Шишкиным. Более тщательные исследования конца XIX–XX вв. выдвигают новые теории о предназначении памятника, ставятся вопросы о времени появления городища и его функционировании. В 1888 г. А. А. Спицын вносит новое предположение о значении городища как части древнего караван-сарая [1893, с. 89], а А. П. Смирнов утверждает, что данный памятник – военная цитадель, построенная в X–XI вв. [1951, с. 29]. Раскопки Т. А. Хлебниковой в 1958 г. позволили сказать, что в ананьинское время Елабужское городище являлось местом постоянного обитания, а в болгарское время оно использовалось как убежище [1974, с. 42]. В 1987 г. А. Х. Халиков обобщил данные предшествующих исследований, выделив 4 периода: ананьинский, пьяноборский, котловско-тураевский, болгарский [Казаков, Старостин, Халиков, 1987, с. 125]. В 1991–1992 гг. К. И. Корепанов предоставил сведения о стратиграфии памятника и находок [1991, л. 25, 26]. С 1993 г. работы были продолжены А. Х. Халиковым с участием А. З. Нигамеева, Л. Ф. Недашковского, Е. А. Кошелева. Благодаря самым масштабным раскопкам и дальнейшим исследованиям, можно говорить, что постройка башни Елабужского городища, заселенная в X в. угро-тюрками, в XI в. служившая военно-административным и торговым центром болгар, относится к домонгольскому времени.

Кирменское городище – средневековый памятник, находится на территории Мамадышского района РТ. Памятник расположился на высоком мысу левого берега р. Кирменки, недалеко от с. Средние Кирмени и д. Русские Кирмени. Впервые в летописях Керменчук упоминается при Юрии Дмитриевиче в 1395 г. Из-за отождествления Кирменского археологического комплекса с Керменчуком возникла проблема локализации летописного Керменчука. Так, С. М. Шпилевский, впервые затронувший эту проблему, под Керменчуком подразумевал г. Жукотина, а в 1877 г. Е. Т. Соловьев на IV Всероссийском археологическом съезде убеждал, что городище находится ближе к Каме, чем указано в источниках, да и находки керамики, остатки укрепленного поселения у с. Средние Кирмени позволяют рассматривать их как следы болгарской крепости Керменчук [Шпилевский, 1877, с. 422; Соловьев, 1889, с. 8]. Вопросом возникновения и периодом функционирования Керменчука занимался А. П. Смирнов, который отмечал как монгольское, так и золотоордынское время су-

ществования города [Смирнов, 1951, с. 268]. Кроме того, при изучении памятника в 1955 г. Н. Ф. Калинин предполагал возникновение Керменчука при консолидации болгар с аборигенным населением (вероятнее всего угорским) [1957, с. 201–204]. При работе на Кирменском городище отряда с А. Х. Халиковым была впервые проведена инструментальная топографическая съемка Кирменского городища, выявлено болгарское поселение, сделана попытка выявить следы оборонительных укреплений городища. В 1995 г. начались планомерные исследования памятника, благодаря которым можно сказать, что Кирменское городище – домонгольский и золотоордынский памятник, функционировавший в X–XIV вв., имеющий оборонительные укрепления, бревенчатые постройки наземного типа.

Чалынская крепость-городище – памятник в Рыбно-Слободском районе РТ, расположен на высоком мысу левого коренного берега р. Шумбут, правого притока Камы. Наиболее ранние сведения, встречающиеся в древнерусских летописях, татарских преданиях, несут информацию о военных походах на город, его борьбе и разорении казанским ханом. Первые исследования были направлены на установление даты возникновения и существования городища. Так, раскопки в 1955 г. Н. Ф. Калинина позволили определить время существования городища – XIV – первой XVI в., а исследования в 1983 г. Н. А. Кокориной и С. В. Кузьминых – время возникновения городища – XII – начало XIII в. Кроме того, при раскопках Чалынского I селища обнаружили сооружения, характерные для финно-пермского населения в эпоху раннего средневековья, и болгарские предметы домонгольского периода [Калинин, 1957, с. 202; Кокорина, Кузьминых, 1985, с. 152]. Раскопки 1989 г. Т. И. Останиной позволили сказать о существовании памятника в XIII – первой половине XVI в. Новые исследования городища, начатые с 1993 г. археологической экспедицией Ф. Ш. Хузина, продолженные И. Р. Газимзяновым, А. З. Нигамеевым, позволяют датировать памятник XI–XII вв. и говорить о сходстве погребального обряда Чалынского некрополя с мусульманскими могильниками Волжской Булгарии XIII–XIV вв. Таким образом, проведенные исследования показывают домонгольское время возникновения городища и его основных укреплений. В составе населения четко представлен финно-угорский компонент, выявляемый в основном по керамическим материалам.

Памятники Мамадышского района. Омарское городище расположено около д. Омары, левый берег р. Омарка, правый приток р. Камы. В 1952 и 1955 гг. были проведены разведывательные работы. В культурном слое была найдена гончарная болгарская керамика с песком в глине, кирпично-, коричневатокрасная и темно-серая, а также лепная керамика серовато-коричневая из глины с толченой раковинной. Датировали памятник XIII–XIV вв.

Дигитлинское городище – памятник расположен у с. Дигитли, правый берег р. Дигитлинка, правый приток р. Омарка. В 1880 г. от сотрудника В. М. Нохратского в ОАИЭ были доставлены найденные на городище флигированная подвеска, калачевидное кресало и восточная монета. Позже от Н. А. Износкова и П. А. Пономарева в музей ОАИЭ поступили три кресала, цепь, топор, ключи, глиняное грузило. Эти находки совместно с керамикой помогли определить памятник как болгарский.

Гроханское городище расположено недалеко от д. Соколки, правый берег Камы, рядом с устьем р. Вятка. Впервые городище раскапывалось Ф. Д. Нефедовым в 1894 г., а затем А. В. Збруевой. Определили поздний горизонт культурного слоя городища болгарским временем, нижний и основной культурный слой – ананьинским периодом, атабаевским и маклашеевским этапами приказанской культуры.

Красногорское городище-памятник – рядом с с. Красная Горка, правый берег р. Ошма, правого притока р. Вятки. В подъемном материале зафиксирован один фрагмент типичной болгарской гончарной кирпично-красной лощеной керамики и три фрагмента коричневатого-красного и серого цветов. Культурная принадлежность болгарам более вероятна.

Секинское городище – находится на правом берегу р. Камы. Культурный слой в нижнем горизонте содержит керамику ананьинского типа, сверху встречаются фрагменты именковского и болгарского типа. Исследования 1955 г. позволяют говорить о двукратном заселении площадки городища: в период ананьинской и именковской культур.

Необходимо отметить, что долгое время основное внимание исследователей было обращено на памятники Западного Закамья – центральных земель государства Волжской Булгарии, где располагались такие исторически известные города, как Болгар, Биляр, Сувар, Джукетау и т. д. Представления о материальной культуре населения государства базировались преимущественно на археологических источниках, добытых при раскопках вышеуказанных памятников. Исследования болгарских поселений территории Нижнего Прикамья (Елабужское, Керменское, Чаллыинское и т. д.) не производились практически до начала 1990-х гг. Более или менее значительные раскопки проводились лишь на 8 памятниках. В результате чего не удается полностью разобраться в процессе урбанизации отдельных, особенно периферийных регионов Волжской Булгарии. Практически не затрагивались проблемы своеобразия материальной культуры населения Нижнего Прикамья. Поэтому целенаправленное, планомерное изучение и освещение в литературе болгарских городов, окраинных

земель государства Волжская Булгария, а также попытка решения проблемы своеобразия материальной культуры населения Нижнего Прикамья на примере вышеупомянутых памятников являются необходимыми и перспективными.

*Научный руководитель – М. С. Купцова
зав. лабораторией археологии и этнографии,
Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета*

Список литературы

- Казаков Е. П., Старостин П. Н., Халиков А. Х. Археологические памятники Татарской АССР. Казань : Татнигиздат, 1987. 238 с.
- Калинин Н. Ф. К итогам археологической экспедиции КФАН СССР 1955 г. // Изв. КФАН СССР. Серия гуманитарных наук. Казань, 1957. Вып. 2. С. 201–204.
- Калинин Н. Ф. Археологические раскопки на Чаллыинском городище в 1955 г. // Борынгы Чаллы. Древние Чаллы. Казань, 2000. С. 40–65.
- Кокорина Н. А., Кузьминых С. В. Работы на Чаллыинском городище // АО 1983 г. М., 1985. С. 152.
- Корепанов К. И. История и культура населения Елабужского края в раннеананьинскую эпоху (VIII–VI вв. до н. э.). Елабуга, 1991. 32 с.
- Невоструев К. И. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской // Труды I АС. М., 1871. Т. II. С. 521–594.
- Ниговаев А. З. Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кермень, Чаллы: Своеобразие материальной культуры населения. Казань : Изд-во Казанск. ун-та, 2005. 228 с.
- Рычков Н. П. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769–1770 году. СПб., 1772. 189 с.
- Смирнов А. П. Волжские булгары // Тр. ГИМ. М., 1951. Вып. XIX. 275 с.
- Соловьев Е. Т. Где был болгарский город Керменчук? // ИОАИЭ. 1889. Т. VII. С. 1–17.
- Спицын А. А. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // МАВГР. М., 1893. Т. I. С. 85–92.
- Хлебникова Т. А. Исследования некоторых поселений волжских булгар в 1973–1974 гг. в связи с темой о локальных вариантах их культуры // Первое Поволжское археолого-этнографическое совещание. Казань, 1974. С. 43–44.
- Шпилевский С. М. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877. 585 с.
- Эрдман Ф. И. Замечания во время путешествия по берегам Камы и в Оренбургской губернии // Заволжский Муравей. 1834. Ч. I. № 2. С. 76–89.

Historiographic Review of the Study of Medieval Sites of the Lower Kama Region

E. E. Vakhrusheva

This article provides a preliminary analysis of the main studies of the medieval sites of the Lower Kama region. Most of which were explored only by small exploration expeditions in the 1970s–80s. Currently, work is underway to restore archaeological research on the territory of the Lower Kama region, as a peripheral part of the territory of Volga Bulgaria. This work is aimed at a historiographic review (collection of literature) on these sites.

Keywords: Middle Ages, Volga Bulgaria, Lower Kama region, settlement, site, ceramics, individual finds, Bulgarian.

Вахрушева Елизавета Евгеньевна

студент 1-го курса
Елабужский институт Казанского (Приволжского)
федерального университета
e-mail: vakhrusheva2009@mail.ru

Vakhrusheva Elizaveta Evgenievna

Student 1st year
Elabuga Institute (branch) of Kazan (Volga Region)
Federal University
e-mail: vakhrusheva2009@mail.ru

История изучения тюркизации населения Барабинской лесостепи

И. В. Рюмин

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

В период раннего средневековья на территорию Барабинской лесостепи проникли племена тюрков из Южной Сибири, вступив в тесный контакт с аборигенным населением. Вопрос о характере этих взаимоотношений остается актуальным со времени зарождения археологии как науки в России. Различные ученые выделяют свои концепции и периодизации миграций тюркоязычного населения, свои характеристики причин, этапов и локальных особенностей этого процесса «тюркизации» автохтонного населения. Под понятием «тюркизация» мы будем понимать определение В. В. Курносова: «Тюркизация – это процессы миграций тюркоязычных групп населения в пределы иноязычных и инкультурных областей, после которых происходила ассимиляция аборигенного населения» [Курносов, 2015, с. 4].

Основным источником выявления древнетюркского компонента в иных культурах является погребальный обряд и предметы материальной культуры (главным образом вооружение и конское снаряжение) [Савинов, 2016, с. 27]. Таким образом, первым направлением исследований по данному вопросу является изучение раннесредневековых погребальных памятников региона. Вторым направлением, возникшим значительно позже, является обобщение и систематизация полученных источников, построение научной модели по исследуемой проблеме.

В историографии сложилась устойчивая традиция выделения трех этапов изучения средневековых памятников Барабы. Основой для такого выделения являются значительные временные промежутки между активизацией археологических работ и их почти полным прекращением. Чаще всего выделяются следующие этапы: первый – период начала знакомства с раннесредневековыми памятниками и накопления первоначальных знаний о процессах, протекавших на данной территории в древнетюркское время (1866–1899 гг.); второй – период накопления археологического материала академическими археологическими отрядами (1957–1988 гг.); третий – период широких обобщений, когда издаются монографические работы, посвященные тюркоязычному населению, пришедшему в Барабинскую лесостепь (с 1988 г. до наших дней) [Швецова, 2020]. В данной работе мы будем придерживаться этой устоявшейся периодизации.

Первый этап. В. В. Радлов в 1866 г. произвел раскопки средневековых курганов у деревень Идюголь, Кызырь на южном берегу оз. Убинское и у д. Осинцево на правом берегу р. Омь. Проведенные раскопки занесены на археологическую карту Новосибирской области [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980, с. 48, 120]. В 1878 и 1880 гг. Н. М. Ядринцев провел разведки на территории Барабы, отметив большое количество средневековых курганов [Ядринцев, 1883]. В 1894 г. Г. О. Оссовский раскопал четыре кургана тюркской эпохи у оз. Мышайловского около с. Красноярка. В 1895–1896 гг. С. М. Чугунов исследовал Усть-Таргасский могильник. Материалы раскопок конца XIX в. были рассмотрены Т. Н. Троицкой и А. Л. Автушковой уже в XXI в. [Троицкая, Автушкова, 2010, с. 54–55]. Исследователями было предложено подробное описание погребения № 2 в кургане 1 и уточнена его датировка (IX–X вв.).

Второй этап характеризуется началом работы Новосибирской экспедиции Новосибирского государственного педагогического института под руководством Т. Н. Троицкой и Западносибирского отряда Северо-Азиатской экспедиции СО АН СССР под руководством В. И. Молодина.

Отрядами были проведены самые крупномасштабные археологические работы по изучению памятников, оставленных тюркоязычным населением. Среди них: Базово-1, -2; Венгерovo-1; Туруновка-3А; Ходунеково; Преображенка-3; Чулым-2; Большие Луки-1, -3; Третье Отделение-1, -2; Осинцево IV и Венгерovo VII. Позднее археологическая карта памятников древнетюркского времени была опубликована в статье В. И. Молодина и соавторов [Материалы древнетюркского времени ... , 2018, с. 100]. Также стоит отметить работы по изучению материалов погребальных комплексов раннего и развитого средневековья, проведенные Д. Г. Савиновым [1983], В. И. Молодиным и соавторами [Молодин, Савинов, Елагин, 1981], Л. И. Копытовой [1974], В. И. Соболевым и Е. А. Сидоровым [Сидоров, Соболев, 1977].

Уже на данном этапе были предприняты первые попытки интерпретации полученной источниковой базы [Могильников, 1965, с. 281]. Было проведено исследование социальной дифференциации тюрков Барабы, рассмотрены вопросы хозяйственного уклада этого населения и его взаимоотношений с аборигенным населением [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980, с. 164–167].

На третьем этапе были проведены раскопки могильников Сопка-2, Преображенка-6, Таргас-1 сплошной площадью, что позволило досконально изучить все аспекты погребальной практики тюрков Барабы [Молодин, 2016, с. 99]. Стали применяться естественно-научные методики в ходе проведения археологических работ [Чемякина, 2008].

В 1988 г. в печать вышла крупная коллективная монография. Она включила в себя материалы всех известных на тот момент раскопок раннесредневековых памятников Барабинской лесостепи [Бараба в тюркское ... , 1988]. В работе освещаются вопросы хронологии памятников, выделяются различия погребального обряда автохтонного и пришлого населения, установлены связи между культурами средневековья и раннего железного века. Изучена степень ассимиляции тюрками аборигенного населения. Было установлено, что в Барабе проживали две группы населения: автохтонная – носители горносталевского этапа потчевашской культуры и пришлое – тюрки с территории Северного Алтая, проникновение которых в регион началось в середине VIII в. Горносталевцы проживали в Барабе с VII по X в. н. э. и, в отличие от тюрков Барабы, оставили после себя и поселенческие комплексы.

За последние десятилетия специальных археологических работ по изучению раннесредневековых памятников Барабинской лесостепи не проводилось. В ходе работ, производимых Западно-Сибирским отрядом Северо-Азиатской экспедиции ИАЭТ СО РАН по изучению памятников эпохи бронзы, были получены материалы и более поздних эпох [Швецова, 2020, с. 685].

*Научный руководитель – И. А. Дураков
канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной
и всеобщей истории, Институт истории,
гуманитарного и социального образования,
Новосибирский государственный
педагогический университет*

Список литературы

- Бараба в тюркское время / В. И. Молодин, Д. Г. Савинов, В. С. Елагин, В. И. Соболев, Н. В. Полосьмак, Е. А. Сидоров, А. И. Соловьев, А. П. Бородовский, А. В. Новиков, А. Р. Ким, Т. А. Чикишева, П. И. Беланов. Новосибирск : Наука, 1988. 176 с.
Копытова Л. И. Раскопки у с. Старая Преображенка // Из истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 15. С. 66–71.

Курнос В. В. Причины, этапы и особенности процессов тюркизации Западной Сибири в раннем средневековье // Вестн. Сургут. гос. ун-та. 2015. № 4. С. 4–9.

Материалы древнетюркского времени на поселении Венгеро-2 (Барабинская лесостепь) / В. И. Молодин, Л. Н. Мильникова, М. С. Нестерова, Е. С. Швецова // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2018. Т. 17, № 5: Археология и этнография. С. 99–108.

Могильников В. А. Ананьевское городище и вопрос о времени тюркизации Среднего Прииртышья и Барабы // СА. 1965. № 1. С. 275–282.

Молодин В. И. Памятник Сопка-2 и его значение для изучения культур эпохи бронзы Евразии (к юбилею проф. А. Д. Пряхина) // Очерки истории сибирской археологии. Новосибирск, 2016. С. 95–109.

Молодин В. И., Савинов Д. Г., Елагин В. С. Погребения тюркского времени из могильника Преображенка-3 (Центральная Бараба) // Проблемы Западно-Сибирской археологии: Эпоха железа. Новосибирск, 1981. С. 123–137.

Савинов Д. Г. Раскопки могильника Венгеро-2 VII // АО 1981 года. М., 1983. С. 228.

Савинов Д. Г. Археологические формы «тюркизации» населения Западной Сибири // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. История. 2016. № 4 (42). С. 27–31. Doi: 10.17223/19988613/42/5.

History of Research of the Turkization of the Population of the Baraba Forest-Steppe

I. V. Riumin

This article describes the history of research the issue of Turkization of the indigenous population of the Baraba forest-steppe. Conventionally, two areas of research are distinguished: the study of archaeological sites and the systematization of the obtained material. It is noted that the history of the study of the issue is almost 200 years old – from the mid of the 19th century, from the time of the birth of archaeological science in Russia. Applying the most widespread periodization of the historiography of medieval archeology of Siberia, the author points to three stages in studying the Turkization of the region: the stage of accumulation of initial material (mid of the 19th – early 20th century), the stage of intensification of archaeological work (mid of the 20th century – 1988) and the modern stage (from 1988 to the present day).

Keywords: Baraba forest-steppe, Early Middle Ages, Turkic period, funereal complexes, research history, periodisation.

Рюмин Иван Вячеславович

магистрант 1-го года обучения

Новосибирский государственный педагогический университет

e-mail: irv12345@mail.ru

Сидоров Е. А., Соболев В. И. Раскопки могильника Чулым-2 // АО 1976 года. М., 1977. С. 243.

Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск, 1980. 184 с.

Троицкая Т. Н., Автушкова А. Л. Усть-Тартасский могильник (по материалам раскопок С. М. Чугунова) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2 (13). С. 51–61.

Чемякина М. А. Археолого-геофизические исследования грунтовых могильников Западной Сибири // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2008. Т. 7, № 3: Археология и этнография. С. 44–56.

Швецова Е. С. История изучения и элементы историографии погребальных памятников тюркского времени на территории Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2020. Т. 26. С. 682–689. <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2020.26.682-688>.

Ядринцев Н. М. Описание сибирских курганов и древностей. Путешествие по Западной Сибири и Алтаю в 1878–1880 гг. // Древности. Труды московского археологического общества. 1883. Т. 9, вып. 2–3. С. 182–183.

Riumin Ivan Vyacheslavovich

Graduate student 1st year

Novosibirsk State Pedagogical University

e-mail: irv12345@mail.ru

УДК 902/904(571.150)

История изучения археологических памятников Павловского района Алтайского края

О. Н. Мишенина

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Начало археологическим исследованиям в Павловском районе было положено жителем с. Касмала М. А. Неупокоевым, передавшим в 1925 г. в Барнаульский музей находки эпохи неолита с поселения «Чудацкая гора» (Касмала-1), расположенного на правом берегу р. Касмала у пос. Нагорного [Уманский, 1999, с. 5]. В 1927 г. археологические раскопки здесь осуществил М. П. Грязнов [Там же]. Полученные материалы были переданы в Эрмитаж. Раскопки этого памятника продолжены в 1949 г. В них участвовали М. П. Грязнов, М. Н. Комарова, А. П. Уманский и К. С. Владимирский [Там же, с. 6].

В 1953 г. в ходе экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством М. П. Грязнова, отряд под руководством М. Н. Комаровой выявил на правом берегу Оби поселение Ирба эпохи неолита и грунтовый могильник Морайка (нет датировки) [Историческая справка ...].

В середине 1950-х гг. к археологическим изысканиям в районе приступает сотрудник управления культуры Алтайского крайисполкома А. П. Уманский. В 1956 г. он обследовал знакомую ему «Чудацкую гору», собрал коллекцию керамики [Демин, 2018, с. 36], осуществил разведку на левом берегу Оби между Барнаулом и Елунино и выявил многослойное поселение и серию разнотипных некрополей: грунтовый могильник, пять одиночных курганов и шесть курганных групп у сел Харьково, Нагорное и Телеутское [Уманский, 1999, с. 12; Демин, 2018, с. 35].

В 1963 г. во время строительных работ между селами Сарай и Черемное был обнаружен грунтовый могильник бронзового века, названный позже Сарай (Сарош), и в 1964 г. школьники с. Анисимова сделали несколько находок у одноименного озера. Заинтересовавшийся этими фактами А. П. Уманский организовал в 1964 г. археологические раскопки грунтового могильника, и осуществил сбор подъемного материала и заложил разведочный шурф у оз. Анисимова [Уманский, 1999, с. 11].

В 1972 г. он же возобновил полевые исследования, обследовал «Чудацкую гору» (Касмала-1) и серию грунтовых могильников (Телеутская-1,-2,-4,-5,-6) на верхней террасе Оби, между Телеутским и Елунино [Уманский, 1999, с. 6]. В 1977 г. раскопками кургана Харьково ученый завершил свои многолетние изыскания в районе [Там же, с. 6–9].

В 1977 г. старшим преподавателем кафедры истории СССР АГУ избран археолог Ю. Ф. Кирюшин. Стала формироваться новая археологическая школа. Ее представители проводили изыскания и в Павловском районе.

Так, в 1978 г. С. В. Неверов недалеко от Черемного выявил поселение [Перечень ...], но основные усилия археологов АГУ концентрируются в двух археологических микрорайонах близ Елунино и Телеутское.

В 1977 г. А. М. Малолетко (в то время сотрудник АГУ) исследует Елунинский курганный могильник-1 [Кирюшин, Тишкин, Грушин, 2000, с. 25]. В 1978 г. в этом микрорайоне под руководством Ю. Ф. Кирюшина производятся раскопки грунтового могильника бронзового века

Елунино-1 и -2, а также к. м. раннего железного века Елунино-2 и -3. Наряду с некрополями, раскопкам подверглись расположенные здесь поселения раннего железного века Елунино-1–4 [Кирюшин, Фролов, 2000, с. 43]. Материалы, полученные в ходе раскопок памятников бронзового века, легли в основу выделенной Ю. Ф. Кирюшиным елунинской археологической культуры.

В этом же году Ю. Ф. Кирюшиным в 3 км от Елунино, на левом берегу Оби, было открыто Елунинское культовое место, отнесенное к железному веку [Кирюшин, Тишкин, Грушин, 1999, с. 391], и раскопаны поселения, расположенные между Елунино и Боровиково, – Боровиково-1 (V–II вв. до н. э.) и Боровиково-2 (без датировки) [Кирюшин, Фролов, 2000, с. 43].

Сотрудники АГУ проводят крупные работы в окрестностях бывшего с. Телеутское. Раскапываются курганные могильники Елунинский-1, -2 и Телеутский взвоз-1. В разные годы с 1982 по 1998 г. раскопки проводили А. Б. Бородаев, А. А. Казаков, А. А. Тишкин и В. В. Горбунов [Кирюшин, Фролов, 2000, с. 44].

В 1985 г. участниками совместной экспедиции АГУ и БГПИ (под рук. А. Б. Шамшина и А. П. Уманского) были проведены раскопки курганного некрополя Рогозиха-1, расположенного на верхней террасе левого берега р. Касмала в 3 км к северо-западу от одноименного села [Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 5]. В ходе этих работ получены образцы прикладного искусства, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле, в том числе зеркала с изображениями религиозно-эпических мотивов, характерных для индийской культуры [Там же, с. 4]. Тогда же А. Б. Шамшин осуществил разведочные мероприятия и выявил курганные могильники Рогозиха-2 и Рогозиха-3 (датировка не определена) [Кирюшин, Фролов, Шамшин, 2000, с. 21].

Последним в этот период был выявленный А. Б. Шамшиным в 1989 г. курганный могильник Жуковка, расположенный в 300 м к западу от трассы Павловск – Кольванское [Там же, 2000, с. 14].

В советский период археологические исследования в Павловском районе перешли от спорадических изысканий к целенаправленным и планомерным исследованиям. В постсоветский период интерес к археологическим памятникам снижается. Со временем раскопки сводятся к разведкам, одиночным работам, наблюдается меньше крупных экспедиций.

Исследования проводятся сотрудниками АГУ. В 1992 г. С. Ю. Лузин организовал раскопки кургана раннего железного века Шахи-1, расположенного в 4 км от Шахов [Перечень ...]. В 1997 г. Я. В. Фролов выявил на восточном склоне левого берега Оби между Шахами и Березовкой грунтовый могильник эпохи бронзы Мельничихин лог-1 и поселение эпохи раннего железа Мельничихин лог-2 [Фролов, Панин, 1998, с. 102]. В том же году А. Л. Кунгуров возобновил работы на Елунинском грунтовом могильнике-3 VIII–VII вв. до н. э. [Кирюшин, Фролов, Шамшин, 2000, с. 20].

В 1998 г. А. Л. Кунгуров и Д. В. Папин обнаружили частично разрушенное захоронение большереченской

культуры [Там же, с. 21], а Я. В. Фролов открыл курганный могильник Черемно-Подгорное-1 и поселение Черемно-Подгорное-2 (расположено в 0,5 км к юго-западу от одноименного села на левом берегу Оби), датирующееся V–III вв. до н. э. [Там же].

В 2001 г. памятники у Боровиково исследуются Т. Г. Шиготаровой, проведшей раскопки курганного могильника Боровиково-3 (нет датировки), а также курганного могильника Боровиково-4, относящегося к средним векам. В 2004 г. на курганном могильнике Боровиково-5 работал А. В. Кондрашов, полученный им материал относится к средним векам [Там же, с. 14].

Последние археологические работы в районе проводились Я. В. Фроловым и А. А. Козловым. В 2006 г. первый выявил пос. Черемное-2 (нет датировки) и пос. Кольванское-1 (эпоха неолита) [Там же, с. 21], второй совершил раскопки на курганном могильнике Мельничихин лог-3 (нет датировки) [Перечень ...]. В 2007 г. Я. В. Фролов выявил курганный могильник Рогозиха-4 (нет датировки) и поселение Боровиково-6 железного века, А. А. Козлов – курганный могильник Харьково-1 (нет датировки) [Историческая справка]. В настоящее время раскопки не ведутся.

*Научный руководитель – А. Н. Телегин
ст. преподаватель кафедры Отечественной истории,
Институт истории, социальных коммуникаций и права,
Алтайский государственный педагогический университет*

Список литературы

- Демин М. А. Алексей Павлович Уманский: путь в науку. Барнаул : АлтГПУ, 2018. 404 с.
- Историческая справка // офиц. сайт Администрации Павловского района. URL: http://pavlovsk22.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=45&Itemid=240 (дата обращения: 13.12.2019).
- Кирюшин Ю. Ф., Фролов Я. В. Памятники скифского времени (VI–III вв. до н. э.) на территории Павловского района // Павловский район: очерк истории культуры. Барнаул, 2000. С. 42–50.
- Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А., Грушин С. П. Краткие итоги археологического изучения памятников эпохи ранней бронзы Березовая Лука и Телеутский взвоз // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 1999. Т. 5. С. 391–396.
- Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А., Грушин С. П. Памятники эпохи неолита, ранней и развитой бронзы на территории Павловского района // Павловский район: очерки истории и культуры. Барнаул, 2000. С. 23–35.
- Кирюшин Ю. Ф., Фролов Я. В., Шамшин А. Б. Археологическое изучение Павловского района // Павловский район: очерки истории и культуры. Барнаул, 2000. С. 6–22.
- Перечень археологических памятников Павловского района // офиц. сайт адм. Павловского района. URL: <http://pavlovsk22.ru/index.php/o-rajone/fotogalereya/15-den-sela-p-lebyazhe/detail/263-den-sela-s-lebyazhe?tmpl=component&phocadownload=2> (дата обращения: 07.12.2020).
- Уманский А. П. Археологические памятники Павловского района (материалы к археологической карте) // Города и села Алтайского края: историческое наследие (Павловский район). Павловск, 1999. С. 5–17.
- Уманский А. П., Шамшин А. Б., Шульга П. И. Могильник скифского времени Рогозиха-I на левобережье Оби. Барнаул : Алт. гос. ун-т, 2005. 203 с.
- Фролов Я. В., Панин Д. В. Коллективное погребение Ирменской культуры в Барнаульском Приобье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края : материалы науч. практ. конф. Барнаул, 1998. Вып. 9. С. 102–105.

History of the Study of Archaeological Sites of the Pavlovsky District of the Altai Territory

O. N. Mishenina

The article is devoted to the history of the study of archaeological sites of the Pavlovsky District from the very beginning to present days. The article lists archaeological sites and those who discovered and studied them. Chronologically the research is divided into the Soviet and post-Soviet periods. The main studies were made mainly in the Soviet period when many sites were discovered. In the end of 20th century and in the beginning of 21st century new archaeological sites were identified as well as continued the study of already known ones. Among archaeologists we can name many researchers from Altai State Pedagogical University and from Altai State University such as A. P. Umansky, A. A. Tishkin, Yu. F. Kiryshin and many others, who made a great contribution to the study of the history of the Pavlovsky District.

Keywords: Archaeology, Pavlovsky District, archaeological sites, history of study, periods.

Мишенина Ольга Николаевна

студент 4-го курса

Алтайский государственный педагогический университет

e-mail: ivanov15.00@list.ru

Mishenina Olga Nikolaevna

Student 4th year

Altai State Pedagogical University

e-mail: ivanov15.00@list.ru

Вклад Я. А. Шера и Б. Н. Пяткина в становление Кемеровского центра по изучению наскального искусства

Р. К. Мальцев, А. А. Мальцева

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

История археологии знает немало примеров выдающихся научных центров по исследованию различных областей исторического знания (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Красноярск, Иркутск и т. д.). Прочное место среди них занимает г. Кемерово, славящийся богатым опытом ведения археологических изысканий на всей территории России. Благодаря ряду исследователей, волей судьбы оказавшихся в Кемерово, произошло развитие одного из ведущих на сегодня направлений кафедры археологии Кемеровского государственного университета – исследования наскального искусства.

В данной статье, обзорной по своему характеру, мы попытались рассмотреть вклад двух видных ленинградских исследователей, связавших свою научную деятельность с Кемеровским центром по исследованию наскального искусства: Якова Абрамовича Шера и Бориса Николаевича Пяткина.

Становление направления по изучению петроглифов произошло в середине 1970-х гг., когда при Кемеровском государственном университете была образована первая в Сибири кафедра археологии. Во многом предопределил развитие центра видный археолог, заведующий кафедрой Анатолий Иванович Мартынов, который приступил к изучению наскальных изображений Сибири еще в 1960-х гг. Благодаря ему, к проблемам изучения древнего искусства были привлечены новые сотрудники кафедры, среди которых был сотрудник Ленинградского отделения ИА АН СССР Б. Н. Пяткин.

Борис Николаевич при непосредственной поддержке А. И. Мартынова стал, на наш взгляд, начинателем в Кемерово исследования петроглифов, в особенности территории Среднего Енисея. Во многом будущее направление деятельности кафедры определялось личностью Б. Н. Пяткина. Одна из учениц Бориса Николаевича, д-р ист. наук О. С. Советова, так вспоминала об ученом: «Это была очень разносторонняя личность, новатор, предложивший ранее неизвестные способы работы с петроглифами... Он бегал по коридорам университета и зазывал в свой отряд» [ПМА 1]; в то же время д-р ист. наук СПбГУ Д. Г. Савинов отмечает: «Б. Н. Пяткин являлся генератором идей, стоявшим у истоков появления и сложения центра по изучению наскального искусства при Кемеровском государственном университете» [ПМА 2]. Так, при непосредственном участии Б. Н. Пяткина и А. И. Мартынова в середине 1970-х гг. был сформирован Петроглифический отряд Южносибирской археологической экспедиции (ЮСАЭ), что стало отправной точкой в становлении центра по изучению наскального искусства в Кемерово.

Основными задачами отряда стали работы по копированию наиболее известных местонахождений наскального искусства бассейна Среднего Енисея: Шалаболинской писаницы, Оглахты, Суханихи, Тепсея и Бычихи.

Именно благодаря Б. Н. Пяткину происходят значимые перемены в подходе копирования и индексирования наскальных рисунков. Так, в отряд был приглашен художник В. Ф. Капелько, с именем которого связана разработка и внедрение нового, широко применяемого в настоящее время метода копирования наскальных изображений на микалентную бумагу [Капелько, 1986, с. 107].

В результате работ Петроглифического отряда ЮСАЭ было произведено монографическое изучение ряда памятников наскального искусства, внедрены новые технологии копирования и документирования.

Помимо Среднего Енисея, работы сотрудников кафедры проводились также и на территории Алтая и Притомья.

Важной, на наш взгляд, вехой в становлении Кемеровского центра по исследованию памятников наскального искусства стало приглашение в 1985 г. на должность профессора кафедры археологии известного ленинградского исследователя – Якова Абрамовича Шера. На новом месте работы Я. А. Шер продолжил развивать новое направление – теорию и методы анализа изобразительных памятников, в том числе и с применением электронно-вычислительных машин.

Важным этапом в исследовательской биографии Я. А. Шера стал период 1963–1970 гг., когда им был возглавлен Каменский отряд Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. В эти годы он вел поиск новых подходов к изучению памятников наскального искусства, по сути, именно в этот период времени Я. А. Шер одним из первых закладывает основы будущего петроглифоведения как самостоятельного направления в археологической науке. Именно тогда были разработаны и введены в научный оборот принципы формализации в археологическом источниковедении [Мальцев, Марков, 2020].

В 1980–1990 гг. под его руководством были исследованы многочисленные археологические объекты Среднего Енисея, среди которых: Оглахты, Суханиха, Тепсей, Усть-Туба и многие другие. Интерес вызывает и то, что Яков Абрамович закладывал основы международного сотрудничества петроглифистов, что впоследствии вылилось в экспедиционные работы с 1990–2000 гг., проводимые КемГУ совместно с Центром научных исследований Франции, в результате которых была издана уникальная серия исследовательского труда «Петроглифы Центральной Азии» [Siberie du sud 1 ... , 1994; Siberie du sud 2 ... , 1995].

Отметим и то, что именно в КемГУ проявился и преподавательский талант Якова Абрамовича. Благодаря его умению заинтересовать и привлечь к работе в археологических экспедициях, многие из его студентов впоследствии стали продолжателями научных изысканий своего учителя. Так, одна из учениц Я. А. Шера, д-р ист. наук, ныне директор Института истории и международных отношений Кемеровского государственного университета О. С. Советова, дала характеристику его личности: «Яков Абрамович, фигура неоднозначная, интересная и многогранная фигура. Это эрудит» [ПМА 1].

Бесценной заслугой Я. А. Шера стало создание в 1997 г. Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства (САИПИ). В качестве основной цели САИПИ было утверждено всемерное содействие изучению, сохранению и популяризации первобытного искусства. Именно САИПИ на сегодня является одной из ведущих общественных организаций, участвующих не только в исследовании петроглифов различных регионов мира, но и в сохранении их для будущих поколений [Мальцев, 2016].

В заключение нашего небольшого обзора мы подошли к тому, что вклад Я. А. Шера и Б. Н. Пяткина является бесценным. Ими были заложены основные направления деятельности не только тех, кто занимается наскальным искусством в КемГУ, но и кафедры археологии в целом.

*Научный руководитель – О. С. Советова
д-р ист. наук, профессор, директор Института истории и
международных отношений, Кемеровский государственный
университет*

Источники

ПМА 1. Интервью с О. С. Советовой, доктором исторических наук, участником Петроглифического отряда КемГУ, президентом САИПИ. Интервьюер Р. К. Мальцев. 15 июля 2016 г.

ПМА 2. Интервью с Д. Г. Савиновым, доктором исторических наук, участником Каменского отряда ЛОИА АН СССР, профессором СПбГУ. Интервьюер Р. К. Мальцев. 19 октября 2016 г.

Список литературы

Капелько В. Ф. Эстампажный метод копирования петроглифов (открытие и разработка метода) // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1986. С. 105–111.

Siberie du sud 1: Oglakhty I–III (Russie, Khakassie) / N. Blednova, H.-P. Francfort, N. Legchilo, L. Martin, D. Saaacchi, J. A. Sher, D. Smirnov,

F. Soleilhavoup, P. Vidal // Repertoire des Petroglyphes d'Asie Centrale. Paris, 1994. Fascicule № 1. 152 p.

Siberie du sud 2: Tepsej I–III, Ust-Tuba I–VI (Russie, Khakassie) / N. Blednova, J. A. Sher, N. Legchilo, D. Smirnov // Repertoire des Petroglyphes d'Asie Centrale. Paris, 1995. Fascicule № 2. 93 p.

Мальцев Р. К., Марков В. И. Личность Якова Абрамовича Шера в истории изучения наскальных рисунков Среднего Енисея // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2020. № 67. С. 191–194. <https://doi.org/10.17223/19988613/67/26>

Мальцев Р. К. Вклад Каменского отряда Красноярской археологической экспедиции в изучение памятников наскального искусства Среднего Енисея // Сибирская археология и этнография: вклад молодых исследователей: материалы LVI Рос. археол.-этнограф. конф. студентов и молодых ученых. Чита, 2016. С. 218–219.

The Contribution of Leningrad Researchers to the Becoming of the Kemerovo School of Rock Art (Short Review)

R. K. Maltsev, A. A. Maltseva

The activity of Yakov Abramovich Sher and Boris Nikolaevich Pyatkin on the study of rock art monuments in the basin of the Middle Yenisei is analyzed. Various aspects of the personality of researchers, the contribution to the establishment of the Kemerovo Center for the Study of Rock Art Monuments are considered. The issues of the personality of researchers and their activities on the monuments of rock art are considered. The main characteristic of the work focuses on the Kemerovo stage in the life of the above scientists. Their treasure in the development of the method of copying, indexing and preserving petroglyphs is noted, as well as the experience of international cooperation. The characteristic of the development of petroglyphology is given and Siberian Association of Prehistoric Art Researchers (SAPAR).

Keywords: Leningrad researchers, rock art, Y. A. Sher, B. N. Pyatkin, archaeology, Siberian Association of Prehistoric Art Researchers.

Мальцев Роман Константинович

магистрант 2-го года обучения
кандидат исторических наук
Кемеровский государственный университет
e-mail: mrk1992@mail.ru

Maltsev Roman Konstantinovich

Graduate student 2nd year
Candidate of Sciences (History)
Kemerovo State University
e-mail: mrk1992@mail.ru

Мальцева Анастасия Анатольевна

магистрант 1-го года обучения
Кемеровский государственный университет
e-mail: orehova1998@bk.ru

Maltseva Anastasia Anatolievna

Graduate student 1st year
Kemerovo State University
e-mail: orehova1998@bk.ru

УДК 930:902(571.52)

К вопросу об историографии археологических исследований на территории Тувы

С. В. Серээдар

Тувинский государственный университет, Кызыл, Россия

В историографии проблемы можно выделить следующие основные этапы: дореволюционный (вторая пол. XIX в. – первая четверть XX в.); советский (1-й этап – 1921–1944 гг.; 2-й – 1944 – конец 1980-х гг.); современный (1990-е гг. – начало XXI в.).

Вторая пол. XIX – начало XX в. – накопительный этап. В этот период Туву посещают русские исследователи с целью изучения природы, описания хозяйства и быта местного населения. С учетом этих интересов в научной литературе появляются первые сведения об археологическом наследии региона.

Накопительный этап характеризуется исследованиями Г. Ф. Миллера [1937], Г. Н. Потанина [1883], А. В. Адрианова [1988], Д. А. Клеменца [1886].

В 1894–1898 гг. в плане археологического изучения края А. В. Адрианова привлекали видимые памятники. Им было раскопано множество курганов, изучены рунические надписи и наскальные рисунки. Полевой дневник ученого представляет основную и достоверную информацию о проведенных исследованиях в 1915–1916 гг. в Урянхайском крае, дает богатейший научный материал по истории и культуре Тувы от скифского времени до начала XX в. [Адрианов, 1988].

Последователем А. В. Адрианова был Д. А. Клеменц, начавший сбор сведений о древних городах Тувы. Он впервые зафиксировал и сделал научное описание городищ на территории Тувы – на реках Ак-Суг, Манчурек, Чадаана, Барык, Чааты и оз. Тере-Холь, тем самым положив

начало их изучению. Им были также описаны курганы долины Уюка [Клеменц, 1886].

В 1910–1911 гг. путешествие в Туву и Северо-Западную Монголию совершил английский исследователь А. Д. Каррутерс. Главной целью экспедиции было географическое обследование региона, однако по ходу путешествия им были собраны некоторые сведения о встречаемых археологических памятниках. Он отметил, что археологические памятники Саглынской долины в Туве отличаются от памятников, которые встречались в Минусинской котловине [Каррутерс, 1914]. Однако в его сообщениях нет объяснения и никаких данных о локализации и группировке встречаемых им памятников. Саглынская долина еще половину столетия оставалась белым пятном на археологической карте.

Интересной в этой связи представляется деятельность царского чиновника особых поручений при Министерстве земледелия в Урянхайском крае в 1914 г. С. Р. Минцлова. Результаты своих исследований он опубликовывал в газетах и в археологическом издании [Минцлов, 1916]. Кроме этого, он составил археологическую карту, на которой были нанесены курганы, городища, медные копи древних плавильных печей, каменные фигуры.

В целом в дореволюционной историографии преобладали работы описательного характера, содержащие разрозненные и фрагментарные сведения по археологическим памятникам. Но собранные исследователями полевые материалы имеют важное источниковедческое значение. Также хотелось бы отметить, что практически все экспе-

диции и работы того времени носили комплексный и многоплановый характер.

Новый этап в историографии вопроса приходится на период существования Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.). Существенный вклад в изучение истории тувинцев внесли первые советские комплексные археологические и историко-антропологические экспедиции (1926, 1927 и 1929 гг.) с целью комплексного исследования и изучения данной территории.

Так, в 1926, 1927 и 1929 гг. группа исследователей под руководством археолога С. А. Теплоухова занималась раскопками в Центральной Туве. Участниками этой экспедиции в курганах Улуг-Хемской котловины были раскопаны 160 различных памятников, найдены древние орудия земледелия. С. А. Теплоухов разработал сплошную периодизацию археологических культур от энеолита до развитого средневековья Сибири. При создании этой, основополагающей для южно-сибирской археологии, периодизации исследователь опирался на «классические», по его выражению, работы В. В. Радлова. Нужно отметить, что первые исследователи археологических памятников скифского времени Тувы не могли дать более или менее полную их классификацию, так как не располагали в то время достаточным количеством материалов. С. А. Теплоухов предварительно назвал памятники этого времени «относящимися к эпохе, предшествующей так называемому великому переселению народов». К сожалению, не все материалы полевых изысканий были опубликованы при жизни автора, и лишь впоследствии, в 1964 г., они нашли отражение в первом томе «Истории Тувы» [1964, с. 25, 40].

Следует отметить фундаментальный труд известного путешественника и исследователя Центральной Азии Г. Е. Грумм-Гржимайло «Западная Монголия и Урянхайский край», издание которого окончательно было завершено в 1930 г. В нем содержится богатый фактический материал, большое количество разнообразных источников (письменных, археологических, антропологических, этнографических), приведены подробные примечания по археологическим памятникам [Грумм-Гржимайло, 1914].

Необходимо отметить заслуги директора Тувинского государственного музея (ныне Национальный музей Республики Тыва им. шестидесяти богатырей – НМРТ) Д. В. Данзын-оола и научного сотрудника Н. М. Богатырева, благодаря которым музей стал научным центром республики. В 1941–1949 гг. ими проводились целенаправленные полевые изыскания по поиску и изучению археологических памятников. Отчеты по результатам работы экспедиций хранятся в рукописном фонде Национального музея Республики Тыва и представляют огромную ценность [Данзын-оол, 1946; Богатырев, 1959].

Таким образом, в период Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.) изучение истории Тувы, благодаря экспедициям советских ученых, было поставлено на научную основу. Ими были заложены научные основы проблем археологии, проводились полевые работы по сбору археологических и историко-этнографических материалов.

Особенно широкий размах и глубину приняли историко-археологические исследования, материалы которых, в сочетании с письменными, этнографическими и антропологическими данными, послужили основой обобщающих трудов по истории древнего населения Сибири, его культуре и быту, этногенезу. Л. Р. Кызласов разработал периодизацию древней и средневековой истории Тувы, установил время существования енисейской рунической письменности [Кызласов, 1958]. Он опирался как на собственные материалы, так и на археологические коллекции из Тувы, хранящиеся в Государственном Эрмитаже, музеях Томска и Минусинска [Кызласов, 1979].

В 1950-е гг. С. И. Вайнштейном были опубликованы его первые работы по археологии Тувы, которые имеют большое научное значение. Так, ученый, основываясь на

новых археологических данных, пришел к выводу, что Тоджинский район был заселен еще в глубокой древности. Исследователь занимался и разработкой хронологии памятников скифского времени в Туве [Вайнштейн, 1966]. Материалы могильника, расположенного у горы Казылган, С. И. Вайнштейн выделил в особую «культуру», которую назвал «казылганской». В результате было получено представление о некоторых деталях погребального обряда и типах курганов Тувы V–III вв. до н. э. Результаты своих исследований С. И. Вайнштейн изложил в статье «Средневековые оседлые поселения и оборонительные сооружения в Туве» [1959].

Памятники древней металлургии и ирригации Южной Сибири стали объектом научного изучения Я. И. Сунчугашева [1969].

Уйгурский период в истории Тувы получил достаточное освещение в трудах отечественных ученых-тувиноведов. К ним можно отнести: С. Г. Кляшторного, И. У. Самбу [Кляшторный, Самбу, 1971], С. И. Вайнштейна [1958], А. Д. Грача [1971], М. Х. Маннай-оола [1971].

Значительный вклад в изучение истории и археологии тюркоязычных народов Южной Сибири, Саяно-Алтая, в том числе и Тувы, был сделан В. П. Дьяконовой. Ею исследованы памятники гунно-сарматского времени и позднего средневековья. Среди ее более чем 60 публикаций погребальный обряд тувинцев представлен как историко-этнографический источник [1975].

В 1965–1985 гг. развернула свои исследования одна из крупнейших в стране Саяно-Алтайская археологическая экспедиция Института археологии АН СССР под руководством А. Д. Грача, позднее – С. Н. Астахова. Главной целью экспедиции было всестороннее исследование памятников древней истории Центральной Азии, расположенных в зоне будущего водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС в Туве и Саянском каньоне Енисея.

Одним из плодотворных итогов деятельности Саяно-Алтайской археологической экспедиции явилось издание серии научных трудов по археологии Тувы.

В 1976 г. вышла монография М. А. Дэвлет «Петроглифы Улуг-Хема». Автор определяет хронологические рамки наскальных изображений Мугур-Саргола, семантику и их место среди петроглифов Верхнего Енисея [Дэвлет, 1976].

Значительный вклад в изучение археологии Тувы внес М. Х. Маннай-оол [1964]. На основе изучения комплексных источников автор с современных научных позиций исследует проблемы происхождения и формирования одного из древнейших тюркоязычных этносов, населяющих Центральную Азию и Саяно-Алтайское нагорье. Для исследования данной проблемы автор широко использует археологические материалы, собранные различными экспедициями на территории Тувы [Маннай-оол, 2004].

Таким образом, в советский период в историографии вопроса были сделаны значительные успехи – создана широкая источниковедческая база, изданы фундаментальные научные труды по археологическим памятникам Тувы.

На современном этапе первым наиболее полным трудом по систематизации археологических памятников стал «Свод археологических памятников Республики Тыва», подготовленный И. У. Самбу при активном содействии и помощи таких ученых, как: Ю. Л. Аранчын, М. Х. Маннай-оол, Ч. Ч.-Д. Ондар, В. И. Кудрявцев [Самбу, 1944]. Несомненный интерес представляет статья В. И. Кудрявцева «Древние сельскохозяйственные орудия Центральной Тувы» [2004], в которой проанализированы найденные автором каменные зернотерки и мотыги, датированные приблизительно эпохой бронзы.

*Научный руководитель – Т. В. Люндун
канд. ист. наук, доцент,
кафедра всеобщей истории, археологии и документоведения,
Тувинский государственный университет*

Список литературы

- Адрианов А. В. Путешествие на Алтай за Саяны, совершенное в 1881 году // Записки РГО по общей географии. СПб., 1988. Т. 2. 407 с.
- Богатырев Н. М. Рождение краеведческого музея // Тувинская правда. Кызыл, 1959. 6 сентября. С. 1–4.
- Вайнштейн С. И. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского ТНИИЯЛИ в 1956–1957 гг. // УЗ. ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1958. Вып. VI. С. 217–237.
- Вайнштейн С. И. Средневековые оседлые поселения и оборонительные сооружения в Туве // УЗ ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1959. Вып. 7. С. 260–274.
- Вайнштейн С. И. Памятники Кызылганской культуры // Тр. ТКЭАН. М.; Л.; Кызыл, 1966. Т. II. С. 143–184.
- Грач А. Д. Новые данные о древней истории Тувы // УЗ ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1971. Вып. XV. С. 93–106.
- Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Описание природы этих стран. СПб., 1914. Т. I. 569 с.
- Данзын-оол Д. В. Сведения о старинных памятниках на территории Тувинской автономной области // Рукописный отдел НМРТ. Кызыл, 1946. Д. 101.
- Дьяконова В. П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975. 164 с.
- Дэвлет М. А. Петроглифы Улуг-Хема. М., 1976. 120 с.
- История Тувы / отв. ред. Л. П. Потапов. М., 1964. Т. I. 412 с.
- Каррутерс А. Д. Неведомая Монголия. Петроград, 1914. (Т. I. Урянхайский край). 341 с.
- Клеменц Д. А. Древности Минусинского музея. Памятники металлургических эпох. Томск, 1886. 185 с.
- Кляшторный С. Е., Самбу И. У. Новая руническая надпись в Улуг-Хемском районе // УЗТНИИЯЛИ. Кызыл, 1971. Вып. 15. С. 245–249.
- Кудрявцев В. И. Древние сельскохозяйственные орудия Центральной Тувы // Состояние и освоение природных ресурсов Тувы и сопредельных регионов ЦА. Геоэкология природной среды и общества. Кызыл, 2004. С. 167–175.
- Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы // Вестн. Моск. ун-та. Серия ист.-филол. М., 1958. № 4. С. 71–99.
- Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: МГУ, 1979. 208 с.
- Маннай-оол М. Х. Археологические памятники Тувы. Кызыл, 1964. 46 с.
- Маннай-оол М. Х. Археологическое изучение Тувы. Кызыл, 1971. Вып. 15. С. 107–111.
- Маннай-оол М. Х. Тувинцы: Происхождение и формирование этноса. Новосибирск: Наука, 2004. 164 с.
- Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1937. Т. 1. 630 с.
- Мицилов С. Р. Памятники древности в Урянхайском крае. Петроград: Тип. Имп. Акад. наук, 1916. 27 с.
- Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883. Ч. 3. 392 с.
- Самбу И. У. Свод археологических памятников. Кызыл, 1944. 191 с.
- Сунчугашев Я. И. Горное дело и выплавка металлов в древней Туве // МИА. М., 1969. № 149. 140 с.

On the Issue of Historiography of Archaeological Research in Tuva

S. V. Sereedar

The archaeological history of Tuva is diverse and multifaceted. Currently, the archaeological science of Tuva faces difficult tasks: the excavations of the Sayano-Tuva archaeological expedition are continuing, and the excavations of the Tunnug mound are no less important for science. This article aims to briefly consider the main stages of studying the archaeological sites of Tuva, to characterize them, to consider the main features of different periods. During the entire period, a large number of Russian and foreign scientists were engaged in the study of various archaeological cultures of Tuva and the collection and systematization of data about them. An analysis of the activities of researchers from different periods of studying the antiquities of Tuva is given. Special attention is paid to the works of Tuvan scientists.

Keywords: Archaeology, Tuva republic, archaeological sites, expeditions, historical sciences, Historiography.

Серээдар Санчайжэп Валерьевич

студент 4-го курса
Тувинский государственный
университет
e-mail: sereedar00@mail.ru

Sereedar Sanchaizhap Valerievich

Student 4th year
Tuva State University
e-mail: sereedar00@mail.ru

УДК 904(-21)(574)"653"

История исследования города Сарайчик

А. Р. Мухаметзянов

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан

Сарайчик – город с богатой историей жизни и не менее богатой историей изучения. Ставка ханов Золотой и Ногайской орды – один из важнейших пунктов культуры, торговли, ремесел. Удобнейшее географическое расположение вкупе с древней историей развития этого края, начиная от скифо-сарматской, заканчивая казахской, делает его крайне интересным объектом для исследований, что и подтверждается практически 200-летней историей изучения.

Наиболее ранним упоминанием Сарайчика считается информация Ибн Баттуты в его труде «Путешествие в Дешт-и-Кыпчака», где он указывает на этимологию слова «Саражук», что означает не что иное, как «маленький Сарай». А также достаточно интересно, что Ибн Баттута отметил наличие в Сарайчике понтонного моста, как в Багдаде [Прошлое Казахстана ... , 1935, с. 73].

Интересным представляется вопрос о том, как давно был построен Сарайчик. Так, например, археолог С. П. Толстов считал, что город был построен в X–XII вв. хорезмскими заключенными на пути торговых сообщений [Труды Хорезмской экспедиции ... , 1958, с. 14]. Домонгольских слоев, однако, не найдено, при этом З. Самашев не отрицает возможности нахождения более раннего слоя,

так, например, он указывает на находки очагов и лепной керамики кипчакского облика [Тасмагамбетов, Самашев, 2001, с. 56–57]. Окончательная датировка Сарайчика является вопросом дискуссионным. Несмотря на то что З. Самашев в своей работе говорит о находках конструкций XIII в. [Там же, с. 56], исследователь А. Пачкалов ставит под сомнение этот факт, отмечая отсутствие среди находок монет, датируемых периодом ранее правления хана Токты [Пачкалов, 2007, с. 309]. При этом он же выдвинул предположение о том, что Сарайчик был построен не ранее 1320-х гг. [Пачкалов, 2003].

Из вышесказанного можно понять, что при датировке основания Сарайчика следует очертить наиболее позднюю (1330 г.) и наиболее раннюю (XIII в.) границу; таким образом, Сарайчик – город постройки XIII–XIV вв. В данном случае сложно судить точно, какая точка зрения ближе к истине. Мог ли Сарайчик с 1320 г. превратиться в нечто достаточно серьезное, чтобы его в своем труде отметил Ибн Баттута? Достаточно ли были темпы роста похожих городов того времени, насколько быстро шло заселение и строительство? Ведь, судя по карте 1340-х гг. итальянца Фра Мауро, применяя компаративный анализ с современ-

ным ландшафтом, можно предположить, что длина Сарай-джука с запада на восток была более 2 км, а ширина свыше 600 м [Тасмагамбетов, Самашев, 2001, с. 59]. На эти и другие вопросы, вероятно, еще предстоит ответить. Однако в данной статье такой задачи не стоит, и эти вопросы стоит оставить как часть лежащей на плечи историографии проблемы.

Говоря о начале системного исследования городища Сарайчик, обычно упоминают посетившего развалины в 1769 г. Петра Симона Палласа. В своем сообщении он упоминает о переселении местных жителей в Хиву, а также отмечает, что вал со рвом еще виден и в окружности имеет до пяти верст (5,3 км). Описывая развалины, он говорит о массивных сводах, делая вывод, что, по всей видимости, Сарайчик был представлен массивными строениями, а сохранившиеся «кирпичи» достаточно крупные. И в целом заключает, что теперь от города практически ничего не осталось, только куски ценной (майоликовой) посуды, расписанные голубой, желтой и белой краской. От железных изделий не осталось почти ничего. При этом им были обнаружены серебряные и медные монеты. А в захоронениях, которые обкладывались кирпичом, находилось иногда «достойные примечания вещицы» [Боркин, Ганнибал, Голубев, 2014, с. 148–149]. На мой взгляд, достойны упоминания отмеченные Палласом «могилы, обложенные кирпичом»; вероятно, имеются в виду склепы «корхана», которые на самом деле представляют собой сооружения из обожженного кирпича [Тасмагамбетов, Самашев, 2001, с. 72]. Склепы, обнаруженные в Сарайчике, таким образом, являются наиболее ранними, а семейный характер захоронений [Кожа, Амантуров, 2019, с. 86] говорит о генетической наследственности традиции захоронения в склепах в Казахстане.

О Сарайчике также писал и исследователь П. Рычков. Он рассматривал его, в первую очередь, как некий призрак былого величия и упоминал его несколько раз, в основном как географическую привязку. Однако, в отличие от Юля, Герберштейна или Мухаммед Хайдара, которые говорили о Сарайчике лишь как о части общей степной географии [Прошлое Казахстана ... , 1935, с. 87, 96, 124], П. Рычков оставил для нас еще и этнографическое свидетельство в поэтической форме:

Сарайчиковские напевы
Гусиному клетку подобны,
Ногайлинские девушки так щедры,
что жаждущему воду-мед подают
[Тасмагамбетов, Самашев, 2001, с. 73].

Сарайчик также упоминал и А. И. Левшин в своей работе «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей», а также Н. К. Карамзин в «Истории государства Российского» и др. В 1834 г. Сарайчик посетил Ф. Гёбель [Гёбель, 1835].

В 1861 г. раскопки Сарайчика проводил штабс-капитан А. Е. Алексеев. В своем отчете он рассказывал о ходе проведения раскопок. Так, например, среди прочего он упомянул особенную святость Сарайчика для местного населения, в особенности его частей, огражденных Джангир-ханом, из-за чего у А. Е. Алексеева возникли трудности с наймом рабочих для проведения раскопок. Им были разрыты несколько склепов и были обнаружены гробницы, залитые известью [О развалинах татарского ... , 1867, с. 2]. А. Е. Алексеев также описал внутреннее строение цитадели, указав на высокое качество кирпича, из которого она была выстроена; описал семейный склеп; найденную разбитую посуду; отметил развалины башни и находки в виде серебряных монет [О развалинах татарского ... , 1867, с. 5–6].

Важный вклад в исследование Сарайчика уже в XX в. внес Н. К. Артюзов. Под его непосредственным руководством были проведены полевые исследования на ряде участков городищ, и уже тогда им было отмечено непре-

рывное разрушение прежней береговой линии реки, что, в свою очередь, ведет к утрате городища Сарайчик и делает затруднительным топографическое ориентирование на интересующем памятнике [Тасмагамбетов, Самашев, 2001, с. 59].

В послевоенное время проблематикой г. Сарайчик занялся А. Х. Маргулан, который отмечал важность скорейшего исследования развалин в связи с беспрепятственным размыванием его культурных напластований р. Урал. Также А. Х. Маргулан констатировал то, что река фактически уже подошла к центру города [Там же]. И. Тасмагамбетов и З. Самашев в своей работе отметили необходимость изучения Сарайчика как опорного памятника культуры для исследования начального периода становления казахской государственности, а также культурного наследия города [Там же, с. 60].

Среди позднейших находок можно выделить большое количество разнообразных монет, например, с отрывками из поэмы Юсуфа Баласагуни, а также уже упомянутые монеты периода правления хана Тохты и монеты крымских ханов. Все эти находки были сделаны экспедицией З. С. Самашева.

К сожалению, проблематика исследования городища стоит все также остро, во многом это связано с тем, что большое количество материалов различных экспедиций, как, например, А. Х. Маргулана, до сих пор не были опубликованы и в полной мере обработаны, помимо этого большая масса находок, сделанная в разное время разными экспедициями, представляет собой разрозненные группы в отдельных фондах отдельных музеев, что затрудняет комплексное исследование всего имеющегося материала.

Несмотря на то что с конца XX – начала XXI в. под руководством З. Самашева проводятся исследования Сарайчика, многие материалы также остаются неопубликованными, и на сегодняшний день в Казахстане и за его пределами не существует ни одной развернутой монографии по вопросу исследования Сарайчика, компиляции имеющихся о нем данных и так далее. Работа же И. Тасмагамбетова и З. Самашева представляет лишь материалы, полученные в ходе исследований, проводимых Западно-Казахстанской археологической экспедицией, и общее описание исследуемого вопроса. По сути, на сегодняшний день Сарайчик является скорее часто упоминаемым, чем специально исследованным, ведь до сих пор не существует подробных монографий либо статей с анализом архитектуры города, его внутреннего устройства, его облика. Если говорить о Сарайчике, зачастую встречается гораздо больше этнографического материала, нежели археологического. Сложно ставить подобное положение вещей в вину кому-то, очевидно и понятно, что крайне сложно переработать и скомпилировать такое огромное количество различного материала: письменные и археологические источники, материалы экспедиций, поездок, путешествий, описание географии и топографии местности, сложнейший вопрос нумизматики. Все это требует привлечения огромного количества человеческого ресурса, при этом высококвалифицированного. Это же, конечно, не всегда представляется возможным. На мой взгляд, важным шагом будет применение новейших компьютерных технологий для реконструкции Сарайчика с целью сохранения его первозданного вида, хотя бы как 3D-модели, это один из немногих шансов не допустить второй смерти Сарайчика.

*Научный руководитель – Т. В. Брынза
магистр, ст. преподаватель,
кафедра археологии и этнологии,*

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева

Список литературы

Боркин Л. Я., Ганнибал Б. К., Голубев А. В. Дорогами Петра Симона Палласа (по западу Казахстана). СПб. ; Уральск : Евразийский союз ученых, 2014. 312 с.

Гёбель К. Обзор путешествия профессора Гебеля в степи Южной России в 1834 году // Журнал Министерства народного просвещения. 1835. Ч. 6. № 6. С. 516–546.

Кожан М. Б., Амантуров М. К. О захоронениях в склепах Казахстана // Народы и религии Евразии. 2019. № 1 (18). С. 81–90.

О развалинах татарского города Сарайль-Джадита // Уральские войсковые ведомости. 1867. 23 июля (№ 30). С. 2–7.

Пачкалов А. В. Время возникновения города Сарайчука: нумизматические и археологические материалы, письменные источники // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Пермь, 2003. С. 171.

Пачкалов А. В. Новые книги по археологии и нумизматике городища Сарайчик // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. № 1. С. 308–315.

Прошлое Казахстана в источниках и материалах / под ред. С. Д. Асфендиарова, П. А. Кунте. Алма-Ата: Казах. Краев. изд-во, 1935. 291 с.

Тасмагамбетов И., Самашев З. Сарайчик // Алматы: Берел, 2001. 320 с.

Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции / Под ред. С. П. Толстова и Т. А. Жданко. М.: АН СССР, 1958. Т. 2. Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции. 1949–1953. 811 с.

Research History of Ancient City of Saraychik

A. R. Mukhametzyanov

In the article, based on the available materials of archaeological excavations, the author examines the history of the study of the city of Saraichik, and considers written sources, ethnographic materials, notes, etc., preserved about the city. The author highlights the most important milestones in the study of the city. Among other things, the author paid attention to the discussion about the date of the city's foundation. The article focuses on the most remarkable features of the settlement, which were noticed by researchers and authors who wrote about Saraichik. The author notes the importance of studying the city of Saraichik in the shortest possible time, due to the influence on the archaeological strata of the Ural River. Overall, the article is an attempt at compilation to draw attention to the low level of exploration of the settlement with an almost 200-year history of its study. At the same time, the problem of the lack of large-scale research works on the issue is noted, the probable reasons, possible solutions are named.

Keywords: Saraichik, city, research, Historiography, Archaeology, Ethnography.

Мухаметзянов Артур Робертович

студент 2-го курса

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева

e-mail: artur.mukhametzyanov.01@mail.ru

Mukhametzyanov Artur Robertovich

Student 2nd year

L. N. Gumilyov

Eurasian National University

e-mail: artur.mukhametzyanov.01@mail.ru

УДК 903/904(571.5)

Древняя и традиционная культура народов Енисейской Сибири глазами иностранных путешественников XXI века (на примере поездки Жана Клотта в 2010 г.)

Д. С. Арсеньева

Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, Красноярск, Россия

Сибирь издавна привлекала внимание европейских исследователей не только своими природными богатствами и ресурсами, но и самобытной культурой населявших ее народов, их древней историей. Начиная со Средневековья ученые собирали сначала опосредованные данные, а затем уже начали совершать путешествия в эту загадочную и неизведанную для них местность. Первые сообщения иностранцев о Сибири появились еще в XIII в. (Плано-Карпини, Марко Поло, др.), однако не все из них были точными. Например, «сведения, полученные Карпини ... не отличаются ни отчетливостью, ни подробностью; он воспроизводит услышанные им восточные сказки, смешивая их с европейскими средневековыми преданиями, восходящими к античной литературе» [Алексеев, 1941, с. 4–5]. Таким образом, на начальном этапе изучения Сибири большое воздействие на путешественников оказывали мифы и сказания. Первые научно-исследовательские экспедиции начали снаряжаться в период Нового времени. «Сибирские известия западноевропейских ученых и путешественников XVIII века отличаются от материалов предшествующих столетий не только количеством, но и качеством. Они... более основательны и глубоки... эмпирический характер подбора материала и фактов (при котором... грань между сказочным, фантастическим и достоверным стирается) сменяется систематизацией» [Зиннер, 1968, с. 5–6]. Участниками сибирских академических экспедиций были Д. Г. Мессершмидт, П. С. Паллас и др. Традиция привлечения иностранцев к изучению Сибири продолжилась и в XIX, и в XX вв. Следующий виток активизации международных связей России, в том числе и в области науки, зародился в 1990-е гг., а XXI в. продолжил эту тен-

денцию. Несмотря на длительную историю изучения традиционной культуры народов Сибири, данный регион для многих зарубежных исследователей до сих пор остается «Терра incognita» – неизвестной землей. Поэтому Сибирь интересует иностранных специалистов в рамках различных наук. Привлекает она и археологов. На просторах Енисейской Сибири есть колоссальный материал для исследования, изучение которого продолжается и в XXI в.

Один из примеров новейшего археологического исследования Енисейской Сибири – путешествие француза Жана Клотта, совершенное в 2010 г. Ж. Клотт (1933 г. р.) начал заниматься археологией в 1959 г. Вначале он увлекался спелеологией, а позже, обнаружив наскальные рисунки в одной из пещер Франции, воодушевился на подробное изучение пещерного искусства. Результатом его научных поисков стали более 20 книг, посвященных творчеству древних людей. Не удивительно, что в какой-то момент его должна была заинтересовать Сибирь – регион, также знаменитый древним наскальным искусством. Ж. Клотт уделял внимание изучению причин появления пещерного искусства, фокусировался на его социальном и психологическом контекстах. Также он считал, что шаманизм тесно связан с древним наскальным искусством. Специфика научных интересов Ж. Клотта привела его в Енисейскую Сибирь. Основной целью поездки являлась съемка материалов для научно-популярного фильма о древнем наскальном искусстве региона и сибирском шаманизме, в контексте которой он надеялся получить научную информацию о сибирских петроглифах, посетив наиболее интересные объекты; – непосредственно познакомиться со спецификой шаманских обрядов.

Поездка Ж. Клотта по Туве, Хакасии и Красноярскому краю была совершена в период с 27 июня по 12 июля 2010 г. по маршруту: Кызыл – Шушенское – Минусинск – Красноярск – Богучаны – Мотыгино – Красноярск. Экспедиция состояла из 7 человек, в состав ее входили, кроме съемочной группы, сам Жан Клотт, переводчик, тувинский шаман Лоза, в качестве научного консультанта – красноярский археолог А. Л. Заика. Программа путешествия была насыщенной, а время – ограниченным, и поэтому каждый день поездки был наполнен интенсивными событиями. 27 июня команда посетила сеанс шаманского камлания в Кызыле. 28 июня были осмотрены рисунки писаницы Баян-Кол, расположенной в 4 км от г. Кызыл. Далее, выехав из Тувы, на следующий день группа прибыла в пос. Шушенское, где на берегу р. Оя 30 июня были исследованы рисунки на писанице Ленковой горы, выполненные красной охрой. К сожалению участников экспедиции, в ходе осмотра писаницы было выявлено, что она находится в критическом состоянии, в том числе из-за того, что многие рисунки были плотно покрыты современными надписями посетителей. 1 июля команда двинулась в устье р. Туба, где посетила писаницы Суханиха и Моисеиха. Ж. Клотта более всего заинтересовал «Большой фриз» на Суханихе – изображения животных различных периодов, от эпохи ранней бронзы до средневековья [Наскальное искусство ... , 2007, с. 84–101]. На следующий день участники путешествия прибыли к писанице Бычиха. На писаницах двух гор – Суханихи и Бычихи – Жан Клотт нашел ранее не выявленные изображения животных, что очень обрадовало исследователя. 3 июля была осмотрена Шалаболинская писаница, точнее первые четыре ее участка, но основная группа архаичных петроглифов не выпала из внимания. 4 июля группа посетила грот Проскуракова, изучив там изображения антропоморфных личин эпохи бронзового века, а на следующий день познакомилась с различными аспектами хакасского шаманского обряда, проведенного Т. В. Кобежиковой. Первую половину 6 июля команда провела в Красноярске и с целью дальнейших исследований памятников наскального искусства вечером выехала на Ангару. 7 июля были осмотрены рисунки на писанице Манзя, где Ж. Клотта заинтересовало изображение шамана эпохи бронзы. 8 июля, после знакомства с наскальными рисунками писаницы Ивашкин Ключ, большое время было уделено сюжетам писаницы Каменка, где тувинским шаманом Лоза был проведен обряд, в котором участвовал и сам Жан Клотт. В оставшиеся дни, двигаясь на катере вниз по Ангаре, члены команды посетили писаницу на утесе в д. Рыбное и каменное изваяние в устье р. Тасеева. Осмотрев

Ancient and Traditional Culture of the Peoples of Yenisei Siberia through the Eyes of Foreign Travelers of the 21st Century (on the Example of Jean Clottes' Journey in 2010)

D. S. Arseneva

This article focuses on Jean Clottes' journey in Yenisei Siberia in 2010 as an example of exploration of Yenisei Siberia by foreign travelers. This paper describes his traveling, its route, the monuments that were visited by him and his crew, includes information about Jean Clottes' biography, his previous studies, and significant aspects of his trip to Siberia. Various monuments of rock art are also described in this article. Furthermore, this paper contains reasoning about the causes of the foreign travelers' interest in exploration of Yenisei Siberia, especially in contemporary history. This article has a purpose of representing ancient and tradition culture of the peoples of Yenisei Siberia through the eyes of foreign travelers to point out the characteristics of foreign researches on Siberian archaeology.

Keywords: archaeology, Yenisei Siberia, rock art, Jean Clottes, foreign travelers, contemporary history.

Арсеньева Дарья Сергеевна

студент 2-го курса

Красноярский государственный педагогический

университет им. В. П. Астафьева

e-mail: dasharsen@gmail.com

самую северную в Азии антропоморфную скульптуру и получив массу впечатлений и научной информации, Жан Клотт с удовлетворением отметил, что это самый достойный подарок в честь его 77-летия. 11 июля участников экспедиции ждала экскурсия в Музей археологии и этнографии КГПУ им. В. П. Астафьева, знакомство с археологическими и этнографическими коллекциями. На следующий день после обсуждения результатов поездки французская делегация вылетела из Красноярска через Москву в Париж.

Как можно заметить, программа путешествия была масштабной, а сама поездка проходила в интенсивном режиме: на изучение одного памятника отводилось не более одного дня, а иногда за один день приходилось посетить несколько писаниц. Тем не менее Ж. Клотт и его команда отсняли материал о наскальном искусстве Енисейской Сибири, а также непосредственно познакомилась с шаманскими обрядами, которые также представляли для Ж. Клотта особый научный интерес. Его задачей было пополнить сведения о древней культуре Сибири, которая еще не освещалась в его работах. Несмотря на то что в его книгах уже присутствовали многочисленные материалы о наскальном искусстве Африки, Азии, Европы, Америки и даже Океании, о Сибири он был осведомлен недостаточно хорошо [Clottes, 2002; и др.].

Надеемся, что после его путешествия по просторам Тувы, Хакасии и Красноярского края, ознакомления с шедеврами наскального творчества международное научное сообщество получит возможность ближе познакомиться с культурными достижениями древних сибиряков на примере их монументальных художественных творений, по новому откроет для себя Енисейскую Сибирь.

Научный руководитель – А. Л. Заика

канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории,

директор, Музей археологии и этнографии,

Красноярский государственный педагогический университет

им. В. П. Астафьева

Список литературы

Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. XIII–XVII вв. Иркутск : Иркут. обл. изд-во, 1941. 677 с.

Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. 250 с.

Наскальное искусство Среднего Енисея / Е. С. Аннинский, А. Л. Заика, Б. А. Ампилогов, М. В. Баранов, Ю. В. Злотя, К. А. Коган, В. А. Пургин. Железногорск, 2007. 224 с.

Clottes J. World Rock Art. Los Angeles : Getty Trust Publications, 2002. 140 p.

Arseniva Daria Sergeevna

Student 2nd year

Krasnoyarsk State Pedagogical University

named after V. P. Astafiev

e-mail: dasharsen@gmail.com

Археологические исследования Восточной Сибири в «Известиях ВСОИРГО»

О. Р. Рахматуллина

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

«Известия Восточно-Сибирского отделения Русского Географического Общества» являются основным и важнейшим источником среди периодических изданий при изучении истории археологических исследований региона. С открытием в г. Иркутске Сибирского отдела Русского географического общества в 1851 г. исследовательская деятельность заметно оживилась. Уже с 1856 г. отдел начал издавать «Записки СОИРГО». В них публиковались научные труды местных исследователей, отчеты о проведенных экспедициях, различные краеведческие статьи. Но главное место в «Записках» занимали протоколы научных заседаний. С 1870 г. вместо «Записок» стали издаваться «Известия ВСОИРГО», которые после событий 1920-х гг. были переименованы в «Известия ВСОИРГО» и выпускались до 60-х гг. XX в.

Большую часть сведений, обнаруженных в этом источнике, можно разделить на несколько категорий: данные об экспедициях; протоколы заседаний общества; статьи исследователей; некрологи; прочие данные, к которым относятся сведения о выдаче открытых листов, данные об экскурсиях, информация о поступающих в библиотеку книгах и рукописях.

Данные об экспедициях. Выпуски «Записок» и «Известий» второй половины XIX в. были ориентированы в основном на публикацию трудов по общим исследованиям Восточной Сибири, включая в себя археологические, этнографические, географические и геологические изыскания. Например, в первом же томе «Записок» приводится статья И. П. Мордвинова «О древних развалинах, найденных около крепости Тунки в 1809 г.» [Записки СОИРГО, 1856, т. 1]. В ней, несмотря на приведенное описание развалин и информацию об их обследовании, еще не проводится черта между археологией и историей в целом. Подобная ситуация и во втором томе, где приводится сразу несколько статей о древностях: статья Юренского «Пещера и древние письмена на берегах речки Мангута (в Юго-Восточной Сибири)»; «О древних памятниках и могильных остатках аборигенов Забайкальской области, Верхнеудинского округа» Д. Давыдова [Записки СОИРГО, 1856, т. 2]. В них описываются памятники археологии, но прямого исследования не дается, однако специфика работы с древностями уже отмечается.

Со сменой власти в стране претерпели изменения и «Известия». Теперь там стали помещаться не только данные об уже проведенных мероприятиях и исследованиях, но и о будущих: «Планы касались исследовательских предприятий Отдела в районе Восточной Сибири и были выработаны по следующим исследовательским дисциплинам... по истории (изучение архитектурной и вещевой старины)» [Известия ВСОИРГО, 1924, т. 47]; «Г. П. Сосновский – в пределы Енисейской губ., на предмет археологических исследований»; «Б. Э. Петри – в район Косогола и Хархыла для производства археологических раскопок»; «В. И. Подгорбунский – в пределы Аларского аймака для археологических и этнографических изысканий»; «П. П. Хороших – на остров Ольхон (этнографические и археологические исследования)», «Секция этнологическая... Археологическое обследование края производилось членами секции: Б. Э. Петри производил исследования в долине р. Лены, где им выяснялся вопрос о распространении Байкальской культуры по долине этой реки, им же в Монголии и Прикосогольском районе производились об-

следования стоянок каменного периода, а также производились исследования памятников железного века; П. П. Хороших – на о-ве Ольхон и на Северо-Западном побережье Байкала; В. И. Подгорбунский – в районе Аларского аймака, где им были открыты доисторические стоянки; В. И. Сосновский – в долине р. Ангары у с. Суховского, исследовал стоянку неолитического периода... Г. Ф. Дебец – работал в долине реки Ангары и Абакана» [Там же].

Протоколы заседаний общества. Значительное место в «Записках» занимают протоколы заседаний Отдела. В них можно встретить данные о поступлении новых экспонатов в музей Отдела, переданных исследователями или частными лицами (к примеру, в музей было пожертвовано бронзовое изображение одного из божеств ламаистского верования [Записки СОИРГО, 1857, т. 3]): «...все археологические остатки будут передаваться в Отдел...»; «Доложено, что Член Отдела Н. М. Козьмин представил для напечатания в Известиях статью “Следы каменного века в долине р. М. Патом Олекминского округа” и коллекцию ископаемых костей и дерева, найденных при поисковых работах на р. М. Патом» [Известия ВСОИРГО, 1898, т. 29, № 1]; «Кроме материалов, принадлежащих ВСОИРГО и Научному музею, в витрине Отдела экспонировались предметы, принадлежащие П. П. Хороших и Б. Э. Петри» [Известия ВСОИРГО, 1924, т. 47].

В протоколах присутствует информация о заслушанных на заседаниях докладах, о статьях: «Из статей читаны были следующие... “Описание древних развалин, найденных близ Тункинской крепости” Члена-Сотрудника Мордвинова»; «Доложено о статье Члена-Сотрудника Мордвинова: “Древние развалины около крепости Тунки”, с приложением рисунка этих развалин» [Записки СОИРГО, 1857, т. 3].

Примечательно, что сведения о расходах совершенно случайным образом могут поведают о вскрытии или осмотре древних курганов, об издании трудов по археологии. Например: «Член-Сотрудник Кельберг уведомил отдел о получении им пятидесяти рублей серебром, выданных ему Отделом на расходы для добывания минералов Селенгинского края и вместе с тем для вскрытия курганов древних аборигенов той местности»; «Член-Сотрудник Кельберг известил Отдел, что во время своих обзоров около селенгинской степной думы, при осмотре древних курганов, он открыл в Сосновой пади новое месторождение селенгинской краски...» [Записки СОИРГО, 1863, т. 6]; «Доложено письмо И. Кузнецова, что сто рублей, ассигнованные им на издание рисунков к отчету Савенкова, он предлагает употребить на издание каких-либо трудов по археологии Сибири» [Известия ВСОИРГО, 1898, т. 29, № 2].

Статьи исследователей. С конца XIX в. в «Известиях» публикуют специальные статьи об археологических находках и исследованиях: Н. Виташевский – «Интересный экземпляр каменной стрелки, найденной в Якутской области» [Известия ВСОИРГО, 1899, т. 30, № 1]. Некоторые выпуски «Известий» носят специальный характер и предлагают читателю статьи по археологическим исследованиям в большом количестве: «Я. Н. Ходукин. Материалы к археологии реки Илима»; «А. Окладников. Неолитический могильник в местности Хапчагай»; «Г. М. Константинов. Археологические находки вблизи деревни Верхне-Метляево» [Известия ВСОИРГО, 1928, т. 53]; «Г. М. Константинов. К материалам по изучению Ангарского неолитического периода» [Известия ВСОИРГО, 1928, т. 53].

та»; «В. И. Подгорбунский. Раскопки в Горохово, окрестности Иркутска летом 1924 года» [Известия ВСОИРГО, 1928, т. 54].

В разделе «Библиография Сибири, Монголии, Манчжурии и Кореи» часто можно встретить сведения о трудах некоторых археологов: «Мостиц А. Следы каменного века в долине реки Селенги...» или «Савенков Ив. Каменный век в Минусинском крае...» [Известия ВСОИРГО, 1898, т. 29, № 2]; «Мелиоранский П. М. Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями» [Известия ВСОИРГО, 1900, т. 30, № 2, 3]. Обсуждается и тема составления обзора археологических исследований Восточной Сибири: «По поводу юбилея Д. А. Клеменц предложил составить обзор археологических исследований В. Сибири, если в план юбилейного издания Отдела войдут монографические очерки произведенных исследований по отдельным отраслям знания» [Известия ВСОИРГО, 1898, т. 29, № 1, с. 8–9].

Некрологи. Редким явлением, но все-таки относящимся к теме нашего исследования, можно считать некрологи об исследователях, размещенные в «Известиях»: «Н. Шукин – Александр Васильевич Григорьев. Некролог» [Известия ВСОИРГО, 1907, т. 38] и «Д. А. Клеменц – некролог» [Известия ВСОИРГО, 1914, т. 43].

Прочие данные. Определенное число сведений, к сожалению, не удалось выделить в отдельные категории. В числе прочих, например, приводятся данные об экскурсиях. Так, в 1897 г. в музее Отдела посетители заслушали объяснение коллекции каменного века, найденной Н. И. Витковским на берегу р. Китой [Известия ВСОИРГО, 1898, т. 29, № 3]. На страницах «Известий» ставятся и вопросы о выдаче открытых листов на проведение раскопок: «Должено отношение Императорской Археологической Комиссии с открытыми листами на право производства раскопок по линии жел. дороги от Иркутска до озера Байкала членам Отдела г.г. Меклеру, Овчинникову и Шмидту, которые Комитет испросил у Комиссии» [Известия ВСОИРГО, 1898, т. 29, № 1]; «Канцелярия Императорской Археологической Комиссии просит доставить сведения о результатах раскопок Ю. Я. Меклера и возвратить ей открытый лист» [Известия ВСОИРГО, 1901, т. 32, № 1–2].

Поднимается и вопрос об издании каталогов музея ВСОИРГО, среди которых предлагается к печати каталог доисторической археологии, составляемый М. П. Овчинниковым [Известия ВСОИРГО, 1898, т. 29, № 1]. Равным образом можно встретить и информацию о книгах по древностям или о рукописях, поступающих в библиотеку отдела. Например: «...доставление рукописей, в том числе “О древних памятниках и могильных остатках аборигенов Забайкальского края” Члена-Сотрудника Давыдова» [Записки СОИРГО, 1857, т. 4].

В «Известиях» за 1926 г. помещена информация об образовании работниками в области археологии, антропо-

логии и доисторической культуры секции Палеоэтнологической в феврале 1925 г. Далее приводятся сведения о заслушанных на собрании секции докладах и рефератах, в том числе об археологических разведках, материалах каменного века и о раскопках на Афонтовой горе летом 1924 г. Заслушиваются и рефераты о ряде новых книг по археологии [Известия ВСОИРГО, 1926, т. 49, вып. 2].

В юбилейном сборнике «Известий ВСОИРГО» приводится обзор деятельности Восточно-Сибирского отдела за 75 лет его существования (1851–1926 гг.), где были помещены обобщающие статьи о музее и палеоэтнологических исследованиях и достижениях ВСОИРГО за годы его работы [Известия ВСОИРГО, 1926, т. 50].

«Известия ВСОИРГО» – уникальный источник по истории археологических исследований Восточной Сибири. В результате изучения «Известий» сегодня мы имеем доступ к разнообразной информации, представленной категориями выше.

Использование «Известий» позволяет собрать достаточное количество материалов для написания исторической справки как о состоянии и развитии археологии в Иркутске, так и исследованности Восточной Сибири в целом (вторая половина XIX – первая четверть XX в.).

Широта охватываемых сфер деятельности Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества и полнота представленных сведений данным источником позволяет рассмотреть следующие стороны исследования: экспедиционную деятельность членов ВСОИРГО, направления научных изысканий специалистов, систематизацию накопленных материалов. Все это свидетельствует о высокой ценности и актуальности «Известий ВСОИРГО».

*Научный руководитель – Д. Л. Шергин
ст. преподаватель,
кафедра истории и методики,
Педагогический институт,
Иркутский государственный университет*

Источники

- Записки СОИРГО. Иркутск, 1856. Т. 1. С. 13.
Записки СОИРГО. Иркутск, 1856. Т. 2. С. 80–87.
Записки СОИРГО. Иркутск, 1857. Т. 3. С. 4–14.
Записки СОИРГО. Иркутск, 1857. Т. 4. С. 27.
Записки СОИРГО. Иркутск, 1863. Т. 6. С. 19.
Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1898. Т. 29. № 1. С. 3–15.
Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1898. Т. 29. № 2. С. 50–62.
Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1898. Т. 29. № 3. С. 3–24.
Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1899. Т. 30. № 1. С. 53–55.
Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1900. Т. 30. № 2, 3. С. 10.
Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1901. Т. 32. № 1–2. С. 30.
Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1907. Т. 38. С. 1–9.
Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1914. Т. 43. С. 5.
Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1924. Т. 47. С. 5–7.
Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1926. Т. 49. Вып. 2. С. 177.
Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1926. Т. 50. 143 с.
Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1928. Т. 53. С. 141–145.
Известия ВСОИРГО. Иркутск, 1928. Т. 54. С. 94–102.

Archaeological Research of Eastern Siberia in “Izvestia VSOIRGO”

O. R. Rakhmatullina

The purpose of the research is to study “Izvestia VSOIRGO” as a source on the history of archaeological research in Eastern Siberia. The article highlights the main categories of information found – data on expeditions, minutes of meetings of the society, articles by researchers, obituaries and other data. It is shown that this topic is widely and multifaceted covered in the selected source. The scientific novelty of the work lies in the approach to the study of the history of archaeological research in the region from the point of view of periodicals of the second half of the 19th – first half of the 20th centuries, reflects the uniqueness of this study. Izvestia allows us to consider the following aspects of research: expeditionary activities of members of the VSOIRGO, directions of scientific research of specialists, systematization of accumulated materials. As a result of the work, the importance of “Izvestia VSOIRGO” among the sources of periodicals was substantiated.

Keywords: Izvestiya VSOIRGO, Notes of SOIRGO, Eastern Siberia, archaeological research, periodicals, B. E. Petri, P. P. Khoroshikh, G. F. Debets.

Ракматуллина Олеся Рустамовна

студент 5-го курса

Иркутский государственный университет

e-mail: olesya_kharisova@mail.ru

Rakhmatullina Olesya Rustamovna

Student 5th year

Irkutsk State University

e-mail: olesya_kharisova@mail.ru

«Феномен оленных камней» Забайкалья: история изучения вопроса

М. Г. Золотарева, В. В. Макарова

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

Проблема интерпретации и хронологии памятников типа оленных камней является одной из актуальных для археологии бронзового и железного веков Забайкалья. Появление новых технологий работы с каменными стелами открывает перспективы для решения проблемы абсолютного датирования таких памятников, применение 3д-сканирования открывает возможности для широких корреляций. Данная работа представляет собой тезисный историографический обзор исследований, посвященных проблеме разных хронологических, культурных и семантических интерпретаций оленных камней. Основной целью авторов является формирование предварительного представления о степени изученности, основных проблемах и перспективах работы с памятниками типа оленных камней.

Согласно определению Н. Н. Дикова, данному им в монографии «Бронзовый век Забайкалья», оленные камни (от тюрк. «сын таш») – каменные столбы или плоские, вертикально врытые, плиты, на боковых гранях которых высечены стилизованные изображения оленей (иногда птиц или изображение животного отсутствует), различные знаки, к числу которых можно отнести круги с точками внутри, решетчатые прямоугольники, предметы воинского снаряжения (мечи, боевые топоры, луки), а также опоясывающие линии сверху и снизу [Диков, 1958, с. 43]. Как правило, стелы состоят из 4 граней со скошенным верхом.

Ареал распространения данных памятников довольно внушительный: от верховьев р. Амур на востоке до верховьев р. Эльба на западе. Чаще всего встречаются в степных районах Евразии, но наибольшая их концентрация приходится на Монголию.

Существует несколько классификаций «оленных камней», и на каждом из этапов изучения данных памятников за основу брался набор признаков: например, по внешнему облику [Потанин, 1881–1883]; связь с типами погребений культуры плиточных могил [Сосновский, 1934]. Классификация В. В. Волкова считается общепринятой и используется в настоящее время. В ее основу положены территориально стилистические различия, были выделены 3 типа: I тип – общеевразийский (без изображений животных); II тип – саяноалтайский (с реалистическими изображениями животных); III тип – монголо-забайкальский (с орнаментально-стилизованными изображениями оленей) [Волков, 1981, с. 102].

Вопрос о датировке оленных камней остается дискуссионным, так как существуют проблемы с абсолютным датированием памятников такого типа. Но большинство ученых склоняются к мнению, что данные памятники соотносятся со «скифо-сибирским миром», т. е. с началом бронзового века. Первым предположение выдвинул Г. И. Боровка в 1920 г. [Савинов, 1994, с. 9–10]. Так, изображения оленных камней «относятся не к бронзовому, а к железному веку и, следовательно, не могут быть древнее архаического периода в Скифии, а скорее даже позднее его». Хотя А. П. Окладников и Н. Н. Диков склонялись к более ранней датировке (в пределах скифского времени) [Там же, с. 9].

Оленные камни монголо-забайкальского типа считаются одновременно самыми древними и самыми поздними (с V в. до н. э.). В. В. Волков сравнил типологию карасукских предметов, изображенных на оленных камнях, и решил, что они относятся к первым векам I тыс. до н. э., при этом верхней границей можно считать середину

I тыс. до н. э. Однако и вторую точку зрения можно объяснить длительным существованием традиций карасукской культуры [Там же].

Относительно семантики «оленных камней» Н. Н. Диков утверждает, что «оленный камень» – это образ погребенного человека, а именно – вождя [1958, с. 46]. Об этом можно судить по изображенным на камнях поясам, предметам вооружения, а также антропоморфности самого камня, например насечкам, напоминающим человеческое лицо – личину. Согласно этой гипотезе, памятники устанавливались вождям пришедших на территорию Монголии саков. Впоследствии они ассимилировались местным населением, и «оленные» камни постепенно утратили антропоморфные черты. Как дополнение к гипотезе о культе мертвых можно принять мнение В. Д. Кубарева, интерпретировавшего оленные камни как вместилище душ умерших [1979, с. 89–90]. Если принимать во внимание археологические находки, сопровождающие оленные камни, можно говорить и о ритуальном предназначении стел. На некоторых комплексах оленных камней Монголии найдены зола и ритуальные предметы (кости лошади, пестообразные предметы) [Савинов, 1994, с. 138].

Прослеживается связь оленных камней с образом человека-оленья как культа предков (самая распространенная интерпретация). Н. Л. Членова, в свою очередь, ссылалась на самоназвание скифов – «сака» (В. И. Абаев перевел его как «олень») [Членова, 1962, с. 33–34]. Она также предполагала, что оленные камни напрямую связаны с культом предков, культом мертвых [Там же]. Бляшки в форме оленя, выполненные в характерном для скифов «зверином стиле», использовались как амулеты. Действительно, с такой позиции можно объяснить и то, почему в подавляющем большинстве случаев на камне изображался именно олень. Имеет место миф об «Олене – Золотые Рога», летящем олене, чьи рога освещены солнцем [Константинов, Дашилхамаев, 2011].

В зависимости от типологии, изображения на оленных камнях рознятся по стилистике. Например, монголо-забайкальский тип представлен чаще всего плоскими плитами, с размытыми чертами человеческой фигуры, на которой теряется зональность изображения реальных, т. е. изображений оленей нанесены «вперемежку». Н. Л. Членова объясняет этот факт более поздним происхождением оленных камней данного типа [1962, с. 27].

Изучение памятников типа оленных камней на территории Забайкалья ведет свою историю с первой половины XIX в. Первый памятник был найден в 1830 г. М. М. Геденштромом в Селенгинском районе (Гусиное озеро). Он имел антропоморфные черты, боковые стороны его были покрыты стилизованными изображениями оленей [Дашилхамаев, 2012, с. 61].

Огромное влияние на дальнейшее изучение оленных камней оказало открытие в 1855 г. Иволгинского камня Д. П. Давыдовым [Окладников, 1954, с. 208]. Сейчас данный пример бытует в литературе об оленных камнях монголо-забайкальского типа как хрестоматийный. Из интересных особенностей Иволгинского камня хотелось бы отдельно подчеркнуть то, что при раскопках под камнем на глубине около 1 м был найден обезглавленный остов лошади [Там же]. Поэтому можно предположить, что памятник, помимо своего прямого назначения, использовался как объект ритуального значения.

Начиная с 40-х гг. XX в. Забайкалье становится центром научных интересов исследователей оленных камней, «лабораторией», на материалах которой разрабатывались вопросы классификации, хронологии и семантики [Савинов, 1994, с. 9]. Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению памятников, хотелось бы оговорить культурную принадлежность оленных камней.

Н. Н. Диков и Г. П. Сосновский рассматривали оленные камни в контексте культуры плиточных могил [Там же, с. 11–12]. Однако Ю. С. Худяков опроверг эту мысль, соотнеся оленные камни с культурой херексуров [Там же, с. 22–23]. Дело в том, что большинство ныне известных оленных камней расположены на территории Монголии (более 500), где они связаны с культурой херексуров. Если же говорить о Забайкалье, то памятники Западного Забайкалья соотносятся с херексурами, а Восточного – с «плиточниками» (концепцию двух этнокультурных регионов ввел В. В. Волков) [Дашилхамаев, 2012, с. 65].

Херексуры в большинстве своем европеоиды, представители этой культуры находились в напряженных отношениях с плиточниками (монголоиды). Об этом свидетельствуют акты взаимного осквернения захоронений, приспособления оленных камней в конструкции плиточных могил [Дашилхамаев, 2012, с. 63]. Не оставляет сомнений то, что технология изготовления оленных камней имеет херексурское происхождение. Однако в Восточном Забайкалье оленные камни могли возникнуть самостоятельно, независимо от западных прототипов [Там же]. Западные и восточные вариации оленных камней отличаются стилистически. Западным присущ больший реализм, восточные же – стилизованные (более поздние, по мнению Д. Г. Савинова) [Дашилхамаев, 2012, с. 65]).

В основном сведения об оленных камнях Забайкалья рассредоточены по разным работам, которые носят региональный характер. К числу основных и обобщающих трудов можно отнести в первую очередь монографию В. В. Волкова «Оленные камни Монголии» [1958], а также статью А. П. Окладникова «Оленный камень с реки Иволги» [1954], в которой автор не только подробно описывает вышеупомянутый памятник, но и выдвигает гипотезу относительно семантики солярного символа (называет его металлическим зеркалом). А. П. Окладников также предлагал собственную классификацию оленных камней (по форме памятника). Значительный этап изучения оленных камней связан с работами Ю. С. Гришина [1975], который описал оленный камень на ст. Могойтуй с пояском и кольцом-серьгой. Одним из ведущих исследователей культуры плиточных могил и оленных камней уже около 30 лет является А. Д. Цыбиктаров. Его хронологическая и культурная интерпретация оленных камней принимается большинством исследователей [Цыбиктаров, 2016].

Среди современных работ также интересна статья Д. М. Дашилхамаева «Оленные и сторожевые камни Забайкалья» [2012]. Главной заслугой автора можно считать то, что он собрал все известные материалы по исследованиям оленных камней Забайкалья на 2012 г. На основе данной статьи мы провели картографический анализ расположения памятников типа оленных камней на территории Забайкальского края, чтобы проследить закономерности их распространения и определить места их наибольшей концентрации (рис.).

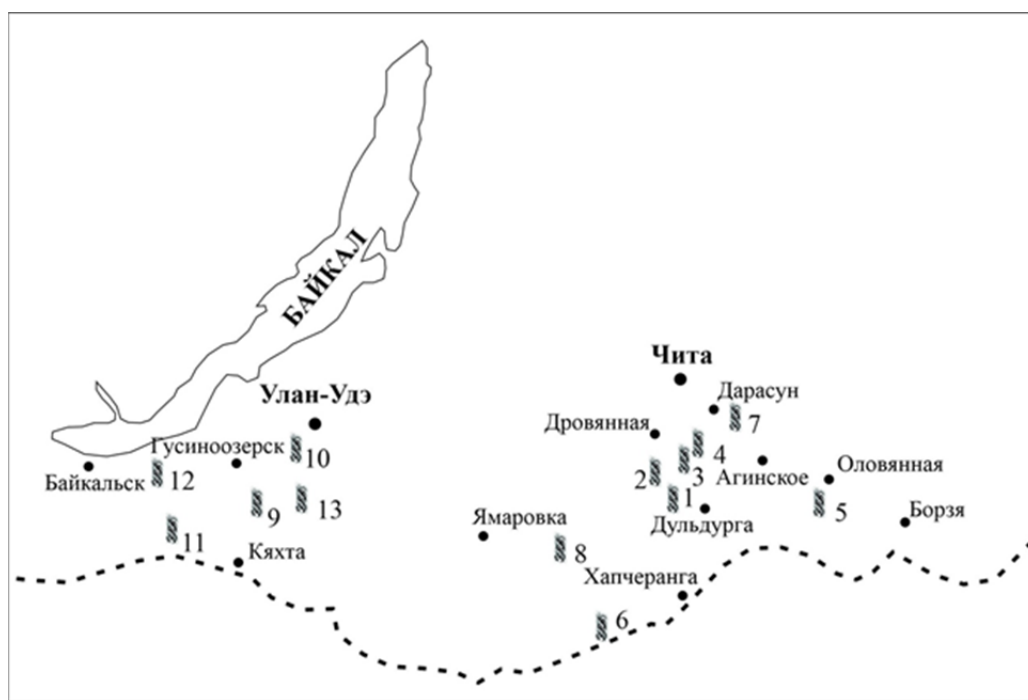

Рис. Ареал распространения оленных камней на территории Забайкалья (Западное и Восточное Забайкалье): 1 – Чиндалейский (Вост. Забайкалье); 2 – Таптанайский (Вост. Забайкалье); 3 – Судунгуйский (Агинский округ, Вост. Забайкалье); 4 – Хусотуйский (Вост. Забайкалье); 5 – близ с. Будулан (Вост. Забайкалье); 6 – Кыринский (Вост. Забайкалье); 7 – 2 оленных камня ст. Могойтуй (Агинский округ, Вост. Забайкалье); 8 – Ингодинский (Вост. Забайкалье); 9 – у Гусиного оз. (Селенгинский район, Зап. Забайкалье); 10 – Иволгинский камень (Зап. Забайкалье); 11 – 2 оленных камня Боргой-Сельгир (Западное Забайкалье); 12 – Тамчинский (Зап. Забайкалье); 13 – 4 оленных камня Хангор-Баторской плиточной могилы (Зап. Забайкалье)

По сообщению Д. Г. Савинова, на территории Забайкальского края известно около 10–12 оленных камней [1994, с. 139]. Некоторые археологи относят к категории «оленные камни» коновязи (*сэргэ*) и объекты плиточных могил. Гипотеза была предложена Н. Н. Диковым [Цыбиктаров, 2016, с. 284]. А. В. Тиваненко в 1990-е гг. описал

46 памятников Западного Забайкалья, включив в данное число помимо собственно самих оленных камней сэргэ и объекты у плиточных могил, которые отличаются от первых меньшими размерами, камни различных форм с насечками и вовсе без каких-либо изображений [Там же].

Что касается Восточного Забайкалья, то А. П. Окладников и В. Д. Запорожская опубликовали серию из 13 экз. с Ульбы I, II, назвав их «орнаментированными стелами-коновязями» [Там же, с. 286]. Если принимать во внимание этот факт, может показаться, что памятники имеют широкое распространение в Забайкалье. Данное мнение придерживается Е. В. Ковычев [Подгорбунский, Ушакова, Золотухин, 2004, с. 36]. Подобное толкование хотя и было популярно, но не оправдало себя, не получив достаточного распространения. Д. М. Дашилхамаев, разделяя мнение М. В. Константинова справедливо замечает, что коновязи и «оленные камни» имеют отличное друг от друга функциональное назначение [Константинов, Дашилхамаев, 2011, с. 233–235].

Итак, Н. Н. Диков говорит в своей монографии по крайней мере о шести локализациях оленных камней [1958, с. 43]. Это упомянутый ранее Иволгинский камень (25 км от Улан-Удэ), гусиноозерский олений камень; камень близ Гусиноозерского дацана. К оленным камням Западного Забайкалья относятся упомянутые Д. Г. Савиновым оленные камни Хангор-Батора, два оленных камня с р. Джиды. Что касается «оленных камней» Восточного Забайкалья, то к ним относят олений камень на Санном мысе, на р. Уда; Камень, найденный в 3 км к северо-востоку от ст. Могойтуй, в Агинской степи (пункт 61–63); возле Аршана (тоже в Агинской степи) [Диков, 1958, с. 43]. Сюда же можно добавить оленные камни, найденные, вероятно, позднее 1958 г. (год открытия некоторых памятников найти не удалось). Например, Хусотуйский олений камень, оленные камни пади Ульба, Ингодинский олений камень и, пожалуй, самый известный камень Восточного Забайкалья, расположенный в Дульдургинском районе в окрестностях с. Чиндалей. На поверхности плиты изображены три фигуры стилизованных оленей, выполненные в технике контурного прочерчивания [Там же]. В статье упомянуты лишь некоторые оленные камни – наиболее изученные.

Таким образом, можно сказать, что на данный момент известно о 26 оленных камнях на территории Забайкалья (13 – на западе и 13 – на востоке). Среди них встречаются как одиночные памятники, так и их группы (2 оленных камня ст. Могойтуй, 2 оленных камня Боргой-Сельгир, 4 оленных камня Хангор-Баторской плиточной могилы). Предварительно можно сделать вывод, что оленные камни более распространены в Восточном Забайкалье. В распо-

ложении «оленных камней» прослеживаются некоторые закономерности: памятники Восточного Забайкалья концентрируются в районах, граничащих друг с другом, – Дульдургинском районе и Агинском округе, памятники Западного Забайкалья расположены преимущественно в Селенгинском районе. В основном изучение этих памятников осталось на методическом уровне 1970–1980 гг., координаты местонахождений и описание многих объектов нуждаются в уточнении, как пример, Ингодинский олений камень. Мы видим в качестве своей дальнейшей задачи картирование и фиксацию GPS-координат каждого объекта, применение фотограмметрии и 3d-сканирования для детальной фиксации «оленных камней» и их ландшафтного контекста, создание каталога объектов для дальнейшей классификации.

*Научный руководитель – Н. О. Викулова
мл. науч. сотр., Институт археологии РАН*

Список литературы

- Волков В. В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор, 1981. 254 с.
Гришин Ю. С. Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. М., 1975. 136 с.
Дашилхамаев Д. М. Оленные и сторожевые камни Забайкалья // Гуманитарный вектор. 2012. № 2 (30). С. 60–68.
Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958. 140 с.
Константинов М. В., Дашилхамаев Д. М. Оленные камни // Малая энциклопедия Забайкалья: археология. Новосибирск : Наука, 2011. 368 с.
Кубарев В. Д. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск, 1979. 120 с.
Окладников А. П. Олений камень с реки Иволги // СА. 1954. Т. 19. С. 207–220.
Подгорбунский Н. Е., Ушакова В. И., Золотухин Я. К. История и география Оловянинского района. Чита, 2004. 360 с.
Потанин Г. Н. Очерки Северо-западной Монголии : Результаты путешествия, исполн. в 1876–1877 г. по поруч. Имп. Рус. геогр. о-ва чл. сотр. оною Г. Н. Потаниным. Вып. 1–4 Дневник путешествия и материалы для физической географии и топографии С.-З. Монголии. СПб., 1881–1883. 2196 с.
Савинов Д. Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб. : СПбГУ, 1994. 208 с.
Сосновский Г. П. Нижне-Иволгинское городище // ПИДО. 1934. № 7/8. С. 150–156.
Цыбиктаров А. Д. Оленные камни культуры плиточных могил (Псевдоантропоморфные камни, к постановке проблемы) // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Красноярск, 2016. Т. 1. С. 283–293.
Членова Н. Л. Об оленных камнях Монголии и Сибири // Монгольский археологический сборник. М., 1962. С. 27–35.

The Phenomenon of deer stones: on the Historiography of the Problem

M. G. Zolotareva, V. V. Makarova

The problem of interpretation and chronology of monuments such as “deer stones” is one of the most relevant for the archaeology of the Bronze and Iron Ages of Transbaikalia. The emergence of new technologies for working with stone steles opens up prospects for solving the problem of absolute dating of such monuments, the use of 3d scanning opens up opportunities for broad correlations. However, working with new directions is possible with the creation of a modern database and ideas about the study of monuments of this type at the present stage. This article is a brief historiographical review of studies devoted to the problem of interpretation of “deer stones”. The main goal of the authors is to form a preliminary understanding of the study, the main problems and prospects of working with the monuments of the type “deer stones”.

Keywords: deer stones, semantics, culture of tile graves, Kereksurs, Mongol-Trans-Baikal type, distribution area, cartographic analysis.

Золотарева Мария Геннадьевна
студент 2-го курса
Забайкальский государственный университет
e-mail: mariazolotareva351@gmail.com

Zolotareva Maria Gennadievna
Student 2nd year
Zabaykalsky State University
e-mail: mariazolotareva351@gmail.com

Макарова Виктория Викторовна
студент 2-го курса
Забайкальский государственный университет
e-mail: MakarovVikarani7@gmail.com

Makarova Victoria Viktorovna
Student 2nd year
Zabaykalsky State University
e-mail: MakarovVikarani7@gmail.com

Роль Императорского Русского географического общества в археологических исследованиях на территории Забайкалья в XIX в.

А. Р. Гордеенко

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

Императорское Русское географическое общество на протяжении всего XIX в. являлось сообществом единомышленников, направлявших свои усилия на разноплановое, в том числе и археологическое, изучение территории Российской империи, включая Сибирь.

В статье «Общий исторический обзор археологических изысканий в Сибири» действительный член Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества, краевед и археолог Н. И. Попов дал характеристику географического положения археологических памятников и описал историю их изучения. Широкое распространение памятников по сибирским просторам автор непосредственно связывает с систематическими переселениями племен. Эти племена, «теснившиеся и сменявшие друг друга, на местах своего более или менее продолжительного жительства оставляли следы своего существования – в курганах, разного рода постройках и других памятниках...» [Попов, 1871, с. 46], особенно тесно сгруппированных на территории Забайкалья, а именно по рекам Селенга, Чикой, Аргунь и Амур. Разумеется, история исследования археологических памятников, изложенная Н. И. Поповым, не концентрируется на одном Забайкалье, а охватывает огромные просторы Сибири в целом.

Первое знакомство с памятниками древности началось со времен освоения и заселения Сибири, для переселенцев из других регионов России памятники служили средством обогащения, о чем свидетельствуют наблюдения М. А. Кастрена, И. Г. Гмелина. И хотя вандализм был наказуем, «разрывание» могил впоследствии превратилось для многих иностранных и русских переселенцев в своеобразный промысел. Однако, согласно воспоминаниям И. М. Миллера, динамика случаев вандализма снизилась, «...потому что все могилы, в которых надеялись найти сокровища, были уже разрыты» [Попов, 1871, с. 49]. Таким образом, автор подводит читателей к выводу о том, что уже в XVII в. историко-культурная связь прошлого с настоящим была либо сокращена, либо безвозвратно потеряна.

Не ограничиваясь освещением всестороннего изучения просторов Сибири в XVIII в., Н. И. Попов не упустил из виду деятельность ученых первой половины XIX в. Так, в 1845–1848 гг. петербургской Академией наук в Сибирь был командирован А. М. Кастрен, главной задачей которого было изучение быта и особенностей языка самоедского и остяцкого племен. На протяжении нескольких лет ученый путешествовал по территории Сибири. В Забайкалье «...неутомимый путешественник предпринял поездку в Нерчинск для археологических и этнографических исследований» [Там же, с. 54]. Во второй половине XIX в. археологические исследования продолжались с еще большим энтузиазмом, однако Забайкалье по-прежнему оставалось малоизученной территорией.

Археологическими исследованиями в Забайкалье занимался действительный член ИРГО, археолог Л. Залькинд. Путешествуя по Забайкалью, он занимался изучением древних могил, располагавшихся недалеко от Селенгинска. В статье под названием «Древние могилы около Селенгинска» (1890 г.) он писал: «Обозревая могилы в окрестностях Селенгинска, мы приходим к заключению, что здесь расположение могил в каждой группе не имеет никакой правильности и постоянства...» [Залькинд, 1890, с. 69]. В целом ученый отмечает большую сохранность могил, за исключением тех, которые раскапывались в

1884 г. врачом Карауловым. О находках ничего не сообщалось, поскольку исследователь не имел возможности осмотреть находки из могил.

Сибирский отдел получил информацию о найденных изображениях от археолога Н. А. Виташевского. Он сообщил, что «расположение надписей и изображений, очевидно, рассчитано так, чтобы люди севера, запада, востока и юга не прошли мимо скалы, не заметивши надписей на скале. <...> Людям этим была известна стрельба из лука, охота на лосей и даже приручение рогатого скота; мало того: для передачи своих мыслей они пользовались условными знаками» [Виташевский, 1897, с. 246–284]. И хотя сведения более поздние, в 1896–1897 гг. найденные на скалах р. Олекмы изображения пополнили пласт археологических знаний о Забайкалье. В статье «Изображения на скалах по реке Олекме» Н. А. Виташевский дал краткое описание изображений людей, черточек и зверей (лосей, коз), однако более никаких предположений не выдвигал, надеясь на возможность их более детального изучения.

Одними из первых сведений о найденных артефактах являются данные о просверленных камнях, представленных Отделу археологом Н. И. Витковским. Результаты исследований были опубликованы в статье «Просверленные камни» (1890 г.), в которой ученый описал найденные в Забайкалье артефакты и высказал предположение об их практическом назначении. В частности, он писал: «...достаточно одного взгляда на этот камень, чтобы убедиться, что он не мог быть ни жерновом, ни молотильным катком... камень № 7 надевался на копательную палку и служил, таким образом, для увеличения веса» [Витковский, 1890, с. 32].

Отдельного упоминания заслуживает деятельность А. К. Кузнецова. Летом 1892 г. он проводил археологические исследования у оз. Бальзино и по долине р. Иля. У оз. Бальзино и в окрестностях одноименного селения были найдены две стоянки каменного века и 93 могильных сооружений, именуемых автором «маяками». В первой группе маяков им был выявлен сторожевой камень, который впоследствии был перевезен в Нерчинский музей. В ходе раскопок двух могильных сооружений найдены фрагменты посуды, человеческие останки, железные предметы и двухграммовая золотая спираль, аналогичная найденной в 1856 г. Д. П. Давыдовым в могильнике Верхнеудинского округа [Кузнецов, 1892, с. 10].

Неподалеку от поселения Красноярова и в окрестностях д. Ключи также были проведены раскопки, в ходе которых были найдены каменные наконечники стрел, песты, «продырявленные камни», жернова, чугунные «башмаки» и т. д. У д. Иля была обнаружена стоянка каменного века, а во время путешествия к «сланцевой арке Алханая» были обнаружены древние письмена. В той же местности, в пади Убжогай, А. К. Кузнецов нашел гранитную каменную плиту, покрытую с двух сторон сильно пострадавшими от времени древними письменами. Аналогичные плита и могильники были обнаружены в окрестностях р. Дульдурги.

А. К. Кузнецов продолжил свое путешествие на юг от д. Или в Агинские степи, где занимался изучением аналогичных гранитных плит и могильников. Так, например, в пади Могойтуй был найден очередной гранитный камень с надписями, а в пади Зуткулей часто встречались «...много небольших кольцеобразных возвышений, с незначитель-

ным воронкообразным углублением внутри» [Кузнецов, 1892, с. 9]. Однако провести раскопки исследователю не удалось по причине языкового барьера.

Особое внимание в своем отчете А. К. Кузнецов уделил археологическим исследованиям по р. Онон, от станции Чиндант до монгольской границы. На протяжении всего путешествия он вел дневник, в котором отмечал широкое распространение могильников и стоянок каменного века. Особенно интересен курган, располагавшийся к юго-западу от пос. Мангут. А. К. Кузнецов сравнил этот курган с другими курганами Забайкалья (по Нерче, Газимуру и т. д.), измерив его размеры – 9 сажень в ширину и 3 в высоту. Интересные сведения он сообщал о находках в окрестностях пос. Верхний Ульхун. Здесь были найдены орудия каменного века, чугунные «башмаки». Всего в ходе экспедиции было обнаружено 20 ландшафтных памятников и 25 стоянок каменного века.

Таким образом, деятельность членов ИРГО на территории Забайкалья стала своего рода катализатором актив-

ного изучения прошлого региона. Были собраны сведения об археологических памятниках, географии их распространения, типах, количестве и сделаны предварительные заключения о возрасте и культурной принадлежности.

*Научный руководитель – А. В. Константинов
д-р ист. наук, профессор,
Забайкальский государственный университет*

Список литературы

- Виташевский Н. А. Изображения на скалах по реке Олекме // Известия ВСОИРГО. 1897. Т. 28, № 1. С. 145–151.
Витковский Н. И. Просверленные камни // Известия ВСОИРГО. 1890. Т. 21, № 4. С. 31–35.
Залькинд Л. Древние могилы около Селенгинска // Известия ВСОИРГО. 1890. Т. 21, № 1. С. 67–70.
Кузнецов А. К. Археологические изыскания в Юго-Восточной части Забайкалья летом 1892 г. // Известия ВСОИРГО. 1892. Т. 21, № 1. С. 1–13.
Попов Н. И. Общий исторический обзор археологических изысканий в Сибири // Известия СОИРГО. 1871. Т. 2, № 1–2. С. 46–60.

The Role of the Imperial Russian Geographical Society in the Archaeological Research on the Territory of Transbaikalia in the 19th Century

A. R. Gordeenko

The article is devoted to archaeological research carried out in the 19th century in Transbaikalia by full members of the Imperial Russian Geographical Society. The Imperial Russian Geographical Society, throughout the 19th century, was a community of like-minded people who directed their efforts on a diverse, including archaeological study of the territory of the Russian Empire, including Siberia. The activities of IRGO members on the territory of Transbaikalia became a kind of catalyst for an active study of the region's past. Information was collected on archaeological sites, the geography of their distribution, types, numbers, and preliminary conclusions were made about their age and cultural affiliation. The work describes the works of L. Zalkind, A. K. Kuznetsov, N. A. Vitashevsky, N. V. Vitkovsky.

Keywords: Archaeology, burial grounds, Stone Age sites, the Imperial Russian Geographical Society, Transbaikalia, Eastern Siberia.

Гордеенко Анна Романовна

студент 4-го курса

Забайкальский государственный университет

e-mail: gordeenkoanna@yandex.ru

Gordeenko Anna Romanovna

Student 4th year

Transbaikal State University

e-mail: gordeenkoanna@yandex.ru

УДК 930.26

История изучения бронзового и раннего железного веков Западного Забайкалья отечественными исследователями XVIII – середины XX века

Д. С. Кочурова

*Бурятский государственный университет
им. Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия*

Изучение археологии Забайкалья началось в 30–40-х гг. XVIII в. Тогда были раскопаны первые погребения, названные позже плиточными могилами, и выявлены наскальные рисунки – петроглифы. Исследование подобных памятников было продолжено краеведами XIX в., но особенно активно – советскими учеными, которые, опираясь на особенности погребального обряда и сопровождающей инвентарь, создали хронологически выверенную типологию могил, датировав их эпохой бронзы и раннего железа – скифским временем и выделив археологические культуры, распространенные в регионе. Цель данной работы – проследить накопление источниковой базы и формирование научных представлений по указанным эпохам Западного Забайкалья.

Описание памятников конца II – начала I тыс. до н. э. впервые было сделано Г. Ф. Миллером в ходе Великой Академической экспедиции 1730–1740-х гг. Он провел в хоринских степях на территории современной Бурятии первые упорядоченные раскопки, подробно описав захоронения особого типа: прямоугольные 2×1 м, ориентированные по линии В–З, окруженные большими каменными глыбами величиной в рост человека [Миллер, 1937, с. 519], сегодня определяемые как плиточные могилы. Краевед Д. П. Давыдов в середине XIX в. расширил источниковую базу по этим памятникам, описав их по рекам

Чикой и Иволга. Им был открыт новый тип памятников – оленные камни. Ученый выявил между Иволгинской и Ключевской станциями в 22 км от Верхнеудинска изваяние в виде каменной плиты из песчаника, покрытой резными изображениями стремящихся вверх оленей [Давыдов, 1856, с. 91].

Самым крупным дореволюционным исследователем Бурятии стал Ю. Д. Талько-Грынцевич, проводивший раскопки в 1892–1908 гг. Им было изучено более 500 погребений, 105 из них относилось к бронзовому веку. Каждое погребение было пронумеровано и подробно описано, ученый выявил типичный для херексурсов и плиточных могил состав сопроводительного инвентаря. Будучи врачом, Ю. Д. Талько-Грынцевич сделал важные выводы об антропологическом типе захороненных людей, опровергнув распространенное в то время мнение, что долихоцефализм в древности был присущ лишь Европе, а брахицефализм – Азии [Талько-Грынцевич, 1897], тем самым ученый положил начало изучению палеоантропологии Забайкалья. Ему принадлежат первые разработки типологической классификации забайкальских захоронений, в основу которой были положены внешний вид захоронения, физические особенности погребенных и погребальный обряд. Всего было выделено 6 типов захоронений, 2 из которых, сегодня определяемые как херексурсы и плиточные могилы, отно-

сятся к бронзовому и раннему железному векам [Талько-Грынцевич, 1905, с. 494].

Исследователи XVIII – начала XX в. положили начало формированию источниковой базы по археологии бронзового и раннего железного веков края. Однако их изыскания, за исключением Ю. Д. Талько-Грынцевича, сводились преимущественно к внешнему описанию памятников. Выдвинутые в XVIII–XIX вв. гипотезы о принадлежности захоронений к какой-либо эпохе и особенностях погребального обряда ныне признаны несостоятельными. Тем не менее предположения первых ученых вполне соответствовали уровню развития археологии в Сибири того времени.

Дальнейшее изучение указанных эпох в крае было связано с деятельностью Первой Бурят-Монгольской археологической экспедиции Г. П. Сосновского 1928–1929 гг. Он расширил источниковую базу, введя в научный оборот материалы раскопок около 50 плиточных могил и нескольких херексуров по рекам Селенга, Чикой, Джиды и Уда. Благодаря ученому, окончательно сформировалась типология забайкальских захоронений бронзового и раннего железного времени, были выделены следующие памятники: 1) круглые каменные могилы – херексуры; 2) плиточные могилы, которые подразделяются на могилы с высокой прямоугольной оградой – «маяки»; могилы с низкой прямоугольной оградой – «прямоугольные»; фигурные могилы. Плиточные погребения были датированы Г. П. Сосновским скифским временем и выделены в самостоятельную археологическую культуру [Сосновский, 1941, с. 308]. Сегодня предложенная ученым классификация претерпела лишь некоторые изменения: временные рамки стали несколько шире. На основе собранных археологических данных, Г. П. Сосновскому удалось определить, что люди культуры плиточных могил по типу хозяйства были кочевниками-скотоводами [1940, с. 41] времени первобытной социально-экономической формации [1936, с. 318–320].

Руководитель Второй Бурят-Монгольской археологической экспедиции 1940–1950-х гг. А. П. Окладников был первым из ученых, обратившим внимание на художественное наследие людей культуры плиточных могил. Он систематизировал наскальные изображения, разделив их по способу выполнения на две обширные группы: выполненные красной охрой (селенгинского типа) и выбитые на камне. Культурная принадлежность второй группы осталась невыясненной. Для каждой группы петроглифов ученый выделил сюжеты, для петроглифов селенгинского типа: кресты, пятна, схематические изображения людей, животных и птиц [Окладников, 1976, с. 194]. На основании находок триподов по рекам Уда, Ингода, Шилка и кинжала

карасукского типа в детском погребении Фофановского могильника, А. П. Окладников установил связи кочевников Забайкалья с людьми, населявшими Минусинскую котловину, Монголию и Китай [Окладников, 1954, с. 23].

Таким образом, советские исследователи на качественно новом уровне продолжили археологическое изучение края. В ходе экспедиций 1920–1950-х гг. были применены новые методы раскопок, позволившие изучить памятники эпохи бронзы и раннего железа на новом уровне. Усилиями советских ученых была осмыслена источниковая база, созданная их предшественниками. Г. П. Сосновскому и А. П. Окладникову удалось создать научно обоснованную классификацию памятников, датировать их, выделить археологическую культуру плиточных могил, установить тип хозяйства, общественный строй, культурные традиции носителей культуры, а также выявить их связи с народами, населявшими территории Южной Сибири, Монголии и Китая.

Таким образом, за период с 1730-х по 1950-е гг. были выработаны методы и приемы полевых и камеральных исследований, создана внушительная источниковая база по археологии края и осуществлено ее научное осмысление на высоком теоретическом уровне.

*Научный руководитель – А. Д. Цыбиктаров
д-р ист. наук, доцент,*

Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова

Список литературы

- Давыдов Д. П. О древних памятниках и могильных остатках абригенов Забайкальской области Верхнеудинского округа // Записки Сибир. отдела РГО. СПб., 1856. Кн. 2. С. 89–100.
- Миллер Г. Ф. Изъяснение о некоторых древностях в могилах найденных // История Сибири. М. ; Л. : АН СССР, 1937. Т. 1. 606 с.
- Окладников А. П. Эпоха первобытно-общинного строя на территории Бурят-Монголии // История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1954. Т. 1. С. 9–26.
- Окладников А. П. Образ птицы в искусстве бронзового века Забайкалья и его аналогии в народном искусстве бурят // История и культура Бурятии. Улан-Удэ, 1976. С. 193–198.
- Сосновский Г. П. Итоги работ Бурят-Монгольского археологического отряда АН СССР в 1928–1929 гг. // Проблемы Бурят-Монгольской АССР. М. ; Л., 1936. Т. 2. С. 318–321.
- Сосновский Г. П. Ранние кочевники Забайкалья // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1940. Вып. 8. С. 36–42.
- Сосновский Г. П. Плиточные могилы Забайкалья // Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. 1941. Т. 1. С. 273–309.
- Талько-Грынцевич Ю. Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья // Протокол № 8 ТКОРГО за 1896 год. Томск, 1897. С. 14–31.
- Талько-Грынцевич Ю. Д. Древние памятники Западного Забайкалья // Труды XII археологического съезда в Харькове. М., 1905. Т. 1. С. 494.

The History of the Bronze and the Early Iron Ages of Western Transbaikalia Prepared by Domestic Researchers of the 18th – middle 20th Centuries

D. S. Kochurova

The article is dedicated to the Bronze and Early Iron Ages of Western Transbaikalia research by domestic researchers of the XVIII – middle XX centuries. In this article, the author briefly characterizes the main results of large expeditions and regional ethnographers' activities on the accumulation of source base through revealing the archaeological site of these periods, substantial findings from them, as well as materials on spiritual culture. The process of their theoretical understanding at different stages of archaeological science development is also characterized. It is noted, that for the period from the 1730th to the middle 1950th due to the investigations carried out, scientists succeeded to distinguish the archaeological culture for tiled graves, determine the anthropological type of its carriers, establish their economic and cultural relationships.

Keywords: Western Transbaikalia, archaeology, tiled graves, Kherekсур, Bronze Age, Early Iron Age, source studies, historiography.

Кочурова Дарья Сергеевна

студент 3-го курса

Бурятский государственный университет
им. Доржи Банзарова

e-mail: darya.kochurova.00@mail.ru

Kochurova Darya Sergeevna

Student 3rd year

D. Banzarov Buryat State University

e-mail: darya.kochurova.00@mail.ru

Работы С. М. Цейтлина в Забайкалье

Д. Д. Бянкин, Г. В. Плотников

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

Изучение палеолитических памятников исторически связано с междисциплинарным подходом. Палеогеография, геология и целый ряд естественных наук позволяют реконструировать природный контекст на разных этапах обитания человека, что существенно дополняет возможности археологических реконструкций.

Геологическое исследование в процессе изучения археологических памятников каменного века подразумевает выяснение геологического возраста культурных горизонтов и палеогеографии эпохи существования древнего человека [Константинов, 1994]. Вклад С. М. Цейтлина в разработку геологических методов датирования палеолита значителен. Опираясь на исследования В. И. Громова, С. М. Цейтлин разработал методические приемы для определения геологического возраста культурных горизонтов древних поселений [Константинов, 2011, с. 325–326]. Один из таких приемов – выделение маркирующих горизонтов [Цейтлин, 1979, с. 7, 26–31]. По его мнению, маркер должен быть широко распространен, четко фиксироваться и занимать ясное хроностратиграфическое положение; маркерные элементы должны находиться в определенной пространственной связи между собой. Эти элементы определяли возраст с большей точностью от сартанской эпохи до 1 тыс. до н. э.

В 1967 г. С. М. Цейтлин изучал геологию стоянки Ошурково, в 1969 г. – геологию стоянки Санный Мыс. Эти памятники раскапывались А. П. Окладниковым в более ранние годы, в связи с чем С. М. Цейтлину приходилось самостоятельно расчищать разрезы. В 1980-е гг. С. М. Цейтлин, совместно с Д. Д.-Б. Базаровым, активно сотрудничал с Чикойской археологической экспедицией ЧГПИ, ныне – ЗабГУ. На Чикое по «цейтлиновской» схеме были установлены I терраса, которую раньше определяли как высокую пойму, и II терраса, которую ранее называли бы первой. Согласно данной геологической раскладке, Студеное-1 связано с I надпойменной террасой, а Студеное-2 – со II террасой. Эти выводы нашли подтверждение при дальнейших раскопках.

В 1985 г. научная бригада во главе с С. М. Цейтлиным побывала на стоянках Студеное, Усть-Менза, Толбага, Присковое, Ошурково, Санный Мыс. Все эти памятники были представлены на Всесоюзной конференции «Четвертичная геология и первобытная геология», состоявшейся в конце мая – начале июня 1986 г. Результатом конференции стало издание 3 научных сборников и защита двух диссертаций: Л. Д. Базаровой – по геоморфологии забайкальских памятников и Л. В. Семиной – по неолиту и бронзе Юго-Западного Забайкалья.

The Works of S. M. Tseitlin in Transbaikalia

D. D. Byankin, G. V. Plotnikov

The study of Paleolithic sites is historically associated with an interdisciplinary approach. Paleogeography, geology and a number of natural sciences make it possible to reconstruct the natural context at different stages of human habitation, which significantly complements the possibilities of archaeological reconstructions. Semyon Markovich developed methodological techniques for determining the geological age of the cultural horizons of ancient settlements. Geological research in the process of studying archaeological sites of the Stone Age implies finding out the geological age of cultural horizons and paleogeography of the era of the existence of ancient man. Contribution of S. M. Tseitlin in the development of geological methods for dating the Paleolithic is significant. In Transbaikalia, S. M. Tseitlin worked 1967, 1969, 1980, 1985, 1990, 1992, long-term personal observations allowed S. M. Tseitlin deeply understand the age of the Pleistocene pedocomplexes in Transbaikalia.

Keywords: Transbaikalia, S. M. Tseitlin, geoarchaeology, paleolithic, pleistocene pedocomplexes.

Бянкин Даниил Денисович

студент 1-го курса
Забайкальский государственный университет
e-mail: daniilbankin754@gmail.com

Плотников Георгий Вячеславович

студент 1-го курса
Забайкальский государственный университет
e-mail: Zhora.plotnikov.19@bk.ru

В 1989–1990 гг. С. М. Цейтлин вновь работал в Чикойской археологической экспедиции на памятниках Усть-Менза 1–5 и Волково. Он также побывал на Присковой, в Куналее, Подлопатках, Ошурково (по материалам полевых дневников С. М. Цейтлина, архив лаборатории палеоэкологии ЗабГУ). Важные наблюдения им были сделаны на Присковой. Здесь он с приобретенным забайкальским опытом изменил трактовку возраста педокомплекса, представленного в нижней части делювиальных отложений, подстилаемых аллювием 20-метровой террасы. По новой версии он определил его как каргинский, тогда как ранее считал его позднесартанским. Плейстоценовые почвы в Забайкалье, где преобладали аридные условия, не отличались яркостью цветовой гаммы. К тому же эти палеопочвы сильно обесцветились, что усложняло их правильное определение. Многолетние личные наблюдения позволили С. М. Цейтлину глубоко разобраться с возрастом плейстоценовых педокомплексов в отложениях III и IV террас. В 1992 г. С. М. Цейтлин приехал в Забайкалье в последний раз. Он изучал Усть-Мензу 4, Полевой Бугор, Крапивный Мыс. Семен Маркович планировал дополнить свою «Геологию палеолита Сибири» за счет материалов забайкальских памятников.

В ноябре 2020 г. в Красноярске была проведена международная конференция «Цейтлин-100», инициированная М. В. Константиновым, другом и соратником С. М. Цейтлина [Константинов, 2020, с. 13].

Согласно пожеланиям С. М. Цейтлина, его научный архив, включая полевые дневники с характеристикой геологии сибирских палеолитических памятников, бережно хранится в лаборатории палеоэкологии Забайкальского государственного университета.

*Научный руководитель – Н. О. Видулова
мл. науч. сотр.,
Институт археологии РАН*

Список литературы

- Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита: Изд-во БНЦ СО РАН; Чит. пед. ин-т, 1994. 265 с.
- Константинов М. В. Цейтлин Семен Маркович // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология. Новосибирск, 2011. С. 325–326.
- Константинов М. В. С. М. Цейтлин: личный архив и научные идеи // Геология палеолита Северной Азии: к столетию со дня рождения С. М. Цейтлина: материалы докл. Междунар. геол.-археол. конф. (симп.). Красноярск, 2020. С. 13–15
- Цейтлин С. М. Геология палеолита Северной Азии. М.: Наука, 1979. 284 с.

Byankin Daniil Denisovich

Student 1st year
Trans-Baikal State University
e-mail: daniilbankin754@gmail.com

Plotnikov Georgy Vyacheslavovich

Student 1st year
Trans-Baikal State University
e-mail: Zhora.plotnikov.19@bk.ru

Забайкальские страницы исследований С. Н. Астахова

О. Ю. Ячменев

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

Астахов Сергей Никитич – ученый, который как в практическом, так и в методическом отношении сделал огромный вклад в развитие сибирского палеолитоведения. Данная статья посвящена исследованиям С. Н. Астахова в Забайкалье, которые стали своего рода школой будущего известного ученого. Работа носит историографический характер, основана на полевых отчетах С. Н. Астахова. Биография С. Н. Астахова достаточно известна, благодаря коллегам и ученикам ученого [Константинов, 2011; Васильев, 2013].

Сергей Никитич родился в 1933 г. в подмосковном г. Шатуре. В 1951 г. окончил школу в г. Ельце и поступил на химический факультет МГУ [Васильев, 2013, с. 4]. Но последовавшая болезнь заставляет С. Н. Астахова изменить профессиональные планы на будущее, и он выбирает новую научную деятельность – археологию, которая стала делом его жизни. Первые шаги в науке С. Н. Астахова связаны с кафедрой археологии МГУ [Там же, с. 5].

В 1956 г. Сергей Никитич открыл известную во всем мире стоянку Сунгирь под древнерусским городом Владимиром. В 1957 г. в журнале «Советская археология» появляется одна из первых публикаций С. Н. Астахова (написанная совместно с Е. Н. Черныхом). В ней содержался отчет о проведении в МГУ III Всесоюзной археологической студенческой конференции. Дипломная работа С. Н. Астахова была посвящена памятнику палеолита Урала – стоянке Талицкого [Там же].

По окончании университета С. Н. Астахов работал в Московском областном краеведческом музее. Спустя несколько лет жизнь молодого специалиста круто переворачивается, связано это с тем, что он знакомится с академиком А. П. Окладниковым, который предложил С. Н. Астахову отправиться в аспирантуру в Ленинград [Васильев, 2013].

По инициативе А. П. Окладникова С. Н. Астахов занялся очень сложным трудом по собиранию воедино информации о памятниках Афонтовой Горы на р. Енисей. Эта информация была разбросана по разным архивам и музейным хранилищам. Он блестяще справился с задачей, результаты которой были представлены в работе «Поселения Афонтовой Горы и их место в палеолите Сибири». Работа была защищена в 1966 г. в качестве кандидатской диссертации и рекомендована к печати. Но труд миру стал известен лишь спустя несколько лет.

Благодаря С. Н. Астахову, после тщательного анализа материалов Усть-Канской пещеры по методу Ф. Борда, были существенно расширены рамки палеолитической проблематики в Сибири. До сих пор важнейшее значение имеют идеи С. Н. Астахова о характере верхнего палеолита Енисея и возможных путях проникновения древнего человека в его долину [Там же, с. 6].

С 1950 г. академиком А. П. Окладниковым была обнаружена мастерская каменного века в пределах Титовской Сопки. Титовская Сопка – это древний стратовулкан конической формы, уникальный природный и историко-культурный объект, расположенный в пригороде г. Читы [Астахов, 2018, с. 13]. Как считал С. Н. Астахов, «...изобилие неплохого каменного сырья привлекало первобытных людей...» на Титовскую Сопку. Сопка является уникальной мастерской каменного века. Здесь велись работы по добыче камня первобытными людьми не одну сотню лет [Астахов, 1964, с. 2]. Кроме каменных орудий труда и отходов их производства, на Титовской Сопке существуют уникальные рисунки на ее сводах – петроглифы [Там же].

В 1959 г. А. П. Окладников и В. Е. Ларичев начинают обследование Титовской Сопки, делают на одном из склонов раскоп. После перерыва, в 1961 г., работы на территории мастерской возобновились под руководством тех же ученых. «...были заложены раскоп № 1 и раскоп № 2 (траншея), расположенные параллельно, поперек склона...», в которых А. П. Окладниковым было выделено 5 культурных горизонтов, где были найдены многочисленные и в то же время одинаковые виды инвентаря. В раскопе № 1, в четвертом культурном слое «...были выявлены очаги, сложенные из камней и заполненные черной сажи-стой массой и углями». Далее было решено сделать раскоп № 3, была вскрыта новая яма. На дне ямы была обнаружена, как считают ученые, своеобразная «шахта», где когда-то добывались валуны и куски каменного сырья. Установлено, что отложения на памятнике состояли из пяти слоев суглинков, содержащих обломки камня, гальку, отщепы и нуклеусы [Астахов, 2018, с. 13–18].

В 1962 г. А. П. Окладников поручает археологу С. Н. Астахову совершить новые раскопки, цель которых состояла в том, чтобы подтвердить наличие новой шахты [Там же, с. 13]. Под началом С. Н. Астахова археологическими раскопками занимались 8 человек. Данный отряд состоял из археологической экспедиции Института экономики СОАН СССР и отряда студентов Читинского педагогического института, во главе которого был М. И. Рижский. Итоги этой работы С. Н. Астахов осветил в своем отчете о полевых исследованиях, уделив особое внимание необычным «ямам-шахтам», которые, в свою очередь, уходили из второго слоя на глубину более одного метра (по устному сообщению М. В. Константинова).

С. Н. Астахов утверждал, что данная шахта имеет большое количество минерального сырья. Туда входили базальт, порфированный гранит, кристаллический сланец и другие полезные минералы, которые использовали древние люди (по устному сообщению М. В. Константинова). Тем самым было подтверждено предположение А. П. Окладникова о целенаправленных усилиях древних обитателей Титовской Сопки [Там же, с. 18]. В этой мастерской материалы не только добывались, но и обрабатывались, так как в составе найденных артефактов было обнаружено преобладание нуклеусов и отщепов. Археологами было найдено несколько скребел на отщепах и заготовок для будущего орудия (по устному сообщению М. В. Константинова).

После этого А. П. Окладников поручает С. Н. Астахову продолжить экспедицию в Забайкалье, целью которой являлось обнаружение и изучение новых «ям-шахт», в которых в эпоху неолита добывался кремль. Но исследователи обнаружили, что на Титовской Сопке находились более древние шахты по добыче данного природного материала [Астахов, 2018, с. 14].

Кроме этого, на Титовской Сопке недалеко от известного памятника северо-западной были открыты новые пункты с находками. Отличие заключалось в сильной патинизации поверхности обнаруженных отщепов, связано это с тем, что предметы находились на небольшой глубине залегания и были более древними, ранее верхнего палеолита [Там же, с. 18]. Позже этот памятник вновь откроют в 1977 г., но уже читинские студенты А. Лыцусь и А. Молотков. Обследованием найденной мастерской займется Центр по сохранению историко-культурного наследия. Позже он получит наименование Скальная (по устному сообщению М. В. Константинова).

Также в 1962 г. А. П. Окладников обнаружил другую палеолитическую стоянку близ пос. Атамановка, где р. Никишиха впадает в р. Ингоду (по устному сообщению М. В. Константинова). По мнению С. Н. Астахова, «это место было весьма удобным для жизни первобытных людей». С. Н. Астахов также занимался раскопками этой местности [Астахов, 1964, с. 10]. Здесь, на террасе р. Ингоды, на глубине 20–30 см обнаружен красноватый песчаный слой с линзами мергелистого щебня, в котором были обнаружены угольки и небольшие отщепы [Там же].

Северо-западной находилась вторая терраса, в которой было найдено лишь одно местонахождение изделий из камня. Там были обнаружены удлиненные отщепы, обломки пластины и скребочек, а также немного угольков древесной породы [Там же, с. 10–11].

В 1964 г. С. Н. Астахов проводит археологическое исследование на территории нынешнего Забайкальского края. Местом его работ стали берега р. Онон. Именно с этого места можно проследить древнюю историю Забайкальской земли, начиная с первобытных племен, которые оставляли здесь следы своей деятельности [Кириллов, 2011, с. 21].

Двумя годами ранее, в 1962 г., состоялась поездка С. Н. Астахова на р. Онон, где была найдена стоянка Чинданта. Находка на р. Онон стала важнейшим элементом изучения эпохи неолита в данном регионе. Здесь, по настоянию геолога Н. А. Чернок, было совершено обследование местности, где на правом берегу р. Онон были найдены кости мамонта, лошадей и других животных. Место раскопок находилось близ с. Нижний Цасучей, где была обнаружена новая терраса [Астахов, 1964, с. 11–12]. Кроме этого, были найдены расколотое каменное грузило для сети и различные камни. Однако С. Н. Астахов не обнаружил здесь явных следов жизни первобытного человека [Там же, с. 12].

Transbaikal Pages of S. N. Astakhov

O. Y. Yachmenev

This article is devoted to the scientific activities of Academician S. N. Astakhov, one of the leading archaeological figures of the Soviet Union and Russia. His archaeological work in Transbaikalia, Sergei Nikitich, begins while still a graduate student, as well as a student of A. P. Okladnikov. Since the 1960^s–20th century, a young scientist helps to conduct excavations at the workshop – Titovskaya Sopka, and in 1964 on the Onon River, where he finds the ancient site of Chindant. The scientific work of S. N. Astakhov became not only gaining new experience, but also an important milestone in his future career as a scientist. Thus, the discoveries made by S. N. Astakhov on Titovskaya Sopka and other regions of Transbaikalia were very important for the development of regional science of antiquities, modern researchers also return to the study of these sites.

Keywords: Transbaikalia, S. N. Astakhov, A. P. Okladnikov, workshop–Titovskaya Sopka, Onon river, Chindant parking lot.

Ячменев Олег Юрьевич

студент 1-го курса

Забайкальский государственный университет

e-mail: 19970725dyuu@gmail.com

С. Н. Астахов возвращается в Читу и по пути заезжает осмотреть овраги Чинданта, но на правом берегу ничего интересного не находит. Он начинает осматривать левый берег и обнаруживает там интересную неолитическую стоянку. Были зафиксированы разные материалы, которые использовали древние люди для изготовления орудий труда, а именно: яшма, кремь, сланец и халцедон, различные мелкие отщепы и немного крупных. Также были обнаружены большое количество микропластинок шириной 3–7 мм и длиной 50–80 мм и некоторые орудия труда – рубящие орудия, скребки, тесла [Там же, с. 13]. Далее, вниз по течению, были обнаружены и другие похожие материалы [Там же].

Таким образом, забайкальские страницы исследований С. Н. Астахова стали важной вехой в жизни и становлении ученого, на тот период аспиранта А. П. Окладникова. Но главное, открытия, совершенные С. Н. Астаховым на Титовской Сопке и в других районах Забайкалья, были очень важными для развития региональной науки о древностях, к изучению этих памятников возвращаются и современные исследователи.

*Научный руководитель – Н. О. Викулова
мл. науч. сотр.,*

Институт археологии РАН

Список литературы

Астахов С. Н. Отчет о работах в Читинской области в 1962 г. // Архив ОПИ ИА РАН. М., 1964. № 2732, 2732а. 17 с.

Астахов С. Н. Шурфы-шахты для добычи каменного сырья в палеолите на Титовской Сопке // Записки Института истории материальной культуры. 2018. № 19. С. 13–19.

Васильев С. А. Сергей Никитич Астахов. Биографический очерк // Биобиблиография. СПб., 2013. С. 1–58.

Кириллов И. И. Сквозь мглу тысячелетий и веков. Рассказы археолога о забайкальских древностях / Чита, 2011. 140 с.

Константинов А. В. Астахов Сергей Никитич. Малая энциклопедия Забайкалья. Археология. Новосибирск : Наука, 2011. 368 с.

Yachmenev Oleg Yuriyevich

Student 1st year

Transbaikal State University

email: 19970725dyuu@gmail.com

УДК 902/904(571.61)

История исследования михайловской археологической культуры в Западном Приамурье

Е. И. Иванушко

Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск, Россия

История изучения михайловской археологической культуры в Западном Приамурье насчитывает уже более 50 лет. Первые исследования начались в конце 1960-х гг. и связаны с работой Е. И. Деревянко на Михайловском городище в 1967–1968 гг., по которому позднее получила название культура. На тот момент памятник был отнесен к мохэской археологической культуре [История Амурской области ... , 2008].

Позднее О. В. Дьякова в работе «Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический ис-

точник IV–X вв.» (1984 г.) указывает на уникальность керамических изделий, обнаруженных в Михайловском городище. Так, на основании изучения керамики памятника она выделила михайловскую посуду в особую группу, что, в свою очередь, позволило рассматривать михайловцев как один из локальных вариантов мохэской культуры [Дьякова, 1984, с. 76–85].

Дальнейшее исследование памятников михайловской группы было законсервировано в связи с отсутствием других таких памятников. Лишь с началом работы Бурейской

археологической экспедиции появилась возможность продолжить изучение михайловской группы. Так, на р. Бурея были исследованы михайловские жилища на памятнике Букинский ключ-2 (1988 г.), ниже по течению, недалеко от устья р. Большие Симичи (1989–1991 гг.) и на памятнике Букинский ключ-1 (1997, 1999 гг.). Также михайловская керамика была обнаружена на памятниках Сухие протоки-1, 2; Безумка и Малосимиченское городище [Древности Буреи, 2000, с. 132].

По результатам данных исследований и радиоуглеродного датирования была предложена гипотеза, согласно которой михайловская группа памятников преобразовывалась в Михайловскую археологическую культуру и соотносилась с известными по летописям северными шивэй. Также было высказано предположение о возможной генетической связи михайловской культуры с талаканской группой памятников [Древности Буреи, 2000, с. 171].

Бурейские материалы михайловской археологической культуры, обнаруженные во 2-й пол. 1990-х – нач. 2000-х гг., подробно исследованы в работах С. П. Нестерова, Д. П. Болотина, С. В. Алкина, О. А. Шеломихина и др. [Болотин, 1999; Нестеров, 2008; Нестеров, Шеломихин, 2002; Нестеров, Алкин, Богданов, 1997; Шеломихин, Нестеров, Алкин, 2017]. Михайловские жилища и керамика также были обнаружены и исследованы в других местах Западного Приамурья на оз. Долгом и на р. Горбыль [Волков, Кудрич, Савченко, 2007; Материалы и исследования ... , 2009]. В 2015–2016 гг. в зоне затопления Нижнебурейской ГЭС проводились спасательные раскопки на памятниках Безумка, Малые Симичи, Букинский Ключ, которые также выявили большое количество михайловских артефактов [Предварительные результаты ... , 2015; Спасательные археологические ... , 2016].

В 2016 г. в ходе археологической разведки в Свободненском р-не Амурской области был открыт памятник михайловской культуры Черниговка, селище-5. Спустя 2 года, в июле – сентябре 2018 г., были произведены археологические раскопки данного памятника. По итогам раскопок были выявлены некоторые особенности, не встречавшиеся ранее. Так, интерес привлекает само расположение памятника – поселение находилось на склоне сопки, что характерно для финального этапа существования михайловской культуры. Что касается жилищ, ранее существовало две версии о том, каким образом располагался вход в жилища. Согласно одной из них, вход был через дымовое отверстие, по другой же версии – в одном из скатов кровли. В жилищах памятника Черниговка, селище-5, как и на Озере Долгом, были обнаружены предвходовые столбовые ямы, свидетельствующие о расположении входа в одном из скатов кровли. Еще одной особенностью данного памятника является керамика. Здесь было обнаружено 2 развала сосудов, у которых доньшки вместо характерных для михайловской культуры плоских форм были округлыми [Археологические раскопки памятника ... , 2018].

Анализ материалов памятника позволил сделать предположение о том, что жители данного поселка основали его для временного проживания, так как находились в процессе миграции из южных районов Зейско-Буреинской равнины в северные территории.

Обобщая вышесказанное, за все время изучения памятников михайловской археологической культуры было обнаружено большое количество материалов, проливающих свет на быт михайловцев. Тем не менее в истории данного народа осталось еще немало темных пятен, которые до сих пор вызывают вопросы и споры среди исследователей. Так, по-прежнему спорным остается вопрос о происхождении михайловцев. Результаты радиоуглеродного датирования позволили определить хронологические рамки существования михайловской культуры III–VII вв.,

встречаются материалы, датируемые X в., причем для южных памятников характерны более ранние даты, и уже позже михайловцы появляются на севере-северо-западе. Это, вероятно, свидетельствует о том, что представители михайловской культуры вытеснялись из южных районов Западного Приамурья представителями найфельдской, а затем и троической групп мохэ.

Об этом также говорит тот факт, что михайловские укрепленные поселения-городища были обнаружены в основном на севере. Возможно, после встречи с мохэсками михайловцам потребовалось озаботиться усилением обороноспособности своих поселений. Они уходили от столкновения с мигрантами, количество населения которых значительно превосходило число аборигенов, и устраивали свои укрепленные поселения в труднодоступных местах, например на утесах. В слоях, датируемых с VII по X в., михайловский материал встречается только в совокупности с мохэским. Отсутствие памятников позднее X в. говорит о том, что михайловская культура прекратила свое существование и была полностью ассимилирована носителями мохэской культуры.

*Научный руководитель – О. А. Шеломихин
канд. ист. наук,*

*заведующий кафедрой истории России
и специальных исторических дисциплин,*

Благовещенский государственный педагогический университет

Список литературы

- Археологические раскопки памятника Черниговка, селище-5. 2018. URL: <https://nasledieamur.ru/expeditions/18-arkheologicheskie-raskopki-pamjatnika-chernigovka-selishhe-5-2018-god> (дата обращения: 15.03.2021).
- Болотин Д. П. Проблемы генезиса михайловской культуры Приамурья // Традиционная культура востока Азии. Благовещенск, 1999. Вып. 2. С. 109–120.
- Волков Д. П., Кудрич О. С., Савченко Т. П. Михайловские городища на реке Горбыль в Амурской области // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2007. Т. 13. С. 207–211.
- Древности Буреи / отв. ред. Е. И. Деревянко. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. 351 с.
- Дьякова О. В. Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник IV–X вв. М.: Наука, 1984. 205 с.
- История Амурской области с древнейших времен до начала XX века: 150 лет Амурской области / под ред. А. П. Деревянко, А. П. Забияко. Благовещенск: Изд. компания РИО, 2008. 424 с.
- Материалы и исследования Российской-Корейской археологической экспедиции в Западном Приамурье / А. П. Деревянко, Ким Бон Гон, С. П. Нестеров, Чой Мэн Сик, Хон Хён У, Бен Ён Хван, Пак Джон Сэн, Я. Ю. Хабибуллина Тэджон: Изд-во Гос. исслед. ин-та культурного наследия, 2009. Вып. 2: Раскопки поселения Озеро Долгое в 2008 году. 286 с.
- Нестеров С. П. Михайловская культура на Амуре (дискуссионные аспекты) // Тунгусо-маньчжурская проблема (Первые Шавкуновские чтения). Владивосток, 2008. С. 91–106.
- Нестеров С. П., Шеломихин О. А. Общее и особенное в конструкции жилищ памятника Букинский Ключ-1 // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2002. Вып. 3. С. 71–77.
- Нестеров С. П., Алкин С. В., Богданов Е. С. Исследования на памятниках Букинский Ключ-1 и Безумка // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 1997. Т. 3. С. 258–264.
- Предварительные результаты археологических работ в зоне затопления Нижнебурейской гидроэлектростанции в 2015 году (Амурская область) / А. А. Цыбанков, С. П. Нестеров, А. А. Дудко, С. В. Алкин, В. В. Ахметов, О. А. Шеломихин, Р. А. Першин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2015. Т. 21. С. 597–600.
- Спасательные археологические работы в зоне затопления Нижнебурейской гидроэлектростанции в 2016 году (Амурская область) / А. А. Цыбанков, Р. А. Першин, С. В. Алкин, В. В. Ахметов, К. Н. Назаров, О. А. Шеломихин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2016. Т. 22. С. 577–580.
- Шеломихин О. А., Нестеров С. П., Алкин С. В. Долина Буреи в эпоху палеометалла: материалы и исследования памятников Букинский Ключ-1 и Безумка. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2017. 194 с.

History of the Research of Mikhailovsky Archaeological Culture in the Western Priamurye

E. I. Ivanushko

The article outlines the main stages of the study of the Mikhailovsky archaeological culture in the Western Priamurie. The process of formation of the Mikhailovsky early Medieval community as an independent culture is reflected. The range of its distribution in the Bureya Valley, in the southern and central regions of the Western Priamurie is presented. The preliminary results of the latest excavations of the settlements of the Mikhailovsky culture at the Chernigovka site, locus 5, are considered separately. Their research revealed new data that both confirm and refute some of the ideas about Mikhailovtsy that existed in the scientific community. The information received from the Chernigovka site, locus 5 is still under processing. Therefore, the conclusions drawn on its basis are preliminary and debatable, and will be clarified in the future.

Keywords: Mikhailovskaya archaeological culture, Western Priamurie, Mikhailovskoe gorodishche, Bureya, Chernigovka.

Иванушко Евгений Иванович

магистрант 2-го года обучения

Благовещенский государственный педагогический университет

e-mail: iivanushko@inbox.ru

Ivanushko Evgeniy Ivanovich

Graduate student 2nd year

Blagoveshchensk State Pedagogical University

e-mail: iivanushko@inbox.ru

УДК 930.1:902

Историография изучения остатков млекопитающих на памятниках палеолита и неолита юга Дальнего Востока

В. Р. Масленникова

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

В Приморье известно два палеолитических памятника с сохранившимися палеонтологическими материалами. Первый из них – пещера Географического общества. С 1966 г. памятник исследовался аспирантом Зоологического института АН СССР Н. Д. Оводовым под руководством Н. К. Верещагина и при консультации А. П. Окладникова [Окладников, Верещагин, Оводов, 1968, с. 58–59]. Фаунистические остатки, обнаруженные в пещере Географического общества, позволили впервые сделать некоторые общие выводы о природной обстановке, окружающей палеолитического человека около 40–34,3 тыс. л. н. [Кузьмин, 2004, с. 47]. Материалы памятника доказали существование на протяжении верхнеплейстоценовой эпохи в Приморье холодолюбивой фауны, включающей такие виды, как мамонт, шерстистый носорог, пещерная гиена и др. Раскопки в пещере установили также существование в голоценовую эпоху животных, входящих в состав современной фауны: тигра, рыси, пятнистого оленя и др. видов [Окладников, Верещагин, Оводов, 1968, с. 58–59].

Вторым пещерным археологическим объектом, содержащим кости плейстоценовой фауны, стала пещера Сухая, впервые обследованная в 1973 г. В. А. Татарниковым. По материалам пещеры было сделано предварительное определение, утвердившее наличие костей от крупных жвачных животных, хищников и грызунов [Конonenko, Короткий, Слепцов, 2002].

Ввиду неблагоприятного для сохранения органики состава почв, обнаружение экофактов на неолитических памятниках Приморья является редкостью. Основная масса остеологического материала сохраняется в памятниках, содержащих раковинные кучи.

Грот Чертовы Ворота стал одним из первых неолитических местонахождений, содержащих костные остатки. Изучение остеологических материалов памятника в 70-х гг. XX в. проводила Э. В. Алексеева. Исследователь определила более 5 тыс. фр. костей, из которых 1700 принадлежало млекопитающим. Важным открытием стало наличие у первобытного населения грота одомашненной собаки: «...собаку держали не только как помощника в охоте, но и как источник мяса» [Алексеева, 1991, с. 205].

Первые фаунистические данные стоянки Синий Гай были получены Н. Д. Оводовым в 1980-х гг. Дальнейшее определение и расширение списка млекопитающих из неолитического слоя памятника проводила Э. В. Алексеева.

Изучение остеологической коллекции позволило ученым выделить 21 вид млекопитающих на памятнике, включая домашнюю собаку [Алексеева, Гасилин, 2015].

В 1990-е гг. наблюдалось повышение интереса к изучению остатков животных из культурных слоев неолитических поселений, связанное с изучением ряда таких новых памятников южного Приморья, как: Бойсмана-1, Бойсмана-2, Зайсановка-1, Зайсановка-3, Зайсановка-7.

Изучением костей на неолитической стоянке Бойсмана-2 занималась Э. В. Алексеева. Нижний горизонт памятника, принадлежащий бойсманской культуре, содержал около 12 видов млекопитающих [Биостратиграфия неолита ... , 1999, с. 44]. Интересна находка в средне-неолитическом слое Бойсмана-2 (датированная около 6–5 тыс. л. н.) костей ластоногих. Ранее кости ластоногих были известны только из материалов поселений палеометалла, датированных около 3–2 тыс. л. н. [Кузьмин, 2002, с. 79].

Ю. Е. Вострецов и Т. Тоизуми, исследовав фауну млекопитающих на стоянках Бойсмана-1 и Зайсановка-3, обнаружили кости домашней собаки на обеих стоянках и, возможно, домашней свиньи на стоянке Зайсановка-3 [Вострецов, Тоизуми, 1998]. Следует отметить тот факт, что домашней свиньи в неолите Приморья найдено до сих пор не было. Состав млекопитающих памятника Бойсмана-1 содержит 15 видов, Зайсановка-3 – 8 [Вострецов, Тоизуми, 1998].

На памятнике Зайсановка-1, исследованном Ю. Е. Вострецовым в 1997–2000 гг., были обнаружены 4 вида млекопитающих: собака, изюбрь, косуля, кабан [Раков, Бродянский, 2004, с. 11]. Кости млекопитающих были обнаружены также на памятнике Зайсановка-7. По предварительным определениям профессора Тойохиро Нишимото, охотники добывали енотов, мелких собачьих млекопитающих, изюбрей, косуль, пятнистых оленей, кабанов [Система жизнеобеспечения ... , 2008].

Изученный в 2004–2006 гг. памятник Дворянка-1 пополнил список неолитических объектов Приморья, содержащих экофакты. Сохранению органики способствовали оказавшие консервирующее влияние на остатки известняки скалистой сопки, на вершине которой располагается памятник [Остеологические и ботанические материалы ... , 2008]. Всего было обнаружено около 750 костей животных [Там же, с. 54]. Авторами был сделан вывод о том, что кабан и изюбрь были основными объектами охоты неолитического населения памятника Дворянка-1.

Определение остеологического материала неолитического слоя памятника Клерк-5, полученного при раскопках в 2005–2006 гг., проводилось В. В. Гасилиным и Л. Е. Васильевой. Всего было обнаружено 10 083 кости млекопитающих, 2263 из которых принадлежало неолитическим отложениям. Видовой состав в слоях, сформированных разными культурами, был сходен: везде была домашняя собака, в составе диких млекопитающих постояннен видовой список копытных и наличие видов ластоногих [Вострецов, Гасилин, Васильева, 2010].

В 2011 г. экспедицией Музея археологии и этнографии ДВФУ на о-ве Русский был открыт многослойный памятник Боярин-6. Анализ фаунистических остатков из раковинных куч позволил ученым сделать вывод о комплексном характере использования локальных биоресурсов в бухте Боярин среднеолитическим населением. Из достоверно определенных домашних животных в материале присутствуют кости собаки и, в качестве предположения, требующего большего подтверждения, свиньи [Междисциплинарные исследования археологического ... , 2014, с. 26].

*Научный руководитель – А. Н. Попов
канд. ист. наук, доцент,
Департамент истории и археологии,
Школа искусств и гуманитарных наук,
Дальневосточный федеральный университет*

Список литературы

Алексеева Э. В. Остатки животных из грота Чертовы Ворота // Неолит юга Дальнего Востока: Древнее поселение в пещере Чертовы Ворота. М., 1991. С. 205–212.

Алексеева Э. В., Гасилин В. В. Крупные млекопитающие в хозяйстве древнего населения Приханкайской низменности (Южное Приморье) // Средневековые древности Приморья. Владивосток, 2015. Вып. 3. С. 441–446.

Historiography of Archeozoological Research on Archaeological Sites of Paleolithic and the Neolithic in the South of the Far East

V. R. Maslennikova

The article presents a review on the development of archeozoology in the south of the Far East. The article considers the main works of archeologists that have an archeozoological orientation. Attention is paid to scientific school formed in the Primorski region. The milestones and researchers indicated in chronological order. The article covers the paleolithic periods and the neolithic. The small number of monuments is due to the acidity of the soil. Paleolithic sites containing bones – 2, Neolithic – 11. Paleolithic materials are preserved in caves, Neolithic in sink pile. Historiography covers the second quarter of the 20th century to the present day. The article presents studies of mammals. The theses are a brief overview of the work.

Keywords: Archaeology, Historiography, Primorski region, mammals, fauna.

Масленикова Валерия Романовна
студент 4-го курса
Дальневосточный федеральный университет
e-mail: Valera.maslennikova99@mail.ru

Maslennikova Valeria Romanovna
Student 4th year
Far Eastern Federal University
e-mail: Valera.maslennikova99@mail.ru

УДК 902/904(571.64)(091)

Археология Сахалина и Курильских островов в советский период истории Сахалинской области (1925 (1945) – 1991 гг.)

А. О. Цепкало

Сахалинский государственный университет, Южно-Сахалинск, Россия

Тема историографии археологических исследований с годами не теряет своей актуальности, и сейчас необходимо историографическое обобщение археологических исследований Сахалинской области ввиду территориальной обособленности и культурного разнообразия региона.

Советская власть установилась на Северном Сахалине в 1925 г., а на юге острова и Курильском архипелаге – в 1945 г. В предшествующие десятилетия исследования проводятся только в северной части острова, а после Второй мировой войны они начинаются на юге Сахалина и Курильских о-вах. С этой особенностью связано выделение

Биостратиграфия неолита и палеометалла Приморья / Э. В. Алексеева, Л. Н. Беседнов, Д. Л. Бродянский, В. А. Раков // Вестн. Дальнев. отд-ния РАН. 1999. № 3. С. 40–47.

Вострецов Ю. Е., Тоизуми Т. Охотничья деятельность // Первые рыболовы в заливе Петра Великого: Природа и древний человек в бухте Бойсмана. Владивосток, 1998. С. 321–353.

Вострецов Ю. Е., Гасилин В. В., Васильева Л. Е. Сравнительный анализ фауны многослойного поселения Клерк-5 (предварительные результаты) // Дальний Восток России в древности и средневековье. Проблемы. Поиски. Решения. Материалы регион. науч. конф., 26–27 апр. 2010 г. Владивосток, 2010. С. 179–186.

Кононенко Н. А., Короткий А. М., Слепцов И. Ю. Природно-археологический комплекс пещеры Сухой в Приморье (Российский Дальний Восток) // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток, 2002. С. 3–13.

Кузьмин Я. В. Геоархеология Приморья в 1990-х годах: основные результаты исследований // Россия и АТР. 2002. № 3 (37). С. 78–88.

Кузьмин Я. В. Природная среда палеолита юга Дальнего Востока России // БКИЧП. 2004. № 65. С. 44–50.

Междисциплинарные исследования археологического памятника Боярин-6 (Владивосток, остров Русский) в 2013 г: предварительные данные / А. Н. Попов, В. А. Раков, Б. В. Лазин, О. А. Еловская, Л. Е. Васильева // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 1 (27). С. 20–27.

Окладников А. П., Верещагин Н. К., Овдов Н. Д. Открытие пещерного палеолита в Приморье // Вестн. АН СССР. 1968. № 10. С. 54–62.

Остеологические и ботанические материалы из неолитического жилища памятника Дворянка-1 в Приморье / Н. А. Клюев, М. П. Тиунов, Е. А. Сергушева, С. В. Арамилев // Россия и АТР. 2008. № 3. С. 53–59.

Раков В. А., Бродянский Д. Л. Каталог фауны из археологических памятников Приморья. Владивосток, 2004. 59 с.

Система жизнеобеспечения на поселении Зайсановка-7: модель адаптации ранних земледельцев к условиям жизни на побережье Приморья / Ю. Е. Вострецов, А. М. Короткий, А. В. Епифанова, Л. Н. Беседнов, В. А. Раков, Е. А. Сергушева // Cultural exchange in East-sea and Primorye region of Russia. The 16th International conference of the Association of North-East Asian cultures. Vladivostok, 2008. С. 392–404.

ем островного мира в это время были заняты и японские коллеги, но в советский период их работы были плохо освещены. Как итог, в данный этап археологических исследований были сделаны важные находки, развивающие интерес к островному прошлому, но они носили отрывочный характер.

В послевоенный период начинают осуществляться планы по систематизированному изучению Дальнего Востока. С 1947 г. по начало 1950-х гг. в области работал археолог и историк-лингвист Б. А. Жеребцов и московский историк, зав. кафедрой истории ЮСПИ Л. С. Грибанова. Их работы проходили в рамках студенческих практик и небольших выездов на места археологических находок. И тем не менее именно они помогли прибывшей на Сахалин по заданию А. П. Окладникова Р. В. Козыревой (Чубаровой).

В 1954 г. во главе экспедиции Р. В. Козырева отправилась на исследования, и именно она заложила основы современной сахалинской археологической науки. По данным исследований выделены неолитические культуры северного и южного Сахалина (II тыс. до н. э.) и культура «раковинных куч» (I тыс. до н. э.). В ряде статей, диссертации и итоговых монографиях представлена первая систематизированная древняя история о-ва Сахалин [Чубарова, 1958, 1959, 1961; Козырева, 1965, 1967]. Публикациям предшествовали исследования в 1950-х гг. на Сахалине, в 1956 г. – на о. Итуруп; находки отнесены к неолиту и были датированы концом I тыс. до н. э. [Чубарова, 1960].

В результате экспедиций 1963–1965 гг. на территории пгт Ноглики изучалась стоянка Имчин-I. Обнаружены первые находки, свидетельствующие о докерамических и микропластинчатых комплексах, что позволило сделать вывод о наличии на Сахалине мезолита [Вязовская, 1967]. В 1963 г. на о-вах Курильской гряды начинает работу В. А. Голубев в составе группы студентов-историков и преподавателей кафедры истории СССР под руководством И. А. Сенченко. С 1965 г. работу В. А. Голубева начал курировать академик А. П. Окладников. В. А. Голубев выделил локальные группы памятников (южнокурильскую и северокурильскую: для первой преимущественно характерен неолит, а для второй – пережиточная форма неолита, переходящая в охотскую культуру [Голубев, 1972]). Р. С. Васильевский, работавший на Сусуйской стоянке вместе с В. А. Голубевым, в это же время (1973 г.) представляет схему заселения Сахалина и Курильских островов [Васильевский, 1973]. После счастливого открытия школьником-любителем В. Зайцевым стоянки Сокол, в 1974–1980-е гг. В. А. Голубев совместно с Р. С. Васильевским и позднее с Е. Л. Лавровым обосновали периодизацию позднего палеолита Сахалина. Были определены различия в развитии материальной культуры севера и юга острова [Васильевский, Голубев, 1976]. С именем В. О. Шубина связаны исследования Курилороссии, отражающие жизнь российских поселенцев на Курильских островах в XVIII–XIX вв. [Шубин, Шубина, 1985]. Им же были выделены

стоянки Такое-2 (начальный неолит), Озерск-I (ранний железный век и средневековье). Также им по материалам поселения Садовники-2 выделена неолитическая культура на Южном Сахалине в рамках этапа среднего неолита. Примерно в это же время появляется концепция культуры охотников и рыболовов IV–I тыс. до н. э. и рассматривается ее связь с культурами Амура [Шубин, Шубина, 1984; Шубина, 1986, 1987].

В 1990-е гг. из-за экономической ситуации в стране археологическая наука переживала определенного рода упадок не только в Сахалинской области, но и по всей стране, а позднее и в странах бывшего СССР. В период советской власти в 1970-е гг. археологическая наука в Сахалинской области переживала свой расцвет. Была сформирована археологическая школа, начато систематизированное изучение Сахалина и Курильских о-вов, зафиксировано множество находок, позволивших сделать вывод о древности островной истории и дающих представление о жизни в это время.

*Научный руководитель – А. А. Васильевский
д-р ист. наук, профессор,
кафедра российской и всеобщей истории,
Сахалинский государственный университет,
Сахалинская лаборатория археологии и этнографии
ИАЭТ СО РАН*

Список литературы

- Васильевский Р. С. Древние культуры Тихоокеанского Севера. Новосибирск : Наука, 1973. 267 с.
- Васильевский Р. С., Голубев В. А. Древние поселения на Сахалине (Сусуйская стоянка). Новосибирск : Наука, 1976. 272 с.
- Вязовская В. В. Неолитическая стоянка на р. Лютога и микролитические пластинки Имчина // Народы советского Дальнего Востока в дооктябрьский период истории СССР. Владивосток, 1967. С. 138–142.
- Голубев В. А. Археология Курильских островов : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск : ИИФ СО АН СССР, 1972. 24 с.
- Золотарев А. М. Ногликовская неолитическая стоянка // СА. 1936. № 1. С. 273–274.
- Козырева Р. В. К истории культуры раковинных куч на о. Сахалине // Материалы и исследования по археологии СССР: Палеолит и неолит СССР. М. ; Л., 1965. Т. 5, № 131. С. 281–296.
- Козырева Р. В. Древний Сахалин. Л. : Наука, 1967. 120 с.
- Чубарова Р. В. Работы Сахалинского отряда Дальневосточной экспедиции в 1955 г. // КСИИМК. 1958. Вып. 71. С. 119–128.
- Чубарова Р. В. Археологические исследования в 1956 году на острове Сахалине // КСИИМК. 1959. Вып. 73. С. 115–121.
- Чубарова Р. В. Неолитические стоянки на острове Итуруп // СА. 1960. № 2. С. 128–138.
- Чубарова Р. В. Неолитическое поселение Ноглики I (Дальний Восток) // КСИА. 1961. Вып. 85. С. 48–54.
- Шубин В. О., Шубина О. А. Новые радиоуглеродные датировки по археологическим памятникам Сахалинской области. Южно-Сахалинск : ИМГиГ, СОКМ, 1984. 46 с.
- Шубин В. О., Шубина О. А. Курилороссия // Вопросы истории. 1985. № 5. С. 184–189.
- Шубина О. А. Типология каменного инвентаря неолитического поселения Имчин-12 на Северном Сахалине. Южно-Сахалинск : СОКМ, 1986. 44 с.
- Шубина О. А. Жилища поселений имчинской неолитической культуры. Южно-Сахалинск : ИМГиГ, СОКМ, 1987. 34 с.

Archaeology of Sakhalin and the Kuril Islands in the Soviet Period of the History of the Sakhalin Region (1925 (1945) – 1991)

A. O. Tsepkalov

The topic of historiography of archaeological research has not lost its relevance over the years. In view of the territorial isolation and cultural diversity of the region, it is necessary to generalize the historiographic archaeological research of the Sakhalin region. The paper presents a conditional division into two periods of study: the introductory (1925–1954) and the stage of systematic research (1954–1991), also the most important discoveries made in this period (1925–1991). At this time, the foundations of the archaeological school of the region were laid, and this determines the further development of archaeological science. The data obtained by researchers during the Soviet period of Russian history remains the basis for new discoveries.

Keywords: Sakhalin, Kuril Islands, archaeology, historiography, USSR, Sakhalin State University.

Цепкало Анна Олеговна

студент 1-го курса
Сахалинский государственный университет
e-mail: tsepkalov.y.s@gmail.com

Tsepkalov Anna Olegovna

Student 1st year
Sakhalin State University
e-mail: tsepkalov.y.s@gmail.com

Из истории французских археологических исследований в Индокитае: школы и миссии

А. А. Федорова

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Индокитай (фр. Indochine) – полуостров на юго-востоке Азии, он омывается Малаккским проливом, Андаманским и Южно-Китайским морями, Сиамским, Бакбо (Тонкинским) и Бенгалским заливами. На его территории располагаются государства Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Малайзия (большая часть), Мьянма, Таиланд и небольшая часть Бангладеша.

Французское вторжение началось на юге Вьетнама, в Кочинчине (Намбо) с 1858 по 1884 г., далее завоевывались территории в Аннаме (Чунгбо) и Тонкине (Бакбо), а также Камбодже и Лаосе (1860–1890-х гг.). Эти территории в 1885 г. были официально объединены под названием Французский Индокитай (Indochine Française). Желанием французам было создание французской империи в Юго-Восточной Азии и восстановление французского престижа и «величия». Изучение каменного века Вьетнама начинается во второй половине XIX в. – первые французские колонизаторы начали собирать древние каменные орудия, керамику, артефакты из бронзы и золота.

П. Думер способствовал созданию постоянной археологической миссии Французской школы Дальнего Востока l'École française d'Extrême-Orient (EFEO). Школа была основана в декабре 1898 г. в Сайгоне сначала как Mission Archéologique d'Indo-Chine (настоящее название получила в 1900 г.). Bulletin de L'École française d'Extrême-Orient являлась изданием, в котором публиковались материалы по первобытной археологии Индокитая. В 1902 г. штаб-квартира школы была открыта в Ханое, ее основными научными задачами были: археологические исследования, сбор рукописей, сохранение памятников, этнографическая инвентаризация этнических групп и изучение индокитайского культурного и языкового наследия. Выдающимися исследователями в EFEO были директора-археологи: Л. Фино (1898–1904, 1914–1918, 1920–1926, 1928 гг.), А. Фуше (1905 г.), Ж. Сёдес (1929 г.), Л. Малере (1950 г.), А. Парментье (1904 г.) [Genovese, 2018].

На начальных этапах колониальной археологии ее главными действующими лицами были любители, офицеры армии, чиновники колониальной администрации, торговцы, священники, геологи и др. Например, цирковой артист Пажо провел в 1925–1928 гг. раскопки в Донгшонском могильнике позднего бронзового века – к сожалению, антропологические материалы не были сохранены, а информация оказалась несистематизированной [Colani, 1930, 1932].

В 1903 г. П. Морен предоставил EFEO первую карту Долины Кувшинов [Genovese, 2018]. В период 1912–1927 гг. А. Парментье составил сборник лаосской архитектуры L'Art du Laos с ее описанием [Parmentier, 1914].

Один из самых величественных и загадочных храмовых комплексов мира Ангкор-Ват, расположенный в Камбодже, был открыт в 1860 г. А. Муо. В начале 1950-х гг. Б.-Ф. Грослие возглавлял экспедицию по составлению карт города, которые обеспечили столь необходимую основу для археологических раскопок. Обнаруженные им гигантские водохранилища служили двум целям: символизировали первозданный океан индуистской космогонии и орошали рисовые поля. Однако Б.-Ф. Грослие не удалось завершить проект, его топографические базовые карты не были опубликованы вплоть до 1993 г. [Charman, 2013].

Целью П. Риве было собирание индокитайских коллекций и создание архивов древнего и современного насе-

ления Индокитая. Коллекция П. Риве содержала около 80 предметов Мої (горцев-мантаньяров), в числе которых было оружие (копья и луки) и сельскохозяйственные орудия из различных районов Индокитая [Там же]. Ж. Б. Нуле, в свою очередь, начал исследования нового каменного (неолита) и бронзового веков Камбоджи, в частности проанализировал каменные орудия со стоянки Самронг Сен [Mansuy, 1902]. Э. Патт в 1923 г. доказал, что все неолитические комплексы Индокитая имеют шлифовальные орудия, и написал обобщающий очерк археологии региона [Colani, 1930].

Особо отметим вклад Мадлен Колани, которая открыла около 100 пещер и стоянок первобытных людей, ввела термин Hoabinhian для обозначения каменных орудий, датируемых 10 000–5000 гг. до н. э., и, соответственно, в провинции Хоа-бинь – хоабиньскую мезолитическую культуру, датированную 9000–3000 гг. до н. э. М. Колани была также ответственной за первую крупномасштабную документацию Долины Кувшинов. В 1931–1932 гг. состоялись три ее крупные экспедиции в Долину Кувшинов с целью изучения мегалитической цивилизации Верхнего Лаоса [Colani, 1930, 1932; Genovese, 2015]. В числе находок были предметы из бронзы, железный нож, колокольчики, украшения, керамика, орудия. А. Мансуй вместе с М. Колани исследовал позднеолитическое поселение Сомрон-Сен в Камбодже. Именно он установил существование раннего неолита – бакшонской культуры. В 1924 г. Мансуй доказал существование раннего неолита в регионе [Mansuy, 1902].

Ж. Фромаже и Э. Сорен в 1934–1936 гг. открыли в пещерах Верхнего Лаоса остатки ископаемой плейстоценовой фауны с костными фрагментами предполагаемого синантропа и раннепалеолитические орудия [Saurin, 1937]. Каменный век Индокитая исследовали также П. Леви и Ж. Сёдес и др. Так, например, в ходе изысканий А. Фонтайна, Дж. Девидсона и Э. Сорена был сделан вывод о том, что стоянка Хоа Винь может быть классифицирована как Proto-Sa Huynh или Sa Huynh I [Там же].

Во Франции в 1870–1890-е гг., наряду с научными исследованиями, археологические материалы из Индокитая стали предметом откровенных спекуляций и продажи.

Изучение Индокитая продолжается и в настоящее время. В 2010 г. проводилось исследование в Као Сам Каео (Khao Sam Kaeo) на Верхнем Тайско-Малайском полуострове, в котором принимали участие группы ученых, в числе которых были французы; Л. Женевез проводила раскопки в Лаосе в 2010–2011 гг. Подписание 25 сентября 2013 г. декларации о стратегическом партнерстве между Францией и Вьетнамом закрепляет их научное сотрудничество. При взаимодействии колонизаторов и колонизируемых происходил взаимный культурный обмен, EFEO до сих пор продолжает оказывать помощь в каталогизации и сохранении тысяч буддийских рукописей в Лаосе. Тем не менее на начальных этапах французская археология была в своей основе исключительно колониальной, коренные жители, за редкими исключениями, не допускались к раскопкам.

Индокитай – исключительно важный регион с точки зрения расселения *Homo sapiens* и его предков по территории Евразии и далее по Тихоокеанскому бассейну. Это территория, насыщенная памятниками всех эпох (от раннего палеолита до средневековья) и типов (стоянки, пеще-

ры, поселения, храмовые и мегалитические комплексы), что позволяет проследить различные модели адаптации человека к континентальным и прибрежным условиям, а также процессы перехода к производящему хозяйству, появление металлургии, становление предгосударственных и государственных образований.

Стоит упомянуть и российских исследователей данного региона, работавших параллельно со своими французскими коллегами. Наибольший вклад в исследовательскую деятельность внесли П. И. Борисковский, К. А. Вяземский, В. Голубев, Н. Н. Чебоксаров, С. В. Лаптев, А. П. Деревянко, А. В. Кандыба, С. А. Гладышев, В. А. Лебедев, А. А. Цыбанков [Борисковский, 1966, 1971; Открытие бифасиальной индустрии ... , 2018].

*Научный руководитель – А. В. Табарев
д-р ист. наук, ведущ. науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Список литературы

Борисковский П. И. Первобытное прошлое Вьетнама. М.; Л., 1966. 183 с.

Борисковский П. И. Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Л., 1971. 174 с.

Открытие бифасиальной индустрии во Вьетнаме / А. П. Деревянко, А. В. Кандыба, Нгуен Кхак Шу, С. А. Гладышев, Нгуен За Дой, В. А. Лебедев, А. М. Чеха, А. Г. Рыбалко, В. М. Харевич, А. А. Цыбанков // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. № 46. С. 3–21.

Chapman W. A Heritage of Ruins: The Ancient Sites of Southeast Asia and their Conservation. Hawaii: University of Hawai'i Press., 2013. 120 p.

Colani M. The Megaliths of Upper Laos. L'École française d'Extrême-Orient. 1930. 812 p.

Colani M. Champs de jarres monolithiques et de pierres funéraires du Tràn-Ninh (Haut-Laos) // The First Congress of the Far Eastern Prehistory Association. Hanoi, 1932. 257 p.

Genovese L. The Birth of French Research into the Prehistory of Laos // Engaging Asia Essays on Laos and Beyond in Honour of Martin Stuart-Fox. 2018. P. 91–200.

Genovese R. The plain of jars of north Laos: beyond Madeleine Colani. PhD Thesis. SOAS. University of London, 2015. 256 p.

Mansuy H. Stations Préhistoriques de Somron-Seng Et de Longprao: Cambodge. Whitefish. Kessinger Publishing, 1902. 66 p.

Parmentier H. Le Temple de Vat Phu // Bulletin of the EFEO. 1914. Vol. 14. P. 1–32.

Saurin E. Mésolithique et néolithique dans le Haut Laos. CPF, XII session. Paris, 1937. P. 27–41.

From the History of French Archaeological Exploration in Indochina: Schools and Missions

A. A. Fedorova

The aim of this work is to review data on the history and organizational form of archaeological research carried out by French specialists in Indochina with an emphasis on the territory of Vietnam, Cambodia and Laos. The French explored various types of monuments: megaliths, building complexes, grottoes, caves according to the periods of their existence and use from the Early Paleolithic to the Middle Ages. In the article, the author examines the most important results of excavations and the interpretation of these data by archaeologists – M. Colani, B. Groslier, A. Myo and others, many of whom published their works in the "Bulletin de L'école français d'extrême". Most of them worked during the colonial period, which was accompanied by many difficulties, and their research activities had both positive and negative consequences.

Keywords: Indochina, France, Paleolithic, Neolithic, Middle Ages, French study, EFEO.

Федорова Анастасия Александровна

студент 2-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: a.fedorova3@g.nsu.ru

Fedorova Anastasia Aleksandrovna

Student 2nd year

Novosibirsk State University

e-mail: a.fedorova3@g.nsu.ru

УДК 903.6

Монументальная архитектура как археологический признак ранней цивилизации

В. А. Соколовский

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Исследования археологических признаков цивилизации берут свое начало с середины XX в., когда В. Г. Чайлд сформулировал свой знаменитый список [Childe, 1950, p. 9–16]. Уже семьдесят лет этот список периодически корректируется по мере накопления новых археологических данных. Среди множества различных вариаций чаще всего встречаются следующие признаки: монументальная архитектура, город, стратификация погребений и высокоразвитое ремесло [Политогенез и историческая ... , 2019, с. 167; Крадин, 2019, с. 18]. Стоит уточнить, что ни один из этих и других признаков не является универсальным для образования сложных обществ [Крадин, 2006]. Однако именно монументальная архитектура становится своеобразным маркером для археологов, чтобы увидеть масштабы социальной, экономической и политической власти в обществе [Trigger, 1990, p. 125].

Б. Триггер определяет раннюю цивилизацию как «простую форму общества, в котором основным принципом, регулирующим общественные отношения, было не родство, а иерархия социальных делений или различий», или, другими словами, это «самая ранняя и простейшая форма классового общества» [Trigger, 2003, p. 45–46].

Монументальная архитектура является очевидным показателем существования государственного устройства,

концентрации правительствами рабочей силы и ресурсов, деятельности мастеров и инженеров [Trigger, 1990, p. 122; Trigger, 2003, p. 564; Shady Solís, 2006, p. 36]. Подобные построения также характерны для вожеств и ранних государств [Политогенез и историческая ... , 2019, с. 167]. Ярким примером этого могут послужить сложные вожества Тонги и Гавайских островов (1200–1800 гг. н. э.), где монументальная архитектура играла роль визуального символа гегемонии и господства элит [Kirch, 1990, p. 217–218].

Однако именно в ранних цивилизациях монументальная архитектура становится повсеместной, сложной и дифференцированной, так как «ее размеры коррелируют с растущей стратификацией в высших классах», она становится «неотделимой частью» их культуры [Trigger, 1990, p. 120]. В некоторых случаях монументальная архитектура представляется в весьма необычном виде. Например, ее место в ольмекской культуре занимает монументальная скульптура, которая представлена знаменитыми базальтовыми головами, изображающими вождей. Были найдены и другие скульптуры – статуи сидящих мужчин, которые, по мнению Д. Д. Беляева, представляли «второстепенную элиту» [2012, с. 13–14]. Таким образом, монументальная скульптура также является частью культуры высших классов, свидетельствует о социальной стратификации в обществе.

Монументальная архитектура создавалась в идеологических целях как визуальное напоминание социального неравенства и неизбежности общественного устройства [Политогенез и историческая ... , 2019, с. 159, 168]. Примером этого могут послужить комплексы культуры Норте-Чико (север перуанского побережья), датируемые III–II тыс. до н. э. Традиция постоянной ремодификации и реконструкции крупных комплексов (от 40 до 80 га) говорит о сильном контроле властей, об их воздействии и влиянии на население [Shady Solís, 2006, p. 62]. Самобытное появление таких комплексов уже свидетельствует о развитой (на то время) инженерии. Касаемо определения Норте-Чико как «культуры» или «цивилизации» [Haas, Creamer, 2006; Shady Solís, 2006], ведутся споры, однако в ходе практически тридцатилетних исследований были найдены все признаки цивилизации, которые соответствуют классическому «списку Чайлда».

Монументальные комплексы периода кофун в Японии (конец III–VII вв. н. э.) представлены двумя (круглой и прямоугольной) прилегающими друг к другу насыпями. Время возведения комплексов совпадает с предгосударственным образованием Ямато на о. Хонсю, длительное существование которого объясняется не только единой религиозной системой (*синто*), но и социальной дифференциацией, и формированием высших классов, так как крупные кофуны располагались отдельно от рядовых мест погребений [Гнездилова, Иванова, 2018, с. 78, 84]. В целом это предгосударственное образование Ямато на основании имеющихся данных можно охарактеризовать как раннюю цивилизацию.

На основании вышесказанного вполне логично будет вывести основную цель и предназначение монументальной архитектуры в ранних цивилизациях, а именно как наглядное свидетельство масштабов социальной дифференциации в том или ином обществе. В современном археологическом дискурсе о природе ранних цивилизаций набирает популярность термин «(ранне)неолитическая цивилизация». С монументальной архитектурой этот термин связывается тем, что начало строительства многих монументальных комплексов приходится именно на эту эпоху. В связи с этим можно сделать интересное наблюдение касательно так называемого парадокса Салинза, показывающего, что в ходе неолитической революции уровень жизни понижается из-за развития производящего хозяйства [Салинз, 1999, с. 50–51]. Строительство монументальных сооружений, добыча материала для этого, консолидация рабочей силы ведут к такому же ухудшению качества уровня жизни, как и появление ирригационных систем и сельского хозяйства.

Monumental Architecture as Archaeological Criteria of Early Civilization

V. A. Sokolovsky

The aim of the article is to consider monumental architecture as archaeological criteria of early civilization. Early civilization is the simplest class society. Monumental architecture is one of the classic and basic signs of civilization, but this opinion is not shared by all researchers. Most of the complexes with monumental architecture are evidence of social inequality in society and the hegemony of power. On the example of several complexes with monumental architecture in different regions of the world (Mexico, Japan, Peru, Hawaii and Tonga) the answer will be given about the expediency of these criteria, about what meaning it carries as archaeological criteria.

Keywords: monumental architecture, early civilization, archaeological criteria.

Соколовский Василий Андреевич

студент 3-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: v.sokolovskii@g.nsu.ru

Таким образом, монументальная архитектура является признаком ранней цивилизации, «инструментом измерения археологами масштабов экономической или политической власти» [Политогенез и историческая ... , 2019, с. 169]. Она служит визуальным маркером того, что общество было ранжировано и (или) стратифицировано, и вполне соответствует термину «ранняя цивилизация». Есть примеры, когда монументальная архитектура была заменена на нечто похожее по своему «смысловому» содержанию (например, монументальная скульптура ольмеков). Повсеместное ухудшение уровня качества жизни вполне соотносится с затратами на построение монументальных сооружений. Вполне возможно провести параллель между терминами «ранняя цивилизация» и «(ранне)неолитическая цивилизация», которые могут быть очень похожими по содержанию, однако совершенно разными по временным промежуткам в зависимости от региона.

Научный руководитель – А. В. Табарев

д-р ист. наук, ведущ. науч. сотр.,

Институт археологии и этнографии СО РАН

Список литературы

Беляев Д. Д. Еще раз к вопросу о социально-политической организации ольмекской археологической культуры // Политическая антропология традиционных и современных обществ : материалы Международ. конф. Владивосток, 2012. С. 3–29.

Гнездилова И. С., Иванова Д. А. Монументальные сооружения в древних культурах Японского архипелага: период кофун // Вестн. Том. гос. ун-та. 2018. № 428. С. 78–86.

Крадин Н. Н. Археологические признаки цивилизации // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006. С. 184–208.

Крадин Н. Н. Особенности и механизмы дальневосточного политогенеза // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019. Т. 25 : Политогенез на Востоке. Социальная археология Приморья. С. 7–44.

Политогенез и историческая динамика политических институтов: от локальной потестарности к глобальной мир-системе / под ред. Л. Е. Гринина. М., 2019. 608 с.

Салинз М. Экономика каменного века. М., 1999. 296 с.

Childe V. G. The Urban Revolution // The Town Planning Review. 1950. Vol. 21. P. 3–17.

Haas J., Creamer W. Crucible of Andean Civilization: The Peruvian Coast from 3000 to 1800 BC // Current Anthropology. 2006. Vol. 47. P. 745–775.

Kirch P. V. Monumental Architecture and Power in Polynesian Chiefdoms: A Comparison of Tonga and Hawaii // World Archaeology. 1990. Vol. 22, N. 2. P. 206–222.

Shady Solís R. America's First City? The Case of Late Archaic Caral // Andean Archaeology III: North and South. New York : Springer, 2006. P. 28–66.

Trigger B. Monumental Architecture: A Thermodynamic Explanation of Symbolic Behavior // World Archaeology. 1990. Vol. 22. P. 119–132.

Trigger B. G. Understanding Early Civilizations: A Comparative Study. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. 757 p.

Пещерные археологические памятники как объект палинологических реконструкций: методологические аспекты

В. В. Алексейцева

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Палинологический анализ – метод исследования, широко применяемый в археологии и обладающий высокой информативностью. Он позволяет получить ценные данные о климатических условиях региона в период освоения его человеком, а также об антропогенной нагрузке на окружающую среду в определенный промежуток времени, о смене типов хозяйственной деятельности человека [Dimbleby, 1975].

Особый интерес для археологических исследований представляют пещерные памятники. Такие памятники являются уникальными объектами для изучения активности древнего человека и для реконструкции природных условий, в которых он жил. В то же время пещеры отличаются сложной стратиграфией и особенностями осадконакопления внутри них. Благодаря этому подход к палинологическому изучению пещер имеет свою специфику. Особенности тафономии пыльцы внутри пещер, а также механизмы ее заноса в пещеру на данный момент еще недостаточно изучены. В связи с этим вопрос о степени достоверности палинологических записей, полученных на основе материалов пещерных памятников, в настоящее время остается актуальным.

Вопросом достоверности палинологических исследований внутри пещер для палеоэкологических реконструкций региона задавались различные исследователи. Одним из объектов, побудивших к этому, стала пещера Шанидар, располагающаяся на территории Ирака. Этот археологический памятник был исследован в 1960 г. Р. Солецки, обнаружившим здесь захоронения десяти неандертальцев. Захоронения были датированы возрастом 60 тыс. л. н. [Soleski, 1975]. Для одной из могил был выполнен палинологический анализ, который показал крайне высокое содержание пыльцы подсемейства цикориевых. В образцах, взятых из других частей пещеры, подобного не наблюдалось, в связи с чем Р. Солецки сделал вывод, что неандерталец был похоронен на подстилке из цветов, и предположил наличие у неандертальцев ритуального поведения. Этот вывод, однако, был подвергнут сомнению М. Фиакони и К. Хантом, которые в 2014 г. возобновили исследования пещеры Шанидар с целью выяснить: насколько достоверно по составу пыльцевых спектров внутри пещер можно судить о растительности снаружи них [Fiacconi, Hunt, 2015]. Исследователями были сопоставлены данные, полученные внутри и снаружи пещеры Шанидар, и было обнаружено, что и в настоящее время внутри пещеры содержание цикориевых намного выше. Ими было выдвинуто предположение, что причиной этого являются природные процессы, например пыльцу в пещеру могли занести пчелы.

Исследования, проводимые другими исследователями, такими как Д. и Л. Берни [Burney, Burney, 1993], К. Наварро [Modern Cave ... , 2002], показали, что пыльцевые спектры внутри пещер в целом сходны с таковыми снаружи их. В некоторых случаях, однако, также наблюдается более высокое содержание цикориевых изнутри пещер, в частности сходную ситуацию можно увидеть в пещере Куэва-де-Жозе, Испания [Там же].

В связи с дискуссионностью вопроса нами были получены и проанализированы данные нескольких пещерных археологических памятников с целью сопоставления палиноспектров с региональной растительностью. Одним из таких объектов стала Истыкская пещера, располагающаяся

на территории Восточного Памира, на левом берегу р. Сулистык. Для этого региона на настоящий момент накоплено достаточно много данных по палеоэкологическим реконструкциям [Связь между заселением ... , 2020]. Согласно результатам, полученным с помощью палинологического метода и дополненным иными методами исследования, на Восточном Памире наблюдаются периоды увлажнения климата в промежутки времени около 15–13 и около 9–8 тыс. л. н. Данные, полученные нами по Истыкской пещере, сходны с имеющимися реконструкциями палеоклимата региона и в целом составляют единую картину: в образце, датированном около 15 тыс. л. н., было отмечено преобладание мезофильного разнотравья, что указывает на влажный климат, в то время как менее древние образцы показали преобладание польни и маревых, являющихся индикаторами засушливого климата [Первые данные изучения ... , 2019]. Таким образом, мы можем сделать вывод, что палинологические данные, полученные на памятнике, в целом отражают региональную растительность.

Нами были также проанализированы данные, полученные на основе материалов из пещер Чагырская и Страшная, располагающихся в Алтайском крае. Нами анализировались палиноспектры, относящиеся к современности. Палинологический анализ показал сходные результаты для образцов изнутри Чагырской пещеры и снаружи ее. Доминирующие виды представлены злаковыми (*Poaceae*) и маревыми (*Chenopodiaceae*). Для пещеры Страшная ситуация оказалась отлична: палиноспектры снаружи пещеры показали абсолютное преобладание подсемейства цикориевых (*Cichorioideae*), которые были представлены снаружи пещеры в незначительном количестве. Подобная разница в палиноспектрах схожа с ситуацией, описанной Р. Солецки, а также М. Фиакони и К. Хантом относительно пещеры Шанидар. Таким образом, вопрос о путях заноса пыльцы в пещеру с помощью природных процессов на настоящий момент остается открытым.

Еще одна пещера, представляющая интерес для археологии, – памятник Бийка-1, располагающийся на территории Чемальского района Республики Алтай [Геофизические и археологические исследования ... , 2020]. В 2020 г. на этом памятнике были отобраны образцы для палинологического анализа, а также собраны поверхностные пробы внутри пещеры и в ее окрестностях. На настоящий момент в работе находится 7 образцов, отобранных из пещеры, а также 20 поверхностных образцов, результаты анализа которых будут сопоставлены и, возможно, помогут ответить на вопрос, достоверно ли палиноспектры пещерных памятников отражают региональную растительность.

*Научный руководитель – Н. А. Рудая
канд. биол. наук, ст. науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Список литературы

Геофизические и археологические исследования пещеры Бийка-1 на Алтае / М. Б. Козликин, В. В. Оленченко, П. С. Осипова, Н. А. Кулик, С. Алишер кызы, Г. И. Марковский, С. В. Шнайдер // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2020. Т. XXVI. С. 124–130.

Первые данные изучения многослойного памятника Истыкская пещера (Восточный Памир, Таджикистан) / С. В. Шнайдер, Н. Н. Сайфулов, С. Алишер-кызы, Н. А. Рудая, И. Е. Дедов, Л. В. Зоткина, В. А. Жуков, А. Караев, М. Наврузбеков, В. В. Алексейцева, А. И. Криво-

шапки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. XXV. С. 293–298.

Связь между заселением Восточного Памира и палеоклиматическими изменениями в позднеледниковые и голоцены / В. Алексеева, С. Шнайдер, Н. Рудая, Н. Сайфулов // Теория и практика археологических исследований. 2020. Т. 32, № 4. С. 157–165.

Burney D. A., Burney L. P. Modern pollen deposition in cave sites: experimental results from New York State // New Phytologist. 1993. Vol. 124. P. 523–535.

Dimbleby G. W. Archaeological evidence of environmental change // Nature. 1975. Vol. 256. P. 265–267.

Fiacconi M., Hunt C. O. Pollen taphonomy at Shanidar Cave (Kurdish Iraq): An Initial evaluation // Review of Palaeobotany and Palynology. 2015. Vol. 223. P. 87–93.

Modern Cave pollen in an arid environment and its application to describe palaeorecords / C. Navarro, J. S. Carriyn, A. R. Prieto, M. Munuera // Complutum. 2002. Vol. 13. P. 7–18.

Solecki R. S. Shanidar IV, a Neanderthal Flower Burial in Northern Iraq // Science. 1975. Vol. 190. P. 880–881.

Cave Archaeological Sites as an Object of Palynological Reconstructions: Methodological Aspects

V. V. Alekseitseva

This article is devoted to methodological questions of palynological studying in archaeology. Palynological analysis can provide us with valuable information about the climate of previous ages, human's influence on the surrounding environment and changing of types of his activities. One of the important for archaeology objects is cave sites. In the same time there are some methodological difficulties which are connected with features of taphonomy of pollen inside the caves. Thus, the question about the degree of reliability of cave pollen data is still open. In this connection palynological data of several archaeological cave sites such as Istyyskaya cave (Eastern Pamirs), Chagyrskaya, Strashnaya and Biika-1 caves (Altai) were analyzed. The data was compared with paleoecological reconstructions of the regions where the sites are located. Such comparisons and new results expected in the near future will probably allow us to answer the question if palynological records inside the caves are reliable for paleoecological reconstructions of the region.

Keywords: Palynology, climatic changes, paleobotanical methods, methodology, cave archaeological sites.

Алексеева Валентина Владимировна

студент 4-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: v.alekseitseva@g.nsu.ru

Alekseitseva Valentina Vladimirovna

Student 4th year

Novosibirsk State University

e-mail: v.alekseitseva@g.nsu.ru

УДК 902.4 + 004.9

Проблемы изготовления трехмерных моделей для изделий из нефрита методом фотограмметрии*

А. И. Панкина, Т. Е. Ростяженко

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ 18-78-10079

«Разработка технологий и информационной системы документирования и научного обмена археологическими данными»

В современной археологической науке 3D-моделирование занимает прочное место как в фундаментальных научных исследованиях, так и в реставрации и экспонировании археологических артефактов [Зоткина, 2014; Казаков, 2016; On measuring ... , 2020]. Одним из наиболее доступных способов создания 3D-моделей является их изготовление с помощью метода фотограмметрии.

Фотограмметрия – научная дисциплина, применяемая в различных областях науки и техники, в том числе геодезии, астрономии, артиллерии, строительстве, географии и т. д. Предметом фотограмметрии является получение геометрической и семантической информации об объектах фотограмметрической съемки по их фотограмметрическим снимкам [ГОСТ Р 51833-2001]. Посредством специального программного обеспечения полученные в результате съемки наборы фотограмметрических снимков преобразуются в 3D-модели.

Среди программ фотограмметрии, позволяющих работать с археологическими артефактами, наиболее удобной для специалистов является Agisoft Metashape (Photoscan – ранняя версия) [Малков, 2017, с. 14]. Работа программы строится по принципу определения на фотограмметрических снимках точного положения общих опорных точек на заданной поверхности. Весь процесс построения трехмерной модели раскладывается на 4 этапа:

1. По общим точкам на фотографиях определяются параметры камер: положение, ориентация, внутренняя геометрия, результаты выравнивания представляются в виде разреженного облака точек.

2. Построение плотного облака точек на основании положений камер.

3. Построение полигональной модели и/или карты высот.

4. Построение текстуры для полигональной модели [Руководство пользователя ... , 2019, р. v].

Принцип работы программы позволяет создавать точные цифровые копии археологических предметов, повторяющие рельеф поверхности изделий, в том числе даже незначительные изменения: царапины, углубления, полученные в результате утилитарной деятельности человека или процессов тафономии. На качество получаемой модели влияют особенности характера поверхности и цвета моделируемого археологического артефакта, которые, в свою очередь, обусловлены материалом, из которого изготовлен предмет. К числу наиболее сложных в изготовлении трехмерных моделей методом фотограмметрии относятся изделия, выполненные из однотонных по цвету пород камня (нефрит, яшма, халцедон и др.), металла, прозрачных материалов (стекло, горный хрусталь).

В рамках исследовательских задач лаборатории мультидисциплинарных исследований первобытного искусства Евразии НГУ сотрудниками были осуществлены работы по оцифровке предметов древнейшего искусства Сибири, включая коллекции нефритовых изделий (всего 7 предметов: нож, два тесла, наконечник копья (?), топор, кольцо и диск), хранящиеся в фондах Музея истории Бурятии им. Хангалова (г. Улан-Удэ). В ходе работы с нефритовыми изделиями были выявлены закономерности зависимости качества полученных моделей от определенных параметров предметов, а также способы решения возникающих трудностей. Для уточнения полученных результатов были проведены экспериментальные фотограмметрические съемки современных нефритовых изделий, представляющих собой уплощенные шлифованные плитки светло-, темно-зеленого и белого нефрита (3 изделия).

Съемка выполнена фотоаппаратом Nikon D7500. Для автоматизации процесса использовался набор Cognisys StackShot 3X Virtual Object Creation Kit: поворотный стол, вращающий вокруг своей оси объект для создания серии снимков и контроллер для управления сценой. Модели построены в программе Agisoft Metashape, обработаны в программе Blender и размещены в информационной системе, посвященной древнему искусству Сибири и Дальнего Востока (<http://mobileart.artemiris.org/ru>).

В ходе работы с нефритовыми изделиями удалось выявить следующие параметры материала, существенно влияющие на качество получаемой модели:

1. Симметрия формы и микрорельеф поверхности предмета. Проявляет свою важность еще на первом этапе работы, когда для симметричных и/или с гладкой поверхностью предметов общие точки определяются неверно и камеры выстраиваются в неправильном порядке.

2. Характер поверхности: матовая (шлифованная), для которой характерно наличие блеска, и глянцевая, для которой характерна отражающая способность и блеск. Блеск и отражение от поверхности окружающего пространства не позволяют программному обеспечению отыскивать на закрытой блеском/отражением поверхности правильные парные точки, что, в свою очередь, затрудняет выравнивание снимков и/или значительно искажает виртуальную поверхность изделия на этапе построения плотного облака.

3. Текстура (цвет). Однотонная по цвету поверхность значительно затрудняет поиск общих точек для выравнивания камер и построения виртуальной поверхности модели, создавая значительные искажения либо разрывы в сплошной поверхности.

Все использовавшиеся для оцифровки нефритовые изделия можно выстроить в шкалу, согласно присутствию вышеперечисленных параметров, усложняющих процесс создания трехмерной модели. Наиболее простым в данном случае изделием будет считаться несимметричный, с матовой рельефной поверхностью предмет, для которого характерно наименьшее количество блеска и наличие неоднородной текстуры по цвету с многочисленными прожилками и пятнами (тесла). Наиболее сложным изделием – симметричный по форме предмет с гладкой глянцевой поверхностью однотонного белого цвета (современное изделие, представляющее собой гладкую отражающую плитку белого нефрита).

Решение обозначенных проблем видится в применении специальной техники и в работе с программным обеспечением:

1. Для симметричных и гладких поверхностей необходимо использовать наложение масок на окружающий фон (данный инструмент присутствует в Agisoft Metashape), а также специальный маркер (например, масштабное поле), который будет передвигаться вместе с предметом и позволит верно выровнять камеры.

Problems of Creating 3D Models for Nephritis Items with Photogrammetry Method

A. I. Pankina, T. E. Rostyazhenko

As part of the research tasks of the Laboratory of Multidisciplinary Research on Prehistoric Art in Eurasia of NSU, the researchers did the work on the creating of 3D models for nephritis items of Siberian prehistoric art. In the course of work with nephritis items, the regularities of the dependence of the obtained models quality on certain parameters of the objects were revealed. To clarify the results obtained, experimental photogrammetric surveys of modern nephritis items were done. We have suggested the ways of working with various surfaces of nephritis objects. The proposed work algorithms made it possible to make

Keywords: 3D models, photogrammetry, nephrite, depth maps, modeling, texture.

Панкина Анна Ильинична

лаборант

Новосибирский государственный университет

e-mail: pankina1995b@mail.ru

Ростяженко Татьяна Евгеньевна

магистрант 1-го года обучения

Новосибирский государственный университет

e-mail: miss.oldman2017@yandex.ru

2. Проблема с зеркальностью и блеском решается применением специальных камер для съемки – фотобоксов, позволяющих минимизировать отражение. Также проблема может быть решена смещением предмета на определенную высоту от поворотного столика и масштабного поля при помощи фиксации пластичной массой UNU Patafix. Это уменьшает площадь, которую может отражать зеркальная поверхность предмета. Проблема с блеском решается правильным расположением и рассеиванием источников света.

3. Также проблему отсутствия связующих точек (в том числе для предметов со светлой текстурой) может решить способ построения полигональной сетки 3D-модели на основе карты высот (минуя этап построения плотного облака точек).

Таким образом, процесс создания трехмерных моделей требует различных условий получения и обработки фотографий для различных типов предметов. При изготовлении моделей для изделий из нефрита необходимо отойти от стандартных этапов фотофиксации предмета и построения модели. Предложенные нами алгоритмы позволили изготовить 9 трехмерных моделей для 10 изделий из нефрита. Неполучившийся предмет – тесло (МИБ ОФ-10497, Тамахтай, Забайкалье) – в отличие от остальных изделий обладает весьма внушительными размерами (около 30 см в длину) и требует дополнительной серии фотографий для продолжения работы с моделью.

Научный руководитель – Л. В. Лбова

д-р ист. наук, профессор,

кафедра археологии и этнографии,

Гуманитарный институт,

Новосибирский государственный университет

Источники

ГОСТ Р 51833-2001 Фотограмметрия. Термины и определения. М.: Стандартинформ, 2020. 20 с.

Руководство пользователя Agisoft Metashape: Professional Edition, версия 1.5. 2019. 163 с.

Список литературы

Зоткина Л. В. Возможности фиксации петроглифов для трасологического изучения (к историографии вопроса) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13, № 3: Археология и этнография. С. 16–26.

Казаков В. В. Применение информационных технологий в задачах Лаборатории мультидисциплинарных исследований первобытного искусства Евразии НГУ // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Информационные технологии. 2016. Т. 14, № 4. С. 50–57.

Малков Ф. С. Технология фотограмметрии в археологических исследованиях: обзор программ, их применение в исследованиях, возможности и перспективы использования // Современные проблемы изучения древних и традиционных культур народов Евразии: материалы LVII Рос. археол.-этногр. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Сургут; Новосибирск, 2017. С. 14–15.

On measuring the mean edge angle of lithic tools based on 3D models – a case study from the southern Levantine Epipalaeolithic / F. Valletta, U. Smilansky, N. Goring-Morris, L. Grosman // Archaeological and Anthropological Sciences. 2020. Vol. 12, N 2. 12: 49. P. 1–19.

О содержании понятия «церковная археология»

Е. А. Яковлева

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия*

Археология – особая отрасль исторической науки, имеющая множество направлений. К их числу относится и христианская археология, хотя, в силу специфики, она упоминается в научной литературе не столь часто. Время ее возникновения можно отнести к XIX в. Во время изучения римских катакомб в 40-х г. XIX в. Джованни-Баттиста де Росси (1822–1894) обнаружил «кладбище пап» III–IV вв. на Аппиевой дороге [Клейн, 2011, с. 288].

К особенностям христианской археологии относится взгляд на объект, выходящий за пределы изучения вещественных источников и касающийся изучения истории институций во всех регионах изначального распространения христианства в Европе, Азии и Африке [Kirsch, 1927; Хрушкова, 1995]. Сменилось и направление главной темы христианской археологии – от увлеченности катакомбами к проблеме трансформации города античного в город христианский [Симонов, 2012, с. 317–320].

В России христианская археология называлась церковной археологией. Большое распространение она получила в высших учебных заведениях Русской православной церкви и, как правило, преподавалась неразрывно с литургикой. Александр Петрович Голубцов (1862–1911) читал курс церковной археологии и литургики в Московской духовной академии. Ученый определял церковную археологию как науку о христианских древностях, под которыми понимались формы церковного богослужения (культы) и древнехристианский быт [Голубцов, 1917].

В свою очередь, церковный культ объединял две стороны: литургическую (формы богослуженной обрядности в их историческом развитии с целью изложения истории церковного обряда) и монументальную (вещественные средства, которые составляют обстановку и материал литургических действий, т. е. храм как архитектурное целое, со всеми приспособлениями, относящимися к богослужению, церковная живопись, одежда, утварь и вся вообще богослуженная атрибутика с целью представления истории церковного искусства). Отдельное внимание, по мнению А. П. Голубцова, надлежало уделять вопросу церковного быта – внешней обстановке повседневной жизни. Однако, как признавал сам ученый, это все можно назвать историей искусства и этнографией [Голубцов, 1917, с. 9–35].

Другой деятель российской науки – Николай Васильевич Покровский также читал курс по церковной археологии и литургике в Санкт-Петербургской духовной академии. После поездки в Европу, где он познакомился с Джованни-Баттиста де Росси, его курс церковной археологии и литургики был дополнен материалами византийскими и русскими, а впоследствии был разведен на два направления. Н. В. Покровский говорил: «...курс Церковной Археологии заключал в себе историю искусства – древнехристианского, византийского и русского. Иногда, по связи с основным курсом, читались дополнительные курсы по классической археологии, а также по истории западно-европейской архитектуры и живописи» [Покровский, 1909, с. 9–33].

До 1918 г. по всей России создавались церковно-археологические комитеты. Их деятельность, по большей части, была ориентирована на сбор памятников церковной старины, создание музеев и публикацию материалов исследований по истории местных православных институций. Например, в Пермском церковно-археологическом комитете были составлены списки церковно-археологических памятников, а также были опубликованы материалы по проведению археологических раскопок в с. Пыскор Соликамского уезда [Пермское церковно-археологическое ... , 2000].

После этого последовал значительный перерыв в изучении церковных древностей, но обозначившееся направление исследований не было окончательно забыто. В 1995 г. состоялась первая Всероссийская конференция по церковной археологии, показавшая, что интерес к церковной археологии не утрачен, она актуальна и у нее есть хорошие перспективы. Впрочем, надо признать, что в данный момент направление имеет небольшую популярность и ему даются весьма однобокие определения [Жолпакова, 2003, с. 104; Бармина, 2014; Жук, 2017, с. 97–98; Курлаев, 2019, с. 169].

При анализе работ досоветского периода мы приходим к выводу, что направление церковной археологии еще не вполне отделилось от литургики, хотя все больше становилось самостоятельным. Очевиден перевес в изученности материалов по церковной археологии в центральных регионах страны при отставании исследования регионов, например, Урала и Сибири.

Определенный вклад в научную работу внесли церковно-археологические комитеты, но за сравнительно короткий срок их деятельности им было невозможно усмотреть и выделить особенности и проблематику изучаемого региона (история церковной архитектуры и особенности христианского быта).

На территории Урала развитие направления затруднено спецификой региона. Здесь религиозная ситуация формировалась в условиях активных этнических контактов нескольких групп народов, что определяло многообразие ее элементов. В частности, на языческое мировоззрение народов Южного и Среднего Урала оказал влияние сначала ислам, а только потом православие [История Екатеринбургской епархии, 2010, с. 35]. Отдельный сюжет связан с наложением православия на языческие верования аборигенных народов, что нашло отражение в вопросах быта и интерпретации использования православной утвари и предметов культа.

В современной литературе дано несколько определений церковной археологии: теологическое, археологическое и культурологическое.

Приверженцы теологического направления ставят во главу угла историю изменения культа и обрядности, изменение канонов и следование им. Второе определение ориентируется на изучение церковных памятников, некрополей с помощью методов археологии. Представители третьего направления рассматривают его как средство познания религиозной культуры и всего связанного с церковным искусством. Разумеется, что обозначенные подходы затрудняют понимание задач, стоящих перед церковной археологией. Междисциплинарность в современных археологических исследованиях предполагает в нашем случае фокусирование внимания на комплексности исследований. При этом следует использовать все теологические источники (религиозную литературу, литературные каноны и каноны церковного искусства) и археологические материалы, которые подкрепляют эти сведения. На мой взгляд, такой подход позволит корректно интерпретировать имеющиеся данные, понять их локальные особенности.

*Научный руководитель – С. Ф. Кокшаров
д-р ист. наук, доцент, заведующий кафедрой
археологии и этнологии,
Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина*

Список литературы

- Бармина Н. И. Церковная археология как элемент культурологической подготовки // Человек в мире культуры. 2014. № 3. С. 30–33.
- Голубцов А. П. Из чтений по церковной археологии и литургике. СПб., 1917. 371 с.
- Жук А. В. Норматив православной церкви: комментарий для археологов. Ч. 2. Преступление нормы // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2017. С. 97–102.
- История Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 2010. 552 с.
- Клейн Л. С. История археологической мысли. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2011. Т. 1. 688 с.
- Колпакова Ю. В. К. Т. Никольский о составлении первого русского руководства по церковной археологии // Метаморфозы истории. 2003. № 3. С. 104–116.
- Курлаев Е. А. «Церковная археология» как направление исследований // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 1 (25). С. 169–178.
- Пермское церковно-археологическое общество (ПЦАО) // Краеведы и краеведческие организации Перми : библиограф. справ. Пермь, 2000. С. 326–327.
- Покровский Н. В. Профессор Николай Васильевич Покровский, директор Императорского Археологического института: краткий очерк ученой деятельности. СПб., 1909. 118 с.
- Симонов В. В. Введение в историю Церкви : учеб. пособие. М. : Изд-во МГУ, 2012. Ч. 1. С. 752
- Хрушкова Л. Г. Европейская христианская археология: развитие и метод // Церковная археология : материалы Первой Всерос. конф. Псков, 20–24 ноября 1995 г. СПб. ; Псков, 1995. Ч. 1. С. 34–39.
- Kirsch J. P. L'archeologia Cristiana // Rivista di archeologia cristiana. Roma, 1927. Vol. 4. P. 49–57.

About the Content of the Concept of “Church Archaeology”

E. A. Yakovleva

The author of this research paper traces the development of a school that combines archaeology, theology and culturology – the church archaeology. The article examines the key stages of the development of the subject of the church archaeology, including its origins as the part of Christian Archaeology with routes from the West (Catholic Church). Also, the topic of the separation of church archaeology from liturgy was touched upon, as well as the circumstances of its separation into an independent discipline. The topic of the uncertainty of the content of the definition of "church archaeology" is also raised in this study, as a result of which, according to the author, this discipline is not in demand in modern science. In addition, the article mentions the activities of the Perm Church-Archaeological Society. The author draws attention to the lack of research around the artefacts of church archaeology on the territory of the Urals, which are definitely can provide great material for scientific research.

Keywords: church archaeology, christian archaeology, liturgics, theology, cultural studies, church art.

Яковлева Евфимия Алексеевна

студент 3-го курса

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
e-mail: yakovleva-evfimiya@mail.ru

Yakovleva Evfimiya Alekseevna

Student 3rd year

Ural Federal University named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
e-mail: yakovleva-evfimiya@mail.ru

УДК 902/904(510)

Вестернизация китайской археологии (палеолит)*

Д. П. Золотарев

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия*Работа выполнена по гранту Правительства РФ, проект № 075-15-2019-866
«Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров».

Вестернизация представляет собой сложный многоуровневый процесс заимствования западных образцов и стандартов, в ходе которого происходят изменения в организации общества и национальном самосознании [Тетюшкина, 2010]. В процессе модернизации Поднебесной вестернизация и традиция спорадически сменяли друг друга. Врожденный прагматизм китайцев позволил перейти от сопротивления новым веяниям к активному приспособлению, но при этом двигаясь независимо от других по собственному пути. Наряду с социально-экономическими преобразованиями, вестернизация несла с собой социально-политические и идейно-институциональные изменения, отразившиеся на науке [Васильев, 2013].

Становление археологии в Китае – это время «национального пробуждения». До сих пор любое научное открытие здесь воспринимается как попытка доказать свою уникальность и является частью борьбы за признание в мире. Исследование не ставит целью осудить или дискредитировать китайских ученых, а лишь предлагает объяснить их исследовательские подходы и стратегии поведения в археологической науке через некоторые особенности психического склада – этнического характера и сознания [Спешнев, 2011].

В истории изучения палеолита Китая выделяются три больших этапа, которые соотносятся и с историей китайской археологии в целом [История Китая ... , 2016, с. 35].

Первый этап (1920–1937 гг.) ознаменован становлением китайского палеолитоведения вследствие совместной деятельности европейских, американских ученых (А. В. Грабо, Ю. Г. Андерсон, О. Здански, П. Тейяр де Шарден, Э. Лисан и др.) и молодых китайских археологов (Пэй Вэньчжун, Цзя Ланьпо, Ли Цзи). Ими открыт ряд палеолитических местонахождений, среди которых особое место по праву занимает Чжоукоудянь (1921 г.), ставшее известным благодаря уникальным находкам костных останков *Sinanthropus pekinensis* и каменных орудий. Уже в 1928–1937 гг. полевые работы на стоянке осуществлялись под руководством китайского археолога Пэй Вэньчжуна. В период с 1937 по 1949 г. археологические работы в стране почти не проводились [Деревянко, 2015, с. 223–224; Кучера, 2018, с. 226–227].

В начале второго этапа (1949–1979 гг.), на волне советско-китайской дружбы, археология в КНР строится по образцу советской науки, в основу которой положена доктрина исторического и диалектического материализма. Организованы Институт археологии (The Institute of Archaeology; Чжунго шэхуэй кэсюэюань Каогу яньцзюсо) (1950 г.) и Институт палеонтологии позвоночных и палеоантропологии (The Institute of Vertebrate Paleontology and Paleoanthropology; Чжунго кэсюэюань Гу цзичжуйдуньюй гу жэньлэй яньцзюсо) АН КНР (1952 г.), последний, соответственно, занимался проблемами палеолита. В 1950–

1960-е гг., в связи с интенсивными строительными работами, предполагавшими спасательные раскопки, сделаны новые крупные открытия. В это же время китайские археологи впервые применили ¹⁴C-метод датирования, результаты которого опубликованы в журнале «Каогу» (1972 г.). Данный период был назван «золотым веком китайской археологии». К сожалению, начало «культурной революции» (1967–1976 гг.) негативно отразилось на археологии в целом – полевые исследования велись в ограниченных масштабах, периодические издания были закрыты, а ряд ученых репрессированы [Кучера, 1977, с. 7–17, 148; История Китая ... , 2016, с. 37–38; Го Лисинь, 2016, с. 86; Zhang, 2013].

В русле «политики реформ и открытости» начинается современный этап китайской археологии (1979 г. – наши дни). Возобновились и расширились преподавание в вузах, публикация ряда крупных периодических изданий, посвященных в том числе вопросам палеолитоведения. Развиваются комплексные исследования на основе естественных наук (климатология, геология, ботаника, зооархеология и др.), помимо радиоуглеродного применяются новые методы датирования (палеомагнитный, термолюминесцентный и др.). Начато международное сотрудничество, результатом которого стали подготовка молодых ученых в университетах Европы и Америки и совместные полевые исследования. На данный момент открыты и продолжают исследоваться около 1 тыс. палеолитических местонахождений различной степени информативности и изученности [Кучера, 2018, с. 243].

Археология с момента своего зарождения в Китае всегда была ориентирована на государство и находилась под его идеологическим контролем и финансовой опекой. Вскоре после прихода к власти Мао Цзэдун предложил поставить «прошлое на службу настоящему». Подобная установка продолжает действовать до сих пор. Поэтому под влиянием антиколониальных и антизападных настроений вклад иностранных исследователей сознательно пренебрегается в угоду современному политическому режиму Китая [Го Лисинь, 2016, с. 93–96; Shelach-Lavi, 2018, p. 2].

Одна из характерных черт китайского национального характера – ощущение древности своей истории, культуры и цивилизации. Именно эта черта порождает чувство внутреннего превосходства над другими народами [Маслов, 2013, с. 42]. В связи с этим главная проблема китайского палеолитоведения – определение возраста многих местонахождений и времени появления на этих территориях древнейших популяций человека. Китайскими исследователями до настоящего времени предпринимаются попытки удревнения появления там *Homo sapiens* под влиянием господствующей парадигмы о том, что прямым предком китайцев является синантроп из Чжоукоудянь [Liu, Chen, 2012, p. 14–15].

Иногда выводы китайских ученых противоречат фактическим данным – это прямое отражение исследовательского подхода «выдавать желаемое за действительное» (wishful thinking) и «видеть только то, что хочешь увидеть» [Кузьмин, 2014, с. 560]. Этот подход ярко демонстрирует опубликованная в международном журнале Acta Geologica Sinica находка нового вида ископаемого паука мелового периода *Mongolarachne chaoyangensis*, на самом деле оказавшегося умелой подделкой – окаменелым ракообразным с дорисованными конечностями [A New Species ... , 2019; The supposed giant ... , 2019].

Одна из ключевых особенностей китайской национальной традиции – умение воспринимать мудрость у всех, кто ею обладает, или склонность к заимствованию всего полезного [Васильев, 2013, с. 76]. Еще на этапе становления китайского палеолитоведения прослеживалась тенденция внедрения передовых на тот момент мультидисциплинарных методов исследования, привнесенных учеными-естественниками. Это не мешает китайским исследователям считать свою школу геархеологии самобытной и имеющей независимое происхождение [Geoaerchaeology ... , 2019]. В связи с этим Пэй Вэньчжун выдвинул парадигму «четырёх ног китайского палеолитоведения»: типологии каменных орудий, стратиграфических исследований, палеонтологии и палеоантропологии [Деревянко, 2015, с. 224].

Важнейшее место в этническом характере китайцев занимает концепция «лица». *Мяньцзы* или «лицо», у китайцев равнозначно понятию социального статуса, репутации или имиджа, поэтому признать собственную неправоту или быть публично раскритикованным означает потерю чести и уважение [Спешнев, 2011, с. 132–136; Маслов, 2013, с. 101–103].

В результате проведенного исследования удалось определить ключевые исследовательские подходы и некоторые психологические установки китайского национального характера, способствовавшие вестернизационным процессам в археологической науке. В их основе лежит ориентированность науки на государство, почтительное отношение к древности своей культуры, умение китайского народа воспринимать мудрость у тех, кто ею обладает, «выдавать желаемое за действительное», боязнь потерять «лицо».

*Научный руководитель – Н. Е. Бердникова
ст. науч. сотр., НИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет*

The Westernization of Chinese Archaeology (Paleolithic Period)

D. P. Zolotarev

The article presents the results of the analysis of research approaches and strategies of behavior of Chinese archaeologists through the prism of peculiarities of national character. In the history of the study of the Paleolithic of China, there are three major stages that correspond to the history of Chinese archaeology as a whole: the birth of Paleolithic studies (1920–1937), the “golden age of Chinese archaeology” (1949–1979), and the modern stage (1979–present). A respectful attitude towards antiquity, a tendency to become obsolete and a tendency to borrow everything useful in the life of the Chinese people plays a key role. In this regard, the research approach “wishful thinking” comes to the fore, and recognition of one's own mistakes is difficult because of the fear of “losing face”.

Keywords: Chinese archaeology, westernization, Paleolithic.

Золотарев Дмитрий Павлович
магистрант 2-го года обучения
Иркутский государственный университет
e-mail: dmitryzolotarev2012@yandex.ru

Список литературы

- Васильев Л. С. От невнимания к Западу к триумфу вестернизации современного Китая // Синхайская революция и республиканский Китай: век революций, эволюции и модернизации. М., 2013. С. 76–89.
- Го Лисинь. Китайская археология как дискурсивная практика // Universum Humanitarium. 2016. № 2. С. 86–104.
- Деревянко А. П. Три глобальные миграции человека в Евразии. Происхождение человека и заселение им Юго-Западной, Южной, Восточной, Юго-Восточной Азии и Кавказа. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. 1. 612 с.
- История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / гл. ред. С. Л. Тихвинский. Древнейшая и древняя история (по археологическим данным): от палеолита до V в. до н. э. М.: Наука; Восточная литература, 2016. Т. 1. 974 с.
- Кузьмин Я. В. «Коммунистическая» археология Китая [Рецензия на Liu L., Chen X. The Archaeology of China: from the Late Paleolithic to the Early Bronze Age. New York: Cambridge University Press, 2012. 475 p.] // Российский археологический ежегодник. 2014. № 4. С. 555–575.
- Кучера С. П. Китайская археология 1965–1974 гг.: палеолит–эпоха Инь: Находки и проблемы. М.: Наука, 1977. 268 с.
- Кучера С. П. Новые явления в мировой синологии в XX веке // Общество и государство в Китае. 2018. Т. 48, № 2. С. 214–260.
- Маслов А. А. Китай и китайцы: о чем молчат путеводители. М.: РИПОЛ классик, 2013. 286 с.
- Спешнев Н. А. Китайцы: особенности национальной психологии. СПб.: КАРО, 2011. 330 с.
- Тетюшкина С. А. Вестернизация как социокультурное явление // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 1. С. 350–356.
- A New Species of Mongolarachnidae from the Yixian Formation of Western Liaoning, China / X. Cheng, S. Lui, W. Huang, L. Liu, Y. Li // Acta Geologica Sinica (English Edition). 2019. Vol. 93 (1). P. 227–228.
- Geoaerchaeology in China: Historical Trends and Future Prospects / M. J. Storozum, J. Zhang, H. Wang, X. Ren, Z. Qin, L. Li // Journal of Archaeological Research. 2019. Vol. 27 (7). P. 91–129.
- Liu L., Chen X. The Archaeology of China: from the Late Paleolithic to the Early Bronze Age. New York: Cambridge University Press, 2012. 475 p.
- Shelach-Lavi G. Archaeology and politics in China: Historical paradigm and identity construction in museum exhibitions // China Information. 2018. Vol. 33 (10). P. 1–23.
- The supposed giant spider *Mongolarachne chaoyangensis*, from the Cretaceous Yixian Formation of China, is a crayfish / P. A. Selden, A. N. Olcott, M. R. Downen, D. Ren, C. Shin, X. Cheng // Palaeontological Journal. 2019. Vol. 2, N 5. P. 515–522.
- Zhang L. Soviet inspiration in Chinese archaeology // Antiquity. 2013. Vol. 85. Is. 329. P. 1049–1059.

Zolotarev Dmitriy Pavlovich
Graduate student 2nd year
Irkutsk State University
e-mail: dmitryzolotarev2012@yandex.ru

Проблема абсолютной хронологии раннего неолита лесостепного Поволжья

Р. Е. Астолопов

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

Абсолютная хронология формирования елшанской ранненеолитической культуры является одним из самых дискуссионных и важных вопросов в изучении нового каменного века лесостепного Поволжья. По мнению многих специалистов, рассматриваемая культура является наиболее ранней не только для территории рассматриваемого региона, но также и для Восточной Европы в целом.

Такие специалисты, как В. И. Тимофеев [2000], П. М. Долуханов [2003], В. В. Никитин [2006], считают елшанскую культуру одной из древнейших культур, принимавших участие в процессе неолитизации европейской части России, а также региона Европы в целом. Авторы также придерживаются мнения о том, что данная культура оказала большое влияние на сопредельные культуры. Вопрос абсолютной хронологии является при этом предметом наиболее дискуссионным.

На ранних этапах вопрос абсолютной хронологии решался поиском аналогий в материалах сопредельных культур, находящихся на соседних территориях. Сопоставляя елшанскую культуру и ближайших соседей, Н. Л. Моргунова определила ранний этап волго-уральской культуры в пределах VI тыс. до н. э. [1984, с. 6–9]. На основе полученных данных исследователь пересмотрела позицию елшанских материалов в хронологии региона и отнесла время их бытования к концу VII – середине VI тыс. до н. э. [Моргунова, 1995, с. 58–59]. И. Б. Васильев и А. А. Выборнов также относят время возникновения елшанской культуры ко второй половине VI тыс. до н. э. [1988, с. 56]. Позже А. А. Выборнов пересмотрел время формирования данной культуры, основываясь на первых радиоуглеродных датах, полученных по раковинам моллюсков. Исследователь отнес время формирования елшанской культуры к началу VI тыс. до н. э. [2005, с. 153]. В своих исследованиях А. Е. Мамонов относит процесс неолитизации лесостепного Поволжья к периоду второй пол. VIII – середины VII тыс. до н. э. [1999, с. 36]. Подвергнув критике датировки, полученные по раковине [2006, с. 260–262], и в ходе сопоставления елшанских материалов с культурами среднего неолита Балканского полуострова, А. В. Вискалин датирует время формирования раннего неолита в данном регионе концом VI – нач. V тыс. до н. э. [2002, с. 280].

С начала XXI в. наступил новый этап в изучении хронологии неолита лесостепного Поволжья. Усилиями коллектива исследователей под руководством А. А. Выборнова был получен значительный массив радиоуглеродных определений, повлиявших на развитие данного вопроса [2008]. На сегодняшний день известно более 100 радиоуглеродных дат для раннего неолита лесостепного Поволжья. А. А. Выборнов убедительно продемонстрировал, что радиоуглеродные даты, полученные по органике из керамических изделий, могут быть использованы для построения абсолютной хронологии, являясь надежным источником [2012].

Ранние датировки были получены по раковинам моллюсков, найденным в культурных слоях таких памятников, как Чекалино IV, Лебяжинка IV и Ильинка. Эти датировки относят процесс неолитизации изучаемого региона к середине VIII тыс. до н. э. Однако «наиболее ранние радиоуглеродные определения стоянки Чекалино IV могут быть связаны с частью отложений, содержащих раковины моллюсков, образование которых происходило ранее формирования неолитического слоя памятника» [Андреев, Выборнов, Кулькова, 2012]. Данные даты необоснованно

удревяют время образования культуры, о чем свидетельствуют выводы специалистов выше, поэтому данная датировка может быть поставлена под сомнение.

Другие радиоуглеродные определения елшанской культуры укладываются на конец VIII – первую пол. VII тыс. до н. э. Даты были получены по материалам стоянок Чекалино IV, Ивановка, Большая Раковка II, Усть-Ташелка, которые являются наиболее ранними в рассматриваемом регионе. На основе полученных данных, исследователи датируют время генезиса елшанской культуры первой половиной VII тыс. до н. э. Исходя из полученных данных, восточный вариант елшанской ранненеолитической культуры формируется в первой пол. VII тыс. до н. э. При этом данная гипотеза не выбивается из временных рамок сопредельных культур.

Наиболее объемной является группа радиоуглеродных датировок памятников Поволжья, относящаяся к началу – третьей четверти VI тыс. до н. э. Данная группа представлена такими памятниками, как Лебяжинка IV, Ильинка, Красный Городок, Старая Елшанка II, Максимовка I, Большая Раковка II, Елшанка XI, Луговое III. Эти памятники относятся ко второму этапу развития елшанской культуры. Для данного этапа характерны сосуды без орнамента, с плоским дном и пояском ямок-жемчужин под венчиком [Васильев, Выборнов, 1988, с. 24–25]. Полученные результаты указывают нам на существование елшанской культуры вплоть до третьей четверти VI тыс. до н. э. Первая половина VI тыс. до н. э. является расцветом елшанской культурной традиции, а также временем формирования средневожской культуры, ранние этапы которой также относятся к VI тыс. до н. э. [Выборнов, 2008, с. 241].

Радиоуглеродные даты, полученные по материалам с памятников Среднего Посурья, Примокшанья и Поочья, подтверждают освоение елшанским населением территорий, расположенных западнее р. Волги, в последней четверти VII – нач. VI тыс. до н. э. Миграция населения была обусловлена, скорее всего, аридизацией данной территории в период второй половины VII тыс. до н. э. [Кулькова, 2007]. Присутствие елшанской неолитической культуры в Среднем Посурье до середины – третьей четверти VI тыс. до н. э. подтверждается данными со стоянки Утюж I.

Подводя итог всему вышесказанному, на сегодняшний день мы можем отказаться от датировок, уходящих далеко в VIII тыс. до н. э., так как они удревяют процесс формирования елшанской культуры. Наиболее обоснованной выглядит гипотеза формирования раннего неолита лесостепного Поволжья на рубеже VIII и VII тыс. до н. э. Данная гипотеза находит подтверждение в значительном количестве радиоуглеродных определений для ряда памятников, полученных по различным материалам. Согласно радиоуглеродной хронологии, елшанская культура существует в лесостепном Поволжье как минимум до середины, а возможно, и до третьей четверти VI тыс. до н. э. С началом VI тыс. до н. э. может быть связано формирование западного варианта елшанской ранненеолитической культуры и развитие второго типа керамики.

*Научный руководитель – К. М. Андреев
канд. ист. наук, доцент,
кафедра отечественной истории и археологии,
Самарский государственный социально-педагогический университет*

Список литературы

- Андреев К. М., Выборнов А. А., Кулькова М. А. Некоторые итоги и перспективы радиоуглеродного датирования елшанской культуры лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. Самара, 2012. Т. 14, № 3. С. 193–199.
- Васильев И. Б., Выборнов А. А. Неолит Поволжья. Куйбышев : КГПИ, 1988. 112 с.
- Вискалин А. В. Пути неолитизации Волго-Камья (к постановке вопроса) // Тверской археологический сборник. Тверь, 2002. Вып. 5. С. 274–283.
- Вискалин А. В. К вопросу о датировке раннеолитической керамики елшанского типа // Тверской археологический сборник. Тверь, 2006. Вып. 6. С. 260–264.
- Выборнов А. А. О раннем неолите Поволжья // Новые гуманитарные исследования. Известия Самарского научного центра РАН. Самара, 2005. С. 152–159.
- Выборнов А. А. Неолит Волго-Камья. Самара : СГПУ, 2008. 490 с.
- Выборнов А. А. О радиоуглеродных датах по керамике и другим материалам // Проблемы истории, археологии, образования. Самара, 2012. С. 12–31.

- Долуханов П. М. Неолитизация Европы: хронология и модели // Неолит и энеолит юга и неолит севера Восточной Европы. СПб., 2003. С. 193–206.
- Кулькова М. А. Климатические катастрофы в раннем и среднем голоцене и их влияние на древние сообщества // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб., 2007. С. 316–333.
- Мамонов А. Е. О культурном статусе елшанских комплексов // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 1999. Вып. 1. С. 15–43.
- Моргунова Н. Л. Эпоха неолита и энеолита в лесостепной зоне Волго-Уральского междуречья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. 21 с.
- Моргунова Н. Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского Междуречья. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 1995. 222 с.
- Никитин В. В. Общие черты и специфические элементы ранне-неолитической посуды лесного Поволжья, степных и лесостепных районов Волго-Донского междуречья // Археологическое изучение Центральной России. Липецк, 2006. С. 97–102.
- Тимофеев В. И. Радиоуглеродные даты и проблемы неолитизации Восточной Европы // Хронология неолита Восточной Европы. СПб., 2000. С. 81–82.

The Problem of the Absolute Chronology of the Early Neolithic of the Forest-Steppe Volga Region

R. E. Astolopov

The article examines the absolute chronology of the existence of Early Neolithic complexes on the territory of the forest-steppe Volga region. This problem is one of the most controversial in the Neolithic studies of the region. A large number of specialists of this era believe that the earliest cultural tradition in this region is the Elshan culture, which is also one of the most ancient in the whole of Eastern Europe. There are several hypotheses about the time of Neolithization of this region. Having considered the main provisions of each point of view, we will highlight the most confirmed, reasoned, and correlated with neighboring cultures point of view. This paper will present the main stages of studying this issue, the main provisions of each stage, and the current state of the problem.

Keywords: Elshan culture, forest-steppe Volga region, absolute chronology.

Астолопов Роман Евгеньевич

магистрант 2-го года обучения
Самарский государственный
социально-педагогический университет
e-mail: astolopov.roman@gmail.com

Astolopov Roman Evgenievich

Graduate student 2nd year
Samara State University of Social Sciences
and Education
e-mail: astolopov.roman@gmail.com

УДК 902.01(571.150)

Экспериментальное исследование костяных ретушеров из Денисовой пещеры

Е. А. Францева

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Эксперимент в археологии – метод, с помощью которого производится реконструкция действий, направленных на создание предметов различного назначения, которые использовались человеком в прошлом. Актуальность метода в российской археологической науке была раскрыта в работе «Первобытная техника», где экспериментальное исследование применялось к каменным и костяным палеолитическим изделиям [Семенов, 1957]. В ходе археологического эксперимента исследователь может зафиксировать особенности материала при проведении различных операций, понять ход мышления древнего человека и дать оценку его технологическому уровню [Экспериментальное исследование ... , 2017].

В настоящее время укрепилось мнение, что костяные ретушеры – неформальные орудия, представленные костными фрагментами, используемые для нанесения ударов по каменным сколам-заготовкам с целью получения ретуши. Важность подобного эксперимента обусловлена тем, что костяная индустрия из Денисовой пещеры является наиболее представительной на территории Северной и Центральной Азии, и костяные ретушеры как образцы слабо модифицированной группы орудий подлежат углубленному изучению [Костяные ретушеры ... , 2019].

В 2020 г. в рамках работы Алтайского палеолитического отряда ИАЭТ СО РАН на базе НИЦ «Денисова пещера» был выполнен эксперимент по изготовлению и использованию костяных ретушеров. В качестве сырья были

использованы бедренная и большеберцовая кости быка. Перед проведением эксперимента кости после забоя животного в течение двух дней находились под воздействием низких температур в морозильной камере, после чего в течение полусуток размораживались на воздухе без воздействия прямых солнечных лучей.

Эксперимент состоял из таких этапов, как:

- 1) подготовка кости, которая заключалась в ее очищении от мяса, жира, сухожилий и надкостницы каменными скреблами и ножами. В ходе работы каменными орудиями участниками эксперимента фиксировались изменения костной ткани, выраженные образованием порезов (cut marks) [Braun, Pante, Archer, 2016]. Это линейные следы с V-образным поперечным сечением на кости, производимые краем каменного орудия [Fernández-Jalvo, Andrews, 2016]. Такие следы являются одним из свидетельств охотничьей деятельности человека [Природная среда ... , 2003];
- 2) расщепление кости, которое позволяет получить доступ к костному мозгу [Breaking bones ... , 2014], в результате чего образуются костные фрагменты. Данную операцию можно провести тремя способами: первый способ предполагает удаление эпифизов с помощью каменного отбойника посредством нанесения ударов в местах их сочленения с диафизом; второй способ включает использование наковальни в качестве объекта, о который производятся удары костью в местах сочленения эпифизов с диафизами; третий способ характеризуется нанесением ударов

в центр диафиза расщепляемой кости, в результате чего образуются трещины, в дальнейшем разрабатываемые для формирования нескольких костных фрагментов [Экспериментальное моделирование ... , 2019]. В данном эксперименте были апробированы все три указанных способа расщепления кости;

3) использование образовавшихся костных фрагментов для нанесения ретуши на каменные сколы-заготовки.

После отделения эпифизов и расщепления получившихся диафизов образовалось пять фрагментов, подходящих по размеру и форме для трансформации в слабомодифицированные костяные орудия.

Три фрагмента большеберцовой кости после расщепления находились на просушке в течение десяти дней; два фрагмента бедренной кости просушивались семь суток перед использованием в качестве костяных орудий.

После просушивания костные фрагменты подверглись использованию в качестве ретушеров, в результате чего были зафиксированы характерные следы и иные повреждения. Для ретуширования были специально изготовлены каменные отщепы из сырья, найденного рядом с Денисовой пещерой в долине р. Ануй, – алевролита, из которого выполнена часть каменной палеолитической индустрии памятника, и из песчаника, обнаруженного там же.

Во время работы костяные ретушеры располагались в правой руке экспериментатора между большим и указательным пальцами. Если ретушер был крупный, то его конец мог захватываться в кулак. Производимые движения можно охарактеризовать как стесывающие ударные. В ходе нанесения ретуши скалывались каменные чешуйки. Было отмечено, что сколы из песчаника мельче по сравнению с алевролитовыми. На формирование слабой сработанности требовалось от 5 до 15 с, для средней сработанности рабочей зоны – от 30 до 40 с, для сильной степени утилизации – около 1 мин вне зависимости от каменного сырья.

После проведения эксперимента по изготовлению и использованию костяных ретушеров можно заключить:

1) слабая степень утилизации образуется после нескольких секунд работы и после малого количества ударов (4–6), после чего на ретушируемом орудии не наблюдается никаких признаков обработки. В связи с этим можно предполагать, что костяные ретушеры с данной степенью сработанности рабочей зоны использовались в качестве пробного экземпляра;

2) костный фрагмент, использующийся в качестве ретушера, становится им в момент его использования для нанесения ретуши, в результате чего на костяном орудии появляются первые следы от ретуширования;

3) наблюдается зависимость формы следов на костяном ретушере и каменного сырья, из которого изготовлено обрабатываемое орудие. Было выяснено, что после ретуши отщепов из песчаника формируются следы в виде борозд; после ретуши алевролитовых отщепов получают углуб-

ления в форме ямок на кости. Это связано с вязкостью каменного сырья;

4) наличие надкостницы затрудняет формирование следов на кости. В ходе ретуши орудия костяным ретушером следы остаются на надкостнице, однако под ней они не наблюдаются;

5) ретушь на рабочем крае каменного орудия, выполненная костяным ретушером, отличается от ретуши, выполненной каменным. Ретушь после воздействия костяного орудия можно описать как стелющуюся заостряющую, которая напоминает ретушь утилизации;

6) метрические показатели костяных ретушеров не влияют на функции орудия;

7) в зависимости от сырья получалась различная ретушь – на алевролитовом отщепе зафиксирована стелющаяся ретушь с более крупными фасетками, в отличие от ретуши на отщепе из песчаника.

Получившиеся экспериментальные костяные ретушеры показали высокую эффективность в нанесении ретуши на острый край каменных орудий. Следы сработанности демонстрируют сходство со следами на археологических орудиях из палеолитических слоев Денисовой пещеры.

*Научный руководитель – М. Б. Козликин
канд. ист. наук, ст. науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Список литературы

Костяные ретушеры из Денисовой пещеры: новые материалы / М. Б. Козликин, В. А. Михненко, Е. А. Францева, М. В. Шуньков // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2019. № 4 (28). С. 7–14.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая (условия обитания в окрестностях Денисовой пещеры) / А. П. Деревянко, М. В. Шуньков, А. К. Агаджанян, Г. Ф. Барышников, Е. М. Малаева, В. А. Ульянов, Н. А. Кулик, А. В. Постнов, А. А. Анойкин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 448 с.

Семенов С. А. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 240 с.

Экспериментальное исследование технологий среднепалеолитических комплексов Чагурской пещеры в 2017 году / А. Ю. Федорченко, М. В. Селецкий, М. Боманн, К. А. Колобова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2017. Т. XXIII. С. 214–217.

Экспериментальное моделирование расщепления кости по материалам сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая / М. В. Селецкий, А. С. Колясникова, В. М. Харевич, К. А. Колобова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2019. Т. XXV. С. 238–244. DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.238-244

Braun D. R., Pante M., Archer W. Cut marks on bone surfaces: influences on variation in the form of traces of ancient behaviour // Interface Focus. 2016. Vol. 6. P. 1–7. <https://doi.org/10.1098/rsfs.2016.0006>

Breaking bones to obtain marrow: a comparative study between percussion by batting bone on an anvil and hammerstone percussion / R. Blasco, M. Domínguez-Rodrigo, M. Arilla, E. Camarós, J. Rosell // Archaeometry. 2014. Vol. 56, Is. 6. P. 1085–1104. DOI: 10.1111/arc.12084

Fernández-Jalvo Y., Andrews P. Atlas of Taphonomic Identifications // Vertebrate Paleobiology and Paleoanthropology Series. New-York: Springer, 2016. 359 p. <https://doi.org/10.1007/978-94-017-7432-1>

Experimental Study of Bone Retouchers from Denisova Cave

E. A. Frantseva

The study presents the results of experimental research of producing and using Paleolithic bone retouchers. To have these unshaped tools, it is necessary to prepare bone for other operations. The next step is bone breakage, which could be done in several ways to have some bone fragments. These bone fragments could be used as a bone retouchers. These tools were used to retouch the edge of stone tools, which make it sharper and prolong its using. After retouching tools, bone fragments acquire specific traces in the shape of pits and grooves. There is a dependence between traces on the bone retouchers and raw material of stone tools. Retouched stone tools demonstrate specific retouch which differs from it made by stone retouchers. The experimental bone retouchers are similar with the archaeological paleolithic artefacts from Denisova cave.

Keywords: bone retouchers, experimental study, Paleolithic, retouched tools, bone fragments, Denisova cave.

Францева Екатерина Александровна

студент 4-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: helenroit@gmail.com

Frantseva Ekaterina Aleksandrovna

Student 4th year

Novosibirsk State University

e-mail: helenroit@gmail.com

Результаты исследований местонахождения «Бородино. Стоянка Бородинский разрез» в Канско-Рыбинской котловине в 2019 г. (новые данные)

О. В. Белан

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

Летом 2019 г. отрядом ИАЭТ СО РАН были проведены спасательные археологические раскопки местонахождения «Бородино. Стоянка Бородинский разрез», расположенного в Рыбинском районе Красноярского края южнее г. Бородино.

Территория местонахождения относится к центральной части Канско-Рыбинской котловины. Котловина находится в центре Азиатского материка на юге Средней Сибири, представляя собой структурный элемент плитного комплекса Сибирской платформы и являясь условной границей между Енисейским кряжем и Восточным Саяном. Границы котловины определяют: долина р. Бирюсы на востоке и северо-востоке, проходящая по краю Канско-Тасеевской впадины; хребты Восточного Саяна на юге; горные поднятия Енисейского кряжа на северо-северо-западе и приенисейские лесостепные участки на западе [Тимошенко, Кравцова, Белан, 2019].

Первые археологические находки на территории Канско-Рыбинской котловины известны с начала XX в. В 1957–1959 гг. Г. А. Максименковым были проведены работы на оз. Долгом и на местонахождении Кирпичики, в дальнейшем вошедшем в литературу под названием «Стрижовая Гора».

Период интенсивного изучения котловины начался с 1970-х гг. Комплексной археологической экспедицией Иркутского госуниверситета (Г. И. Медведев, Н. А. Савельев, А. Г. Генералов, Т. А. Абдулов, Д. И. Дементьев и др.) пройдены все основные водные артерии Канско-Рыбинской котловины [Тимошенко, 2008]. Открыто более 100 местонахождений, вмещающих остатки материальной культуры древнего человека от верхнего палеолита до средневековья [Археологические памятники Канской ... , 1992].

Объект археологического наследия «Бородино. Стоянка Бородинский разрез» был выявлен в октябре 2016 г. разведочным отрядом ООО «Красноярская Геоархеология» под руководством Ю. А. Гревцова.

Летом 2019 г. отрядом ИАЭТ СО РАН были проведены спасательные археологические раскопки местонахождения «Бородино. Стоянка Бородинский разрез».

Было установлено, что археологический материал дислоцируется на выположенном террасовидном участке древней поверхности, вытянутом с северо-запада на юго-восток [Тимошенко, Кравцова, Белан, 2019].

Археологический материал зафиксирован на контакте 3-го и 4-го литологических слоев на глубине 1 м. 3-й геологический слой в соответствии с хроностратиграфической шкалой, разработанной для юга Байкальской Сибири, может быть сопоставлен по хронологии с почвами кокоревско-таймырского интерстадиала Среднего Енисея [Генералов, 2001, с. 75]. Подобные отложения фиксируются на опорных плейстоценовых объектах Канско-Рыбинской котловины – это VII–IV культуросодержащие горизонты местонахождения Стрижовая Гора и IV слой местонахождения Мезенск, которые относятся к финальному этапу верхнего палеолита и датируются интервалом 12–10,5 тыс. л. н. [Тимошенко, 2014, с. 33]. 4-й геологический слой, судя по многочисленным следам криогенных деформаций в виде морозобойных трещин и солифлюкционных процессов, относится к позднекаргинскому времени. Эти почвы на территории Канско-Рыбинской котловины известны в горизонте II местонахождения Бражное I, по ним

получена дата 31 000 л. н. (ГИН-8481) (здесь и далее приводятся некалиброванные даты).

Согласно актуальной на сегодняшний момент схеме развития материальной культуры палеолита Канско-Рыбинской котловины, выделяется 4 хронологических этапа [Генералов, 2001]:

- 1) ранний этап верхнего палеолита (35–25 тыс. л. н.);
- 2) средний этап верхнего палеолита (25–19 тыс. л. н.);
- 3) поздний этап верхнего палеолита (19–13 тыс. л. н.);
- 4) финальный этап верхнего палеолита (13–10,5 тыс. л. н.).

При первичном анализе каменной индустрии археологические комплексы «Бородино. Стоянка Бородинский разрез» были отнесены нами к позднекаргинскому времени (3-й литологический слой), а также была предложена концепция развития культуры, отличной от афонтовской и кокоревской.

При дальнейшей обработке полученных материалов была установлена принадлежность выявленного комплекса к позднекаргинской почве. Ошибочность отнесения материала к 3-му слою связана с отсутствием четко читаемого в стратиграфических разрезах перехода между слоями, а также сильной разрушенностью контакта слоев криогенными деформациями.

По кости млекопитающих методом AMS-датирования получены следующие даты: 26 700±247 (GV-02426); 29 550±269 (GV-02424).

Полученные даты позволяют пересмотреть хронологию представленных комплексов и отнести их к самому раннему и слабо изученному периоду Канско-Рыбинской котловины – времени появления на данной территории человека на раннем этапе верхнего палеолита.

Каменная индустрия представлена находками, изготовленными из кремня и местных аргиллитов, которыми сложен цоколь отложений вблизи местонахождения. Соотношение пластин и отщепов – 1:4.

Основной категорией находок являются нуклеусы: торцевые, плоскостные, двухплощадочные (рис., 6, 7).

Категория орудий представлена малым количеством экземпляров. В коллекции выделяются два скребка с широким выпуклым рабочим краем, в одном случае скомбинированный с выступом в виде острия (рис., 4, 5); долото-видное орудие на обломке скребла; ножевидное орудие на заготовке торцевого нуклеуса (рис., 3); фрагмент крупной пластины с мелкой вентральной ретушью по одному краю; фрагмент пластины с мелкой ретушью по краю и концу, диагонально обломанному по внутреннему дефекту породы (рис., 2), и фрагмент массивной трехгранной пластины с ретушью по одному краю и заломами утилизации по противоположному краю. Самой яркой находкой является односторонне обработанный остроконечник из кремня на крупной пластине с асимметрично дистальным концом (рис., 1).

Ближайшие аналогии просматриваются в ранней группе палеолитических памятников Дербинского залива [Палеолит Дербинского залива ... , 2018]. В частности, местонахождения Дербина V и Дербина VII, радиоуглеродные даты которых выглядят следующим образом: Дербина V – 29 230±940 (COAH-4200), 32 430±1540 (COAH-4201), 21 100±200 (COAH-4346), 21 320±300 (COAH-346A), 18 690±220 (COAH-6007), 28 256±800 (NskA-00576); Дербина VII – 30 318±1190 (NskA-00541), 32 597±1287 (NskA-00543), 26 745±980 (NskA-00544) [Там же, с. 115].

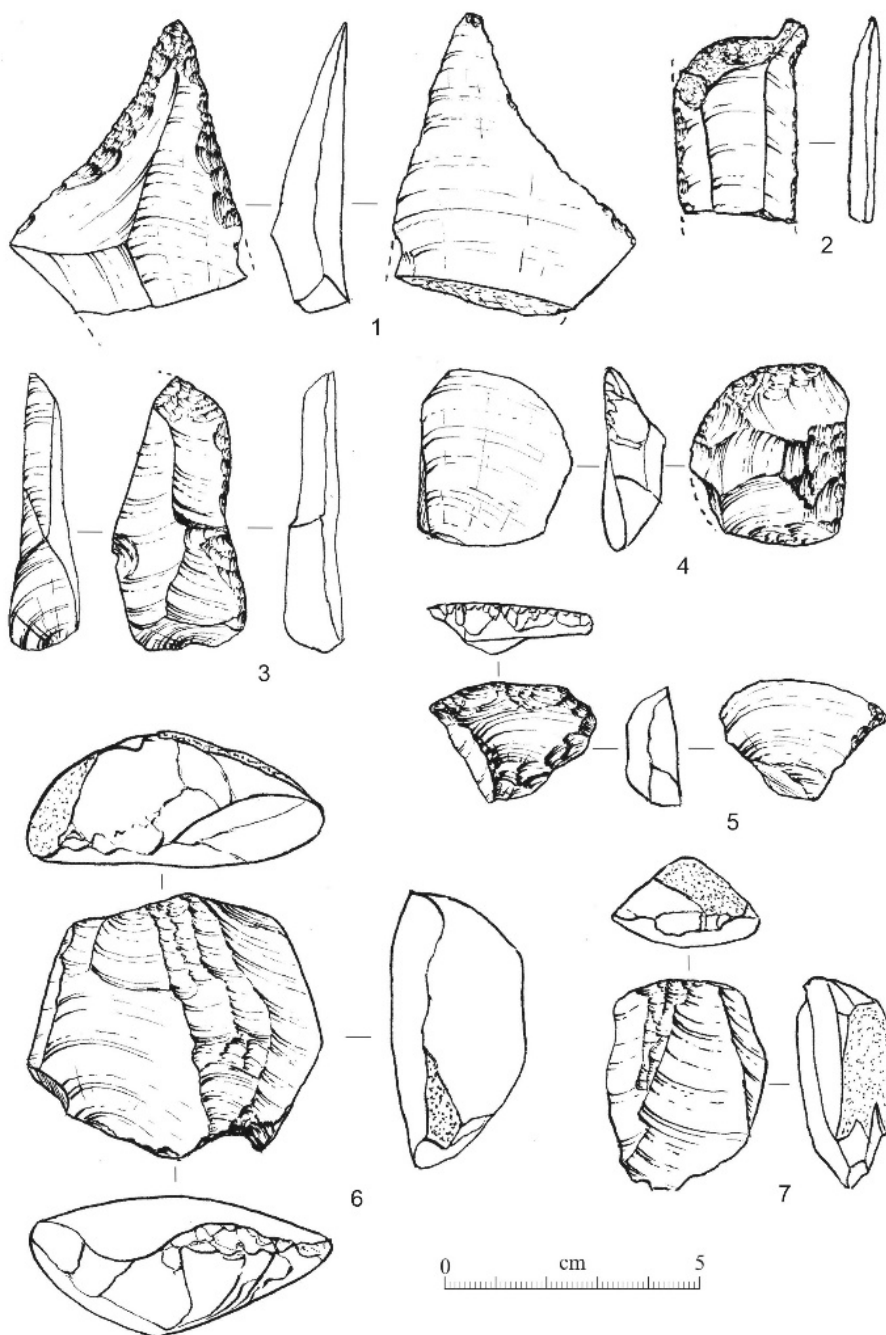

Рис. Изделия из кремня: 1 – остроконечник; 2 – пластина с ретушью; 3 – ножевидное орудие; 4, 5 – скребки. Изделия из аргиллита: 6, 7 – нуклеусы

Таким образом, в свете новых данных хронология археологического комплекса «Бородино. Стоянка Бородинский разрез» была пересмотрена и определена нами ранним этапом верхнего палеолита. В дальнейшем более тщательное изучение материала позволит точнее определить специфику комплекса, его место в схеме развития древних культур палеолита Канско-Рыбинской котловины.

*Научный руководитель – А. А. Тимошенко
канд. ист. наук, науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Список литературы

Археологические памятники Канской лесостепи (к своду памятников Красноярского края) / Н. А. Савельев, А. Г. Генералов, Т. А. Абдулов, С. А. Дзюбас // Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения Приенисейского края. Красноярск, 1992. Т. 1. С. 90–93.

Генералов А. Г. Поздний палеолит–ранний мезолит Канско-Енисейского региона: дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2001. 418 с.

Палеолит Дербинского залива / Е. В. Акимова, И. В. Стасюк, В. М. Харевич, С. А. Лаухин, А. Н. Мотузко, А. Ф. Санько. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. 115 с.

Тимошенко А. А. Археологические исследования Канско-Рыбинской котловины Иркутским государственным университетом // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций. Барнаул, 2008. С. 38–39.

Тимошенко А. А. Хронология и периодизация каменного века Канско-Рыбинской котловины // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 10. С. 27–49.

Тимошенко А. А., Кравцова А. С., Белан О. В. Местонахождение финала верхнего палеолита «Бородино. Стоянка Бородинский разрез» в Канско-Рыбинской котловине (результаты работ 2019 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. 25. С. 800–807.

O. V. Belan

In the summer of 2019, the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS performed the rescue archaeological fieldwork at the Borodino-Borodinsky section site located in the Rybinsk region of the Krasnoyarsk Territory. The site situated in the central part of the Kansk-Rybinsk depression. Archaeological material was recorded on the border of the layers 3 and 4 at a depth of 1 meter. The layer 3 can be correlated with the Late Sartan time. The layer 4 belongs to the Late Karginsky time. In the initial analysis of the lithic industry, the complex was attributed as the Late Upper Paleolithic. Upon further processing of the archaeological materials and the obtained series of radiocarbon dates, the identification of the complex to the Late Karginsky age was established. The lithic industry represented by artifacts made of flint and local argillite from basal nearby. The main artifact categories are cores, end-scrapers; a point has been found in a single specimen. The closest analogies can be seen in the early group of Paleolithic sites in Derbina Bay. Thus, in the light of new data on the chronology of the archaeological complex of Borodino-Borodinsky section site was revised and characterized as the Early Upper Paleolithic.

Keywords: Krasnoyarsk Territory, Kansk-Rybinsk depression, fieldwork, Paleolithic, Pleistocene, Sartan, Karginsky sediments.

Белан Ольга Валерьевна

лаборант

Институт археологии и этнографии СО РАН

e-mail: o.belan@list.ru

Belan Olga Valerievna

Laboratory Assistant

Institute of Archaeology and Ethnography RAS

e-mail: o.belan@list.ru

УДК 903.211.4(571.53)"6325"

Морфометрическая характеристика резцов *déjetés* георхеологического объекта Туяна*

И. С. Шегутов

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

*Работа выполнена по гранту Правительства РФ, проект № 075-15-2019-866 «Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров».

Процесс идентификации резца как типа орудий и классификации резцов подробно описаны Мишелем Брезильоном [Brezilion, 1968, p. 165–173]. Резец, как отдельное орудие, впервые описан в 1865 г. у Ларте и Кристи, выделивших среди каменных артефактов группу скребков с оформлением торцевой части изделия резцовыми сколами [Там же]. Авторы интерпретировали их как приспособление для крепления к рукояти. Наименование резцам было дано из-за сходства с современными стальными резцами, но функции и классификационная позиция этого типа орудий долгое время оставались предметом споров. В отечественной науке резцами назывались описанные этнографами у народов Сибири ножи, лезвие которых образовывало тупой угол. Они использовались для резьбы по дереву [Радлов, 1896, 1989].

Морфологическим признаком резца принято считать резцовую плоскость, образованную резцовым сколом, т. е. узким удлиненным сколом, снятым с угла кромок скола или поверхностей. Расположение резцовой плоскости, морфологические характеристики ее оформления положены в основу различных классификаций и типологий [Bourlon, 1911; Городцов, 1930; Sonnevile-Bordes, Perrot, 1956; Brezilion, 1968, p. 165–173; Медведев, Савельев, Лежненко, 1981]. Функции резцов изучались С. А. Семеновым, А. К. Филипповым [Семенов, 1957; Филиппов, 1983]. Во всех классификациях положение резцовой плоскости рассматривается в параллельном соотношении к оси скалывания скола.

Объектом данного исследования являются резцы типа дежете (*déjeté*) (с фр. – искривленный). Мы используем этот термин по аналогии со скреблами дежете, у которых ось скалывания и ось симметрии орудия находятся под углом друг к другу. В таких резцах также ось скалывания заготовки и ось симметрии орудия находятся под углом друг к другу. Используемый термин для этой группы резцов является пока предварительным.

Во французской типологии такое определение получили резцы с режущей кромкой, расположенной асимметрично относительно оси орудия, ближе к боковому краю [Четырехязычный словарь ... , 2007]. Такие резцы можно определить как вариации боковых. D. de Sonnevile-Bordes

и J. Perrot [Sonneville-Bordes, Perrot, 1956] указывали, что у резцов дежете одна из плоскостей или группа снятий явно более наклонны, чем другие.

В настоящей работе используются терминология и подходы к морфометрическим характеристикам резцов Г. И. Медведева [Медведев, Савельев, Лежненко, 1981]. Но в этой классификации резцы дежете отсутствуют. Предметом исследования является морфометрическая характеристика резцов дежете из палеолитических комплексов георхеологического объекта Туяна.

Георхеологический объект Туяна расположен в Тункинской долине, на правом берегу р. Иркут. Местонахождение открыто и изучалось А. С. Козыревым в 2011, 2013 гг. [The early Upper ... , 2014]. В 2016 г. на территории местонахождения Туяна были проведены спасательные раскопки. Площадь выработки составила около 5 тыс. м². Общее количество находок насчитывает около 10 тыс. ед., каменных артефактов – около 3 тыс. ед. На основе анализа каменной индустрии комплекс местонахождения Туяна был отнесен к ориньяжской индустрии верхнего палеолита [Особенности палеолитических комплексов ... , 2017].

В каменной индустрии местонахождения Туяна резцы типа дежете насчитывают 12 экз. В качестве субстрата для изделий использовался разнозернистый кварцит и кварц. Заготовками для резцов служили сколы (9 экз.), среди которых выделяются два поперечных и один кортикальный; и фрагменты пластин (3 экз.), из них два проксимальных и один медиальный. Площадки заготовок в большинстве случаев гладкие, лишь у трех экземпляров с галечной или желвачной коркой. Из-за особенности субстрата ударные бугорки слабо выражены. Изогнутый профиль наблюдается у двух заготовок. Огранка дорсала присутствует у четырех резцов. Зона сбитости фиксируется на дорсальной поверхности четырех орудий.

По расположению рабочего края в орудийной индустрии местонахождения Туяна выделяются четыре варианта резцов: с проксимально-медиальным, медиальным, медиально-дистальным и дистальным расположением головки. Морфометрические характеристики групп резцов представлены в таблице.

Метрические показатели резцов déjetés геоархеологического объекта Туяна

Расположение рабочего края		Проксимально-медиальное	Медиальное	Медиально-дистальное	Дистальное
Количество резцов		1	4	4	3
Длина заготовки (мм)		25	29–34	24–37	27–32
Ширина заготовки (мм)	Прокс.	22	19–42	20–31	18–23
	Мед.	17	27–50	25–53	24–33
	Дист.	14	18–34	17–45	14–25
Толщина заготовки (мм)	Прокс.	4	6–10	7–9	7–9
	Мед.	4	7–10	7–11	6–11
	Дист.	3	4–9	4–10	3,5–7
Длина резца (мм)		24	29–49	25–51	29–40
Длина тела резца (мм)		18	16–44	17–45	21–26
Высота головки резца (мм)		6	5–15	6–12	6–14
Ширина головки резца (мм)	Прокс.	12	16–28	15–27	13–25
	Мед.	7	7–15	8–16	6–10
	Дист.	2	3–4	3–4	3–4
Толщина головки резца (мм)	Прокс.	3	4–6	5–7	4–9
	Мед.	2	3–5	5	3–8
	Дист.	1	2–4	3–5	2–5
Левая резцовая плоскость	длина (мм)	17	10–19	12–20	10–20
	ширина (мм)	2	2,5–5	3–5	2–6
Правая резцовая плоскость	длина (мм)	9	8–21	8–11	10–18
	ширина (мм)	1,5	3–4	3,5–5	2–6
Угол между резцовыми плоскостями (в градусах)		100	95–130	95–122	70–112

Список литературы

Исходя из анализа метрических показателей, можно сделать следующие выводы: три резца морфологически близки к острьям. Они имеют сравнительно небольшие размеры высоты и ширины головки, резцовых плоскостей. Угол между резцовыми плоскостями варьирует в интервале 75–100°. Наибольшие метрические показатели демонстрируют группы с медиальным и медиально-дистальным расположением рабочей поверхности, так как снятие резцовых сколов производилось в наиболее широкой части среди имеющихся вариантов.

У шести орудий резцовые плоскости оформлены на правом маргине, у шести других – на левом. Два резца имеют дополнительную подработку: у первого экземпляра на маргине резцовым сколом оформлено острие, у второго – с площадки произведено снятие. На поверхности двух резцов наблюдаются следы золотой коррозии: в первом случае корродирована дорсальная поверхность, во втором – резцовые плоскости.

Полученные в ходе исследования данные расширяют характеристику каменной индустрии местонахождения Туяна. Проведенный анализ позволяет говорить о необходимости классификации резцов дежете (déjeté) как отдельного типа. Это расширяет возможность корреляции каменной индустрии комплексов верхнего палеолита Байкальской Сибири с синхронными комплексами Евразии.

Научный руководитель – Н. Е. Бердникова
ст. науч. сотр.,
НИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет

Городцов В. А. Техника и типологическая классификация кремневых резцов Супоневской и Тимоновской палеолитических стоянок из раскопок 1928 и 1929 гг. // Тр. секции РАНИОН. 1930. Вып. 5. С. 15–43.

Медведев Г. И., Савельев Н. А., Леженко И. Л. Моделирование и типологическая классификация резцов и скребков // Описание и анализ археологических источников. Иркутск, 1981. С. 104–115.

Особенности палеолитических комплексов Тункинской долины / Е. О. Роговской, Н. Е. Бердникова, Е. А. Липнина, Г. А. Воробьева, И. М. Бердникова, А. М. Кузнецов, Д. Н. Лохов // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Барнаул, 2017. С. 871–872.

Радлов В. В. Из Сибири. М.: Наука, 1989. 755 с.

Радлов В. В. Сибирские древности: из путевых записок по Сибири. СПб., 1896. 70 с.

Семенов С. А. Первобытная техника // Материалы и исследования по археологии СССР. № 54. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 239 с.

Филиппов А. К. Проблемы технического формообразования орудий труда в палеолите // Технология производства в эпоху палеолита. Л.: Наука, 1983. С. 9–72

Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита / С. А. Васильев, Г. Бозински, Б. А. Бредли, Л. Б. Вишняцкий, Е. Ю. Гирия, Ю. Н. Грибченко, М. Н. Желтова, А. Н. Тихонов СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 264 с.

Bourlon R. Essai de classification des burins, leur modes d'avivage // Revue Anthropologique. 1911. P. 267–278

Breizillon M. N. La denomination des objets de pierre taillée. Matériau pour un vocabulaire des préhistoriens de langue française // Gallia préhistoire. 1968. Supplement IV. 423 p.

The early Upper Palaeolithic of the Tunka rift valley, Lake Baikal region, Siberia / A. Kozyrev, A. Shchetnikov, A. Klement'ev, I. A. Filinov, A. Fedorenko, D. White // Quaternary International. 2014. Vol. 348. P. 4–13.

Sonneville-Bordes (De) D., Perrot J. Lexique typologique du Paléolithique supérieur: outillage lithique. IV – Burins // Bulletin de la Société préhistorique française. 1956. N 53. P. 408–412.

Morphometric Characteristics of Burins Déjetés of the Geoaarcheosite Tuyana

I. S. Shegutov

Burins as a type of tools have been identified in French Paleolithic studies. The function and classification position of the burins has long been a subject of controversy. In the classifications of burins on the territory of Baikal Siberia, the type of déjeté was not used. A morphometric analysis of 12 burins of the geoaarcheosite Tuyana was carried out. According to the location of the burin bevel, four variants of the déjeté burins were identified: with a proximal-medial, medial, medial-distal and distal location of the burin bevel. Four burins have a small burin bevel sizes and are morphologically close to the point. The largest metric indicators have groups with a medial and medial-distal arrangement of the burin bevel. In this group, the removal of incisal chips was carried out in the widest part among the options. The analysis performed allows us to speak about the need to consider déjeté burins as a separate type. This makes it possible to expand the possibility of correlating the complexes of the Upper Paleolithic of Baikal Siberia with synchronous complexes of Eurasia.

Keywords: Baikal Siberia, Upper Paleolithic, Tuyana site, morpho-technology analysis, burins déjetés.

Шегутов Иван Сергеевич

студент 4-го курса
Иркутский государственный университет
e-mail: shegutow@gmail.com

Shegutov Ivan Sergeevich

Student 4th year
Irkutsk State University
e-mail: shegutow@gmail.com

Археозоологический анализ костных остатков крупных млекопитающих с палеолитической стоянки Туяна*

В. В. Сизова^{1,2}, Д. Г. Маликов^{1,3}

¹Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

²Институт земной коры СО РАН, Иркутск, Россия

³Институт геологии и минералогии СО РАН, Новосибирск, Россия

*Изучение коллекции проведено при финансовой поддержке гранта
Иркутского государственного университета для молодых ученых № 091-20-320
«Крупные млекопитающие верхнепалеолитической стоянки Туяна (юго-западное Прибайкалье)».

Археозоологический анализ выполнен по государственному
заданию Минобрнауки России проект № FZZE-2020-0021

Верхнепалеолитическое местонахождение Туяна расположено в Тункинской рифтовой долине (Юго-Западное Прибайкалье). Объект был открыт в 2011 г. За этот период была собрана богатая коллекция палеонтологического материала, получен ряд ¹⁴C AMS-дат, на основе которых отложения плейстоценового возраста были предварительно датированы в интервале от 57 до 26 тыс. л. н. [The early Upper ... , 2014; Сообщение об антропологических ... , 2017; Upper Paleolithic site ... , 2019].

Настоящее исследование посвящено археозоологическому изучению обнаруженных в 2016 г. костных остатков млекопитающих с объекта Туяна. Общее количество исследованного материала составляет 6652 ед. Для более точного соотношения обнаруженных таксонов кости в анатомической связке и раздробленные кости, если они принадлежали одной особи, считались за одну единицу. Таким образом, количество фаунистического материала плейстоценового возраста насчитывает 6290 костных остатков. Помимо подсчета определимых (NISP) и неопределимых (NF) костных остатков, был применен параметр «минимальное число особей» (MNI).

В коллекции 2016 г. были определены остатки 17 видов млекопитающих (табл.). Определимые до вида или рода фрагменты малочисленны – 19,5 % от всех остатков с объекта. Преобладающим видом является первобытный бизон. Костные остатки лошади, мамонта, благородного оленя, шерстистого носорога и косули также многочисленны в коллекции. Остальные виды встречаются реже.

Таблица

Таксономический состав млекопитающих
местонахождения Туяна

Таксон	NISP/MNI	%
<i>Lepus</i> sp.	3/1	0,2
Rodentia gen. indet	3/-	0,2
<i>Spermophilus</i> sp.	11/1	0,9
Carnivora gen. indet	5/-	0,4
<i>Canis lupus</i>	7/1	0,6
<i>Vulpes</i> sp.	2/1	0,2
<i>Ursus arctos</i>	4/1	0,3
<i>Crocuta spelaea</i>	2/1	0,2
<i>Mammuthus primigenius</i>	153/1	12,5
<i>Equus ferus</i>	223/4	18,1
<i>Equus hemionus</i>	28/2	2,3
<i>Coelodonta antiquitatis</i>	74/3	6
Cervidae gen. indet	46/-	3,7
<i>Cervus elaphus</i>	90/5	7,3
<i>Capreolus</i> sp.	73/3	5,9
<i>Alces</i> sp.	7/2	0,6
<i>Ragnifer tarandus</i>	3/1	0,2
<i>Bison priscus</i>	480/23	39,1
<i>Gazella gutturosa</i>	1/1	0,1
Caprinae gen. indet	1/-	0,1
<i>Ovis ammon</i>	12/3	1

Неопределимые ближе	NF	%
Крупное млекопитающее	12	0,2
Среднее млекопитающее	1	0,02
Мелкое млекопитающее	4	0,08
Крупное копытное	1731	34,2
Среднее копытное	144	2,8
Мелкое копытное	52	1,1
Крупное парнокопытное	3	0,06
Неопределимые	3115	61,5
ВСЕГО	6290	

Расчет параметра MNI также показал, что бизон является доминирующим видом – по правым большим берцовым костям установлено минимум 23 особи бизона. Далее следуют благородный олень (5 особей по левым таранным костям) и лошадь (4 особи по левым плюсневым костям). Присутствие только одной особи мамонта (третьего по преобладанию вида) обусловлено отсутствием одноименных элементов скелета этого вида в коллекции. Большинство костей мамонта представлено небольшими фрагментами бивней, зубов и трубчатых костей.

Оценка естественной сохранности остатков по шкале, предложенной Е. Е. Антипиной [2016], показала, что в основном кости достаточно прочные, однако у них частично нарушен поверхностный слой компакты. Согласно стадиям выветривания костей, предложенным А. К. Behrensmeyer [1978], большинство костных остатков были отнесены к стадиям 0 и 1, которые указывают на довольно быстрое захоронение костей.

Анализ анатомического набора костей по элементам скелета бизона, лошади и благородного оленя показал, что все три рассматриваемых вида представлены всеми основными отделами скелета. Это может указывать на то, что туши доставлялись на стоянку целиком или, что более вероятно, предварительно разделанными крупными частями. Построенные скелетные спектры бизона, лошади и благородного оленя схожи (рис. 1).

Так, у этих видов преобладают «немясные» части скелета – это мелкие кости запястья и предплюсны (у всех трех видов), фаланги (у бизона) и зубы (у лошади и оленя). Преобладание фаланг и мелких костей может быть объяснено тем, что эти кости не использовались людьми в связи с низкой пищевой ценностью. Механическая прочность этих костей способствовала их высокой естественной сохранности после довольно быстрого погребения их осадком. Многочисленность зубов связана с их сильной фрагментарностью. Стоит отметить довольно высокую долю черепных фрагментов у благородного оленя, что обусловлено большим количеством фрагментов рогов. Все рога являются сброшенными, поэтому можно предположить, что они использовались людьми в качестве сырья. Подтверждением этому служит колотушка из рога благородного оленя [Upper Paleolithic site ... , 2019].

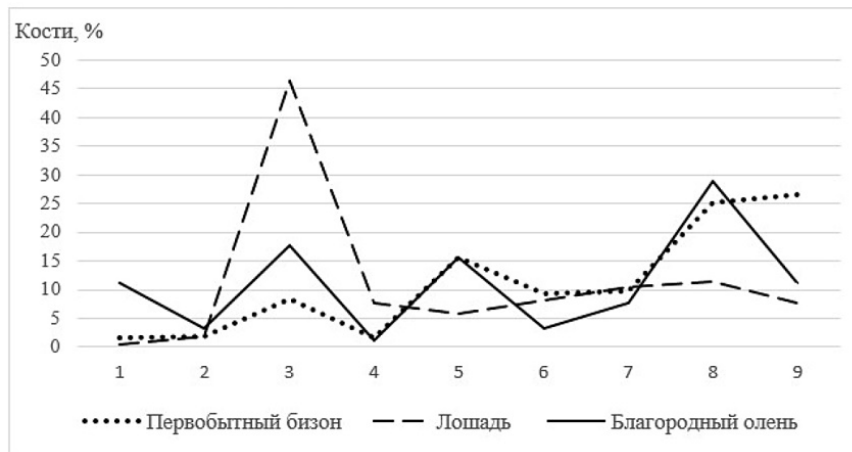

Рис. 1. Скелетные спектры первобытного бизона, лошади и благородного оленя (1 – череп, 2 – нижняя челюсть, 3 – зубы, 4 – осевой скелет, 5 – лопаточная, плечевая, лучевая, локтевая кости, 6 – тазовая, бедренная, большая берцовая кости, 7 – метаподиальные кости, 8 – мелкие кости запястья и предплюсны, 9 – фаланги)

Что касается «мясных» частей туши, то малочисленность определяемых костей осевого отдела скелета может быть связана с их сильной раздробленностью, что не позволило определить большую часть ребер и позвонков до вида. Стоит отметить, что среди костных остатков копытных крупного размера ребра и позвонки многочисленны. Раздробленность этих элементов скелета может быть результатом добычи костного мозга [Outram, 2002, с. 51]. Довольно высокая доля проксимальных отделов передних (бизон и олень) и задних (лошадь) конечностей может указывать на добычу этих копытных для получения как мяса, так и костного мозга из трубчатых костей.

Большинство остатков представлено фрагментами, многие кости сильно повреждены. Множество факторов

может привести к разрушениям разного характера, и они оставляют определенные следы на костях, описанию которых посвящен ряд методов. В настоящей работе был использован метод, предложенный А. К. Outram [2002]. В результате проведенного анализа было установлено, что значительная часть трубчатых костей совмещает в себе признаки, характерные для разрушений, полученных как на сырой кости, так и появляющихся на несвежих костях. Среди следов, указывающих на свежее состояние кости в момент ее разрушения, стоит отметить спиральные изломы, следы силовых ударов, раковистые изломы, радиальные фрагменты с пересекающимися сторонами слома (рис. 2, 3, 5, 6).

Рис. 2. Кости с различными искусственными следами: 1 – следы протирания на фрагменте диафиза плюсневой кости крупного Cervidae, 2 – просверленное отверстие на плюсневой кости молодого лося, 3 – раковистый излом на трубчатой кости млекопитающего крупного размера, 4 – ретушер, 5 – спиральный излом на фрагменте большой берцовой кости косули, 6 – спиральный излом на фрагменте плечевой кости молодого благородного оленя

Появление этих следов при разрушении свежей кости может происходить либо в результате поедания туши хищниками, либо как следствие разделки туши древними людьми и добычи костного мозга [Fernandez-Jalvo, Andrews, 2016, p. 283]. В фаунистической коллекции Туяны хищники весьма малочисленны, а следы их погрызов были зафиксированы только на трех костных остатках. Поэтому наиболее вероятно, что большинство вышеперечисленных следов являются результатом человеческой деятельности и были оставлены на костях в момент добычи костного мозга.

Костные остатки также несут другие искусственные следы. Так, на мышелке плюсневой кости молодого лося было обнаружено просверленное отверстие, которое начинается на латеральной стороне мышелка и выходит неровным отверстием на плантарной стороне кости (рис. 2, 2). На фрагменте диафиза плюсневой кости крупного Cervidae были зафиксированы равномерные многочисленные искусственные следы (рис. 2, 1), похожие на обнаруженные ранее на фрагменте диафиза бизона [Бурова, 2020]. Также был обнаружен костяной ретушер из фрагмента трубчатой кости крупного млекопитающего (рис. 2, 4). Помимо этого, ранее были описаны изделия из клыка крупного хищника, доработанное до веретеновидной формы, клык волка с залощенностью коронки и колотушка из рога благородного оленя [Бурова, 2019; Upper Paleolithic site ... , 2019].

Обнаруженный фрагмент черепа с небольшим рогом, принадлежавший косуле, может свидетельствовать о функционировании стоянки в конце весны или позднее [Данилкин, 1999, с. 10].

В экологическом отношении фауна представлена преимущественно животными, населяющими лесостепные и степные ландшафты [Бурова, Никулина, 2017], что позволяет реконструировать лесостепную обстановку с высокой долей открытых пространств в окрестностях стоянки Туяна.

*Научный руководитель – А. М. Клементьев
канд. геогр. наук, науч. сотр.,
Институт земной коры СО РАН*

Archeozoological Analysis of Large Mammal Bone Remains From the Upper Palaeolithic Site Tuyana

V. V. Sizova, D. G. Malikov

Preliminary data on large mammal bone remains from the Upper Palaeolithic site Tuyana located in the Tunka rift valley (Lake Baikal region) are presented. This contribution focuses on archaeozoological treatment of the bones, including identification of bones, calculation of the Number of Identified Specimens (NIS), Number of Fragments (NF) of indefinable bones and Minimum Number of Individuals (MNI), assessment of the state of bone preservation, description of bones modified by humans. The subsistence strategy was based primarily on two game animals: steppe bison and horse. Fragments of long bones with traces of human activity indicate extraction of marrow. Roe deer skull fragment indicates that the Paleolithic site Tuyana most likely was seasonally occupied during midwinter–early spring.

Keywords: archaeozoology, large mammals, Late Pleistocene, Tuyana, Lake Baikal region.

Сизова Валерия Витальевна

лаборант
Институт земной коры СО РАН
стажер-исследователь
Иркутский государственный университет
e-mail: valeria_29_05@mail.ru

Маликов Дмитрий Геннадьевич

старший научный сотрудник
Институт геологии и минералогии
им. В. С. Соболева СО РАН
научный сотрудник
Иркутский государственный университет
e-mail: dgmalikov@igm.nsc.ru

Список литературы

- Антипина Е. Е. Современная археозоология: задачи и методы исследования // Междисциплинарная интеграция в археологии. М., 2016. С. 96–117.
- Бурова В. В. Хищные млекопитающие палеолитической стоянки Туяна // Двенадцатые Байкальские социально-гуманитарные чтения. Иркутск, 2019. С. 3–5.
- Бурова В. В. Остатки первобытного бизона с палеолитической стоянки Туяна: археозоологический анализ: материалы LX Рос. археолого-этнографической конф. студентов и молодых ученых с междунар. участием. 2020. С. 48–50.
- Бурова В. В., Никулина Е. Д. Изучение палеоэкологии млекопитающих из раскопок палеолитического местонахождения Туяна (Тункинская котловина) // Современные проблемы изучения древних и традиционных культур народов Евразии: тез. докл. науч. конф. Сургут, 2017. С. 21–23.
- Данилкин А. А. Оленьи (Cervidae). М.: ГЕОС, 1999. 552 с.
- Сообщение об антропологических находках на палеолитическом местонахождении Туяна в Тункинской рифтовой долине (Юго-Западное Прибайкалье) / С. В. Васильев, С. Б. Боруцкая, Е. О. Роговской, Н. Е. Бердникова, Е. А. Липнина, И. М. Бердников // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2017. Т. 22. С. 150–165.
- Behrensmeyer A. K. Taphonomic and ecologic information from bone weathering // Paleobiology. 1978. Vol. 4 (2). P. 150–162.
- Fernandez-Jalvo Y., Andrews P. Atlas of Taphonomic Identifications. Luxembourg: Springer, 2016. 359 p.
- Outram A. K. Bone fracture and within-bone nutrients: an experimentally based method for investigating levels of marrow extraction // Consuming Passions and Patterns of Consumption / ed. by P. Miracle, N. Milner. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 2002. P. 51–63.
- The early Upper Palaeolithic of the Tunka rift valley, Lake Baikal region, Siberia / A. S. Kozyrev, A. A. Shchetnikov, A. M. Klement'ev, I. A. Filinov, A. B. Fedorenko, D. White // Quaternary International. 2014. Vol. 348. P. 4–13.
- Upper Paleolithic site Tuyana – a multi-proxy record of sedimentation and environmental history during the Late Pleistocene and Holocene in the Tunka rift valley, Baikal region / A. A. Shchetnikov, E. V. Bezrukova, G. G. Matasova, A. Yu. Kazansky, V. V. Ivanova, G. A. Danukalova, I. A. Filinov, F. I. Khenzykhenova, E. M. Osipova, N. E. Berdnikova, I. M. Berdnikov, E. O. Rogovskoi, E. A. Lipnina, G. A. Vorobyeva // Quaternary International. 2019. Vol. 534. P. 138–157.

Sizova Valeria Vitalievna

Laboratory Assistant
Institute of the Earth's Crust SB RAS
Trainee Researcher
Irkutsk State University
e-mail: valeria_29_05@mail.ru

Malikov Dmitriy Gennadievich

Senior Researcher
V. S. Sobolev Institute of Geology
and Mineralogy SB RAS
Researcher
Irkutsk State University
e-mail: dgmalikov@igm.nsc.ru

Мастерская им. А. П. Окладникова на Титовской сопке (Восточное Забайкалье)

Н. А. Марков¹, Г. Н. Кустов¹, А. В. Киенко¹, Н. О. Викулова²

¹*Забайкальский государственный университет, Чита, Россия*

²*Институт археологии РАН, Москва, Россия*

Палеолитические мастерские являются уникальными объектами в мировой науке, так как позволяют получить данные о технологии камнеобработки с полными циклами производства каменных изделий и заготовок. Палеолитическая мастерская – это памятник хозяйственной деятельности первобытного человека, где осуществлялись технические операции с каменным сырьем [Leroi-Gourhan, 1988]. Критериями для определения мастерских каменного века являются: близость доступных выходов каменного сырья, преобладание в составе инвентаря, отходов производства. Особое значение в определении и изучении мастерских приобретает изучение древних вулканов как источника каменного сырья, использовавшегося древним человеком [Мороз, Юргенсон, 2018]. В настоящее время в Восточном Забайкалье выявлено три мастерские каменного века, которые располагаются на склонах Титовской сопки (пригород Читы).

Одним из ярких представителей объектов такого типа является мастерская им. А. П. Окладникова, расположенная на юго-восточной части Титовской сопки и приуроченная к слабо выраженному террасовидному уступу на левом борту широкой ложины с террасовидными склонами, частично прорезанными оврагами, выходящими к долине р. Ингода [Синица, Константинов, 2009; Астахов, 2018]. Это один из первых стратифицированных памятников палеолита, расположенный в высокогорье Восточного Забайкалья [Астахов, 1962]. Открытие мастерской связано с исследованиями А. П. Окладникова 1950 г., затем на протяжении 1959–1967 гг. она изучалась первооткрывателем, В. Е. Ларичевым, С. Н. Астаховым и И. И. Кирилловым. За этот период времени была получена коллекция археологического материала, представленного продуктами функционирования палеолитической мастерской (отходы производства, заготовки орудий). Мастерская расположена на выходах кремнистого сланца, андезита, базальтов и других горных пород [Береговая, 1960; Петрунь, 1971; Кириллов, Рижский, 1973; Константинов, 2013, 2018; Астахов, 2018].

Согласно существующим на данный момент методическим наработкам по классификации мастерских каменного века [Кулаков, 1993], для мастерской им. А. П. Окладникова предварительно можно определить спектр специфических характеристик. По типологии она относится к производственным мастерским. Основанием для этого вывода послужили наличие ям-шахт на уровне второго слоя, доминирование большого числа отщепов и нуклеусов [Липницкая, 1988, с. 8–9; Астахов, 2018, с. 14–18]. Возможно, мастерская им. А. П. Окладникова являлась специализированной мастерской, такие существовали в эпоху раннего – среднего палеолита [Любин, 1961, с. 60–65]. Как правило, в таких мастерских изготавливались отдельные каменные орудия, только для нужд одной-единственной (производящей) общины [Петрин, 1987, с. 43; Эргашев, 2017, с. 38]. Для производства орудий использовали обломки и валуны кремнистого сланца, андезита, базальтов и другие горные породы [Астахов, 2018, с. 17].

По производственному профилю мастерская им. А. П. Окладникова относится к мастерским смешанного профиля, на это указывают отходы производства (пластины, отщепы, нуклеусы), заготовки скребел, четырехгранных стержней и долотовидных орудий. Законченных ору-

дий практически не было, кроме нескольких скребел [Матюхин, 1999а, с. 158; Астахов, 2018, с. 18].

В функциональном отношении мастерская является долговременной. На это указывают пять культурных горизонтов возрастом от конца среднего до позднего палеолита [Матюхин, 1999а, с. 158–159; Астахов, 2018, с. 13]. По степени удаленности от сырья мастерская находится непосредственно у выходов сырья. На это указывает богатый петрографический состав пород [Петрунь, 1971, с. 285; Матюхин, 1999б, с. 282].

По характеру функциональной самостоятельности мастерская им. А. П. Окладникова является самостоятельной. На это указывает значительная удаленность от других памятников Сухотинской группы [Филатов, 2016]. Мастерская им. А. П. Окладникова по характеру технологической стадильности близка к мастерским начального цикла. На это указывает значительное количество валунов, желваков и кусков камня без обработки, с единичными сколами, нуклевидных кусков, пробных нуклеусов и грубых отщепов. В то же время в коллекциях памятника присутствуют немало качественных сколов – заготовок и нуклеусов. По характеру структуры памятника мастерская им. А. П. Окладникова относится к двум типам: мастерская открытого типа и мастерская-шахта [Матюхин, 1999б, с. 282; Астахов, 2018, с. 13–19].

Исследования на мастерской были возобновлены в 2013 г. в рамках подготовки разрезов для демонстрации участникам международной конференции «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири». Были выполнены две зачистки стенок раскопов 1960-х гг.

Летом 2019 г. Е. А. Филатовым и М. О. Филатовой были проведены топографическое исследование для установления границ раскопов прошлых лет, фотофиксации памятника и его окрестностей. Результатом данных исследований явилось создание ортофотоплана, который позволил наглядно продемонстрировать местоположение раскопов и их соотношение [Филатов, Филатова, 2020].

В 2020 г. при участии авторов на памятнике были выполнены зачистки с целью отбора фиксации стратиграфии памятника и отбора образцов для абсолютного датирования методом оптически стимулированной люминесценции и ряда естественно-научных анализов для реконструкции палеогеографической обстановки в разных этапах функционирования мастерской. Памятник является одним из самых перспективных для дальнейшего исследования на территории Восточного Забайкалья.

*Научный руководитель – А. В. Константинов
д-р ист. наук, профессор,
кафедра истории,
Забайкальский государственный университет*

Список литературы

- Астахов С. Н. Отчет о работах в Читинской области в 1962 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. 1962. Ф. 1. п. 1. С. 13–19.
Астахов С. Н. Шурфы-шахты для добычи каменного сырья в палеолите на Титовской сопке // Записки Института истории материальной культуры. 2018. № 19. С. 13–19.
Береговая Н. А. Палеолитические местонахождения СССР // МИА. 1960. № 81. Вып. 106. С. 106–107.
Кириллов И. И., Рижский М. И. Очерки древней истории Забайкалья. Чита, 1973. 137 с.

Константинов М. В. Археология Забайкалья: верхний палеолит // Гуманитарный вектор. Сер.: История, политология. 2013. № 3 (35). С. 10–12.

Константинов М. В. В экспедициях академика А. П. Окладникова // Известия лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14, № 4 (29). С. 277–287.

Кулаков С. А. Мастерские в каменном веке: история выделения, критерии определения и классификации // Петербург. археол. вестн. 1993. № 7. С. 27–45.

Липницкая О. Л. Кремнеобрабатывающие мастерские запада и центра Европейской части СССР: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988. 15 с.

Любин В. П. Верхнеашельская мастерская Джрабер // КСИА. 1961. Вып. 82. С. 59–67.

Матюхин А. Е. Описание и интерпретация орудий из палеолитических мастерских // Современные экспериментально-трассологические и технико-технологические разработки в археологии: тезисы докладов Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Сергея Аристарховича Семенова. СПб., 1999а. С. 157–159.

Матюхин А. Е. О структуре, типах и принципах изучения палеолитических мастерских // Археол. вестн. 1999б. № 6. С. 272–286.

Мороз П. В., Юргенсон Г. А. Минеральное сырье Сухотинского георхеологического района // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2018. Вып. 7. С. 110–115.

Петрин В. П. К проблеме квалификации памятников каменного века Монголии // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 27–45.

Петрунь В. Ф. К петрофизической характеристике материала каменных орудий палеолита // Палеолит и неолит: материалы и исследования по археологии СССР. Л., 1971. № 173. С. 282–297.

Синица С. М., Константинов М. В. Титовская сопка // Малая энциклопедия Забайкалья: Природное наследие. Новосибирск: Наука, 2009. 698 с.

Филатов Е. А. Сухотинский георхеологический комплекс: научный путеводитель по палеолитическим памятникам Сухотинского георхеологического комплекса. Чита: ЗабГУ, 2016. 44 с.

Филатов Е. А., Филатова М. О. Топографические исследования мастерской имени А. П. Окладникова в Восточном Забайкалье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2020. Т. 26. С. 258–262.

Эргашев О. Т. К вопросу о классификации кремнеобрабатывающих мастерских каменного века Узбекистана // Наука и мир. 2017. Т. 2, № 3 (43). С. 36–38.

Leroi-Gourhan A. Dictionnaire de la Prehistoire. Paris: PUF, 1988. 1222 p.

Workshop named after A. P. Okladnikov on Titovskaya Sopka (Eastern Transbaikalia)

N. A. Markov, G. N. Kustov, A. V. Kienko, N. O. Vikulova

Paleolithic workshop provide data on the technology of stone processing with full cycles of production of stone products and blanks. One of the brightest representatives of objects of this type is the A. P. Okladnikov workshop, located in the southeastern part of Titovskaya Sopka (near the city of Chita), which is also a paleovolcano. The opening of the workshop is associated with the research of A. P. Okladnikov in 1950, then during 1959–1967 it was investigated by the discover V. Y. Larichev, S. N. Astakhov and I. I. Kirillov. The studies were resumed in 2013 as part of the preparation of sections for demonstration to the participants of the international conference "Ancient cultures of Mongolia and Baical Siberia". In the summer of 2019, E. A. Filatov, a student at NSU, conducted a topographic study to establish the boundaries of the excavation of past years, photograph the monument and its environs. In 2020, the authors carried out cleanings at the site in order to fix the sites stratigraphy and take samples for absolute dating by the method of optically stimulated luminescence and a number of natural scientific analyzes to reconstruct the paleographic setting at different stages of the workshops functioning. The monument is one of the most promising for further research on the territory of Eastern Transbaikalia.

Keywords: Paleolithic workshops, A. P. Okladnikov workshop, Chita, Titovskaya Sopka, Eastern Transbaikalia.

Марков Никита Александрович
магистрант 1-го года обучения
Забайкальский государственный университет
e-mail: nikitka-markov-98@list.ru

Кустов Григорий Николаевич
студент 1-го курса
Забайкальский государственный университет
e-mail: exploted.2021@yandex.ru

Киенко Антон Вадимович
студент 1-го курса
Забайкальский государственный университет
e-mail: kienkoanton26@gmail.com

Викуллова Наталья Олеговна
младший научный сотрудник
Институт археологии РАН
e-mail: natasha_vikulova@mail.ru

Markov Nikita Aleksandrovich
Graduate student 1st year
Transbaikal State University
e-mail: nikitka-markov-98@list.ru

Kustov Grigory Nikolaevich
Student 1st year
Transbaikal State University
e-mail: exploted.2021@yandex.ru

Kienko Anton Vadimovich
Student 1st year
Transbaikal State University
e-mail: kienkoanton26@gmail.com

Vikulova Natalia Olegovna
Junior Researcher
Institute of Archaeology of the RAS
e-mail: natasha_vikulova@mail.ru

Бифас из четвертого культурного слоя Сухотинской мастерской

П. В. Мороз, Ю. О. Истомин

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

Для территории Южной Сибири и северной части Центральной Азии исследования последних лет позволили объединить комплексы ранних этапов верхнего палеолита в отдельный вариант НВП. Для него, как правило, характерно производство крупных пластин в рамках подпризматического параллельного скалывания в сочетании с незначительными элементами леваллуазского компонента [Rybin, 2014]. При этом важную роль в комплексе играют листовидные или овальные бифасы. Бифасы в индустриях НВП традиционно признаются своего рода ведущими ископаемыми или орудиями-маркерами, обладающими временной и территориальной привязкой и четкими морфологическими характеристиками, маркирующими определенную культурно-хронологическую группу памятников [Листовидные бифасы ... , 2019; Листовидный бифас ... , 2019]. Хронологически наиболее ранние комплексы с листовидными бифасами НВП в настоящее время зафиксированы на территории Алтая. Остальные датированные индустрии на территории Северной и Центральной Монголии, Северо-Западного Китая, Прибайкалья, Средней Сибири и Восточного Казахстана укладываются в хронодиапазон 35–28 тыс. л. н. При этом везде, где присутствует комплекс НВП, в той или иной мере наличествуют листовидные и овальные бифасы.

Для территории Западного Забайкалья в стратифицированных комплексах НВП полноценные листовидные бифасы не представлены. При этом отмечаются единичные асимметричные бифасиальные изделия в культурном слое 5 Варваринной горы и на стоянке Каменка в комплексе «Б» [Лбова, 2000]. Одно бифасиальное изделие овальной фор-

мы на крупном пластинчатом сколе было обнаружено на местонахождении Усть-Кяхта-16 [Ташак, 2011], которое датируется финалом каргинского – началом сартанского времени [Ташак, 2015].

При этом традиция изготовления листовидных бифасов проявлена в более поздних сартанских комплексах. Серии листовидных бифасов отмечаются в слое 6 стоянки Барун-Алан-1 [Ташак, 2013], на памятниках Аршан-Хундуй [Ташак, 2011] и Усть-Менза-1 [Мороз, 2008; Мороз, Верещагин, 2019].

Особняком на этом фоне традиционно выступает Сухотино-4 в Восточном Забайкалье [Окладников, Кириллов, 1980]. На этом поселении отмечается массовое производство бифасов, как минимум, начиная с 10-го культурного слоя, а на основе технико-типологического анализа коллекции В. И. Ташаком делается вывод о схожести индустрий Сухотино-4 и нижнего уровня слоя 6 Барун-Алана-1 [Ташак, Ковычев, 2020, с. 29]. При этом наличие листовидных бифасов в индустриях старше МИС-2 в пределах Сухотинского георхеологического района до недавнего времени отмечено не было.

В 2013 г. Е. А. Филатовым под руководством М. В. Константинова был заложен шурф на Сухотинской мастерской, в котором зафиксирована коллекция «...более 12 тыс. изделий...» [Филатов, 2016, с. 35]. В 2019 г. полевые работы были продолжены [Мороз, 2020; Истомин, Мороз, 2020], в ходе которых получена также представительная коллекция артефактов в количестве 3513 экз. В кровле культурного слоя 4 выявлен бифас (рис.).

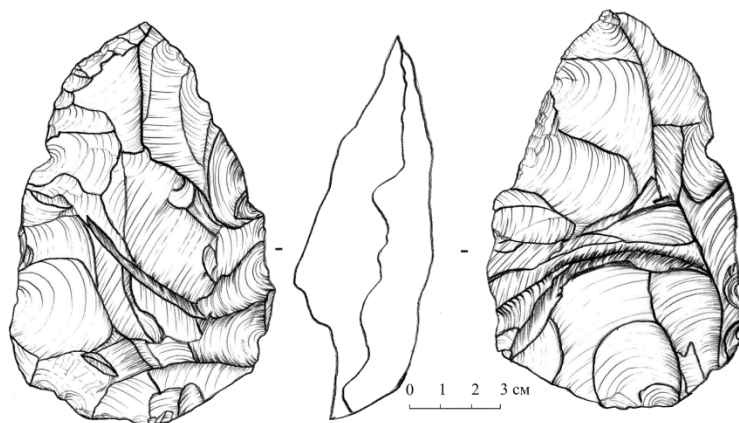

Рис. Бифас. Сухотинская мастерская. Работы 2019 г.

Артефакт был выполнен на массивной отдельности роговика [Мороз, Юргенсон, 2018], найден в 1,32 м от дневной поверхности. Бифас листовидный, имеет размеры: длина (L) – 13,1 см; ширина (M) – 8,7 см; толщина (N) – 4,6 см. Отношение ширины к толщине – 1,9. Несмотря на «среднепалеолитическое» значение этой характеристики, верхнепалеолитический контекст нахождения находки не вызывает сомнений.

Поверхности артефакта тщательно обработаны сколами уплощения, образовавшими ретушированные продольные края, но одна из плоскостей сохранила естественную поверхность блока сырья. Противоположная поверхность несет массивный залом, оставшийся после попытки утон-

чения, что, по всей видимости, и вызвало выбраковку практически полностью завершенного артефакта. Скол, вызвавший залом, имел цель уплощения заготовки, однако вследствие физических свойств сырья произошло ступенчатое окончание скалывающей поверхности. С технологической точки зрения ситуацию можно было «исправить» латеральными сколами, но обилие сырья высокого качества позволило древнему мастеру не возвращаться к изделию. Таким образом, бифас в окончательном виде сложно назвать плоско-выпуклым. Возможно, если бы скол уплощения достиг своей цели, плоско-выпуклый рельеф стал бы возможным, но фактически артефакт имеет двояковыпуклое сечение.

Результаты ОСЛ-датирования слоя 3 по образцу – Sh-3 37±2,8 тыс. л. н [Стоянка-мастерская каменного века ... , 2020, с. 47] – вполне укладываются в понимание возраста культурных слоев 3–4. Нахождение бифаса в кровле культурного слоя 4 полностью соответствует хронодиапазону присутствия подобного рода маркирующих артефактов в индустриях НВП Северной Азии.

Список литературы

Истомин Ю. О., Мороз П. В. Мастерская Сухотино (Сухотино-12): новые данные (по материалам 2019 г.) // Материалы LX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых с международным участием. Иркутск, 2020. С. 60–62.

Лбова Л. В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. 240 с.

Листовидный бифас начала верхнего палеолита со стоянки Кара-Бом: технология, функция, контекст / Н. Е. Белоусова, Е. П. Рыбин, А. Ю. Федорченко, Н. А. Кулик // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. 25. С. 36–43.

Листовидные бифасы в комплексах начального палеолита Южной Сибири и севера Центральной Азии / А. В. Шалагина, Л. В. Зоткина, А. А. Анойкин, Н. А. Кулик // Теория и практика археологических исследований. 2019. Т. 26, № 2. С. 47–60.

Мороз П. В. Технология производства плоско-выпуклых бифасов в индустрии Усть-Мензы 1 (Западное Забайкалье) // Изв. Рос. гос. ун-та им. А. И. Герцена. Аспирантские тетради. 2008. № 23 (54). С. 145–149.

Мороз П. В. Археологические разведки с осуществлением локальных земляных работ на Сухотинской мастерской в г. Чита Забайкальского края в 2019 г. // Архив ИА РАН. 2020. Ф-1. Р-1. № 65127.

Мороз П. В., Верещагин С. Б. Функциональный анализ бифаса из дымчатого кварца (25 культурного горизонта поселения Усть-Менза-1) // Известия лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15, № 3 (32). С. 9–27.

Мороз П. В., Юргенсон Г. А. Минеральное сырье Сухотинского георхеологического района // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск, 2018. Вып. 7. С. 100–105.

Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.

Стоянка-мастерская каменного века Сухотино-12 (Восточное Забайкалье): первые результаты абсолютного датирования / А. В. Константинов, Р. Н. Курбанов, Н. О. Викулова, Е. А. Филатов, Н. А. Марков: тр. VI (XXII) Всерос. археол. съезда в Самаре. Самара, 2020. Т. 1. С. 46–48.

Ташак В. И. Бифасиальные изделия в палеолите Забайкалья // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Уссурийск, 2011. С. 130–140.

Ташак В. И. К вопросу о хронологии палеолитического местонахождения Барун-Алан-1 в Западном Забайкалье // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2013. № 2. С. 193–200.

Ташак В. И. Палеолит Селенги на территории России и Монголии (перспективы исследований) // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2015. № 8. С. 188–195.

Ташак В. И., Ковычев Е. В. Бифасиальные орудия в каменной индустрии Сухотино-4 (Восточное Забайкалье) // Изв. Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16, № 3. С. 9–32.

Филатов Е. А. Сухотинский георхеологический комплекс: научный путеводитель по палеолитическим памятникам Сухотинского георхеологического комплекса. Чита: ЗабГУ, 2016. 44 с.

Rybin E. P. Tools, Beads, and Migrations: Specific Cultural Traits in the Initial Upper Paleolithic of Southern Siberia and Central Asia // Quaternary International. 2014. Vol. 347. P. 39–52.

The Biface from the Fourth Cultural Layer of the Sukhotinskaya Workshop

P. V. Moroz, Yu. O. Istomin

The article presents materials from the work of the Daurian archaeological team in the 2019 field season at the Sukhotinskaya workshop. The Sukhotinskaya workshop is a part of the Sukhotino georheological region and is also known in the literature as the Sukhotino-12 workshop site. Excavations at the site were first carried out in 2013 under the guidance of M. V. Konstantinov. During the research in 2019, a biconvex biface was discovered in the roof of the fourth cultural layer, the description of which is the subject of this article. The presented find expands the presence of early Upper Paleolithic marker tools in the stratified sites of North Asia, extending it to Eastern Transbaikalia. This, at present, can be considered the northeastern border of their distribution.

Keywords: Eastern Transbaikalia, Sukhotinskaya workshop, biface, initial Upper Paleolithic (IUP).

Мороз Павел Валерьевич

канд. ист. наук, доцент
Забайкальский государственный университет
e-mail: frostius.81@mail.ru

Moroz Pavel Valerievich

Candidate of Sciences (History)
Associate Professor
Transbaikalian State University
e-mail: frostius.81@mail.ru

Истомин Юрий Олегович

студент 3-го курса
Забайкальский государственный университет
e-mail: yuriy.istomin.01@mail.ru

Istomin Yuriy Olegovich

Student of 3rd year
Transbaikalian State University
e-mail: yuriy.istomin.01@mail.ru

УДК 902.2 (571.55)

Новое палеолитическое жилище на поселении Усть-Менза-1 (Забайкалье)

Е. М. Шайхудинова

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

Жилища эпохи верхнего палеолита выступают уникальным источником, позволяющим изучать культуру и быт древнего человека с учетом определенной местности.

На территории Забайкалья первое палеолитическое жилище было обнаружено в 1968 г. А. П. Окладниковым на поселении Санный мыс [Константинов, 2011]. В настоящее время в регионе известно более 50 жилищ [Там же, с. 209]. По результатам их детального изучения были написаны научные труды, представленные статьями и монографиями [Константинов, 1994; Константинов, 2001; Верещагин, 2011, 2012].

Среди многообразия позднпалеолитических жилищ Забайкалья особую группу составляют те жилища, остатки конструкций которых располагаются на поверхностях

древних галечников. Проблема обнаружения таких жилищ состоит в сложных стратиграфических условиях их расположения, а также частичном разрушении конструкций [Верещагин, 2012].

Впервые жилища, расположенные на плейстоценовом галечнике в Забайкалье, были обнаружены на поселении Студеное-1 в 1977 г. при изучении культурного слоя 19/4 [Константинов, 1978, с. 31–32]. С этим слоем связаны два самостоятельных выразительных жилища размерами 3,6×3,2 м и 4,3×3,7 м, расположенные друг от друга на расстоянии 6,5 м [Константинов, 1994, с. 105]. По углю из первого жилища получена дата 11 030±380 (ГИН-2938) [Константинов, 2009, с. 43].

Одним из объектов изучения палеолитических жилищ в Забайкалье является комплекс археологических памятников Усть-Менза, расположенный в Красночикийском р-не, в Усть-Мензинском урочище при впадении р. Менза в р. Чикой. Комплекс открыт Чикойской археологической экспедицией ЧГПИ (ныне ЗабГУ) в 1980–1981 гг. [Семина, 1992, с. 1]. Являлся базовым для проведения совместных археологических и геологических исследований, археологической практики и работы школьного лагеря. Демонстрировался участникам Всесоюзной конференции «Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири» (1986), Международного симпозиума «Древние культуры Азии и Америки» (2003) и IV Международной конференции «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири» (2013). Включает 8 основных памятников (Усть-Менза-1–6, 14–15) и 10 предварительно разведанных объектов (Усть-Менза-7–13, 16–18), расположенных на высокой пойме и I–VI террасах [Усть-Менза ... , 2011]. Жилища обнаружены на поселениях Усть-Менза-1–4, 5, 8.

В 1986 г. на многослойном памятнике Усть-Менза-1, связанном с I надпойменной террасой, в культурном слое 25, расположенном непосредственно на русловом галечнике, выявлен фрагмент жилищной конструкции в стратиграфической позиции, близкой к Студеному-1. Обкладка жилища состояла из 289 камней, в центре – очаг. В жилище обнаружены каменные орудия, отщепы и костяные отходы [Константинов, 2002, с. 33]. В результате расширения раскопа в 2007–2009 гг., в этом же слое выявлена конструкция в виде очага, но без жилищной обкладки, при этом с золистым заполнением и набором каменных изделий в комплексе [Верещагин, 2012].

В 2000–2001 гг. в основании пойменного аллювия II террасы на многослойном памятнике Студеное-2 на площади 188 м² изучен культурный слой 8. Он связан с тонким слоем крупнозернистого песка, непосредственно перекрывающего древний галечник [Константинов, 2002, с. 33]. К этому уровню относятся 5 структур. Структуры 1–3 выделены по внешним каменным обкладкам, а также очагам или кострищам, расположенным в центре жилищ, которые имеют округлые основания. Структура 4 интерпретирована как «наружный очаг», с тяготеющими к нему артефактами, а структура 5 – как «тамбур-вход в жилище»,

так как следов кострища внутри обкладки обнаружено не было [Верещагин, 2012]. Возраст слоя, определенный по кости, – AMS 20,6±90 тыс. л. н. (СAMS-90971) [Радиоуглеродное датирование ... , 2011, с. 91].

В 2019 г. были возобновлены работы на многослойном поселении Усть-Менза-1, работы проводились в раскопе № 3. Отложения изучались начиная с культурного слоя 14, где было расконсервировано жилище, датированное по углю из очага – 11 820±120 (ГИН-7161) [Усть-Менза, 2011, с. 303]. Затем последовательно изучались нижележащие слои. В 2020 г. в культурном слое 25, непосредственно на галечнике, было обнаружено оригинальное, частично сохранившееся одноочажное палеолитическое жилище (рис. 1).

В расширенный комплекс входят обкладка, очаг, отдельные артефакты. «Пол» жилища – поверхность русловика, сложенная хорошо окатанной галькой мелкого и среднего размера, затянута тонкой песчано-глинистой прослойкой.

Жилище занимает площадку размерами 2,82×1,73 м, которая имеет небольшой наклон в сторону реки (рис. 2).

Кладку жилища формирует конструкция, состоящая из 6 камней в виде слабо окатанных валунов и гнейсовых глыб размерами от 16×11 до 29×12 см. Эти камни обозначены номерами 1–4, 6, 7. Камни уложены горизонтально на устойчивой поверхности. Расстояние между ними варьируется от 34 до 65 см. Камни № 6 и 7 располагаются симметрично по отношению к краям очага с разных от него сторон. Расстояние между этими камнями 1,94 м. Камень № 5 первоначально мог занимать позицию в обкладке камнями № 4 и 6 или мог использоваться для крепления покрытия с использованием кожаных ремней.

Очаг имеет дугообразную форму, диаметром 70 см. Кладку очага формируют 6 средних и крупных хорошо окатанных валунов, дислоцированных примерно на одном уровне со скатом к реке. Максимальная разница между высотой камней – 10 см. Очаг смещен к северо-восточной части обкладки. На камнях имеются следы от огня, на внутреннем пространстве очага обнаружены угольные вкрапления. Внутри жилища найдены проколка из отщепы, микропластинка, 4 отщепы, 2 мелких неопределимых обломка косточек и эмаль от зуба.

Рис. 1. Усть-Менза-1. Новое палеолитическое жилище на галечнике. Вид с бровки раскопа

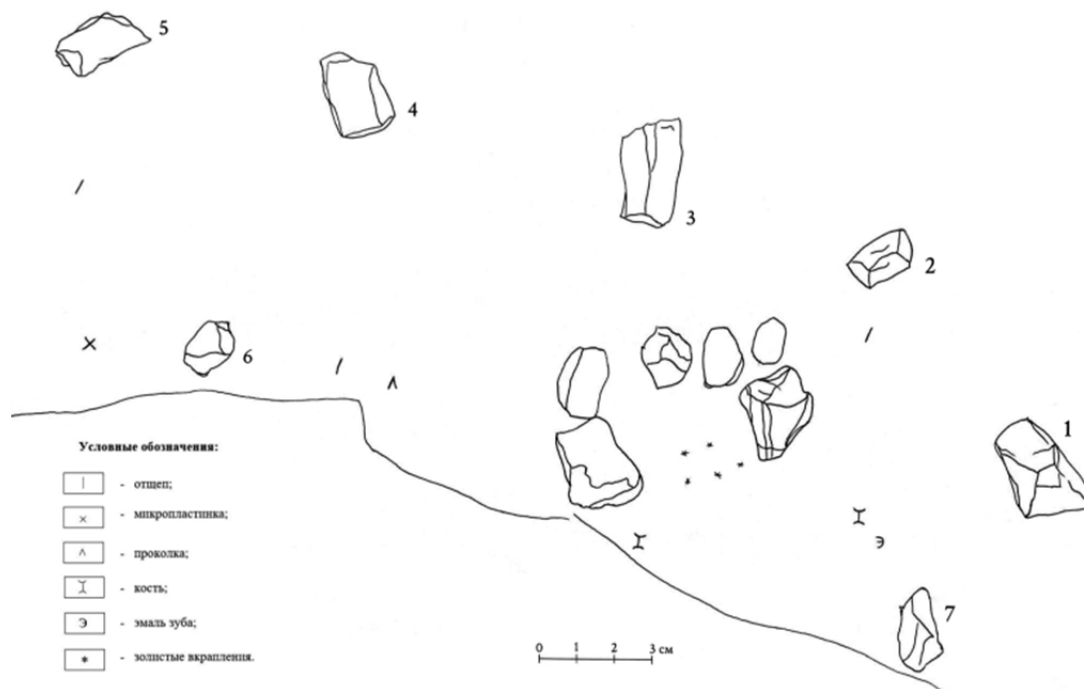

Рис. 2. Усть-Менза-1. Культурный слой 25. План жилища

С юго-западной стороны жилищная обкладка отсутствует. Она явно смыта речным потоком, при этом базовый галечник заглублен не менее чем на 40 см и перекрыт песчаным наносом.

Новое палеолитическое жилище дополняет и уточняет сведения о характере древних жилищ на плейстоценовых галечниках Забайкалья.

*Научный руководитель – М. В. Константинов
д-р ист. наук, профессор,
кафедра отечественной истории,
Забайкальский государственный университет*

Список литературы

- Верещагин С. Б. Древнее поселение Усть-Менза-1: новый этап исследования // Гуманитарный вектор. 2011. № 3 (27). С. 5–9.
Верещагин С. Б. Опыт изучения древних жилищ Забайкалья на позднеплейстоценовых галечниках // Гуманитарный вектор. 2012. № 2 (30). С. 9–13.
Константинов А. В. Древние жилища Забайкалья (Палеолит, мезолит). Новосибирск : Наука, 2001. 224 с.

Константинов А. В. Жилища эпохи палеолита // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология. Новосибирск, 2011. С. 129–130.

Константинов М. В. Студеное – древнее многослойное поселение в Забайкалье: научный отчет по результатам полевых исследований, 1977. Чита, 1978. 57 с.

Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. К Всемирному археологическому интер-конгрессу (Забайкалье, 1996). Улан-Удэ ; Чита, 1994. 164 с.

Константинов М. В. Исследование древних поселений в Западном Забайкалье в 2001 г. Научный отчет о полевых исследованиях. Чита, 2002. 152 с.

Константинов М. В. Изучение древних поселений Усть-Мензинского археологического комплекса в 2008 г. Научный отчет о полевых исследованиях. Чита, 2009. 319 с.

Радиоуглеродное датирование палеолита Сибири и Дальнего Востока России: материалы к каталогу 14С дат (по состоянию на конец 2010 г.) / Я. В. Кузьмин, Л. А. Орлова, В. Н. Зенин, Л. В. Лбова, В. Н. Дементьев // Stratum Plus, 2011. № 1. С. 171–200.

Семина Л. В. Раскопки на Усть-Мензе-1 и Черноярово в Западном Забайкалье в 1991 г. // Отчет ОПИ. Чита, 1992. 113 с.

Усть-Менза / М. В. Константинов, А. В. Константинов, Л. В. Екимова, И. И. Разгильдеева // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология. Новосибирск, 2011. С. 302–306.

New Paleolithic Dwelling at the Ust-Menza-1 Settlement (Trans-Baikal)

E. M. Shaykhudinova

On the territory of Trans-Baikal, the first Paleolithic dwelling was discovered in 1968 by A. P. Okladnikov at the settlement Sanny Mis. More than 50 dwellings are currently known in the region. Among the variety of Late Paleolithic dwellings in Trans-Baikal, a special group is made up of those whose remains of structures are located on the surfaces of ancient pebbles. In 2020, at the Ust-Menza-1 settlement, in 25 cultural layer, directly on pebbles partially preserved single-storey Paleolithic dwelling was discovered. The hearth has an arched shape, 70 cm in diameter. Inside the dwelling, a flake puncture, a microplate, four flakes, two small indeterminate fragments of bones and enamel from a tooth were found. On the southwest side, there is no housing cover. It is clearly washed away by the river flow, while the base pebble is buried by at least 40 cm and is covered with sandy sediment. The new Paleolithic dwelling supplements and clarifies information about the nature of the ancient dwellings on the Pleistocene pebbles of Trans-Baikal.

Keywords: dwelling, gravel, multilayer settlement, Ust-Menza-1, Pleistocene, Paleolithic, Trans-Baikal.

Шайхудинова Екатерина Максимовна
студент 4-го курса
Забайкальский государственный университет
e-mail: katusha.shaykhudinova@mail.ru

Shaykhudinova Ekaterina Maksimovna
Student 4th year
Trans-Baikal State University
e-mail: katusha.shaykhudinova@mail.ru

К вопросу о систематике продуктов микропластинчатого расщепления

А. А. Уланов

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Существуют разные теоретические подходы к изучению продуктов микропластинчатого расщепления, начиная с определения предметной области исследования. В зависимости от концептуального направления, определение термина «микропластина» может учитывать морфологические, технико-метрические [Gómez Coutouly, 2018] и функциональные [Хируо, 1980] критерии. В иных случаях предметом исследования становится микропластинчатое расщепление, т. е. вся совокупность каменных артефактов, связанная с операциями по изготовлению заготовок мелких размеров, т. е. микропластин [Гладышев, Табарев, 2017]. Данное определение можно расширить, представив микропластинчатое расщепление как систему производственно-хозяйственных операций. Такая проблематика исследований предполагает выработку специального способа логической организации археологического материала.

Термин «система» определяется как совокупность объектов, связанных между собой таким образом, что они в некоторых контекстах, причем в отношениях, существенных для данной категории контекстов, выступают в единстве – как целое, обладающее эмерджентными характеристиками [Клейн, 1991, с. 361]. В рамках этого определения микропластинчатое расщепление является системой. В данной работе микропластинчатое расщепление можно определить как систему изготовления и использования составных частей вкладышевых орудий, т. е. микропластин.

Микропластинчатое расщепление изучается с применением различных способов логической организации материала: классификации, типологии, систематики. Одним из способов является формально-типологический анализ. Его задачи формулируются как унификация обслуживаемого терминологического ресурса и формирование универсального описания артефактов [Медведев, 1975]. На основании трех базовых параметров – формы, рельефа и размера – артефакты организуются по уровням индустрий, классов, подклассов до морфотипа [Медведев, 1981]. Для изучения системы микропластинчатого расщепления этот метод применим ограниченно, поскольку артефакты, входящие в систему, относятся к разным структурным единицам, а горизонтальных связей между ними нет. Другой проблемой стоит назвать неравномерную информативность разных категорий, которая частично решена в рамках классификации узнаваемых сколов. Технически значимые сколы характеризуют изменения конструктивных элементов нуклеуса, выделена категория сколов, являющихся целью расщепления [Бердникова, 2003]. Однако в полной мере определить последовательность фаз расщепления такая классификация не может, фазы в рамках этой классификации существуют дискретно.

Последовательность расщепления изучают методом ремонтажа, технологический и динамический технологический анализ. Метод ремонтажа и динамический технологический анализ имеют тенденцию к сведению всей технологии расщепления до последовательности снятий, без учета техники скола. Тем не менее последовательности скалывания достаточно для технико-типологического анализа, который в случае микропластинчатого расщепления, с одной стороны, демонстрирует динамику расщепления, с другой – создает классификацию как сколов, так и техник подготовки и утилизации нуклеуса. Технология расщепления камня рассматривалась как система в качественном единстве и взаимосвязи отдельных технологий подготовки, скалывания и утилизации в рамках динамического техно-

логического анализа [Дороничев, 1991, с. 134]. Однако этот подход, устанавливая связь между отдельными формами, не принимает во внимание формы сколов и цели расщепления [Гиря, 1997]. К слабым местам технологического анализа можно отнести фактический отказ от выработки генеральной классификации продуктов расщепления в пользу создания классификации для каждой конкретной индустрии [Там же, с. 31]. Функциональная типология – целостная система суждений и понятий, связанных с определенными логическими признаками, выявленными в ходе образования классов, категорий, групп, типов. Иерархические структурные единицы распределяются как класс-группа-тип [Коробкова, Щелинский, 1996].

Систематика может включать функцию и технологические критерии микропластинчатого производства в случае, если деятельность выступает в качестве основного критерия построения классификации. Таким образом, деятельность можно разделить на производство и использование артефактов. Подобный взгляд на систематику высказывался представителями процессуального направления в археологии [Binford, 1965]. При рассмотрении систематики артефактов в социокультурном контексте, на примере керамики выделяют первичную и вторичную функциональные вариации. Артефакты первичной функциональной вариации различаются по утилитарной функции. Вторичные функциональные вариации основаны на способах изготовления артефактов. Оба вида вариаций могут быть как стабильными, так и изменяться вне зависимости друг от друга [Там же].

Такая систематика применима для изучения микропластинчатого расщепления. В рамках первичных функциональных вариаций находятся утилитарные функции орудий. Вторичные функциональные вариации, таким образом, включают полную технологию микропластинчатого расщепления: подбор сырья, изготовление преформы, оформление ударной площадки и фронта, техники скола.

Таким образом, первичные функциональные вариации систематизируются в соответствии с функциональной типологией Г. Ф. Коробковой [Коробкова, Щелинский, 1996]. Вторичные функциональные вариации микропластинчатого расщепления делятся на два класса – основные и побочные продукты расщепления, последний выделяется на продукты оформления преформы, продукты оформления конструктивных элементов и остаточные продукты расщепления.

Основные продукты расщепления – это артефакты, производство которых являлось целью технологической операции. В контексте микропластинчатого расщепления ими являются пластинки и микропластины. Продукты оформления преформы – наиболее сложный для опознания класс, поскольку они могут быть однозначно определены только в аппликационных блоках, здесь могут быть выделены таксоны по связи с первичным расщеплением. Продукты оформления технических элементов делятся на сколы оформления ударной площадки и сколы оформления фронта. В первый таксон включаются реберчатые, лыжевидные сколы, таблетки и сколы подправки ударной площадки. Второй таксон включает реберчатые сколы оформления фронта и фронтальные сколы. Остаточные продукты расщепления – микронуклеусы на разной стадии эксплуатации.

Интеграция такой систематики позволит, в первую очередь, проследить социокультурную динамику. В примере с керамикой предлагалось изучать размеры групп

древнего населения с помощью первичных функциональных вариаций. Более перспективным представляется интеграция изучения первичных функциональных вариаций в изучение планиграфии и установление связей между первичными и вторичными функциональными вариациями. Другим применением систематики могло бы стать исследование мобильности древнего населения. В этом вопросе проводилась аналогия между клиновидными нуклеусами и бифасами в палеоиндейских культурах Америки, был отмечен факт использования бифасов в качестве орудий и нуклеусов [Goebel, 2002]. В полной мере развить это утверждение возможно только при системном взгляде на микропластинчатое расщепление как на совокупность производства и использования артефактов. На данный момент не так много доказательств использования клиновидных нуклеусов в качестве орудий [Федорченко, 2019]. Так или иначе, интеграция социокультурной систематики обладает широким интерпретационным потенциалом.

*Научный руководитель – К. Хирофуми
PhD, профессор, директор,
Центр изучения айнов и коренных народов*

Список литературы

Бердникова Н. Е. Расщепление камня и морфология сколов // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск, 2003. Вып. 1. С. 58–66.

Гирия Е. Ю. Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро-макроанализа древних орудий труда (часть 2). СПб., 1997. 198 с.

Дороничев В. Б. Анализ технологии расщепления камня в раннем палеолите: проблема метода // Сов. археология. 1991. № 3. С. 130–142.

Гладышев С. А., Табаров А. В. Микро-расщепление в комплексах раннего верхнего палеолита Северной Монголии // Genesis: исторические исследования. 2017. № 5. С. 144–154.

Клейн Л. С. Археологическая типология. Л.: АН СССР, ЛФ ЦЭНДИСИ, Ленинград: Науч.-исслед. археол. объединение, 1991. 442 с.

Коробкова Г. Ф., Щелинский В. Е. Методика микро-макроанализа древних орудий труда (часть 1). СПб., 1996. 80 с.

Медведев Г. И. К проблеме формально-типологического анализа каменных изделий палеолитических и мезолитических индустрий (номенклатура деталей наглядных моделей) // Проблемы терминологии и анализа археологических источников. Иркутск, 1975. С. 21–42.

Медведев Г. И. К проблеме морфологического анализа каменного инвентаря палеолитических и мезолитических ансамблей Восточной Сибири // Описание и анализ археологических источников. Иркутск, 1981. С. 16–33.

Хируо О. О пластинчатой технике // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Центральной Азии. Иркутск, 1980. С. 17–20.

Федорченко А. Ю. Трасологические исследования комплексов позднего плейстоцена и раннего голоцена Северо-Восточной Азии. История и современное состояние // Вестн. Том. гос. ун-та. 2019. № 60. С. 175–185.

Binford L. R. Archaeological systematics and study of culture process // American Antiquity. 1965. Vol. 31, N 2. P. 203–210.

Gómez Coutouly Y. A. The emergence of pressure knapping microblade technology in Northeast Asia // Radiocarbon. 2018. P. 1–35.

Goebel T. The “microblade adaptation” and recolonization of Siberia during the Late Upper Pleistocene // Archeological Papers of the American Anthropological Association. 2002. Vol. 12. Is. 1. Special Is.: Thinking Small: Global Perspectives on Microlithization. P. 117–131.

Systematic of Microblade Splitting Products

A. A. Ulanov

Main idea of this paper review of modern approaches of logical organization of archaeological material and their applicability to microblade splitting studies (morpho-typological, refitting blocks method, technological-dynamic, technological analysis, functional typology, social-cultural systematic). One possible solution could be seen as a social-cultural systematic which developed in a processual theory. Integration of such systematic in microblade studies will allow to sum technology of microblade production and their functions in one framework as primary and secondary functional variations. In this case features of morpho-typological, technological and functional typology will be integrated in one framework. In perspective, usage of social-cultural systematic have high interpretational potential.

Keywords: microblade splitting, systematic, primary functional variation, secondary functional variation, social-cultural context.

Уланов Александр Андреевич

магистрант 1-го года обучения
Иркутский государственный университет
e-mail: ulanov.alexandr1998@gmail.com

Ulanov Aleksandr Andreevich

Graduate student 1st year
Irkutsk State University
e-mail: ulanov.alexandr1998@gmail.com

УДК 903.12 (571.53)

Система жизнеобеспечения охотников-собираателей Северного Приангарья в раннем голоцене: организационный аспект*

А. М. Кузнецов

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 19-39-90006

Закономерным продолжением работ Богучанской археологической экспедиции является анализ и лабораторная обработка огромного объема данных, полученных в ходе полевых раскопок. Это в полной мере касается геoarхеологических материалов раннеголоценовых стоянок Като-Ёдарминского расширения р. Ангары. На данной территории в 2009–2012 гг. были проведены стационарные работы на местонахождениях Сосновый Мыс, Остров Лиственничный Пункт 1 и 2, ансамблях стоянок в устье рек Ёдарма и Ката, а также разведочная шурфовка на прилегающей территории [Богучанская археологическая экспедиция ... , 2015]. Результаты полевых исследований позволили предположить организационную связь между отдельными стоянками и интерпретировать полученные материалы в русле процессуальной парадигмы.

Фоновые факторы окружающей среды Северной Ангары в раннем голоцене характеризовались сложным геолого-геоморфологическим строением территории региона (слабо- и среднерасчлененная равнина с горным обрамлением и развитой гидрологической системой), континентальным климатом с ярко выраженными сезонными флуктуациями, темнохвойным бореальным комплексом [Научно-прикладной справочник ... , 1991; Ресурсы поверхностных вод ... , 1972; Северное Приангарье ... , 2009]. Эти характеристики отразились на сезонной и пространственной дифференциации ихтио- и териофауны и, соответственно, системе ресурсного обеспечения и поселенческой активности охотников-собираателей.

Ресурсом для литотехнологии в раннем голоцене на территории Като-Ёдарминского расширения служила сырьевая база, представленная местным сырьем в виде аргиллитово-роговиковой и кремнево-халцедоновой группы пород бургуклинской и чайкинской свиты [Кузнецов, Роговской, 2018, с. 26].

Первичное расщепление было направлено на получение пластинок при утилизации призматических и конических нуклеусов, в меньшей степени – на производство средних и крупных отщепов с плоскостных нуклеусов и больших сырьевых блоков неясной морфологии, причем применяемая стратегия расщепления была связана с сырьевой компонентой. Специфика литотехнологии отражается в наличии призматических и конических нуклеусов для пластинчатых снятий в сочетании с плоскостными нуклеусами для отщепов [Там же, с. 36]. Характерными формами можно считать трехгранные призматические и конические преформы нуклеусов.

Орудийное каменное производство представлено широкой номенклатурой стандартизированных и нестандартизированных технико-морфологических типов. Многие типы орудий, как и технология первичного расщепления, находят аналогии в мезолитических и раннеолитических стоянках, прежде всего, Южного Приангарья.

Состав костяного инвентаря также показывает высокое типологическое разнообразие. Роговое сырье для изготовления орудий было представлено в основном подъемными сборами, судя по структуре материала [Клементьев, Кузнецов, Роговской, 2017]. Для костяных заготовок, исходя из размера некоторых орудий (кинжал, гарпун), отбирались прямые трубчатые кости метаподий крупных копытных. Сырье подвергалось обработке при помощи каменных резцов, абразивов; также использовались более примитивные техники, включая прямой удар. Типологические ассоциации раннеголоценового органического инструментария можно найти в материалах раннеолитических могильников китайской погребальной традиции Южного Приангарья.

В планиграфии раннеголоценовых комплексов место системообразующей единицы занимают кострища без обкладки. К ним, так или иначе, приурочены почти все другие пространственные структуры. Характерным явлением можно считать депозиты – компактные структурированные скопления артефактов разной степени обработки, располагавшиеся в границах культуросодержащего горизонта. В их числе выделяются сырьевые, орудийно-сырьевые и орудийные типы. Кроме зон хозяйственно-бытового и производственного характера, на одной из стоянок фиксируется жилая (резидентная) зона, выделенная на основе скрытых планиграфических структур [Кузнецов, Роговской, 2019].

Среди раннеголоценовых комплексов Северной Ангары можно условно выделить базовые лагеря и ресурсные стоянки. К первым в Като-Ёдарминском расширении относятся Остров Лиственичный Пункт 2 и, с большой долей вероятности, Усть-Ёдарма II. Ко вторым принадлежат стоянки Остров Лиственичный Пункт 1, Сосновый Мыс, Усть-Ёдарма I, Катина Щель и Ката I.

Первую группу местонахождений можно охарактеризовать как базовые, большие по занимаемой площади лагеря с функционально дифференцируемыми зонами активности, наличием следов практически полного цикла литорасщепления и обработки кости, широкой номенклатурой высокоспециализированных формальных орудий. Вторая группа представлена кратковременными стоянками, которые отличаются малой площадью распространения материала, преобладанием остатков определенного типа фауны, небольшим набором формального инструментария и нуклеарных форм.

Ресурсное обеспечение в раннем голоцене было основано на специализированной эксплуатации широкого спек-

тра добычи. Диета охотников-собирателей в большей степени была ориентирована на копытных (лось, олень, косуля), однако рыба, исходя из углубленной интенсификации добычи этого ресурса, также играла немаловажную роль в рационе.

В аспекте производства выделенные группы местонахождений имеют как общие, так и отличительные черты. К общим характеристикам отнесена единая сырьевая база и технология пластинчатого расщепления призматических нуклеусов. Различия касаются организации производства: на первой группе стоянок доминируют, в основном, формальные высокоспециализированные орудия, на второй – неформальный инструментарий на основе пластин. Подобная дифференциация частично прослеживается в производстве орудий из кости и рога.

Объяснением этому служит следующая интерпретация. Базовые лагеря занимали центральное положение в пространственной иерархии территории и были пунктами, откуда выдвигались и куда возвращались промысловые группы, где происходила основная часть резидентной (жилищные конструкции), хозяйственной (утилизация добычи) и технологической (раскрой каменного сырья, производство и хранение орудий) активности. На кратковременных стоянках осуществлялись добыча определенных ресурсов и сбор информации о них. Выделенные группы местонахождений связаны системой логистической мобильности охотников-собирателей, предполагающей движение ресурсов к потребителю посредством организационной тактики, основанной на деятельности узкоспециализированных промысловых групп.

Охотники-собиратели Северной Ангары, исходя из полученных данных о системе жизнеобеспечения, занимают в модели Бинфорда позицию, приближенную к «коллекторскому» концу спектра моделей адаптации [Binford, 1980]. Геоархеологический материал, собранный для того, чтобы охарактеризовать основные черты жизнедеятельности и выделить паттерны поведения охотников-собирателей этого региона, закладывает фундамент для изучения феномена адаптации охотников-собирателей в Северном Приангарье.

Список литературы

- Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 годы) / А. П. Дервянко, А. А. Цыбанков, А. В. Постнов, В. С. Славинский, А. В. Выборнов, И. Д. Зольников, Е. В. Деев, А. А. Присекайло, Г. И. Марковский, А. А. Дудко. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. 564 с. (Тр. Богучанской археологической экспедиции; т. 1).
- Клементьев А. М., Кузнецов А. М., Роговской Е. О. Археозоологические исследования многослойного местонахождения Остров Лиственичный (Северное Приангарье) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2017. Т. 22. С. 82–101.
- Кузнецов А. М., Роговской Е. О. Техноморфологический анализ первичного расщепления в раннеголоценовой индустрии стоянки Остров Лиственичный (Северное Приангарье) // Изв. лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14 (4). С. 23–41.
- Кузнецов А. М., Роговской Е. О. Планиграфический анализ раннеголоценовых культурных слоев стоянки Остров Лиственичный (Северное Приангарье) // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2019. № 62. С. 180–191.
- Научно-прикладной справочник по климату СССР / под ред. Н. С. Смирнова. Л. : Гидрометеиздат, 1991. 302 с. (Многолетние данные; сер. 3, ч. 1–6; Иркутская область и западная часть Бурятской АССР; вып. 22).
- Ресурсы поверхностных вод СССР / под ред. В. Г. Симова. Л. : Гидрометеиздат, 1972. 596 с. (Ангаро-Енисейский район; т. 16. Ангар; вып. 2).
- Северное Приангарье. Введение в плейстоценовую археологию / Г. И. Медведев, Е. О. Роговской, Е. А. Липнина, Д. Н. Лохов, С. П. Таракановский // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг. : материалы Всерос. семинара, посвящ. 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри, Иркутск, 3–6 мая 2009 г. Иркутск, 2009. С. 298–309.
- Binford L. R. Willow smoke and dogs tails: hunter-gatherers settlement systems and archaeological site formation // American Antiquity. 1980. N 45 (1). P. 4–20.

A. M. Kuznetsov

The archaeological supplies of Kata-Yodarma extension of North Angara indicates the presence of multiple hunting, fishing, knapping and tool-making activities in Earle Holocene. The structure of settlement organization, supported by the specific paleozoological assemblage, presents some aspects of the Binford's collector model including the specialized "logistical" camps and multi-activity residential bases. First group consists of Ostrov Listvenichnyi Point 1, Sosnovyi Mys, Ust'-Yodarma I, Kata I and Katina Schel, second group – Ostrov Listvenichnyi Point 2 and, probably, Ust'-Yodarma II. Specialized groups of hunter-gatherers realized procurement voyages by organization localities focused on different resources. The reason of these subsistence–settlement patterns is the seasonal and spatial differentiation of food resources in boreal zone and continental climate conditions.

Keywords: Early Holocene, Baikal Siberia, North Angara, subsistence–settlement system, spatial structures, tool-making activity.

Кузнецов Алексей Михайлович

аспирант

Иркутский государственный университет

e-mail: golos_siberia@list.ru

Kuznetsov Aleksei Mikhailovich

Post-graduate student

Irkutsk State University

e-mail: golos_siberia@list.ru

УДК 903.4(571.1)«634»

Неолитическое поселение Лавровка: особенности локализации памятника

А. А. Зограф

Томский государственный университет, Томск, Россия

Поселение Лавровка находится в Нарымском Приобье, на правом берегу р. Чижапка, крупнейшего притока р. Васюган. Протяженность русла этого водотока 511 км. Долина Чижапки отличается асимметричностью: ее правый борт имеет высоту 50–60 м, а левый более пологий и низкий, представлен тремя надпойменными террасами, достигающими высоты 30 м. Памятник располагается в верхнем течении реки, в 20 км от водораздельного болотного массива, из которого она берет начало. Поселение приурочено к первой надпойменной террасе, плавно переходящей в пойму. Высота первой надпойменной террасы достигает 5–6 м от уреза воды. Пойма в верхнем течении возвышается на 2–3 м над уровнем воды.

В настоящее время этот район характеризуется высокой степенью заболоченности, является частью огромной болотной системы, расположенной на Васюганской равнине. Хронологическая отдаленность рассматриваемого нами периода заставляет с осторожностью переносить современную природно-географическую ситуацию на неолитическую эпоху. Это обусловлено климатическими изменениями, происходившими во второй половине атлантического периода и в начале суббореального. Образование болот в рассматриваемом районе началось в 12 000–10 000 л. н. в условиях резко континентального климата. Наиболее активная фаза заболачивания приходится на период 8000–4500 л. н. [Евсеева, 2001, с. 71]. Изначально территория была представлена изолированными болотными массивами, но в период 2–1,5 тыс. л. н. они уже слились в единую обширную болотную систему. В XIX в. местное население называло область болота Васюганским морем, так как в период половодья территория подвергалась обширному затоплению.

Своеобразные ландшафтные характеристики этого природно-географического района отразились на истории его освоения. По этнографическим сведениям XIX–XX вв., долина р. Чижапка входила в ареал расселения нарымских племён [Тучкова, 2014, с. 7]. В начале XX в. в верхнем течении Чижапки располагались скиты старообрядцев, а в 30-х гг. XX в. территория начала осваиваться за счет спецпереселенцев [Рудакова, 2009]. Отдаленность и изолированность этого района, неблагоприятные природные условия обусловили исчезновение местных населенных пунктов во второй половине XX в. В настоящее время на реке не существует постоянных поселений, здесь располагаются только объекты нефтяного промысла.

Исследование поселения Лавровка началось во второй половине XX в. В 1961 г. в ходе земляных работ жителем пос. Лавровка были обнаружены предметы каменной индустрии и фрагменты керамической посуды, переданные в Томский областной краеведческий музей. Через несколько лет на месте сборов были проведены археологические раскопки Нарымским отрядом Западно-Сибирской экспедиции ИА АН СССР под руководством М. Ф. Косарева [Чиндина, Яковлев, Ожередов, 1990, с. 171]. К сожалению, сведения источников относительно года проведения работ (1966 или 1967) разнятся. Информация о полевых археологических работах в пос. Лавровка вошла в состав отчета М. Ф. Косарева за 1967 г. Площадь раскопа составила примерно 20 м². Материалы были переданы на хранение в Музей археологии Томского университета, где опись на коллекцию была составлена только в 1980 г. Согласно этим данным, предметный комплекс содержал более 500 единиц хранения. Он представлен фрагментами керамической посуды, костями животных и многочисленными предметами каменной индустрии. Материалы Лавровки введены в научный оборот лишь частично и известны специалистам только по отдельным находкам. Возможно, поэтому вопрос культурной принадлежности памятника является дискуссионным. Часть исследователей относили поселение Лавровка к северному, лесному варианту верхнеобской культуры, бытовавшей в пределах Томской области в IV–III тыс. до н. э. [Чиндина, Яковлев, Ожередов, 1990, с. 20–21]. В. А. Зах рассматривал возможность объединения пришимских памятников с синхронными им комплексами Прииртышья, Томского Приобья и Барабы в рамках александровского этапа екатерининской культуры [Зах, Волков, 2019, с. 16–17]. Другие исследователи склоняются к тому, что в поздненеолитическую эпоху в лесных районах Прииртышья, на северо-западе Барабинской лесостепи и частично на территории Васюганья была распространена артынская археологическая культура [Бобров, Марочкин, Юракова, 2017, с. 58]. Поселение Лавровка территориально входит в предполагаемый ареал этой культуры. На начальном этапе работы с материалами памятника мы с осторожностью подходим к определению его культурной принадлежности и датировке, придерживаясь позиции, что период функционирования поселения не выходил за пределы неолита.

При реконструкции особенностей жизнедеятельности людей финального этапа каменного века необходимо

иметь представления об особенностях местности, к условиям которой ее обитателям приходилось приспосабливаться. Для составления характеристики типичных мест обитания неолитического населения нами было проведено исследование, нацеленное на выявление особенностей размещения поселений эпохи неолита. Для территории Томско-Нарымского Приобья были проанализированы локации примерно 30 поселенческих памятников [Чиндина, Яковлев, Ожередов, 1990; Ожередов, Яковлев, 1993]. Учитывались такие геоморфологические параметры, как ландшафтная приуроченность, порядок водотока, удаленность от устья, высота от уреза воды. В результате для неолита Томско-Нарымского Приобья был выявлен ряд закономерностей, изложенных в отдельной публикации [Зограф, 2021].

На фоне неолитических поселений, привлеченных для пространственного анализа, наибольший интерес вызывает как раз поселение Лавровка, которое отличается неординарностью месторасположения. Особенности локализации памятника не совпадают с характеристиками местонахождения других поселений в границах Томско-Нарымского Приобья. На фоне мощности культурного слоя и его насыщенности находками необычной деталью является расположение селища практически в центре междуречья Оби и Иртыша, недалеко от границы водораздельного болота. В качестве объяснения неординарного расположения поселения было выдвинуто несколько гипотез.

Во-первых, заселение этой территории могло быть связано с особенностями ведения хозяйства, которое было ориентировано преимущественно на охоту. Локализация в верхнем течении Чижакки, не более чем в 20 км от ее истока, вряд ли предполагает высокопродуктивный рыбный промысел. Из крупных млекопитающих на данной территории зафиксированы лось, бурый медведь, рысь. Было замечено присутствие северного оленя. По данным этнографии, в первой половине XX в. в верхних течениях Чижакки и Нюролки кочевали тунгусы, разводившие оленей, что указывает на пригодность местных ландшафтов для их обитания.

Во-вторых, по сведениям письменных источников и данным этнографии, верховья Чижакки являлись частью пути, который позволял попасть из системы Оби в долины притоков Иртыша. Этот путь «испокон веков» использовало местное инородческое население, а в XX в. здесь был проложен «зимник», соединяющий пос. Каргасок с Ново-

сибирском и Томском. Природно-географические условия этого района позволяли с наименьшими усилиями пересечь болотную систему Обь-Иртышского водораздела. Хронологическая отдаленность заставляет с осторожностью, но все же предположить, что переход через водораздел мог использоваться с глубокой древности. Локализация поселения в верховьях Чижакки могла быть обусловлена его функционированием. Схожая ситуация фиксируется далеко на востоке Томской области, на водоразделе Оби и Енисея, в районе расположения соединяющего их канала, где зафиксирован комплекс разновременных археологических памятников.

Можно констатировать, что район расположения поселения Лавровка мог быть привлекательным для неолитического населения по двум причинам: благоприятные для охоты условия и возможность транзита между Обским и Иртышским бассейнами. Дальнейшая работа с коллекцией, тщательный анализ предметного комплекса поможет подтвердить или опровергнуть выдвинутые предположения.

*Научный руководитель – Е. В. Барсуков
ст. преп. кафедры археологии и исторического краеведения,
Томский государственный университет*

Список литературы

- Бобров В. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю. Поселение артынской культуры Автодром-2 – памятник позднего неолита в Барабинской лесостепи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45, № 1. С. 49–61.
- Евсеева Н. С. География Томской области: Природные условия и ресурсы. Томск, 2001. 223 с.
- Зах В. А., Волков Е. Н. Керамический комплекс поселка эпохи раннего металла Мергень 6 из Пришимья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 2 (45). С. 5–20.
- Зограф А. А. Особенности локализации поселенческих памятников эпохи неолита в Томско-Нарымском Приобье // ЛIII Урало-Поволжская археол. конф. студентов и молодых ученых (УПАСК, Оренбург, 1–3 февраля 2021 г.): материалы Всерос. (с междунар. участием) конф. Оренбург, 2021. С. 27–28.
- Ожередов Ю. И., Яковлев Я. А. Археологическая карта Томской области / под ред. Л. А. Чиндиной. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1993. Т. 2. 208 с.
- Рудакова И. Ф. Природно-климатические и хозяйственные условия географии расселения спецпереселенцев в Нарымском крае // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2009. № 4 (8). С. 78–84.
- Тучкова Н. А. Селькупская ойкумена // Обжитое пространство южных и центральных диалектных групп. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2014. 224 с.
- Чиндина Л. А., Яковлев Я. А., Ожередов Ю. И. Археологическая карта Томской области. Т. 1. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1990. 340 с.

The Neolithic Settlement Lavrovka: Features of Localization of the Site

A. A. Zograf

Lavrovka, the Neolithic site, is located within the Narymsky Ob region, in the basin of the Vasyugan River. The location of the site is unusual for this natural area. The settlement is located at the source of the Chizhapka River, almost on the watershed of the Ob and Irtysh. The study is aimed at uncovering the reasons which influenced the choice of such a habitat by the Neolithic population. The hypothesis is based on the peculiarities of the economic activity of the local Neolithic population and the functioning of “transit” routes on large watersheds.

Keywords: Neolithic site, Lavrovka, spatial analysis, adaptation of the population, Western Siberia, Narymsky Ob region.

Зограф Алиса Антоновна

студент 4-го курса

Томский государственный университет

e-mail: alicezografaa@gmail.com

Zograf Alisa Antonovna

Student 4th year

Tomsk State University

e-mail: alicezografaa@gmail.com

Опыт использования планиграфического анализа в изучении каменного века Байкало-Енисейской Сибири*

Д. С. Кошкина

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

*Работа выполнена по гранту Правительства РФ, проект № 075-15-2019-866
«Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров»

Планиграфический анализ является важной частью археологических исследований. Предпосылки для развития данного направления формируются еще в первой трети XX в., на протяжении всего прошлого столетия оформляются его теоретические и методологические основы [Марченко, 2017]. К настоящему времени планиграфические исследования представляют собой многокомпонентный анализ, который направлен не только на изучение пространственной организации культурных остатков, но и на реконструкцию поведенческих моделей [Разгильдеева, 2018, с. 177].

В последние годы планиграфический анализ активно используется исследователями Байкало-Енисейской Сибири для получения различной дополнительной информации о специфике деятельности, функциях археологического объекта, сезонности и продолжительности обитания, способах организации обитаемого пространства.

В первую очередь, планиграфия помогает определить особенности распределения орудий и культурных остатков, на основе результатов анализа можно делать предположения о функциональной специфике археологического памятника и его конкретных зон.

Масштабный планиграфический анализ был проведен при исследовании плейстоценовых культурных горизонтов местонахождения Большой Якорь I. На его основе, в совокупности с другими исследованиями (трасологическими, зооморфологическими и т. д.), делаются выводы о наличии различных деятельностных ситуаций: от единичных остановок до долговременных стоянок, а подробный анализ археологического материала помогает авторам исследования сделать предположения о функциональной специфике тех или иных горизонтов [Инешин, Тетенькин, 2010].

Также была освещена планиграфия раннеголоценовых слоев стоянки Остров Листвничный. По итогам исследования сделан вывод о функциональном зонировании двух пунктов стоянки, так как они демонстрировали значительно отличающиеся друг от друга материалы. Несмотря на то что абсолютная синхронность существования этих двух комплексов остается под вопросом, сам факт дифференциации пунктов может свидетельствовать о наличии у древнего населения данной стоянки хозяйственного годового цикла [Кузнецов, Роговской, 2019].

Особое значение планиграфический анализ имеет в исследовании жилищных комплексов, так как он может не только подтвердить само наличие жилища, благодаря совокупности определенных признаков, но и помочь в выделении функциональных зон уже внутри жилого пространства. В данном контексте необходимо упомянуть исследования культурных горизонтов 2Г и 6 стоянки Коврижка IV, где были обнаружены жилищные комплексы. В данном случае планиграфический анализ был необходим для демонстрации признаков жилищной конструкции (концентрические выкладки камней вокруг скопления культурных остатков, отсутствие культурных остатков за пределами выкладки, а также ямки, которые, согласно предположению авторов исследования, являются следами от жердей) и выделения функциональных зон внутри нее. Также микростратиграфические наблюдения за элементами культурного горизонта 2Г (охрой, дебитажем, остатками угля и т. д.)

позволили сделать предположение об определенной последовательности этапов обитания на стоянке, а также реконструировать их [Тетенькин, Анри, Клементьев, 2017; Планиграфический анализ очажного комплекса ... , 2019].

Стоит отметить, что с помощью планиграфии часто делаются выводы о длительности обитания древнего населения на стоянке. Данный вопрос рассматривается в работах, посвященных мезолитическим и неолитическим слоям стоянки Саган-Заба II и неолитическому слою стоянки Характа I. Именно на основе планиграфии, а также подробного анализа археологического материала (в частности фаунистических остатков) делаются предположения о сезонном использовании стоянок, а также об их специализированном характере [Горюнова, Новиков, Вебер, 2014; Новиков, Горюнова, Вебер, 2014; Новый стратифицированный объект ... , 2016].

Наконец, планиграфия играет большую роль, когда археологические комплексы находятся в условиях так называемой компрессии и возможность выделения четких культурных горизонтов типологически и хронологически сильно снижается. В качестве примера можно привести исследование стоянки Генералова, где именно анализ планиграфии данного археологического объекта помогает выделить несколько разновременных керамических комплексов и на основе их локализации и количества сделать предположения о времени пребывания тех или иных групп населения, а также о характере заселения местности, где расположена данная стоянка [Абрашина, 2018].

Таким образом, планиграфический анализ предоставляет аргументы для исследований с различной методологией и нуждается в более широкой интеграции в дальнейшие исследования в совокупности с другими методами (стратиграфическими, трасологическими и т. д.) для воспроизведения наиболее точной картины деятельности древнего населения Байкало-Енисейской Сибири.

*Научный руководитель – Д. Н. Лохов
преподаватель, кафедра мировой истории
и международных отношений,
науч. сотр., НИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет*

Список литературы

- Абрашина М. Е. Анализ керамических комплексов стоянки Генералова (Северное Приангарье) // Древние и традиционные культуры Сибири. 2018. С. 66–68.
- Горюнова О. И., Новиков А. Г., Вебер А. В. Раннеолитический комплекс V нижнего культурного слоя поселения Саган-Заба II на Байкале: планиграфия и датировка // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 8. С. 45–62.
- Инешин Е. М., Тетенькин А. В. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I. Новосибирск : Наука, 2010. 270 с.
- Кузнецов А. М., Роговской Е. О. Планиграфический анализ раннеголоценовых культурных слоев стоянки Остров Листвничный (Северное Приангарье) // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2019. № 62. С. 180–191.
- Марченко Д. В. Становление и развитие планиграфических исследований в области археологии верхнего палеолита в России // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История. Филология. 2017. Т. 16, Вып. 7 : Археология и этнография. С. 26–39.
- Новиков А. Г., Горюнова О. И., Вебер А. В. Мезолитический комплекс геоархеологического объекта Саган-Заба II (оз. Байкал) //

Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История. Филология. 2014. Т. 13, Вып. 5. Археология и этнография. С. 117–124.

Новый стратифицированный объект раннего неолита на западном побережье озера Байкал: поселение Характа 1 / О. И. Горюнова, Г. В. Туркин, А. Г. Новиков, А. М. Клементьев // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геoархеология. Этнология. Антропология. 2016. Т. 17. С. 55–73.

Планиграфический анализ очажного комплекса 2Б культурного горизонта Коврижки IV: Реконструкция деятельностной ситуации //

А. В. Тетенькин, Е. И. Демонтерова, Г. Н. Поплевко, И. И. Разгильдеева, Н. В. Сальная, О. Анри // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2019. № 2. 2019. С. 26–51.

Разгильдеева И. И. Планиграфический анализ жилищно-хозяйственных комплексов верхнего палеолита Забайкалья. Чита: ЗабГУ, 2018. 208 с.

Тетенькин А. В., Анри А., Клементьев А. М. Коврижка IV: Позднепалеолитический комплекс 6-го культурного горизонта // Археол. вестн. 2017. № 23. С. 33–55.

Experience of using spatial analysis in studies of Stone Age in Baikal-Enisey Siberia

D. S. Koshkina

This article discusses the usage of spatial analysis in Stone Age studies in Baikal-Enisey Siberia. This complex of methods is used to receive information about definitions of site functions, activity specific, seasons of use and other specific features of the inhabitation process. In addition, as a particular example in Baikal-Enisey Siberia by using spatial analysis were defined dwellings, described their attributes, and for a number of sites specific of organization of inhabited space, defined the season of inhabitation etc. Based on this review, usage of spatial analysis is highly perspective to wider integration in further researches mutually with stratigraphic, use-wear and other analysis methods.

Keywords: planigraphic analysis, cultural layer, Stone Age, Baikal-Yenisei Siberia.

Кошкина Дарья Сергеевна

студент 4-го курса

Иркутский государственный университет

e-mail: dariakoshkina010@gmail.com

Koshkina Daria Sergeevna

Student 4th year

Irkutsk State University

e-mail: dariakoshkina010@gmail.com

УДК 903.59(571.53)

Характеристика костяного инвентаря раннеолитических захоронений в устье р. Китой (Южное Приангарье)*

К. А. Крутикова

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

*Работа выполнена при финансовой поддержке ИГУ в рамках темы № 091-20-319

В устье р. Китой (70 км от г. Иркутска ниже по течению р. Ангары) известно 31 китойское погребение эпохи раннего неолита (~7500–7000 кал. л. н.). Двадцать три из них относятся к Китойскому могильнику, открытому в 1880 г. Н. И. Витковским [1887, с. 264]. Остальные 8 комплексов обнаружены приблизительно в 2 км выше по течению р. Ангары от Китойского могильника в местности Ярки [Хороших, 1979, с. 83; Окладников, 1974, с. 49].

Раскопки раннеолитических (китойских) захоронений в устье р. Китой дали богатую коллекцию сопроводительного инвентаря. Количество предметов, обнаруженных в могилах, составляет около 900 единиц. Значительную часть из них, более 300 единиц, представляют изделия из кости. Несмотря на достаточно большое количество находок и относительно хорошую сохранность, костяной инвентарь раннеолитических захоронений устья р. Китой никогда не становился предметом специального исследования.

На настоящий момент подавляющая часть костяного инвентаря известна лишь по описаниям и рисункам из работ Н. И. Витковского [1887], Г. А. Максименкова [Окладников, 1974] и П. П. Хороших [1979]. Небольшая часть коллекции из раскопок 1880 и 1881 гг. (Н. И. Витковский) сохранилась в фондах Иркутского областного краеведческого музея. Место хранения остальных предметов остается неясным. Таким образом, большая часть инвентаря недоступна для технологического и трасологического исследования. Попытку тщательного описания и систематизации костяных изделий предприняла Г. М. Георгиевская в монографии «Китойская культура Прибайкалья» [1989]. Тем не менее существует необходимость в повторном обращении к костяному инвентарю захоронений устья р. Китой, особенно к категориям костяных острий и колющих орудий.

Находки из кости и рога в устье р. Китой можно разделить на предметы промыслов, предметы искусства (в том числе украшения) и фаунистические остатки. Предметы искусства и украшения достаточно хорошо описаны, и их интерпретация не вызывает затруднений.

Находки, составляющие промысловые орудия, насчитывают более 170 единиц и 11 категорий. Категории включают следующие наименования: наконечник гарпуна (более 54 ед.), костяное острие (более 69 ед.), колющее орудие из рога, костяная обойма для вкладышевого орудия (5 ед.), лопаточка (5 ед.), жало для составного рыболовного крючка (не менее 17 ед.), игла (9 ед.), игольник (3 ед.), нож из кости (1 ед.), нижняя челюсть бобра (3 ед.) и неопределенные фрагменты орудий из кости (не менее 5 ед.).

Категория костяных острий является особой, поскольку включает большое разнообразие морфологически различных предметов. Н. И. Витковский описал несколько видов орудий – колющие из рога, колющие из кости, шилообразные и наконечники для дротиков. Г. М. Георгиевская разделила костяные острия шилообразной формы на четыре типа – шилообразные острия с насадом, оформленным боковым срезом (рис., 5–7); орудия с уплощенным телом, посередине которого проходит округлое ребро, переходящее сверху в плоское острие (рис., 1, 2); шилья, изготовленные из расколотых трубчатых костей, от которых сохранился естественный желобок (рис., 3); орудия из шилообразного острия, тупой конец является рукоятью, острие оформлено боковым срезом [Георгиевская, 1989].

Особое внимание также следует уделить выделенной Г. М. Георгиевской категории колющих орудий из кости и рога. К колющим орудиям из рога, исходя из описаний Н. И. Витковского [1887] и Г. А. Максименкова [1974], можно отнести 9 орудий. Они представлены массивными остриями из обработанного рога с желобком посередине.

Отдельную категорию составляют колющие острия из кости – округлые в сечении с уплощенным насадом (6 экз.). Длина изделий достигает 20 см. Верхняя часть предмета тщательно зашлифована, насад же не имеет финальной шлифовки, оформлен более грубо. Г. М. Георгиевская интерпретировала данные предметы как наконечники дротиков.

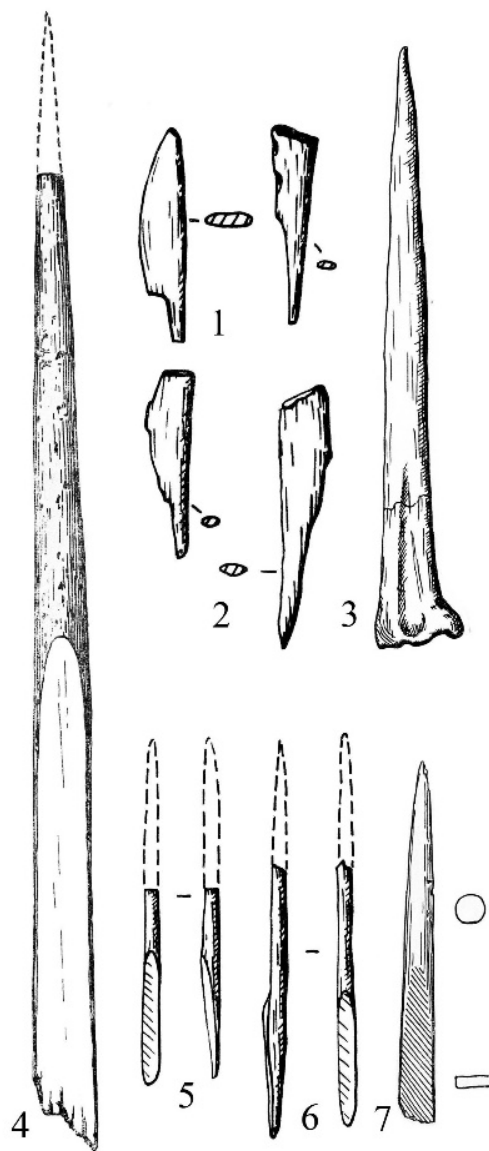

Рис. Костяные острия Китойского могильника.

1, 2 – орудия с уплощенным телом и черешком [Георгиевская, 1979]; 3 – шилообразное изделие из трубчатых костей [Там же]; 4, 7 – округлые в сечении острия с уплощенным насадом [Окладников, 1974]; 5, 6 – шилообразные острия с насадом, оформленным боковым срезом [Георгиевская, 1979]

Нижние челюсти бобра (3 экз.) не рассматривались ранее как промысловые орудия. Местонахождение этих трех экземпляров на настоящий момент неизвестно.

Костяной инвентарь раннеолитических захоронений в устье р. Китой демонстрирует большое разнообразие в категориях. Некоторые из них достаточно хорошо изучены и описаны (например, наконечники гарпунов, жальца составных рыболовных крючков китойского типа, предметы искусства и украшения), классификация и описание других предметов вызывает определенные затруднения. В первую очередь это касается категории костяных острий и колющих орудий. Значительная часть из них не имеет подробного описания и, вероятно, утеряна. Мы обратимся к предметам, в той или иной степени доступным для исследования.

Предложенная Г. М. Георгиевской классификация орудий из кости и рога из захоронений в устье р. Китой на настоящий момент является единственной, тем не менее она требует небольшой корректировки и дополнений.

В первую очередь стоит рассмотреть шилообразные острия с насадом, оформленным боковым срезом (см. рис.,

7). Г. М. Георгиевская сравнивает данные изделия с более крупными колющими орудиями с уплощенным насадом, указывая на полное повторение формы (рис., 4). Однако после работы с коллекцией Китойского могильника в фондах Иркутского краеведческого музея стало очевидно, что в данную категорию попали два разных типа орудия (см. рис., 5–7). Первый тип (рис., 7) действительно повторяет форму колющих орудий с уплощенным насадом, и разница состоит лишь в размерах. Второй тип (см. рис., 5, 6), описанный выше, отличается формой исполнения нижней части, помимо этого, вся поверхность предмета тщательно зашлифована. Таким образом, целесообразно разделить данную категорию на два типа: округлые в сечении острия с уплощенным насадом и шилообразные острия с насадом, оформленным боковым срезом. Вторая группа – шилообразные острия с насадом, оформленным боковым срезом, – наиболее точно подходит под определение шилообразных. Верхняя часть изделий имеет коническую форму, а нижняя представляет собой пяточку (см. рис. 5, 6). Все изделие тщательно зашлифовано. Данные орудия также можно

интерпретировать как наконечники, однако, судя по сохранившимся изделиям в фондах Иркутского областного краеведческого музея, это маловероятно, так как оба конца изделия тщательно оформлены, отшлифованы. Сомнительно, что какой-либо из концов изделий мог выполнять функцию насада. Вероятнее всего, данный вид орудий использовался в скорнячестве или плетении.

Первый тип (по Г. М. Георгиевской), орудие округлое в сечении с уплощенным насадом, мы предлагаем объединить в одну категорию с такими же орудиями, но более крупными в размере (наконечники дротиков по Г. М. Георгиевской) (см. рис., 4). Данные орудия, вероятнее всего, действительно являлись наконечниками. Во-первых, насады изделий имеют достаточно грубую обработку, не имеют финальной шлифовки, что обеспечивает более сильное сцепление с древком стрелы или дротика. Во-вторых, их обтекаемая форма обладает хорошими баллистическими характеристиками.

Второй тип, выделенный Г. М. Георгиевской – орудия с уплощенным телом и черешком, – уже был проанализирован нами ранее [Крутикова, 2019]. Данные изделия могли использоваться как небольшие костяные ножи для чистки рыбы или как наконечники стрел.

Третий тип (см. рис., 3) – шилообразные изделия из трубчатых костей, также, вероятно, являются орудиями скорняческого промысла. Данная форма широко распространена на протяжении всего неолита Байкало-Енисейской Сибири, тем не менее определение ее функционального назначения до сих пор вызывает трудности.

Четвертый тип на настоящий момент не может быть как-либо интерпретирован, поскольку имеет крайне малое количество иллюстраций и фактически недоступен для исследования.

Колющие орудия из рога интерпретированы Г. М. Георгиевской как рогатины для охоты на крупного зверя. Подобное орудие, найденное в погребении № 11 (1991 г.) Фофановского могильника (близкого по традиции погребения и сопроводительному инвентарю к китайской культуре), согласно трасологическому анализу было отнесено к категории кирок (орудие собирательства) [Волков, Жамбалтарова, 2015, с. 170]. Данные изделия также можно интерпретировать как кощеды для плетения.

Отдельное внимание стоит уделить нижним челюстям бобра. В китайском погребении № 1 (1999 г.) на местонахождении Шумилиха обнаружены нижние челюсти бобра [Бердникова, Ветров, 2000] со следами модификаций, которые отражают подготовку челюстей для использования в работе. На челюстях имеются надрезы на отростках. Подобные следы были обнаружены на челюстях с местона-

хождения Замостье 2 (Московская обл., Сергиево-Посадский район) и, по мнению авторов, отражают прием адаптации челюстей к использованию в качестве орудий [Лозовская, Лозовский, 2015]. Несмотря на то что нижние челюсти бобра с Китайского могильника недоступны для исследования, можно предполагать их промысловое назначение. Согласно трасологическому анализу нижних челюстей бобра с местонахождения Замостье 2, они использовались для извлечения материала заостренной частью резца, скобления и зачистки обрабатываемого материала [Там же].

В результате проведенного исследования можно предложить уточнения к классификации Г. М. Георгиевской. В первую очередь, округлые в сечении орудия с уплощенным насадом объединить в один тип. Орудия, округлые в сечении, нижняя часть которых оформлена боковым срезом, вынести в отдельный тип. Нижние челюсти бобра предположительно также можно отнести к промысловым орудиям.

Большое количество разнообразных костяных предметов свидетельствует о высоком уровне развития обработки и изготовления орудий из кости и их широком применении в среде раннеолитического населения.

*Научный руководитель – И. М. Бердникова
канд. ист. наук, ст. науч. сотр.,
НИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет*

Список литературы

- Бердникова Н. Е., Ветров В. М. Новый раннеолитический могильник в устье р. Белой (Байкальская Сибирь) // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Улан-Удэ, 2000. Т. 1. С. 44–50.
- Витковский Н. И. Отчет о раскопке могилы каменного периода в Иркутской губернии в 1881 году // Труды V Археологического съезда в Тифлисе в 1881 г. М., 1887. С. 264–277.
- Волков В. П., Жамбалтарова Е. Д. Технологическая характеристика изделий из кости и рога Фофановского могильника (ранний неолит, Юго-Восточное Прибайкалье) // Россия и АТР. 2015. № 2. С. 165–175.
- Георгиевская Г. М. Китайская культура Прибайкалья. Наука, 1989. 152 с.
- Крутикова К. А. Костяные острия в раннеолитических погребальных комплексах Усть-Бельского и Китайского могильников (Южное Приангарье) // Археология евразийских степей. 2019. № 5. С. 141–145.
- Лозовская О. В., Лозовский В. М. Универсальные орудия из челюстей бобра на поселении Замостье 2: технология изготовления и использование // Следы в истории. СПб, 2015. С. 163–180.
- Окладников А. П. Неолитические памятники Ангары: (от Шукино до Бурети). Новосибирск: Наука, 1974. 319 с.
- Хороших П. П. Неолитические погребения на р. Ангаре в местности Ярки // Изв. СО АН СССР. Сер.: Общест. наук. 1979. № 6, вып. 2. С. 83–88.

Characteristics of the Bone Grave Goods of the Early Neolithic Burials at the Mouth of the Kitoi River (Southern Angara Region)

К. А. Krutikova

The article presents the characteristics of the grave bone goods of burials at the mouth of the Kitoi river. Despite the fact that as a result of the excavations of the Early Neolithic complexes of the Kitoi and Yarki burial grounds, a rich collection of bone objects was obtained, the bone grave goods have never become the subject of a separate study. A detailed description and classification were proposed by G. M. Georgievskaya. Among the finds made of bone, game and objects of art (including decoration) are distinguish. Objects of art and some categories of game tools rather well studied. This article focuses on the categories of bone points and piercing tools. As a result of the study, refinements, and additions to the classification of G. M. Georgievskaya were proposed, and new versions of the interpretation of some types of bone tools were proposed.

Keywords: Neolithic, burials, bone tools, Kitoi mortuary tradition, grave goods.

Крутикова Ксения Александровна

аспирант 1-го года обучения
лаборант-исследователь
НИЦ «Байкальский регион»
Иркутский государственный университет
e-mail: kseniya_krutikova@mail.ru

Krutikova Kseniya Aleksandrovna

Postgraduate 1st year
Research assistant
Scientific Research Center “Baikal Region”
Irkutsk State University
e-mail: kseniya_krutikova@mail.ru

Проблемы идентификации некоторых неолитических погребений Байкало-Енисейской Сибири*

К. А. Крутикова, С. П. Дударёк

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
и Правительства Иркутской области в рамках научного проекта № 20-49-380002
«Недостающее звено: проблема идентификации погребений среднего неолита
на территории Байкало-Енисейской Сибири»

Одной из наиболее интересных и актуальных проблем в археологии Байкало-Енисейской Сибири остается вопрос природы так называемого хиатуса – перерыва в погребальных традициях в период среднего неолита. Впервые хронологический разрыв был зафиксирован в 1980-х гг. в результате радиоуглеродного датирования погребальных комплексов Прибайкалья [Мамонова, Сулержицкий, 1986, 1989]. Эта проблема привлекла внимание ученых Байкальского археологического проекта, которые предложили рассматривать перерыв как биокультурный феномен, связанный прежде всего с социальными и адаптационными проблемами населения Байкало-Енисейской Сибири, а также климатическими изменениями на данной территории [Weber, Link, Katzenberg, 2002]. Данная идея подверглась ожидаемой критике [Kuzmin, 2007]. В результате сбора большого количества материалов и массового радиоуглеродного датирования (методом ускорительной масс-спектрометрии) была предложена еще одна хронологическая модель и новая концепция хиатуса, который объясняется перерывом в погребальных традициях, связанным со сменой погребальной практики в период среднего неолита [Prehistoric Hunter-Gatherers ... , 2010].

Однако проблема хиатуса на территории Байкало-Енисейской Сибири, несмотря на предложенную концепцию, остается нерешенной. Одним из главных аргументов критики предложенной концепции была малая выборка погребений для датирования [Kuzmin, 2007]. Для решения этой проблемы нами создана база данных по погребальным комплексам с неопределенной культурной принадлежностью, включающая 107 комплексов [Крутикова, Дударёк, 2020]. Целью настоящего исследования является попытка определить наиболее значимые черты погребального обряда захоронений, которые с определенной долей вероятности могут относиться к периоду среднего неолита.

В результате анализа полученной базы данных была выделена группа захоронений, обладающая наибольшим своеобразием погребального обряда. Шесть комплексов расположены в Южном Приангарье (Шумилиха, Усть-Белая, Гаранькин Лог, Падь Нохой, Падь Глубокая, Усть-Илирский могильник), в Северном Приангарье – 13 (о-в Жилой, Усть-Кова, Камешок, Колпаков ручей, Сергушкин-1, пункт А, Сосновый Мыс, Толстый Мыс, Усть-Зелинда 1 и 2, Стоянка Генералова, Устье р. Кутарей, Пашина, Утес Медвежий), в Канско-Енисейском регионе выделяются 5 местонахождений – погребения у дач гороно, Гремячего ключа и на Афонтовой горе в Красноярске, могильник у оз. Долгого и Нефтепровод 2 [К вопросу о ... , 2021].

В базу данных включены следующие признаки погребальной традиции – наличие надмогильных сооружений и камней в заполнении могилы, ориентировка умершего по сторонам света и относительно реки, положение умершего в могиле, кремация или следы использования огня, присутствие красящих минеральных пигментов (охры), анатомическая целостность скелета [Крутикова, Дударек, 2020; К вопросу о ... , 2021, табл.].

Наличие надмогильных сооружений выявлено в 18 случаях, камни в заполнении могил зафиксированы в

6 комплексах. Восточная ориентировка головой умерших отмечена в 9 случаях, западная в 3, северная в 9, южная в 12. В остальных случаях ориентировку либо невозможно установить, либо она является только предположительной. Ориентировка умерших головой вверх по течению реки зафиксирована в 19 захоронениях, перпендикулярно реке – в 7 комплексах. В остальных случаях определить точно данный показатель невозможно. Вытянутое на спине положение индивидов отмечено в 26 комплексах. В 3 захоронениях умершие были уложены в вытянутом положении на животе. В коллективном захоронении Усть-Илирского могильника 2 погребенных зафиксированы в вытянутом положении на спине и 1 в вытянутом положении на боку. В 8 захоронениях зафиксирована полная или частичная кремация тела. Еще в 7 комплексах – отмечены следы использования огня в виде пятен прокала или наличия угля. Наличие тертого гематита установлено в 15 могилах. Нарушение анатомической целостности скелетов отмечено в 11 погребениях, однако в большинстве случаев, из-за краткости описания комплексов, достоверно определить причину нарушения погребения не представляется возможным.

В период среднего неолита на территорию Байкало-Енисейской Сибири, вероятно, пришли носители отличной от ранне-неолитической погребальной традиции. В позднем неолите также происходит смена обряда захоронения. Для выделения погребений, которые с наибольшей вероятностью могут относиться к периоду среднего неолита, необходимо обратить внимание на признаки погребального обряда, несвойственные для традиций захоронения раннего и позднего неолита Байкало-Енисейской Сибири.

Среди всех проанализированных признаков наиболее ярко выделяется кремация и использование огня в обряде. В сравнении с ингумацией кремация или использование огня является довольно редкой чертой погребальной практики для раннего и позднего неолита Байкало-Енисейской Сибири. Следы огня в китойских комплексах отмечены только на могильнике Шаманка II, где на разрушенных в период функционирования могильника захоронениях были зафиксированы зольники [Базалийский, 2012]. Зольниками также сопровождаются значительная часть погребальных комплексов исаковского могильника Усть-Ида, часть могил архаической группы и поздне-неолитические комплексы Приольхонья. Трупосожжение зафиксировано в захоронении № 16 Серовского могильника и в 9 поздне-неолитических погребениях Приольхонья [Там же]. В выделенной нами группе количество могил, где отмечены следы огня или кремация, в процентном соотношении довольно высоко.

Важным признаком обряда является ориентировка головой погребенных. В выделенной группе захоронений в значительной части могил умершие уложены вверх по течению реки. Ранее переход к речной ориентировке на территории Байкало-Енисейской Сибири по большей части связывали только с бронзовым веком [Окладников, 1955]. В этом свете признак именно речной ориентировки вызывает особый интерес, поскольку выделяет эти погребения на фоне других неолитических.

В остальных показателях погребального обряда выделенной группы захоронений на настоящий момент затруднительно определить какую-либо систему. Такие признаки, как наличие надмогильных сооружений и камней в заполнении могилы, ориентировка умершего по сторонам света, положение умершего в могиле, использование в обряде тертого гематита, широко распространены среди погребальных традиций Байкало-Енисейской Сибири.

Интерес вызывает нарушенная целостность костяков в выделенной группе, однако исходя из имеющейся информации сложно определить четкие критерии этого признака для данных погребений и сравнить с примерами нарушенной анатомической целостности скелетов с других неолитических местонахождений Байкало-Енисейской Сибири.

В результате проведенного анализа можно предположить, которые могут с высокой долей вероятности относиться к среднему неолиту, в первую очередь стоит обращать внимание на наличие кремации и следов использования огня в обряде, а также на ориентировку умерших относительно реки (в особенности вверх по течению). Для продолжения дальнейшей работы необходимо также провести анализ сопроводительного инвентаря выделенных погребений и радиоуглеродное датирование комплексов.

*Научный руководитель – И. М. Бердников
канд. ист. наук, ст. науч. сотр.,
НИЦ «Байкальский регион»
Иркутский государственный университет*

On the Issue of Burials with an Uncertain Cultural and Chronological Affiliation on the Territory of Baikal-Yenisei Siberia

K. A. Krutikova, S. P. Dudaryok

Nowadays, the problem of hiatus (the break in the mortuary traditions of the Neolithic population of the Cis-Baikal region) is the one of the urgent issue. A database was created that includes more than 100 burials without cultural and chronological attribution to solve this problem. Among these burials, complexes with the most peculiar and vivid funeral ritual were distinguished. To identify the burials that are most likely to be from the Middle Neolithic period, the features of the funeral rite were analyzed. As a result of the study, features that are unusual for the burial practice of the Early Neolithic and Late Neolithic population of Baikal-Yenisei Siberia were identified. Particular attention in the article is paid to cremation, the use of fire in the funeral rite and the orientation of the deceased with their heads relative to the river.

Keywords: Baikal-Yenisei Siberia, Middle Neolithic, burials, database, mortuary tradition

Крутикова Ксения Александровна
аспирант 1-го года обучения
Иркутский государственный университет
стажер-исследователь
НИЦ «Байкальский регион»
Иркутский государственный университет
e-mail: kseniya_krutikova@mail.ru

Дударек Сергей Павлович
инженер-исследователь
НИЦ «Байкальский регион»
Иркутский государственный университет
e-mail: dudareks@mail.ru

Список литературы

Базалийский В. И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита-неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст // Известия Лаборатории древних технологий. 2012. Т. 1, № 9. С. 43–101.

К вопросу о среднем неолите Байкало-Енисейской Сибири / И. М. Бердников, К. А. Крутикова, С. П. Дударек, Н. Е. Бердникова, Н. Б. Соколова // Северные архивы и экспедиции. 2021. Т. 5, № 1. С. 33–55.

Крутикова К. А., Дударек С. П. Опыт разработки базы данных по погребальным комплексам среднего неолита Байкало-Енисейской Сибири // Материалы LX Российской археолого-этнографической студентов и молодых ученых с международным участием. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 88–89.

Мамонова Н. Н., Сулержицкий Л. Д. Возраст некоторых неолитических и энеолитических погребений Прибайкалья по радиоуглеродным данным // Археологические и этнографические исследования Восточной Сибири (итоги и перспективы). Иркутск, 1986. С. 15–20.

Мамонова Н. Н., Сулержицкий Л. Д. Опыт датирования по ¹⁴C погребений Прибайкалья эпохи голоцена // Сов. археология. 1989. № 1. С. 19–32.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. Часть 3: Глазковское время. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. 1955. 377 с. (МИА, № 43)

Kuzmin Y. V. Hiatus in Prehistoric Chronology of the Cis-Baikal Region, Siberia: Pattern or Artifact? // Radiocarbon. 2007. Vol. 49, N 1. P. 123–129.

Prehistoric Hunter-Gatherers of the Baikal Region, Siberia. Bioarchaeological Studies of Past Life Ways / (ed.) A. W. Weber, M. A. Katzenberg, Th. G. Schurr. Philadelphia: University of Pennsylvania, Museum of Archaeology and Anthropology, 2010. 320 p.

Weber A. W., Link D. W., Katzenberg M. A. Hunter-gatherer culture change and continuity in the middle Holocene of the Cis-Baikal, Siberia // Journal of Anthropological Archaeology. 2002. Vol. 21. P. 230–299.

Особенности исходного сырья и формовочных масс неолитической керамики посольского типа Южного Приангарья*

И. В. Уланов, Н. Б. Соколова

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Иркутской области в рамках проекта № 20-49-383001 «Технологические и культурные традиции гончарства в среднем неолите на территории Байкало-Енисейской Сибири».

В 2022 г. исполняется 110 лет с момента открытия Б. Э. Петри первой в России многослойной стоянки неолитического возраста в бухте Улан-Хада. Данное событие положило начало целой исследовательской традиции в археологии Восточной Сибири по изучению многослойных стоянок плейстоценового и голоценового возраста, которая продолжается до сих пор. А в начале XX в. исследователи пребывали у истоков изучения сибирских культур каменного века, не помышляя о стройных культурно-хронологических схемах, радиоуглеродном датировании и палеогенетике. Так, например, наставник и опекун Б. Э. Петри академик В. В. Радлов сетовал на многочисленные трудности, с которыми сопряжено исследование сибирских древностей [1896, с. 8], и с грустью заключал: «К сожалению, вопрос о происхождении древнейших насельников Сибири, вероятно, никогда не удастся решить» [1989, с. 480]. Тем не менее с того времени археологи продвинулись достаточно далеко в исследовании историко-культурных процессов Сибири в каменном веке. Многие из того, что было не ясно первооткрывателям, потом переосмысливалось и становилось понятным для последующих поколений исследователей.

Так, в 1960-е гг., при анализе материалов раскопок Б. Э. Петри на Улан-Хаде, Л. П. Хлобыстин выделил отдельную группу неолитической керамики, которая впоследствии получила свое название по стоянке Посольская (юго-восточное побережье оз. Байкал), поскольку крупнейшая на тот момент коллекция этой керамики происходила из ее раскопок [1964; 1978]. Сегодня комплексы с посольской керамикой известны на большой территории от Среднего Енисея до Забайкалья и датируются в широком интервале ~6900–4100 ¹⁴С л. н. [Макаров, 2012; Бердников, Уланов, Соколова, 2017, с. 277].

Данный тип керамики является одним из наименее изученных с точки зрения технологии изготовления. В литературе затрагивались лишь отдельные ее особенности [Berdnikov, Ulanov, 2015; Абрашина, 2016; Бердников, Уланов, Соколова, 2017]. В частности, до сих пор не проводилось исследование состава сырья и формовочных масс за исключением петрографического анализа единичных фрагментов посольской керамики и визуальной диагностики. Задачу настоящей статьи можно сформулировать словами вышеупомянутого академика В. В. Радлова: «...так как я вижу, что до сих пор ничего не издано по этой части, я счел своею обязанностью сообщить все, что знаю по этому предмету» [1891, с. 42]. А именно, в рамках данной публикации представлены результаты проведенного нами анализа исходного сырья и формовочных масс.

Источниковую базу составили фрагменты от 12 сосудов посольского типа с трех местонахождений Южного Приангарья – Горелый Лес (5 сосудов), Усть-Хайта (5 сосудов), Усть-Белая (2 сосуда). На расположенных поблизости друг от друга стоянках Горелый Лес и Усть-Хайта (среднее течение р. Белая) представительная коллекция посольской керамики найдена в средне-неолитических культуросодержащих горизонтах (V и IV соответственно) [Многослойный геоархеологический ... , 2001;

Савельев, Уланов, 2018]. На Усть-Белой в неолитических горизонтах преобладает другая керамическая традиция среднего неолита – усть-бельская, а посольская керамика найдена в небольшом количестве [Уланов, Бердников, 2015].

Образцы проанализированы при помощи стереомикроскопа «Альтами» СМ0745-Т. Формовочные массы всех сосудов имеют несмешанный однокомпонентный состав, где не выявлено никаких искусственных примесей.

В качестве исходного пластичного сырья во всех случаях использовалась ожелезненная запесоченная глина. В составе формовочных масс Горелого Леса фиксируется полуокатанный, реже – остроугольный кварцевый песок белого, серого и бурого цвета размером 0,1–1 мм, у одного сосуда – до 1,5 мм с преобладанием зерен 0,3–0,5 мм. Встречается окатанная кварцевая дресва размером до 3 мм. Исходное сырье образцов с Усть-Белой и Усть-Хайты в своем составе демонстрирует кварцевый полуокатанный песок белого и серого цвета. Размер зерен – 0,1–0,5 мм, редко – до 1 мм. В одном случае на Усть-Хайте фиксируются фракции оолитового бурого железняка.

Кроме того, в изломах фрагментов Усть-Хайты и Горелого Леса присутствуют единичные следы органики в виде буро-коричневых пятен (1–1,5 мм), темных пятен, черных пустот, отпечатков выгоревшей растительности размером до 13 мм. В составе фрагментов с Усть-Белой органические включения не выявлены.

Сравнение исходного сырья с разных стоянок между собой указывает на то, что глина для изготовления посуды, найденной на каждом местонахождении, бралась из разных источников. При этом выбиралось всегда схожее по свойствам сырье – ожелезненная запесоченная глина, не требующая искусственных добавок.

Стоит заметить, что традиция использования в качестве сырья запесоченной глины без примесей характерна для ранне-неолитической керамики Прибайкалья [Бердников, Уланов, Соколова, 2017] и для одновременной посольской – керамики усть-бельского типа. Хотя при анализе последней с эпонимной стоянки Усть-Белая в единичных случаях выявлена примесь дресвы, которая, возможно, была добавлена искусственно [Уланов, Соколова, Уланова, 2020].

Отсутствие в формовочных массах примесей, которые можно было бы определить как искусственные добавки, вероятно, свидетельствует о том, что в распоряжении древних гончаров находились источники глинистого сырья, качество которого вполне их удовлетворяло. При этом естественная примесь песка в глине понижает степень усадки изделия во время сушки и повышает «огнеупорность» сосудов – сопротивляемость резким перепадам температуры, которые неизбежны при костровом и очажном способах обжига [Бобринский, 1978; Цетлин, 2012].

Полученная информация позволяет сделать некоторые выводы об особенностях подготовительной стадии производства посольской керамики Южного Приангарья. Качество исходного сырья удовлетворяло древних гончаров, поэтому сложившаяся еще в раннем неолите практика ис-

пользования местных ожелезненных глин с естественной примесью песка без введения дополнительных добавок продолжала свое существование в среднем неолите. При этом формовочные массы незначительно, но отличаются от таковых у одновременной керамики усть-бельского типа, в частности отсутствием включений дресвы. Для более конкретных выводов об особенностях сырья и формовочных масс керамики посольского типа необходимо проведение дополнительных исследований.

Список литературы

Абрашина М. Е. Посольская керамика стоянки им. Генералова: сравнительный анализ двух вариантов : материалы LVI Рос. археолого-этнографической конф. студентов и молодых ученых. Чита, 2016. С. 74–75.

Бердников И. М., Уланов И. В., Соколова Н. Б. Неолитическое гончарство Байкало-Енисейской Сибири: технологические традиции в территориально-хронологическом контексте // *Stratum plus*. 2017. № 2. С. 275–300.

Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. М. : Наука, 1978. 272 с.

Макаров Н. П. Керамика посольского типа в Байкальской и Средней Сибири // *Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири*. Улан-Батор, 2012. Вып. 3. С. 67–72.

Многослойный геоархеологический объект Усть-Хайта (предварительные данные) / Н. А. Савельев, А. В. Тетенькин, Е. С. Игумнова, Т. А. Абдулов, Е. М. Инешин, С. С. Осадчий, В. М. Ветров, А. М. Клементьев, М. П. Мамонтов, Л. А. Орлова, И. В. Шибанова //

Современные проблемы Евразийского палеолитоведения. Новосибирск, 2001. С. 338–352.

Радлов В. В. Сибирские древности. Т. 1, Вып. 2. СПб. : Типография ИАН, 1891. 102 с.

Радлов В. В. Сибирские древности: из путевых записок по Сибири. СПб. : Типография И. И. Скороходова, 1896. 70 с.

Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника. М. : Наука, 1989. 750 с.

Савельев Н. А., Уланов И. В. Керамика эпохи неолита мультислойчатого местонахождения Горельный Лес (Южное Приангарье) // *Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология*. 2018. Т. 26. С. 46–85.

Уланов И. В., Бердников И. М. Керамические комплексы Усть-Белой: систематизация, хронометрия, хронология // *Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология*. 2015. Т. 12. С. 47–80.

Уланов И. В., Соколова Н. Б., Уланова А. В. Особенности исходного сырья и формовочных масс неолитической керамики усть-бельского типа Южного Приангарья : материалы LX Рос. археолого-этнографической конф. студентов и молодых ученых с междунар. участием. Иркутск. 2020. С. 101–102.

Хлобыстин Л. П. Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале (по материалам раскопок Б. Э. Петри) // *КСИА*. 1964. № 97. С. 25–32.

Хлобыстин Л. П. Возраст и соотношение неолитических культур Восточной Сибири // *КСИА*. 1978. № 153. С. 93–99.

Цетлин Ю. Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М. : ИА РАН, 2012. 384 с.

Berdnikov I. M., Ulanov I. V. Some aspects of molding technology Posolskaya pottery on south central Siberia // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2015. Vol. 8, N 4. P. 574–584.

Features of Raw Materials and Molding Masses of Posolskaya Type Neolithic Pottery from the Southern Angara Region

I. V. Ulanov, N. B. Sokolova

The article presents the results of studying the initial raw materials and molding masses of the Posolskaya type Neolithic ceramics from the Southern Angara region. We analyzed 12 vessels from the Gorelyi Les, Ust-Khaita and Ust-Belaya sites using an Altami CM0745-T microscope. Ferruginous clay with a natural admixture of sand was used as a raw material. The molding materials are free of impurities. As a result, we conclude that the quality of the raw materials was satisfactory for the authors of the Posolskaya type ceramics in the Middle Neolithic. At the same time, the natural admixture of sand in the clay reduces the degree of shrinkage of the product during drying and increases the refractoriness of the vessels. We observe the preservation of the Early Neolithic tradition of using ferruginous sandy clays without special additives in the preparation of molding masses for Posolskaya type vessels.

Keywords: Southern Angara region, ancient pottery, Posolskaya type, pottery traditions, technology, raw materials, molding masses.

Уланов Илья Викторович

младший научный сотрудник
научно-исследовательский центр
«Байкальский регион»
Иркутский государственный университет
e-mail: ussr-ilya@yandex.ru

Ulanov Ilya Viktorovich

Junior Researcher
Scientific Research Center “Baikal Region”
Irkutsk State University
e-mail: ussr-ilya@yandex.ru

Соколова Наталья Борисовна

младший научный сотрудник
научно-исследовательский центр
«Байкальский регион»
Иркутский государственный университет
e-mail: snb-87@mail.ru

Sokolova Natalia Borisovna

Junior Researcher
Scientific Research Center “Baikal Region”
Irkutsk State University
e-mail: snb-87@mail.ru

УДК 903.02(571.53)

Керамическая коллекция II культуросодержащего горизонта местонахождения Отико I (Северное Приангарье)*

А. Д. Торохова

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

*Работа выполнена по гранту Правительства РФ, проект № 075-15-2019-866
«Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров»

Стоянка-могильник Отико I входит в число островных памятников Северного Приангарья. Она располагалась на одноименном острове в долине р. Ангары, в 21 км ниже по течению д. Кеуль [Торохова, 2020].

Объект открыт в 1974 г. Кежемским отрядом Северо-Ангарской археологической экспедиции Красноярского краевого краеведческого музея под руководством Н. И. Дроздова.

В период 2011–2012 гг. на местонахождении были проведены спасательные работы (объект попал в зону затопления будущей Богучанской ГЭС). За два года раско-

почных работ вскрыта площадь 1270 м² [Торохова, Михалева, Почекунин, 2020]. Материал II культуросодержащего горизонта (далее по тексту – к. г.) суммарно насчитывает 8318 находок, из них фрагменты керамики составляют 3037 экземпляров.

Цель данной статьи – введение в научный оборот керамической коллекции из II к. г. стояночного комплекса Отико I, ее систематизация на основе технического декора керамики, а также поиск культурных аналогий среди керамических коллекций других объектов Северного Прианга-

рья. На основании комплексного анализа всего материала, в частности орнаментации поверхности сосудов, нами были выделены 14 групп.

В группу № 1 входит керамика, орнаментированная **примазочными и наlepными валиками**. Всего в ней числится 15 сосудов. Они имеют преимущественно закрытую и сложную форму.

Четыре гладкостенных сосуда украшены орнаментом, образующим сложную композицию из горизонтальных и наклонных узких примазочных валиков (рис., 1, 2, 3, 4). Они располагаются преимущественно в верхней трети сосуда, в зоне венчика и под ним. Сами венчики отогнуты, срез двух сосудов оформлен при помощи пальцевых вдавлений.

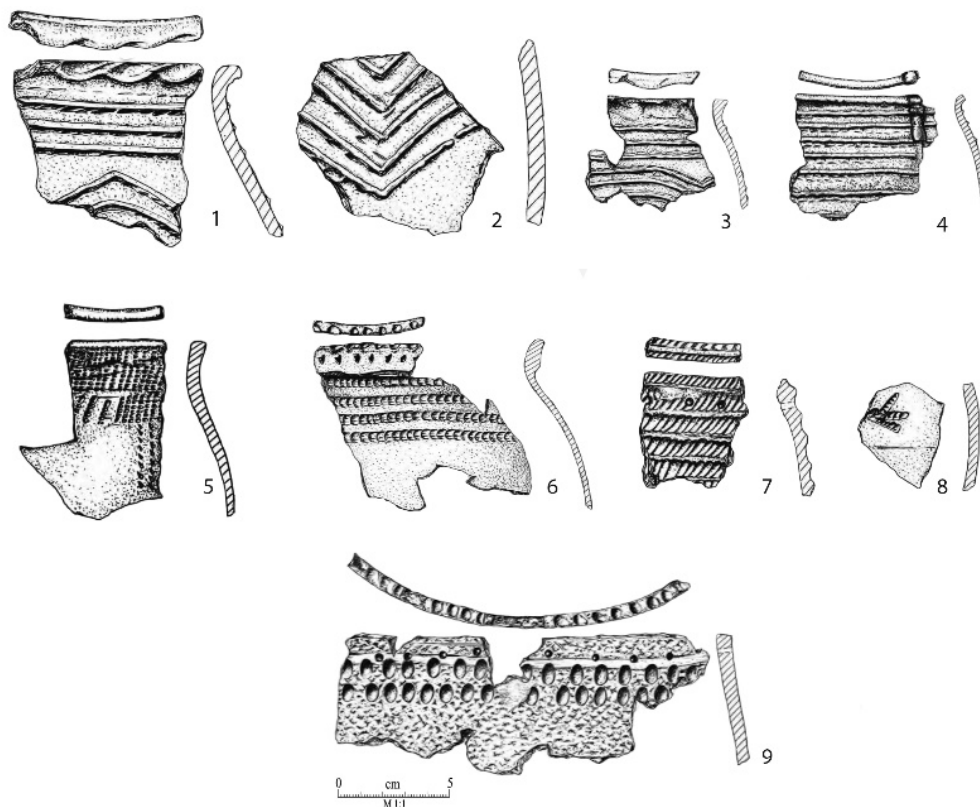

Рис. Отико I. II культуросодержащий горизонт. Фрагменты керамических сосудов.

1, 2, 3, 4 – керамика с тонкими примазочными валиками; 5 – керамика лесосибирского стиля; 6 – керамика цэпаньской культуры; 7 – керамика усть-бельского типа; 8 – керамика с рисунком «птичьего следа», выполненного в технике отступающей лопатки; 9 – керамика аплинского типа (рис. по: [Долганов, 2012, с. 199–201, 209, 211–213, 218])

Один из указанных сосудов несет на себе следы ремонта при помощи темного смолянистого состава в зоне венчика (см. рис., 4).

Также представляет интерес фрагмент керамики с наlepным валиком, под которым расположен пояс из «жемчужин», и фрагмент, у которого над валиком имеется пояс из ямочных вдавлений, а зона под ним оформлена при помощи отступающей лопатки.

Группа № 2 представлена керамикой со следами **зубчато-гребенчатого штампа**. К данной группе относятся 30 сосудов. В ней преобладают сосуды закрытой формы. У части фрагментов оформлен пояс из ямочных вдавлений в зоне венчика, под рядом зубчато-гребенчатого штампа или в непосредственной близости от него. Также подавляющее большинство фрагментов украшены оттисками того же штампа по срезу венчика.

Один из фрагментов венчика гладкостенного сосуда закрытой сложной формы орнаментирован по тулову тремя горизонтальными рядами наклонных оттисков высокого зубчатого штампа, от последнего ряда спускаются парные вертикальные ряды узких штамповых оттисков (рис., 5). Данный сосуд имеет некоторую схожесть с керамикой лесосибирского типа.

К группе № 3 относится керамика с различным по форме и размеру **гладким штампом**. В том числе к этой

группе были отнесены фрагменты со следами тонкого стика. Всего в группе насчитывается 17 сосудов. В основном это сосуды закрытой формы.

Один из сосудов имеет простую закрытую форму, он орнаментирован по краям и тулову горизонтальными рядами углубленных наклонных близко поставленных оттисков округленного гладкого штампа и имеет поясик отверстий по венчику (рис., 7). Указанный сосуд был отнесен нами к усть-бельскому типу керамики.

Группа № 4 включает в себя фрагменты керамики со следами **отступающей лопаточки**. В нее входят 10 сосудов, среди которых преобладают сосуды закрытой формы. Срезы венчиков зачастую украшены оттисками гладкого штампа, также под некоторыми из них оформлен пояс из ямок.

В данной группе выделяется фрагмент тулова гладкостенного сосуда, украшенного рисунком «птичьего следа» (рис., 8). Он выполнен узкой отступающей лопаточкой.

Кроме того, фрагменты венчика и тулова гладкостенного сосуда закрытой сложной формы, украшенного по срезу вдавлениями, а по тулову пояском ямочных вдавлений и четырьмя горизонтальными рядами оттисков округлой отступающей лопаточки, можно соотнести с комплексами цэпаньской культуры (рис., 6). Если быть точнее, они несут в себе черты каменско-маковского типа.

Группа № 5 представлена сосудами «посольского» типа, всего их 14 в данной группе. Большинство сосудов имеют закрытую простую форму и характерный подтреугольный венчик, оформленный преимущественно рядами зубчатого штампа.

Эта группа достаточно разнообразна по характеру декора сосудов – встречается оформление как при помощи оттисков зубчатого штампа и горизонтальных рядов узкой отступающей лопаточки по тулову, так и горизонтальными и наклонными прочерченными линиями.

К группе № 6 относятся фрагменты керамики со следами «сетки-плетенки». Сосуды имеют в основном простую закрытую форму.

Из общей группы выделяются фрагменты венчика сосуда с оттисками сетки-плетенки простой закрытой формы, украшенного по срезу пальцевыми вдавлениями, по тулову пояском отверстий, а ниже – двумя рядами овальных пальцевых вдавлений (рис., 9). Исходя из декора данного сосуда, можно отнести его к аплинскому типу керамики, распространенному в Северном Приангарье [Бердников, Лохов, 2013].

Группа № 7 включает в себя керамику с отпечатками шнура. Она немногочисленна и представлена 4 фрагментами керамики.

К группе № 8 отнесены 3 фрагмента керамики с ямочными вдавлениями. Один из них является венчиком гладкостенного сосуда, оформленного по срезу ногтевыми вдавлениями, а по тулову – парными ямочками.

Далее идут группы, представленные единичными находками, так как однозначно отнести их к какой-либо из перечисленных выше групп не представляется возможным.

Группа № 9 представляет собой фрагмент венчика гладкостенного сосуда простой формы, украшенного по срезу ногтевыми вдавлениями, а по тулову поясами пальцево-ногтевых и ямочных вдавлений. Идентичный по орнаментации и декору фрагмент керамики был обнаружен в I культуросодержащем горизонте, и высока вероятность, что они являются элементами одного и того же сосуда. Это еще раз подтверждает компрессионность I и II культуросодержащих горизонтов, что затрудняет их более точное датирование.

В группу № 10 входит фрагмент венчика, украшенного по срезу косыми насечками, а по тулову пояском ямочек и ногтевых вдавлений.

К группе № 11 нами был отнесен фрагмент венчика сосуда с налипным валиком, рассеченным вертикальными пальцевыми защипами. Венчик овальный в сечении, по внешнему краю оформлен отступающими ногтевыми вдавлениями. В зоне венчика сосуд оформлен двумя рядами отступающей треугольной скобы. Тулово оформлено рядами косо поставленного отступающего зубчатого штампа.

Группа № 12 представляет собой фрагмент тулова сосуда, оформленного параллельными горизонтальными глубоко прочерченными линиями.

Фрагмент венчика гладкостенного сосуда простой закрытой формы, украшенного по срезу косыми насечками, а

по тулову пояском вдавлений в виде жемчужин, входит в группу № 13.

Группа № 14 представлена фрагментом венчика гладкостенного сосуда простой формы, орнаментированного по срезу насечками, по внешнему краю и ниже по тулову – ногтевыми оттисками. К венчику примыкает налипное ушко.

Керамическая коллекция II к. г. стояночного комплекса Отико I включает в себя материал, встречающийся в широком временном диапазоне от неолита до раннего железного века. Это связано с особенностью почв, находящихся в состоянии компрессии, а также с антропогенным фактором, деятельностью землеройных животных и, возможно, ошибками в процедуре фиксации материала из-за сложной стратиграфической ситуации.

В керамической коллекции встречаются материалы, относящиеся к посольскому, усть-бельскому и аплинскому типам керамики, которые связывают со средним неолитом.

Кроме того, в слое зафиксированы сосуды, чей цэпанский облик позволяет отнести их ко времени РЖВ [Леонтьев, Герман, 2013], а также фрагменты, которые, возможно, следует рассматривать как проявление лесосибирского типа на данном объекте [Мандрыка, Бирюлева, Сенотрусова, 2013]. Однако данная группа находок не столь многочисленна.

Таким образом, керамическая коллекция II культуросодержащего горизонта стоянки-могильника Отико I позволяет датировать его в широком диапазоне от неолита до бронзы, за редкими вбросами керамики времени раннего железного века.

*Научный руководитель – Д. Н. Лохов
преподаватель, кафедра мировой истории
и международных отношений,
науч. сотр., НИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет*

Список литературы

- Бердников И. М., Лохов Д. Н. Сетчатая керамика аплинского типа // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 2 (3). С. 72–83.
- Долганов В. А. Отчет о результатах спасательных работ 3-го Усть-Илимского отряда Богучанской экспедиции на стоянке, могильнике Отико I Усть-Илимского района Иркутской области в 2011 г. Новосибирск, 2012. Т. 2. 343 с.
- Леонтьев С. Н., Герман П. В. Керамика раннего железного века стоянки Сергушкин I // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск, 2013. Вып. 6. С. 58–67.
- Мандрыка П. В., Бирюлева К. В., Сенотрусова П. О. Керамика лесосибирского стиля на комплексе Проспихинская Шивера-IV в Нижнем Приангарье // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2013. № 2 (22). С. 67–71.
- Торохова А. Д., Михалева В. П., Почекунин Д. М. Керамическая коллекция I культуросодержащего горизонта местонахождения Отико I (Северное Приангарье) // Материалы LX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Иркутск, 2020. С. 143–145.
- Торохова А. Д. Средневековые погребения со стоянки-могильника Отико I (Северное Приангарье) // Материалы LX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Иркутск, 2020. С. 177–180.

The Ceramic Collection of the Layer 2 of the Otiko 1 Site (Northern Angara Region)

A. D. Torokhova

This article presents the results of the systematization of the ceramics collection of the second layer of culture from the site Otiko 1. This material was found in the process of the rescue archeological works in 2011–2012. The total number of the findings in the first layer of culture is 8318 artifacts. The ceramics collection is represented by 3037 exemplars. All ceramics materials were divided into fourteen groups based on technical décor and ornamentation. Also the research work on finding analogies among others sites of the Northern Angara was made. The ceramics collection of the second layer of culture was partly assigned to the Aplinskii, Ust-belskii and Posolskii types of the ceramics and to the Lesosibirskii type of the ceramics. This research allowed us to date the second layer of culture from the site Otiko 1 in the broad range of time from Neolithic to Early Iron Age.

Keywords: Northern Angara region, site Otiko 1, ceramics, Aplinskii type, Ust-belskii type, Posolskii type, Lesosibirskii type, Neolithic, Bronze Age, Early Iron Age.

Торохова Анна Дмитриевна

студент 4-го курса
Иркутский государственный университет
e-mail: monocystal7@mail.ru

Torokhova Anna Dmitrievna

Student 4th year
Irkutsk State University
e-mail: monocystal7@mail.ru

Керамика посольского типа из многослойной стоянки Улан-Хада на оз. Байкал*

Д. А. Мархаева

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

*Работа выполнена по гранту Правительства РФ, проект № 075-15-2019-866
«Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров».

Местонахождение Улан-Хада – первое в России многослойное поселение эпохи голоцена. Оно расположено в одноименной бухте юго-восточного побережья залива Мухор Малого моря оз. Байкал, в 4,5 км к СЗ от пос. Сахиуртэ. Объект обнаружен Б. Э. Петри в 1912 г.; раскопки проведены им в 1913 г. [1916]. Являясь опорным памятником для изучения древних культур не только Приольхонья, но и всей Байкальской Сибири, стоянка Улан-Хада привлекала пристальный интерес ученых на протяжении всего XX в. Крупные раскопки на стоянке проводились в 1959 г. отрядом Иркутской экспедиции ЛОИА АН СССР (М. П. Грязнов, М. Н. Комарова); в 1974, 1979, 1982, 1990 гг. – Байкальским отрядом КАЭ ИГУ (Н. А. Савельев, О. И. Горюнова) [Грязнов, Комарова, 1992; Горюнова, 2012].

На протяжении длительной истории исследования были предложены разные интерпретации культурных слоев этого объекта. Одним из дискуссионных моментов являлся вопрос культурно-хронологической принадлежности материалов IX культурного слоя, в комплексе которого выделено несколько типов керамики, в числе которой – керамика посольского типа. В настоящее время установлено, что материалы этого слоя находятся в компрессионном состоянии и датируются средним – поздним неолитом [Горюнова, 2016]. Тип керамики, названный Л. П. Хлобыстиным посольским (по названию Посольской стоянки, где она была зафиксирована в большом количестве) [Хлобыстин, 1978], характеризуется набором устойчивых признаков. В их числе: утолщение венчика подтреугольным или прямоугольным налепом; расположение узора в верхней части сосуда; устойчивая композиция и техника нанесения орнамента [Хлобыстин, 1964]. В 80-е гг. прошлого века О. И. Горюновой было отмечено на материалах стоянки Улан-Хада наличие двух вариантов этой керамики: с внешним утолщением венчика и с внутренним [Горюнова, 1984]. Тем не менее разнообразие орнаментальных схем этой керамики ею не рассматривалось.

Цель предлагаемого исследования – проведение морфо-технологического анализа керамики посольского типа из IX слоя многослойного поселения Улан-Хада; выявление многообразия ее орнаментов, специфических и характерных признаков. Работа построена на основе изучения коллекций материалов Улан-Хады, хранящихся в фондах ИГУ (раскопки Н. А. Савельева, О. И. Горюновой), и литературных данных [Хлобыстин, 1964; Грязнов, Комарова, 1992].

Исследования показали, что в комплексе IX слоя Улан-Хады преобладает керамика посольского типа с внутренним утолщением венчика. Сосуды простой закрытой формы, остродонные. Состав формовочной массы – глина в сочетании с песком. Внешняя поверхность сосудов – со следами выбивания рубчатой лопаточкой (штриховая) или с оттисками шнура; встречаются гладкостенные экземпляры. На внутренней поверхности ряда сосудов фиксируются ногтевые отпечатки, следы затирания и нагар. Толщина стенок сосудов 0,3–0,5 см, по утолщению венчика 0,7–1,2 см. Диаметры сосудов по венчику 16–33 см. На некоторых фрагментах зафиксирована многослойная структура черепка, с расслоением по горизонтальному излому, что свидетельствует о применении зонального лоскутного налета при конструировании сосуда. В изломе черепки одноцветные, в редких случаях – двуцветные.

Орнамент располагается по венчику (с внешней, реже – с внутренней стороны, по его срезу) и по верхней части тулова. Вдоль венчика, как правило, проходит поясок мелких отверстий. Орнаментация тулова состоит из горизонтальных рядов, выполненных: отступающей лопаточкой с прямоугольным или треугольным концом; оттисками прямоугольного или зубчатого штампа; прочерченной техникой. Часто от последнего ряда отходят короткие наклонные или прямые линии, выполненные тем же штампом, что и основной узор.

Сосуды с внешним утолщением венчика – остродонные, сложной, закрытой формы. Как и в предыдущем варианте, состав формовочной массы – глина + песок. Внешняя поверхность гладкая либо с штриховыми оттисками. На внутренней поверхности зафиксированы оттиски ногтей. Толщина стенок сосудов 0,3–0,4 см, по утолщению венчика – 0,8–1,1 см. Черепок в изломе одноцветный. Орнаментация покрывает верхнюю половину сосуда. Композиция орнамента и техника его нанесения аналогичны группе сосудов с внутренним утолщением венчика.

В единичных случаях встречаются фрагменты от сосудов посольского типа (с внешним или с внутренним утолщением венчика) с упрощенной схемой построения орнамента: без пояска мелких отверстий вдоль венчика; украшенные только пояском отверстий.

В группе керамики посольского типа отмечены сосуды без утолщения венчика. По всем остальным характерным признакам они соответствуют керамике посольского типа.

Выделяется группа керамики, сочетающая черты посольского (утолщение венчика налепом с внутренней стороны) и усть-бельского (по композиции, мотивам, технике нанесения орнамента) типов. Вероятно, их следует рассматривать как результат смешения двух керамических традиций.

Таким образом, на основе морфо-технологического анализа керамики посольского типа из IX слоя поселения Улан-Хада выявлены группы с внешним и с внутренним утолщением венчиков; намечается группа сосудов без характерного для посольской керамики утолщения. Отмечено преобладание сосудов с внутренним утолщением венчиков. Технологическая составляющая, как и композиция орнамента, у всех выделенных групп идентична. Поверхность сосудов – штриховая, шнуровая или гладкостенная. В технике декорирования использованы: отступающая лопаточка (с прямоугольным, треугольным и овальным концом), штамповые вдавления и прочерчивание. Исследованная керамика, с одной стороны, аналогична подобной керамике юга Средней Сибири в целом (по характерным, устойчивым признакам). С другой стороны, наметились некоторые региональные отличия: утолщение венчиков в двух вариантах; многообразие орнаментальных схем; выделена керамика, сочетающая черты посольского (утолщение венчика налепом с внутренней стороны) и усть-бельского (композиция, мотивы, техника нанесения орнамента) типов. Проведенные исследования керамики посольского типа с поселений восточного побережья Байкала (Катунь I, Окуневая IV, Посольская стоянка) показали, что выявленные на стоянке Улан-Хада особенности являются характерными не только для этой стоянки, но и для всего

побережья Байкала и Забайкалья [Горюнова, Мархаева, Новиков, 2019; Мархаева, 2020].

*Научный руководитель – А. Г. Новиков
канд. ист. наук, ст. преподаватель,
Иркутский государственный университет*

Список литературы

Горюнова О. И. Многослойные памятники Малого моря и о. Ольхон: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1984. 17 с.

Горюнова О. И. История исследования и значение первого в России многослойного георхеологического объекта Улан-Хада на Байкале (к 100-летию открытия) // Феномен георхеологической многослойности Байкальской Сибири. 100 лет Байкальской научной археологии. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2012. С. 10–21. (Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры; вып. 1).

Горюнова О. И. Керамический комплекс IX культурного слоя поселения Улан-Хада на Байкале (культурно-хронологическая принад-

лежность и датировка) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2016. Т. XXII. С. 47–50.

Горюнова О. И., Мархаева Д. А., Новиков А. Г. Керамика посольского типа с поселений побережья Чивыркуйского залива озера Байкал // Изв. Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15, № 3. С. 47–61.

Грязнов М. П., Комарова М. Н. Раскопки многослойного поселения Улан-Хада // Древности Байкала. Иркутск, 1992. С. 13–32.

Мархаева Д. А. Морфологический анализ керамики посольского типа с одноименной стоянки юго-восточного побережья озера Байкал (по материалам коллекции 1959 г.) // Материалы LX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Иркутск, 2020. С. 103–104.

Петри Б. Э. Неолитические находки на берегу Байкала (Предварительное сообщение о раскопках стоянки Улан-Хада) // Сб. МАЭ. 1916. Т. 3. С. 113–132.

Хлобыстин Л. П. Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале: (по материалам Б. Э. Петри) // КСИА. 1964. Вып. 97. С. 25–32.

Хлобыстин Л. П. Возраст и соотношение неолитических культур Восточной Сибири // КСИА. 1978. Вып. 153. С. 93–99.

Posolsky Pottery from the Multilayered Site Ulan-Khada on Lake Baikal

D. A. Markhaeva

The morphological and technological analysis of Posolsky type pottery from the IX cultural horizon of the multi-layered settlement Ulan-Khada, located on the western coast of Lake Baikal, is carried out. The characteristic and special features are highlighted. The analysis and comparison between groups of vessels with a thickening of the corolla on the inner and outer sides was carried out. A variant of the posolsky pottery without the characteristic thickening of the corolla is noted. The similarities between these groups (in terms of technology, motifs, and composition of the ornament) are revealed. The surface of the vessels is dotted, corded or smooth-walled. The decoration technique used: a receding spatula (with a rectangular, triangular and oval end), stamp indentations and drawing. Regional features of the posolsky pottery are marked: thickening of the corollas in two variants; variety of ornamental schemes; ceramics combining the features of the posolsky and Ust-Belsky types are highlighted. It is established that the identified features are typical for the entire coast of Lake Baikal.

Keywords: Baikal, Neolithic, Ulan-Khada, pottery, Posolsky type, Ust-Belsky type, morpho-technological analysis.

Мархаева Дарима Андреевна

студент 4-го курса
Иркутский государственный университет
e-mail: darimamarhaeva@gmail.com

Markhaeva Darima Andreevna

Student 4th year
Irkutsk State University
e-mail: darimamarhaeva@gmail.com

УДК 903.01(470.314)

Предварительный анализ остеологической коллекции стоянки Поповский Луг за 2001–2002 годы

М. А. Иванова

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

В 1948 г. Павел Павлович Хороших с группой студентов Иркутского педагогического института собрал подъемный материал на одном из участков памятника Поповский Луг. С 1960-х гг. работы на объекте были возобновлены силами Иркутского областного музея краеведения и Иркутского государственного университета под руководством М. П. Аксенова [Аксенов, 1972, 1973]. В эти годы памятник назывался «Нефтебазой» и «Макаровским лугом». Наименование «Поповский Луг» является самоназванием и пришло от местных жителей.

В начале 2000-х гг. после продолжительного перерыва работы на объекте были возобновлены силами лабораторий археологии Иркутского государственного педагогического университета при участии студентов-практикантов исторического факультета под руководством В. М. Ветрова. Археологическое местонахождение расположено в Качугском районе Иркутской области, на правом берегу р. Лены на первой надпойменной 6–8 м аккумулятивно-цокольной террасе, в 4 км ниже п. Качуг [Ветров, 2003; Шергин, 2010].

Целью нашей статьи является предварительный анализ фаунистических материалов эпохи неолита стоянки Поповский Луг за 2001–2002 гг., так как они являются одним из важнейших источников изучения памятников археологии. Из имеющейся коллекции была сделана выборка наиболее определимых костей. Основная масса – кости разной степени сохранности: челюсти, черепа, пяст-

ные, трубчатые кости. Важным компонентом исследования также является рассмотрение способов разломов трубчатых костей. Основной проблемой анализа фаунистических материалов является природа воздействия (естественное, антропогенное). В дальнейших исследованиях по типу воздействия мы сможем проследить способы расщепления кости, связанные с извлечением костного мозга или модификацией в возможное орудие. Это поможет оценить полноту охотничьей деятельности древнего населения и провести реконструкцию хозяйственного уклада.

В ходе изучения всей коллекции фаунистических остатков удалось проследить видовой состав. Наиболее часто выявлялись кости козули. Кроме того, встречались фрагменты челюсти соболя (*Martes zibellina*), кости птиц, фрагменты челюстей и черепов собак (*Canis lupus familiaris*). При проведении предварительного анализа нами были использованы методы классификации и сравнения [Антипина, 2004]. В методы входили:

1. Сбор материала.
2. Таксономическая идентификация и фиксация дополнительной информации.
3. Статистические данные.
4. Минимальный объем выборки для количественного анализа.
5. Оценка для количественного анализа соотношения видов.
6. Интерпретация результатов.

7. Публикация результатов.

Началом исследования послужил процесс ручной переборки материала. На данном этапе происходила непосредственная работа с рецентной коллекцией для наиболее точного определения принадлежности костей к определенному виду [Бобринский, Кузнецов, Кузякин, 1965]. Была составлена таблица материала, которая наиболее явно отражает видовой состав стоянки (табл.). Следующим этапом исследования являлось выделение из общего количества костей (7962 ед.) наиболее определимых для произведения минимального объема выборки для количественного анализа, число выборки составило 169 фр. Исходя из этих данных, самым преобладающим видом является косуля (*Capreolus*).

Таблица
Количественный анализ стоянки Поповский Луг

Определение	Кол-во ед.
Кость птицы	1
Лопатка косули	19
Ребро косули	3
Челюсть косули (верхняя)	26
Челюсть косули (левая)	21
Челюсть косули (нижняя)	32
Челюсть косули (правая)	37
Челюсть собаки	3
Челюсть соболя	2
Череп косули	24
Череп собаки	1
Неопределимые фрагменты	7793
Общее количество фрагментов	7962

Далее фиксировались особенности костей, такие как погрызы, сломы. В большинстве случаев челюсть косули сломана в нескольких частях, как правило, отсутствует челюстной угол и часть с подбородочным отверстием. Иногда встречались части челюсти только с суставным отростком нижнечелюстной кости и с мышечным отростком. Такое обнажение ветви нижней челюсти говорит о добыче костного мозга. Череп разломаны по швам, иногда встречается носовая кость и носовая часть лобной доли. Роговые отростки на черепах, так называемые пеньки, ровные, что свидетельствует о том, что они были сброше-

ны. Косули ежегодно сбрасывают рога перед зимой, в октябре-декабре. Этот факт помогает нам примерно установить, когда животное было убито. Лишь в двух случаях рога были сломаны. Интерес также представляют обнаруженные черепа двух особей собак. Хорошо сохранились теменная и межтеменная кости, затылочный гребень, затылочная кость, часть височной кости, затылочные мышечки и яремный отросток. Удалось определить, что затылочный мышечлок подвержен некой деформации, причиной которой, вероятно, является неправильное формирование плода в процессе эмбриогенеза.

В заключение следует отметить, что на объекте не выявлено костей шейного, поясничного отделов, костей таза. Таким образом, это может свидетельствовать о том, что туши животных разделялись на месте охоты, а на стоянку приносились только нужные части. В результате первичной обработки остеологической коллекции стоянки Поповский Луг установлено, что основная масса материала имеет большую степень фрагментированности и в основном представлена трубчатými костями нижних конечностей животных.

Научный руководитель – Д. Л. Шергин
ст. преподаватель кафедры истории и методики,
Педагогический институт,
Иркутский государственный университет

Список литературы

- Аксенов М. П. Исследования в долине р. Лены // АО 1971 г. М., 1972. С. 254–255.
Аксенов М. П. Исследования на р. Лена // АО 1972 г. М., 1973. С. 196–197.
Антипина Е. Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России: к столетию со дня рождения В. И. Цалкина. М.: Языки славянской культуры, 2004. 222 с.
Бобринский Н. А., Кузнецов Б. А., Кузякин А. П. Определитель млекопитающих СССР. М.: Просвещение, 1965. 346 с.
Ветров В. М. Стратиграфия стоянки Поповский Луг. К вопросу о времени зарождения керамического производства на Верхней Лене // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее. Иркутск, 2003. С. 49–53.
Шергин Д. Л. К истории исследования стоянки Поповский Луг на Верхней Лене // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ, 2010. С. 56–60.

Preliminary Analysis of the Osteological Collection of the Site Popovsky Lug for 2001–2002

M. A. Ivanova

This article is a preliminary analysis of the faunal remains of the site Popovsky Lug for 2001–2002. From the available collection, a sample of the most definable bones was selected, and tables were compiled. The main mass is bones of various degrees of preservation: jaws, skulls, metacarpal bones, tubular bones. An important point of research, also, is to consider the ways of fracturing the tubular bones. In further research, by the type of fracture, we will be able to trace the ways in which the bone is split to extract the bone marrow and turn the treated bone into a possible tool. This will help to assess the completeness of the hunting activity of the ancient population and to reconstruct the economic structure.

Keywords: bones, roe deer, site, Popovsky Lug, zooarchaeology.

Иванова Мария Алексеевна

студент 3-го курса

Иркутский государственный университет

e-mail: ivamar@internet.ru

Ivanova Maria Alekseevna

Student 3rd year

Irkutsk State University

e-mail: ivamar@internet.ru

Вкладышевый кинжал из коллекции могильника Фофаново в контексте концепции «технологий престижа»*

Т. Е. Ростяженко

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 18-78-10079)

Интерес к социальной интерпретации археологического материала значительно возрос за последние десятилетия [Гуляева, 2006; Матвеева, 2007; Renfrew, Bahn, 2016; Умеренкова, 2017; и др.], а появляющиеся новые концепции требуют подтверждения фактическим материалом. Одна из таковых – концепция «технологий престижа», которую ввел в научный оборот канадский археолог Брайан Хэйден [Hayden, 1998].

Социальная дифференциация является неотъемлемым атрибутом любого общества, начиная, по крайней мере, с эпохи неолита [Ольховский, 1995]. Исследователи рассматривают современное социальное пространство в двухмерной системе координат, содержащей вертикальное и горизонтальное проецирование. Если горизонтальное в традиционных обществах включало половозрастное разделение, то вертикальное отражало деление социальное, имущественное и профессиональное [Умеренкова, 2017]. Проблема социальной интерпретации в древних обществах включает поиск маркеров, на которые может опереться исследователь при ее решении. Одним из них может стать концепция «технологий престижа». Согласно концепции, целью создания престижных артефактов является не выполнение определенной практической задачи, а решение проблемы социального характера – демонстрации богатства, успеха, престижа, власти [Hayden, 1998]. В связи с этим, не следует путать престижный предмет и статусный предмет – первый касается исключительно вертикального проецирования социального пространства древнего общества, в то время как статус человека может характеризоваться его полом и возрастом. Демонстрация престижного предмета важнее его «практической» функции. Через демонстрацию престижного предмета (будь то разовая, периодическая или постоянная) происходит накопление индивидом престижа. Престиж относится к типу уважения, почтения, которое приобретается не через насильственные методы, что присуще исключительно людскому социальному ранжированию. При этом источником престижа может стать как владение самим «престижным» предметом, так и навыком и/или знанием в области, касающейся его производства. Конкретная ссылка на навык – это то, что отличает предмет престижа от других символов богатства, успеха, статуса [Mind the gap ... , 2009, p. 141]. Также стоит добавить, что этнографические и исторические данные свидетельствуют о том, что системы престижа составляют «человеческую универсалию» [Там же, p. 152]. Многие люди хотя бы имитировать поведенческие и материальные проявления богатых людей. Г. Кларк [Clark, 1986, p. 82] рассматривает данное желание подражать успеху как адаптивное в дарвиновском смысле.

Фофановский могильник находится в 0,5 км от дер. Фофаново, на правом берегу р. Селенги, в Кабанском районе Республики Бурятия. Памятник был открыт в 1926 г. А. П. Окладниковым. Работы на могильнике проводились М. М. Герасимовым в 1936 и 1959 гг., А. П. Окладниковым в 1948 и 1950 гг., В. П. Коневым в 1987–1991 и 1996 гг., с 2007 г. – Е. Д. Жамбалтаровой [Лбова, Жамбалтарова, Конев, 2008]. Могильник является одним из крупнейших погребальных комплексов на территории Байкальского региона и включает в себя несколько разновременных

групп погребений от раннего неолита до бронзового века. В течение раскопок 1980–1990-х гг. под руководством В. П. Конева было исследовано 17 погребений, которые содержали богатый археологический материал.

Погребение № 11 содержало богатый погребальный инвентарь: набор украшений из кальцита, клыков кабана, косули, табаргана; костяную зооморфную скульптуру; многочисленные заготовки из расколотых трубчатых костей животных и птиц; костяные нож и проколку; коготь медведя; нижнюю челюсть мелкого грызуна; более тысячи мелких бусин. По костям погребения получена радиоуглеродная дата – 6600±100 л. н. [Лбова, Жамбалтарова, Конев, 2008]. Особый интерес для нас представляет вкладышевый кинжал (острие) с полным набором вкладышей (инв. номер – МБНЦ 295). Орудие представляет собой длинную костяную основу, которая утончается к концу, образуя острие. Его длина – 248 мм, по ней орудие сужается с одного конца на другой от 25 мм до 1 мм. Толщина варьируется от 1 до 9 мм. На насаде орудия видны следы двух сколов. По обеим сторонам орудие имеет пазы глубиной 1–2 мм для размещения пластинок. Всего сохранилось 14 микропластинок со следами аккуратно и искусно выполненной зубчатой ретуши. Вкладыши изготовлены из кремнистого материала серовато-бежевого цвета.

Трасологический анализ, проведенный П. В. Волковым, показал, что одной из особенностей рассматриваемого орудия является его тщательная отделка, которая не требовалась для прямого выполнения его производственных задач. Параллельные линейные следы свидетельствуют о том, что орудие преимущественно использовалось для забоя, закалывания животных, а с учетом его относительной хрупкости оно должно было двигаться медленно. Такое возможно лишь при добывании раненого или пойманного в ловушку зверя [Волков, Жамбалтарова, 2011].

Вкладышевые орудия распространены на многих неолитических памятниках Восточного Забайкалья и Прибайкалья (Фофановский, Молдовский, Пономаревский, Исаковский могильники и т. д.) [Окладников, 1950; Ивашина, 1979; Лбова, Жамбалтарова, Конев, 2008]. В большинстве своем это однолезвийные вкладышевые ножи, но часто встречаются и обоюдоострые орудия примерно одинакового размера: два костяных кинжала, найденных в погребениях 3 и 4 в ходе раскопок 2008 г. Фофановского могильника [Волков, Жамбалтарова, 2011]; вкладышевый кинжал из Молдовского могильника, сделанный из ребра животного [Лбова, Жамбалтарова, Конев, 2008]; два вкладышевых кинжала, найденных в Пономаревском могильнике [Окладников, 1950]. О распространении орудий такого типа в период неолита говорит также большое количество ретушированных пластин-вкладышей, найденных на различных памятниках Восточного Забайкалья [Ивашина, 1979].

Характеристики кинжала, его технологическое оформление, уникальность предмета позволяют отнести его как минимум к двум индикаторам, характеризующим технологии престижа в археологических контекстах: искусно выполненные орудия и предметы, найденные в богатых погребениях. Это дает основания предположить, что фофановский кинжал предназначался для человека с осо-

бым статусом в группе, а значит, являлся предметом престижного характера.

Фотографии и описание предмета опубликованы в открытом доступе в информационной системе «Древнейшее искусство Сибири и Дальнего востока», находящейся по адресу <http://mobileart.artemiris.org/>.

*Научный руководитель – Л. В. Лбова
д-р ист. наук, профессор, кафедра археологии и этнографии,
Гуманитарный институт,
Новосибирский государственный университет*

Список литературы

Волков П. В., Жамбалтарова Е. Д. Кинжалы Фофановского могильника (из коллекции музея Бурятского научного центра СО РАН) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 4 (48). С. 22–28.

Гуляева Н. П. Социальные реконструкции в археологии: проблема глазами социолога // Теория и практика археологических исследований. 2006. С. 193–215.

Ивашина Л. Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. Новосибирск: Наука, 1979. 155 с.

Лбова Л. В., Жамбалтарова Е. Д., Конев В. П. Погребальные комплексы неолита – раннего бронзового века Забайкалья (формирование архетипов первобытной культуры). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. 248 с.

Матвеева Н. П. Реконструкция социальной структуры древних обществ по археологическим данным. Тюмень: ТюмГУ, 2007. 207 с.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Ч. 1 и 2. 412 с. (МИА; № 18.)

Ольховский В. С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // Российская археология. 1995. № 2. С. 85–98.

Умеренкова О. В. К проблеме социальной реконструкции общества (на основе анализа украшений) // Теория и практика археологических исследований, 1. 2017. Т. 18, № 2. С. 152–163.

Clark G. Symbols of excellence: precious materials as expressions of status. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 126 p.

Hayden B. Practical and Prestige Technologies: The Evolution of Material Systems // Journal of Archaeological Method and Theory. 1998. Vol. 5, N 1. P. 1–55.

Mind the gap: Tracing the origins of human universals / Ed. by Kappler P. M., Silk J. B. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 2009. 503 p.

Renfrew C., Bahn P. Archaeology. Theories methods and practice. Cambridge: Thames and Hudson, 2016. 672 p.

The Insert Dagger from Fofanovo Burial Ground Collection in the Context of the Prestige Technologies Concept

T. E. Rostyazhenko

Interest in the social interpretation of archaeological material has grown significantly in recent decades, and emerging new concepts require confirmation by factual material. One of them is the “prestige technologies” concept. In this article, we assume that the unique bone insert dagger from Fofanovo burial ground collection can be considered as an item of prestige technologies. The item was found in the 11th burial with typical for Neolithic time objects. It has a carbon date 6600±100 years BP. Giving a description of the dagger, the results of its technological and traceological analysis, a number of analogies, we presume that the item can be attributed to at least two indicators of prestige technologies in archaeological contexts. So, it could be used by a person with a special status in the group, and therefore, be a prestige item.

Keywords: prestige technologies, Neolithic, dagger, insert tool, Transbaikalia.

Ростяженко Татьяна Евгеньевна

магистрант 1-го года обучения
Новосибирский государственный университет
e-mail: miss.oldman2017@yandex.ru

Rostyazhenko Tatyana Evgenievna

Graduate student 1st year
Novosibirsk State University
e-mail: miss.oldman2017@yandex.ru

УДК 903.01(571.63)"634"

Каменная индустрия прибрежных памятников позднего неолита Приморья: по материалам памятников Русский-Аякс-1 и Бойсмана-2

О. И. Щипун

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

Памятники Русский-Аякс-1 и Бойсмана-2 являются прибрежными многослойными памятниками, содержащими горизонт зайсановской культуры. Цель работы – выявить различия и общие черты в каменном инвентаре в зависимости от локализации памятника.

Русский-Аякс-1 расположен на о. Русский, данный памятник является двухслойным, представлен двумя археологическими культурами: зайсановской (поздний неолит) и янковской (ранний железный век) [Лазин, 2010, с. 147–149]. Археологический памятник Бойсмана-2 расположен на р. Рязановка в 0,5 км от бухты Бойсмана. Памятник является многослойным и представлен следующими археологическими культурами: янковской, зайсановской и бойсманской (средний неолит) [Крупяно, Попов, 1992, с. 46–48].

Общая площадь раскопа на памятнике Русский-Аякс-1 составляет 600 м², мощность культуросодержащего слоя – от 10 до 32 см [Попов, 2010, с. 6–7]. Общая площадь раскопа на памятнике Бойсмана-2 – 136 м², мощность культуросодержащего слоя – до 110 см.

На Русском-Аяксе-1 каменный инвентарь распространен по площади раскопа (всего 84 экз.), наибольшая концентрация наблюдается возле древнего котлована хозяйственно-бытовой постройки. Каменный инвентарь на Бойсмана-2 (всего 83 экз.) образовывал 5 дискретных комплексов [Крупяно, Попов, 1993, с. 6–10].

На Русском-Аяксе-1, согласно данным стратиграфии и планиграфии, удалось выявить временную стоянку с хозяйственно-бытовой постройкой, на Бойсмана-2 не обнаружено построек, только скопления каменного инвентаря и следы очага.

На памятниках в качестве сырья для изготовления орудий использовались обсидиан, кремнистые породы, сланец, яшмоиды.

Орудия с минимальной обработкой или без нее

Отбойники на Бойсмана-2 (2 экз./2,4 %) и на Русском-Аяксе-1 (2 экз./2,3 %) представлены круглыми или удлиненными гальками с поврежденными поверхностями на концах и боковых сторонах.

Ложила на Бойсмана-2 (5 экз./4,8 %) и на Русском-Аяксе-1 (9 экз./10,7 %) представлены удлиненными гальками без дополнительной обработки. Следы использования зафиксированы на боках и уплощенных поверхностях.

Абразивы (Русский-Аякс-1 – 6 экз./7,1 %, Бойсмана-2 – 2 экз./2,4 %) на обоих памятниках представляют собой плитки мелко- и крупнозернистого песчаника со следами использования, углублениями, однонаправленными желобками сработанности на уплощенных поверхностях.

Грузила (Русский-Аякс-1 – 2 экз./2,3 %, Бойсмана-2 – 38 экз./45,7 %) представлены на обоих памятниках уплощенными гальками с оббивкой на противоположных концах.

Куранты на памятниках (Русский-Аякс-1 – 1 экз./1,1 %, Бойсмана-2 – 1 экз./1,2 %) выполнены на продолговатых гальках с уплощенной от использования боковой стороной, с однонаправленными царапинками использования.

Для пестов на Русском-Аяксе-1 (3 экз./3,5 %) использовались обломки продолговатых галек, рабочая поверхность одна или две, округлая в плане, имеет выраженные следы сработанности, характерные для орудий по измельчению твердого материала, по бокам имеются следы шлифовки.

Обломок зернотерки (Русский-Аякс-1 – 1 экз./1,1 %), с характерным углублением от края к середине орудия и однонаправленными царапинками и желобками на поверхности, предназначен для растирания как злаковых, бобовых или орехов, так и других материалов.

Многофункциональное орудие на памятнике Русский-Аякс-1 (1 экз./1,1 %) представлено галькой со следами сработанности на уплощенной поверхности и забитости на концах, что указывает на разнообразное применение орудия.

Чашечные камни, найденные на Русском-Аяксе-1 (2 экз./2,3 %), представлены крупными кусками породы с выемками округлой формы на уплощенной поверхности.

На памятнике Русский-Аякс-1 выделяется категория аморфных изделий (5 экз./5,9 %) из камня. Изделия нельзя причислить к орудиям. Некоторые исследователи определяют подобные изделия как скульптурные изображения животных [Бродянский, 2007, с. 5–9]. Фигурки затерты, изготовлены на плоских гальках, форма придана оббивкой.

Ретушированные орудия и орудия с оббивкой

Скрепки (Русский-Аякс-1 – 5 экз./5,9 %, Бойсмана-2 – 2 экз./2,4 %) изготавливались на отщепках, рабочий край обрабатывался мелкой краевой ретушью.

Режущие орудия (Бойсмана-2 – 13 экз./15,6 %) изготавливались на отщепках и на сланцевых плитках. Рабочий край обрабатывался оббивкой или ретушью, следы сработанности и обработка орудия говорят о режущих функциях орудия.

Наконечники стрел на Русском-Аяксе-1 (32 экз./38 %) и на Бойсмана-2 (2 экз./2,4 %) изготавливались из кремня и обсидиана. Ретушированные стрелы удлиненно-линовидные и удлиненно-треугольные с прямым или вогнутым насадом, в сечении линзовидные, ретушь чешуйчатая, двухсторонняя и покрывает всю поверхность изделия.

На памятнике Бойсмана-2 следует отметить мотыгообразное изделие (1 экз./1,2 %) из плиточного сланца с двухсторонней оббивкой по бокам и следами использования. Орудие использовалось для земляных работ.

Шлифованные орудия

На памятнике Бойсмана-2 были найдены шлифованные рубящие орудия (5 экз./4,8 %): топоры, тесла, долота. Тесла представлены массивными изделиями с зашлифованной поверхностью и плоским острием на конце, обработанным более тщательной шлифовкой. Тесло в плане трапециевидное, в поперечном сечении овальное, симметричное. Топоры в сечении линзовидные, шлифованные, с сильно забитыми лезвиями. Также встречаются обломки (Бойсмана-2 – 6 экз./7,2 %) шлифованных орудий, по кото-

рым точно нельзя определить, какую функцию они выполняли [Семенов, 1957, с. 89–90; 1968, с. 76–80].

Шлифованные наконечники стрел на Русском-Аяксе-1 (15 экз./17,8 %) и на Бойсмана-2 (1 экз./1,2 %) изготавливались из кремня и обсидиана, удлиненно-линовидные и удлиненно-треугольные, без насада, в сечении – линзовидные, шлифовка двухсторонняя, направленная к лезвию по обе стороны.

Различия в каменном инвентаре прибрежных памятников Русский-Аякс-1 и Бойсмана-2 следующие: по концентрации материала стоянка на Бойсмана-2 использовалась людьми дольше, чем стоянка на Русском-Аяксе-1. По наличию котлована хозяйственно-бытовой постройки на Русском-Аяксе-1 была сезонная стоянка. По орудиям в каменном инвентаре преобладающим видом деятельности на Русском-Аяксе-1 была охота, на Бойсмана-2 – рыболовство.

Сходство в каменном инвентаре наблюдается в используемом сырье, выделяемых категориях и самих орудиях внутри категорий.

Каменный инвентарь памятников Русский-Аякс-1 и Бойсмана-2 принадлежит одной археологической культуре позднего неолита – зайсановской [Андреев, 1957, с. 123–128; Вострецов, 1998, с. 208–211]. Различия в каменном инвентаре связаны с местоположением и типом памятников, длительностью пребывания там людей и их хозяйственной деятельностью.

*Научный руководитель – А. Н. Попов
канд. ист. наук, доцент,*

*департамент истории и археологии,
Школа искусств и гуманитарных наук,
Дальневосточный федеральный университет*

Список литературы

Андреев Г. И. Поселение Зайсановка I в Приморье // Сов. археология. 1957. № 2. С. 121–145.

Бродянский Д. Л. Каменная скульптура и мелкая пластика в неолите и палеометалле Приморья // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул, 2007. Вып. 3. С. 5–9. (Тр. САИПИ).

Вострецов Ю. Е. Археологические материалы поселений Заречье-1, Зайсановка-3,4, Ханси-1, Бойсмана-1 // Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана. Владивосток, 1998. С. 30–122.

Крупяно А. А., Попов А. Н. Отчет о спасательных археологических раскопках на памятнике Бойсмана-II, Хасанский район Приморья, в 1991 году. Архив МАЭ УНМ ДВФУ. Владивосток, 1992. № 13. 55 с.

Крупяно А. А., Попов А. Н. Отчет о спасательных археологических раскопках на памятнике Бойсмана-II (Хасанский район Приморья) в 1992 году. Архив МАЭ УНМ ДВФУ. Владивосток, 1993. № 15. 46 с.

Лазин Б. В. Неолитический комплекс многослойного памятника Русский-Аякс в г. Владивостоке (предварительные данные) // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология: материалы докл. V (L) Рос. (с междунар. участием) археол.-этнограф. конф. студ. и мол. ученых. Иркутск, 2010. С. 147–149.

Попов А. Н. Охранно-спасательные археологические исследования (раскопки) археологического памятника Русский-Аякс-1 на о. Русский (г. Владивосток): отчет // Архив МАЭ УНМ ДВФУ. Владивосток, 2010. № 82. 728 с.

Семенов С. А. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.: Изд-во АН СССР, 1957. 240 с.

Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л.: Изд-во АН СССР, 1968. 358 с.

Lithic Industry of Zaisanovskaya Culture's Coastal Sites in Primorye

O. I. Shchipun

This paper considers the lithic inventory of the coastal sites – Russki-Ajax-1 and Boismana-2. These sites contain the layer of Zaisanovskaya archaeological culture (Late Neolithic) of the Primorsky region. Similarities and differences in stone inventory depending on location of the site were revealed during the analysis of Zaisanovskaya culture lithic tools complex. The similarity of lithic inventory of the sites is identified primarily in raw materials, categories of tools and the tools itself within the categories, which is because the lithic inventory belongs to the same archaeological culture. The differences in the lithic inventory are related to the location of the site, the type of site, duration of settlement's existence and economic activities.

Keywords: Zaisanovskaya culture, Late Neolithic, stone inventory, continental site, island site.

Щипун Олеся Игоревна

студент 3-го курса
Дальневосточный федеральный университет
e-mail: olesya.shchipun@mail.ru

Shchipun Olesya Igorevna

Student 3rd year
Far Eastern Federal University
e-mail: olesya.shchipun@mail.ru

Археологическое наследие Венесуэлы: антропоморфная пластика в доиспанских культурах

О. А. Корякина

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

«Маленькая Венеция», или Венесуэла, – такое название дал Америго Веспуччи новой территории, так как поселение индейцев, которое первым увидела экспедиция под руководством Алонсе де Охеда, было построено на сваях над водой, напоминая тем самым Венецию. На севере берега Венесуэлы омывают Атлантический океан и воды Карибского моря. Рельеф и ландшафт территории представлены такими зонами, как Северные Анды, Маракайбская низменность и Гвианское нагорье, а также льянос – равнинами в бассейне рек Апуре и Ориноко. На большей части Венесуэлы преобладает тропический климат, в горной местности – ближе к умеренному.

В 1940-х гг. авторы первого общенационального археологического исследования – К. Осгуд и Г. Д. Ховард определили Венесуэлу как регион, в котором переплетаются различные макрорегиональные культуры [Antczak, Urbani, Antczak, 2017]. В течение второй половины XX в. были реализованы несколько масштабных археологических проектов, связанных с именем Хосе Крусана. Совместно с американцем И. Роузом им написаны работы, посвященные археологии Венесуэлы, на английском и на испанском языках. В конце 1960-х – начале 1970-х гг. возникает новое направление в археологии Венесуэлы – социальная археология, – одними из представителей которого являются М. Саноха и И. Варгас-Аренас [Там же]. Новаторами археологических исследований на прибрежных венесуэльских островах Карибского бассейна, которые проводились в 1980-х гг., были Анджей и Марлен Антачак. Большой вклад в изучение региона внесли также А. Зуччи и Э. Вагнер.

В отечественной науке археологическому наследию Венесуэлы должного внимания пока не уделено, однако будет неправильно сказать, что никакой информации и сведений нет. Например, в современной отечественной литературе дается краткое описание памятников Муако и Тэйма-Тэйма, указывающих на раннее присутствие человека в регионе. Памятники расположены на севере Венесуэлы, в долине р. Педрегалль и в районе Эль-Хобо; в начале 1960-х гг. здесь проводили раскопки И. Роуз и Х. М. Круксан. Радиоуглеродное датирование останков животных на памятнике Муако указало возраст 14–16 тыс. л. н., а Тэйма-Тэйма – 13 тыс. л. н. [Табарев, 2006]. Для советской литературы характерен общий обзор истории Венесуэлы, ее этнический состав, экономика. Кроме этого, Э. Л. Нитобург – советский ученый-американист – написал главу для монографии, посвященную постепенному развитию венесуэльской нации [Этнические процессы в странах ... , 1981].

Доколумбовые культуры на территории современной Венесуэлы формировались под влиянием двух векторов: 1) с запада – из Месоамерики и Анд; 2) с востока – из низменности и карибской периферии [The Handbook ... , 2008, p. 429]. В соответствии с этим территория Венесуэлы подразделяется на семь основных культурно-исторических областей: 1) бассейн оз. Маракайбо; 2) Андский регион; 3) северо-запад Венесуэлы; 4) высокие западные равнины; 5) центрально-прибрежный регион: долина р. Арагуа, бассейн оз. Валенсия, долина Каракас; 6) восточный регион разделен на два субрегиона: а) бассейн р. Ориноко; б) северо-восток Венесуэлы [Sanoja, Vargas-Arenas, 1999, p. 19].

Историю Венесуэлы в обобщающих работах делят на четыре эпохи: Палеоиндейскую, Мезоиндейскую, Неоин-

дейскую и Индоиспанскую. Со второй эпохи используется подразделение на периоды – к Мезоиндейской эпохе относятся I период (V–I тыс. до н. э.), к Неоиндейской – II (I тыс. до н. э. – 350 г. н. э.), III (350–1000 гг. н. э.) и IV периоды (1000–1500 гг. н. э.). К Индоиспанской эпохе относится V период (после 1500 г.). Термин «серия» включает в себя два других понятия – «традиция» и «горизонт» – постепенное развитие стиля или комплекса, а также их распространение на другие области, что приводит к появлению сходных культур. Всего венесуэльских серий (традиций) несколько – Dabajuroid, Tocuanoïd, Tierroid, Barrancoïd, Arauquinoïd, Valencioïd, Ocumaroïd, Memoid, Saladoïd, Guayabitoïd. Помимо этого, есть самостоятельные стили, не принадлежащие к определенной серии, – Rio Guaro, La Pitia, Santa Ana [Crucent, Rouse, 1963].

Особый интерес представляет антропоморфная пластика. Размер фигурок варьируется от 3,5 до 17 см, некоторые экземпляры достигают высоты 58 см. [Antczak, Antczak, 2011]. Характерные черты: форма глаз и тела, которые меняются в зависимости от серии или могут иметь общие черты из-за влияния одной традиции на другую. Так, например, для серии Dabajuroïd типичны уши зоморфного или геометрического характера, а также глаза в форме кофейных зерен. Такая форма глаз типична и для Valencioïd, однако основной особенностью женских фигурок являются головы в форме каноз [Crucent, Rouse, 1963].

Основная палитра фигурок – красный и черный на белой (иногда на серой) поверхности. Например, это характерно для стилия Santa Ana, так как многие найденные артефакты, в том числе и фигурки, были расписаны в красный и черный цвета на белой или серой поверхности. Также упомянутые цвета характерны и для серии Tocuanoïd, но отличительная черта этой традиции – высокая проработанность оформления поверхности [Antczak, Antczak, 2011].

Следует отметить, что выделяют два основных типа фигурок, относящихся к разным регионам (район Трухиджо, Анды – стиль Santa Ana, центральная и восточная Венесуэла – серия Barrancoïd), но существовавшие в одном периоде: 1) женские, на которых вырисовываются черты бедер, груди, беременности, что может указывать на культ плодородия; 2) шаманские, так как они изображают жесты и одежду, используемые в ритуалах или церемониях шаманами и вождями коренных народов, что подтверждается как источниками колониального периода, так и современными наблюдениями. Кроме этого, мужские фигурки обычно изображены сидящими на табурете и держащими чашу [Там же]. Женские фигурки примечательны еще и тем, что могут выполнять ритуальные действия: игру на музыкальном инструменте, ношение масок. На фигурках также изображаются различные украшения – узоры, ожерелья, перья (встречается также деформация тела) [Jaffé, 2018]. Примечательно, что стиль Santa Ana напоминает чертами две серии – Barrancoïd и Tocuanoïd [Crucent, Rouse, 1963].

На протяжении второй половины XX – начала XXI в. на территории Венесуэлы и ее Карибских островах проводились интенсивные археологические исследования, которые дали обширную информацию о древней истории этого региона. Тем не менее обширный материал по изучению духовной и социальной жизни Венесуэлы в доколумбовый период предоставляет антропоморфная пластика – важный культурный источник, который должен рассматриваться в

совокупности с другими керамическими изделиями и по отдельности как самостоятельный источник.

*Научный руководитель – А. В. Табарев
д-р ист. наук, ведущ. науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Список литературы

Табарев А. В. Введение в археологию Южной Америки. Анды и тихоокеанское побережье. Новосибирск, 2006. 243 с.

Этнические процессы в странах Южной Америки / отв. ред. И. Ф. Хорошева, Э. Л. Нитобург. М.: Наука, 1981. 514 с.

Antczak A., Antczak M. M. Their world in clay: the art of pre-hispanic Venezuela // *Ancient American Art 3500 BC – AD 1532*. 5 Continents Editions. Milan, 2011. P. 173–179.

Archaeological Heritage of Venezuela: Anthropomorphic Figurines in pre-Hispanic Cultures

A. O. Koryakina

Venezuela is a unique region with a great archaeological heritage. Archaeological research in Venezuela began in the second half of the 20th century. The main researchers for this region are M. J. Cruxent, M. Sanoja and I. Vargas-Arenas, E. Wagner, A. Zucchi. The main researchers of the Venezuelan islands of the Caribbean are A. Antchak and M. M. Antchak. During this time, a large amount of information was obtained about the ancient history of Venezuela: from the first evidence of human presence in the region to the Spanish conquests. Based on the material obtained, the history of Venezuela was divided into four epochs. However, anthropomorphic figurines are one of the most important archaeological materials that provide important information about the spiritual and social life of pre-Colombian Venezuela.

Keywords: Venezuela, site, epoch, series, style, anthropomorphic figurines.

Корякина Ольга Алексеевна

студент 2-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: o.koryakina@g.nsu.ru

Koryakina Olga Alekseevna

Student 2nd year

Novosibirsk State University

e-mail: o.koryakina@g.nsu.ru

УДК 903.02(8)

Древнейшая керамика Эквадора, комплексы Вальдивия и Сан-Педро (иконографический аспект)

Н. Н. Ковалева

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Керамический комплекс Вальдивия, первоначально обнаруженный американским археологом Эмилио Эстрада в 1956 г. в прибрежной провинции Гуаяс в Эквадоре, относится к формативному периоду региона (5500–2500 л. н.), для которого уже на ранних этапах характерны земледельческие навыки и развитые технологии гончарства [Табарев, 2016, с. 111]. В связи с этим встал вопрос о месте возникновения керамических традиций: зародилась ли технология производства керамики на территории Эквадора или была импортирована из других мест. Поиск истоков южноамериканских традиций изготовления керамики важен для понимания, как развивались разные культуры по обе стороны Тихого океана, и, в частности, может оказаться полезным для дальневосточных исследователей Дальнего Востока [Табарев, 2011, с. 16].

Отсутствие на Южноамериканском материке предшественника комплекса Вальдивия, которая с самого начала отличается развитой технологией изготовления и сложной орнаментацией, а также сходство иконографии с японской керамикой среднего дзэмона привели к версии ее японского происхождения и многолетним дискуссиям по этому поводу [Meggers, Evans, Estrada, 1965, p. 158].

В 1970–1980-х гг. керамика вальдивия была обнаружена на других пунктах. Наиболее яркими из них являются памятники Лома Альта и Реаль-Альто. В 2014, 2015, 2017 гг. работы на памятнике Реаль-Альто проводились командой российских археологов из ДВФУ (г. Владивосток), ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск) и Института археологии РАН (г. Москва). Исследования проводились совместно с эквадорскими и японскими коллегами. Важным открытием российских ученых явились находки керамики Сан-Педро на контакте бескерамического и раннекерамического горизонта [Табарев, 2018, с. 9]. Ранее при работах

на памятнике Вальдивия исследователи Х. Бишоф и Дж. Витери обнаружили подобные единичные фрагменты керамики, явно другой культурной традиции и дали ей название «Сан-Педро» [Bischof, Viteri, 1972, p. 548].

На памятнике Реаль-Альто, согласно ¹⁴C-датированию, возраст керамики Сан-Педро составил 4640±20 л. н., а ранняя Вальдивия на этом же памятнике датируется чуть более поздним временем (4620–4450 л. н.) [New data ... , 2019, p. 5]. Находка двух керамических традиций, обнаруженных на одном памятнике, позволяет сопоставить их и провести сравнительный анализ.

Вальдивийская керамика обычно бывает толстой (6–12 мм), цвет красный, красно-коричневый, бордовый [Meggers, Evans, Estrada, 1965, p. 223]. На ранних фазах (5500–4300 л. н.) она представлена преимущественно тремя стандартными формами сосудов. Первая форма – круглодонные горшки с высоким горлышком и отогнутым венчиком. На горлышко такого сосуда наносился резной орнамент с помощью техники расчесывания по влажной глине. Вторая форма – приземистые горшки с налипшим валиком на венчике, украшенным пальцевыми защипками. Третья форма сосудов – широкие полусферические чаши с прорезным орнаментом по ангобированному темно-красному фону, который получается благодаря оксиду железа, содержащемуся в ангобе, который наносится перед обжигом сосуда [Hill, 1972/1974, p. 4]. Отличительной чертой керамической традиции Вальдивии является концептуальное различие между декоративными традициями для разных форм сосудов: горшки и чаши орнаментируются по-разному, и этот принцип сохраняется на протяжении 1500-летней истории развития керамики Вальдивии [Lathrap, Collier, Chandra, 1975, p. 29].

Орнаментация на горшках разнообразней, но проще, орнамент наносится тонкой прорезной линией (*Valdivia Fine Line Incised*) [Hill, 1972/1974, p. 4]. Наиболее распространенным мотивом для вальдивийских горшков является треугольник, заштрихованный сеткой из наклонных или вертикальных линий. Треугольники различно комбинируются, образуя многообразные композиции. Так, горизонтальные полосы из рядов треугольников могут соединяться по вертикали вершиной или основанием, образуя «песочные часы» или ромбы. Противоположные полосы с треугольниками могут быть смещены так, что в негативе образуют зигзаг. Для горшков характерна орнаментация вертикальными или наклонными решетками, а также наклонными параллельными линиями, нанесенными рядами, либо хаотичными линиями [Stahl, 1985, p. 108–112].

Чаши обработаны лучше, чем горшки, имеют стандартную форму и сложную иконографию. Орнаментальная прорезная линия (*Valdivia Red Incised*) на большинстве чаш более широкая, чем на горшках [Hill, 1972/1974, p. 4]. Характерный для чаш орнамент: линии из переплетенных меандрообразных полос, имеющих квадратную или закругленную форму. Либо полосы, состоящие из квадратов или кругов с точкой внутри, а также полосы с I-образными и U-образными мотивами [Stahl, 1985, p. 112].

Керамика Сан-Педро, в отличие от вальдивийской, хрупкая, толщина стенок составляет 4–5 мм. Цвет серый, черный и черно-коричневый, что указывает на обжиг в восстановительных условиях: при низкой температуре (приблизительно 800–1000°C). Фрагменты керамики Сан-Педро представляют собой обломки чаш или шаровидных горшков с горлышком. Геометрические мотивы керамики Сан-Педро преимущественно зигзагообразные, наклонные, вертикальные или волнистые линии, заштрихованные полосы или заштрихованные треугольники, ряды круглых точек. Орнамент наносился прорезной линией по влажной глине. В отличие от ровных прорезных линий Вальдивии по красной гладкой поверхности, неглубокая прорезная линия Сан-Педро имеет неровные края. Поверхность сосуда могла быть неполированной [New Data ... , 2019, p. 4], либо шлифовалась (*San Pedro Alisado*) или полировалась (*San Pedro Pulido*), причем на поверхности фиксируются мелкие бороздки от используемого инструмента [Bischof, Viteri, 1972, p. 549]. Керамика Сан-Педро кажется простой, но технически выдержанной.

Таким образом, новые материалы, обнаруженные российскими исследователями на памятнике Реаль-Альто, демонстрируют две керамические традиции, различающиеся между собой качеством керамики, способом обжига, цветом, толщиной и иконографией (рис. 1, 2).

Рис. 1. Керамика Вальдивия (фото без масштаба), памятник Реаль-Альто

Рис. 2. Керамика Сан-Педро (фото без масштаба), памятник Реаль-Альто

При этом можно уловить некоторые сходства в орнаментальных мотивах: заштрихованные треугольники и ряды прорезных линий. В свою очередь, материалы показывают, что нет никакого сходства между керамикой Сан-Педро и керамикой японского дзедона, что опровергает версию японского происхождения эквадорской керамики [New Data ... , 2019, p. 5]. Согласно имеющимся датировкам, комплексы Вальдивия и Сан-Педро либо существовали одновременно и представляли соседствующие группы населения, либо Сан-Педро, будучи оригинальной местной культурой, предшествовала пришедшей Вальдивии.

*Научный руководитель – А. В. Табарев
д-р ист. наук, ведущ. науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Список литературы

Табарев А. В. Ранние керамические традиции в Пасифике (Южная Америка) // Древности по обе стороны Великого океана. Владивосток, 2011. С. 16–54.

Табарев А. В. Формативный период в археологии Эквадора: анатомия термина и вопросы практического применения // Теория и практика археологических исследований. 2016. № 1. С. 111–126.

Табарев А. В. Первая российская археологическая экспедиция в Южной Америке: предварительные результаты раскопок в Эквадоре в 2014–2015, 2017 гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и Дальнем Востоке. 2018. № 4. С. 5–11.

Bischof H., Viteri J. Pre-Valdivia occupations on the south-west coast of Ecuador // *American Antiquity*. 1972. Vol. 37. P. 548–551.

Hill B. D. A New Chronology of the Valdivia Ceramic Complex from the Coastal Zone of Guayas Province, Ecuador // *Nawpa Pacha*. 1972/1974. Vol. 10/12. P. 1–32.

Lathrap D. W., Collier D., Chandra H. Ancient Ecuador. Culture, clay and creativity. 3000–300 B.C. // *El Ecuador antiguo. Cultura, cerámica y creatividad*. 3000–300 A. C. Chicago : Field Museum of Natural History, 1975. 72 p.

Meggors B., Evans C., Estrada E. Early Formative Period of Coastal Ecuador: The Valdivia and Machalilla Phases // *Smithsonian Contributions to Archaeology*. 1965. N 1. 485 p.

New Data on Early Pottery Traditions in South America: The San Pedro complex, Ecuador / Y. Kanomata, J. Marcos, A. Popov, B. Lazin, A. Tabarev // *Antiquity*. 2019. N 3 (369). P. 1–6.

Stahl P. W. The Hallucinogenic Basis of Early Valdivia Phase Ceramic Bowl Iconography // *Journal of Psychoactive Drugs*. 1985. Vol. 17, N 2. P. 105–123.

The Ancient Ceramics of Ecuador, Valdivia and San Pedro Complexes (Iconographic Aspect)

N. N. Kovaleva

One of the earliest pottery complexes of Valdivia in South America is located in coastal Ecuador and dates back to the region's formative period (5500–2500 BP). In the early stages of research, due to the similarity of Valdivia pottery to Middle Jomon, it was hypothesized that the pottery was of Japanese origin. In 2014, 2015, 2017 joint Ecuadorian–Russian–Japanese team of archaeologists discovered at Real Alto site (Ecuador), in addition to the Valdivia ceramic complex, a new early type of ceramics – the San Pedro complex. According to radiocarbon dating, the San Pedro complex predates Valdivia or existed simultaneously with it. The data obtained make it possible to compare two different ceramic traditions and conduct a comparative analysis, temper an analysis of iconography. Obviously, we are talking about the local origin of the pottery technique of Ecuador.

Keywords: South America, Ecuador, ceramics, Valdivia, San Pedro, iconography.

Ковалева Ника Николаевна

студент 4-го курса
Новосибирский государственный университет
e-mail: n.kovaleva@g.nsu.ru

Kovaleva Nika Nikolaevna

Student 4th year
Novosibirsk State University
e-mail: n.kovaleva@g.nsu.ru

УДК 902:623.446.4"636"

О типе лука у племен скелянской культуры

Ю. Э. Зикеева

Донецкий национальный университет, Донецк, Украина

Скелянская культура – раннеэнеолитическая культура степной полосы Днепро-Донского междуречья. В рамках этой культуры наблюдается развитие кремнеобработки, связанное с относительным недостатком медного сырья. Мастера кремневых дел в этот период преимущественно работали на качественном донецком кремне [Колесник, 2006, с. 52]. Именно в это время в Донбассе формируется крупный центр кремнеобрабатывающего производства, начинается активное изготовление кремневых орудий, в том числе разнообразных изделий с двусторонней обработкой и крупных призматических нуклеусов [Среднеэнеолитическая и Новоданиловская культуры ... , 2001, с. 62].

Основываясь на археологических данных, можно утверждать, что основными орудиями дистанционного действия были копья, дротики, лук и стрелы [Котова, 2006, с. 145]. В большинстве своем наконечники стрел были созданы при помощи двусторонней обработки кремня и имели подтреугольную форму [Котова, 2013, с. 28]. Для этого времени характерны крупные наконечники, об этом можно судить по находкам кремневых наконечников из мастерской Васильевская Пустошь в Северо-Западном Донбассе. Длина найденных там целых, а также реконструируемых наконечников варьируется от 57 до 105 мм, что не может не обратить на себя внимание, средняя их длина – от 65 до 88 мм, а размер заготовок, естественно, еще больше [Колесник, Манько, 2021].

Достаточно крупные наконечники (один с черенком, другой – с боковыми выемками в основании) также были обнаружены в поселении Александрия. Ю. Я. Рассамкин синхронизирует поселение Александрия с захоронениями 16, 17 и 11 Игреньского могильника, которые сопровождались длинными пластинами и треугольными кремневыми наконечниками [Рассамкин, Евдокимов, 2001, с. 82–83]. Подобные наконечники стрел встречаются среди находок в с. Деревка Онуфриевского р-на Кировоградской обл., ур. Средний Стог, в Каменной могиле; все они с характерной двусторонней оббивкой и подтреугольной формы [Среднеэнеолитическая и Новоданиловская ... , 2001, с. 16–25].

Следует обратить внимание на находки наконечников из так называемых кладов. В этот список можно отнести такие клады, как Серебрянское, комплекс 1, два Гончаровских клада, Старый Орлик, Луганск, Никополь, Крейдянка и др. А. А. Бритюк подчеркивает, что именно из-за наличия крупных кремневых орудий (в том числе наконечников стрел), которые ассоциируются с энеолитом, «клады»

были отнесены исследователями к этому периоду, в частности к среднеэнеолитической культуре [Бритюк, 2001, с. 56].

Следует учитывать тот факт, что наконечники не являются однотипными [Колесник, 2017, с. 50]. Общими для них, при относительном типологическом разнообразии, являются значительные размеры. Так как стрелы соответственно являлись крупными, для них нужен был тяжелый лук – особый лук для подобного типа стрел. Вероятнее всего, такой лук мог предназначаться для степной охоты на копытных. Например, в долине Днепра, а при достижении благоприятных условий и в долинах небольших степных рек жили такие виды копытных, как благородный олень, тур, зубр, косуля, кабан. Обращаясь к данным, приводимым Н. С. Котовой, можно заметить, что активнее всего охота велась на первых [Котова, 2006, с. 144]. Подобный тип лука использовался для охоты на крупных копытных открытых ландшафтов. Видимо, это был крупный тяжелый лук сложной конструкции, способный метать крупные стрелы на относительно большое расстояние. Такие луки способствовали интенсивному освоению степей Донбасса энеолитическими племенами и в целом их расселению в Днепро-Донском междуречье.

*Научный руководитель – А. В. Колесник
д-р ист. наук, доцент,
Донецкий национальный университет*

Список литературы

- Бритюк А. А. Энеолитические «клады» или «производственные наборы» // Древности Северского Донца. 2001. Вып. 5. С. 54–68.
- Колесник А. В. Клад энеолитических кремневых наконечников из с. Татьяновка на Северском Донце // Святогірський альманах. Донецьк, 2006. С. 52–64.
- Колесник А. В. Система расселения и сырьевые стратегии в энеолите Донбасса // Stratum plus. 2017. № 2. С. 43–55.
- Колесник А. В., Манько Н. В. Васильевская Пустошь – специализированное энеолитическое поселение-мастерская в Северо-Западном Донбассе // Stratum plus. 2021. № 2. В печати.
- Котова Н. С. Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья. Луганск, 2006. 328 с.
- Котова Н. С. Деревская культура и памятники Нижнемихайловского типа. Киев ; Харьков : Майдан, 2013. 486 с.
- Рассамкин Ю. Я., Евдокимов Г. Л. Новый энеолитический могильник на р. Ингулец и проблема выделения «постэнеолитических» погребений // Археологический альманах. Донецк, 2001. Вып. 10. С. 71–86.
- Среднеэнеолитическая и Новоданиловская культуры энеолита Азово-Черноморского региона: Археолого-антропологический анализ материалов и каталог памятников / Д. Я. Телегин, А. Л. Нечитайло, И. Д. Потехина, Ю. В. Панченко. Луганск, 2001. 152 с.

The Type of Bow in the Tribes of the Skelyan Culture

Yu. E. Zikeeva

During the Early Eneolithic period, a large flint-processing center was formed in the steppe zone of the Dnieper-Don interfluvium. Within the Skelyan culture, active processing of Donetsk flint begins, tools are made from it, most often with double-sided processing. The main part of these products is represented by the tips of spears, darts and arrows. Special attention is drawn to the latter, most of them were sub-triangular in shape. Arrowheads from the burials of the Skelyan culture and "treasures" have a characteristic feature, they are quite large tools, this feature unites them all, despite the comparative typological diversity. Based on the fact that there are sufficient arrowheads of this type, the question is raised about the existence of representatives of the Skelyan culture of a special type of bow for large arrows. The question is also raised about the purpose for which this bow could be intended.

Зикеева Юлия Эдуардовна
студент 3-го курса
Донецкий национальный университет
e-mail: volbead18@gmail.com

Zikeeva Yulia Eduardovna
Student 3rd year
Donetsk National University
e-mail: volbead18@gmail.com

УДК 903.5'63(4)"636"

О неординарных погребениях энеолита юга Восточной Европы

С. Г. Осипов

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

Вопросы изучения погребений, выделяющихся среди ординарных особенностями погребального обряда и инвентаря, актуализируются с появлением новых материалов. Большое значение в этом плане имеет могильник Екатериновский мыс. Погребение 45 представляет собой набор уникального инвентаря, который содержит два наверхия булав, зооморфные наверхия скипетра и жезла, жертвенное животное, фрагменты костей других индивидов [Уникальное погребение ... , 2018, с. 287–289]. Погребение 79 представляет собой сложенные кучкой кости трех взрослых индивидов и каменное наверхие булавы [Королев, Кочкина, Сташенков, 2018, с. 40]. Костяк из погребения 90 располагался в полусидячей позе с опорой на локти и сопровождался каменным наверхием скипетра [Там же]. Помимо рассмотренных, неординарными с «богатым» инвентарем являются погребения 40, 46, 93. Погребения 18, 71, 76 выделяются благодаря наличию каменных наверхий. Таким образом, могильник Екатериновский мыс содержит неординарные погребения разных типов. К ним относятся погребения с «богатым» инвентарем и скипетрами (булавами); погребения, выделяющиеся наличием скипетров (булав); вторичное погребение «пакетом» и с

булавы, флейту. Поза костяка характерна для большинства погребений памятника [Там же, с. 95]. Неординарным можно также назвать парное захоронение 4, которое содержит расчлененные скелеты мужчины и женщины. У костяка мужчины был отделен череп, а костяк женщины был разделен на несколько частей и занимал подчиненное положение в ногах мужского скелета [Там же, с. 81].

Среди погребений Мариупольского могильника неординарными можно назвать погребения с уникальным инвентарем и отличающиеся обрядом захоронения. К первой группе относятся погребения 8 и 31 [Макаренко, 1933, с. 61, 81]. Они характеризуются наличием каменных наверхий булав, которые являются символами власти. В остальном же данные погребения не отличаются от других погребений могильника. Ко второй категории относится погребение 21 [Там же, с. 68], которое содержало два скорченных костяка, перекрытых каменной закладкой, поверх которой был сожжен другой костяк. Данное погребение примечательно применением обряда сожжения, если сожженный костяк рассматривать в качестве жертвы.

Среди погребений Варненского могильника особо примечательным является погребение 43 [Ivanov, 1988], для которого характерно наличие следующих предметов: каменный топор с рукояткой, украшенной золотой фольгой; медный топор; медный наконечник копья; одно медное и два каменных тесла; медный топор-молот; золотой символ мужского плодородия и большое количество золотых украшений [Корневский, 2011, с. 181]. И в этом случае погребение выделяется именно уникальностью инвентаря. В остальном же погребение является схожим с ординарными погребениями могильника в вытянутой позе на спине.

Для Хвальнского I могильника неординарность погребений выражается не только в наличии престижного инвентаря, но и в особом положении костяков или наличии каменной закладки для определенных погребений. Погребение 57 [Пестрикова, Агапов, 2010, с. 88] является коллективным и имеет каменную закладку, что является примером больших трудозатрат на отдельно взятое погребение. Основным костяк этого погребения залегал кучкой (череп и часть длинных костей мужчины). Неординарным можно назвать костяк 97 [Пестрикова, Агапов, 2010, с. 61], который имел позу «клубком» в ногах другого костяка. К подобным можно отнести костяки 61–64, 110. Такие погребения, видимо, выражают подчиненное прижизненное положение индивидов [Там же]. Погребение 108 содержало, среди прочего инвентаря, два каменных наверхия скипетров [Агапов, Васильев, Пестрикова, 1990, с. 44].

Среди погребений Хлопковского могильника неординарным можно назвать погребение 21 [Малов, 2008, с. 88]. В инвентаре можно отметить зооморфное наверхие ски-

петра, флейту. Поза костяка характерна для большинства погребений памятника [Там же, с. 95]. Неординарным можно также назвать парное захоронение 4, которое содержит расчлененные скелеты мужчины и женщины. У костяка мужчины был отделен череп, а костяк женщины был разделен на несколько частей и занимал подчиненное положение в ногах мужского скелета [Там же, с. 81].

В могильнике Дуранкулак неординарными можно назвать погребения с особым набором погребального инвентаря. К подобным наборам можно отнести наличие в составе инвентаря медных боевых топоров с длинным обухом и длинных ножевидных пластин в погребениях 320 и 977 [Todorova, 2002]. В этом случае пластина, будучи орудием труда, дополняется престижным оружием [Корневский, 2011, с. 181]. Другим примером неординарного погребения является погребение 211 [Todorova, 2002], в котором наблюдается связь военной символики и украшений из золота и меди. Оружие представлено втульчатым костяным кевлом, а украшения – золотыми бусами и медными браслетами. В погребении 1036 сочетаются костяное оружие (палица), каменное тесло, статуэтка богини и путовая кость дикого осла [Там же].

Среди погребений Мариупольского могильника неординарными можно назвать погребения с уникальным инвентарем и отличающиеся обрядом захоронения. К первой группе относятся погребения 8 и 31 [Макаренко, 1933, с. 61, 81]. Они характеризуются наличием каменных наверхий булав, которые являются символами власти. В остальном же данные погребения не отличаются от других погребений могильника. Ко второй категории относится погребение 21 [Там же, с. 68], которое содержало два скорченных костяка, перекрытых каменной закладкой, поверх которой был сожжен другой костяк. Данное погребение примечательно применением обряда сожжения, если сожженный костяк рассматривать в качестве жертвы.

Среди погребений Варненского могильника особо примечательным является погребение 43 [Ivanov, 1988], для которого характерно наличие следующих предметов: каменный топор с рукояткой, украшенной золотой фольгой; медный топор; медный наконечник копья; одно медное и два каменных тесла; медный топор-молот; золотой символ мужского плодородия и большое количество золотых украшений [Корневский, 2011, с. 181]. И в этом случае погребение выделяется именно уникальностью инвентаря. В остальном же погребение является схожим с ординарными погребениями могильника в вытянутой позе на спине.

Среди погребений могильника Джурджулешти самым примечательным является погребение 4 [Naheu, Kurciatov, 1993]. Данное погребение зафиксировано в яме глубиной 5 м с деревянным перекрытием. Форма ямы круглая, переходящая вниз в подпрямоугольную. Дно ямы было покрыто охрой и разделено на две части угольками. Среди инвентаря можно отметить остатки копья на деревянной рукоятке (наконечник), медный стилет, роговой скипетр и ножевидную пластину, лопатку овцы и фаллический символ, два золотых спиралевидных украшения [Корневский, 2011, с. 182]. В данном случае, кроме богатства и уникальности инвентаря, прослеживается пример больших трудозатрат на погребение одного человека.

Большой интерес для изучения неординарных погребений представляет могильник Максимовка I. Среди погребений этого могильника было обнаружено коллективное погребение «пакетом», которое сопровождалось большим количеством резцов сурка [Шалапинин, Королев, 2020, с. 15]. Особый интерес представляет погребение, в котором скелет залегал вытянуто ничком, среди прочего инвентаря находилось роговое наверхие жезла в виде головы лося.

Таким образом, выделяется несколько групп неординарных погребений. Первой группе свойственен уникальный инвентарь, среди которого важное место занимают символы власти (навершия скипетров и булав). Ко второй группе относятся захоронения, обряд которых отличается от большинства погребений могильника. Третья группа включает в себя погребения, для которых характерны большие трудозатраты (каменная закладка, глубокая яма).

*Научный руководитель – А. И. Королев
канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной
истории и археологии,
Самарский государственный социально-педагогический
университет*

Список литературы

- Агапов С. А., Васильев И. Б., Пестрикова В. И. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1990. 159 с.
- Корневский С. Н. Феномен власти в обществах древних земледельцев и скотоводов (теория этнологии и археология) // Эпоха бронзы. Проблемы и материалы. 2011. Вып. 225. С. 175–189.
- Королев А. И., Кочкина А. Ф., Сташенков Д. А. Результаты новых исследований могильника Екатерининский мыс // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения

Г. И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И. Б. Васильева : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Самара, 2018. С. 40–42.

Уникальное погребение могильника эпохи раннего энеолита Екатерининский мыс на Средней Волге / А. И. Королев, А. Ф. Кочкина, Д. А. Сташенков, А. А. Хохлов, Н. В. Рослякова // Поздняя преистория Евразии: социальные модели и культовая практика. Stratum plus. 2018. № 2. С. 285–302.

Макаренко М. Маринопільський могильник. Киев : ВАН, 1933. 151 с.

Малов Н. М. Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2008. Вып. 6. С. 32–135.

Пестрикова В. И., Агапов Д. С. Хвалынский I энеолитический могильник как исторический источник // Хвалынский энеолитический могильник и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов. Самара, 2010. С. 11–121.

Шалапинин А. А., Королев А. И. Итоги раскопок грунтового могильника Максимовка I в 2019 г. // Археологические открытия в Самарской области 2019 года. Самара, 2020. С. 15–16.

Haheu V., Kurciatov S. Cimitirul plan eneolitic de linga satul Giurgi-lești // Revista Arheologica. Chisinau, 1993. P. 101–102.

Ivanov I. Das Gräberfeld von Varna – Katalog // Macht, Herrschaft und Gold. Das Gräberfeld von Varna (Bulgarien) und die Anfänge einer neun europäischen Zivilisation. Saabücken, 1988. S. 49–66.

Todorova H. Durankulak. Bd. II: Die Prähistorischen Gräberfeld. Sofia, 2002. Teil I. 732 s.

About the Extraordinary Burials of the Eneolithic of the South of Eastern Europe

S. G. Osipov

The article compares various burials inside the burial grounds, in order to identify signs of an unusual burial. There are two major groups of unusual burials: prestigious and deviant. For each burial ground, the specific concept of an extraordinary burial will be special. In general, the concept of extraordinary burial is fixed by the following features: a large amount of labor; unique inventory; burial position, which is not typical for most burials of the burial ground. There are different combinations of unusual burials. In some burial grounds there are only prestigious burials, in some only deviant burials. But most often, different versions of extraordinary burials are combined in the materials of one burial ground. In general, extraordinary burials represent a separate category of the funeral rite, which requires further study.

Keywords: burial, funeral equipment, funeral rite, originality, prestige, deviance.

Осипов Сергей Григорьевич

магистрант 2-го года обучения
Самарский государственный
социально-педагогический университет
e-mail: osipov.s9621@gmail.com

Osipov Sergey Grigoryevich

Graduate student 2nd year
Samara State University of Social Sciences
and Education
e-mail: osipov.s9621@gmail.com

УДК 903.5(571.53)"637"

Потревоженные погребения бронзового века могильника Улярба: ограбление, ритуал, осквернение

Д. А. Жихарева

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Для реконструкции погребальной практики важное значение имеют целостные, неповрежденные комплексы. На территории Прибайкалья большинство погребений неолита – бронзового века являются в той или иной мере разрушенными еще в древности [Окладников, 1955]. В связи с этим важно выявить черты, присущие погребальной практике (например, вторичное захоронение, последующее ритуальное изъятие черепа и др.), и нарушения, связанные с другими причинами (ограбление, осквернение). Исследования по выявлению этих причин проведены на ряде крупных могильников бронзового века региона: Хужир-Нугэ XIV и Курма XI [Новиков, Вебер, Горюнова, 2010; Горюнова, Вебер, Новиков, 2012].

Цель предлагаемой работы – провести анализ и изучение нарушений целостности могил бронзового века древнего некрополя Улярба; попытаться выявить побудительные причины к их разрушению. В основу работы положены опубликованные материалы, в исследование которых не входило отдельное изучение нарушенных погребений [Древние погребения ... , 2004].

Могильник Улярба находился на склоне горы, расположенной в основании мыса Анхатуй (северо-западное

побережье залива Мухор Малого моря оз. Байкал), в 4 км к ЮЗ от д. Сарма (Ольхонский район Иркутской области). Объект обнаружен и частично исследован в 1959 г. отрядом Иркутской экспедиции ЛОИА АН СССР (Л. П. Зяблин). Исследования продолжены в 1976 г. Маломорским отрядом КАЭ ИГУ (О. И. Горюнова) и в 1983 г. Ангаро-Байкальским отрядом экспедиции Иркутского краеведческого музея (В. И. Смотрова). За все годы раскопок вскрыто 42 хронологически разновременные могилы (поздний неолит – ранний железный век), большую часть из которых составляют захоронения бронзового века [Древние погребения ... , 2004].

В статье проведен анализ 22 погребений бронзового века (№ 1–6, 8–10, 13, 16, 19, 24, 29, 31–32, 34–38, 42) (табл.). Из них к ненарушенным погребениям, сохраняющим целостность надмогильного и внутримогильного сооружения, а также остатки погребенного, отнесено 7 могил (№ 1–4, 13, 16, 35). В эту группу включены и погребения с частичным отсутствием костей, утраченных в результате природных факторов, и с костями, смещенными мелкими грызунами.

Анализ погребений бронзового века могильника Улярба

Погребение	Надмогильное сооружение		Перекрытие		Состояние костяка						Наличие инвентаря			Инвентарь			
	Целое	Нарушенное	Целое	Нарушенное	Непотревоженный			Нарушенные человеком			Под кладкой	В заполнении могилы	В могиле	Из металла	Из нефрита	Другое	
					Целый	Природные факторы	Животные	Верхняя часть	Состояние черепа								
									Отсутствует	В наличии							Фрагменты
1	+		-	-	+						-	-	+			+	
2	+		-	-	+						-	-	+	+	+	+	
3	+		-	-	+								+	+	+	+	
4	+		-	-		+							+	+	+	+	
5		+		+					+	+	+	+	+			+	
6		+	-	-					+	+			+			+	
8		+		+					+				+			+	
9		+	-	-					+	+			+		+	+	
10		+	-	-					+	+			+	+	+	+	
13	+		-	-	+		+				+	+	+	+ -?	+	+	
16	+		-	-	+								+			+	
19		+	-	-					+	+	+	+	+	+	+	+	
24		+	-	-					+	+	-	-	-			-	
29		+	-	-					+	+		+	+	+	+	+	
31*		+	-	-			+		+	+		+			+	+	
32		+	-	-					+	+	-	+	+		+	+	
34		+		+					+				+		+		
35		+	+		+	+					+		+	+	+	+	
36		+	-	-					+			+	+	+	+	+	
37		+	-	-					+	+			+			+	
38		+	-	-					+	+			+	+		+	
42*	+		+				+		+	+			+			+	
Всего	7	15															

* Нарушено человеком + животным (отмечен лаз, в котором найдена часть инвентаря или нора животного).

Большинство могил на некрополе Улярба (15 могил – № 5–6, 8–10, 19, 24, 29, 31–32, 34, 36–38) являются потревоженными (в той или иной мере) человеком. Наличие в ряде могил смещенных, отброшенных костей, находящихся в сочленении, позволяет предположить, что проникновение в могилу было проведено, когда еще не все связки покойного разложились. Вероятно, нарушение целостности погребений проводилось современниками населения, оставившего этот некрополь. В пользу этого говорит хорошее знание погребальной практики (в частности, ориентации покойного) и преимущественное вскрытие могилы в головной ее части.

Преднамеренное вскрытие могил могло осуществляться по ряду причин: с целью наживы (ограбление, в качестве ритуальных действий (например, целенаправленное изъятие черепа) или с целью осквернения захоронений.

Исследования показали, что во всех вскрытых могилах, несмотря на разрушение надмогильных сооружений и верхней части погребенных, сохранен сопроводительный инвентарь. В бронзовом веке наиболее ценными являлись изделия из металла (медь, бронза) и нефрита (зеленого и светлоокрашенного), добыча сырья для изготовления которых на территории Прибайкалья, и в частности Приольхонья, отсутствовала. В связи с этим можно было бы предположить, что целью вскрытия могил было изъятие предметов из металла и нефрита. Тем не менее практически во всех нарушенных погребениях могильника Улярба зафиксированы орудия и украшения из этих материалов (№ 9–10, 19, 29, 31–32, 34, 36, 38). Таким образом, предположение о возможном разграблении погребений с целью наживы представляется нам маловероятным.

Нарушение могил могло иметь ритуальное значение. В таком случае все действия по вскрытию могил должны быть строго регламентированными. На могильнике Улярба все потревоженные захоронения бронзового века разрушены в верхней половине могил, где располагались голова (черепа) погребенного и основной набор сопроводительного инвентаря. Культ черепа был широко распространен в период неолита – бронзового века на территории Прибайкалья и Западной Сибири. Черепа могли являться объектом почитания или трофеем для населения других культурных групп. На могильнике Улярба отмечено, что в ряде захоронений отсутствует череп, либо он присутствует, но отброшен в сторону или представлен отдельными фрагментами. Кости верхней половины туловища также разрушены без определенной системы. Тем самым в нарушении целостности могил и костяка не наблюдается регламентированных действий, что ставит под сомнение наличие определенного ритуала.

Анализ материалов погребений бронзового века могильника Улярба позволяет предположить возможность намеренного осквернения могил. В древности могильники могли использоваться для утверждения присутствия определенных групп населения на данной территории и оправдания доступа к местным ресурсам. Это могло послужить поводом к осквернению могил представителями другой группы населения [Новиков, Вебер, Горюнова, 2010]. В настоящее время подобный сценарий выглядит наиболее вероятной причиной разрушения могил на этом некрополе.

В целом в результате анализа материалов бронзового века некрополя Улярба выявлены целые, ненарушенные захоронения и могилы, потревоженные в той или иной степени в древности. Рассмотрены возможные побудительные факторы к их разрушению. Установлено, что вер-

сии ограбления с целью наживы и ритуальных действий не являются в настоящее время убедительными. Наиболее состоятельной, на наш взгляд, является версия нарушения целостности могилы с целью осквернения ее.

Проведенные ранее исследования на крупных некрополях Приольхонья (Хужир-Нугэ XIV и Курма XI) свидетельствуют, что практика нарушения захоронений в бронзовом веке была многообразна и широко распространена. В связи с этим анализ нарушений древних погребений необходимо проводить для каждого могильника в отдельности.

*Научный руководитель – А. Г. Новиков
канд. ист. наук,
Иркутский государственный университет*

Disturbed Bronze Age Burials at the Ulyarba Burial Ground: Robbery, Ritual, Desecration

D. A. Zhikhareva

There has been a conduction of the analysis of the Bronze Age burials of the Ulyarba burial ground located on the Small Sea of Lake Baikal. The research is based on 22 burials. Out of those, 7 graves are classified as undisturbed burials that preserve the integrity of the grave and intra-grave structures, as well as the remains of the buried. It has been established that most of the graves (15 graves) are disturbed (to some degree) by humans in antiquity. Possible incentive factors for their destruction have been considered. It has been concluded that scenarios of robbery for the profit and ritual actions purposes are not convincing at the present. The most consistent, in our opinion, is the scenario of the integrity violation of the grave to desecrate it and assert their rights to this territory by representatives of the population's another group. Earlier studies on the large necropolises of the Olkhon region indicate that the practice of disturbing burials in the Bronze Age was diverse and widespread.

Keywords: Baikal, Olkhon region, burial ground, burial, Bronze Age, robbery, ritual, desecration.

Жихарева Дарья Александровна
магистрант 1-го года обучения
Иркутский государственный университет
e-mail: biruzzaa@mail.ru

Список литературы

Горюнова О. И., Вебер А. В., Новиков А. Г. Погребальные комплексы неолита и бронзового века Прибайкалья: могильник Курма XI. Иркутск, 2012. 271 с.

Древние погребения могильника Улярба на Байкале / О. И. Горюнова, А. Г. Новиков, Л. П. Зяблин, В. И. Смотрова. Новосибирск, 2004. 88 с.

Новиков А. Г., Вебер А. В., Горюнова О. И. Погребальные комплексы бронзового века Прибайкалья: могильник Хужир-Нугэ XIV. Новосибирск, 2010. 296 с.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // МИА. М. ; Л., 1955. № 45. Ч. 3: Глазковское время. 374 с.

Zhikhareva Daria Aleksandrovna
Graduate student 1st year
Irkutsk State University
e-mail: biruzzaa@mail.ru

УДК 903.23(571.53)

К вопросу о ремонте глиняных сосудов на территории Прибайкалья

А. А. Иванова, Д. Л. Шергин

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Глиняные сосуды стали важной составляющей быта древнего населения. В условиях частой миграции, дальности расположения запасов глины, трудоемкости процесса не всегда было возможно при поломке керамического изделия в кратчайшие сроки создать новое. Таким образом, достаточно частым явлением был ремонт глиняных сосудов. В результате проработки литературы по археологии авторами отмечаются различные способы ремонта глиняной посуды на археологических памятниках Прибайкалья, но данный факт упоминается вскользь (не более), что определяет актуальность разработки данного направления.

Материалами для данной работы послужили сосуды и их фрагменты, на которых выявлены следы ремонта в местах слома при помощи просверленных отверстий и замазки глиной или веществом черного цвета, выявленные на археологических объектах Прибайкалья: Северное Приангарье – Ручей Акимов, Усть-Заимка; Верхняя Лена – Макарово I, Усть-Ямный; Верхний Витим – Усть-Каренга XII, Старый Витим II.

Северное Приангарье. В результате проведения в 2011 г. спасательных археологических работ под затопление ложа водохранилища Богучанской ГЭС в Усть-Илимском районе Иркутской области на стоянках Усть-Заимка и Ручей Акимов выявлены керамические сосуды со следами ремонта в виде лент, скреплявших треснувшие части. Работы на памятниках были проведены отрядами ВСГАО под руководством В. М. Ветрова, Д. Л. Шергина [Ветров, Людников, 2015; Шергин, 2015].

В подошве 1-го слоя стоянки Усть-Заимка обнаружен развал сосуда карабульского типа, после камеральных работ полностью удалось реконструировать венчиковую часть, на которой отмечены следы ремонта по швам в виде накладной ленты черного цвета шириной 1,5–1,8 см (рис., 1).

Подобные следы выявлены на гладкостенном сосуде простой открытой формы, орнаментированном поясками наклепного разделенного наклонными вдавлениями валика, происходящего из 1-го слоя стоянки Ручей Акимов. По венчику и тулову сосуда с внешней и внутренней стороны идет массивная «ремонтная» лента шириной 1,2–1,6 см из плотного вещества черного цвета, скрепляющая части сосуда (рис., 2). К дополнительным способам крепления частей сосуда следует отнести два просверленных отверстия в венчиковой зоне по обе стороны от трещины на расстоянии 0,9 см.

Верхняя Лена. В 60–70-х гг. XX в. на верхней Лене Ленской археологической экспедицией Иркутского областного краеведческого музея и Ленской партией комплексной археологической экспедиции ИГУ под руководством М. П. Аксенова открыты и исследованы археологические объекты: Макарово I и Усть-Ямный [Аксенов, 1970; Зубков, 1978].

В материале первого слоя стоянки Макарово I обнаружен фрагмент венчика гладкостенного сосуда с подтреугольным утолщением, орнаментированный косыми вдавлениями. Поверх орнамента положен «нашлеп» из сырой глины, сделанный в целях ремонта венчиковой части (рис., 3). На Усть-Ямном в первом слое обнаружен развал сосуда со следами ремонта. Сосуд простой открытой формы, в зоне венчика с внешней стороны нанесены поясок округлых вдавлений и два ряда валиков, вытянутых по сырому тесту. Внешняя сторона имеет шероховатую поверхность, которая образовалась, судя по расслоениям, в результате обмазывания стенок горшка жидкой глиной. В венчиковой зоне по трещине прослеживается «ремонтная» лента в виде плотного вещества черного цвета (рис., 4).

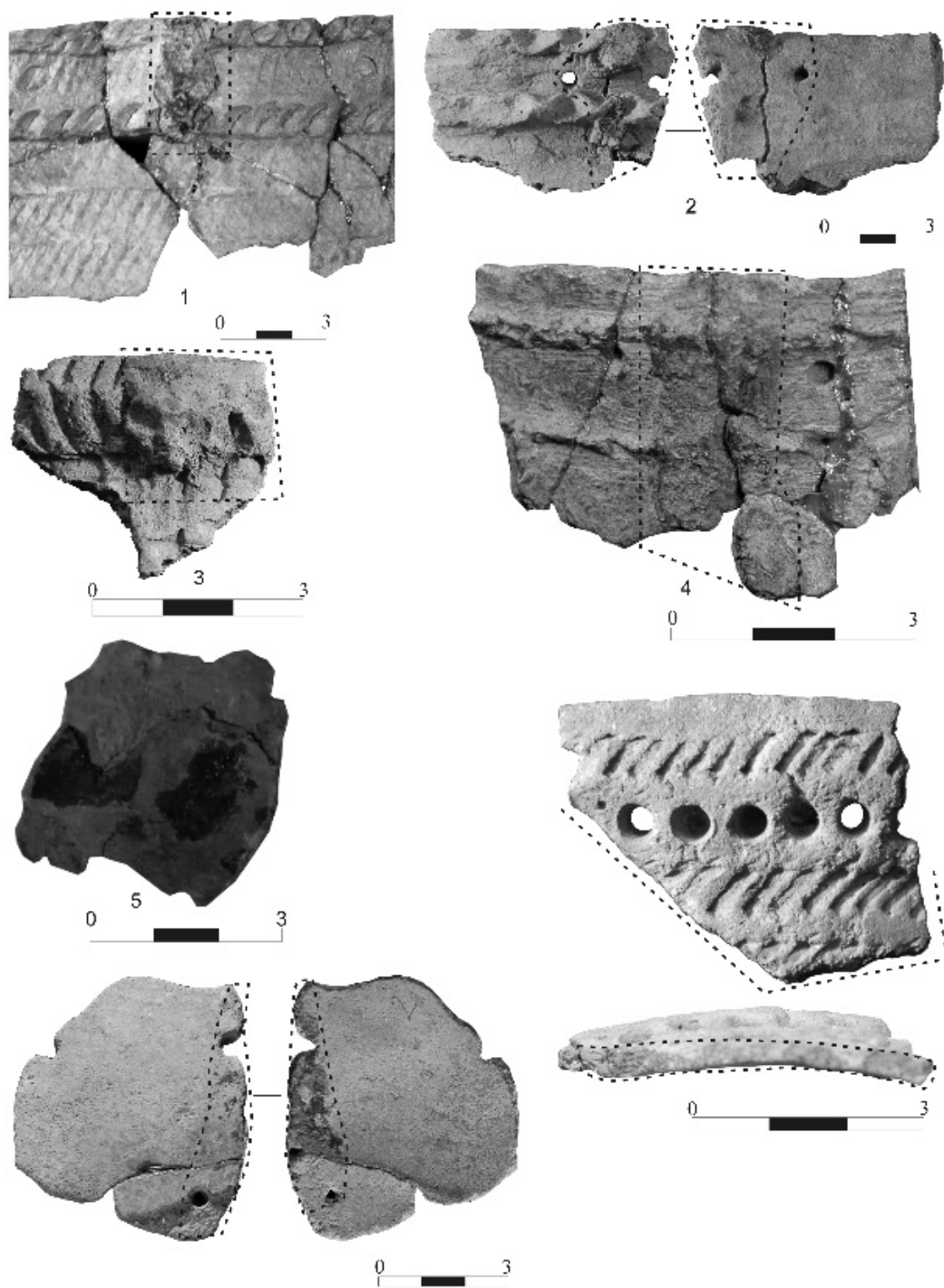

Рис. Fragменты сосудов со следами ремонта:
 1 – Усть-Заимка; 2 – Ручей Акимов; 3 – Макарово I; 4–5 – Усть-Ямный;
 6 – Усть-Каренга XII; 7 – Старый Витим-II

Другой случай ремонта отмечен на фрагменте с техническим декором в виде оттисков рубчатой лопатки, на внутренней поверхности которого вдоль ленточного спая отмечены следы использования «ремонтного» вещества черного цвета (рис., 5).

Верхний Витим. На территории усть-каренгского комплекса систематические исследования проводятся с 1975 г. под руководством В. М. Ветрова [Ветров, Трифанов, 1970; Аксенов, Ветров, Шмыгун, 1975]. В первом горизонте на объекте Усть-Каренга XII обнаружен развал сосуда с вафельными отпечатками, на котором отмечаются следы ремонта в виде просверленных вдоль старых трещин

сквозных отверстий конической формы и остатков «ремонтного» вещества черного цвета на внешней и внутренней поверхности сосуда (рис., 6).

Стоянка-могильник Старый Витим II (Муйский район Республики Бурятия) открыта в 1976 г. Витимским отрядом (под руководством М. П. Аксенова, В. М. Ветрова) Ленской партии комплексной археологической экспедиции ИГУ [Аксенов, Ветров, 1977]. На фрагменте венчика сосуда с треугольным налетом на внешней стороне по внутренней части слома отчетливо фиксируются остатки «ремонтного» вещества черного цвета (рис., 7).

Самые ранние следы ремонта в виде просверленных конических отверстий вдоль трещин отмечены в Забайкалье на керамике усть-каренгской культуры, которая определяется в диапазоне от 12–13 до 4,6 тыс. л. н. [Ветров, 2000; Ветров, 2008, с. 31, рис. 3–8]. Такие же следы отмечены и на шнуровой керамике поселения Студеное-1 на Чикое, которая датируется в интервале 10–11 тыс. л. н. [Разгильдеева, Дай Куникита, Яншина, 2013, с. 173].

На археологических памятниках Прибайкалья следы ремонта в виде просверленных конических отверстий встречаются повсеместно в керамических комплексах раннего неолита. В Южном Приангарье – на керамике хайтинского типа стоянки Усть-Хайта [Савельев, Уланов, 2019]. На территории Северного Приангарья – на стоянке Усть-Едарма II на сосуде североангарского варианта хайтинского типа, где кроме сквозных отверстий применяется еще один способ реставрации в виде замазки трещин сырым глиняным тестом с примесью органической массы [Лохов, Роговской, Дударек, 2013, с. 121, 122]. На стояночных комплексах Верхней Лены Поповский Луг и Макарово I «ремонтные» отверстия фиксируются вдоль трещин параллельно на керамике хайтинского типа, отнесенной к раннему неолиту [Ветров, Зубков, 1974; Ветров, 2003]. Следы ремонта в виде просверленных отверстий встречаются и на других типах керамики, например, на керамике усть-бельского типа (местонахождение Деревня Мартынова), которая предварительно определяется в интервале 6–5 тыс. л. н. [Когай, Бердников, 2013, с. 130, 135].

В качестве инструментов для просверливания отверстий на керамике могли использоваться кремневые, роговые или костяные сверла [Орудия для изготовления ... , 2016, с. 137]. Что касается назначения просверленных отверстий на сосудах, то есть предположение, что они предназначались для их ремонта, наносились вдоль трещин и стягивались шнуром, кожаным ремешком или металлической скобой. Кроме того, для более плотной фиксации использовали вещество черного цвета [Глушков, 1996, с. 86]. По составу вещества, используемого в ремонте керамических сосудов, и его названию единого мнения нет, оно может быть «березовым» или «дегтярным» варом [Дьяконов, 2012, с. 110; Герман, Леонтьев, 2013, с. 141]. В результате геохимических исследований получены новые данные по составу «ремонтного» вещества с памятников Северного Приангарья. Установлено, что в составе содержатся нефтяные углеводороды, вследствие чего вещество отнесено к природным битумам [Предварительные результаты геохимических исследований ... , 2016].

Что касается временных рамок, то следы ремонта в виде просверленных отверстий конической формы без следов черного вещества на глиняных сосудах фиксируются на территории Прибайкалья с раннего неолита. Хотя не стоит исключать возможность скрепления сосудов клейкими веществами в тех местах, где присутствуют сквозные отверстия, но визуально следы «ремонтного» вещества не фиксируются. К таким веществам можно отнести, например, рыбий клей или клей из кожи оленя [Миллер, 2009, с. 289]. Таким образом, мы можем предположить, что способы ремонта керамических сосудов с использованием «ремонтного вещества» черного цвета и сверления на территории Прибайкалья получают массовое распространение

в эпоху позднего неолита – палеометалла. На сегодняшний день вопрос о массовом использовании природных и/или искусственных веществ в качестве «ремонтного вещества» и времени его использования остается открытым.

Список литературы

- Аксенов М. П. Комплекс нижнего культурного горизонта стоянки Макарово на Лене // Древняя Сибирь. Новосибирск, 1970. Вып. 3. Сибирь и ее соседи в древности. С. 43–52.
- Аксенов М. П., Ветров В. М. Исследования в горно-таежных районах долины р. Витим // АО 1976 г. М., 1977. С. 185–186.
- Аксенов М. П., Ветров В. М., Шмыгун П. Е. Исследование в долине р. Витим // Археологические открытия. 1974 г. М., 1975. С. 185.
- Ветров В. М. Археология каменного века Витимского плоскогорья // Архаические и традиционные культуры Северо-Восточной Азии. Проблемы происхождения и трансконтинентальных связей. Иркутск, 2000. С. 28–36.
- Ветров В. М. Стратиграфия стоянки Поповский Луг. К вопросу о времени зарождения керамического производства на Верхней Лене // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее. Иркутск, 2003. С. 49–53.
- Ветров В. М. Древнейшие следы керамического производства в Восточной Азии (проблемы возникновения, периодизации, терминологии) // Антропоген. Палеоантропология, георхеология, этнология Азии. Иркутск, 2008. С. 29–34.
- Ветров В. М., Зубков В. С. Верхний комплекс Макарово I // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск, 1974. Вып. 1. С. 146–159.
- Ветров В. М., Людников В. О. Раскопки на стоянке Ручей Акимов (Нижняя Ангара) в 2011 г. // Археологические открытия. 2010–2013 гг. М., 2015. С. 603–604.
- Ветров В. М., Трифанов А. П. Археологические исследования верхнего течения долины р. Витим // Древняя Сибирь. Новосибирск, 1970. Вып. 3: Сибирь и ее соседи в древности. С. 150–170.
- Герман П. В., Леонтьев С. Н. Комплекс археологических материалов с усть-бельской керамикой стоянки Сергусшкин-1, пункт «А» // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Георхеология. Этнология. Антропология. 2013. № 1 (2). С. 133–155.
- Глушков И. Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. 328 с.
- Предварительные результаты геохимических исследований адгезивного вещества с памятников Северного Приангарья // В. А. Дерюгин, С. В. Суховерхов, А. Д. Павлов, В. М. Новосельцева, Д. Н. Лохов, Н. Б. Соколова, Е. О. Роговской, Т. В. Омеляненко // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2016. № 5. С. 78–83.
- Дьяконов В. М. Керамика улахан-сегеленняхской культуры бронзового века Якутии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 4 (52). С. 106–115.
- Зубков В. С. Могильник Усть-Ямный на Верхней Лене // Археологические открытия. 1977 г. М., 1978. С. 232.
- Орудия для изготовления и ремонта древних глиняных сосудов / И. Клементе Конте, Н. Маззуко, Д. Куэнка Солана, М. Мозота Холгуэрас // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики: материалы Междунар. науч. конф. СПб., 2016. С. 137–140.
- Когай С. А., Бердников И. М. Неолитические материалы местонахождения Деревня Мартынова (Северное Приангарье) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Георхеология. Этнология. Антропология. 2013. № 2 (3). С. 124–137.
- Лохов Д. Н., Роговской Е. О., Дударек С. П. Североангарский вариант керамики хайтинского типа // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Георхеология. Этнология. Антропология. 2013. № 1 (2). С. 116–132.
- Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов. М.: Памятники ист. мысли, 2009. 453 с.
- Разгильдеева И. И., Дай Куникита, Яншина О. В. Новые данные о возрасте древнейших керамических комплексов Западного Забайкалья // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2013. Вып. 2. С. 168–178.
- Савельев Н. А., Уланов И. В. Керамика раннего неолита мультислойчатого местонахождения Усть-Хайта (Южное Приангарье) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Георхеология. Этнология. Антропология. 2019. Т. 29. С. 38–72.
- Шергин Д. Л. Спасательные раскопки на стоянке Усть-Займка (Нижняя Ангара) // АО 2010–2013 гг. М., 2015. С. 763–764.

On the Issue of Repair of Clay Vessels in the Territory of the Baikal Region

A. A. Ivanova, D. L. Shergin

The article deals with materials with traces of various methods of repairing pottery in the Baikal region, starting from the Early Neolithic era. The characteristic of ceramic vessels and types of repairs that are most characteristic of a particular era and on a certain territory is given. The question of the mass use of natural and/or artificial substances as a “repair substance” as well as the time of its use is raised. The materials for this work were vessels and their fragments, which revealed traces of repair in places of breakage with the help of drilled holes and putty with clay or a black substance, identified at the archaeological sites of the Baikal region: Northern Angara-Akimov rutchey, Ust-Zaimka; upper reaches of the Lena River – Makarovo I, Ust-Yamny; upper reaches of the Vitim River – Ust-Karenga XII, Staryi Vitim II.

Keywords: repair of ancient vessels, Neolithic, Paleometal, drilled holes, bitumen, dark-colored putty, Baikal region.

Иванова Анна Алексеевна
студент 5-го курса
Иркутский государственный университет
e-mail: iwanovanyura@yandex.ru

Ivanova Anna Alekseevna
Student 5th year
Irkutsk State University
e-mail: iwanovanyura@yandex.ru

Шергин Дмитрий Леонидович
старший преподаватель кафедры истории и методики
Иркутский государственный университет
e-mail: dmitriy-shergin@rambler.ru

Shergin Dmitry Leonidovich
Senior Lecturer
Department of History and Methodology
Irkutsk State University
e-mail: dmitriy-shergin@rambler.ru

УДК 903.01(571.53)

Техноморфологический анализ каменного инвентаря второго культуросодержащего горизонта стоянки Ручей Акимов (Северное Приангарье)*

А. В. Еремеев, Н. А. Рженев

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

*Работа выполнена по гранту Правительства РФ, проект № 075-15-2019-866
«Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров»

Стоянка Ручей Акимов находилась в Усть-Илимском р-не Иркутской области на правом приустьевом участке руч. Акимов на 9–13-метровом террасовидном уступе, в 3,75 км на северо-восток от д. Ёдарма, в 91 км от нижнего бьефа Усть-Илимской ГЭС. Стоянка была открыта в 2007 г., в 2011–2012 гг. по проекту спасательных работ в зоне затопления Богучанской ГЭС были выполнены масштабные исследования местонахождения [Людников, 2012; Толстова, Лохов, 2017].

В процессе раскопок были выделены три культуровмещающих горизонта: I горизонт относится к раннему железному веку [Еремеев, 2019, 2020], II горизонт – к позднему неолиту – бронзовому веку, III горизонт – среднему – раннему неолиту.

Основной целью данной работы является рассмотрение и введение в научный оборот коллекции каменного инвентаря II горизонта, расположенного в черной гумусированной задернованной кровле супеси (субатлантический период голоцена). В общей сложности в горизонте зафиксировано 8161 ед. находок. Из них выделено 5489 фрагментов керамики [Толстова, Лохов, 2017], артефактов из камня – 2605 ед., фрагментов кости – 67 ед.

Основу исследования составляет каменный инвентарь, представленный 3 теслами, одним топором, бифасом, 23 нуклеусами, 3 наконечниками, 10 скребками, 2 ножами, пестом, 744 пластинами и их фрагментами, а также 1819 ед. отходов литопроизводства (сколы, их фрагменты, осколки, чешуйки, фрагменты галек).

Группа нуклеусов (23 экз.) представлена терминально-краевыми формами (22 экз.) и одним призматическим нуклеусом. Среди терминально-краевых нуклеусов преобладают конусовидные (10 экз.), одноплощадочной монофронтальной формы с замкнутым (6 экз.) и незамкнутым (5 экз.) фронтом для получения пластин и микропластин. Площадки ровные, вогнутые, выпуклые, все подготовлены серийно встречных снятий. У ряда нуклеусов на фронтах присутствуют следы заломов от неудачных снятий. Высоты фронтов варьируют от 2,5 до 7,4 см. Выделяется одна крупная форма карандашевидного нуклеуса с высотой фронта 7,4 см. Ударная площадка вогнутая, подготовлена серийно встречных снятий. К этой же подгруппе была отнесена комбинированная форма, представленная в сочетании нуклеус + скребок. Ударная площадка нуклеуса скошена к правой латерали и является лезвием скребка. По фронту было произведено 4 видимых пластинчатых снятия. Высота фронта 4,3 см. Лезвие скребка неровное, слегка вогнутое, подготовлено крутой субпараллельной ретушью (90°),

со следами заломов и переоформления. Длина лезвия 3,4 см. Призматический нуклеус, одноплощадочный монофронтальный. Площадка неровная, часть площадки подготовлена со стороны фронта несколькими снятиями, остальная часть площадки представлена естественной поверхностью кремневой гальки.

Группа пластин (744 экз.) представлена в основном фрагментами, из которых на 27 экз. зафиксированы следы ретуши утилизации.

Группа тесел. Первое тесло удлиненной формы из кремнистого сланца. Оба фаса, как и боковые грани, подготовлены крупными встречными уплощающими снятиями. Обух обломан, прямоугольной в сечении формы. Лезвие шлифованное, со следами небольших заломов от использования. Длина тесла 13,7 см, обухок 3,1×4,1 см, ширина лезвия 3,2 см.

Второе тесло асимметричной в профиль формы из кремнистого сланца. Оба фаса несут следы подготовки крупной ретушью со следами шлифовки в медиальной части и в районе лезвия. Боковые грани плоские, оформлены серийно широких снятий, подшлифованы в районе лезвия. Обухок прямой, скошен к правой боковой грани. Лезвие прямое. Длина тесла 10,2 см; ширина обухка 2,2 см, в медиале 2,8 см, лезвия 2,2 см; толщина обуха 2,4 см, в медиале 3 см.

Третье небольшое тесловидное орудие асимметричной в профиле формы с приостренным обухком из кремнистого сланца. Аверс подготовлен крупной ретушью. Реверс является естественной частью отслоения заготовки. Боковые грани плоские, со следами шлифовки. Лезвие прямое. Длина 8,4 см; ширина в медиале 3,6 см, лезвия 3,8 см; толщина в районе обуха 1,6 см, в медиале 1,2 см.

К рубящим орудиям, помимо тесел, также относится топор. Лезвие оформлено в вентральной части и на правой латерали. Обухок и левая латераль надломлены. Лезвие подготовлено крупной ретушью. Длина 4,6 см, ширина лезвия 2,6 см, ширина орудия 1 см.

К *группе скребков* можно отнести 10 концевых формопроявлений, из них 6 оформлено на пластинах и 4 – на сколах. Все концевые скребки на пластинах имеют выпуклое лезвие, подготовленное как длинной относительно тонкой ретушью, так и крутой, иногда ступенчатой (до 90°). Практически все лезвия имеют следы сработанности и переоформления. Некоторые изделия имеют дополнительную ретушь по одному или обоим краям тела скребка. В этой подгруппе скребков два выделяются своей массивностью, имея длину 7,9 и 8,2 см, а ширину лезвия – 3,7 и

3,8 см соответственно. Концевые скребки на сколах имеют ровное выпуклое лезвие, оформленное длинной субпараллельной и мелкой регулярной ретушью. Практически все лезвия несут следы переоформления. Некоторые экземпляры имеют утонченную или обломанную базу, что, возможно, предполагает их использование в костяной или деревянной рукояти.

К группе *наконечников* относятся одна целая форма, заготовка и фрагмент наконечника. Целое изделие по форме пера представлено треугольным наконечником с вогнутой базой и оформленными симметричными шипами. Оба фаса выпуклые и подготовлены субпараллельной стелющейся покрывающей ретушью. Размеры 4,1×0,4×2,2 см. Фрагмент наконечника представлен треугольной формой с обломанной базой. Один фас практически плоский, второй – выпуклый. Фасы оформлены субпараллельной покрывающей бифасиальной ретушью. Размеры 2,3×0,4×1,1 см. Заготовка овальной вытянутой формы на пластине кремня. Подготовлена точка жала. Один фас (дорсальная поверхность пластины) оформлен субпараллельной разноразмерной покрывающей ретушью, второй – практически не подготовлен. Зона насада не несет следов подготовки и представлена дистальным концом пластины. Размеры 4,9×0,6×2,2 см.

К группе бифасов можно отнести один экземпляр листовидной формы из пластинчатого скола-преформы серого кремня, с выраженной асимметрией острого обработанного края. Контур режущего края неровный, обработан бифасиальной разноразмерной ретушью. Размеры 4,3×0,8×2,3 см.

Группа *ножей* представлена 2 формопроявлениями. Первый нож на фрагменте массивного пластинчатого скола из черного кремня. Лезвие охватывает дистальный конец заготовки. Ретушь мелкая, приостряющая. Обушок и вентральный фас заготовки подготовлены крупной ретушью. Второй нож выполнен на фрагменте пластинчатого скола. Лезвие оформлено на обеих сторонах заготовки.

Обушок подготовлен дорсальной крутой субпараллельной ретушью.

Также в коллекции представлен удлинено-овальный пест из эффузива. Дистальный конец орудия плоский, со следами забитости. Длина песта составляет 13 см, ширина 4,8 см, в медиале 4,6 см.

Коллекция каменного инвентаря второго культуросодержащего горизонта многочисленна и представительна. Орудийный набор каменных предметов второго культуросодержащего горизонта дает развернутое представление о технологиях расщепления горных пород, практиковавшихся древним населением стоянки. Коллекция каменного инвентаря типологически и морфологически имеет широкие аналогии с артефактами, зафиксированными в отложениях среднего голоцена большинства местонахождений Северного Приангарья (Усть-Ёдарма II, Усть-Кеуль I, Боквушка и др.).

*Научный руководитель – Д. Н. Лохов
преподаватель, кафедра мировой истории
и международных отношений,
науч. сотр., НИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет*

Список литературы

Еремеев А. В. Керамическая коллекция первого культуросодержащего горизонта стоянки Ручей Акимов (Северное Приангарье) // Материалы LIX Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Благовещенск; Хайхэ, 2019. С. 125–127.

Еремеев А. В. Техноморфологический анализ каменного инвентаря первого культуросодержащего горизонта стоянки Ручей Акимов (Северное Приангарье) // Материалы LIX Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Иркутск, 2020. С. 142–143.

Людников В. О. «Клад» каменных изделий со стоянки Ручей Акимов (Северная Ангара) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Батор, 2012. Т. 1. С. 61–67.

Толстова М. В., Лохов Д. Н. Керамические комплексы эпохи неолита стоянки Ручей Акимов (Северное Приангарье) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2017. Вып. 6. С. 240–247.

Technomorphological Analysis of the Stone Inventory of the Second Cultural Horizon of the Ruchei Akimov site (Northern Angara region)

A. V. Eremeev, N. A. Rzhenev

The article presents the results of the analysis of the stone inventory of the second horizon of the Ruchei Akimov site. According to the stratigraphic situation and the analysis of the collection, the horizon dates back to the Late Neolithic–Bronze Age, with 8161 items of finds recorded in the horizon. Fixed 5489 fragments of ceramic vessels, 2605 stone artifacts, 67 bone fragments were recorded. Stone artifacts are represented by 10 scrapers, 23 cores, 3 points, 3 adzes, 2 knives and a knife fragment, an axe, a pestle, 744 plates and their fragments, as well as 1819 waste from the foundry, which are represented by flakes and their fragments, debiting, chips, and fragments of pebbles. The collection of stone artifacts has broad analogies with the tools of many archaeological sites of the Northern Angara region (Ust-Yodarma 2, Ust-Keul 1, Bokovushka, etc.).

Keywords: Northern Angara, site, Late Neolithic, Bronze Age, inventory, stone artifacts.

Еремеев Артем Витальевич

студент 4-го курса

Иркутский государственный университет

e-mail: eremey2112@mail.ru

Eremeev Artem Vitalievich

Student 4th year

Irkutsk State University

e-mail: eremey2112@mail.ru

Рженев Николай Александрович

магистрант 1-го года обучения

Иркутский государственный университет

e-mail: nicolasmiklos@mail.ru

Rzhenev Nikolay Aleksandrovich

Graduate student 1st year

Irkutsk State University

e-mail: nicolasmiklos@mail.ru

Керамика из жилища эпохи палеометалла на памятнике Ветка-2

В. Г. Киселев

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

Памятник Ветка-2 был открыт в 2004 г. А. Н. Поповым и исследовался им же в 2005–2006 гг. Памятник расположен в 3,2 км к западу от с. Пермское, в 0,2 км к востоку от с. Ветка и в 9 км на северо-запад от устья р. Аввакумовка. Занимает уплощенную вершину крутосклонного мысовидного увала высотой 19–22 м, обращенного к руслу реки. На памятнике визуальнo зафиксировано 5 округлых западин диаметром 8–12 м и глубиной до 70 см. В границы раскопа вошла западина жилища № 1. Памятник является многослойным, по результатам исследований 2005 г. было выявлено два культурно-хронологических комплекса. Первый связан с дерном, темно-серой поддерновой, темно-коричневой и желто-коричневой супесями. Представлен комплекс немногочисленными фрагментами лошенной керамики эпохи палеометалла. Второй комплекс связан с надматериковым слоем желто-серой супеси и представлен веткинской археологической культурой эпохи неолита [Батаршев, 2007, с. 7].

После раскопок памятника исследователи в первую очередь сконцентрировали свое внимание на анализе материала эпохи неолита [Новые материалы по неолиту ... , 2005; Попов, Морева, 2005; Морева, Батаршев, Попов, 2008]. В связи с чем является актуальным анализ и описание керамического комплекса, относящегося к эпохе палеометалла.

В работе рассмотрен комплекс керамики, входившей в границы котлована жилища эпохи палеометалла, – 1299 фр. от общего количества керамики: фрагменты боковых стенок составляют 89,4 % (1162 ед.), фрагменты венчиков и венчиков с боковыми стенками – 6,4 % (83 ед.), фрагменты доньев и придонных частей – 4,2 % (54 ед.). Также обнаружено несколько развалов сосудов, часть из которых удалось восстановить частично или до состояния археологически целого сосуда. Фрагменты реконструированных сосудов при подсчете общего количества фрагментов керамики не учитывались.

Технико-технологические признаки. Характерной рецептурой формовочной массы керамики на памятнике является глина + песок. Сосуды изготавливались без гончарного круга, с помощью кольцевого ленточного налепа, о чем нам позволяет говорить характерный распад фрагментов стенок в местах сочленения лент [Бобринский, 1978, с. 175]. Сосуды изготавливались по емкостно-донной программе, т. е. тулово и дно сосуда формировались отдельно. Об этом можно судить по утолщениям в зоне контакта тулова с дном сосуда в виде дополнительной подмазки глины. На памятнике встречаются два варианта характерной профилировки донной части: а) тулово плавнo переходит в дно; б) в нижней части тулова имеется уступ, который равен толщине дна. В процентном соотношении это представлено следующим образом: вариант «а» – 55,6 % (30 ед.); вариант «б» – 44,4 % (24 ед.). На большинстве найденных фрагментов 67,4 % (56 фр. венчиков) венчик оформлялся налепным валиком; более редки случаи, где венчик оформлен верхним краем налепной ленты горловины – 32,6 % (27 фр.). Для венчиков, оформленных налепными валиками, характерны два варианта профиля: а) венчик скошен внутрь; б) венчик отогнут наружу.

Толщина стенок и дна сопоставима и варьируется в зависимости от размера сосуда в пределах 3–9 мм. Поверхность фрагментов в большинстве случаев гладкая, но встречаются и фрагменты с шероховатой поверхностью, что может говорить о некачественном лощении.

Цвет фрагментов неоднороден и варьируется от светло-желтого и светло-коричневого до темно-серого, на профиле цвет фрагментов однородный, лишь в редких случаях цвет внутренней стенки и внешней отличается.

Примечательно, что на памятнике был найден развал небольшого крашеного амфоровидного сосуда, который удалось восстановить до состояния археологически целого, за исключением донной части. Сосуд тонкостенный, толщина 4 мм, высота примерно 12–13 см, диаметр горловины 7 см, венчик оформлен верхним краем налепной ленты горловины. Наружная поверхность покрыта краской светло-малинового цвета, внутренняя часть, в связи с небольшим размером сосуда, покрашена только в зоне горловины, орнаментация на сосуде отсутствует. Краска на сосуде сохранилась фрагментарно, что может свидетельствовать об окраске полностью готового и обожженного сосуда.

Также стоит уделить внимание другому амфоровидному сосуду, большую часть горловины и тулова которого удалось восстановить. Небольшой сосуд, темно-серого цвета, орнаментированный в районе сочленения тулова и шейки параллельными пересеченными в одном месте прочерченными линиями. Диаметр горловины 8 см, венчик оформлен налепным валиком, высота сосуда примерно 15–18 см. На внешней стенке сосуда присутствует пищевой нагар, что свидетельствует о применении данного сосуда в качестве кухонной посуды, в частности, для жидкой пищи [Глушков, 1996, с. 84–85].

Морфология. По восстановленным развалам сосудов и их крупным частям можно констатировать наличие емкостей двух форм: а) амфоровидных, которые представляют большинство; б) горшковидных. Первый вариант сосудов имеет прямую или изогнутую шейку и выпуклое сферическое тулово. Второй вариант представлен сосудами, имеющими характерную изогнутую шейку, которая плавнo переходит в выпуклое тулово. Для всех форм сосудов характерна плоскостность. Восстановленные части горловин и доньев показывают различия в размерах: диаметр горловин варьируется в пределах 8–12 см; доньев – в пределах 8–15 см.

Орнаментация. Количество орнаментированных фрагментов рассматриваемого керамического комплекса довольно малочисленно, доля орнаментированных фрагментов от общего числа составляет 9,6 % (128 ед.). Для сосудов данного жилища характерна строгая зональность в орнаментации, преобладают две орнаментальные зоны: 1) зона венчика; 2) зона контакта шейки и тулова. Также для керамики, найденной на памятнике, свойственно сочетание позитивного и негативного типов орнамента. Венчик, оформленный налепным валиком, служит примером позитивного типа орнамента. Как уже было отмечено, для сосудов этого комплекса характерны два вида венчиков, оформленных налепными валиками: скошенный внутрь и отогнутый наружу. Толщина валика варьируется от 3 до 5 мм. Другим видом позитивного орнамента является налепной валик с диагональными оттисками по всей длине, такой тип орнамента встречается в зоне контакта шейки и тулова.

На описываемом памятнике наиболее распространенным типом негативного орнамента являются горизонтальные параллельные, пересеченные несколькими вертикальными в одном месте прочерченными линиями – 42,2 % (54 ед.). Количество горизонтальных линий варьируется от 3 до 7, число вертикальных – от 4 до 10. Также встречаются

фрагменты сосудов, в которых вертикальные пересекающие линии идут по всей окружности сосуда.

Таким образом, для керамического комплекса эпохи палеометалла на памятнике Ветка-2 характерны следующие черты: 1) орнаментальные зоны в районе венчика и сочленения шейки с туловом; 2) тонкостенность фрагментов; 3) амфоровидные и горшковидные сосуды; 4) линейная орнаментация. Выявляется сходство находок с материалом памятников Монастырка-I и Моряк-Рыболов, относящихся к лидовской культуре (2,8–2,3 тыс. л. н.), что позволяет относить памятник Ветка-2 к этой же культуре [Дьяков, 1989, с. 121].

*Научный руководитель – А. Н. Попов
канд. ист. наук, доцент,
департамент истории и археологии,
Школа искусств и гуманитарных наук,
Дальневосточный федеральный университет*

Список литературы

Ceramics of the Paleometallic Epoch Dwelling on the Site Vetka-2 (Primorye)

V. G. Kiselev

The work considers the ceramic complex of the archaeological site Vetka-2, which is located in the east of the Primorsky Krai and includes ceramic of Paleometallic epoch. The work considered part of the paleometallic epoch ceramics found on dwelling. Analyzing ceramics on the basis of technical and technological indicators, morphology and features of vessel ornamentation it was revealed similarity of the findings from Vetka-2 with the material of the sites Monastyrka-I and Moryak-Rybolov, which belong to lidovskaya culture of paleometallic epoch (2,8–2,3 years ago), consequently we can refer the archaeological site Vetka-2 to this culture.

Keywords: lidovskaya culture, paleometallic, ceramic, Vetka-2, amphoral vessel, Primorsky krai.

Киселев Виктор Геннадьевич

студент 3-го курса

Дальневосточный федеральный университет

e-mail: viktor.99.10@mail.ru

Kiselev Viktor Gennadievich

Student 3rd year

Far Eastern Federal University

e-mail: viktor.99.10@mail.ru

УДК 903.02(571.13)"6377"

Орнаментальные традиции сузгунской культуры

А. С. Гаврилин

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Впервые комплекс находок сузгунского типа был обнаружен и описан Валерием Николаевичем Чернецовым в 1950 г. по материалам одноименного памятника [1953, с. 49–51]. Сузгун II расположен в небольшом ложке, отделяющем высокое со скошенными склонами урочище Сузге-тура на правом берегу р. Иртыш (в черте г. Тобольска) [Там же, с. 49]. По залегающему по всему ложку культурному слою, а также большому количеству сосудов, которые находились как под обвалами, так и над ними – было выдвинуто предположение о том, что памятник является древним жертвенным местом, связанным с заупокойным культом. Сама сузгунская культура была выделена Вандой Иосифовной Мошинской в 1950-е гг. [1957, с. 116–117]. Она была причислена к андронидным культурам, благодаря андроновским геометрическим узорам в композиции [Косарев, 1981, с. 142–145].

Зарождение многих андронидных культур (сузгунская, пахомовская, ирменская, еловская) происходило вследствие взаимовлияния местного населения с пришлыми андроновскими племенами. По мнению О. Н. Корочкивой, близость андронидного населения предтаежной и таежной зоны указывает на сложение сузгунской культуры на южной кромке таежной зоны. Причем определяющую роль в окончательном формировании сыграла ирменская культура [Корочкова, 2011, с. 22]. По мнению Л. Я. Косинской, начальная стадия формирования орнаментации происходит на основе традиций гребенчато-ямочного неолита [1984, с. 55]. Указывается и на слияние пахомовской и гребенчато-ямочной культур, которое произошло на юге таежной зоны в XII–XI вв. до н. э. [Матвеева, Ткачев, 2016,

Батаршев С. В. Археологические исследования в Ольгинском и Спасском районах Приморского края в 2006 году. Отчет // Архив МАЭ УНМ ДВФУ. Владивосток, 2007. 97 с.

Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978. 272 с.

Глушков И. Г. Керамика как исторический источник. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. 328 с.

Дьяков В. И. Приморье в эпоху бронзы. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1989. 296 с.

Морева О. Л., Батаршев С. В., Попов А. Н. Керамический комплекс эпохи неолита с многослойного памятника Ветка-2 (Приморье) // Неолит и неолитизация бассейна Японского моря: человек и исторический ландшафт: материалы Междунар. конф., посвящ. 100-летию А. П. Окладникова. Владивосток, 2008. С. 131–140.

Новые материалы по неолиту Восточного Приморья (результаты исследований 2005 года) / А. Н. Попов, О. Л. Морева, С. В. Батаршев, Н. А. Дорофеева // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2005. Т. 11, ч. 1. С. 184–189.

Попов А. Н., Морева О. Л. Неолит Приморья // Северная палеокультура – культурные адаптации в конце плейстоцена и голоцена: материалы Междунар. конф. «По следам древних костров...», посвящ. 80-летию Н. Н. Дикова. Магадан, 2005. С. 170–172.

с. 29]. Однако развитие сузгунской и пахомовской культур могло идти параллельно в лесостепи Тоболо-Иртышья и южнотаежной зоне Притоболья соответственно [Ткачев, 2017, с. 23].

Следы сузгунской традиции обнаруживаются в южнотаежной, предтаежной и лесостепной зонах. В первой зоне практически все позднебронзовые памятники содержат в себе сузгунские, а также красноозерские комплексы [Абрамова, Стефанов, 1985, с. 103–106]. В лесостепной зоне площадки, освоенные сузгунским населением, незатронутые другими культурами, встречаются между реками Иртыш и Ишим (бассейн Крутинских озер) [Косарев, 1981, с. 84–86]. Реже сузгунские поселения встречаются в восточной части данной области на течении р. Иртыш. По правому притоку р. Тара памятники сузгунской культуры доходят до Барабинской лесостепи [Зиминова, Илюшина, 2013, с. 40–41]. На территории лесной полосы Прииртышья, вдоль Иртыша, сузгунские артефакты часто залегают вместе с ирменскими [Корочкова, 2011, с. 29–31].

Глиняные сосуды сузгунского типа по своим формам и приемам орнаментации разделены на четыре типа [Чернецов, 1953; Мошинская, 1957; Галкин, 1991]. Они сделаны ленточным налепом из глиняного теста с примесью дресвы с крупным песком [Мошинская, 1957, с. 120]. Интересна гладкая поверхность сосудов – внешняя и внутренняя очень старательно сглажены, чаще всего залощены. За пример будут взяты наиболее орнаментированные сосуды, относящиеся к первому типу (рис. 1–11). Эти крупные горшки выделяются своими размерами: высота 30–35 см,

диаметр устья 28–35 см, диаметр дна 10–12 см. Хорошо профилированы, с низкой шейкой, плавно переходящей в плечики с туловом; а также слабо выпуклыми стенками и небольшим плоским дном [Чернецов, 1953, с. 49–50]. Как правило, украшены по всей поверхности, причем орнамент разделяется на четыре зоны.

Первая из них, занимающая шейку и плечики, состоит из двух хорошо уравновешенных между собой поясков, разграниченных гладкой, лощеной дорожкой. Пояса верхней зоны состоят из оттисков зубчатого штампа, который может ставиться под углом или образовывать узор горизонтальной «елочки» (рис., 1–3, 7). Каждый из них выделен хотя бы одним рядом круглых ямок (рис., 2–5). Далее идет орнамент, занимающий среднюю часть сосуда, книзу от линии наибольшего диаметра; состоит из широкой полосы ленточного меандронного узора, треугольных и ромбических композиций (рис., 2–3, 8, 10). Их обрамляет

гребенчатый штамп из двух поясков, им же идет разделение второй и третьей зон. Она, в свою очередь, размещена на средней части тулова; на ней нередко находится орнамент, состоящий из двух зигзагов, складывающийся из заштрихованных лент (рис., 1–4). Придонная четвертая зона располагается в нижней трети сосуда. На ней зачастую наносилась орнаментика в виде удлиненных устремленных вершинами ко дну равнобедренных треугольников, состоящих из нарезных линий (рис., 6). В дополнение к этому рисунку часто идет нарезная решетка, занимающая пространство ниже треугольников. Нередко четвертая зона орнамента состоит из горизонтальной «елочки» из оттисков короткой гребенки или небольших вдавлений. Если орнаментировалось и дно, то обычно так же, как четвертая зона [Косарев, 1981, с. 146].

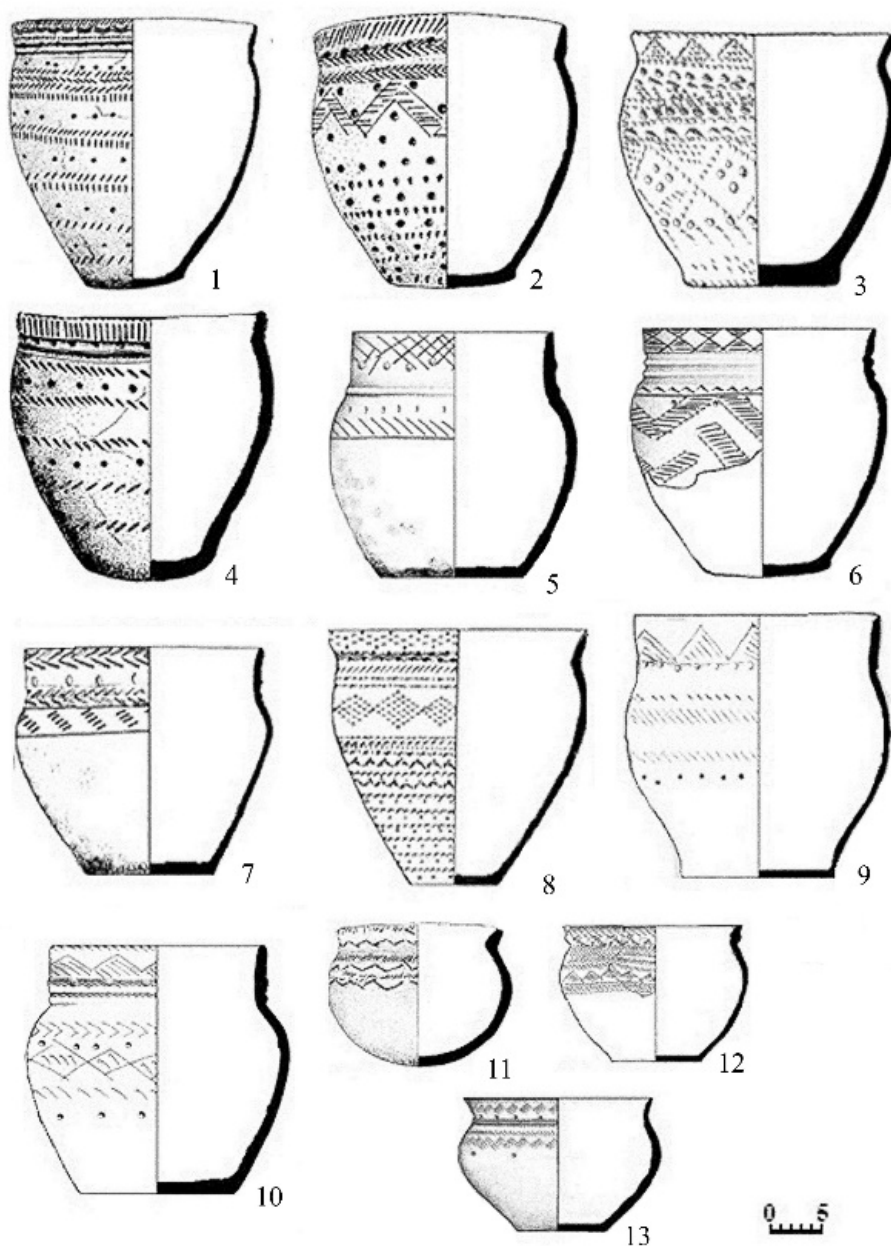

Рис. Сузгунская керамика лесостепи:
1, 2 – Сузгун II; 3, 4 – Чудская гора; 5 – Алексеевка I; 6 – Алексеевка XXI; 7 – Абатское VI;
8 – Хутор Бор I; 9 – Новочечкино I; 10 – Надеждинка IV; 11 – Ново-Шадрино VII;
12 – Заводоуковское XI; 13 – Чеганово I

На ранней стадии классическое разделение орнамента на четыре зоны по всей поверхности еще не сформировалось. Много редко встречающихся вариантов узора, что также может свидетельствовать о начальной стадии формирования сузгунской традиции при взаимодействии нескольких: ташковской (разграничение орнаментальных зон рядами ямок) (рис., 9–10, 13), коптяковской (гребенчатый штамп) (рис., 5, 10–11) и андроновской (горизонтальная «елочка») (рис., 12). На позднем этапе сузгунские коллективы занимают лесостепную зону по долинам рек Ишим и Иртыш [Ткачев, 2017, с. 6]. На посуде сохранились геометрические узоры и зигзагообразные ленты, но произошло обеднение геометрической орнаментации (рис., 1, 4). Также появляются новые черты, например ряды мелких насечек в верхней части, образующих «елочку»; заштрихованные ленты, по контуру которых идут штампы. Такие элементы присущи керамике межовского типа Восточного Зауралья [Косарев, 1981, с. 168]. Прииртышская позднесузгунская керамика практически не имеет геометрических мотивов и характеризуется общей небрежностью в нанесении узора, увеличением доли сосудов с обедненной и разреженной орнаментацией [Ткачев, 2002, с. 40–41]. В основании шейки имеются ряд «жемчужин», а также воротничок (рис., 5). Ирменские элементы сочетаются с сузгунскими уголковыми вдавлениями, наклонными и прямо поставленными оттисками штампа, широкими и узкими желобками [Матюшенко, 1974, с. 31–40]. И так, орнаментальные традиции сузгунской культуры за время своего формирования претерпели многие изменения. Формирование на начальном этапе (святоборский), затем стабильное развитие (красногорский) и, позднее, смешение с другими культурами (Чудская гора). Однако они смогли выработать свои уникальные особенности, среди которых и формы (значительно меньший диаметр дна), и методы орнаменти-

ки (сплошной рисунок по всей поверхности), и сами уникальные орнаменты (разграничение зон лощеной дорожкой).

*Научный руководитель – А. А. Ткачев
доцент, канд. истор. наук,
кафедра археологии и этнографии,
Тюменский государственный университет*

Список литературы

- Абрамова М. Б., Стефанов В. И. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районе новостроек Сибири. Новосибирск, 1985. С. 103–130.
- Галкин В. Т. Сузгунская культура эпохи поздней бронзы в южно-таежном Тоболо-Иртыше: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. 21 с.
- Зимина О. Ю., Илюшина В. В. Керамика бархатовской культуры подтаежного Притоболья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 3 (22). С. 40–53.
- Корочкова О. Н. Взаимодействие культур в эпоху бронзы в Среднем Зауралье и подтаежном Тоболо-Иртыше: факторы, механизмы, динамика: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011. 38 с.
- Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 280 с.
- Косинская Л. Л. Поселение Ир II // ВАН. 1984. Вып. 17. С. 45–55.
- Матвеева Н. П., Ткачев А. А. К вопросу о появлении сузгунской культуры в Нижнем Притоболье // АВОРIGINE: археолого-этнографический сборник. Тюмень, 2016. Вып. 8. С. 27–49.
- Матюшенко В. И. Из истории Сибири. Выпуск двенадцатый // Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1974. 196 с.
- Мошинская В. И. Сузгун II – памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири // МИА. 1957. № 58. С. 114–135.
- Ткачев А. А. Исследование городища Абатское VI на Ишиме // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2002. Вып. 4. С. 40–44.
- Ткачев А. А. Культурно-исторические процессы в эпоху поздней бронзы на территории лесостепного и южнотаежного Тоболо-Иртыша: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2017. 26 с.
- Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. 1953. № 35. С. 7–71.

Ornamental Traditions of the Suzgun Culture

A. S. Gavrilin

This article is devoted to the study of the identity of Suzgun-type ceramics among the Late Bronze Age cultures located in the Middle Irtysh region. Due to the kinship and proximity of the distribution of cultures, interaction took place. The subject of the study is ceramics, as one of the most frequent types of finds in this area. In the andronoid ornamental tradition of the Yelovsky, Pakhomovsky, Barkhatov, Krasnoozersk finds, at least one element can be represented, which is an indicator of the cultural attribution of Suzgun ware, which indicates its prevalence. The most ornamented first type of vessels is considered. The analysis of the vessels not only traced the features of this cultural tradition, but also revealed the features of the interpenetration of ornamental techniques and modeling.

Keywords: Archaeology, Middle Irtysh region, Late Bronze, Suzgun culture, ceramics, ornament.

Гаврилин Александр Сергеевич

студент 2-го года обучения

Тюменский государственный университет

e-mail: sanya.gavrilin.95@mail.ru

Gavrilin Aleksandr Sergeevich

Student 2nd year

Tyumen State University

e-mail: sanya.gavrilin.95@mail.ru

УДК 903.53(571.52)

Материалы кургана 1 могильника Бош-Даг в свете новых данных по археологии эпохи бронзы Центральной Азии

К. М. Монгуш

Национальный музей имени «Алдан-Маадыр» Республики Тыва, Кызыл, Россия

Могильник Бош-Даг находится примерно в 6 км к северо-востоку от пос. Новый Чаа-Холь в Чаа-Хольском районе (кожууне) Республики Тыва на первой надпойменной террасе левого берега р. Чаа-Холь, у южного подножия горы Бош-Даг. Всего памятник включает около 46 объектов, расположенных разрозненными цепочками. В 1964 г. археологической экспедицией Тувинского НИИЯ-ЛИ под руководством М. Х. Маннай-оола при участии сотрудника ИА АН СССР Н. Л. Членовой было исследовано 9 курганов [Маннай-оол, 1965; Маннай-оол, Членова, 1964]. Особый интерес представлял курган 1 могильника,

расположенный в южной части могильного поля¹. Материалы этого комплекса были проанализированы Н. Л. Членовой в 1966 г. и по сумме данных отнесены ею к раннескифскому времени (VII–VI вв. до н. э.) [Членова, 1966]. Пред-

¹ Публикация настоящего памятника стала возможна в результате анализа отчета, полевого дневника и археологической коллекции памятника [Маннай-оол, 1965; Маннай-оол, Членова, 1964]. Отчет, полевой дневник и альбом иллюстраций к настоящему времени хранятся в Научном архиве ТИГПИ. Коллекция предметов находится в фондах НМРТ, он был передан в 1965 г. М. Х. Маннай-оолом (колл. КП № 4287).

ложенная исследователем культурно-хронологическая интерпретация, как показывают аналитические работы более поздних лет, не подвергалась сомнению [Маннай-оол, 1970; Савинов, 2002, с. 83; Длужневская, Савинов, 2007]. Однако в результате работ А. А. Ковалева с коллегами в западной и северо-западной Монголии была выделена мунх-хайраханская культура эпохи развитой бронзы, которая занимает не только данную территорию, но и Туву, юг Красноярского края, что показали недавние публикации [Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014, рис. 1; Охранные работы ... , 2015; Боковенко, Ковалев, Лазаретов, 2019]. Эти данные позволяют по-новому взглянуть на атрибуцию памятника в рамках мунх-хайраханской культуры.

Наземная конструкция публикуемого комплекса представляет собой подовальную в плане каменную кладку из горных пород (рис. 1, 1, 2). Ее размеры составляли 9×11 м при высоте не более 0,3 м. В ЮЗ, ЮВ, СВ секторах крупные плиты лежали вплотную друг к другу (см. рис. 1, 1), в отличие СЗ сектора, где плиты отсутствовали. По-видимому, здесь плиты были перемещены при разграблении могилы. Можно сказать, характеризуя в целом наземное сооружение, что насыпь была, как и в мунх-хайраханских памятниках, совершенно плоской, хотя и подвергалась разрушению в ходе разграбления [см., например: Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014, рис. 2]. На месте наибольшего скопления камней были сняты плиты, но не встречено явных следов могилы, грунт остался светлым. Однако в грунте встречались мелкие камни, которые концентрировались, по всей вероятности, в центре. Очевидно, они были заполнением могилы. Углубление в этом месте в виде прямоугольного в плане шурфа глубиной 114 см (см. рис. 1, 1) показало на дне две каменные плиты, поставленные на ребро (см. рис. 1, 2, 3), образующие, как полагают М. Х. Маннай-оол и Н. Л. Членова, южную стенку камен-

ного ящика. Однако такая трактовка данной детали внутримогильной конструкции не может быть принята. Вероятнее всего, каменные плиты были уложены вдоль стенок для образования свода, как в случае с комплексом Улаан говийн удзуур 1/1 [Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014, с. 199, рис. 3]. Кости от погребенных лежали разрозненно на дне ямы в результате ограбления. Они были представлены: 2 лопатками, плечевой, бедренной костью, позвонком, ребрами, 2 зубами и фалангами пальцев. В полевом дневнике М. Х. Маннай-оол и Н. Л. Членова указывают, что этот набор костей относится к двум индивидуумам – взрослому и ребенку [Маннай-оол, Членова, 1964, л. 10].

От инвентаря, по причине разграбления погребальной ямы, осталось немного. Три фрагмента бронзового ножа (рис. 2, 4) находились к западу от второй плиты. Предмет при соединении фрагментов представлял собой режущую часть ножа с дуговидной спинкой, ручка ножа едва выделена. Ранее Н. Л. Членовой указывалось, что находка соответствует раннескифским образцам. Однако находку нужно отнести к предметам, характерным для эпохи палеометалла Северной и Центральной Азии. В мунх-хайраханской культуре подобные ножи, но только целые, известны, к примеру, в материалах курганов Улаан говийн удзуур 1/1, Галбагийн удзуур 1/2, а также случайной находкой из Дзамар сомона в Монголии [Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014, рис. 16, 11; рис. 22; Ковалев, 2017, рис. 2] (рис. 2, 9, 10). Определенной аналогией ножу из Бош-Дага, видимо, являются бесчеренковые предметы из 7-го слоя стоянки Тоора-Даш, который ранее соотносился Вл. А. Семеновым с поздним этапом окуневской (чаа-хольской) культуры Тувы [Семенов, 1997, рис. 4, 4, 5], А. А. Ковалевым сейчас этот слой стоянки соотносится, в определенной мере, с мунх-хайраханской культурой [Ковалев, 2017, с. 58].

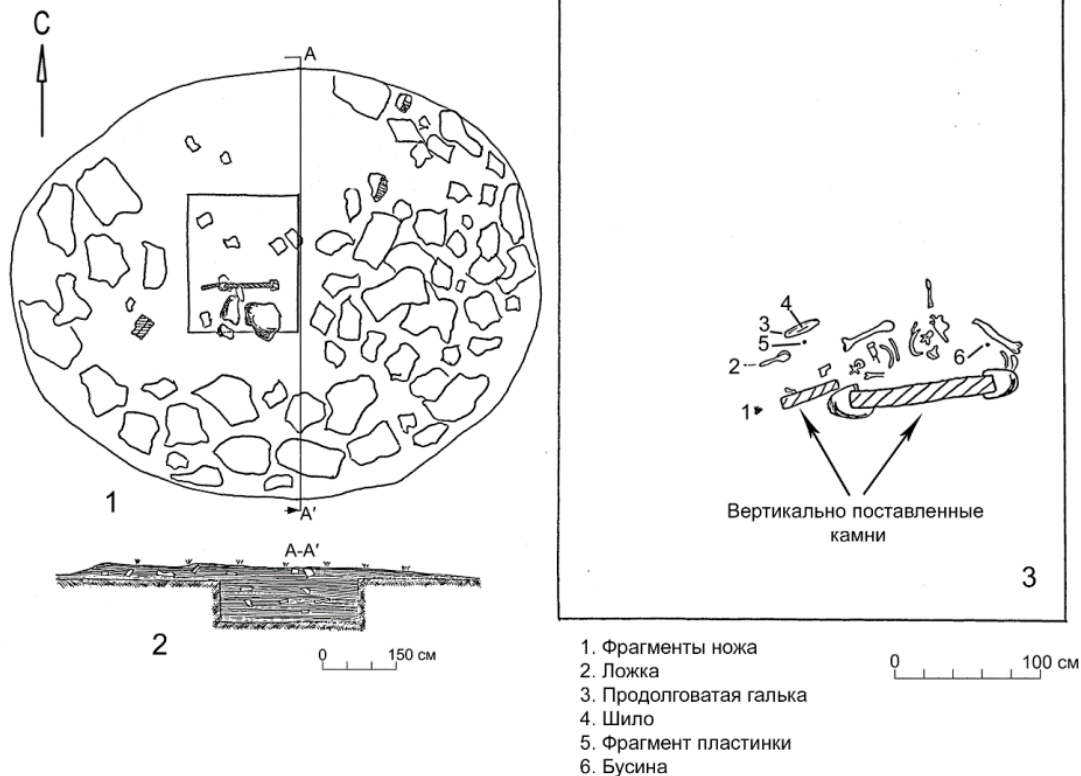

Рис. 1. Могильник Бош-Даг, курган 1:
1 – план; 2 – разрез; 3 – план могилы

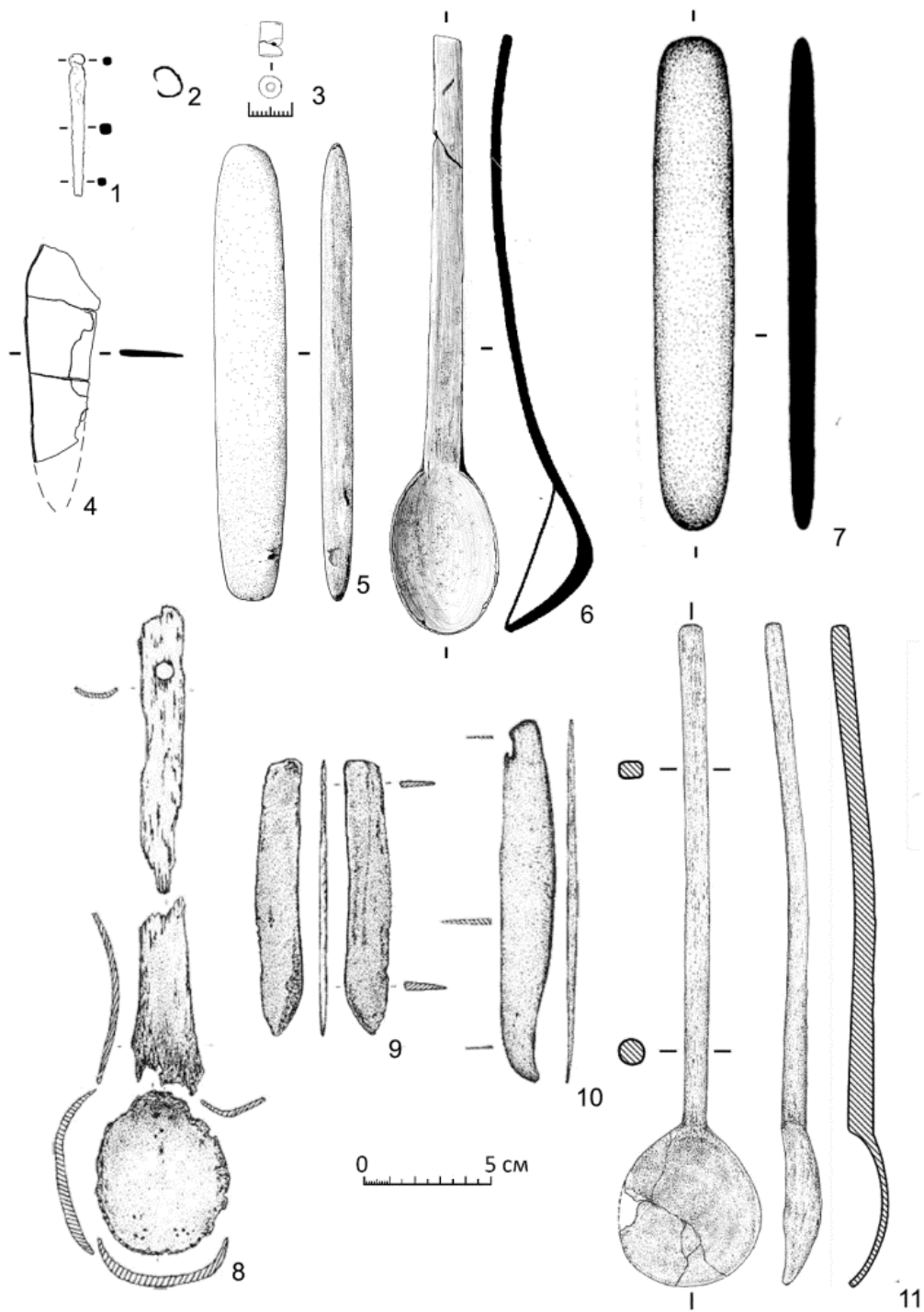

Рис. 2. Инвентарь кургана 1 могильника Бош-Даг и некоторые аналогии им из памятников мунх-хайраханской культуры:
 1–6 – курган 1 могильник Бош-Даг; 7 – оградка из р. Ус (Красноярский край); 8 – курган Улаан Говийн удзуур 1/1;
 9–11 – курган Галбагийн удзуур 1/2

Костяная (роговая) ложка (рис. 2, 6) лежала к северу от ножа вместе с оселком, шилом, пластинкой из бронзы и бусинкой. Н. Л. Членова в своей публикации никак не охарактеризовала настоящий предмет. Однако все те же материалы из Монголии указывают, что подобные ложки или черпаки являются важной частью инвентарного комплекса мунх-хайраханской культуры (рис. 2, 8, 11), имеющей не только утилитарное значение, но и ритуальный характер. А. А. Ковалев соотносит их с обрядом распределения пищи [2017, с. 60]. Аналогии этим предметам известны в Монголии, в Туве подобных находок не обнаружено. Если

рассматривать скифские памятники региона, то известна только одна фрагментированная ложка, происходящая из раскопок кургана озен-ала-белигского этапа саглынской культуры могильника Саускен 3 в верховьях р. Эрбек [Дорога длиной ... , 2015, с. 153, рис. 31].

Продолговатая, подовальная в сечении, галька из диорита (рис. 2, 5) темно-красного цвета достаточно интересная находка на настоящем памятнике. В монгольских памятниках подобные вещи не найдены, но любопытна похожая по форме галька из яшмы темно-красного цвета (рис. 2, 7), происходящая из погребения ребенка в оградке

в долине р. Ус. О. А. Митько, раскопавший этот комплекс, относит его к кругу окуневских, однако, совершенно ясно, что памятник относится к мунх-хайраханской культурной традиции [Митько, 2006, с. 285, рис. 6, 35]. Кроме того, важно отметить, что этот предмет подвергался трасологическому анализу. Согласно ему, он применялся для выделки кожи, и аналогичным образом, видимо, употреблялась диоритовая галька из Бош-Дага [Там же, с. 285–286]. При этом не исключено, что каменные изделия из Бош-Дага и Уса могли иметь ритуальное назначение, подобно чемурчекским и окуневским каменным жезлам с изображением головы копытного животного, один из которых найден в кургане могильнике на р. Тарлашкын в Южной Туве [Маннай-оол, 1963, Табл. III].

Крайне сложны для интерпретации находки двух бронзовых предметов из кургана Бош-Дага – шила и обломка пластинки или проволоки неясного назначения (рис. 2, 1, 2). Рисунок шила в публикации Н. Л. Членовой представляет собой небольшой, квадратный в сечении стержень [1966, рис. 14, 5], но непосредственное ознакомление показывает, что у предмета имеется полусферическое навершие (см. рис. 2, 1), подобно скифским экземплярам. Видимо, находка попала в погребальную яму в более позднее время, поскольку, как мы рассмотрели выше, в погребальной яме находились кости от двух человек, вероятнее всего, одно из погребений было впускным. Следует предположить, что эта находка относится к все тому же скифскому времени. Второй предмет (см. рис. 2, 2) также вызывает вопросы, поскольку эта находка не была нами обнаружена в составе коллекции, рисунок из статьи Н. Л. Членовой слишком схематичен (в иллюстрации настоящей работы он представлен по этой работе) [Членова, 1966, рис. 14, 4]. Следует полагать, что она являлась составной частью какого-то металлического украшения. Составной частью ожерелья, видимо, являлась находка (рис. 2, 3) разломанной на две части бусинки из минерала белого цвета (аргиллит, тальк – ?), которая лежала к северу от восточной плиты, поставленной на ребро.

Таким образом, наземная конструкция, погребальный обряд и отдельная часть материального комплекса кургана 1 могильника Бош-Даг с некоторыми оговорками (находка шила с полусферическим навершием и кости человека, относимого к возможному впускному погребению скифского времени) соответствует мунх-хайраханской культуре. По-видимому, формирование могильного поля у южно-го склона горы Бош-Даг начинается именно с этого памят-

ника, поскольку другие комплексы, раскопанные М. Х. Маннай-оолом и Н. Л. Членовой, относятся к эпохе поздней бронзы и ранних кочевников. Вместе с тем вопрос о хронологии настоящего памятника остается открытым, более точные данные появятся при получении нового компаративного материала на территории Тувы и соседних регионов.

Список литературы

- Боковенко Н. А., Ковалев А. А., Лазаретов И. П. Открытие памятников Мунх-Хайраханской культуры в горах Западного Саяна // ИЛДТ. 2019. Т. 15, № 2. С. 47–66.
- Дорога длиной в тысячелетия... Научно-аннотированный альбом / С. В. Александров, Н. А. Боковенко, К. В. Горлов, А. Ю. Городилов, М. Е. Килуновская, Н. С. Курганов, Н. Ф. Соловьева, И. П. Лазаретов, А. В. Поляков, Т. Р. Садыков, Вл. А. Семенов, Н. Ю. Смирнов, С. Б. Шапиро. СПб. : Любавич, 2015. 196 с.
- Длужневская Г. В., Савинов Д. Г. Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб. : ИИМК РАН, СПбГУ, 2007. 198 с.
- Ковалев А. А. Мунх-хайраханская культура периода развитой бронзы и ее связи с культурами неолита – бронзового века Восточной Сибири // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии : материалы II Междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию д-ра ист. наук, проф. П. Б. Коновалова. Улан-Удэ, 4–6 дек. 2017 г. Улан-Удэ, 2017. С. 57–66.
- Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д. Открытие в центре Евразии новой культуры эпохи развитой бронзы (мунх-хайраханская культура) // РАЕ. 2014. Вып. 4. С. 194–225.
- Маннай-оол М. Х. Итоги археологических исследований ТНИИЯЛИ в 1961 г. // УЗ ТНИИЯЛИ. 1963. Вып. X. С. 238–246.
- Маннай-оол М. Х. Отчет о полевых исследованиях ТНИИЯЛИ в 1964 году // Научный архив ТИГПИ. Кызыл, 1965. Док. № 477. Рук. 1, 2. 22 л.
- Маннай-оол М. Х. Тува в скифское время (уюкская культура). М., 1970. 122 с.
- Маннай-оол М. Х., Членова Н. Л. Полевой дневник исследований ТНИИЯЛИ за 1964 г. // Научный архив ТИГПИ. Кызыл, 1964. Док. № 477. Рук. 3. 40 л.
- Митько О. А. Памятники «окуневского круга» в долине р. Ус (Западные Саяны) // Окуневский сборник 2. Культура и её окружение. СПб., 2006. С. 283–291.
- Охранные работы Саянской археологической экспедиции ИИМК РАН в долине р. Иджим в 2014 г. / С. В. Александров, Н. А. Боковенко, А. Ю. Городилов, И. П. Лазаретов, А. В. Поляков // Бюл. ИИМК РАН (охранная археология). 2015. № 5. С. 123–162.
- Савинов Д. Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. СПб. : СПбГУ, 2002. 204 с.
- Семенов В. А. Окуневские памятники Тувы и Минусинской котловины (сравнительная характеристика и хронология) // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб. : Петро-РИФ, 1997. С. 152–160.
- Членова Н. Л. Первые комплексы раннескифского времени из Тувы // КСИА. 1966. Вып. 107. С. 47–56.

Materials of Mound 1 of the Bosh-Dag Burial Ground in View of New Data on the Archaeology of the Bronze Age of the Central Asia

K. M. Mongush

The paper describes the materials of mound 1 of the Bosh-Dag burial ground, located on the left bank of the Chaa-Khol River, in the Central Tuva basin. The object was investigated in 1964 by the archaeological expedition of the Tuva research institute under the leadership of M. Kh. Mannai-ool. In the first publications, it was assigned to the Early Scythian time. However, the analysis of the ground structure, individual details of the funeral rite and the clothing complex indicate that the object may be included in the circle of objects of the munkh-khairakhan culture of the advanced Bronze Age, recently identified on the materials of Mongolia.

Keywords: Tuva, Mongolia, Chaa-Khol River, Bosh-Dag mountain, Bronze Age, munkh-khairakhan archaeological culture, mound, grave, inventory.

Монгуш Кежик Май-оолович

научный сотрудник, отдел археологии
Национальный музей им. «Алдын-Маадыр»
Республики Тыва
e-mail: kezhik.mongush.1994@yandex.ru

Mongush Kezhik May-oolovich

Research Associate of the Department of Archaeology
Aldan-Maadyr National Museum of the Republic Tuva
e-mail: kezhik.mongush.1994@yandex.ru

Особенности орудийного набора байрыкско-лыбаевской культуры лесостепного Притоболья

И. А. Кудряшова

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

В первую очередь стоит отметить, что изучение лыбаевских древностей активно проводилось Е. Н. Волковым, в то время как байрыкский тип памятников изучали М. Ф. Косарев и В. И. Молодин в конце прошлого века. Объединение этих территориально отдаленных памятников в единую культуру произошло в 2009 г. [Волков, 2009, с. 12]. Основой для объединения данных культур стали не только керамические фрагменты и домостроительные традиции, но и орудийный набор. Стоит сказать, что инвентарь байрыкской культуры изучен в гораздо большей степени, нежели инвентарь лыбаевской культуры.

Орудийный набор байрыкско-лыбаевских древностей в большинстве своем состоит из каменных изделий, а также бронзовых и костяных орудий. Каменный инвентарь на территории поселений байрыкского типа представлен очень широко и весьма разнообразен. Около 36 % от общего комплекса на территории Венгерovo-3 – представители пластинчатой индустрии [Молодин, 1985]. Если говорить о лыбаевских памятниках – доля пластинчатой индустрии гораздо выше и доходит до 50 % изделий от общего комплекса [Матвеева, Волков, Матвеев, 2005]. В основном орудия выполнялись из яшмы, кварцита и кремня. Также можно говорить об использовании галечника. Помимо прочего необходимо сказать о том, что камень на данных территориях был особенно ценным материалом, что видно из использования даже поломанных предметов для создания новых орудий труда. Также стоит упомянуть о том, что весьма разнообразный костяной инвентарь был найден

на территории поселения Оськино Болото [Скочина, Ткачев, 2019].

Как уже было сказано, основной особенностью ранне-лыбаевского набора является использование качественных пород сырья с преобладанием пластин и пластинчатых отщепов, а также нахождение на территории лыбаевских памятников наконечников кельтеминарского типа [Волков, 2007, с. 23]. В целом на территории поселения Венгерovo-3 было найдено 15 экз. наконечников стрел, 7 из которых целые, остальные же представлены обломками (рис., 1–5, 9–11). Ведущая форма изделий была листовидная, однако встречались изделия миндалевидной и подтреугольной формы. Также было найдено 2 экз. дротиков миндалевидной формы, изготовленных из кварцита и куска кремня.

Следующие изделия – топоры (4 экз.) (рис., 7), которые имели трапециевидную форму и были выполнены из гальки. Лезвие для придания большей остроты было обработано шлифовкой, а само орудие в сечении было подпрямоугольной или линзовидной формы.

Ножи были представлены 11 экз., изготовленными на отщепах (рис., 6). Режущие грани были обработаны двусторонней ретушью. Длина самого лезвия варьируется от 1 до 3,4 см. Скобели представлены двумя экземплярами. Один из них был выполнен на отщепе и служил для обработки древков стрел или других изделий. Абразив был найден в одном экземпляре, выполненном из мелкозернистого песчаника (рис., 8). В разрезе – подчетыреугольной формы.

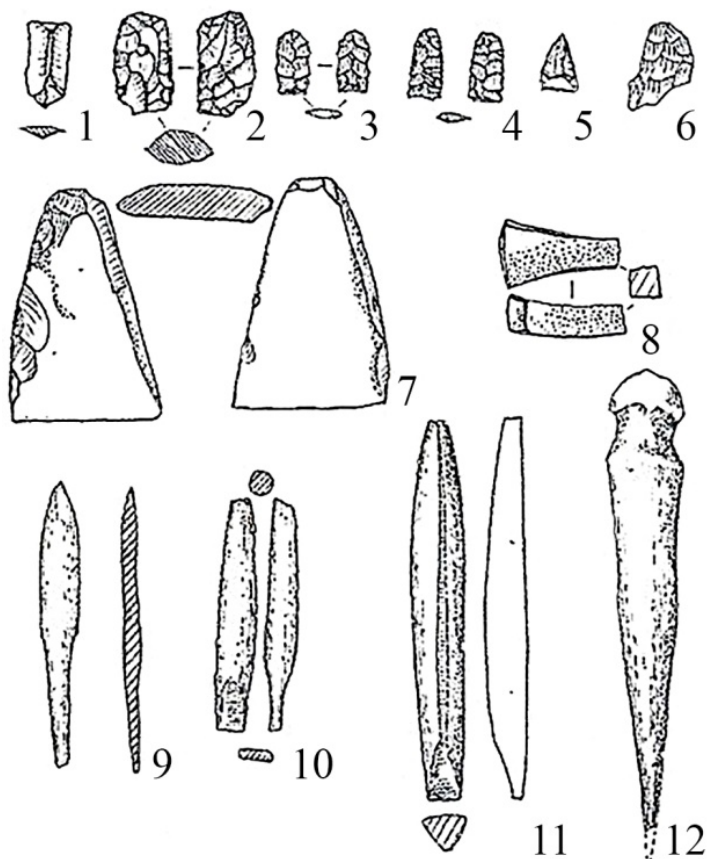

Рис. Поселение Венгерovo-3. Археологический материал

Нуклеусы представлены в 12 экз. и изготовлены из массивных галек. На 5 из них сохранилась галечная корка. Два были сработаны настолько, что после из них были сделаны скребки посредством поправки одной из частей ретушью. Еще два были сделаны для снятия отщепов.

Утюжок представлен обломком в единственном экземпляре. Рабочая часть изделия сильно пришлифована, а спинка украшена идущими вдоль параллельными желобками.

Скребки являются самой значительной частью комплексов (72 экз.). Диаметр изделий колеблется от 0,6 до 3,4 см. Форму лезвия имеют чаще всего подокруглую, а сама форма орудия зачастую округлая или же имеет форму заготовки – сколотого отщепа.

Бронзовые орудия были найдены в жилище № 4 и представлены 3 экз. Это обломок кончика однолезвийного ножа клиновидной формы. Также был найден обломок бронзового изделия и, предположительно, наконечник стрелы пулевидной формы, выполненный из пластины путем скручивания в конусовидную трубку. Размер данного изделия – 2,3×0,4 см.

Также были найдены изделия из кости, они представлены 14 экз. В первую очередь это наконечники стрел, два из которых удлинённые. В разрезе представляют собой форму пера с зашлифованным лезвием. Длина пера – от 3,3 до 6 см.

Если отойти от изделий преимущественно байрыкско-го типа, то стоит обратить внимание на изделия, найденные на территории поселения Оськино Болото. Ассортимент каменного инвентаря состоит из шлифованного тесла подтрапцевидной формы, обломка обушной части топора, а также изделий из кремня и черного плитчатого сланца [Скочина, Ткачев, 2019, с. 14].

Костяной инвентарь включает в себя 18 экз. различных орудий, в числе которых кинжал, острие, проколки (рис., 12), шпатели и проч. Даже эта, на первый взгляд, не очень богатая коллекция находок отлично отражает быт и хозяйственную деятельность на территории лесостепного

Притоболья эпохи энеолита. Так, например, нож использовали для чистки рыбы. Это можно сказать на основе исследования царапин, находящихся на одной из сторон изначально отполированного орудия. Также можно сказать о том, что в качестве проколки активно использовались расколотые обломки ребер животных. Этот вывод сделали на основе того, что острые края и концы этих орудий имели сглаженный характер и жирную заполировку [Там же, с. 9].

Таким образом, стоит сказать, что изучение орудийного набора байрыкско-лыбаевской культуры еще находится на раннем этапе. Найденные материалы на территории поселений Венгерovo-3 и Оськино Болото, пусть и значительны, и интересны для подробного анализа, но все еще крайне немногочисленны. Для детального изучения части найденных материалов на предмет их функциональной принадлежности уже использовался трасологический анализ, однако часть исследований найденных орудий еще предстоит провести.

Научный руководитель – А. А. Ткачев

канд. ист. наук, доцент,

кафедра археологии, истории древнего мира и средних веков,

Тюменский государственный университет

Список литературы

Волков Е. Н. К проблеме изучения энеолитических культур Тюменского Притоболья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 11. С. 4–15.

Волков Е. Н. Лыбаевские древности лесостепного Притоболья (эпоха энеолита) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2007. № 7. С. 22–35.

Матвеева Н. П., Волков Е. Н., Матвеев А. В. Изучение этнокультурных ареалов и материальной культуры энеолита и бронзового века в Зауралье // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень, 2005. Вып. 6. С. 118–128.

Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.

Скочина С. Н., Ткачев А. А. Костяные орудия энеолитического комплекса поселения Оськино Болото // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 3. С. 4–16.

Typical Features of Tool Set in Bayryk-Lybayevo Culture

I. A. Kudryashova

The article is devoted to a detailed study of the tool set one of the most important Eneolithic cultures of the Tyumen low Tobol basin – of the Bayryk-Lybayevo culture, as well as their detailed analysis and identification of characteristic features. The tool set was one of the reasons for the unification of two geographically remote archaeological cultures along with ceramic products and house-building traditions. The article describes in detail the stone and bone tools, their number, features, different methods of polishing and their location too. Much attention is also paid to the differences in the location of certain tools, as well as the percentage of finds found relative to others. Moreover, the article tells about the conducted trasological analyses and their results which can give a lot of information about tool set of this archaeological culture.

Keywords: Western Siberia, Tumen region, archaeology, Irkutsk, Eneolithic.

Кудряшова Ирина Александровна

студент 1-го курса

Тюменский государственный университет

e-mail: Stud0000242463@study.utmn.ru

Kudryashova Irina Aleksandrovna

Student 1st year

Tumen State University

e-mail: Stud0000242463@study.utmn.ru

Половозрастная дифференциация в погребальной практике носителей одиновской культуры (по опубликованным материалам памятника Тартас-1)

А. А. Некраш

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Памятник Тартас-1 расположен в Венгеровском районе Новосибирской области, был открыт в 2003 г. Б. А. Дейчем и О. В. Софеевым и, начиная с этого года и до настоящего момента, исследуется под руководством академика РАН В. И. Молодина. Всего за это время было изучено более 750 погребений, часть из которых относится к одиновской культуре. К настоящему моменту опубликовано 11 одиновских захоронений [Молодин, 2013; Тартас-1 ... , 2010; К периодизации культур ... , 2011; Археологические исследования ... , 2011; Новейшие археологические открытия ... , 2016; Рыба в погребальной ... , 2019]. Т. А. Чикишевой и Д. В. Поздняковым выполнен антропологический анализ скелетов из погребений № 152, 193, 253, 247, 270, 286, 330, 362, 365, 369, 484, 487, 491, 492, 495–498 [Чикишева, Поздняков, 2019]. Эти опубликованные данные стали источниковой базой исследования.

На памятнике Тартас-1 половозрастная характеристика выполнена для 21 индивида, среди которых 11 мужчин и 10 женщин. В двух захоронениях (№ 273, 410) погребены дети. Возрастные группы следующие – 13–15 (1 инд.), 18–20 (1 инд.), 19–24 (1 инд.), 20–25 (2 инд.), 30–35 (5 инд.), 35–40 (4 инд.), 40–45 (2 инд.), 45–50 (3 инд.), 50–55 (1 инд.), 60+ (1 инд.) [Там же].

Погребальный обряд в мужских, женских и детских захоронениях типичен для одиновской культуры. Так, погребенные в могилах № 193 (женщина), 273 (ребенок), 365 (мужчина), 410 (ребенок) лежали на спине, в вытянутом положении, голова и верхняя часть туловища приподняты, в результате чего череп сместился на кости грудной клетки. Выделяется женское погребение № 487, где ноги умершей были подогнуты вверх коленями. Чаще всего встречаются одиночные погребения (10 погр.), только в погребении № 379 обнаружено 5 взрослых индивидуумов [К периодизации культур ... , 2011].

Сравнивая между собой погребальный инвентарь взрослых и детей, следует отметить, что рядом с телом погребенного ребенка присутствуют только изделия из кости. Так, было отмечено наличие костяного орудия около левой кисти в погребении № 273 [Рыба в погребальной ... , 2019] и в области груди в погребении № 410 [К периодизации культур ... , 2011], а также скопление костей мелких животных, предположительно, подвесок. Для взрослых подобная ситуация не характерна, так как в погребениях вместе с изделиями из кости обнаружен и другой инвентарь. Например, в погребении молодой девушки (в возрасте 19–24 лет) выявлен бронзовый кельт и шило-проколка (погр. № 487) [Археологические исследования ... , 2011]. В погребении № 611 найдены фрагменты сосуда и одношипный наконечник стрелы [Новейшие археологические открытия ... , 2016].

Погребальный инвентарь не был найден в двух захоронениях взрослых людей (погр. № 382 и 383). Однако не стоит исключать тот факт, что некоторые предметы из дерева, ткани, кожи в процессе археологизации могли до нас не дойти. Рядом с погребенными в возрасте от 18 до 36 лет чаще всего встречались керамические сосуды или их фрагменты.

Некоторая дифференциация наблюдается в погребальном инвентаре в женских и мужских захоронениях. В женском погребении № 487 был обнаружен разнообразный набор инвентаря, включающий фаллический символ (кость), проколку (кость), кельт сейминско-турбинского

типа (бронза), бронзовое шило, бронзовую бляшку [Молодин, 2013, с. 309–324]. В женском погребении № 193 были найдены проколка из плечевой кости птицы и неорнаментированный фрагмент керамики. Под локтевым сочленением этой же руки располагались две иглы из кости животного, вторая – из ребра крупного караса [Рыба в погребальной ... , 2019]. В мужском погребении № 365 у коленей между ног захороненного выявлен керамический сосуд.

Исследовав опубликованные материалы с памятника Тартас-1, можно отметить, что различие в погребальной практике между женскими, мужскими и детскими погребениями проявляется на уровне сопроводительного инвентаря. В детские могилы помещали костяные орудия, подвески из челюсти мелкого хищника и заупокойную пищу (обнаружены кости рыб и мелких животных). Погребальный инвентарь взрослых разнообразнее и включает изделия из кости, камня, рога, бронзы. Различия между мужскими и женскими погребениями проявляются на уровне погребальной практики и сопроводительного инвентаря. Так, выделяется погребение № 487, где умершая была положена на спину с подогнутыми вверх коленями, с несколько приподнятой верхней частью туловища. С ней в могилу был помещен объемный по количеству и разнообразный по ассортименту набор артефактов. Для женского погребения № 193 также характерна подобная ситуация с сопроводительным инвентарем. В мужском захоронении № 365 инвентарь более скуден и представлен одним керамическим сосудом. Таким образом, на основании имеющихся данных можно предположить наличие половозрастной дифференциации в погребальной практике носителей одиновской культуры памятника Тартас-1 на уровне выбора сопроводительного инвентаря. Более точные выводы могут быть получены после анализа всей серии одиновских захоронений памятника Тартас-1, которые в будущем будут опубликованы руководителями раскопок.

*Научный руководитель – Д. В. Селин
канд. ист. наук, науч. сотр.,*

*Новосибирский государственный университет,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Список литературы

Археологические исследования могильника Тартас-1 в 2011 году. Основные результаты / В. И. Молодин, С. Хансен, Л. Н. Мильникова, А. Наглер, Л. С. Кобелева, И. А. Дураков, Н. С. Ефремова, О. И. Новикова, М. С. Нестерова, Д. А. Ненахов, Ю. Н. Ковыршина, Н. Н. Мосечкина, Ю. А. Васильева // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2011. Т. XVII. С. 206–211.

К периодизации культур эпохи бронзы Обь-Иртышской лесостепи: стратиграфическая позиция погребальных комплексов ранней – развитой бронзы на памятнике Тартас-1 / В. И. Молодин, Л. Н. Мильникова, О. И. Новикова, И. А. Дураков, Л. С. Кобелева, Н. С. Ефремова, А. И. Соловьев // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 3. С. 40–56.

Молодин В. И. Сейминско-турбинские бронзы в «закрытых» комплексах одиновской культуры (Барабинская лесостепь) // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии. Новосибирск, 2013. С. 309–324.

Новейшие археологические открытия на памятнике Тартас-1 / В. И. Молодин, С. Хансен, И. А. Дураков, С. Райнхольд, Л. С. Кобелева, Ю. Н. Ненахова, Д. А. Ненахов, М. С. Демахина, Д. В. Селин // Проблемы археологии, антропологии, этнографии Сибири и сопредельных территорий. 2016. Т. 22. С. 357–361.

Рыба в погребальной и ритуальной практике одиновской культуры в Барабинской лесостепи (по материалам могильника Тартас-1) / В. И. Молодин, И. А. Дураков, Л. С. Кобелева, Л. А. Конева // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2019. № 62. С. 170–179.

Тартас-1 – открытия 2010 года / В. И. Молодин, С. Хансен, Л. Н. Мыльникова, А. Наглер, О. И. Новикова, И. А. Дураков, Л. С. Кобелева, Н. С. Ефремова, А. И. Соловьев, Д. А. Ненахов, Ю. Н. Ковырыгина, М. С. Нестерова // Проблемы археологии, этногра-

фии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2010. Т. XVI. С. 262–266.

Чикишева Т. А., Поздняков Д. В. Антропологические аспекты одиновской культуры (Западная Сибирь) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Т. 47, № 4. С. 128–139.

Gender and Age Differentiation in the Burials of the Odinoovo Culture (According to the Materials of the Archaeological Site Tartas-1)

A. A. Nkrash

The work is based on anthropological data on the gender and age characteristics of the carriers of the Odinoovo culture, who inhabited the territory of the Barabinsk forest-steppe in the III millennium BC. Data on 11 burials were obtained from the site Tartas-1, there are 15 skeletons in total. The study of the published materials contributed to the consideration of the features of the funeral rite and inventory, depending on the gender and age of the deceased. The funeral rite is typical of the Odinoovo culture, but there are also exceptional cases of the body being placed in the grave, for example, on its back with its knees bent up. Groups of things peculiar to women's, men's and children's burials were identified. In children's burials, only bone products are present, and in adults, the burial equipment is more diverse and there are products made of bone, stone, horn and bronze.

Keywords: Archaeology, Odinoovo culture, Western Siberia, burial, Bronze Age, the gender and age characteristics.

Некраш Алина Анатольевна

студент 4-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: a.nekrash@g.nsu.ru

Nkrash Alina Anatolievna

Student 4th year

Novosibirsk State University

e-mail: a.nekrash@g.nsu.ru

УДК 903.23 (571.53) "634"

Эпоха палеометалла: производящее хозяйство в степях Казахстана в энеолите

М. А. Рысбергенов

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан

Палеометаллическая эпоха в истории человечества охватывает период с конца IV до начала I тыс. до н. э. Она начинается с появления первых металлических предметов, сделанных из меди. В то же время на протяжении всего периода сохраняются и играют значительную роль в трудовых процессах и быту изделия из камня и кости. В эпоху энеолита, с началом освоения металла, начинается деградация кремневой индустрии и обеднение наборов каменных орудий. Признаки наиболее отчетливых изменений новой культурной парадигмы в виде энеолитических комплексов (плоскодонная, богато орнаментированная керамика, мелкая пластика, жилища) проявляют себя в оседло-земледельческих регионах, где данная новация позволила земледельцам и скотоводам достигнуть значительных перемен [Мартынов, 2005, с. 143].

Энеолит казахстанских степей проявляет иную тенденцию, поскольку здесь иная природная среда и для ее освоения здешние люди выбрали оптимальный для себя путь развития. На этом пути каменная индустрия не только не деградировала, но и поднялась на еще более высокий уровень.

Распространение производящего хозяйства в виде скотоводства доказано только для ботайской и терсекской культуры. Так, например, предположение о существовании скотоводства в энеолите Южного Зауралья археологическим материалом не подтверждается. Выдвижение теории о существовании отгонного скотоводства наиболее обоснованно, однако оно не является единственным хозяйственно-культурным типом для степей в эпоху энеолита [Захаров, 2009, с. 7].

Климат эпохи энеолита в широте ниже 66 был более теплым и выражался более сильным атмосферным увлажнением по сравнению с современной эпохой. Это создало благоприятные условия для активного естественного прироста численности популяций крупных млекопитающих, тем самым позволив сократить площадь охотничьих передвижений.

Начиная с энеолита здесь складывается иная, чем в предшествующие эпохи, направленность культурных и хозяйственных связей. Это обстоятельство, в свою очередь, было связано с распространением новых средств передви-

жения – повозок с использованием тягловой силы животных. Фактом является рисунок на глиняном горшке – два колеса и стилизованное изображение лошади между ними.

Ко времени энеолита, по мнению В. Н. Логвина, между степями Европы и Азии не было непреодолимых для людей той эпохи барьеров [Логвин, 1986, с. 23]. Отсюда вытекает, что уже в энеолите имеют место культурные контакты между дальними регионами.

Если в неолите средством передвижения служила лодка, а связи часто определялись речной системой и ее направленностью, то в энеолите они не могли играть значительной роли, поскольку с появлением скотоводства быт людей стал менее опираться на охотничьи передвижения и речные узлы [Мартынов, 2005, с. 160].

Переход к производящему хозяйству в степной полосе также вызвал резкий скачок в населенности этих земель, что было связано с переходом к производящей форме хозяйства, в первую очередь – подвижному скотоводству.

Ботайская культура характеризует степной энеолит Северного Казахстана (Урало-Иртышское междуречье) и датируется III–II тыс. до н. э. Она, следовательно, просуществовала одно тысячелетие.

По мнению С. В. Захарова, генезис ботайской культуры является все еще неокончательно разрешенной проблемой и характеризуется широким разнообразием и противоречивостью во взглядах на возникновение элементов ботайского материального комплекса и культурных контактов ботайцев [Захаров, 2010, с. 56].

Для всех энеолитических коллекций Урало-Иртышского междуречья характерна преобладающая отщеповая индустрия. Использование некачественных пород обусловлено значительной оседлостью неолитического населения, вызванной переходом к производящему хозяйству (это определило потребность в больших количествах сырья для производства орудий труда). Внедренные в производство металлические ножи использовались, прежде всего, для тех функций, которые в неолитическую эпоху могли выполняться только качественными кремневыми ножами. Это такие операции, как: резьба по кости, дереву, раскрой шкур и т. д. [Зайберт, 2009, с. 24–25].

Массовое использование сырья при качественном ухудшении показывает интенсивно-производящий тип хозяйства, что, в свою очередь, означает масштабную хозяйственную деятельность, в отличие от замкнутой, имеющей низкий показатель тесного хозяйственного взаимодействия с природой и осваивания ее обществом охотников-рыболовов.

Культурно-хозяйственный тип, сложившийся в эпоху энеолита в Урало-Казахстанских степях, можно определить как оседлый многоотраслевой с доминантой коневодства [Там же, с. 295]. Ботайский хозяйственно-культурный тип складывался на основе круглогодичного функционирования капитальных поселений с сочетанием хозяйственного основания отделенных территорий, объединенных экологическими и экономическими условиями [Зайберг, 2009, с. 239].

Впервые в степях люди стали строить капитальные деревянные сооружения, а уникальность конструкции в данном регионе и отсутствие схожих жилищ в сопредельных культурах были доказаны трудами А. М. Кисленко [1993] и С. В. Захарова [2009]. Зимой они жили в больших поселениях (20–30 га) и стационарных домах, а весной часть жителей поселков вместе с лошадьми уходила в открытые степные районы Тургайской ложбины и отрогов Улутау в Джекказганском регионе. Они впервые выработали календарные циклы скотоводов в степи.

Ботайцы пользовались медными инструментами и предметами. Они были искусными мастерами, медиками, художниками и ювелирами. Была установлена локальная традиция деревообработки. Т. А. Даниленко выявила 97 типов костяных изделий [1985], что показывает высокий уровень косторезного дела и уникальность коллекции. Интересно то, что для памятников предшествующей неолитической эпохи Северного Казахстана, Зауралья и Западной Сибири многочисленные коллекции костяных орудий не характерны [Зайберг, 2009, с. 62].

М. Ж. Нурушев на основе анализа костей сделал вывод, что одомашнивание лошади началось в IV тыс. до н. э., а процесс приручения длился на протяжении X–IV тыс. до н. э. В качестве доказательства одомашнивания лошади на Ботае автором приводятся следующие факты: застезки пут для лошадей; наличие следов от удил на десятой части зубов ботайских лошадей; использование лошадиной сбруи носителями ботайской культуры и скальпели для кастрации жеребцов; недоуздки из ремней, укрюк, длинная палка с петлей на конце – орудие табунщика для ловли лошадей; колесный транспорт и пр. [Нурушев, 2019, с. 3–6].

Носители ботайской культуры не предпринимали экспансивных действий. Генеалогические исследования пока-

зывают отсутствие прямой связи между ботайцами и носителями ямной культуры. Ботайская культура не оставила своего непосредственного наследника в регионе Урало-Иртышского междуречья.

Освоение производящего хозяйства, тем самым – зарождение степной цивилизации, напрямую связано со скотоводством и его производственными новациями. Перед скотоводством открывались значительные перспективы быстрого развития и выработки новых форм. И одним из наиболее значительных явлений древнейшей истории степной полосы явилось создание больших культурных общностей [Мерперт, 1974, с. 9–10, 12].

История ценна своими конечными фактами, которые в совокупности образуют пользу для действующей реальности и, несомненно, являются неизменными столпами для будущего. Та история, которая когда-то в древности бытовала на нынешних землях и реальный облик которой мы пытаемся кропотливо восстанавливать, на сегодняшний день достоверно открылась нам в еще одном убедительном положении. Многолетними археологическими исследованиями было установлено, что степи Урало-Иртышского междуречья являются значимым очагом, где зародился самобытный, а также весомый для истории человечества культурно-исторический феномен – кочевничество.

*Научный руководитель – Ж. Т. Алтаева
магистр истории, преподаватель кафедры
археологии и этнологии,*

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева

Список литературы

- Даниленко Т. А. Костяной инвентарь поселения Ботай // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск : ЧелГУ, 1985. С. 34–47.
- Зайберг В. Ф. Ботайская культура. Алматы : КазАқпарат, 2009. 576 с.
- Захаров С. В. Изучение энеолита Северного Казахстана и Южного Зауралья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2009. 30 с.
- Захаров С. В. К вопросу о происхождении Ботайской культуры // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2010. С. 49–58.
- Кисленко А. М. Опыт реконструкции энеолитического жилища // Проблемы реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии. Петропавловск : Наука, 1993. С. 117–137.
- Логвин В. Н. Неолит и энеолит степного Притоболья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986. 26 с.
- Мартынов А. И. Археология. М. : Высш. шк., 2005. 447 с.
- Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского Междуречья. М. : Наука, 1974. 173 с.
- Нурушев М. Ж. Эволюция процесса одомашнивания (доместикации) ботайской лошади и ее место в филогении рода *equus caballus* // Бюл. Оренбург. науч. центра УрО РАН. 2019. № 4. 10 с. URL: <http://elmag.uran.ru:9673/magazine/Numbers/2019-4/Articles/NMZ-2019-4.pdf>. <https://doi.org/10.24411/2304-9081-2019-14001>

The Era of the Paleometal: a Manufacturing Economy in the Steppes of Kazakhstan in the Eneolithic

M. A. Rysbergenov

The productive economy is a watershed achievement in human history. Since this advancement in the economy marked the evolution in the plane of the logical chain of human development, and, at the same time, revolutionary in the qualitative and quantitative spheres in comparison with previous eras. In order to classify a certain region as a cultural and civilizational focus, initiator of cultural and historical processes within the framework of a common human development context, it is important to determine the degree of development of a given region. At the same time, to determine the most ancient roots of development, as well as its quality in relation to its time. This article describes the existence of a developed manufacturing economy in the steppe zone of Kazakhstan in the Eneolithic.

Keywords: Paleometal era, Eneolithic, producing economy, North Kazakhstan, the Botai culture.

Рысбергенов Муса Ахатулы

студент 2-го курса

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева

e-mail: rysbergenov.mussa@gmail.com

Rysbergenov Musa Akhatuly

Student 2nd year

L. N. Gumilyov Eurasian National University

e-mail: rysbergenov.mussa@gmail.com

Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана: новые открытия

З. Р. Каримбаева

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан

В археологии Казахстана существует неразгаданный феномен бегазы-дандыбаевской культуры, неразрывно связанный с уникальным природно-географическим регионом Центрального Казахстана – Сарыарка. Эта обширная мелкосопочная страна площадью около 2 млн км², несмотря на активные археологические изыскания, до сих пор хранит тайны многих страниц первобытной и средневековой истории.

Бегазы-дандыбаевская культура названа так по погребениям, найденным в местностях Бегазы (1947–1952 г. – А. Х. Маргулан) и Дандыбай (1934 г., открыт М. П. Грязновым). Ее хронологические рамки – XII–VIII вв. до н. э. [Акишев, 1953, с. 4]. Два фактора определяли интенсивность освоения и достаточно высокий уровень культуры древних племен, населявших Центральный Казахстан. Это, во-первых, обширные пастбищные угодья, а во-вторых, многочисленные месторождения руд. В эпоху бронзы начинается разработка рудных месторождений меди, олова, золота. В это время в экологически удобных оазисах на берегах мелких степных речек обитает довольно многочисленное андроновское население, занимавшееся земледелием и пастушеским скотоводством, горным делом, металлургией и металлообработкой. Процветание центрально-казахстанских андроновцев обеспечивалось, вероятно, скотом и продукцией бронзолитейного производства.

Характерными чертами бегазы-дандыбаевской культуры являются:

- 1) хозяйственная жизнь, основанная на кочевом скотоводстве;
- 2) строительство особого типа надгробных сооружений;
- 3) своеобразный погребальный обряд;
- 4) появление новых форм глиняной посуды;
- 5) наличие большого количества шахт по добыче меди.

Это культура, в облике которой сохраняются ведущие характеристики бронзового века и одновременно проступают и формируются черты следующей археологической эпохи раннего железного века. В погребальном обряде, наряду с традиционным положением умерших скорченно на боку, единичными являются захоронения, вытянутые на спине.

В могильных ямах рядом с сосудами с богатым геометрическим декором обнаружена грубо сформованная неорнаментированная посуда предтасмолинского облика. В мавзолее Бегазы обнаружен бронзовый черешковый наконечник стрелы, определивший верхнюю дату культуры [Бейсенов, Варфоломеев, Касеналин, 2014, с. 143].

Исследования 30–40 гг. XX в. подготовили основу для выделения бегазы-дандыбаевской культуры. Своеобразными визитными карточками бегазы-дандыбаевской культуры являются монументальные погребальные сооружения, получившие название «скальные мавзолеи» (термин А. Х. Маргулана), и прекрасной выделки сосуда с богатым декором и красным лощением. Уже первые находки посуды в бегазы-дандыбаевских могилах удивили исследователей нанесением на поверхности некоторых из них тамгообразных знаков. Не укладывались в стандартные представления о степной бронзе и грандиозные скальные мавзолеи Сангыру, Бегазы, Аксу-аюлы.

Это были строения прямоугольные, квадратные либо круглые в основании. Размеры по осям от 8 до 10 м. Стены

облицованы горизонтально уложенными плитами, скрепленными раствором. Плиты размещались с напуском вовнутрь, создавая в древности сводчатые перекрытия над мавзолеем. Раскопаны центральные могилы глубиной около 1 м, стены их тоже оформлены горизонтально уложенными или вертикально стоящими плитами. Вокруг могилы сооружалась обходная галерея, на которой найдены многочисленные жертвенно-поминальные комплексы, сосуды, кости животных, вещи. Все раскопанные мавзолеи, к сожалению, оказались ограбленными.

С восточной стороны к мавзолею примыкают длинные коридоры. По внешнему периметру наиболее грандиозные из строений также были дополнительно окружены вертикально врытыми каменными плитами высотой 3–4 м. Необходимо указать, что памятники типа бегазинских скальных мавзолеев немногочисленны на территории Центрального Казахстана. Они обнаружены всего в 17 пунктах [Бейсенов, Варфоломеев, Касеналин, 2014, с. 31].

Появление в начале I тыс. до н. э. в степях Казахстана столь грандиозных сооружений объясняется как показателем роста богатств местного андроновского населения, как яркое проявление социального расслоения племен эпохи бронзы [Там же, с. 166].

В последние десятилетия в Центральном Казахстане материал поздней бронзы значительно расширился и пополнился новыми коллекциями. Исследованы 60 поселений с культурными слоями поздней бронзы и 200 крупных могильников. Вскрытые площади на поселениях эпохи поздней бронзы достигают несколько десятков тысяч квадратных метров, частично раскопаны курганы рядового населения бегазы-дандыбаевских племен.

Одним из открытий последнего десятилетия является могильник Каражартас (XV–XIV в. до н. э.), расположенный на территории Шетского района Карагандинской области. Раскопки проводились в 2016–2017 гг. под руководством И. А. Кукушкина. Могильник Каражартас является в настоящий момент одним из крупнейших среди усыпальниц бегазы-дандыбаевской знати. Высота мавзолея около 3 м, состоит из 5–6 рядов стен, каждый последующий к центру ряд стен был выше предыдущего. Длина внешнего периметра стен 13,5–14 м, высота кладки 15 слоев, ширина – до 0,34 м. Погребальная камера сооружена из илестого грунта, высота – 1,88 м. Также проведенные подсчеты использованного строительного материала позволяют констатировать, что общий вес каменных конструкций мог достигать 650–700 т. Это в 1000 раз превышает затраты на рядовые захоронения, что показывает реальную картину высокой социально-экономической дифференциации бегазы-дандыбаевского общества, приближая погребенного лидера к «царскому» рангу [Сакральная география ... , 2017, с. 452].

Также можно сказать о характерных особенностях мавзолеев:

- во-первых, это один из элитных мавзолеев, датированный эпохой поздней бронзы;
- во-вторых, в настоящее время мавзолеев Каражартас является самым большим по размерам среди бегазы-дандыбаевских могильных конструкций;
- в-третьих, конструкция имеет ступенчатопирамидальную форму;
- в-четвертых, снаружи мавзолеев окружен двумя рядами вертикальных менгиров.

Как сказано выше, бегазы-дандыбаевская культура сохраняет ведущие характеристики бронзового века, но также в ней формируются черты следующей археологической эпохи раннего железного века. В 2016 г. на городище Кент были установлены структурно-текстурные особенности металлургических шлаков поселения.

Городище Кент является крупнейшим в Казахстане поселением. Его площадь – 30 га. Оно расположено в Каркаралинском районе Карагандинской области. Феноменальным оказался его функциональный статус. Были очевидные признаки города: правильная планировка, улицы, многоэтажные застройки. Но также городище Кент имело сельскохозяйственную округу и было включено в систему межкультурных связей. На огромной для того времени площади располагались жилые дома, хозяйственные постройки, ремесленные (металлургические) кварталы, площади для проведения общественных собраний и религиозных обрядовых действий. Вокруг города были могильники. Кент быстро разросся и стал вначале крупным культурно-хозяйственным и административным центром, а затем городом.

Кентские материалы дают сведения о социально-экономической и политической жизни высокоорганизованных военизированных кланов, занимавших лидирующие позиции в обществе того времени [Варфоломеев, Ломан, Евдокимов, 2017, с. 12].

В 1985 г. открытие городища Кент стало возможным благодаря работам археологической экспедиции Карагандинского государственного университета. В 1985 г. в районе впадения в Кызылкеныш левого притока ручья Алат были зафиксированы поселения Алат, Алат I, Алат II. Материалы, найденные на поселении Алат, представлены керамикой валикового типа, костяным инвентарем, предметами из камня и хронологически и культурно идентичны находкам городища Кент. Таким образом, Алатские комплексы – это часть Кента, его производственный квартал. С начала XXI в. стали появляться сообщения о раскопках металлургических печей и находках шлаков на поселении Алат.

В исследованиях В. В. Варфоломеева, М. Н. Анкушева и И. А. Блинова установлены структурно-текстурные особенности шлаков городища Кент. Три образца шлаков из

подъемных сборов были переданы в лабораторию химического анализа Химико-металлургического института им. Ж. Абишева (г. Караганда). Результаты исследования были положительными. По сравнению с медными шлаками поселения Кент в железном шлаке отсутствуют характерная медная минерализация и, собственно, корольки меди. Отсутствие примесей Cu, Zn и других цветных металлов указывает, что этот шлак был получен при целенаправленной переработке железных руд именно для получения железа.

Исходя из анализов шлака, можно предположить, что металлурги, изготавливающие бронзолитейную продукцию оригинальных и традиционных типов Евразийской металлургической провинции, предпринимали попытки производства железа. Железных вещей не найдено, но в раскопе 11 найден кусок железа неправильной формы [Варфоломеев, Анкушев, Блинов, 2016, с. 10].

Изучение бегазы-дандыбаевской культуры – это история складывания современной этнической карты Центральноазиатского региона. Это вопросы взаимоотношения носителей индо-иранских и тюркоязычных народов. Это проблема становления кочевого скотоводства. Традиции бегазы-дандыбаевской культуры ученые прослеживают в хозяйственном и бытовом инвентаре племен, проживавших на территории Казахстана в эпоху раннего железа.

*Научный руководитель – М. К. Хабдулина
доцент, кафедра археологии и этнологии,*

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева

Список литературы

- Акишев К. А. Эпоха бронзы Центрального Казахстана : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1953. 17 с.
- Бейсенов А. З., Варфоломеев В. В., Касеналин А. Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы : Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2014. 191 с.
- Варфоломеев В. В., Анкушев М. Н., Блинов И. А. Металлургические шлаки из поселения Кент // Вестн. ЮУрГУ. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2016. С. 6–12.
- Варфоломеев В. В., Ломан В. Г., Евдокимов В. В. Кент – город бронзового века в центре казахских степей. Астана : Қазақ ғылыми зерттеу мәдениет институтының баспа тобы, 2017. 338 с.
- Сакральная география Казахстана: Реестр объектов природы, археологии, этнографии и культовой архитектуры / под общ. ред. Б. А. Байтанаева. Алматы : Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана, 2017. Вып 1. 903 с.

Begazy-Dandybay Culture of Central Kazakhstan: New Discoveries

Z. R. Karimbayeva

The Late Bronze Age of Kazakhstan is represented by the famous Begazy-Dandybay archaeological culture. Its date is 12th – 9th centuries BC. The article describes the characteristic features of the architecture of the funerary structures of the Begazy-Dandybayev culture and considers new discoveries made in recent decades. At the end of the twentieth century, large settlements were studied, which, according to the results of the study, received the status of a proto-city. This is the “city” of Kent with an area of 30 hectares. The Late Bronze Age Karazhartas mausoleum has been excavated in Central Kazakhstan. Currently, it is the largest burial structure in terms of size. In the section, the monument has a pyramidal-stepped shape. New materials were obtained when studying the Alat craft quarter, located in the structure of the “city” of Kent. According to the results of the analysis of slags, it was found that the metallurgists who made bronze-casting products already at the end of the Bronze Age made attempts to produce iron.

Keywords: Central Kazakhstan, the Begazy-Dandybay culture, Late Bronze Age, Kent, Karazhartas mausoleum, Alat settlement, iron.

Каримбаева Зулхумар Расулжанкызы

студент 3-го курса

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева

e-mail: zulkumar63@gmail.com

Karimbaeva Zulkhumar Rasulzhankyzy

Student 3rd year

L. N. Gumilev Eurasian National University

e-mail: zulkumar63@gmail.com

Культура плиточных могил: материалы к археологической карте

А. В. Гармаева, Е. А. Ляпина

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

Данная статья посвящена практической работе над составлением археологической карты распространения памятников культуры плиточных могил (далее – КПМ) на территории Забайкальского края, согласно Реестру лицензий на осуществление деятельности по сохранению объектов культурного наследия. Такого рода работы выполнялись ранее для территории Бурятии [Цыбиктаров, 1998]. Эта работа очень важна для формирования современной базы данных для проведения аналитических исследований на современном методологическом уровне.

КПМ – это распространенная группа памятников в южном и центральном Забайкалье, которые также находятся на сопредельных территориях: в северо-западном районе Китая, северной и северо-восточной Монголии и южном Прибайкалье. Данная культура относится к периоду поздней бронзы и раннего железного века. Датируется в диапазоне с кон. 2 тыс. н. э. до первых веков н. э. Расцвет КПМ приходится на VIII–III вв. до н. э. В восточной части Забайкальского края зафиксированы одиночные погребения, группы по 5–8 оградок, и крупные могильники в несколько десятков-сотен оградок. Глубина могильных ям чаще в диапазоне от 0,6 до 1 м. В редких случаях достигает

2,5–3 м, при этом боковые плиты наращивались, перекрытие делалось в несколько рядов [Кирилов, Кириллов, 2011].

Плиточные могилы в пределах Забайкальского края представлены на реках Онон, Шилка, Ингода, Аргунь [Константинов, 2016, с. 38]. Они зафиксированы в степных, лесостепных и лесных районах [Верещагин, 2018, с. 119]. Досоветский период исследований КПМ можно охарактеризовать как период накопления материала. Вопросы датировки и осмысления открытых памятников по существу не ставились, а попытки связать культуру плиточных могил с каким-то определенным народом были не обоснованы [Членова, 1992, с. 247]. В XX в. была поставлена задача датировать КПМ и найти им место в общем историческом процессе. Понятие «плиточная могила» ввел в 1927 г. Г. И. Боровка, который объединил похожие погребения Забайкалья и Монголии и отнес их к единой скифо-сибирской культуре [Кирилов, Кириллов, 2011]. К КПМ относятся жертвенно-поминальные комплексы и погребальные комплексы – это наиболее многочисленные объекты. Согласно современным учетным данным, на территории Забайкальского края в настоящее время зафиксировано 470 погребальных комплексов [Верещагин, 2018, с. 119].

Рис. Карта распространения памятников культуры плиточных могил на территории Забайкальского края

Мы условно разделили все памятники КПМ на два типа: единичные объекты (от 1 до 5 погребений) и группы объектов (более 5 погребений). Нанесли эти объекты значками двух цветов на карту (см. рис.). В результате работы нами нанесены на карту 85 единичных плиточных могил и 38 групп плиточных могил. Как единичные плиточные могилы, так и скопления могильников в основном приходятся на юго-восточную часть Забайкальского края. Памятники КПМ концентрируются в степных районах Забайкалья. Крупные могильники встречаются в Агинском, Могойтуйском, Нерчинском, Шилкинском, Чернышевском, Сретенском, Борзинском и Забайкальском районах края. Единичные группы могил отмечены в Петровск-Забайкальском, Кыринском, Улетовском, Читинском, Дульдургинском и Шелопугинском районах. Отдельные могилы найдены во всех ранее указанных районах, а также Акшинском и Краснокаменском. В результате наблюдений, сделанных при картировании, можно сказать, что основной массив памятников КПМ приходится на бассейны рек Ингода, Шилка, Нерчь, Онон, Борзя.

Сформированная нами база будет положена в основу нового этапа изучения памятников КПМ с применением

современных методик фиксации и формирования корреляционной базы.

*Научный руководитель – Н. О. Викулова
мл. науч. сотр.,
Институт археологии РАН*

Список литературы

- Верещагин С. Б. Таптанайский археологический комплекс культуры плиточных могил. Итоги и перспективы исследований // Приграничный регион в историческом развитии: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Году единения российской нации и 80-летию высшего пед. образования в Забайкалье. Чита, 2018. С. 118–123.
- Кириллов И. И., Кириллов О. И. Культура плиточных могил // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. Новосибирск, 2011. С. 188.
- Константинов М. В. Археология Забайкальского края: эпохи, памятники, первооткрыватели // Сибирская археология и этнография: вклад молодых исследователей: материалы LVI Рос. археол.-этнограф. конф. студентов и молодых ученых. Чита, 2016. С. 32–43.
- Цыбиктаров. А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ, 1998. С. 88–125.
- Членова Н. Л. Культура плиточных могил // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 247–254.

Culture of Tile Graves: Materials for the Archaeological Map

A. V. Garmaeva, E. A. Lyapina

This article is devoted to practical work on the compilation of an archaeological map of the distribution of monuments and complexes of cultural monuments of slab graves in the territory of the Trans-Baikal Territory. Which are represented on the rivers Onon, Shilka, Ingoda, Argun, and also recorded in the steppe, forest-steppe and forest regions. All cultural monuments of slab graves found in the Transbaikal Territory were conditionally divided into two types: single objects (from 1 to 5 graves) and groups of objects (clusters of more than 5 graves). We put these objects in two colors on the map. As a result of our work, we have mapped about 85 single slab graves and about 38 groups of slab graves. As a result of the mapping, a base was formed, which will form the basis for a new stage in the study of cultural monuments of slab graves using modern methods of fixing and forming a correlation base.

Keywords: Transbaikal Territory, culture of tile graves, entombment, Late Bronze Age, archaeological map.

Гармаева Анастасия Васильевна

студент 2-го курса
Забайкальский государственный университет
e-mail: garmaevanastya@yandex.ru

Garmaeva Anastasia Vasilievna

Student 2nd year
Transbaikal State University
e-mail: garmaevanastya@yandex.ru

Ляпина Елизавета Алексеевна

студент 2-го курса
Забайкальский государственный университет
e-mail: lizochka.lyapina02@mail.ru

Lyapina Elizaveta Alekseevna

Student 2nd year
Transbaikal State University
e-mail: lizochka.lyapina02@mail.ru

УДК 903.2(571.16)

Поселение Потаповы Лужки III – памятник самусьской культуры в Томском Приобье

Е. А. Богайчук

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

Поселение Потаповы Лужки III находится на территории г. Томска, на правобережной первой надпойменной террасе р. Томь. Оно было выявлено в 2020 г. в ходе разведочных работ. На памятнике фиксируется 3 западины округлой формы размерами от 3,5×3,5 до 4,5×4,5 м. В ходе полевых исследований было заложено 9 шурфов, культурный слой обнаружен в четырех. В результате получена представительная археологическая коллекция. Анализ стратиграфии и находок показал, что памятник однослойный и относится к самусьской культуре.

Керамический комплекс насчитывает 484 фр. В настоящей работе использована классификация, разработанная В. И. Молодиным и И. Г. Глушковым для керамики самусьской археологической культуры. Основу классификации составляет определенный набор признаков для каждой группы керамики [Молодин, Глушков, 1989, с. 77]. Для исследования было отобрано 76 венчиков. В силу сильной фрагментарности материала для большей части не удалось установить группу (44,7%). Самой малочисленной является группа А (2,6%). Керамика, относящаяся к группе Б,

преобладает на поселении Потаповы Лужки III и составляет 38,1%. Группа В – 14,4%. На памятнике обнаружены фрагменты «культовой» керамики с антропоморфными изображениями, которые относятся к данной группе. Керамика группы Б преобладает на поселении Самусь IV и Крохалева-1. Группа В, в частности, с антропоморфным и зооморфным орнаментом широко представлена на поселении Самусь IV. На поселении Крохалева-1 найден один сосуд с антропоморфным орнаментом, который не находит прямых аналогий на других памятниках самусьской культуры.

Каменная индустрия насчитывает 261 предмет. Сырье, которое использовали для расщепления, является достаточно разнообразным. На поселении преобладают нецелевые продукты расщепления камня, которые составили 67,43%. Нуклеидные изделия – 1,53%, по принципу расщепления – бессистемные. Сколы – 26,06%. Изделия – 4,98%. Процентное соотношение говорит о том, что первичная и вторичная обработка производилась непосредственно на поселении.

Среди каменных изделий присутствуют наконечники стрел (5 экз.). В работе использована классификация, разработанная В. И. Молодиным и И. Г. Глушковым для каменных наконечников самусьской культуры [1989, с. 32–33]. К отделу I тип 2 относятся три изделия с прямым основанием, по форме пера – подтреугольные, со слегка округлыми кромками острия. К отделу III тип 3 относится один наконечник с округлым основанием, по форме пера – ромбический. К отделу IV тип 2 можно отнести один наконечник с черешковым насадом, по форме пера – подтреугольный. Представленные изделия имеют широкий ареал в пределах Евразии. Ближайшие аналогии встречаются на памятниках самусьской [Там же, с. 33], одиновской [Молодин, 2012, с. 144], кротовской [Молодин, Гришин, 2016, с. 256–257], елунинской [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2010, с. 559] археологических культур.

На поселении найдены ножи (3 экз.) с обушком, оформленные на отщепе с двусторонней альтернативной ретушью. Скребки (3 экз.) оформлены на отщепах с одно-сторонней ретушью.

На памятнике было обнаружено каменное изделие, имеющее архаичную форму Г-образного предмета. Изделие представляет собой стержень, расширяющийся книзу, с коротким основанием и утолщением на конце. Размеры – 14,6×6,5×3,5 см. Изготовлен из песчаника. Предположительно, найденный предмет мог быть использован в качестве песта для измельчения мягких минералов или растительного сырья, о чем свидетельствует наличие темных пятен на конце стержня. Подобные каменные изделия встречаются на памятниках самусьской культуры [Матющенко, 1973, с. 41; Молодин, Глушков, 1989, с. 47], коптяковского этапа развитой бронзы [Косарев, 1981, с. 83], на стоянке эпохи палеометалла Сергушкин I [Леонтьев, Герман, 2020, с. 46], а также на Алтае [Есин, Ожередов, 2008, с. 102].

Каменная подвеска. Предмет имеет сегментовидную форму. Одна сторона выгнутая, другая – прямая. На выгнутой части просверлено отверстие биконической формы. Размеры – 5,6×9,4×0,5 см. Одним из способов использования подобных изделий могло быть размещение в качестве подвесок [Есин, 2010, с. 100]. Аналогии встречаются на памятниках самусьской [Матющенко, 1973, с. 23], окуневской [Есин, 2010, с. 93], одиновской [Основные результаты исследования ... , 2019, с. 472], кротовской [Молодин, Гришин, 2016, с. 298], глазковской [Горюнова, Новиков, 2018, с. 38] археологических культур.

На памятнике было обнаружено 12 *каменных изделий*, которые представлены концевой накладкой на лук, стамеской/заготовкой гарпуна, проколками (4 экз.), целым наконечником стрелы, фрагментами черешковых наконечников (2 экз.), игольниками (2 экз.), изделием с пробитым отверстием. На изделиях фиксируются следы использования в виде заповировки и строгания металлургическим ножом. Представленные каменные изделия типичны для различных культур эпохи бронзы Сибири. Об этом свидетельствуют схожие предметы, найденные на памятниках самусьской, одиновской, елунинской, кротовской, позднекротовской

(черноозерской) археологических культур [Богайчук, 2021, с. 67–68].

Таким образом, весь рассматриваемый материал демонстрирует сходство с комплексами, найденными на других памятниках самусьской культуры. Обнаруженные фрагменты керамики относятся ко всем трем основным группам самусьской керамики, поэтому можно с уверенностью говорить о культурной принадлежности памятника. Каменные изделия являются характерными для эпохи бронзы Сибири. Для носителей самусьской культуры в Томском Приобье важным материалом для изготовления орудий труда являлась кость. На поселении Самусь IV изделия из кости не сохранились, поэтому дальнейшее исследование поселения Потаповы Лужки III позволит дополнить информацию о косторезном производстве самусьской культуры. Привлечение новых материалов позволит расширить знания об эпохе бронзы Томского Приобья. Кроме того, с накоплением источниковой базы и появлением более современных методов появляется возможность пересмотреть и уточнить ранее выдвинутые положения.

Научный руководитель – А. А. Идмешев

ассистент,
кафедра всеобщей истории, археологии и этнологии,
Томский государственный педагогический университет

Список литературы

- Богайчук Е. А. Костяные изделия с поселения Потаповы Лужки III (самусьская культура) // ЛПИ Урало-Поволжская археологическая конф. студентов и молодых ученых. Оренбург, 2021. С. 67–69.
- Горюнова О. И., Новиков А. Г. Нефритовые изделия из погребальных комплексов бронзового века Приольхонья (озеро Байкал) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46, № 4. С. 33–41.
- Есин Ю. Н. Предметы сегментовидной формы поселения Самусь-4 из коллекции МАЭС ТГУ и их аналоги // Материалы и исследования древней, средневековой и новой истории Северной и Центральной Азии. 2010. С. 90–104.
- Есин Ю. Н., Ожередов Ю. И. Проблемы изучения Г-образных предметов Западной и Южной Сибири, Урала, Казахстана и Монголии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 2 (34). С. 100–111.
- Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П., Тишкин А. А. Елунинская культура бронзового века в Обь-Иртышском междуречье // На пути открытия цивилизации. 2010. С. 552–556.
- Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 282 с.
- Леонтьев С. Н., Герман П. В. Предметы декоративно-прикладного искусства с памятника Сергушкин I (Северное Приангарье) // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2020. № 11. С. 45–55.
- Матющенко В. И. Самусьская культура. Ч. 2 // Из истории Сибири. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1973. Вып. 10. 208 с.
- Основные результаты исследования могильника эпохи бронзы Усть-Тартас-2 в 2019 году // В. И. Молодин, Л. Н. Мыльникова, М. С. Нестерова, Л. С. Кобелева, Д. В. Селин, Д. А. Ненахов, В. С. Степанова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. XXV. С. 471–477.
- Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. 3. 220 с.
- Молодин В. И., Глушков И. Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск: Наука, 1989. 168 с.
- Молодин В. И., Гришин А. Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. 4. 452 с.

The Settlement Potapovy Luzhki III is a Site of the Samus Culture in the Tomsk Ob River Region

E. A. Bogaychuk

This article discusses new material which was found in the settlement Potapovy Luzhki III during exploration work in 2020 on the territory of Tomsk. There are 3 round-shaped depression sinks on the site. As a result of the study, an archaeological collection was obtained. It includes a ceramic complex, stone industry, bone products, as well as osteological materials. Three main groups of Samus pottery were found at the settlement, including sherds with an anthropomorphic image. The analysis of stone products is presented. Bone products are of particular interest as the bone industry of the Samus culture is extremely small. Analogies are given from the cultures of the early-developed Bronze Age of Western Siberia. The closest analogies come from the Samus IV settlement which is the basic site of the Samus culture.

Keywords: Western Siberia, Tomsk Ob river region, Samus culture, Bronze Age.

Богайчук Елена Андреевна

студент 3-го курса

Томский государственный педагогический университет

e-mail: lenn01665@gmail.com

Bogaychuk Elena Andreevna

Student 3rd year

Tomsk State Pedagogical University

e-mail: lenn01665@gmail.com

Рыболовный инвентарь эпохи ранней – развитой бронзы на территории Барабинской лесостепи

А. А. Ларочкин

*Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Россия*

Хозяйственная деятельность древних племен лесостепной зоны Западной Сибири в эпоху ранней – развитой бронзы была весьма разнообразной. Важнейшими областями экономики оставались охота и рыболовство.

На территории Барабинской лесостепи рыболовство играло одну из значительных ролей в хозяйстве носителей усть-тартасской, одиновской, кротовской и позднекротовской культур. Особенностью изучения этой отрасли хозяйства в лесостепной зоне является тот факт, что нам известен не весь корпус археологических источников, связанных с добычей рыбы. К доступным источникам относятся единичные находки грузил и стерженьков для рыболовных крючков, а также значительные серии наконечников стрел гарпунного типа.

Погребения гребенчато-ямочной общности эпохи раннего металла (VI–V тыс. до н. э.) в Барабе есть только на памятнике Сопка-2/2. Рыболовный инвентарь представлен двумя обломками и одним целым наконечником стрелы игловидной формы, округлыми в сечении. Длина целого экземпляра составляла 9,6 см [Молодин, 2001, с. 37]. Также в погребении № 657 был обнаружен обломок костяного гарпуна. Сложно сказать, к какому типу он относился, но, вероятно, данный обломок является фрагментом, с насадом и стоппор-линем [Эверстов, 1988, с. 77]. Данные элементы присутствуют во всех трех известных типах гарпунов.

Для усть-тартасской культуры (конец V–IV тыс. до н. э.) известны только могильные комплексы (поселения не найдены). Самым крупным памятником является некрополь Сопка-2/3 (67 захоронений). К рыболовному инвентарю можно отнести костяные наконечники стрел игловидного типа (14 экземпляров). Их длина варьируется от 11 до 23 см. Средняя толщина достигает 0,7 см [Молодин, 2001, с. 97]. Также на памятнике Сопка-2/3 имеется серия из пяти наконечников с асимметричным «шипом» на черешке цилиндрической формы. Их длина достигает 21 см [Там же, с. 98]. Такой вид наконечников зачастую называют гарпунными из-за схожести формы.

В могиле № 614 памятника Сопка-2/3 был обнаружен обломок костяного гарпуна. Судя по сохранившейся части, «шпы» гарпуна располагались симметрично друг другу. Первоначальные размеры гарпуна неизвестны.

Одиновская культура (первая половина III тыс. до н. э.) представлена значительным количеством памятников. Большая часть из них является могильниками. Предметы, которые относятся к вылову рыбы, фиксируются на нескольких некрополях.

В одиновской части могильника Сопка-2/4А найдено 45 костяных наконечников стрел гарпунного типа с асимметричным односторонним жалом. Данная серия костяных бойков является самой «популярной» в Сопке-2. Они составляют 49,4 % от всех стрел, найденных в одиновских могилах [Молодин, 2012, с. 149]. Игловидных наконечников обнаружено всего 3 экземпляра. Их размеры колебались от 5,5 до 10,4 см. Здесь необходимо отметить редуцирование размеров стрел данного типа в сравнении с наконечниками из усть-тартасских погребений.

На многослойном могильнике Тартас-1 обнаружено 37 захоронений, которые можно датировать одиновским временем. В трех могилах (№ 253, 364, 661) были обнаружены костяные проникатели (4 экземпляра) с асимметричным шипом. В той же могиле № 364 зафиксирован един-

ственный наконечник игловидной формы без черешка [Некраш, 2020, с. 114].

В кротовское время (вторая половина III – начало II тыс. до н. э.) инвентарь, представленный выше, ничуть не изменился. Наконечники стрел гарпунного типа встречаются и в погребальных камерах кротовцев.

Так, в кротовском сегменте некрополя Сопка-2/4Б насчитывается 35 костяных одножальных асимметричных бойков (длина самого большого из них достигает 19 см). Игловидных наконечников стрел зафиксировано 11 экземпляров. Стоит отметить, по мнению В. И. Молодина, маленький размер наконечников может быть обусловлен их вотивным значением [Молодин, Гришин, 2016].

Известны единичные находки и других рыболовных снастей.

В погребении № 377 памятника Сопка-2/4Б обнаружен стерженек для рыболовного крючка. Выполнен из зеленоватого сланца. Стилизован под скульптурку с головой рыбы. На противоположном конце имеется крепление для лески и костяного жала крючка. Изделие овальное в сечении. Длина – 8,5 см, средний диаметр – 1,2 см. Данный предмет мог служить приманкой при ловле рыбы на крючок. Аналогии имеются в инвентаре памятника крохалевской культуры Усть-Алеус-7 [Там же, с. 297–298].

Также рыболовные снасти зафиксированы и в поселениях. В материалах кротовского поселения Преображенка-3 были обнаружены три глиняных грузила цилиндрической формы с продольным отверстием в центре, а также одно в виде фаланги пальца с отверстием [Молодин, 1977, с. 64]. Согласно типологии рыболовных грузил С. И. Эверстова данные изделия относятся к типу 3 подтипу 5 [Эверстов, 1988, с. 111].

Основной категорией рыболовного инвентаря на территории Барабы в эпоху ранней – развитой бронзы являются костяные наконечники стрел. Для стрельбы по рыбе, вероятно, использовались две разновидности проникателей: одножальные асимметричные бойки гарпунного типа, а также игловидные наконечники (функционал последних остается до конца не исследованным в этой отрасли палеоэкономики). С. И. Эверстов называет такие изделия наконечниками гарпунов [1988, с. 80–81]. Данные типы гарпунов могли использоваться древним населением Барабы для стрельбы по рыбе. Однако В. И. Молодин отмечает, что данные изделия фиксируются вместе с другими типами наконечников (предназначенных для охоты или войны), а это значит, что они, скорее всего, являются наконечниками именно стрел, а не гарпунов [2012, с. 148].

Несмотря на свою примитивность, стрельба по рыбе являлась эффективным способом добычи рыбы. Такой вид рыболовства был описан у тунгусов, шорцев, эскимосов, индейцев Парагвая, а также у народов Меланезии [Эверстов, 1988, с. 76]. В Сибири данный вид лова рыбы, вероятнее всего, был наиболее продуктивен в период весеннего половодья. В этот период времени рыба мечет икру на мелководье [Молодин, Гришин, 2016, с. 263].

В кротовское время на территории Барабы появляются иные виды рыбной ловли: ловля на крючок при помощи приманок и ловля сетью.

Таким образом, были выделены несколько способов добычи рыбы в регионе Барабинской лесостепи в эпоху ранней – развитой бронзы. Одним из основных методов

ловли могла быть стрельба на мелководе и лучение гарпунами. Отметим, что этот способ мог существовать еще в эпоху палеолита [Эверстов, 1988]. Также на памятнике Тартас-1 были зафиксированы ямы для отлова и квашенья рыбы. Данный способ также является древнейшим и уходит корнями в мезолит и ранний неолит. В процессе перехода от присваивающего хозяйства к производящему оседлость древних коллективов становится все большей. Данную тенденцию можно проследить в занятии рыболовством. На это может указывать наличие грузил, а следовательно, и рыболовных сетей, поскольку такой вид снасти часто используется оседлыми народами на обжитой местности.

*Научный руководитель – И. А. Дураков
канд. ист. наук, доцент,
кафедра отечественной и всеобщей истории,
Институт истории, гуманитарного
и социального образования,
Новосибирский государственный педагогический
университет*

Fishing Equipment of the Early – Middle Bronze Age on the Territory of the Baraba Forest-Steppe

A. A. Larochkin

The article provides an overview of the fishing equipment of the Early Bronze Age. The author analyzed the following categories of inventory: arrowheads, harpoon fragments, sinkers, parts of fishhooks. It is noted that archery is the oldest fishing method. However, according to ethnographic data, this type of fishing in specific geographic conditions is very productive. This type of fishing was noted among the Indians of North America, as well as among the peoples of Siberia: Shors, Khanty, Mansi, Nenets. The appearance of more complex gear in the Krotov time may indicate the significant role of fishing in the life of the ancient Baraba tribes, as well as the complication of fishing methods. Also, the presence of sinkers may indicate the settled nature of the population of the forest-steppe zone in the Early Bronze Age.

Keywords: Baraba forest-steppe, Early Bronze Age, Middle Bronze Age, Fishing equipment, Fishing, Economic Activity.

Ларочкин Артем Александрович
магистрант 1-го года обучения
Новосибирский государственный педагогический университет
e-mail: koshara-mac-dak@yandex.ru

Larochkin Artyom Aleksandrovich
graduate student 2nd year
Novosibirsk State Pedagogical University
e-mail: koshara-mac-dak@yandex.ru

УДК 903.024. 903.08

Реконструкция орнаментов керамики цэпаньской культуры селища Дом Отдыха-3

О. С. Комарова

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Исследования, посвященные реконструкции рабочего края орнаментов по слепкам с поверхности сосудов, были начаты еще в конце XIX – начале XX в. В. А. Городцовым, который использовал для этого воск и гипс, и по сей день археологи обращаются к данному методу при исследовании орнаментов древней керамики [Городцов, 1901]. Е. В. Калинина и Е. А. Гаджиева выделяют два подхода по изучению орнаментов и орнаментации. Первый связан с изучением форм рабочей части орнамента по слепкам, а второй – с физическим моделированием оттисков (по слепкам) [Калинина, Гаджиева, 1993]. Цель данного исследования заключается в реконструкции рабочей части инструментов, которыми украшалась посуда цэпаньской археологической общности на селище Дом Отдыха-3, и создании базы эталонов.

Селище Дом Отдыха-3 (открыто в 1996 г. П. В. Мандрыкой и исследовалось в 2013–2014, 2016 гг.) расположено в южнотаежной подзоне Нижнего Енисея, где единым раскопом было вскрыто 344 м² и выделен комплекс цэпаньской культуры с керамикой каменско-маковского типа, датированный IV–II вв. до н. э. [Мандрыка, Комарова, 2020]. Всего обнаружено 548 фр. от 39 сосудов, из которых изучено 23. В выборку не вошли

емкости с сильно замытой поверхностью и нечитаемыми следами орнамента.

Для получения слепков использовался силиконовый формовочный компаунд марок «Пэнтэласт-9131» и «Пэнтэласт-710. Марка-М». Порядок использования и преимущества данного материала были выделены при исследовании керамики усть-бельского типа стоянки Удачный-14 Ю. А. Титовой [Титова, Титов, 2016]. На основе полученных слепков из полимерной глины изготавливались модели орнаментов. Мягкость и пластичность материала позволяет придать ему любую форму, а при его нагреве до 130 °С модель инструмента застывает и становится пригодной для работы.

При моделировании учитывались размер и форма окончания позитива оттиска, а также внешние дефекты. Для того чтобы измерить высоту треугольного окончания орнамента, на модели мысленно достраивался треугольник. Смоделированными инструментами на глиняный образец наносились ряды наколов и отступающих наколов (рис.).

При сравнительном анализе полученных слепков и моделей, одинаковых орнаментов не обнаружено. Инструменты, имеющие один размер, отличаются друг от друга дефектами (табл.).

Список литературы

- Молодин В. И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск : Наука, 1977. 175 с.
- Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. Т. 1. 128 с.
- Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и бронзы. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. 3. 220 с.
- Молодин В. И., Гришин А. Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. 4. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. 452 с.
- Некраш А. А. Наконечники стрел в погребениях одиновской культуры (по материалам памятника Тартас-1, Барабинская лесостепь) // Материалы LX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых с международным участием. Иркутск, 2020. С. 112–114.
- Эверстов С. И. Рыболовство в Сибири. Каменный век. Новосибирск : Наука, 1988. 144 с.

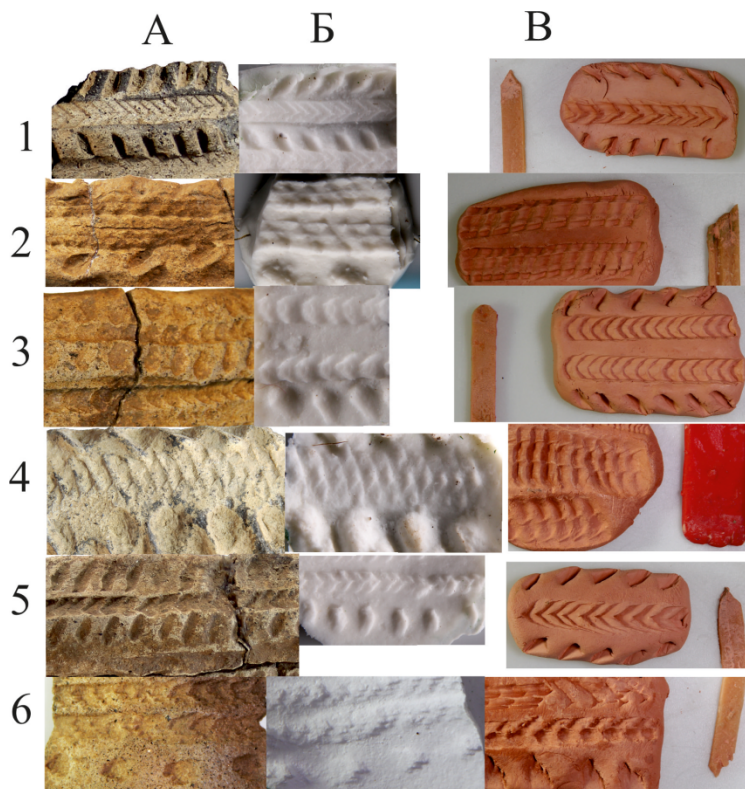

Рис. Моделирование орнаментов:
А – фрагмент изучаемого сосуда, *Б* – силиконовый слепок с сосуда, *В* – полученный орнамент и его оттиски;
 1 – сосуд 17; 2 – сосуд 52; 3 – сосуд 45; 4 – сосуд 23; 5 – сосуд 38; 6 – сосуд 39

Таблица

Размеры и формы орнаментов керамики селища Дом Отдыха-3

№ сосуда	Ширина, см	Высота треугольного окончания, см	Дефекты	Форма окончания
17	0,5	0,45	Окончание утолщенное, вогнутый край	Треугольная
18	0,5	0,35; 0,15	Несимметричная, один край с бороздками	Треугольная асимметричная
19	0,6	–	Бороздка в центре	Округлая
21	0,45	0,2	–	Треугольная
23	1,55	–	–	Зубчатая
25	0,7	0,5	–	Треугольная
26	0,6	0,45	–	Треугольная
38	0,55	0,3	Один край вогнут	Треугольная
39	0,5	0,6	Один край гребенчатый	Треугольная асимметричная
45	0,55	0,35	Углубление в центре	Треугольная
47	0,65	0,5	Углубление на одной из сторон	Треугольная
48	0,35	0,3; 0,1	Несимметричная	Треугольная
52	0,75	–	–	Зубчатая
53	0,5	0,35; 0,25	Несимметричная	Треугольная
55	0,6	0,2	–	Треугольная
56	0,7	0,45	Зубчатые края	Треугольная
58	0,5	–	–	Округлая
59	0,45	0,35; 0,25	Несимметричная	Треугольная
61	0,55	–	Следы борозд	Прямоугольная
65	0,5	0,3	Один из углов сглажен	Треугольная
66	0,55	–	Один край вогнут	Округлая
68	0,5	0,3	–	Треугольная
70	0,55	0,45	–	Треугольная

Почему среди материалов слоя не обнаружено сосудов, которые бы украшались одним инструментом? Это может быть обусловлено тем, что в нашем распоряжении только ограниченная выборка в связи с изучением не всей площади памятника или тем, что в качестве орнамента использовались случайно попадающиеся под руку мастеру предметы. Для памятников цэпаньской культуры не выявлены инструменты, которыми на посуду мог наноситься орнамент. Исследователям памятников Западной Сибири и

Урала встречается единичные орнаменты, выполненные из кости [Погребение мастера-гончара ... , 2019] или камня [Сериков, 2020]. Упоминание деревянных орнаментов встречается в этнографических материалах. Так, описывая традиционное гончарство якутов, В. И. Подгорбунский упоминает деревянные палочки, которыми наносился орнамент, среди которых есть и уплощенные орнаменты с окончанием в форме треугольника с вогнутыми краями [Подгорбунский, 1928].

Таким образом, в результате исследования получена коллекция из 23 слепков и были смоделированы орнаменты. Из какого материала были изготовлены эти инструменты, остается неизвестным.

*Научный руководитель – П. В. Мандрыка
д-р ист. наук, профессор,
кафедра всеобщей истории,
Гуманитарный институт,
Сибирский федеральный университет*

Список литературы

Городцов В. А. Русская доисторическая керамика // Труды 11-го Археологического съезда в Киеве. 1901. Т. 1. С. 576–672.

Калинина И. В., Гаджиева Е. А. Архаические орнаменты для керамики // Ad Polus: Археологические изыскания. СПб., 1993. Вып. 10. С. 83–94.

Мандрыка П. В., Комарова О. С. Селище цэпаньской археологической культуры на Енисее // Северные Архивы и Экспедиции. 2020. Т. 4, № 3. С. 89–99.

Погребение мастера-гончара бронзового века / Л. Н. Мыльникова, В. И. Молодин, И. А. Дураков, Ю. Н. Ненахова, Н. С. Ефремова, С. Хансен, Л. С. Кобелева, Д. В. Селин, Д. А. Ненахов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. XXV. С. 507–515.

Подгорбунский В. И. Заметки по изучению гончарства якутов // Сибирская живая старина. Иркутск, 1928. Вып. VII. С. 127–142.

Сериков Ю. Б. Зубчатые штампы Урала и некоторые аспекты их использования // Вестн. ЮУрГУ. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2020. Т. 20, № 2. С. 65–79

Титова Ю. А., Титов Е. В. К методике изучения технологии орнаментации керамики усть-бельского типа // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск, 2016. Вып. 5. С. 188–194.

Reconstruction of the Ornamental Tools of the Tsepan Culture of the Settlement Dom Otdyha-3

O. S. Komarova

This article is devoted to the method of reconstruction of the ornamentation of ceramics from the layer of the Tsepan culture, from the settlement of Dom Otdyha-3. For taking impressions of positives from the ceramic surface, a silicone molding compound was used. On the basis of the casts, a model of the ornamental tool was made from polymer clay, which was used to make a series of impressions on the clay. Comparative analysis of casts and impressions showed that out of 23 studied vessels, each was decorated with different ornamental tools.

Keywords: Middle part of Siberia, Early Iron Age, Tsepan culture, Kamensk and Makovskoe type, pottery, ornamental tools.

Комарова Ольга Сергеевна
младший научный сотрудник
Музей СФУ
e-mail: helgainvers@gmail.com

Komarova Olga Sergeevna
Researcher
Museum SFU
e-mail: helgainvers@gmail.com

УДК 903.02(571.63)

Керамическая посуда эпохи палеометалла памятника Солонцовая-2*

А. А. Лазина

*Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия*

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-09-40101

ОАН Солонцовая-2 расположен в долине р. Солонцовой, в 4 км к северо-западу от пос. Смоляниново (Шкотовский район, Приморский край). Раскопки проводились в 2017 г. под руководством А. Н. Попова. Были изучены культурные слои на площади 2580 м². Обнаружено более 120 тыс. древних артефактов. На дневной поверхности и в дерново-пахотном слое встречены единичные находки, отнесенные к этнографической современности конца XIX – начала XX в. (корейские иммигранты), а также к зайсановской культуре позднего неолита. Основная часть находок относится к эпохе палеометалла, в которой выделены три комплекса керамики.

Основой создания формовочных масс керамики *первого комплекса* служила глина, в которую дополнительно вводились дресва или песок. Также использовались запеченные глины вместе с крупными минеральными частицами. О естественных включениях свидетельствуют неравномерное распределение частиц в изломе, окатанность минеральных включений. Вблизи памятника были найдены глины, из которых составлены эталонные образцы. Сравнение обожженных эталонов и древней керамики показало внешнее сходство формовочных масс.

Начины созданы по донно-емкостной и донной программам. Формовка полого тела сосудов производилась ручным способом, методом ленточно-кольцевого налета. Венчики образованы путем отгибания конца верхней ленты внутрь или наружу. Для венчиков с утолщением характерно использование дополнительной ленты, прикрепленной с внешней стороны, отогнутой наружу и укрепленной

за счет подлепа дополнительного жгута. Поверхность покрывалась слоем жидкой глины. Для уплотнения стенок и выравнивания поверхности производилось заглаживание с помощью галек, костяных орудий. На внешней поверхности большинства фрагментов видны следы лощения. Реже лощением обработана внутренняя поверхность сосудов. Обжиг производился в печи при температуре до 800° С. Часть фрагментов имеет признаки применения дымления.

Данная группа керамики обладает морфологическим разнообразием, представленным следующими формами: горшковидными и амфоровидными сосудами, чашами на цилиндрических поддонах, мисками, блюдами (?).

У сильно профилированных сосудов с горловиной декор расположен на горловине или плечиках сосудов. У слабопрофилированных сосудов декорировалась венечная часть. Орнамент наносился прочерчиванием, налепом, накалыванием, образуя геометрические узоры, сочетание прочерченных линий и налепных «шишечек» и валиков. На некоторых стенках сосудов присутствуют ручки с отверстием. Небольшая доля керамики имеет следы окрашивания внешней поверхности в малиновый цвет.

Данный комплекс керамики отнесен к янковской культуре [Андреева, Жушиховская, Кононенко, 1986]. Керамика найдена во всех частях раскопа, но массово локализуется в восточной части, где расположена во всех пластах мусорной ямы.

Сосуды *второго комплекса керамики* изготавливались из формовочных масс, приготовленных по рецепту «глина + минеральная примесь». Минеральные включения равно-

мерно распределены по всему излому, примесь калиброванная (мельчайшие частицы – до 0,1 см), частицы окатанные, что свидетельствует о применении песка. Конструирование сосуда осуществлялось ленточно-кольцевым налепом. Венчик являлся продолжением нижележащей ленты, кромка уплощалась. Отдельные венчики оформлялись небольшим отгибанием ленты наружу. В таком случае кромка оставалась округлой или уплощалась. Дно формовалось из отдельной лепешки, которая крепилась к стенкам встык и примазывалась, образуя закраину. Один экземпляр доньшка прикреплен к придонной части без последующего примазывания. Большинство сосудов не имеют признаков ангобирования и следов лощения. Обжиг керамики производился в печи при температуре около 900 °С.

Сосуды можно разделить на два типа – открытые и закрытые. Сосуды открытого типа представлены формами без горловины, с прямым венчиком, а также горшковидными сосудами со слабо отогнутым наружу венчиком. К данному типу отнесены и чаши на конических поддонах. Сосуды закрытого типа представлены горшками с загнутым внутрь венчиком, расширяющимися плечиками и плавным сужающимся ко дну стенками. Максимальный диаметр тулова в таком случае расположен в верхней части. Для всех типов характерно наличие плоского дна, в некоторых случаях – с закраиной. Сосуды не орнаментированы. На стенках имеются налепные элементы – ручки-«пеньки».

Описанный керамический комплекс отнесен к кроуновской культуре [Окладников, Бродянский, 1984]. Керамика распространена по всей поверхности раскопа, в том числе в верхних слоях мусорной ямы, но преобладает в жилищах, отнесенных к кроуновской культуре. В одном из жилищ найдена отопительная система – кан.

Керамика *третьего комплекса* представлена одним развалом и фрагментами венечных частей, стенок, доньев. В качестве формовочной массы использовались запесоченные глины, из которых исключались крупные минеральные частицы.

Данная керамика имеет более тонкие стенки (0,2–0,5 см) в сравнении с емкостями янковской культуры (0,5–1 см). Конструирование сосудов осуществлялось из лент, о чем свидетельствуют растрескивания в местах спаев. Венчик отогнут наружу, кромка округлая или слегка приостренная, подлеп в виде дополнительного жгута отсутствует. Донная часть оформлена несколькими способами. Как правило, доньшки сосудов плоские, имеют небольшой диаметр (2–5 см). Такие донья формовались из лепешки, которая крепилась к стенкам встык. Часть доньшек имеет скругленную форму, которая достигалась путем накладывания дополнительной глиняной массы на внешнюю или внутреннюю стороны. Свидетельством этому являются растрескивания в местах скрепления стенок с дном и расслаивание донной части. Внешняя поверхность сосудов обрабатывалась лощением. По тулову следы лощения горизонтальные, в придонной части – вертикальные. Морфологически сосуды горшковидной формы с низкой горло-

виной. Декор располагался на плечиках сосуда и состоял из прочерченных линий или несомкнутого налепного валика. Одной из черт данной группы керамики является темный цвет черепка, который достигался путем применения дымления. Керамика распространена по всей поверхности раскопа, но в массе своей тяготеет к восточной части, особенно к 4–5 пластам раскопанной мусорной ямы.

На данный момент культурная принадлежность описанной керамики не определена. Вопрос является дискуссионным среди исследователей [Жушиховская, Никитин, 2019, с. 46; Морева, Дорофеева, 2020, с. 111–114].

Керамика эпохи палеометалла памятника Солонцовая-2 относится к двум культурам раннего железного века – янковской и кроуновской. Отличие прослеживается в технико-технологическом аспекте. Для янковской керамики характерно преобладание изделий из формовочных масс исходного глинистого сырья с минимальной обработкой. Формовочные массы для сосудов кроуновской культуры подготавливались из глины и просеянного песка. Сходство наблюдается в выборе элементов конструирования сосудов – применялись ленты, которые накладывались по кольцу. Внешняя поверхность сосудов янковской культуры подвергалась большей обработке (обмазка, ангобирование, лощение), чем поверхность кроуновских изделий (в редких случаях – обмазка). Кроуновские сосуды не декорировались. Янковскую посуду отличает применение различных приемов орнаментации. Для обеих культур предполагается применение печных устройств для обжига керамики. Янковская керамика обжигалась при температурах до 800 °С, кроуновская – до 900 °С.

В отдельную группу выделена керамика, обладающая иными признаками (тонкие стенки, узкие или скругленные донья, отсутствие подлепа в венечной части, тщательное лощение и дымление сосудов). На данный момент среди исследователей нет единого мнения о культурной принадлежности данной керамики. Поэтому памятник Солонцовая-2 является важным в понимании взаимосвязи культур эпохи палеометалла на юге Приморья.

*Научный руководитель – А. Н. Попов
канд. ист. наук, доцент, директор,
Учебно-научный музей, Дальневосточный
федеральный университет*

Список литературы

- Андреева Ж. В., Жушиховская И. С., Кононенко Н. А. Янковская культура. М.: Наука, 1986. 216 с.
Жушиховская И. С., Никитин Е. Ю. Новая гончарная традиция на памятниках янковской культуры периода палеометалла в Приморье // Российская археология. 2019. № 2. С. 43–60.
Морева О. Л., Дорофеева Н. А. Комплекс эпохи раннего палеометалла на поселении Черепиха-13 в Южном Приморье // Труды ИИАЭ ДВО РАН. 2020. Т. 26, № 1. С. 98–116.
Окладников А. П., Бродянский Д. Л. Кроуновская культура // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1984. С. 100–113.

The Pottery of Paleometal Epoch on Solontsovaya-2 Site

A. A. Lazina

This paper presents the results of researching of pottery of Paleometal Epoch on Solontsovaya-2 site. Archaeological site is located in Solontsovaya river valley, near the village of Smolyaninovo (Shkotovskiy district, Primorskiy region). Three ceramic complexes was found on the archaeological site. First complex – pottery with features of Yankovskaya culture. Second complex – pottery of Krounovskaya culture. Third complex – pottery without cultural identification. All complexes have difference in technique and technology, morphology and decoration. Pottery of Yankovskaya culture localizes in the eastern part of dig site, in a garbage pit. Pottery of Krounovskaya culture localizes in the dwellings of Krounovskaya culture. Ceramic fragments without cultural identification scattered in all layers. Highest concentration of these fragments is in the 4–5 layers of garbage pit.

Keywords: ancient ceramic, pottery, new pottery tradition, Yankovskaya culture, Krounovskaya culture, Primorskiy region.

Лазина Анастасия Александровна
магистрант 2-го года обучения
Дальневосточный федеральный университет
e-mail: nas.pushkar@gmail.com

Lazina Anastasiya Aleksandrovna
graduate student 2nd year
Far Eastern Federal University
e-mail: nas.pushkar@gmail.com

Жилище 13.3 на памятнике Солонцовая-2*

Е. И. Дюков

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

*Работа выполнена по гранту РФФИ № 18-09-40101

Памятник Солонцовая-2 расположен в Приморском крае на территории Шкотовского муниципального района, по правому борту долины р. Солонцовая, в 4,3 км к юго-востоку от ж/д станции Смоляниново. Объект расположен в месте выхода долины небольшого пересыхающего ручья в долину р. Солонцовая. Памятник занимает практически всю площадь наклонного участка на конусе выноса ручья, занятого распахой, а также террасовидные площадки склонов сопки, опоясывающих приустьевую часть долины ручья [Попов, 2017].

Долина р. Солонцовая находится между двух невысоких хребтов, а само русло реки приурочено к ее северному краю. Южная часть долины весьма сильно заболочена, в отличие от северной, что обуславливало выбор места для поселения (южная экспозиция, хорошая продуваемость, умеренная влажность). Данная местность обладает подходящими условиями для древнего земледелия. Основная часть территории памятника представляет собой слабо-наклонную поверхность, приподнятую над заболоченной поймой на 2–15 м. Общая площадь памятника около 96 тыс. м². Территория в древности неоднократно подвергалась воздействию селевых сходов и временных водотоков. По этой причине культурные слои на памятнике перемежаются делювиальными и пролювиальными намывами. Языки делювия и пролювия могут как содержать археологический материал, так и быть стерильными. Потоки периодически перемещали грунт вниз по склону, разрушая постройки и заполняя котлованы жилищ. Об этом факте свидетельствуют разрозненные артефакты (фрагменты керамики, обломки орудий) со следами воздействия селевых потоков, найденные в верхней части заполнения котлованов и в межжилищном пространстве, которое представлено в виде плотной суглинистой массы, насыщенной щебнем и песком. Эти факторы затрудняли процесс исследования памятника. Такая природная ситуация обуславливала и характер заселения людьми раннего железного века данной территории. Можно проследить, как на месте произошедшей катастрофы возводились новые жилища, которые врезались своими котлованами непосредственно в пролювиально-делювиальные намывы, перекрывшие ранее своей массой место предыдущей селитбы. Многослойность памятника свидетельствует о неоднократном заселении данной территории носителями разных культур. В ходе раскопок обнаружены материалы янковской и кроуновской культур раннего железного века.

Котлован жилища 13.3 [Попов, 2017], прямоугольных очертаний (6,5×4,9 м), глубиной до 20–28 см, был заполнен делювиально-пролювиальными отложениями – светло-коричневым суглинком с глыбами, дрсевой и щебнем, отличающимися от напластований вне сооружения концентрацией прокаленно-углистых прослоек. Котлован площадью около 32 м² ориентирован длиной осью в направлении юг – юго-запад – север – северо-восток.

Остатки отопительной системы – трехколенного одноканального кана – примыкали к западной (длина секции – 4,2 м) и северной (длина секции – 2,9 м) стенкам котлована жилища. Короткая секция кана, заканчивающаяся очагом-топкой, располагалась в юго-западной части помещения (длина – 1,2 м). Размерные показатели: общая длина – 8,3 м, ширина от 30 до 44 см. Стенки кана представлены светло-коричневым суглинком с дрсевой, со следами про-

кала в канале. В северо-западном углу дома сохранились плитки-перекрытия канала, представленные светло-серыми угловатыми каменными плитами различных размеров: мелкими – до 10 см (6 экз.), средними – до 20 см (4 экз.), крупными – 20 см и более (10 экз.). Подобные каналы были исследованы на памятниках Кроуновка [Вострецов, Жушиховская, 1990, с. 75] и о-в Петрова [Окладников, Бродянский, 1984, с. 102–103].

Очаг-топка, неправильной округлой формы, размера 40×42 см, связанный с каном, был выявлен в юго-западной части жилища. Заполнение мощностью 6–10 см представлено прокаленным суглинком с дрсевой и углистыми включениями. Возле очага найдено 3 мелких (до 10 см) угловатых камня из светло-серой породы, со следами прокаленности, являвшиеся остатками каменной обкладки. Находок в заполнении не обнаружено. Каким конструктивным элементом оканчивался дымоход – зафиксировать не удалось. Однако можно предположить устройство выходного отверстия по аналогии с жилищем 13.2 [Дюков, 2018, с. 116], где канал кана завершался вертикальным отрезком аналогичной конфигурации.

Жилище имело каркасно-столбовую конструкцию, о чем свидетельствует наличие столбовых ям. Столбовые ямы располагались двумя параллельными рядами вдоль длинной оси сооружения. Яма № 1 (юго-западный угол жилища) – округлой формы с плоским дном. Размеры: диаметр – 21 см, глубина от 3 до 5 см. Заполнение – темно-коричневый суглинок с дрсевой, с мелкими угольками. Яма № 2 (севернее ямы № 1) – округлой формы с плоским дном. Размеры: диаметр – 24 см, глубина от 5 до 6 см. Заполнение – темно-коричневый суглинок с дрсевой, с мелкими угольками. Яма № 3 (севернее ямы № 2) – округлой формы с плоским дном. Размеры: диаметр – 21 см, глубина от 12 до 13 см. Заполнение – темно-коричневый суглинок с дрсевой, с мелкими угольками. Яма № 4 (юго-восточный угол жилища) – округлой формы с плоским дном. Размеры: диаметр – 20 см, глубина от 7 до 9 см. Заполнение – темно-коричневый суглинок с дрсевой, с мелкими угольками. Яма № 5 (севернее ямы № 4) – округлой формы с плоским дном. Размеры: диаметр – 21 см, глубина от 9 до 12 см. Заполнение – темно-коричневый суглинок с дрсевой, с мелкими угольками. Яма № 6 (севернее ямы № 5) – неправильной округлой формы с плоским дном. Размеры: диаметр – 18 см, глубина от 11 до 12 см. Заполнение – темно-коричневый суглинок с дрсевой, с мелкими угольками. Археологических находок внутри остатков столбовых ям не обнаружено.

Судя по сохранившимся деталям сооружения, можно реконструировать основные особенности. Сооружение имело неглубокий подпрямоугольный котлован. Данное жилище имело в своей основе деревянный каркас, опирающийся на шесть столбов, идущих в два ряда вдоль противоположных стен дома. По сохранившимся остаткам нет возможности реконструировать крышу. Для отопления в доме была предусмотрена система отопления типа «кан», являющаяся культурным маркером кроуновской общности.

В процессе исследования сооружения были выявлены немногочисленные фрагменты керамической посуды, развал сосуда и каменные орудия кроуновской культуры. У западной стенки на уровне пола было найдено 2 обломка подпрямоугольных жатвенных ножей с двусторонне зато-

ченным лезвием из серой каменной породы. В юго-западном углу пола – развал неорнаментированного археологически целого сосуда без горловины, с загнутым внутрь венчиком, с плоской кромкой, с вытянутым по вертикали слабопрофилированным контуром, с налпными ручками – «пеньками» – и плоским дном. Также был обнаружен обломок каменного песта со следами выкрошенности на рабочей поверхности из удлиненно-вытянутой серой гальки. В центральной части жилища найден развал неорнаментированного археологически целого сосуда с четко профилированной воронковидной горловиной, отогнутым наружу венчиком с округлой кромкой, с туловом, близким к яйцевидной форме, с плоским дном, а также обнаружен шлифованный плечиковый топор с поперечным сечением, близким к прямоугольному, из светло-серой каменной породы. Также были зафиксированы ложило на круглой гальке (у восточной стенки котлована жилища), керамический диск со следами шлифовки по краям, дисковидное пряслице без орнамента и обломок железного кельта у южной стенки.

Исследования на памятнике Солонцовая-2 выявили принадлежность жилища 13.3 к кроуновской культуре раннего железного века Приморья. Подобные сооружения

Dwelling No. 13.3 at Solontsovaya-2 Site

E. I. Diukov

The article presents the results of studies of the 13.3 Krounovskaya culture dwelling of the Early Iron Age of Primorye from the Solontsovaya-2 site. The structural details of the structure was described in paper. The analysis of the design of the elements of the dwelling was made by author. The paper reports on the artifacts found during the study of the habitat of the Krounovskaya culture people, which allow us to attribute the complex as a whole. The conclusion of this article is that the studied dwelling is a classic for the Krounovskaya culture in Primorye, both in its structural components and in the set of artifacts which was found during the study of the object.

Keywords: Early Iron Age, Krounovskaya culture, dwelling, Primorye, Solontsovaya-2, structural components.

Дюков Евгений Игоревич

аспирант 1-го года обучения
Дальневосточный федеральный университет
e-mail: diukov.ei@dvfu.ru

ранее были обнаружены в Киевке [Вострецов, 1985, с. 62], Оленьем А [Окладников, Бродянский, 1984, с. 102–103].

*Научный руководитель – А. Н. Попов
канд. ист. наук, доцент,
департамент истории и археологии,
Школа искусств и гуманитарных наук,
Дальневосточный федеральный университет*

Список литературы

Вострецов Ю. Е. Раскопки жилищ кроуновской культуры на поселении Киевка в Приморье // Кратк. сообщ. Ин-та археологии. 1985. Вып. 184. С. 61–63.

Вострецов Ю. Е., Жушиховская И. С. К вопросу о канах на памятниках кроуновской культуры Приморья // Кратк. сообщ. Ин-та археологии. 1990. Вып. 199. С. 74–79.

Дюков Е. И. Комплекс 13.2 на памятнике Солонцовая-2 // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты: материалы LVIII Рос. (с междунар. участием) археол.-этнограф. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Омск, 2018. С. 116–117.

Окладников А. П., Бродянский Д. Л. Кроуновская культура // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1984. С. 100–113.

Попов А. Н. Отчет об охранно-спасательных археологических исследованиях (раскопки) объекта археологического наследия Солонцовая-2. Владивосток, 2017. Т. 1. 250 с.

Diukov Evgenii Igorevich

1st year postgraduate
Far-Eastern Federal University
e-mail: diukov.ei@dvfu.ru

УДК 551.8(571.63)

Природно-климатический фактор в формировании системы жизнеобеспечения янковцев на поселении Черепаша-7

М. К. Руденко

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-09-40101

Между природно-климатическими изменениями и изменениями в традиционных системах жизнеобеспечения древних обществ прослеживается явная зависимость. Экономический компонент, составляющий основу жизнеобеспечения древнего населения, напрямую зависит от потенциала (капитала) природного ресурса той территории, в районе которой проживает человеческое общество. Потенциал этого ресурса, в свою очередь, напрямую зависит от естественных природных условий и их изменений [Бобылев, Грицевич, 2005, с. 5–10]. Отсюда следует, что в условиях резкого изменения климата и, соответственно, количественного потенциала природного ресурса человеческое общество вынуждено искать новые адаптационные решения, тем самым оптимизировать характер своей хозяйственно-производственной деятельности.

Археологический памятник Черепаша-7 – поселение янковской культуры (I тыс. до н. э.) эпохи палеометалла, расположенное на территории Приморского края в северо-западной части Уссурийского залива, на побережье бухты Муравьиной, к северо-востоку от оз. Черепашье. Памятник занимает участок морской террасы волновой аккумуляции высотой 1,5–2,5 м, ограниченный водно-болотными угодьями

и примыкающий к прибрежной сопке [Никитин, 2017]. Время бытования янковцев на территории памятника, по серии из пятнадцати радиоуглеродных дат, полученных для проб угля, взятых из заполнения котлованов жилищ, укладывается во временной промежуток от 2830±90 (ЛУ-8011) до 2150±80 (ЛУ-8017) л. н. При этом двенадцать из полученных дат охватывают более короткий временной диапазон 2530±100 (ЛУ-8013) – 2215±35 (ЛУ-8017) л. н., который, вероятно, был основным периодом жизнедеятельности янковцев на территории поселения [Жушиховская, Никитин, 2019, с. 37].

На основании результатов палинологического и диатомового анализов, радиоуглеродного датирования разреза разнофациальных отложений на побережье бухты Муравьиной, сотрудники Тихоокеанского института географии ДВО РАН и Санкт-Петербургского государственного университета установили специфику и восстановили динамику ландшафтов п-ва Муравьев-Амурский за последние 5950 кал. лет, в том числе в районе расположения рассматриваемого поселения [Развитие ландшафтов ... , 2017]. Сопоставление результатов указанного исследования с данными радиоуглеродного датирования для памятника Черепаша-7

позволяет реконструировать характер природно-климатической среды в период населения территории янковцами.

Время основного этапа жизнедеятельности янковцев на территории рассматриваемого поселения (2500–2200 л. н.) соответствует концу суббореального – началу субатлантического климатических периодов позднего голоцена, для которых характерно резкое изменение климата в сторону похолодания, сопровождавшееся падением уровня моря до отметки -1,5 м от современного и частичным осушением прибрежных равнин. В это время по территории побережья бухты распространились широколиственно-кедровые леса и сосна густоцветковая, на вершинах хребтов неморальные ельники с березой каменной, а в долине и на берегу озера – ольха [Развитие ландшафтов ... , 2017]. Данные изменения носили разрушающий характер для привычных ресурсных баз морских экономик, что «заставляло население искать новые адаптивные решения для оптимизации систем жизнеобеспечения» [Вострецов, 2013, с. 114–115]. Лагунная адаптация населения, проживавшего в окрестностях побережья бухты Муравьиной в период с VIII–VI вв. до н. э., связанная с оз. Черепашье, претерпела значительные изменения. Озеро стало закрытым от моря и опресненным с заболоченными берегами [Развитие ландшафтов ... , 2017], что привело к сокращению возможностей пропитания янковцев за счет его ресурсов. Местному населению в условиях падения уровня моря пришлось переходить к более активной эксплуатации открытых морских угодий, а также осваивать новые и развивать привычные способы добычи продуктов питания.

По результатам комплексного анализа обнаруженного в процессе раскопок поселения Черепакха-7 каменного [Попов, Руденко, Никитин, 2020, с. 49–62] и костяного инвентаря [Руденко, 2020] были реконструированы основные отрасли хозяйственно-производственной деятельности янковского населения, проживавшего на его территории в период V–II вв. до н. э.

Основными отраслями хозяйственной деятельности на территории рассматриваемого поселения, направленными на получение продуктов питания, являлись рыболовство, морское собирательство, морская и наземная охота. Определенную роль в меняющихся адаптивных условиях играло земледелие и собирательство дикорастущих растений.

Для обеспечения максимально результативных показателей добычи пищи, а также для создания благоприят-

ных условий жизнедеятельности на территории поселения использовался довольно широкий круг домашних промыслов, направленных на обслуживание хозяйственных, бытовых и производственных потребностей. Основой выступали обработка и изготовление инвентаря, деревообработка, кожевенная обработка и пошив одежды.

Таким образом, природно-климатические изменения, происходившие в период 2500–2200 л. н. в районе бухты Муравьиной, определили характер системы жизнеобеспечения янковцев на поселении Черепакха-7 как комплексный, преимущественно ориентированный на эксплуатацию открытых морских угодий. В результате этого, вероятно, местом для расположения поселения было выбрано северо-восточное побережье бухты Муравьиной у границы береговой линии, удобное для морского промысла.

*Научный руководитель – А. Н. Попов
канд. ист. наук, доцент,*

*Школа искусств и гуманитарных наук,
Дальневосточный федеральный университет*

Список литературы

Бобылев С. Н., Грицевич И. Г. Глобальное изменение климата и экономическое развитие. М., 2005. 64 с.

Вострецов Ю. Е. Экологические факторы формирования культурной динамики в прибрежной зоне Восточной Азии в эпоху палеометалла // Вестн. ДВО РАН. Владивосток, 2013. № 1. С. 109–116.

Журиховская И. С., Никитин Е. Ю. Новая гончарная традиция на памятниках янковской культуры периода палеометалла в Приморье // Российская археология. 2019. № 2. С. 35–49.

Никитин Е. Ю. Предварительные результаты исследования поселения Черепакха-7 в Приморье в 2015 г. // Новые материалы и методы археологического исследования: от археологических данных к историческим реконструкциям: материалы IV конф. молодых ученых. М., 2017. С. 77–80.

Попов А. Н., Руденко М. К., Никитин Е. Ю. Каменный инвентарь янковской археологической культуры поселения Черепакха-7 // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2020. № 1. С. 49–62.

Развитие ландшафтов полуострова Муравьева-Амурского в среднем – позднем голоцене по данным изучения отложений побережья бухты Муравьиной (южное Приморье) / М. С. Лящевская, Т. Р. Макарова, Н. Г. Разжигаяева, Л. А. Ганзей, Е. П. Кудрявцева, А. М. Паничев, Х. А. Арсланов, Ф. Е. Максимов, А. Ю. Петрова // Успехи соврем. естествознания. 2017. № 2. С. 110–122.

Руденко М. К. Костяной инвентарь поселения янковской культуры Черепакха-7 // Материалы LX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых с международным участием. Иркутск, 2020. С. 157–158.

Natural and Climatic Factor in the Formation of the Subsistence System of the Yankovsky Population at the Cherepakha-7 Site

M. K. Rudenko

This article focuses on natural and social changes as one of the main factors influencing changes in traditional life support systems of ancient societies. The author presents the results of paleogeographic reconstruction of the territory of the Cherepakha-7 archaeological site in the period 2500–2200 years ago – the time of the main stage of the existence of the population of the Yankovskaya culture on its territory. The results of the reconstruction of the main types of economic and industrial activities of the Yankovsky population on the territory of the Cherepakha-7 settlement, based on the results of a comprehensive analysis of stone and bone tools are presented. The dependence of the adaptive decisions of the Yankovsky population on natural and climatic changes in the area of their residence is traced.

Keywords: Primorsky region, Yankovskaya culture, natural and climatic changes, subsistence system.

Руденко Максим Константинович

аспирант 1-го года обучения

Дальневосточный федеральный университет

e-mail: rudenkomax-2012@mail.ru

Rudenko Maksim Konstantinovich

Postgraduate 1st year

Far Eastern Federal University

e-mail: rudenkomax-2012@mail.ru

Роль домашних животных в мировоззрении позднебронзового населения лесостепного Притоболья

М. А. Мельникова

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Мир животных играл важную роль не только в бытовой сфере жизнедеятельности древних обществ, но и в сакральной, причем между обеими сферами прослеживается прочная взаимосвязь. Поскольку население лесостепного Притоболья в период поздней бронзы освоило производящее хозяйство и стремительно его развивало, домашние животные стали незаменимой частью не только экономики поселений, но также культурной и религиозной составляющей.

Рассмотрим данные по поселению Ново-Шадрино VII, расположенному на территории Упоровского района Тюменской области на берегу р. Емуртлы и относящемуся к памятникам пахомовской культуры. О значительной роли производящего хозяйства свидетельствуют найденные в зольниках и жилищах кости домашних животных, принадлежавшие по меньшей мере 119 особям, среди которых встречаются представители крупного и мелкого рогатого скота, а также лошадей и собак – всего 2221 определяемая кость. Костей диких животных и рыб было найдено намного меньше – всего 590, однако они принадлежали 91 особи [Корочкова, 2010, с. 14].

Уже начиная с периода средней бронзы погребальные обряды на территориях Притоболья и Южного Зауралья носят многоуровневый характер, и, как правило, на одного погребенного использовались туши нескольких животных [Зданович, 2005, с. 4]. Эта тенденция продолжает свое существование и в период поздней бронзы. При исследовании поселений и захоронений позднебронзового периода в рассматриваемом регионе и на территориях, прилегающих к нему, исследователями отмечаются некие закономерности, по которым выбиралось жертвенное животное. Это могло быть, например, наиболее ценное в хозяйстве животное. Отмечается также взаимосвязь возраста погребенного с видом животного. Так, в могилах взрослых, как правило, встречаются кости крупного рогатого скота, а в детских – лошадиные или овечьи кости [Мельникова, 2021, с. 96]. Последние нередко представлены в форме астрагалов, которые не только являлись игрушками, но и имели определенную сакральную функцию [Сотникова, 2014, с. 10].

Стоит сказать и о том, какое значение древний человек придавал тому или иному виду животного в бытовых или строительных жертвоприношениях: о последнем свидетельствуют костные останки в строительных объектах пахомовской культуры на территории Тоболо-Иртышья [Ткачев, 2017, с. 18]. Обряды подобного плана были связаны с представлениями древних людей о сакральности жилища, отражали взаимосвязи самих людей, дома и непосредственно жертвы, именно поэтому стоит обращать внимание на видовое разнообразие приносившихся в качестве подношения животных [Байбурун, 1979, с. 162]. Отмечается, что на местах, являющихся свидетельствами совершения строительных жертвоприношений, чаще встречаются кости собак, крупного рогатого скота и лошадей [Ткачев, 2013, с. 3].

Использование туш в ритуалах подкрепляется и тем фактом, что останки различных животных были найдены на раскопанных зольниках вперемешку не только с человеческими костями, но и с каменными, глиняными и костяными орудиями, которые использовались в сакральной сфере [Корочкова, 2010, с. 12–14]. Зольники, часто встречающиеся при раскопках поселений Западной Сибири, являются свидетельством проведения ритуалов, а также с их помощью представляется возможной частичная реконструкция некоторых форм мировоззрения местного населения [Корочкова, 2009, с. 34]. Они представляют собой место ссыпания золы и останков с мест жертвоприношений разных видов, и, следовательно, в поселении Ново-Шадрино VII жители практиковали использование туш животных для различных культурных целей, а не только при совершении погребального обряда.

Таким образом, изучение обрядностей позволяет восстановить систему ценностей, духовно-социальные и этические аспекты жизнедеятельности древних людей. Роль домашних животных в религиозной составляющей позднебронзового населения Притоболья определялась многими факторами и разнообразием этих аспектов. Туши животных применялись в погребальных, строительных и бытовых жертвоприношениях. Стоит также отметить, что значимость домашних животных в обрядах к этому периоду значительно превышала место представителей дикой фауны.

*Научный руководитель – А. А. Ткачев
канд. ист. наук, доцент,
кафедра археологии и этнографии,
Тюменский государственный университет*

Список литературы

- Байбурун А. К. «Строительная жертва» и связанные с нею ритуальные символы у восточных славян // Проблемы славянской этнографии. Л., 1979. С. 155–162.
- Зданович Д. Г. Жертвоприношения животных в погребальном обряде населения степного Зауралья эпохи средней бронзы : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005. 24 с.
- Корочкова О. Н. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тоболо-Иртышья). Екатеринбург : УралЮрИздат, 2010. 104 с.
- Корочкова О. Н. О западносибирских зольниках эпохи поздней бронзы // Российская археология. 2009. № 1. С. 25–35.
- Мельникова М. А. Многообразие животного мира Притоболья и его роль в жизни позднебронзового населения региона // Урало-Поволжская археологическая конф. студентов и молодых ученых (материалы конференции). Оренбург, 2021. С. 95–98.
- Сотникова С. В. Детские погребения с наборами астрагалов как отражение детской сферы сакральности // Вестн. Пермского университета. Сер.: История. 2014. Вып. 1 (24). С. 60–70.
- Ткачев А. А. К вопросу о строительных жертвоприношениях в эпоху поздней бронзы // XLV Урало-Поволжская археологическая конф. студентов и молодых ученых : тез. докл. Ижевск, 2013. С. 73–75.
- Ткачев А. А. Культурно-исторические процессы в эпоху поздней бронзы на территории лесостепного и южнотаежного Тоболо-Иртышья. Барнаул, 2017. Т. 1. 402 с.

The Role of Domestic Animals in the Worldview of the Late Bronze Population of the Forest-Steppe Middle Tobol Region.

M. A. Melnikova

This article is devoted to the study of the sacral role of domestic animals in the life of the Late Bronze population of the forest-steppe Middle Tobol region. Since local populations mastered the manufacturing economy and rapidly developed it, domestic animals became an indispensable part not only of the settlement economy, but also of the cultural and religious component. The study of sacred spaces and traditions of ancient people allows us to restore their life, social and cultural aspects of it. The subject of the study are reconstructed variety of species used in rites (funeral, building, etc.), quantity of bone finds and settlements and burials found in the region. This article also includes the types of rituals that involved the use of animal carcasses and the patterns of animal sacralization.

Keywords: Archaeology, Middle Tobol region, Late Bronze, domestic animals, religion, rite, animal sacrifices.

УДК 903.023

Керамика эпохи поздней бронзы на поселении Долотинка-III в Миллеровском районе Ростовской области

И. М. Фурсова

ООО «Южархеология», Ростов-на-Дону, Россия

Поздний бронзовый век – время активных этнокультурных процессов. Керамика как наиболее массовый материал часто выступает маркером культурной принадлежности, так как влияние различных культурных традиций отражается, в первую очередь, на составе керамического комплекса, способах изготовления керамики и ее орнаментации.

Для данного исследования был взят керамический комплекс с поселения Долотинка-III, раскопки 2016 г., автор работ – А. Л. Исаков [2016, с. 10]. Поселение располагается в Миллеровском районе Ростовской области.

Эпоха поздней бронзы на территории Приазовья и Донского Правобережья – время срубной культурно-исторической общности. Комплекс данного поселения интересен тем, что здесь встречаются переходные формы сосудов, имеются классические формы и орнаменты срубной культуры, валиковые орнаментация и интересный состав примесей в формовочной массе, который подтверждает гипотезу об изготовлении этой посуды на отрогах Донецкого кряжа.

Важнейшую стадию в комплексном изучении керамики составляет анализ исходного сырья. Итак, исходное сырье – это природные и искусственно приготовленные материалы, которые используются в гончарном производстве для составления формовочной массы будущего изделия и его последующего декорирования. Таким образом, понятие «исходное сырье» включает все те вещества и материалы, из которых готовится специальная формовочная масса, служащая непосредственным материалом для изготовления керамики.

В составе формовочной массы глина занимает от 60 до 90 % общего объема, а оставшийся объем приходится на органические и/или минеральные примеси, т. е. глина выступает здесь в роли «основного пластичного сырья» [Цетлин, 2017, с. 20].

Керамический комплекс поселения насчитывает свыше 400 фр., относящихся к эпохе поздней бронзы. Керамика сильно фрагментирована. Внешняя поверхность черепков серо-коричневого цвета, реже – розовато-серая или черная. Визуально удалось определить отщиптели в составе формовочных масс.

Всего найдено 469 фр. лепной керамики, датированной этим периодом. Преобладающей выступает примесь кварцевого песка размером до 2 мм. Часто керамика этой группы серого или розоватого цвета с блестящей шероховатой поверхностью (более 50 %). Примесь песка в сочетании с мелкими известковыми включениями составляет 25 % от всего объема керамики эпохи поздней бронзы на данной площади. Примесь мелкого песка (возможно, естественные включения) из всего объема составляет 15 %, примесь шамота – около 9 %. Самая редко встречающаяся группа примесей – дресва (возможно, известковая) или минеральные включения бордового и красного цветов (карбонаты), данная группа составляет около 1 %.

По фрагментам керамики удалось установить, что в программе конструирования сосудов преобладал так называемый донный, доэлементный начин. Почти 60 % донцев

на данном поселении говорят о таком характере конструирования сосудов. В незначительной части находок встречается также донно-емкостный начин.

Оформление венчиков не отличается разнообразием, их форма отражает прием простого заглаживания пальцами верхней части сосуда. Площадка чаще уплощена или слегка скруглена.

По морфологии керамика данного поселения не отличается большим разнообразием форм. Можно выделить три основные группы:

1) баночные сосуды (сосуды открытого типа) – около 50 %;

2) усеченно-биконические сосуды (так называемые остророберные). На данном поселении представлены тремя фрагментами, один из которых – остророберный сосуд со скругленным ребром. Скорее всего, переходная форма к горшку;

3) горшковидные сосуды. По форме близки к баночным с зауженным устьем, но ниже венца намечено низкое горло (обычно около 1 см высотой). Такие сосуды чаще со слабовыделенной шейкой.

Внешняя и внутренняя поверхности сосудов имеют следы формовки в виде заглаживания, стыков лент, однонаправленных горизонтальных расчесов. Большая часть фрагментов имеет обработку поверхности мелкозубчатым шпателем (так называемые расчески). «Расчески» встречаются горизонтальные, вертикальные и разнонаправленные. Это может говорить о том, что они здесь выступают не как часть орнамента, а как технологический прием и появились в процессе формовки тела сосуда.

Имеется ряд фрагментов со следами лощения, но эта группа керамики незначительная.

По технике выполнения орнаменты на сосудах данного поселения условно можно разделить на три группы:

1. Углубленный орнамент, нанесенный по сырой глине. Здесь стоит выделить самую большую группу керамики с таким элементом орнамента, как косые насечки. Композиции: ряд коротких или длинных вертикальных насечек, нанесенных приостренным краем стержня или палочки. В группе углубленных орнаментов стоит выделить орнаменты, нанесенные оттиском зубчатого штампа. Композиции: ромб, нанесенный зубчатым штампом; фриз треугольника вершиной вверх; меандр из двух параллельных линий; косые кресты мелким оттиском и горизонтальная линия. В данной группе встречаются элементы орнамента в виде ногтевых и пальцевых вдавлений. К прочерченным орнаментам можно отнести «елочный» и простой линейный орнаменты.

2. Рельефный – горизонтальные кольцевые налпные валики.

В данной группе можно выделить валики с косыми насечками, валик с пальцевыми вдавлениями. Посуда с налпными валиками составляет не более 15 % всей орнаментированной посуды на поселении.

3. Комбинированный – сочетание рельефного и углубленного орнамента.

В данной группе стоит выделить следующие композиции:
а) под венчиком – налепной валик с насечками, по тулову – горизонтальный ряд косых насечек;

б) горизонтальная линия сочетается с диагональными прочерченными линиями;

в) вертикальные расчески и диагональные линии типа «сетка»;

г) ряд круглых вдавлений и фриз треугольника вершиной вниз;

д) вертикальные «расчески» сочетаются с диагональными желобками шириной 3–5 мм.

Практически во всех группах орнамент на сосудах нанесен в верхней части (в верхней трети или верхней половине от максимального диаметра тулова сосуда).

Налепные валики из глины были широко распространены на сосудах в эпоху бронзы и располагались обычно на участке перехода плеча в шейку сосуда. Часто встречающимися орнаментами являются валики с различными вдавлениями, расположенными на равном расстоянии друг от друга, и валики с одним или двумя концами, спускающимися вниз на плечо и тулова сосуда.

Ю. Б. Цетлин в своей работе [2012] сделал вывод, что налепные валики имитируют имевшиеся на емкости веревочные или кожаные завязки, которые были обычным явлением только на сосудах, изготовленных из легких природных материалов (кожуры плодов или кожи), где играли вполне функциональную роль [Там же, с. 296].

Эти данные свидетельствуют о том, что здесь имело место подражание гончаров неглиняным сосудам. Постепенно явные следы происхождения таких валиков на сосудах из глины утрачивались и они превращались в элементы декора. То есть, скорее всего, налепные валики несут псевдоутилитарное (подражательное) назначение.

Не менее широко в истории гончарства были распространены сосуды с налепами (которые уже не представля-

ется возможным связать с какой-то конкретной функцией) – разбросанными по всему телу сосуда конусовидными выступами. Такие налепы, скорее всего, играли роль неких знаков, смысл которых для нас не ясен, т. е. имели символическое значение.

Историко-культурный подход позволяет комплексно изучать керамику и использовать ее в качестве исторического источника. Керамический комплекс на поселениях может «рассказать» о том, как производилась посуда, какое сырье для этого использовалось. На основе анализа можно установить передвижения тех или иных племен и их культурные взаимосвязи.

На поселении Долотинка-III (раскоп 2016 г.) представлена керамика эпохи поздней бронзы, по предварительным данным относящаяся к срубной культурно-исторической общности. Примеси и состав формовочных масс разнообразные, что свидетельствует о передвижениях жителей этого поселения или их активных контактах. Но все же преобладающей примесью выступает кварцевый песок, что свидетельствует о местном гончарном производстве. Широко представлены орнаментальные композиции. Налепные орнаменты свидетельствуют о подражании гончарной посуде сосудам, изготовленным из материалов, не сохранившихся до наших дней (древесина, кожа и др.).

Список литературы

Исаков А. Л. Научный отчет о проведении охранных научно-исследовательских работ на объектах археологического наследия – поселении Долотинка-I, поселении Долотинка-II, поселении Долотинка-III в Миллеровском районе Ростовской области. Ростов-на-Дону, 2016. 123 с.

Цетлин Ю. Б. Древняя керамика: Теория и методы историко-культурного подхода. М., 2012. 384 с.

Цетлин Ю. Б. Керамика: понятия и термины историко-культурного подхода. М., 2017. 346 с.

Ceramics of the Late Bronze Age at the Site of Dolotinka-III in the Millerovsky District of the Rostov Region

I. M. Fursova

The article analyzes the ceramic complex of the Late Bronze Age on the settlement Dolotinka-III of the Millerovsky district of the Rostov region. Such aspects as raw materials and impurities in the molding mass, the morphology of ceramic vessels, and ornamentation are considered. These data allowed us to divide the entire ceramic complex of the settlement into groups by characteristics and calculate their percentage ratio. The cultural and chronological belonging of the ceramic complex, which according to the results of the study was attributed to the developed stage of the log-house cultural and historical community, was determined. The article provides an interpretation of ornamental compositions from the point of view of the cultural and historical approach and traditions of pottery production. The work allowed us to introduce new data on the ceramic complex of the Late Bronze Age into scientific circulation.

Keywords: Ceramics, ornaments, forms, Srubnaya culture, Bronze Age.

Фурсова Инна Михайловна
научный сотрудник
ООО «Южархеология»
e-mail: Sheina.inna@mail.ru

Fursova Inna Mikhailovna
Research Associate
LLC "Yuzharheologiya"
e-mail: Sheina.inna@mail.ru

УДК 903.27(571.513)

Загадочный образ на камне со склонов горного массива Оглахты

Ю. Е. Краснова

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В. П. Астафьева, Красноярск, Россия*

Оглахты (от хак. *оглахтыг* – гора дикого козленка) – это низкогорный хребет в Хакасии. Находится он на левом берегу Енисея в 45 км ниже по течению от г. Абакана. На протяжении 3 км он вытянут перпендикулярно западному берегу современного Красноярского водохранилища. Наибольшая высота составляет 580 м над уровнем моря – это гора Оглахты. Еще одно название горы – «Сорок зубьев», данное ей из-за зубчатой вершины.

Еще в начале XX в. археолог А. В. Адрианов изучал на Оглахтинских горах наскальные рисунки и обнаружил первые плитки с рисунками хакасов [1908, с. 46]. В 1972 г.

красноярским художником В. Ф. Капелько было обнаружено большое количество изображений на плитках песчаника, расположенных на южном склоне этого горного узла. Его находки были доставлены в Минусинский музей. Разведочной группой сотрудников Минусинского музея с этих гор было вывезено около 90 плиток с рисунками. Н. В. Леонтьеву первому удалось установить хакасскую принадлежность найденных рисунков и собрать значительные дополнительные материалы [1977]. Позже хакасские рисунки на г. Оглахты и в ее подножии изучались до 1979 г. разведочным отрядом Хакасской археологической

экспедиции МГУ под рук. Л. Р. Кызласова [Кызласов, Леонтьев, 1980, с. 17].

В настоящем времени известен большой комплекс петроглифов, выявленных на отдельно лежащих каменных плитках, обнаруженных по склонам г. Оглахты, большинство из которых опубликованы в монографическом труде Л. Р. Кызласова и Н. В. Леонтьева [1980]. Многие плиты рассеяны по фондам других музеев, частным коллекциям, не опубликованы и ждут своего исследования.

Соответственно, представляет интерес ранее не известное изображение на каменной плитке, найденной на южном склоне г. Оглахты дивногорским художником И. Н. Емельяновым в 1992–1993 гг. и переданной им в 2018 г. в Музей археологии и этнографии КГПУ им. В. П. Астафьева (МАС ВХ № 2-ПЗ, № 14).

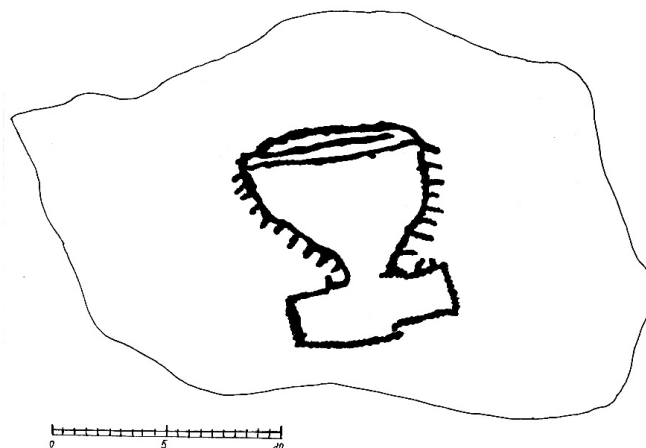

Рис. 1. Копия петроглифа из Музея археологии и этнографии КГПУ им. В. П. Астафьева

Фигура на первый взгляд напоминает сосуд на поддоне. Кубковидная его форма находит аналогии среди изображений котлов, известных на писаницах Боярского хребта (Большая и Малая Боярские писаницы, писаница Абакано-Перевоз) [Русакова, 2001], писанице на оз. Тус [Пахомова, Заика, Вдовин, 2015] и в других петроглифах Хакасии. Однако подпрямоугольная форма поддона и внешнее декоративное оформление тулова «сосуда» не характерны для известных изображений котлов, и потому нами были рассмотрены другие версии интерпретации изображения.

Стилизованная антропоморфная фигура. Аналогичные изображения антропоморфных фигур встречаются в наскальном искусстве сопредельных территорий Саяно-Алтая: Горный Алтай – писаница Калбак-Таш [Черемисин, 2015], Монголия – петроглифы Чулуут [Новгородова, 1989, с. 97]. Они также представлены в стилизованном виде, имеют прямоугольные основания и геометризованные туловища. У них часто встречается внешняя аббревиатура в виде коротких линий, расположенных по бокам фигуры. Датируются эпохой энеолита – ранней бронзы. Древний художник акцентировал внимание на форме и деталях одеяния антропоморфных персонажей.

Одежда. В наскальном искусстве Среднего Енисея есть и самостоятельные изображения одежды, напоминающие оглахтинские изображения. На писанице Абакано-Перевоз, которая датируется тагаро-таштыкским временем (тесинский этап тагарской культуры), зафиксированы геометризованные изображения одежды, декорированные ажурным орнаментом внутри и «бахромой» снаружи их контура [Русакова, 1997, с. 102, рис. 9].

Если рассматривать искомую фигуру в перевернутом виде, то мы находим прямые аналогии среди этнографиче-

Характеристика петроглифа и вопросы его интерпретации. Плитка представляет собой обломок песчаника (высота 7,3–2,8 см; ширина 17 см; длина 25,5 см). На его наклонной плоскости выявлено контурное фигурное изображение, исполненное в технике точечной выбивки. Удары неглубокие, частые, по всей видимости, нанесены металлическим инструментом с узким коническим рабочим краем, размеры следов ударов – 1,5–2 мм. Наносились перпендикулярно, реже – под наклоном к каменной поверхности.

Представлена подтреугольная контурная фигура с округлыми сторонами, обращенная вершиной вниз. Снизу к ней примыкает прямоугольный контур. По бокам фигура обрамлена «бахромой» коротких наклонных линий. Верхний контур фигуры пересекают две горизонтальные параллельные прямые линии (рис. 1).

ских рисунков, выявленных на плитках на южном склоне г. Оглахты:

1) фигура имеет подпрямоугольную форму верхней части и подтреугольное оформление нижней части с округлыми боками. Центр фигуры пересекает вертикальная линия запаха. По мнению исследователей, она, возможно, изображает женскую одежду [Кызласов, Леонтьев, 1980, с. 100; табл. 31, кам. 3];

2) фигура в виде двух совмещенных трапециевидных контуров, дополненных в верхней части «рукавами». По мнению исследователей, представлено «изображение шубы хакасского национального покроя» [Там же, с. 96; табл. 14, кам. 34];

3) фигура в левой половине плоскости в виде двух совмещенных трапециевидных контуров, дополненных многочисленными декоративными деталями [Там же, с. 96; табл. 12, кам. 26]. По мнению авторов находки, представлена «выкройка» женской безрукавки, а дополнительные фигуры являются образцами вышивок, присоединенными к выкройке сигидека там, где их полагалось вышить [Кызласов, Леонтьев, 1980, с. 54].

По устной версии известного хакасского историка и этнографа В. Я. Бутанаева, ознакомившегося с петроглифами, мы имеем дело с изображением традиционного хакасского халата «сикпен», имевшего широкое распространение до середины XX в., который затем был вытеснен одеждой европейского покроя. Сикпен – распашной спереди длинный кафтан широкого и прямого покроя. Представлял собой верхнюю демисезонную одежду хакасов из грубого сукна, но в первые десятилетия XX в. сикпен стал исключительно женской одеждой (рис. 2) [Художественный мир ...].

Рис. 2. Девушки-хакаски в суконных халатах сикпен. Улус Тазмин. 1912 г.
Фото Н. В. Федорова

Учитывая вышеприведенные версии трактовки рисунка, пока сложно дать однозначный ответ по поводу интерпретации данного образа. Если брать во внимание территориально наиболее близкие аналогии и известные их трактовки, то следует видеть в этой фигуре изображение одежды или стилизованную антропоморфную фигуру в широких одеяниях и датировать ее на сравнительно нешироком временном интервале в пределах этнографической современности XIX – первой пол. XX в. В пользу данной версии говорит сравнительно свежий характер выбивки, которая контрастирует со скальным загаром камня.

Принимая во внимание существовавший у хакасов культ горы, священных скал и утесов, нередко покрытых древними петроглифами, можно предположить, что горному массиву Оглахты по этому поводу уделялось большое внимание. Вероятно, всякое изображение, нанесенное на скалу, плитку в ее подножии, в той или иной степени несет определенный культовый характер.

Возможно еще и то, что возникновение рассмотренных нами петроглифов связано с желанием закрепления опыта, сохранения традиций, передачи потомкам «инструкции» по изготовлению одежды, ее орнаментальному оформлению. В таком случае нет наиболее подходящего варианта носителя долгосрочной информации, чем камень.

Научный руководитель – А. Л. Заика

Mysterious image on the Stone from the Slopes of the Oglakhty Massif

Yu. E. Krasnova

The subject of the study is a mysterious image on a tile from the Oglakhty Mountains. Taking into account the various possible interpretations of the drawing, we can say that most likely the ancient author on the stone presented an image of clothing or a stylized anthropomorphic figure in wide robes and dated it at a relatively narrow time interval: 19th – first half of the 20th centuries. It is possible that the appearance of this petroglyph is associated with the desire to consolidate experience, preserve traditions, and pass on to descendants “instructions” for making clothes, its ornamental design.

Keywords: Petroglyphs, rock paintings, Oglakhts, rock art, Khakassia, women's clothing, clothing images.

Краснова Юлия Евгеньевна

студент 2-го курса
Красноярский государственный
педагогический университет им. В. П. Астафьева
e-mail: krasnovayuliya01@mail.ru

Krasnova Yulia Evgenievna

Student 2nd year
Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V. P. Astafyev
e-mail: krasnovayuliya01@mail.ru

*канд. ист. наук, доцент,
кафедра отечественной истории,
заведующий Музеем археологии и этнографии,
Красноярский государственный педагогический
университет им. В. П. Астафьева*

Список литературы

- Адрианов А. В. Обследование писаниц в Минусинском крае летом 1907 г. // ИРКИСВА. 1908. № 8. С. 37–46.
Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. Народные рисунки хакасов. М.: Наука; Гл. ред. вост. лит., 1980. 180 с.
Леонтьев Н. В. Хакасские народные рисунки на плитах горы Оглахты // Вопросы истории Хакасии. Абакан, 1977. С. 124–135.
Новгородова Э. А. Древняя Монголия. М.: Наука, 1989. 384 с.
Пахомова Т. А., Заика А. Л., Вдовин А. С. Петроглифы на оз. Тус в Хакасии // Древности Приенисейской Сибири. 2015. Вып. 7. С. 150–161.
Русакова И. Д. Новый памятник наскального искусства на Енисее (писаница у д. Абакан-Перевоз в Хакасии) // Наскальное искусство Азии. Кемерово, 1997. Вып. 2. С. 101–112.
Русакова И. Д. Петроглифический комплекс Бояры – Абакан-Перевоз в Хакасии и его место в природно-историческом ландшафте: дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2001. 261 с.
Черемисин Д. В. Об интерпретации одного сюжета в петроглифах Алтая эпохи бронзы («женщина-дом» и «одноногий у порога») // Искусство бронзового века. Новосибирск, 2015. С. 79–93.
Художественный мир Сибири. URL: https://museumsrussian.blogspot.com/2013/05/blog-ost_8361.html?m=0 (дата обращения: 15.07.2020).

Новые данные по быстрианской культуре Бийского Приобья

Т. Е. Чумов

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Быстрианская культура раннего железного века в первую очередь исследована по данным погребальных памятников (Бийск-1, -2 и др.) [Завитухина, 1961]. Между тем, при всей относительной изученности могильников, материалы поселенческих комплексов являются в основном отдельными сборами керамики и немногочисленными раскопанными наземными постройками.

В плане предоставления новых материалов о традициях домостроительства древнего населения Верхнего Приобья обладает новизной Бехтемирский микрорайон, расположенный в окрестностях с. Бехтемир-Аникино Бийского района Алтайского края. На данной территории исследована часть памятника, относимого к эпохе раннего железа, – поселение Бехтемир-Козлачиха [Результаты полевых исследований ... , 2017].

Исследуемое поселение находится в 700 м к юго-востоку от с. Бехтемир-Аникино, в 5 км к северо-востоку от с. Большеугренево Бийского р-на Алтайского края. Памятник обнаружен в 2015 г. исследовательским отрядом ООО НПЦ «Наследие». По подъемному материалу памятник датировался эпохой раннего железного века. В результате раскопок 2016 г. установлена его принадлежность к быстрианской археологической культуре. Раскопки велись археологическим отрядом ФГБОУ ВО «АлтГПУ» и ООО НЦ «Наследие Сибири».

В ходе работ было обнаружено несколько древних археологических объектов – жилище и хозяйственная яма в квадратах В-Е 13–16 (жилище) и В-Е 13 (яма); столбовые ямы с остатками бревен в квадратах Д 16, Е 11, Ж 11, Ж 12 и ЛМ 19–20.

Исследование жилищного пятна показало, что оно было углублено в материк на 15–20 см и имело линзовидное сечение с плоским дном. На дне жилища были обнаружены фрагменты керамики. В южной части пятна был зачищен след прокала от костра, круглой формы диаметром 60 см. В профиле прокала был линзовидного сечения и углублялся на 15 см от уровня материка. На дне жилища, кроме прокала очага, были зафиксированы две столбовые ямы в северном секторе жилища в непосредственной близости друг от друга: одна – маленькая прямоугольной формы (диаметр 20 см, глубина 10 см), вторая – округлая, большая (диаметр 45 см, глубина 70 см). Предположительно, обе ямы составляли конструктивную особенность полуземляночного жилища – столбовые ямы. При этом в округлой яме располагался основной, несущий крупный диаметром столб (около 50 см), очень хорошо заглубленный (около 70–80 см), а второй – вспомогательный от брусковидного столба 30 см шириной, лишь слегка заглубленный в дно жилища.

Малая насыщенность находками окружающей поверхности и внутренней площадки жилища, маломощный слой прокала очага могут свидетельствовать об относительно коротком периоде эксплуатации объекта, возможно, от года до нескольких лет.

Внутри жилищной конструкции было зафиксировано лишь одно крупное пятно, по диаметру и по глубине подходящее под столбовую яму (пятно № 2), и это свидетельствует, что основная нагрузка в несущей конструкции была распределена на крупный столб, на который опирались жерди, образуя стены жилища.

Культурно-хронологическим индикатором для данного сооружения является обнаруженная в нем керамика. В основном она представлена фрагментами сосудов, орнаментированных жемчужником, вдавлениями и налепным ва-

ком. Данная орнаментация характерна для раннего железного века лесостепного Алтая (V–I вв. до н. э.) и связывается с быстрианской археологической культурой.

Подобные жилищные сооружения являются типичными для северных предгорий Алтая и сопредельных регионов второй половины I тыс. до н. э. Подтверждением типичности данной конструкции являются аналогичные устройства жилищ на памятниках Усть-Иша-4 [Абдулганеев, Скопинцева, 2000, с. 188–191] и Новозыково-3 [Казаков, 2018].

За пределом жилищной западины было обнаружены находки, основу которых составили обломки керамических сосудов. Всего 243 осколка. Из них 214 – неорнаментированные фрагменты, 28 черепков имеют различную орнаментацию.

Несмотря на варибельность орнаментации, в связи с малым числом орнаментированных фрагментов, в целом коллекция представляется довольно скудной.

Больше всего количественно представлены тулова без орнаментации – 214 фр., абсолютно разной формы и размеров и из разного по составу теста. Придонных частей насчитывается всего лишь 5 штук.

Орнаментация венчиков данной коллекции представлена: шесть раз чередующимся жемчужником и наколами, два – наколами, один – треугольником, один – жемчужником, один – линиями.

Орнаментация тулова предстает в таком количестве: восемь фрагментов с линиями, два – с жемчужником, три – с наколами, один – с валиком, один – с чередующимся жемчугом и наколами, а также два фрагмента с елочкой.

Придонные части представлены 5 фрагментами разной степени величины. Одна из них идет совместно с частью тулова.

В процентном соотношении керамические изделия предстают таким образом:

- венчики (17 %). Все они украшены различным орнаментом: наколом – 18 %, чередующимся наколом с жемчужником – 54 %, валиком – 9 %, только жемчужником – 9 %, линиями – 10 %;

- тулова занимают 86 % коллекции. Из них без орнамента 91 %, оставшиеся девять процентов орнаментированы: линиями – 47 %, наколами и жемчужником – 17 %, только жемчужником – 11 %, елочкой – 11 %, валиком – 5 %, чередующимся наколом и жемчужником – 5 %. Придонные части занимают всего 2 % от коллекции.

Анализ коллекции позволил сделать следующие выводы. Сосуды лепились ручным способом. Часто формовочная масса подготовлена плохо, и из-за этого в керамике попадают мелкие камушки. Обжиг керамики хороший; с внешней, внутренней сторон и на изломе черепки красно-коричневого цвета. Наружная поверхность заглаживалась (возможно, пучком травы) или выравнивалась выколоткой. С внутренней стороны стенки гладкие, часто неровные, имеют вмятины от пальцев. Форма сосудов преимущественно горшковидная и баночная с выгнутым наружу заостренным или скругленным венчиком. Орнамент представлен в виде жемчужин, линий, наколов, елочки и комбинации наколов и жемчужин. Элементы орнамента наносились на незатвердевший сосуд путем накалывания поверхности инструментом в виде стилуса, гребенчатым штампом и семечковидным штампом. На некоторых сосудах присутствуют отпечатки ногтевой пластины. По расположению элементов орнамента можно сказать, что в кол-

лекции памятника Бехтемир-Козлачиха практически все элементы орнамента, какими бы они ни были, располагаются на венчиках сосудов.

Предметный комплекс данного поселения беднее относительно других коллекций памятников быстринской культуры. В малой степени ему близки памятники Усть-Иша 4 (по большому % наколов), Енисейское-10 [Чумов, 2020] (по большому % наколов и гладкого валика). Также частично есть соотношение с материалами поселения Новозыково-3 по количеству керамики с наколами. Аналогии с памятниками р. Неня присутствуют только в виде похожей техники нанесения орнаментации на керамические изделия.

В целом материалы памятника бедны. Отсутствуют металлические изделия, мало орнаментированной керамики, малое количество венчиков. Скудность материалов связана с нахождением памятника на периферии предгорной местности и в большей степени с тем, что поселение было кратковременным.

New Data on the Housing Construction of the Bystryan Culture of the Biysk Ob Region

T. E. Chumov

The work consecrated new materials of the monument of fast culture of the Biysko-Priobsky region Bekhtemir-Kozlachikha. An analysis is given of the complex of artifacts found during excavations - ceramics, the composition of its test, the shape of the vessels, the stamps used in the manufacture of ornaments and its chronological affiliation. The dwelling structures found in the course of the work were also analyzed and a comparative analysis was carried out, as a result of which the presumptive structure of the house buildings was clarified. After analyzing the ceramic complex and housing structures, it was concluded that the materials of the monument are poor. There are no metal items, little ornamented ceramics, and a small number of rims. The scarcity of materials is associated with the location of the monument on the periphery of the foothill area and to a greater extent with the fact that the settlement was short-lived. At the same time, residential buildings are typical for the Altai foothills of the Early Iron Age.

Keywords: Bystryanskaya culture, burial grounds, settlement, construction, Bekhtemir Kozlachikha, Biysk Ob.

Чумов Тимофей Евгеньевич

студент 3-го курса

Алтайский государственный педагогический университет

e-mail: chumov.2000@mail.ru

Chumov Timofey Evgenievich

Student 3rd year

Altai State Pedagogical University

e-mail: chumov.2000@mail.ru

УДК 903.02(571.56)"638"

Керамика раннего железного века Мегино-Кангаласского улуса Республики Саха (Якутия) по материалам хоздоговорных работ ЯГУ

В. А. Данилов

Северо-Восточный федеральный университет, Якутск, Россия

Мегино-Кангаласский улус расположен на территории Лено-Амгинского междуречья. В данном регионе археологические изыскания в основном были направлены на изучение средневековья, а период камня и раннего железного века все еще недостаточно раскрыт [Пестерева, 2017, с. 74]. С 1988 г. в данном районе начинают активно строиться автодороги, что послужило причиной проведения охранно-спасательных работ. Материалом для публикации послужила керамика, найденная на стоянках Мегино-Кангаласского улуса, открытых во время хоздоговорных работ новостроечным отрядом ЯГУ. Отсюда вытекает цель данного исследования – сравнить керамику раннего железного века, найденную на стоянках Мегино-Кангаласского улуса, с керамическим комплексом долины Туймаада. Субъект сравнения был выбран не случайно, ведь по данной местности существует публикация с подробной типологической таблицей, а также эти территории находятся в непосредственной близости и граничат друг с другом. В нашей публикации основное внимание будет уделено художественному орнаменту.

В результате хоздоговорных работ на территории Мегино-Кангаласского улуса было выявлено более 15 памятников, где была обнаружена керамика раннего железного века. Самый яркий керамический материал был найден на нижеследующих стоянках.

Стоянка Кэхэлимэ была открыта новостроечным отрядом ЯГУ под руководством Н. Н. Кочмара в полевой сезон 1996 г. [Отчет по научно-исследовательской работе ... , 1996, с. 9–12]. Всего на стоянке было обнаружено 4 сосуда, датированных ранним железным веком. Среди них выделяется сосуд, состоящий из 56 фр. гладкостенной керамики. Часть черепков удалось апплицировать, что дало возможность частично воссоздать его облик. Венчик был отогнут наружу, имел утолщенный налепом бортик, рассеченный по ребру косыми насечками. Под ним имелись несколько рядов налепных валиков, украшенных насечками. Между первым, вторым и третьим поясками валиков располагались ряды округлых ямочных вдавлений. Под четвертым пояском были нанесены 3-(?) и 4-зубчатые косые насечки длиной около 0,8 см. Также 4 фрагмента керамики, найденные в ходе подъемного сбора, скорее всего, принадлежали к данному сосуду. Похожая орнаментальная композиция была нанесена на сосуде из памятника Владимировка VI, находящегося в долине Туймаада. Но у них есть некоторые различия. Во-первых, у горшка из Владимировки VI полностью отсутствуют налепные валики, во-вторых, на внешней стороне имеется мелкоструйчатый орнамент, а у сосуда из данной стоянки имеется несколько рядов налепных валиков и на внешней поверхности нанесены многозубчатые штампы [Степанов, Дьяконов, 2005].

Научный руководитель – М. А. Демин

д-р ист. наук, профессор,

кафедра отечественной истории,

Алтайский государственный педагогический университет

Список литературы

Абдулганеев М. Т., Скопинцева Г. В. Поселение Усть-Иша 4 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2000. № 11. С. 188–191.

Результаты полевых исследований поселения Бехтемир-Козлачиха / М. А. Демин, Ю. Т. Мамадаков, Н. Н. Головченко, Р. В. Белоусов // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае в 2016 году. Омск, 2017. С. 26–33.

Завитухина М. П. Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1961. № 3. С. 89–108.

Казаков А. А. Поселение Новозыково 3 (история исследования, планиграфия, вещевого комплекса) // Известия АлтГУ. Исторические находки и археология. 2018. № 2. С. 158–165.

Чумов Т. Е. Поселение быстринской культуры Енисейское-10 (по материалам раскопок 2019 г.) // Материалы LX Российской археолого-этнографической студенческой конференции. Иркутск, 2020. С. 161–162.

Стоянка Этэх была открыта А. Д. Степановым в 1996 г. В следующем году археологические работы на данной стоянке проводил Н. Н. Кочмар [Отчет по научно-исследовательской работе ... , 1998, с. 11–13]. На стоянке обнаружен сосуд, состоящий из 62 фр. «рубчатой» керамики. Часть данного сосуда удалось апплицировать. Венчик имеет нависающий бортик, края которого были орнаментированы косыми насечками. Поверхность бортика прямая, украшенная отпечатками многозубчатого штампа. Подвенчиковая часть украшена 2-зубчатым штампом и рассеченным косыми насечками валиком. Тулово данного сосуда орнаментировано параллельными рядами трех видов штампов: 2-зубчатым, 3-зубчатым, многозубчатым. Всего на территории долины Туймаады были обнаружены 7 сосудов с отпечатками рубчатой лопаточки на внешней поверхности, где у 6 из них имелись рассеченные наlepные валики, но разнообразия отпечатков многозубчатых штампов на одном сосуде на стоянках Туймаады не наблюдалось [Степанов, Дьяконов 2005, с. 117–122].

Итог данного исследования следующий. По имеющимся данным, керамический комплекс Мегино-Кангаласского улуса отличается от керамики, выявленной на стоянках Туймаады. Данное положение доказывается различием в художественном орнаменте сосудов из стоянок Кэхэлэмэ и Этэх. Так как керамика является чутким показателем этнической принадлежности, это дает нам право считать, что жители данных областей не принадлежали к одному и то-

му же этносу или племени, вероятнее всего, ключевую роль сыграл очень серьезный географический барьер в виде р. Лены, ширина которой может достигать более 10 км. Дальнейшее открытие памятников раннего железного века в Мегино-Кангаласском улусе позволит более подробно прояснить этническую картину данного региона.

*Научный руководитель – В. Г. Арзунов
доцент, ст. науч. сотр. по ВАК,
Северо-Восточный федеральный университет*

Источники

Отчет по научно-исследовательской работе (хоздоговорной) «Археологические охранно-спасательные раскопки в зоне строительства автодороги Майя-Табага-Бютейдах (15 км) в Мегино-Кангаласском улусе» // 1996. Ф-3. Оп.1. Ед. хр. 56. 47 с.

Отчет по научно-исследовательской работе (хоздоговорной) «Археологические охранно-спасательные раскопки в зоне строительства автодороги Борогонны-Тюнгюлю на участке 60–93 км в Мегино-Кангаласском улусе» // 1998. Ф-3. Оп.1. Ед. хр. 73. 71 с.

Список литературы

Пестерева К. А. История археологического изучения Лено-Амгского междуречья // Общество: философия, история, культура. 2017. С. 74–77.

Степанов А. Д., Дьяконов В. М. Керамика железного века долины Туймаады // Северная палифика – культурные адаптации в конце плейстоцена и голоцена: материалы международной научной конференции «По следам древних костров...» (29 августа – 8 сентября). Магадан, 2005. С. 117–122.

Ceramics of the Early Iron Age of the Megino-Kangalassky of Republic of Sakha (Yakutia)

V. A. Danilov

This publication examines the ceramics of the Early Iron Age on the territory of the Megino-Kangalassky ulus. The source base for the study was the site discovered during the archaeological work of the Yakutsk State University. The ceramic complex found at these sites was compared with the ceramic vessels found in the Tuymaada valley. The Tuymaada Valley was chosen as the subject of comparison, since there is a publication in this area with a detailed typological table, and these territories are in close proximity and border with each other. The result of this study is as follows. The ceramic complex of the Megino-Kangalassky ulus differs from the ceramics found at Tuymaada. The position is proved by the difference in the artistic ornament of the vessel from the Keheleme and Eteh site. Since pottery is a sensitive indicator of ethnicity, it gives us belonging to the same ethnicity or tribe. A very serious geographic barrier in the form of the Lena River is likely to play a key role in this separation.

Keywords: Archaeology of Yakutia, Early Iron Age, ceramics, Yakutia.

Данилов Владислав Афанасьевич

магистрант 2-го года обучения
Северо-Восточный федеральный университет
e-mail: danilov0397@gmail.com

Danilov Vladislav Afanasevich

Graduate student 2nd year
North-Eastern Federal University
e-mail: danilov0397@gmail.com

УДК 339(571.1)"638"

Основные проблемы в изучении торговли и обмена у населения саргатской культуры раннего железного века

М. М. Проконова

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

В результате многолетнего изучения древностей саргатской культуры были выявлены основные направления связей ее носителей, однако длительное время стоял вопрос о характере этих контактов. Импортные вещи могли появляться на данной территории в результате сбора дани с подвластных территорий, захвата трофеев, объединения имущества при заключении браков, получения дипломатических даров, миграций населения и других процессов. Однако следует учитывать, что предметы торговли отличаются от указанных категорий серийностью, портативностью и высоким положением в системе ценностей покупателя [Довгалюк, 1997, с. 52]. Поскольку импортные вещи долгое время не предоставляли серийных выборок, считалось, что у местного населения торговли не существовало. Так, К. В. Сальников обосновал появление среднеазиатского импорта в Притоболье тесной политической связью с Хорезмом [1952, с. 195], а О. В. Обельченко – походами местного населения с кочевниками на юг [1961, с. 175].

Позднее Л. Н. Корякова сделала вывод об активном участии носителей саргатской культуры в системе обменных отношений [1988, с. 166], а точку зрения о совершении саргатским населением походов в Среднюю Азию поддерживали многие исследователи [Корякова, Погодин, Труфанов, 1987, с. 45; Матвеева, 1993, с. 158; Очерки истории ... , 1995, с. 100; Трейстер, 2011, с. 137].

Впервые идея о функционировании в саргатской земле караванного пути из лесостепи в Среднюю Азию была высказана Н. П. Матвеевой [1987], обосновавшей активное участие саргатского населения в караванной торговле массовым характером и широким ассортиментом импорта [Матвеева, 1994, с. 123; 1997, с. 64], находками тарной красноглиняной гончарной посуды [Могильников, 1992, с. 310; Матвеева, 1994, с. 123; 1997, с. 66], костей верблюда [Матвеева, 1987, с. 51; 1993, с. 118; 1994, с. 123] и комбинаций бус, составленных торговцами-посредниками с учетом запросов покупателей [Довгалюк, 1995, с. 14]. Начало

торговых контактов с югом Н. П. Матвеева отнесла к V–III вв. до н. э., регулярную торговлю – к III–II вв. до н. э., а ее угасание – ко II–III вв. н. э. [1994, с. 50; 2000, с. 78–79]. С этими идеями позднее согласился ряд исследователей [Корякова, 1991, с. 38, 46; Могильников, 1992, с. 310; Довгалюк, 1995, с. 13–17; Очерки истории ... , 1995, с. 100].

Доказательство наличия у саргатского населения торговли пробудило интерес к изучению состава и структуры металлических изделий в целях уточнения центров производства импортных вещей, в результате чего было обосновано поступление изделий из «чистой меди» из мастерских иткульской культуры [Матвеева, 1993, с. 120; Кузьминых, 2015, с. 70; Дегтярева, Кузьминых, 2018, с. 57], зеркал из оловянных и оловянно-свинцовых бронз – из Поволжья, Приуралья [Дегтярева, Белоногова, 2018, с. 92] и Средней Азии [Матвеева, 1993, с. 120; Тигеева, Белоногова, 2018, с. 92], а украшений из сплавов с лигатурой олова и цинка – из Южного Казахстана, Средней Азии, Китая, Индии и Ближнего Востока [Кузьминых, 2015, с. 70]. Состав сплавов части изделий характерен для хуннских бронз Ордоса и Монголии [Галибин, Матвеева, 1989], районов Алтая и Забайкалья [Дегтярева, Шуваева, 2009, с. 30]. Анализ химического состава бус позволил сделать выводы об их поступлении из Индии [Матвеева, 1993, с. 159], внутренних районов Передней Азии, Египта, побережья Сирии и Китая [Довгалюк, 1995].

С выявлением широких торгово-обменных связей у саргатского населения возник вопрос, какой механизм мог бы обеспечить существование системы торговых отношений такого уровня. Считается, что единственным подобным механизмом мог выступать Великий шелковый путь [Погодин, 1998, с. 38; Довгалюк, 1995, с. 14; Матвеева, 1997, с. 74], а основной артерией для торговли служила его «средняя» магистраль [Довгалюк, 1997, с. 54], от которой отходили ответвления, связывавшие юг Западной Сибири со Средней Азией, Южной Сибирью и Северным Причерноморьем [Матвеев, Матвеева, 1987, с. 198; Матвеева, 1993, с. 161]. Всего намечалось четыре пути с севера на юг по долинам рек вдоль трасс традиционных кочевков [Матвеева, 1994, с. 45]. В XVII в. из Тобольска шли «Туркестанская» и «Джунгарская» дороги, которые могли использоваться для торговых караванов и в раннем железном веке [Довгалюк, 1997, с. 16; Матвеева, 2000, с. 76]. А. Д. Таировым также была выявлена сеть трасс, в разное время использовавшихся кочевниками для передвижения [Таиров, 1995, с. 8–11].

Считается, что главной статьей экспорта являлся скот [Могильников, 1992, с. 306], кони, зерно, кожи, шкуры, меха [Матвеева, 1993, с. 161], рабы, вяленая рыба, рыбий клей, смолы, кедровый орех, а также моржовая и мамонтовая кость [Матвеева, 1997, с. 75]. Тезис об экспорте на юг зерна встретил критику в связи с низким уровнем развития земледелия у саргатского населения [Очерки истории ... , 1995, с. 77].

Таким образом, нами были рассмотрены основные проблемы в изучении торговли и обмена у населения саргатской культуры, решение которых видится в дальнейшей разработке хронологии импортных вещей, реконструкции торговых путей, а также в установлении объемов и ассортимента привозных товаров. Особо важным в рамках определения центров производства является проведение анализов химического состава и структуры металлов и стеклянных изделий.

The Main Problems in the Study of Trade and Exchange Among the Population of the Sargatka Culture of the Early Iron Age

M. M. Prokonova

The article is devoted to the main problems in the study of trade and exchange among the population of the Sargatka culture. The analysis of the literature allowed us to identify the following problems related to determining the nature of contacts of the Sargatka culture's population with other territories, the stages of trade development, production centers of imported products, export items, as well as the reconstruction of caravan routes. The solution to these problems lies in the further studying of the chronology of imported goods, determining the centers of their production, detailing trade routes, as well as estab-

*Научный руководитель – Н. П. Матвеева
д-р ист. наук, профессор,
кафедра археологии, истории Древнего мира и Средних веков,
Институт социально-гуманитарных наук,
Тюменский государственный университет*

Список литературы

- Галибин В. А., Матвеева Н. П. Спектральный анализ цветного металла из Среднего Притоболья // Актуальные проблемы методики западносибирской археологии. Новосибирск, 1989. С. 106–109.
- Дегтярева А. Д., Кузьминых С. В. Модели цветного металлопроизводства на Урале в раннем железном веке // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 2. С. 57–66.
- Дегтярева А. Д., Шуваева О. В. Бронзовые украшения могильника Чепкуль 9 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 9. С. 22–31.
- Довгалюк Н. П. Стеклоукрашения Западной Сибири эпохи раннего железного века (по материалам саргатской культуры): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. 18 с.
- Довгалюк Н. П. Происхождение стеклянных бус из могильников саргатской культуры // Вестн. Омск. ун-та. 1997. Вып. 1. С. 51–55.
- Корякова Л. Н. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1991. 51 с.
- Корякова Л. Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 239 с.
- Корякова Л. Н., Погодин Л. И., Труфанов А. Я. К вопросу о связях населения лесостепи Западной Сибири в эпоху поздней бронзы – раннего железного века // Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово, 1987. Ч. 2. С. 42–46.
- Кузьминых С. В. Основные этапы развития металлообработки Западной Сибири в эпоху раннего металла и раннего железа (медь и бронза) // Вестн. КемГУ. 2015. Т. 6, № 2 (62). С. 68–71.
- Матвеев А. В., Матвеева Н. П. Ювелирные изделия Тютринского могильника (к проблеме Сибирской коллекции Петра I) // Первобытное искусство: антропоморфные изображения. Новосибирск, 1987. С. 191–201.
- Матвеева Н. П. О скотоводстве саргатских племен лесостепного Притоболья // Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово, 1987. С. 49–51.
- Матвеева Н. П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 172 с.
- Матвеева Н. П. Ранний железный век Прииримья. Новосибирск: Наука, 1994. 152 с.
- Матвеева Н. П. О торговых связях Западной Сибири и Центральной Азии в раннем железном веке // Рос. археология. 1997. № 2. С. 63–77.
- Матвеева Н. П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. Новосибирск: Наука, 2000. 399 с.
- Могильников В. А. Саргатская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 292–311.
- Обельченко О. В. Лявандакский могильник // История материальной культуры Узбекистана. Ташкент, 1961. Вып. 2. С. 92–176.
- Очерки истории обмена и торговли в древности на территории Западной Сибири / А. В. Жук, В. И. Матющенко, Л. В. Татаурова, С. Ф. Татауров, С. С. Тихонов, И. В. Толпеко, Г. В. Холостых. Омск: ОмГУ, 1995. Ч. I. 105 с.
- Погодин Л. И. Лаковые изделия из памятников Западной Сибири раннего железного века // Взаимодействие саргатских племен с внешним миром. Омск, 1998. С. 26–38.
- Сальников К. В. Хорезмийская тамга в Зауралье // ТХАЭЭ. 1952. Т. I. С. 193–196.
- Таиров А. Д. Торговые коммуникации в западной части Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: ЧелГУ, 1995. 43 с.
- Тигеева Е. В., Белоногова Л. Н. Зеркала саргатской культуры Тоболо-Ишимского междуречья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4. С. 84–96.
- Трейстер М. Ю. Серебряные фалары с изображением Беллерофонта и Химеры из сарматского погребения в Володарке. Еще раз к вопросу о так называемом греко-бактрийском стиле в эллинистической тюркестанской культуре // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. М., 2011. Т. I. С. 90–146.

lishing the volume and assortment of imported goods. The analysis of the chemical composition and structure of metal and glass products is particularly important in determining the production centers.

Keywords: West Siberia, Early Iron Age, Sargatka culture, trade, exchange, problems, historiography.

Проконова Мария Михайловна

магистрант 1-го года обучения
Тюменский государственный университет
e-mail: m.m.prokonova@utmn.ru

Prokonova Maria Mikhailovna

Graduate student 1st year
Tyumen State University
e-mail: m.m.prokonova@utmn.ru

УДК 903.15

Роль В. А. Могильникова в выделении каменной культуры Алтая раннего железного века

Е. А. Нарудцева^{1,2}, С. С. Радовский²

^{1,2}*Алтайский государственный краеведческий музей, Барнаул, Россия*

²*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

Существенный вклад в изучение археологических культур Западной Сибири внесли исследования Владислава Александровича Могильникова. Работы ученого имеют особое значение для понимания этнокультурных процессов, происходивших на Алтае. В. А. Могильников более двадцати лет (нач. 1970-х – нач. 1990-х) посвятил полевым изысканиям на данной территории. За время работ ученым были открыты и исследованы десятки археологических памятников практически всех известных периодов в истории Алтая. Во многом на основе собственных материалов Владислав Александрович сформировал ряд концепций этнокультурного развития населения рассматриваемой территории с бронзового века до средневековья.

При участии В. А. Могильникова был выделен ряд общностей Лесостепного и Горного Алтая [1986]. Особая роль принадлежит исследователю в выделении каменной культуры раннего железного века.

Каменная культура является яркой общностью, занимавшей значительную территорию междуречья Иртыша и Оби в скифо-сакское время. В настоящее время обозначение «каменная культура» активно используется большинством исследователей [Абдулганеев, Владимиров, 1997, с. 6; Фролов, 2008, с. 176–182; Шульга, 2015, с. 18–21; и мн. др.].

Основные аспекты изучения данного периода представлены рядом статей и разделами в нескольких монографиях [Телегин, 1994, с. 70–92; Троицкая, Бородавский, 1994, с. 3–6; Фролов, 2008, с. 8–74; и др.]. В данных работах лишь кратко обозначена заслуга В. А. Могильникова в изучении каменной культуры. До настоящего момента в трудах исследователей отдельно не рассматривался вклад археолога в выделение данной общности, в то время как роль некоторых других ученых в указанном процессе отражена в гораздо большей степени [Демин, 2018].

Достаточно долгое время в археологии Алтая господствовала гипотеза М. П. Грязнова о существовании в раннем железном веке Верхнего Приобья единой большереченской культуры, включавшей три этапа [1951; 1956, с. 44–98]. По мере накопления данных стало очевидным, что материалы курганных некрополей Левобережья Оби и степного Алтая не согласуются с предложенной схемой.

Впервые тезис о своеобразии населения, оставившего подкурганые захоронения на территории Верхнего Приобья, и отличии его от большереченской культуры (по М. П. Грязнову) высказали А. П. Уманский и М. П. Завитухина [Уманский, 1966; Завитухина, 1968, с. 33–34]. При этом исследователи не обозначили название данной общности. Позднее А. П. Уманский конкретизировал свои выводы и предложил наименование культуры – каменная. Название дано по месту первых раскопок памятников такого типа у г. Камень-на-Оби [Уманский, 1980].

Одновременно с А. П. Уманским тезис о выделении каменной культуры был озвучен В. А. Могильниковым [1980, с. 41]. В работе, посвященной общностям раннего железного века Западной Сибири, ученый представил подробную характеристику «каменского» населения. Территорию распространения культуры исследователь определил в рамках междуречья Иртыша и Оби. Погребальный обряд, по мнению археолога, характеризуется устройством земляных насыпей, под которыми располагались несколько погребений, реже – одно захоронение. Могилы устраивались по периметру вокруг центрального. Погребальная камера представляла собой сруб или раму, часто перекрытую несколькими рядами бревен. Умершие укладывались вытянуто на спине и ориентировались головой преимущественно на запад. В могиле располагался инвентарь, типичный для культур скифского круга [Там же, с. 45–46].

По представлению В. А. Могильникова, каменная культура была сформирована населением кочевников или полукочевников, происхождение которых связано с саками и усунями Казахстана, сарматами и частично с «большереченцами», на что указывают аналогии в погребальном обряде и предметный комплекс [1980, с. 47]. Примечательно, что в данной работе археолог предположил параллельное существование каменной и большереченской культур [Там же, с. 44–45]. В дальнейшем позиция ученого относительно последнего тезиса претерпела изменения.

Немного позднее В. А. Могильников отмечал существенные изменения, проходившие в рамках единой большереченской культуры. Исследователь указывал на различия в характеристиках культуры на большереченском этапе, с одной стороны, и бийском и березовском – с другой. Последние два этапа ученый объединил в рамках новой общности, при этом не давая ей названия, хотя основные показатели, описываемые археологом, аналогичны каменной культуре [Могильников, 1981, с. 102–103]. В указанной публикации В. А. Могильников впервые представил тезис о существовании отдельной большереченской общности в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку и ассимиляции ее новым населением, пришедшим в IV–III вв. до н. э. с запада. По мнению исследователя, на основе смешения рассматриваемых групп и сформировалась «новая культура» (каменная) [Могильников, 1981, с. 102–103; Могильников, Куйбышев, 1982, с. 113, 133].

В последующих работах исследователь более определенно утвердил тезис о существовании большереченской культуры только в VII–VI вв. до н. э. и о смене ее каменским населением. Археолог счел возможным оставить деление последней культуры на два этапа – бийский (V–III вв. до н. э.) и березовский (III–II, возможно, I в. до н. э.) [Могильников, 1986, с. 30–31; 1989].

Целостная характеристика каменной культуры была дана В. А. Могильниковым в монографии «Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н. э.» [1997]. Исследователь уточнил датировку общности в рамках второй половины – конца VI–II, I вв. до н. э., без деления на этапы. Кроме этого, археолог подробно описал ареал культуры и перечислил памятники, которые оставило «каменское» население [Там же, с. 3–29]. Наиболее полно в работе ученого представлен анализ материальной культуры, хозяйства и социальной стратификации рассматриваемого общества.

Следует отметить, что выделение каменной культуры встретило некоторое сопротивление среди ряда археологов. Полемика разгорелась вокруг содержания понятия «большереченская культура» и соотношения ее с «каменцами» [Троицкая, 1985, с. 104–113; Кирюшин, 1986, с. 77–78; Алехин, 1986; 1999, с. 15–16; Троицкая, Бородовский, 1994, с. 74–75]. Однако спор носил скорее терминологический, чем фактологический характер, так как основные культуроопределяющие черты общности, указанные исследователями, имеют идентичный характер [Троицкая, Бородовский, 1994; Могильников, 1997].

В заключение следует отметить, что именно В. А. Могильниковым было заложено то содержание понятия «каменная культура», которое в настоящее время используется в археологии раннего железного века. Для рассмотрения всех аспектов изучения обозначенной общности, отраженных в работах археолога, требуется отдельное исследование.

*Научный руководитель – Н. Н. Серегин
д-р ист. наук, доцент кафедры археологии,
этнографии и музеологии,
Алтайский государственный университет*

Список литературы

- Абдулганеев М. Т., Владимиров В. Н. Типология поселений Алтая VI–II вв. до н. э. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. 147 с.
Алехин Ю. П. Лесостепной Алтай в скифское время (V–I вв. до н. э.) // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 36–38.
Алехин Ю. П. Лесостепной и рудный Алтай в скифскую эпоху // Итоги изучения скифской культуры и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 13–16.

Грязнов М. П. Археологическое исследование на территории одного поселка (раскопки Северо-Алтайской экспедиции в 1949 г.) // КСИИМК. 1951. Вып. XVIII. С. 105–113.

Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М. ; Л. : Наука, 1956. 256 с.

Демин М. А. Алексей Павлович Уманский: путь в науку. Барнаул : Изд-во АлтГПУ, 2018. 404 с.

Завитухина М. П. Ордынские курганы V–IV вв. до н. э. (о культуре скифского времени в новосибирской лесостепи) // АСГЭ. Л., 1968. Вып. 10. С. 28–34.

Кирюшин Ю. Ф. Лесостепной Алтай в эпоху поздней бронзы и раннем железном веке // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 75–79.

Могильников В. А. О культурах Западно-Сибирской лесостепи раннего железного века (итоги и проблемы изучения) // Скифско-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980. С. 41–50.

Могильников В. А. Некоторые особенности генезиса культур лесостепи Западной Сибири в раннем железном веке // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1981. С. 100–103.

Могильников В. А. К этнокультурной ситуации на Алтае в скифское время // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 29–32.

Могильников В. А. Некоторые проблемы генезиса и этнической принадлежности культур раннего железного века лесостепи Западной Сибири // Западно-Сибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень, 1989. С. 62–77.

Могильников В. А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н. э. М. : Пушкинский научный центр РАН, 1997. 196 с.

Могильников В. А., Куйбышев А. В. Курганы «Камень II» (Верхнее Приобье) по раскопкам 1976 г. // Сов. археология. 1982. № 2. С. 113–134.

Телегин А. Н. Из истории изучения раннего железного века лесостепного Алтая // Вопросы истории и историографии Алтая и Сибири. Барнаул : Изд-во АлтГПУ, 1994. С. 70–92.

Троицкая Т. Н. Культуры скифо-сибирского круга в лесостепном Приобье // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск, 1985. С. 104–115.

Троицкая Т. Н., Бородовский А. П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск : Наука, 1994. 184 с.

Уманский А. П. Новые памятники раннежелезного века в Верхнем Приобье // Пленум института археологии 1966 г. Секция «Ранний железный век». М., 1966. С. 28–32.

Уманский А. П. О культурной и этнической принадлежности курганов раннего железного века в лесостепном Алтае // Барнаулу 250 лет. Барнаул, 1980. С. 50–53.

Фролов Я. В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н. э. – II в. н. э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул : Азбука, 2008. 479 с.

Шульга П. И. Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и верхнем Приобье. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. Ч. 2. 322 с.

The Role of V. A. Mogilnikova in Highlighting the Kamensk Culture of Altai the Early Iron Age

E. A. Narudtseva, S. S. Radovsky

The article evaluates the contribution of V. A. Mogilnikov in highlighting the Kamensk archaeological culture of Altai. The change in the views of scientists on the ethnocultural situation of this territory in the early Iron Age is briefly indicated. The evolution of the position of V. A. Mogilnikov on the content of the concept of Kamensk culture; and its relationship with the Bolsherechensk community. The position of the scientist on the characteristics of the archaeological complexes of the Early Iron Age between the Ob and Irtysh rivers is given. It was established that it was V. A. Mogilnikov laid down the content of the concept of Kamenskaya culture, which is currently used in the archeology of the Early Iron Age. To consider all aspects of the study of the designated community, reflected in the works of the archaeologist, a separate study is required.

Keywords: V. A. Mogilnikov, Kamensk archaeological culture, Altai, archaeological sites, history of science.

Нарудцева Елена Александровна

научный сотрудник
Алтайский государственный краеведческий музей
магистрант 1-го года обучения
Алтайский государственный университет
e-mail: narudtseva@mail.ru

Narudtseva Elena Aleksandrovna

Researcher
Altai State Museum of Local Lore
Graduate student 1st year
Altai State University
e-mail: narudtseva@mail.ru

Радовский Святослав Сергеевич

аспирант 1-го года обучения
Алтайский государственный университет
e-mail: radovskiy1996@mail.ru

Radovsky Svyatoslav Sergeevich

Postgraduate 1st year
Altai State University
e-mail: narudtseva@mail.ru

Диски с концентрическим орнаментом Нижнего Приангарья: морфологическая характеристика

А. А. Эккердт

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Бронзовые диски с циркульным орнаментом распространены на большой территории, включающей в себя Западную Сибирь, Урал, Прикамье. Представленные в рамках статьи изделия являются первыми подобными находками в Нижнем Приангарье. Их присутствие в регионе свидетельствует о культурных связях нижнеангарского населения с западносибирскими соседями. Данные предметы могут стать основой для изучения религиозных представлений людей, погребально-поминальной обрядности в период финала раннего железного века.

Комплекс Пинчуга-6 расположен на правом берегу р. Ангары, в районе пос. Богучаны, на поверхности 18-метровой террасы. Памятник изучался в 2018–2019 гг., за это время сплошным раскопом вскрыто около 700 м² могильника. Было выявлено 16 погребений, выполненных по обряду трупосожжения на стороне. Захоронения совершали в ямах различной формы, также отмечено залегание отдельных предметов в межмогильном пространстве. Предварительная датировка могильника – вторая четверть I тыс. н. э.

В заполнении грабительской ямы № 13 найден бронзовый диск с циркульным орнаментом диаметром 3,6 см. Изделие представляет собой круглую бляху с небольшим круглым отверстием в центре. Из центра нанесен вырезанный циркульный орнамент в количестве семи окружностей. Проточка концентрического орнамента выполнена с соблюдением заданного шага и ширины желобков с использованием специального инструментального и технологического оснащения. Изделие покрыто темной благородной патиной, немного повреждено в центре.

Другое подобное изделие найдено в заполнении ямы погребения № 9, оно располагалось несколько выше скопления фрагментов кальцинированных костей, на одном уровне с другими изделиями из бронзы. Это бронзовый диск диаметром 3,3 см с небольшим отверстием в центре, вырезанным после отливки изделия. По-видимому, до того, как оно было вырезано, из центра изделия наносился циркульный орнамент, состоящий из 9 окружностей. Характер резьбы такой же, как и у предыдущего изделия, она выполнена с соблюдением заданного шага и ширины желобков при помощи специального инструмента. Край бляхи оформлен в виде небольших зубчиков. Необходимо также указать, что погребение № 9, где найдено изделие, предположительно является детским.

Следующий предмет найден вне могильного пространства, в слое. Данный диск имеет диаметр 3,4 см, присутствует отверстие в центре, от которого нанесен концентрический орнамент в виде 6 окружностей. Стоит отметить, что характер орнаментации данного изделия отличается от остальных, так как рисунки процарапаны, линии гравировок слабые, тонкие и неровные, что свидетельствует об отсутствии специального оборудования. Край бляхи оформлен в виде небольших зубчиков. Изделие покрыто темной благородной патиной, утрачен небольшой фрагмент края бляхи.

Еще одно изделие подобного характера найдено в заполнении ямы погребения № 5. Оно представляет собой бронзовый диск диаметром 4,5 см с небольшим отверстием в центре, вырезанным после отливки. Бляха орнаментирована с обеих сторон, общее количество окружностей – 13. Резьба выполнена с соблюдением заданного шага и ширины желобков. Сохранились остатки органической основы,

предмет был обернут в какой-то органический материал, вероятно, кожу или мех.

В заполнении ямы погребения № 8 найден фрагмент бронзового диска размером 2,1×1,7 см. С обеих сторон нанесен вырезанный циркульный орнамент, резьба четкая, выполнена при помощи специального инструментального и технологического оснащения.

В этом же погребении найдено пять фрагментов круглой бронзовой бляхи, имеющих размер 0,7×0,5–1,7×1,5 см. На кусочках изделия присутствует вырезанный циркульный орнамент с одной стороны. Характер резьбы такой же, как и у предыдущих изделий, она выполнена с соблюдением заданного шага и ширины желобков. Сохранность изделия довольно плохая, оно разломано на 5 фрагментов.

Еще одно изделие было обнаружено в заполнении ямы погребения № 15. Это бронзовый диск диаметром 5,7 см и отверстием в центре, вырезанным после отливки изделия. По-видимому, до того, как оно было вырезано, из центра изделия наносился циркульный орнамент. Количество окружностей определить сложно, так как изделие имеет плохую сохранность. Край бляхи волнистый. Изделие разломано пополам на два фрагмента, сильно корродировано. Сохранились остатки органической основы, в которую был завернут предмет.

Подобные бронзовые диски с циркульным или концентрическим орнаментом были распространены на обширной территории длительный период времени. Пока нет единого мнения по поводу назначения этих изделий. Некоторые исследователи, например И. А. Сыркина [1973], высказывают точку зрения о том, что бронзовые диски с отверстиями служили панцирными украшениями. Другие же, такие как В. Н. Чернецов [1953], интерпретируют подобные изделия как предметы культа. Распространена и точка зрения об эстетической функции данных изделий, которая сопряжена с функциями оберега. На сегодняшний день точно можно утверждать, что эти диски и зеркала, после того как они попали на север Западной Сибири и проникли дальше, не употреблялись по своему прямому назначению. Эту точку зрения принимает большинство исследователей.

На основании имеющихся трудов можно провести предварительные аналогии с имеющимися находками. Небольшие бронзовые бляхи с отверстием в центре встречаются на западносибирских памятниках начала – первой половины I тыс. н. э. Пятнадцать подобных блях найдено в Айдашинской пещере, есть они в составе Ишимской коллекции и Холмогорского клада, пять дисков являются частью инвентаря Томского могильника. Все они имеют схожие черты, важным отличием являются гравированные антропоморфные рисунки, которые присутствуют на бляхах из Холмогорского клада и Ишимской коллекции. Подобных дисков на Пинчуге-6 пока не обнаружено.

В своей совместной статье Ю. В. Ширин и С. В. Хаврин [2012] описывают процесс орнаментации изделий таким образом: зубчатая вырезка по лицевой кромке дисков выполнена после отливки при помощи стального резца или просто ножом; концентрический орнамент наносился специальными резцами после полировки немного выпуклой лицевой поверхности. Авторы считают, что возможность производства таких дисков металлургами западносибирских культур маловероятна. Если отливка их еще возможна, то последующая проточка концентрических окружно-

стей – нет. Однако на многих бронзовых дисках и зеркалах, найденных в составе культовых комплексов Западной Сибири, есть процарапанные рисунки с неровными краями, выполненные острым предметом (ножом). Подобные изделия можно связывать с технологической традицией, вторичной по отношению к изготовлению самих дисков и зеркал. С учетом этого, по мнению исследователей, можно выделить западносибирские подражания литым бронзовым дискам с волнистым краем и концентрическими, но не циркульными окружностями. На этом основании можно отметить, что все нижнеангарские диски имеют четкую резьбу с соблюдением заданного шага и ширины желобков, кроме одной бляшки, орнамент на которой явно процарапан.

В свою очередь, Ю. А. Подосенова на основе рентгено-флуоресцентного анализа устанавливает, что подобные изделия выполнялись из оловянистой бронзы и сложного сплава на основе олова [Федорова, Гусев, Подосенова, 2016, с. 59–77].

Схожесть представленных материалов с изделиями из Холмогорского клада, Томского могильника и др., по мнению Ю. В. Ширина, почти ничего не дает для уточнения времени бытования этих изделий [Ширин, Хаврин, 2012]. Исследователи Холмогорского клада А. П. Зыков и Н. В. Федорова датируют его III–IV вв. н. э. [Зыков, Федорова, 2001, с. 111–112].

Подводя итоги, стоит отметить, что первые находки бронзовых дисков с циркульным орнаментом на террито-

рии Нижней Ангары свидетельствуют о наличии культурных связей с северными территориями Западной Сибири в начале – первой половине I тыс. н. э.

Дальнейшее изучение бронзовых круглых бляшек с отверстием, найденных в бассейне нижнего течения Ангары, может привести к установлению направления связей населения этой территории с другими регионами Сибири, а также уточнению характера использования подобных изделий, что является перспективным направлением исследований.

*Научный руководитель – П. О. Сенотрусова
канд. ист. наук, ст. науч. сотр.,
Лаборатория археологии Енисейской Сибири,
Сибирский федеральный университет*

Список литературы

Зыков А. П., Федорова Н. В. Холмогорский клад: коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург, 2001. 175 с.

Сыркина И. А. О бронзовых пластинах Истяцкого и Сузгунского кладов // Советская археология. 1973. № 4. С. 255–260.

Чернецов В. Н. Бронза усть-полуийского времени // Древняя история Нижнего Приобья. МИА. № 35. М.: Наука, 1953. С. 121–178.

Федорова Н. В., Гусев А. В., Подосенова Ю. А. Горнокузнецкий клад // Археология Арктики. Вып. 3. Приложение. Калининград, 2016. 80 с.

Ширин Ю. В., Хаврин С. В. Комплексы второй четверти I тыс. н. э. из Томского могильника // STRATUM PLUS. Археология и культурная антропология. 2012. Вып. 4. С. 239–255.

Disks with a Concentric Ornament of the Lower Angara Region: Morphological Characteristics

A. A. Ekkerdt

The article presents an overview of bronze disks with concentric ornaments found on the territory of a burial ground located to the right of the Angara River, near the village of Boguchany. Attention is paid to the description of the material, analogies are drawn with similar images. Bronze disks with circular ornaments are common in a large territory, including Western Siberia, the Urals, and the Kama region. The first finds of bronze disks with circular ornaments on the territory of the Lower Angara indicate the presence of cultural ties with the northern territories of Western Siberia in the early–first half of the first millennium. Further study of the bronze round plaques with a hole found in the basin of the lower Angara river can lead to the establishment of the direction of relations of the population of this territory with other regions of Siberia, as well as to clarify the nature of the use of such products, which is a promising area of research.

Keywords: Middle Siberia, Lower Angara region, burial grounds, bronze metal plastics.

Эккердт Александра Александровна
студент 2-го курса
Сибирский федеральный университет
e-mail: ekkerdta@mail.ru

Ekkerdt Alexandra Alexandrovna
Student 2nd year
Siberian Federal University
e-mail: ekkerdta@mail.ru

УДК 39.393.05.

Бронзовые зеркала скифов и кузунгу шаманов

А. Г. Сарыглар

Тувинский государственный университет, Россия, Кызыл

В современном динамично развивающемся мире ничто не сохраняет свою архаичность, все меняется, трансформируется и совершенствуется. В ходе археологических раскопок ученые находят интереснейшие вещественные артефакты прошлого. К таким сенсационным находкам можно отнести курганы Аржаан-1 и Аржаан-2 раннескифского времени. Аржаан-2 из-за особого расположения главного захоронения «царя и царицы» оказался неразграбленным, что позволило изучить богатый сопроводительный инвентарь, среди которого есть и бронзовые зеркала. Это немаловажно и вызывает научный интерес – бронзовые зеркала до сих пор используются шаманами при проведении ритуалов и камланий.

Изучение бронзовых зеркал помогает раскрыть многие аспекты и характерную особенность представителей кочевой цивилизации, развитие их искусства, повышение общекультурного и эстетического уровня, что является чрезвычайно важным для современной науки Тувы, так как не

введены в научный оборот многие архивные материалы и результаты археологических раскопок. И что немаловажно, было проведено интервьюирование с шаманами, использующими в своей практике бронзовые зеркала, что обуславливает актуальность исследования.

Цель исследования: изучить семантику бронзовых зеркал.

Бронзовые зеркала находят в ходе работы экспедиций на территории Тувы. Сведения о них содержатся в трудах С. И. Вайнштейна [1974, с. 81–108], Л. П. Потапова [1969], М. Х. Маннай-оола [1970, с. 68–70] и др.

Так, в трудах А. Д. Грача «Древнетюркские курганы на юге Тувы» [1968], «Древнетюркское погребение с зеркалом Цинь-вана в Туве» [1958] раскрыты результаты археологических раскопок курганов предскифского времени, так называемые курганы монгун-тайгинского типа, и скифского периода. И что особо заинтересовало автора данной статьи, в скифских курганах находятся бронзовые

зеркала, которые укладывались у головы и пояса погребенного. Вполне возможно предположить, что факт наличия и расположение бронзовых зеркал может свидетельствовать о предназначении и магических защитных свойствах зеркал. Так, скифские оленные камни четко разделяются на 3 части. Верхняя часть представлена головой, на которой часто изображаются солярные знаки в виде круга, серьги и т. д. Нижнюю часть отделяет пояс с предметами вооружения: ножом, акинаком, колчаном. Нож и по сей день считается у тувинцев очень сильным защитным предметом от злых духов, а также используется шаманами при обрядах лечения и очищения.

Так, в кургане Аржаан-2 было обнаружено около 8 бронзовых зеркал [Чугунов, Парцингер, Наглер, 2017]. Хочется отметить, что зеркала хранились, судя по находкам, в специальных мешочках (чехлах) из разнообразных материалов: войлока, кожи, меха и т. д. Кроме этого, особый интерес вызывает расположение зеркал в кургане Аржаан-2, в главной могиле 5, где были захоронены «царь и царица», – зеркала были расположены на уровне головы и лица обращены к зеркалу, а остальные зеркала были обнаружены на уровне пояса, в различных чехлах. Такое расположение зеркал может свидетельствовать о том, что зеркала царя и царицы с кожаным ремешком предназначались для путешествия в верхний мир, а зеркала у погребенных в других могилах находятся на уровне пояса, возможно, это связано с защитой от злых сил нижнего мира при отправлении царя и царицы в верхний мир, но это, конечно, предположение. Интерес вызывает и тот факт, что шаманские зеркала – кузунгу – и сегодня являются обязательным атрибутом для проведения обрядов шамана.

В настоящее время кузунгу (так называется бронзовое зеркало) является обязательным атрибутом шамана, так, историк, писатель, доктор исторических наук, обладатель звания «Живое сокровище шаманизма» Монгуш Борахович Кенин-Лопсан в своей книге пишет о небесном происхождении кузунгу [1987, с. 56]. Кроме этого, кузунгу есть только у шаманов; они могут камлать без использования бубна и одеяний, но без кузунгу никогда. Кузунгу является самым могущественным духом-помощником шамана. Интересные сведения об его получении отражены у М. Б. Кенин-Лопсана [1987, с. 58]. Кузунгу в летнее жаркое время может спуститься близко к земле, эти места шаманы называют «кузунгу ойнаар чер» – место, где играет зеркало. Как правило, это старое русло реки или лощины возле скал. В конце июня – начале июля шаманы могут обнаружить кузунгу в небе, и, когда начинаются жаркие дни, кузунгу спускается в такие места. Шаман, наблюдая за кузунгу, как только оно опускается достаточно близко к земле, начинает камлать. Для того чтобы поймать кузунгу, шаман берет большой кусок «энчек» – войлочное покрывало или кадак. Когда происходит камлание, кузунгу спускается на расстояние до метра, и в это время необходимо его укутать покрывалом. После этого шаман проводил обряд «чажыг чажар», т. е. кормил кузунгу, обрызгивая на него самую лучшую еду «дээжи». М. Б. Кенин-Лопсан

Bronze Mirrors of the Scythians and Kuzungu of the Shamans

A.-K. G. Saryglar

This article is devoted to the study of bronze mirrors, in particular, of the Early Scythian period. In today's dynamically developing world, these mirrors continue to be included in the circle of everyday objects used by Tuvans and have not changed much. These mirrors are used by shamans, the Tuvan shamans have a bronze mirror preserved under the name "Kuzungu". The article deals with the historiography of the study of mirrors from mounds by Russian scientists. The author made an attempt to compare the bronze mirrors from the Arzhaan 2 mound and the mirrors of shamans (kuzungu). Based on the ideas and meanings of the bronze mirror for Tuvan shamans, an attempt was made to draw an analogy with the Scythian tribal associations that lived on the territory of modern Tuva in particular, namely, to compare their worldview and religion.

Keywords: Scythians, Arzhan-2, Shamanism, bronze mirror, kuzungu.

Сарыглар Ай-Херел Геннадьевич

студент 4-го курса

Тувинский государственный университет

e-mail: Xerelok13@mail.ru

также описывает «дадазын» – ленточку из кожи животного, длиной примерно 15–20 см, которую привязывали к зеркалу с обратной стороны в специально сделанную петельку [1987, с. 58].

Вернемся к захоронению царя и царицы: у их зеркал обнаружена украшенная золотом и сделанная из кожи лента. Такая лента была только у них, в остальных погребениях их не обнаружено или на зеркалах были кусочки ткани кадака, которые со временем разложились. Исходя из этого, можно предположить, что современные шаманы сохранили знания о бронзовых зеркалах и их ритуальном предназначении. В связи с развитием и трансформацией зеркал их магическая функция постепенно угасала и они становились больше предметом туалета, но до сих пор у многих народов существует традиция завешивать зеркала, когда в доме находится покойник. Таким образом, шаманы в основном больше сохранили магическую функцию зеркала. М. Б. Кенин-Лопсан отмечает, что особую ценность имели зеркала с петелькой для крепления кадака или зеркала, на которых изображены животные 12-летнего цикла восточного календаря. Следует обратить внимание и на то, как передавались зеркала после смерти шамана. Зеркало должны наследовать потомки шамана со способностями, а если они отсутствовали, то зеркало оставляли хозяину, т. е. не закапывали в могилу вместе с телом, так как считалось, что вместе с шаманом зеркало возвращалось на небо. Эта традиция очень интересна, бронзовые зеркала в древности были дорогими, и поэтому они особо ценились и зачастую передавались из поколения в поколение [Фиалко, 2011].

Таким образом, бронзовые зеркала в скифское время имели кроме практической значимости как предмет туалета и магическую, защитную функцию. Конечно, утверждать мы не можем, но на основе изучения шаманских бронзовых зеркал и их магических функций предположим, что скифские зеркала выполняли роль оберега и защиты.

Научный руководитель – О. П. Оюн
канд. ист. наук, доцент,

Тувинский государственный университет

Список литературы

- Вайнштейн С. И. История народного искусства Тувы. М., 1974. 224 с.
- Грач А. Д. Древнетюркское погребение с зеркалом Цинь-вана в Туве // Советская этнография. 1958. № 4. С. 18–34.
- Грач А. Д. Древнетюркские курганы на юге Тувы // Древности Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии // КСИА. 1968. Вып. 114. С. 105–111.
- Кенин-Лопсан М. Б. Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманизма. Конец XIX – начало XX в. Новосибирск, 1987. 162 с.
- Маннай-оол М. Х. Тува в скифское время. Уюкская культура. М., 1970. 122 с.
- Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев // АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Тувин. науч.-исслед. ин-т яз., литературы и истории. М., 1969. С. 371–383.
- Чугунов К. В., Парцингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. 500 с.
- Фиалко Е. Е. Зеркала в обрядах скифов // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2011. Вып. XXV. С. 79–94.

Звериный стиль в декоре костюма эпохи железного века (на территории Казахстана): опыт изучения и анализ

А. Б. Мусаханова-Аскерханова

*Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева,
Нур-Султан, Казахстан*

Первая половина XX в. знаменуется начальными накоплениями знаний об археологических вещественных памятниках скифо-сакского звериного стиля на территории Казахстана. Ключевую роль в изучении материальной культуры Казахстана и Средней Азии сыграл А. Н. Бернштам, который посвятил изучению древностей данного региона более 20 лет. В 1939 г. была развернута Семиреченская археологическая экспедиция во главе с А. Н. Бернштамом, и в том же году случайная находка в Каргалинском ущелье (Алма-Атинская обл.) стала поворотным моментом в изучении костюма людей, которые жили на территории Казахстана в эпоху железного века. Среди сотен золотых предметов, найденных А. В. Назаренко и другими рабочими, проводившими свободное время на охоте, особенно привлекла внимание золотая пластина с изображениями «зверей, птиц и людей». Эта находка, которую А. Н. Бернштам [1940] обозначил как «диадему шаманки», имела огромное историко-культурное значение для всего Евразийского пространства, ибо доселе находки этого края были крайне скупы и малочисленны.

К 70-м гг. XX в. уже было накоплено определенное количество как археологического материала, так и различных исторических источников о древнем населении на территории Казахстана и их материальной культуре. В сложившейся ситуации возникает острый вопрос осмысления и исследования всего собранного материала. Огромным вкладом являлась обширная исследовательская работа М. И. Артамонова, в которой, во-первых, был собран огромный материал по памятникам звериного стиля и, во-вторых, проведены стилистические и типологические параллели между предметами материальной культуры Казахстана, Сибири, Алтая, Тувы и Центральной Азии. В своем сообщении [1973, с. 36–38] также предвосхищает публикацию нового открытия, автором которого является К. А. Акишев, – единственного на тот момент неразграбленного богатейшего погребения в Средней Азии и Сибири.

В 1968 г. на место предполагаемого будущего строительства новой автобазы в г. Иссыке (недалеко от Алматы) выехала группа археологов во главе с Б. Н. Нурмуханбетовым для проверки территории на отсутствие памятников исторического значения. Было раскопано центральное погребение кургана, которое оказалось полностью ограбленным, и в последний момент один из бульдозеров наткнулся на деревянный сруб, который находился в боковом (южном) захоронении. В нем находился полный комплект костюма молодого юноши – «Иссыкского золотого человека», изучению которого посвятил свою деятельность К. А. Акишев. Реконструкция модели «золотого человека» вскоре была продемонстрирована на международных выставках в Лейпциге, Каире и Дамаске.

Костюм состоял из высокого остроконечного головного убора конической формы – кулаха; трубчатой гривны, на окончаниях которой были изображены тигриные морды; кафтана, окаймленного золотыми бляшками в виде протом кошачьего хищника; пояса с массивными бляшками в виде фантастических зверей и лосиных голов; сапог с бляхами в виде трилестника. Особое место в костюме занимает сложносоставной декор головного убора: в нижней части надо лбом располагалась составная эмблема в виде двух крылатых коней с рогами козла, по бокам находилось

изображение гор с фигурами горных козлов и снежных барсов; на горах произрастали деревья, на ветках которых располагались фигурки птиц, составляющие среднюю часть головного убора, и вершину кулаха венчала миниатюрная фигура архара.

Головной убор и костюм в целом представляли специфичную репрезентацию мифопоэтического видения мира саков. Композиция костюма в изобразительной форме воспроизводила троичную модель Космоса, где нижний мир представляли хищники; средний – копытные животные; верхний – птицы и священные животные-медиаторы – архары [Акишев, 1984, с. 7–28]. Не только декор костюма и головного убора, но и сам головной убор, воспроизводящий образ мировой горы, был символичен. Исследования по иссыкскому костюму и семантическая интерпретация композиции и декора легли в основу дальнейшего изучения в этой области.

В 1997–1999-х гг. совместно с учеными из Франции, Казахстана и России были проведены активные исследования Берельских курганов, которые в основном дали богатый материал по конскому парадному снаряжению и сохранившейся органике. По обнаруженным предметам можно судить о прямой связи берельской и пазырыкской археологических культур. Найденные материалы по костюму интегрируются в единый семантико-материальный комплекс пазырыкской культуры, где центральным элементом выступает высокий конусовидный головной убор, на вершине которого располагается олень или горный козел [Джумабекова, Базарбаева, Глушкова, 2010].

Начало XXI в. знаменуется крупным открытием «второго золотого человека» в кургане Байгетобе Шиликтинской долины, раскопки которой возглавил А. Т. Толеубаев. В данном захоронении представлены: второй тип скифо-сакского головного убора, а именно приталенная шапка с лопастями, увенчанная фигурой оленя с поджатыми ногами, кафтан, чапан типа кандис и штаны. Весь покрой одежды был сплошь декорирован традиционными для скифо-сакского звериного стиля фигурами зверей. Особый интерес представляют некоторые элементы декора, так называемые бляшки «маски барса» со сложной композицией, где в одну форму заложено три содержания. Две соединяющиеся головы горных козлов в общей перспективе образуют маску кошачьего хищника, при этом с профиля бляха напоминает парящего в небе орла. Подобные сложносоставные фигуры, образующие различные солярные орнаменты и передающие эффект оптических иллюзий, являются главным и отличительным лейтмотивом «шиликтинского золотого человека» [Толеубаев, 2018, с. 218–249].

Последующие археологические открытия связаны с богатыми женскими захоронениями в курганах Таксай-1 и Тасарык и комплексной работой по реконструкции костюма научно-реставрационной лабораторией «Остров Крым» под руководством К. А. Алтынбекова. На высоком головном уборе из сарматского могильника Таксай, увенчанном головой горного козла, расположены изображения мирового древа, животных и птиц вокруг, сделанных из золотой фольги. Подобные «пейзажные» сюжеты находят аналогии в диадемах из курганов Хохлач, Кобяковский и Усть-Лобинская [Алтынбеков, 2013, с. 49–53]. Любопытным

элементом костюма «Уржарской жрицы» из могильника Тасарык выступает ажурная фигура птицы «феникс», которая занимает центральное пространство высокого головного убора. В первую очередь прослеживается параллель с подобными изображениями из Берельских и Пазырыкских курганов [Джумабекова, Базарбаева, 2020]. На основе вышесказанного можно сделать вывод о наличии, во-первых, активных взаимодействий и контактов представителей древних культур на территории современного Казахстана и России и, во-вторых, единого культурно-материального фонда эпохи железного века.

Костюм человека эпохи железного века, через язык звериных образов, может рассказать о многих аспектах: о философском понимании мира, социальном статусе, обществе, принадлежности к какой-либо культурной общности. При этом стоит отметить, что на сегодняшний день многие проблемы остаются дискуссионными либо нерешенными. Вследствие этого остается открытым вопрос о создании комплексных, обобщающих трудов по материальной культуре Евразийского пространства.

Animal Style in the Decor of the Iron Age Costume (on the Territory of Kazakhstan): The Experience of Study and Analysis

A. B. Musakhanova-Askerkhanova

The Saka-scythian period represents one of the brightest pages in the history of Eurasia. This time was marked by a kind of upsurge – the “renaissance” of material culture, a vivid indicator of which is the Saka-scythian animal style. On the territory of Kazakhstan, in its various parts, the so-called “golden people” were found, dating back to the era of the Iron Age. Buried in the mounds, the bones of women and men abounded in rich gold ornaments made in animal style motives. This article provides the history of studying the costume décor (the concept of “costume” means both elements of clothing and jewelry associated with it, which together form a material-semantic complex), based on the found items of the Iron Age era on the territory of Kazakhstan. A brief generalizing analysis of the semantics of the structure and decor of the costume, as well as the associated mythopoetic understanding of the World space of the inhabitants of the ancient era is given.

Keywords: Iron Age, ancient costume, animal style, saka, Scythian, golden people, Kazakhstan.

Мусаханова-Аскерханова Айя Болатбековна

магистрант 1-го года обучения

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева

e-mail: aiyamuss@gmail.com

Musakhanova-Askerkhanova Aiya Bolatbekovna

Graduate student 1st year

Eurasian National university by L. N. Gumilev

e-mail: aiyamuss@gmail.com

УДК 903.15(395.1)

Проблема генезиса скифской культуры: Центральноазиатская и автохтонная гипотезы

Л. С. Добровольский

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева,

Нур-Султан, Казахстан

В VII в. до н. э. на исторической арене Европы появляются многочисленные кочевые племена, которых греки называли скифами. В III в. до н. э. они исчезают. Свидетельством их существования стали многочисленные курганные захоронения царей и воинов, разбросанные в степях и лесостепных областях между Дунаем и Доном. Известный исследователь А. Ю. Алексеев, оценивая историческую роль скифских племен, пишет, что они «не имеют, пожалуй, равных себе среди степных культур всех эпох ни по присущей ей яркой самобытности, ни по произведенному ею резонансу» [Алексеев, 2001, с. 17]. Проблема происхождения скифской культуры, привлекая внимание маститых ученых, до сих пор не решена.

В современной скифологии автохтонной (или срубной, «волжской») гипотезе о происхождении скифов (А. М. Тальгрэн, М. И. Артамонов, А. И. Мелюкова, Б. Н. Граков, О. А. Кривцова-Гракова и др.), которая основана на генетической связи скифской культуры со срубной культурой поздней бронзы, противопоставлена центрально азиатская гипотеза (М. И. Ростовцев, В. А. Ильинская, И. А. Терножкин и др.), утверждающая, что кочевые племена скифов в VII в. до н. э. пришли в Украинскую степь и лесостепь из глубин Азии и покорили местное население.

Центрально азиатское происхождение культуры скифов подтверждается результатами исследований А. Г. Козинцева, использовавшего измерительные данные 120 мужских краниологических серий с территории Северной Евразии – 22 скифских (в том числе 17 степных и 5 лесостепных) и 98 нескифских. Полученные данные привели его к выводу, что скифы лесостепной и степной зоны имели разное происхождение. «Как для этой группировки в целом, так и для локальных группировок наиболее отчетливо прослеживаются связи с носителями срубной культуры Украины, особенно с погребениями в грунтовых могильниках. Исключительное сходство степных скифов с окуневцами из Тувы проявляется на всех уровнях и находит соответствие в археологических фактах, свидетельствующих о центрально азиатском происхождении скифской культуры. Их антропологическая связь с саками и савроматским миром выражена неярко. Связь степных скифов со срубной культурой свидетельствует не о местных корнях, а о принадлежности к индоевропейскому (скорее индоиранскому) населению. Гипотеза о сложении степного скифского массива в результате метисации пришлых (центрально-азиатских) и местных групп, ведущих происхождение от населения эпохи бронзы, не подтверждается» [Козинцев, 2007, с. 155].

Научный руководитель – р. М. Мустафина

д-р ист. наук, профессор,

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева

Список литературы

Акишев А. К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата : Наука, 1984. 176 с.

Алтынбеков К. Возрожденная из пепла. Реконструкция по материалам погребения жрицы из комплекса Таксай I. Алматы : Остров Крым, 2013. 64 с.

Артамонов М. И. Сокровища саков. Аму-Дарьинский клад. Алтайские курганы. Минусинские бронзы. Сибирское золото. М. : Искусство, 1973. 280 с.

Бернштам А. Н. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинке // КС ИИМК. М. ; Л., 1940. Вып. 5. С. 23–32.

Джумабекова Г. С., Базарбаева Г. А. Яростные птицы с огненными перьями // Теория и практика археологических исследований. 2020. Т. 30, № 2. С. 95–110. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2020\)2\(30\)-07](https://doi.org/10.14258/tpai(2020)2(30)-07).

Джумабекова Г. С., Базарбаева Г. А., Глушкова Т. Н. Костюм древних берельцев: попытка реконструкции // Интеграция археологических и этнографических исследований. Казань, 2010. С. 307–309.

Толеубаев А. Т. Раннесакская шиликтинская культура. Алматы, 2018. 528 с.

Выводы А. Г. Козинцева также соответствуют выводам А. Ю. Алексеева о существовании двух скифских культур – архаической, распространенной в лесостепи (а также на Северном Кавказе), и классической, сосредоточенной в степи [Алексеев, 1993].

Антропологические данные также подтверждают гипотезу о том, что степное скифское население (по крайней мере от V в. до н. э.) было в основном пришлым; его основное ядро было генетически связано с одной из ветвей индоиранцев, которые в эпоху бронзы мигрировали из Европы далеко на восток, вплоть до Центральной Азии. Но в раннем железном веке произошла их обратная миграция в степи Северного Причерноморья [Козинцев, 2007, с. 153].

В пользу гипотезы о центрально-азиатском происхождении скифской культуры также говорят немаловажные, на наш взгляд, факты количественных результатов проведенных исследований.

Во-первых, многие ученые указывают на малочисленность раннескифских археологических материалов в лесостепной части Украины, которые возникли не раньше конца V–IV вв. до н. э. [Гаврилюк, 2005, с. 106].

Во-вторых, похожая ситуация наблюдается и в степной части Украины. Здесь, несмотря на большое количество раскопок, найдено незначительное количество погребений. Это незначительное количество захоронений, как отмечает С. В. Полин, отражает демографическую ситуацию – отсутствие постоянного населения в степях Северного Причерноморья в VII–VI вв. до н. э. На основании археологических данных о многочисленном стабильном населении в этом регионе исследователи могут говорить только с середины V в. до н. э. [Полин, 1994, с. 95–97].

В-третьих, Древняя Скифия с ее раннескифским материальным комплексом постепенно уступила место классической Скифии. В середине второй пол. VI в. до н. э. с Северного Кавказа через низовья Дона в Северное Причерноморье переместились новые группы кочевников, не отличавшихся, как указывает Д. С. Гречко, однородностью и включавших в свой состав как кочевников Предкавказья и Прикубанья раннескифского времени, так и новые группы кочевников с более восточных областей (Приаралье, Тува и Восточный Туркестан) [Гречко, 2016, с. 60].

Перемещение с востока в Северное Причерноморье нескольких орд кочевников раннескифской культуры произошло во второй пол. VIII в. – первой пол. VII в. до н. э. [Виноградов, Марченко, 1991, с. 147], и архаическая скифская культура распространялась не миграционным, а диффузионным путем. Примечательно, что разрыва в существовании памятников двух периодов не отмечается.

The Problem of the Genesis of Scythian Culture: Central Asian and Autochthonous Hypotheses

L. S. Dobrovolskiy

The article makes an attempt to supplement the hypothesis of the Central Asian origin of the Scythian culture and the concept of autochthonous character of the forest-steppe population (conditionally Scythians) with an important quantitative factor, supporting the hypothesis that the steppe Scythian population (at least starting from the 5th century BC) was mostly alien population; its main nucleus was genetically related to one of the branches of the Indo-Iranians, who in the Bronze Age migrated from Europe far to the east, right up to Central Asia; then, in the Early Iron Age, they migrated back to the steppes of the northern Black Sea region. Taking into account the important fact that Scythian burials in Asia were found in much larger numbers, we consider it reasonable and logical to assert that the Scythian culture was formed in the 7th–6th centuries BC precisely in Asia.

Keywords: burials, Central Asian, Indo-Iranians, origin, Scythians.

Добровольский Любомир Степанович

студент 1-го курса

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева

e-mail: lubomirdobrovolskiy@gmail.com

Начало «классической Скифии» связано с новой волной миграции кочевников из глубин Азии в причерноморские степи в V в. до н. э. [Козинцев, 2007, с. 153]. При этом, как предполагает Д. С. Гречко, данные группы нового населения не подчинили себе население украинской правобережной лесостепи из-за своей малочисленности, но сыграли большую роль в распространении новых культурных традиций [Гречко, 2016, с. 66].

Факт того, что произошла миграция племен из Азии, подтверждается многочисленными данными, например тем, что в могильниках Уйгарак и Южный Тагискен, находящихся в Приаралье (Казахстан), обнаружено, соответственно, около 80 и 50 раннесакских курганов, датированных VII–VI вв. до н. э., а могильники V в. до н. э. крайне редки, что говорит об уходе из этих мест значительной части населения, впоследствии оказавшейся в восточно-европейских степях.

Таким образом, мы склоняемся к точке зрения тех исследователей, которые считают, что формирование скифской культуры VII–VI вв. до н. э. произошло именно в Центральной Азии. Как показывают результаты исследований, мигранты с Северного Кавказа последней четверти VI в. до н. э., которые в свое время пришли туда из Азии, принесли в регион часть нового культурного и материального комплекса (новый тип конской уздечки, вооружение и образы звериного стиля) и имели большое влияние на формирование материальной культуры классической Скифии.

*Научный руководитель – Г. Т. Каженова
канд. ист. наук, доцент кафедры археологии и этнологии,
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева*

Список литературы

Алексеев А. Ю. Великая Скифия или две Скифии? // Скифия и Боспор: материалы конф. памяти М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1993. С. 28–38.

Алексеев А. Ю. Скифы – азиаты и европейцы // Золотые олени Евразии. СПб., 2001. С. 12–17.

Виноградов Ю. А., Марченко К. К. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // Советская археология. 1991. № 1. С. 145–155.

Гаврилюк Н. А. Скорый С. А. Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблемы выделения иранского этнокультурного элемента) // Археология. 2005. № 3. С. 101–110. (Рец.)

Гречко Д. С. От Архаической Скифии к Классической // Археология і давня історія України. 2016. Вип. 2 (19). С. 33–60.

Козинцев А. Г. Скифы Северного Причерноморья: межгрупповые различия, внешние связи, происхождение // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 4 (32). С. 143–157.

Полин С. В. О походе Дария в Причерноморскую Скифию // Древности Скифов. Киев, 1994. С. 96–100.

Dobrovolskiy Lubomir Stepanovich

Student 1st year

L. N. Gumilyov Eurasian National University

e-mail: lubomirdobrovolskiy@gmail.com

Котлы из кургана Аржаан-2 как символ величия скифских царей (историко-культурная интерпретация)

Ч. М. Топча

*Тувинский государственный университет, Кызыл, Россия
Национальный музей им. «Алдан-Маадыр» Республики Тыва, Кызыл, Россия*

Скифская культура, которая была распространена на территории лесостепной и степной зоны Евразии, до сегодняшнего дня представляется актуальной темой для исследования ученых разных направлений как некий транскультурный феномен.

В результате исследований российско-германской экспедицией погребально-поминального комплекса Аржаан-2 были найдены многочисленные предметы высокохудожественного ювелирного искусства из золота, а также немалозначимые и уникальные для археологии предметы из бронзы. Самыми массивными артефактами из бронзы являются котлы. Отдельно от сруба «царской камеры» были найдены два бронзовых котла, уникальные по своему роду и не имеющие аналогов в Южной Сибири.

Типолого-морфологическим методом были проведены описание и анализ котлов эпохи раннего железа из фонда археологии Национального музея им. «Алдан-Маадыр» Республики Тыва.

В традиционной культуре в ритуально-обрядовой практике каждая вещь или предмет как ритуальный символ представляет собой сложный знаковый комплекс ритуально-мифологического характера и связывает целый ряд семантических значений, таких как сила, власть, смелость, страх, покорность и т. д. В статье раскрывается один из элементов обряда жизненного цикла тюрко-монгольских народов Центральной Азии – погребально-поминальный, рассматривается роль котла как одного из символов силы и власти в истории ранних кочевников. В дальнейшем значение котлов сохранялось и в культуре монгольских кочевников в эпоху наивысшего могущества Монгольской империи. Традиция почитания вождя, в том числе его атрибуты власти, сохранилась у тюрко-монгольских народов степного пояса Евразии вплоть до этнографической современности.

Бронзовые котлы скифской культуры выступают символами единения семьи, рода и племени. Котел в традиционном представлении кочевников несет высокий семиотический статус и во время проведения ритуалов всегда устанавливается в центре родовой территории. Расположение очага в центре юрты, а над ним – котла, отмечает сакральный локус жилища. Наполненный котел соотносится с материальным достатком семьи, благополучием, плодотворностью семьи и рода, а также в единстве своих ритуальных и утилитарных функций котел как символ благополучия, продолжения рода, начала новой семьи неотделим от очага как символа жилища, семьи, рода. До сегодняшнего дня котел является неким символом центра семьи, рода, выступает как артефакт, который в память о них неизменно остается в семье и передается из поколения в поколение.

Таким образом, исследование роли и значения котла как места («центр родовой территории – жилище – очаг – котел») полностью демонстрирует высокий статус котла в этом ряду локусов как символа кочевой культуры. Изучение данной категории артефактов показало развитие преемственности культур разных по времени эпох.

Котлы в культуре кочевников занимали особое место, об этом свидетельствуют археологические находки. Металлическая посуда имела не только материальное значение, но и символическое; с этим связан целый семантический ряд понятий.

С наступлением эпохи металла изделия из бронзы являются довольно частым атрибутом в захоронениях. Уже в раннескифское время у населения распространяется обычай «умерщвления вещей». Наиболее известен обычай для бронзовых зеркал и наконечников стрел. Котлы, вероятно, имели особый статус, так как встречаются не в каждом погребении. Можно предположить, что этот предмет является принадлежностью знати [Топча, 2020, с. 163].

На территории Тувы встречается незначительное количество таких находок предметов, лишь немногие происходят из комплексов, в большинстве в своем они из случайных сборов [Маннай-оол, 1970; Кызласов, 1979]. В статье рассматриваются бронзовые котлы из «царского кургана» Аржаан-2 как особый предмет, символ величия, могущества. За северо-восточной стенкой сруба, в заполнении между ней и стенкой могильной ямы, обложенные и перекрытые каменными плитами стояли два литых бронзовых котла (рис., 1, 2). Внутри сосудов лежали фрагменты дерева (лиственница), возможно, от перекрытия. Оба котла покрыты темно-зеленой патиной, нижняя часть котлов – копотью, что свидетельствует о том, что они долгое время стояли на огне [Чугунов, Парцингер, Наглер, 2017]. Котел как один из символов власти связан с другими статусными предметами и с личностью вождя. Он один из тех сакральных символов, необходимых атрибутов, которые характерны для воинской кочевой среды. Символика котла как выражение могущества, силы вождя и возглавляемого им объединения сохранялась на протяжении веков [Джумабекова, Базарбаева, 2017]. Металлическая посуда встречается в курганах с богатыми сопутствующими материалами.

В Казахстане и Киргизии зарегистрировано всего 70 котлов разных типов, причем 46 отмечены в Семиречье: 22 найдены в Киргизии на берегах Иссык-Куля и 24 – в окрестностях Алма-Аты, из них чуть не половина – треногие [Спасская, 1957]. Большинство котлов являются случайными находками, и только несколько единиц происходят из погребений (некоторые – грабленные).

В богатых царских могилах Причерноморья – Чертомлыке, Солохе, Куль-Оба, Мелитопольском находят бронзовые котлы, которые принадлежали племенной знати [Гуляев, 2019].

В целом погребения с котлом могли принадлежать родоплеменным вождям, главам семейств, которые осуществляли хозяйственные и политические, а также сакральные функции. Погребения мужчин с котлом и гривной принадлежали родоплеменным вождям, в обязанности которых входили хозяйственные, политические, военные функции. Котел и гривны выполняли в этом случае роль маркеров представителей знати [Потемкина, 2012]. С появлением железа возникает военная демократия, где только усиливается роль вождя, царя. Котлы из погребений находят в основном по две единицы, большой и малый котел, с обязательной «заупокойной пищей» – остатками костей животных. Обычно бронзовые (медные) котлы скифского времени связывают со статусным положением владельца, с использованием их в ритуальных целях. Встречаются предметы этой категории как в качестве сопроводительного инвентаря, так и в составе так называемых кладов [Бобров, Боброва, Савельева, 2017, с. 114].

Рис. Бронзовые котлы из царского кургана Аржаан-2

На примере функционального назначения котлов прослеживается преемственность культуры кочевников в использовании властной атрибутики. Заложенное еще в период становления культуры населения, практиковавшего подвижный образ жизни, значение металлического котла наряду с некоторыми элементами предметного комплекса (гривны и др.) как символа представителей высокого социального ранга сохранилось на протяжении тысячелетий.

*Научный руководитель – Е. В. Айыжы
канд. ист. наук, доцент,
кафедра археологии и всеобщей истории,
Тувинский государственный университет*

Список литературы

Бобров В. В., Боброва Л. Ю., Савельева А. С. Медно-бронзовые котлы скифского времени из кузнецкой котловины и мариинской лесостепи // Теория и практика археологических исследований. 2017. С. 104–122.

Гуляев В. И. Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н. э. (старые проблемы – новые решения). М.: ИА РАН, 2019. 656 с.

Джумабекова Г. С., Базарбаева Г. А. О символике металлических котлов в культуре кочевников // Самар. науч. вест. 2017. № 2 (19). С. 114–117.

Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979. 207 с.

Маннай-оол М. Х. Тува в скифское время (уюкская культура). М.: 1970. 122 с.

Потемкина Т. М. Иерархия половецкой знати (по погребениям со статусными предметами) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 10 (Половецкое время). Донецк, 2012. С. 7–36.

Спасская Е. Ю. Медные котлы ранних кочевников Казахстана и Киргизии // Уч. записки АГПИ им. Абая. 1957. Т. XI. С. 155–170.

Топча Ч. М. О собрании металлических котлов эпохи раннего железного века из Национального музея Республики Тыва: материалы LX Российской археолого-этнографической конф. студентов и молодых ученых с междунар. участием. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2020. С. 163.

Чугунов К. В., Парцингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. 500 с.

Post from Arzhan – 2 burial Mound as Symbol of Magnificent of Scythian Kings (Historical and Cultural Interpretation)

Ch. M. Topcha

In the article the archeological materials of Scythian era are analyzed, namely pots found in the burial Arzhaan-2, which are symbols and attributes of the military and public power of the most prominent warriors and military leaders. There were found numerous objects of highly artistic jewelry made of gold and not insignificant and unique for archeology objects made of bronze as a result of the research of the Russian-German expedition of the funeral and memorial complex Arzhan-2.

Keywords: Arzhaan-2, Scythians, nomadic tribes, bronze pots, metal dishes, life-cycle rites, funeral and memorial rite.

Топча Чодураа Монгун-ооловна

магистрант 2-го года обучения
Тувинский государственный университет
научный сотрудник, отдел археологии,
Национальный музей им. «Алдан-Маадыр» Республики Тыва
e-mail: miss.hav@mail.ru

Topcha Choduraa Mongun-oolovna

Graduate student 2nd year
Tuvan State University
Researcher, Department of Archaeology
Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tyva
e-mail: miss.hav@mail.ru

Технология сверления каменных бус (по письменным источникам)*

Е. В. Губенко

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

*Исследование проведено в рамках реализации государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021)

Известно, что древнейшие ремесленные центры по изготовлению украшений из камня появились на территориях великих земледельческих цивилизаций Древнего Востока в IV–III тыс. до н. э. [ал-Бируни, 1963, с. 355]. С этого времени на территории долины Инда, Двуречья и Нила возникли ремесленные мастерские. Помимо специальных знаний и умений, технология обработки камня требовала применения специализированных инструментов и приспособлений. Массовое изготовление украшений, предназначенных для торгово-обменных операций, возникает в обществе со сложившейся социальной и имущественной дифференциацией, разделением труда и с формировавшейся системой организационно-экономических отношений. Обработка камня – это целая отрасль ремесленного производства, в которой на основе технологий и различных материалов, часто привозимых издалека, получали в итоге готовый товар для рынков сбыта.

В настоящее время можно выделить два основных источника, позволяющие изучать древние технологии изготовления украшений: трасолого-экспериментальные наблюдения и письменные свидетельства. Для эпохи средневековья известным из дошедших до нас источником является трактат персидского ученого-энциклопедиста Абу Рейхана Мухаммеда ибн Ахмеда ал-Бируни «Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия)» в переводе А. М. Беленицкого, включающий разделы по истории, географии, минералогии, а также геологии [Ал-Бируни, 1963].

Труд ал-Бируни – это обширная сводка минералогических знаний средневековья. Свою книгу он скомпилировал из материалов, накопленных его предшественниками и современниками (в основном это книга ал-Кинди, которая, к сожалению, до нас не дошла), и собственных наблюдений, описаний опытов и рассказов, собранных среди ремесленников-ювелиров. Ал-Бируни рассматривает в своей работе описание цвета драгоценных камней, их прозрачность, блеск, твердость, форму, удельный вес, состав, представляет классификацию минералов и историю об их происхождении, а также включает сведения о месторождениях драгоценных камней и руд. Стоит заметить, что в трактате имеются довольно подробные сведения по технологии изготовления изделий из драгоценных и цветных камней.

Ал-Бируни на страницах своей книги упоминает ряд специализаций мастеров: мастер-разметчик, шлифовальщик, сверловщик, резчик печатей, низальщик ожерелий, что свидетельствует о разделении труда и выделении отдельных видов обработки камня. Как сообщает ал-Бируни, перед работой с заготовкой сначала режут камень, соизмеряют куски, «какие наиболее красивые предметы могут из них получиться и как лучше всего их обточить» [1963, с. 359]. Околы и обрезки камня шли, очевидно, на изготовление массовой продукции – бус, вставок, шашек для игр и т. п. Ал-Бируни писал, что сверление камня велось в два приема: сначала мастер сверлом с крупным алмазом проверчивал отверстие, а затем подмастерья или ученики уже окончательно просверливали камень. Если было двустороннее сверление, то число операций удваивалось, к тому же добавлялась еще операция переклейки заготовок на новую доску. У прозрачных камней полученный не совсем ровный канал отверстия обычно сглаживался трением на проволоке, смазанной наждачной кашицей. Абразивным материалом для сверления и резания камней повсеместно

служил алмаз. Ал-Бируни отмечает: «Жители Ирака и Хорсана не обращают внимания на сорт алмаза и их цвет. Для них они все одинаковые по качеству, так как [там] употребляют их только для сверления» [Там же, с. 84].

Подробный анализ персидского источника по обработке драгоценных камней представлен в работе Г. Г. Леммлейна «Минералогические сведения, сообщаемые в трактате Бируни», включенной в качестве приложения в издание книги ал-Бируни [Ал-Бируни, 1963, с. 292–402]. Г. Г. Леммлейн отмечает, что сверление является одной из самых трудоемких операций обработки камня, ее открытие приходится, вероятнее, на рубеж II–I тыс. до н. э. в Индии, а распространение произошло только к первым векам н. э. Автор работы выделяет несколько этапов развития техники сверления твердых камней: 1) кремневым сверлом, 2) сплошным металлическим штифтовым сверлом с абразивным порошком, 3) трубчатый сверлом с абразивом, 4) алмазным сверлом. Сверло времен ал-Бируни изготовлялось из железной трубочки, на конце которой был помещен осколок алмаза, а острые края его выдавливались с боков трубочки [Там же, с. 366].

Стоит отметить еще одну статью Г. Г. Леммлейна, посвященную технологии сверления камня [1947]. В ней он рассматривает каменные бусы бронзовой эпохи Закавказья и выделяет пять последовательных операций по изготовлению бус: получение заготовки путем скальвания, сверление отверстия, придание окончательной формы шлифовкой, полировку и нанесение декора. Автор отмечает, что сверление является сравнительно независимой операцией и может занимать любое из последних трех мест, хотя в большинстве случаев эта операция осуществлялась до шлифовки [Там же, с. 23].

Очевидно, что в технологическом процессе изготовления каменных бус именно сверление является сложной операцией. Приемы и методы сверления являются визитной карточкой отдельных мастерских.

Учитывая специфику ремесленного производства на Востоке, а именно постоянство и устойчивость традиций, можно сделать вывод, что техника изготовления и обработки твердых камней не менялась на протяжении тысячелетия, а совершенствование приемов обработки происходило без «революционных» технологических инноваций. На наш взгляд, содержащиеся в письменных источниках сведения могут быть актуальны для изучения технологии изготовления бус из сердолика, появление которых на территории Среднего Енисея фиксируется в археологических памятниках раннего железного века.

Ал-Бируни указывает на центры добычи сердолика в эпоху средневековья: Пакистан (Синд – одна из четырех провинций Пакистана), Средний Восток (Йемен), Индию (Бхаруч), а также Восточный Казахстан (историческое поселение Мукри в предгорьях Джунгарских гор). Изделия из сердолика, прежде всего бусы, являлись предметами экспорта. Они играли существенную роль в торговле стран, занимающихся обработкой драгоценных камней, с северными перифериями Евразии, включая степные районы. Особенно активно процесс товарообмена и торговли происходил начиная с конца I тыс. до н. э. – I тыс. н. э., с чем связано обилие находок импортных каменных бус в погребальных комплексах и кладках гунно-сарматского времени Среднего Енисея.

В настоящее время наиболее распространенными методиками изучения техники обработки и последовательности операций являются технологический и трасологический анализы каменных изделий. Для территории Минусинской котловины известно несколько сотен бус, изготовленных из сердолика. К сожалению, отсутствуют обобщающие работы, которые были бы посвящены изготовлению и обработке украшений из камня на территории Среднего Енисея. Можно лишь отметить, что по материалам грунтового могильника Тесинский Залив-3 была проведена типология находок, определены последовательность технологических операций, инструментарий, применяемый при обработке каменных бус [Губенко, 2020, с. 41–42]. Набор инструментов состоял из сверла, развертки и абразивов разных типов. Было выявлено четыре последовательных технологических этапа: работа с заготовками, сверление, развальцовка и полировка. Выявленные этапы производства сердоликовых бус совпадают с первыми четырьмя основными технологическими операциями, выделяемыми Л. Л. Леммлейном. Изготовление сердолика

Stone Beads Drilling Technology (According to Written Sources)

E. V. Gubenko

Currently it is possible to distinguish two main sources that allow us to study the ancient technology of making jewelry: traceological-experimental observations and written information. For the Middle Ages an extensive summary of the mineralogical knowledge is the work of a Persian scholar al-Biruni. In the making of stone beads, drilling is one of the most complex technological operations. The use of traceological-experimental analysis will make it possible to verify the information provided by the written sources.

Keywords: drilling technology, stone beads, handicraft centers of the Ancient East, Middle Yenisey.

Губенко Екатерина Викторовна

студент 4-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: e.gubenko@g.nsu.ru

вых бус из могильника Тесинский Залив-3 осуществлялось по единой технологии. Можно предположить, что они происходят из одного ремесленного центра (или мастерской). Для проверки гипотезы необходима серия экспериментов, позволяющих создать информационную базу по технологии сверления каменных бус, в частности сердолика.

Научный руководитель – О. А. Митько

канд. ист. наук, доцент,

Новосибирский государственный университет

Список литературы

Губенко Е. В. Трасологический и технологический анализы каменных бус из грунтового могильника Тесинский Залив-3 // Археология: материалы 58-й Междунар. науч. студ. конф. 10–13 апреля 2020 г. Новосибирск, 2020. С. 41–42.

Леммлейн Г. Г. Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе // КСИИМК. М.; Л., 1947. Вып. XVIII. С. 22–30.

Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия) / пер. А. М. Беленицкого; статьи и примеч. А. А. Беленицкого, Г. Г. Леммлейна. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 518 с.

Gubenko Ekaterina Viktorovna

Student 4th year

Novosibirsk State University

e-mail: e.gubenko@g.nsu.ru

УДК 903.01/09

Сверление нефрита по данным экспериментов

С. В. Грехов

МАОУ СОШ № 1, Кушва, Россия

Нефрит, благодаря своему волокнистому строению, обладает достаточной прочностью и твердостью (6 ед. по шкале Мооса), чтобы служить материалом для изготовления предметов различного назначения. Известно, что уже в неолите – энеолите в Евразии появляются так называемые нефритовые культуры, в материальную составляющую которых входит множество изделий из нефрита [Костов, 2014, с. 11]. В бронзовом веке на территории России существовали сейминско-турбинская, глазковская и некоторые другие археологические культуры, представители которых использовали нефритовые изделия.

На многих нефритовых артефактах присутствуют следы обработки в виде шлифовки, пиления и сверления. Каким образом получали отверстия в нефрите, какие технологии применяли для этого и когда стало возможным осуществлять сверление такого прочного материала – исследователи задавались этими вопросами еще в XIX в. Граф С. А. Уваров предполагал, что в неолите отверстия в нефрите делать не умели [1881, с. 47].

С. А. Семенов, изучая нефритовые кольца из Прибайкалья, определил, что они могли изготавливаться двумя способами: резанием по шаблону и обработкой на станке. В ходе Ангарской экспедиции 1957 г. С. А. Семеновым был смоделирован станковый способ. На создание двух колец из нефрита ушло 55–60 часов работы [1968, с. 67].

В ходе экспериментов по сверлению нефрита, проведенных Л. В. Зоткиной, было выявлено следующее: наиболее эффективна обработка предварительно отшлифованной заготовки; лучковое сверление более оптимальное, по сравнению с ручным; использование сыпучего абразива и

двусторонней обработки отверстия повышает эффективность сверления [2018, с. 27]. Сверление в данном эксперименте осуществлялось каменными орудиями.

В восточных районах Китая известна технология сверления нефрита с помощью своеобразного сверлильно-расточного станка, в котором база с закрепленной заготовкой вращалась через посредство каменного подшипника, а сверлом-резцом служили, скорее всего, полые стволы бамбука или крупные кости животных с вычищенной серединой. Находки каменных украшений, просверленных по этой технологии, из пещеры Чертовы Ворота в Приморье относят к неолиту (7550–6880 л. н.) [Разный цвет нефрита, 2019, с. 64].

Автором было проведено несколько экспериментов по сверлению отверстий в нефрите. Первоначально была предпринята попытка просверлить нефрит с помощью деревянного бура с перекладной. Но спустя 1,5 ч работы выяснилось, что из-за высокой твердости обрабатываемого материала и не совсем правильного выбора сверла (полая кость теленка с толстыми стенками) этот способ являлся малопродуктивным. Поэтому в дальнейшем вместо деревянного бура с перекладной был использован коленчатый деревянный стержень из калины длиной 1,26 м, к которому крепился груз – расколотое сосновое полено длиной 0,63 м и весом (вместе со стержнем) 8,2 кг. Сверло насаживалось непосредственно на конец рабочего стержня и дополнительно укреплялось с помощью четырех деревянных палочек, обмотанных веревкой.

Для того чтобы предотвратить смещение сверла, в начале сверления плитка нефрита размером 11,5×5,6×1,1 см

была закреплена на деревянном фиксаторе, а сам фиксатор прижат к земле двумя камнями. Сверлами послужили три кости свиньи и одна кость теленка. На режущей кромке всех сверл было сделано по 8–10 надрезов. Абразивом служил мелкозернистый песок, в который по необходимости добавлялась вода.

Просверлить нефрит с помощью деревянного бура с переключением, как было указано выше, не удалось. За 1,5 ч работы на плитке нефрита обозначился только контур сверла, а углубиться не получилось.

Через 1 ч 40 мин интенсивной работы коловоротом плитку нефрита удалось просверлить на глубину 1 мм. Из-за отклонения коловорота от вертикального положения одна сторона сверла сточилась больше, чем другая. В результате отверстие в плане стало овальным. Еще через 1,5 ч сверления отверстие удалось углубить до 2 мм. Сверло из свиной кости сточилось на 3,2 см и больше не использовалось.

В дальнейшем сверление было продолжено двумя другими сверлами из свиной кости. В итоге за время работы (8,5 ч) они сточились на 3,4 см и 4,4 см соответственно. После 11 ч работы, когда глубина отверстия была увеличена до 9–9,5 мм, было решено закончить оформление отверстия с помощью пикетажа. Полученная высверлина имеет коническую форму и максимальный диаметр 0,7 см.

Изготовить отверстие костяным сверлом при помощи коловорота удалось за 11 ч 43 мин. Общее время сверления, включая первые 1,5 ч сверления буром, составило 13 ч 13 мин. Максимальный диаметр отверстия с лицевой стороны равнялся 3,6 см. Диаметр отверстия с обратной стороны был значительно меньше – 2,3 см. Кромка сверлины из-за применения пикетажа была выкрошена [Грехов, 2019, с. 90].

В дальнейших экспериментах в качестве сверла использовалась медная трубка. Сверление уже просверленной костью плитки нефрита производилось коловоротом с применением мелкозернистого песка и медной трубкой длиной 8,7 см, внешним диаметром 1,6 см, толщиной стенки 0,1 см. После семи часов работы на одном участке сверло прошло плитку насквозь. Через 7 ч 23 мин плитка нефрита была полностью просверлена. Оставшийся на краю сверлины небольшой осколок был убран с помощью каменного посредника.

Получившееся отверстие имело конический профиль. Диаметр отверстия на лицевой стороне плитки составил 1,72 см, на оборотной – 1,57 см. Длина медной трубки уменьшилась на 0,77 см – до 7,93 см. Диаметр рабочей части сверла уменьшился на 0,4 мм (до 1,56 см). Высверлина длиной 0,88 см имела диаметр 1,37 см.

Следующие два эксперимента должны были выяснить эффективность при сверлении различных абразивов. Первая часть эксперимента проводилась на плитке нефрита неправильной формы толщиной 1,05 см. Сверлом служила медная трубка длиной 11,02 см, внешним диаметром 1,4 см, толщиной режущей кромки 1,2 мм. В качестве абразива использовался дробленый кварц.

Каждый час сверления прибавлял 0,7–0,9 мм углубления в обрабатываемый материал. Через семь часов работы плитка нефрита сломалась на две части, но не в месте сверления. Спустя 11 часов работы глубина отверстия достигла 8,2 мм. Было принято решение дооформить отверстие при помощи медного клина. Полученное отверстие имело конический профиль. Диаметр отверстия на лицевой стороне плитки составил 1,65 см, на оборотной – 1,44 см. Высверлина длиной 0,93 см имела диаметр 1,07 см. Длина сверла уменьшилась до 9 см. Внешний диаметр рабочей кромки уменьшился на 0,5 мм. При этом с одной стороны медной трубки образовался свищ диаметром до 0,5 см.

Для второй части эксперимента использовался обломок этой же плитки нефрита длиной 7,7 см. Сверло пришлось заменить из-за отверстия на боковой стенке трубки. Диаметр трубки и толщина режущей кромки остались прежними – 1,4 см и 1,2 мм, а длина уменьшилась до 5,8 см. Абразивом послужил раздробленный мелкозернистый наждачный камень.

Использование в качестве абразива наждака оказалось очень эффективным. Через 1 ч 58 мин плитка нефрита толщиной 1,05 см была просверлена насквозь. Получившаяся высверлина имела правильную коническую форму максимальным диаметром 1,22 см и длину 1,04 см. Длина медной трубки уменьшилась на 0,89 см, но внешний диаметр не изменился.

Таким образом, проведенные эксперименты показали, что сверление нефрита возможно как полую костью, так и медной трубкой. Сверление медной трубкой с применением речного песка оказалось эффективней, чем сверление полую костью. Использование в качестве абразива дробленого кварца привело к увеличению производительности. Трудозатраты в данном случае оказались почти такими же, как и при сверлении полую костью. Использование наждачного камня и медной трубки позволило почти в шесть раз уменьшить трудозатраты на изготовление отверстия большого диаметра.

*Научный руководитель – Ю. Б. Сериков
д-р ист. наук, профессор,
Нижегородский
государственный социально-педагогический
институт (филиал) РГППУ*

Список литературы

- Грехов С. В. Эксперименты по сверлению нефрита полую костью // Геоархеология и археологическая минералогия. Миасс, 2019. С. 88–91.
- Зоткина Л. В. Приемы обработки нефрита: результаты экспериментально-трассологического исследования забайкальского сырья // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2018. Т. 17, № 3. С. 22–31.
- Костов Р. И. Нефрит Евразии: археоминералогия нефрита и «нефритовые культуры» // Геоархеология и археологическая минералогия – 2014. Миасс, 2014. С. 11–14.
- Разный цвет нефрита / А. П. Деревянко, Тан Чун, С. А. Комиссаров, Ци Пин // Наука из первых рук. 2019. № 2. С. 52–69.
- Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука, 1968. 362 с.
- Уваров А. С. Археология России. Каменный период. М.: Синодальная тип., 1881. Т. 1. 490 с.

Drilling Jade Experimentally

S. V. Grekhov

This article presents the results of experiments on drilling jade in different methods and using different abrasives. Drilling was performed with a hollow bone drill and a copper tube. The experiments helped to elucidate some aspects of the technology for making large-diameter holes using a drill and a rotation, as well as determine the labor costs in the process of using a bone drill and a copper tube. Experiments have shown the need for a drilled retainer. It was also found that drilling performance is noticeably increased by making several cuts on the cutting edge of the drill. The important role of abrasives used for drilling has been clarified. Drilling jade with a copper pipe using river sand has proven to be more effective than drilling with hollow bone. And the use of emery stone and a copper tube made it possible to reduce labor costs for making a large-diameter hole by almost 6 times.

Keywords: jade, hollow bone, copper tube, technology, drilling, experiment.

Грехов Сергей Вадимович
учитель истории
МАОУ СОШ № 1, г. Кушва
e-mail: sergeigreh@mail.ru

Grekhov Sergey Vadimovich
Teacher of History
Secondary School № 1, Kushva
e-mail: sergeigreh@mail.ru

УДК 904(571.150)"653"

О датировании наскальных изображений Сары-Кобы (Центральный Алтай)*

А. У. Урбушев

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 20-78-00035)

Петроглифические изображения используются как один из источников по реконструкции и изучению мировоззренческой, хозяйственной, бытовой сторон, а также военных и охотничьих действий древнего и средневекового общества. Большой информативностью в таком плане обладают гравированные и выбитые изображения тюркского периода.

В полевой сезон 2020 г. на территории Горного Алтая, в частности в центральной его части, автором данной работы проводились археологические работы по документированию, мониторингу состояния сохранности памятников наскального искусства. Горный Алтай расположен на юго-западе Алтае-Саянской горной страны в Южной Сибири. В административном плане ограничен территорией Республики Алтай.

Участком исследования стало местонахождение петроглифов в урочище Сары-Кобы, находящееся на северной окраине с. Боочи в Онгудайском районе (Центральный Алтай). Скальный выход с изображениями располагается на восточном склоне отрога горы Дялбак-Арка (в пер. с алтайского – широкий хребет) у грунтовой дороги, ведущей на животноводческую стоянку.

Изображения на этом памятнике были обнаружены еще в конце прошлого века в разное время Е. Е. Ямаевой и В. В. Горбуновым, которые кратко описали некоторые из петроглифов, частично их зарисовали и использовали в монографиях [Ямаева, 2010, с. 15, 36, рис. 1, 2; Горбунов, 2003, с. 90, 147, рис. 34–1].

Две плоскости с петроглифами на скале обращены на восток под отрицательным углом наклона. В верхней части плоскостей произрастает лишенофлора и кусты. На поверхностях прослеживается множество крупных и мелких трещин отрыва и скола, каверны и белые натёки (соли?). Не обошлось и без современных следов антропогенного воздействия в виде процарапанных надписей, некоторые из которых нанесены прямо на изображения. Также плоскости разрушаются путем коркового отслоения, в связи с чем некоторые петроглифы сохранились частично.

Общее количество наскальных изображений – 17. Среди них два выбитых изображения козла, обращенных в левую сторону; четыре гравированных оленя; четыре козла; три неопределимые зооморфные фигуры с повернутыми в обратную сторону головами; три неопределимых изображения и один всадник.

Наибольший интерес среди всех рисунков, имеющих на рассматриваемом памятнике, представляет изображение гравированного всадника в нижней части плоскости (рис.). На уровне головы перпендикулярно туловищу он держит копье с полуовальным знаменем или бунчук, на другом конце которого также имеется окончание в виде неопределимого предмета подовальной формы. Конь показан галопирующим с утонченными четырьмя ногами, развешивающимся хвостом и с тремя шипами на гриве. Сверху и снизу от всадника прослеживаются три неопределимые отраженные по горизонтали 3-образные фигуры.

Рис. Изображение всадника

Данную фигуру всадника «по стилю рисунка и изображенным реалиям» и близости булан-кобинского могильника В. В. Горбунов датировал II–III вв. н. э. [2003, с. 90]. Автор настоящей работы отнес бы эту фигуру скорее к тюркскому периоду. Доказательством этому служат опять-таки воспроизведенные на гравировке реалии той эпохи. К примеру, грива лошади выстрижена так, что на изображении над шеей торчат три зубца. Такую особенность можно встретить на многих памятниках наскального искусства как Алтая (Чаганка, Дялбак, Елангаш и др.) [Черемисин, 2004, с. 45, рис. 11, 12; с. 46, рис. 13, 14; с. 48, рис. 18; Константинов, Константинова, Урбушев, 2020, с. 65, рис. 6–1; Кубарев, 2016, с. 320, рис. 1–4], так и памятников сопредельных регионов (Сулейская писаница, Большой Улаз, Шивээт-Хайрхан и др.) [Худяков, 1980, с. 137, табл. XLVII; Леонтьев, Миклашевич, Мухарева, 2005, с. 125, рис. VIII; Кубарев, 2001, с. 158, рис. 3].

Обращает на себя внимание то, как всадник держит в руке копье или бунчук. Так же держат свои копья гравированные всадники в петроглифах долины р. Чаганка [Черемисин, 2004, с. 45, рис. 12; с. 46, рис. 13–14] и Сулейской писаницы в Минусинской котловине [Худяков, 1980, с. 137, табл. XLVII]. Такую особенность также можно поставить в один ряд с другими специфическими чертами, присущими раннесредневековой изобразительной традиции, и назвать ее иконографической и инвариантной. На конце древка, которое держит всадник, имеется полуовальное окончание. Вероятно, это может являться изображением знамени. Наскальные изображения знаменосцев достаточно распространены на территории всей Центральной Азии. Большинство из них датируются эпохой средневековья, и практически всегда знаменосцы показаны верхом на коне [Советова, Мухарева, 2005, с. 95]. Но как-то сузить культурно-хронологические рамки гравировки всадника Сары-Кобы, исходя из формы знамени, крайне трудно. Во-первых, из-за довольно схематичного его изображения, а во-вторых, из-за большого разнообразия форм знамен, известных по петроглифам. Еще одной особенностью гравированного всадника является отсутствие ног. Объясняется это тем, что ноги могут быть вдеты в стремя, из-за чего не изображаются вовсе [Кубарев, 2009, с. 17]. Помимо этого, на тех же памятниках можно встретить такие стилистические особенности, как изображение животных в скачущей позе, сплошная или частичная заштрихованность диких животных (козлов, оленей) [Черемисин, 2004, с. 44, рис. 7, 8]. Даже тот же поворот головы в обратную сторону у животных Сары-Кобы, вероятно, являющихся изображениями оленей, встречается в рисунках оленей на скалах Адыр-Кана, которые также датируются ранним средневековьем [Серегин, Мухарева, 2015, с. 98, рис. 4]. Наскальные изображения, приведенные выше в качестве аналогий к гравировкам Сары-Кобы, относят к

тюркскому периоду по аналогии с резными рисунками на роговой облицовке передней луки седла из тюркского могильника Кудыргэ, а также по реалиям на каменных изваяниях [Гаврилова, 1965, табл. I: 1, VI]. Так, эти петроглифы считаются «эталонными» для данной эпохи, имеют достоверно датированные аналогии и служат надежным источником для последующей датировки по изобразительному стилю и изображенным реалиям.

Таким образом, приведенные изображения, выполненные в технике гравировки, выдержаны в одном стиле. Гравировки Сары-Кобы расширяют корпус тюркских гравировок раннесредневекового периода Алтая и могут представлять собой иллюстрацию к подвигам героев или к эпическим сказаниям тюрков, а также их качествам умелых и опытных воинов. Подобного рода работы по пересмотру датирования петроглифов поднимают проблему историко-культурной атрибуции наскальных изобразительных источников, которая отражается также на правильной последующей интерпретации и реконструкции исторических процессов и мировоззренческих аспектов в эпоху раннего средневековья.

*Научный руководитель – Н. А. Константинов
канд. ист. наук, ст. науч. сотр.,
Горно-Алтайский государственный университет*

Список литературы

- Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 146 с.
- Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Барнаул, 2003. Ч. I. Оборонительное вооружение (доспех). 174 с.
- Константинов Н. А., Константинова Е. А., Урбушев А. У. Гравировки Дялбака (Восточный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48, № 3. С. 59–69.
- Кубарев В. Д. Традиционные приемы и объекты охоты по мотивам наскальных изображений Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2001. № 7. С. 155–159.
- Кубарев В. Д. Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. 420 с.
- Кубарев Г. В. Древнетюркские петроглифы Елангаша (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2016. Т. 22. С. 319–322.
- Леонтьев Н. В., Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н. Памятник наскального искусства Улазы на севере Минусинской котловины // Археология Южной Сибири. Кемерово, 2005. Вып. 23. С. 120–132.
- Серегин Н. Н., Мухарева А. Н. История изучения петроглифов раннего средневековья на территории Алтая // Научное обозрение Саяно-Алтая. Абакан, 2015. № 1 (9). С. 95–106.
- Советова О. С., Мухарева А. Н. Об использовании знамен в военном деле средневековых кочевников (по изобразительным источникам) // Археология Южной Сибири. Кемерово, 2005. Вып. 23. С. 92–105.
- Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.
- Черемисин Д. В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография, антропология Евразии. 2004. № 1 (17). С. 40–51.
- Ямаева Е. Е. Петроглифы долины Каракол. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2010. 75 с.

About Sary-Koby Rock Art Dating (Central Altai)

A. U. Urbushev

The work presents the results of studying the Sary-Koby rock engraved and picked images which located around of Boochi village in the Ongudai district (Central Altai). The most interesting of those rock images is figure of horseman with a spear or bunchuk. Earlier that engraved figure was date to 2nd – 3rd centuries AD. But today having more archaeological data author of this work make a new dating to the early Middle Age according to stylistic features and realities of turkic period showed in engraving image of horseman. Solving of dating problem of rock art raises the problem of right interpretation, cultural and historical reconstruction and worldview aspects of early Middle Age population of Altai.

Keywords: Altai, engravings, Early Middle Age, turkic time, dating.

Урбушев Айдын Урматович

аспирант 1-го года обучения
Казанский (Приволжский) федеральный университет
e-mail: aidurbushev@yandex.ru

Urbushev Aidyn Urmatovich

Postgraduate student 1st year
Kazan (Volga region) Federal University
e-mail: aidurbushev@yandex.ru

Две крылатые фигурки из Уньинского клада: история изучения, интерпретация, аналогии

А. Д. Муратбакиева

Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия
им. Г. С. Лебедева (СПбГУ), Санкт-Петербург, Россия

По определению Г. М. Булова, культовая пластика Северная Евразия делится на пермский, печорский и западносибирский звериные стили [1992]. По его мнению, эталоном печорского звериного стиля является Уньинский клад [Там же, с. 51]. В данной статье мы рассмотрим две зоо-орнитоморфные подвески, приписываемые этому кла-

ду. Подвески представляют собой два профильных изображения животных с полуопущенными крыльями. Изделия выполнены в плоском рельефе, имеют овальные отверстия. Для краткости назовем их фигура № 1 и фигура № 2 (рис., 1, 2).

Рис. Изображения животных на культовых предметах.

1–2 – крылатая фигура из Уньинского клада; 3 – сульде; 4 – изображение волка; 5 – гравировка на бронзовом китайском зеркале; 6 – плоская ложка-лопаточка; 7–10 – орнитоморфные изображения из коллекции Ф. М. Плюшкина. 1–11 – бронза, 6 – кость. 1–2 – (по: [Анучин, 1899, табл. III, рис. 24, 25]); 3 – (по: [Оборин, 1976, с. 142, рис. 52а]); 4–6 – (по: [Чернецов, 1953, с. 169, табл. XXII, рис. 3; с. 166, табл. XIX, рис. 2; с. 97, табл. XIII, рис. 2]); 7 – ГЭ № 1710/19; 8 – ГЭ № 1710/20; 9 – ГЭ № 1710/17; 10 – НМКР, колл. № 4757/4; 11 – ГЭ № 1710/15

Уньинский клад был обнаружен в 1884 г. в верховьях р. Печоры в Чердынском уезде. В 1961 г. по просьбе директора Республиканского краеведческого музея (совр. Национальный музей Республики Коми) из Свердловского краеведческого музея было передано 11 предметов [Туркина, 2016, с. 259].

Впервые фигурки были опубликованы Д. Н. Анучиным. Фигурку № 1 автор называет птицей: «голова с клювом, повернутым влево, с глазом, но и с выступающим затылком» [1899, с. 159–160]. Фигурку № 2 же он характеризует как зверя и отмечает: «Вообще, если эту птицу повернуть мордой вправо, то получается изображение какого-то крылатого зверя ...» [Там же, с. 160].

Затем, в 1906 г., предметы клада были упомянуты в атласе А. А. Спицына «Шаманские изображения». Фигурка № 1 охарактеризована как «лучшее изображение голо-

животных на крыльях фигур данного типа. Имитация головами кричащих птиц? Едва ли есть следы ящера» [Спицын, 1906, с. 49]. Автор датировал изображения VIII–IX вв. н. э., но допускал и более раннюю дату [1906, с. 41].

По словам Г. М. Булова, для изображений птиц печорского звериного стиля характерно «изображение лосеголового сульде в профиль (иногда на ящере) и хищной птицы с полураспущенными крыльями (часто с человеческим лицом на груди), у которой голова повернута в сторону, по верхнему краю крыльев намечены звериные головы или туловище имеет два-три овальных отверстия» [1992, с. 56].

Современные исследования связаны с именем Т. Ю. Туркиной. В одноименной статье она описывает известные фигуры клада и подтверждает датировку Г. М. Булова – III–IV вв. н. э. По мнению автора, неоконченная личина на груди орнитоморфного изображения

является признаком изделия эпохи РЖВ [Туркина, 2016, с. 261]. Ею же была создана классификация орнитоморфных изображений, найденных на территории Европейского Северо-Востока (далее – ЕСВ). Так, фигура № 1 была отнесена к группе II (сложные изображения), подгруппе II (плоские изображения в профиль), типу 3 (орнито-зооантропоморфные изделия), виду А (передача антропоморфной составляющей личины) [Туркина, 2014, с. 100]. При этом фигура № 2 упоминается лишь один раз в статье Д. Н. Анучина. Нахождение обеих фигурок на данный момент неизвестно.

Как упоминалось выше, обе фигурки имеют овальные отверстия и профильное изображение головы с выступающим ухом. Крылья и хвост украшены профильными изображениями звериных голов; на груди имеется неоконтуренная личина. Использоваться такие фигурки могли и как подвески, и как нашивки. Согласно нашей классификации, они относятся к группе D – птицы со звериными головами.

Кого изображают данные изделия? Рассмотрим версию А. А. Спицына о кричащей птице Сэнмурве. Считается, что образ птицы-собаки Сэнмурва был занесен в Приуралье вместе с серебряными сасанидскими блюдами, огромный поток которых хлынул на эти территории в VII в. н. э. Однако данный образ бытует в Приуралье недолгое время – VI–VIII вв. н. э., что значительно позже установленной даты Уньинского клада.

Обратимся еще к изображениям канисовых. В материалах Истяцкого клада, найденного в 1886 г. близ Истяцких юрт на р. Вагай, имеются плоские изображения бегущих волков. В. Н. Чернецов характеризовал их как культовые по следующим факторам: отсутствию обработки поверхности, наличию дополнительных личин на теле животных, отломанным в ритуальных целях частям [Чернецов, 1953, с. 171]. Морды волков соприкасаются с крылатыми фигурами за счет открытого рта и торчащих ушей (рис., 4).

В том же Истяцком кладе имеются бронзовые бляхи с гравировками в виде лосей с характерной выпуклой верхней губой (рис., 5). Подобное изображение лося встречается и на костяных изделиях с городища-святилища Усть-Полуй, а именно на плоских лопаточках, навершия которых украшены лосиными мордами (рис., 6). Основными признаками лося являются изогнутая форма головы, отвислая морда и длинные уши. Прочие изображения лосей в культовой пластике, в том числе сульде, имеют иную иконографию (рис., 3). По определению А. А. Спицына, «сульде – человекообразное существо с крыльями и хвостом птицы, и с головою и ступнями верблюда или лося» [1906, с. 8].

Скорее всего, на подвесках изображены лоси. Однако другие зоо-орнитоморфные профильные изображения из Уньинского клада называются либо «грифонами», либо просто «животными» (рис., 10) [Люди. Звери. Боги ... , 2017, с. 32].

В коллекции Государственного Эрмитажа (далее – ГЭ) имеется несколько изделий, стилистически близких указанным поделкам. Во-первых, это плоское профильное изображение птицы с острым клювом, у которой на крыльях имеются выступающие лосиные головы, а на груди – неоконтуренная личина (рис., 7). Кроме того, в той же коллекции имеется два орнитоморфных изображения с подня-

той вверх профильной головой, что также характерно для печорского звериного стиля (рис., 8–9). И еще одно орнитоморфное изображение с выступающим ухом и заостренным клювом – грифон (рис., 11). Все упомянутые экспонаты поступили в ГЭ из коллекции предпринимателя, почетного члена Псковского археологического общества Федора Михайловича Плюшкина. После его смерти коллекция, насчитывающая более миллиона экспонатов, была куплена Николаем II за 100 тыс. руб. и пополнила собрания крупнейших музеев Петербурга [Совсем не тот Плюшкин, 2003].

В карело-финской мифологии существует легенда о небесной охоте, согласно которой охотник погнался за гигантским лосем Хийси, но упустил его. Лось превратился в созвездие Большой Медведицы, охотник в Полярную звезду, а его лыжня в Млечный Путь [Петрухин, 2005, с. 13]. В саамских мифах олень приносит на рогах солнце в Темную страну, где живут несчастные вежники.

Итак, фигуры Уньинского клада аналогичны многочисленным изделиям эпохи РЖВ, что подтверждают также неоконтуренные личины и украшения в виде желобков на крыльях и хвосте. Вопрос того, каких животных они изображают, остается открытым. По аналогиям мы предполагаем, что это лось, чей образ был широко распространен в финно-угорском мире. Прежде не используемые коллекции ГЭ были датированы и нашли аналогии. Так, материалы культового литья из коллекции Ф. М. Плюшкина относятся к печорскому звериному стилю и датируются, вероятно, III–IV вв. н. э.

*Научный руководитель – В. Н. Седых
канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой археологии,
Санкт-Петербургский государственный университет*

Список литературы

- Анучин Д. Н. К истории искусства и верований у Приуральской Чуди (Чудские изображения летящих птиц и мифических крылатых существ) : материалы по археологии восточных губерний России. М., 1899. С. 87–160.
- Буров Г. М. Бронзовые культовые плакетки I тыс. н. э. на крайнем Северо-Востоке Европы: Печорский местный «зверинный стиль» // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1992. С. 52–58.
- Люди. Звери. Боги. Предметы первобытного искусства Северного Приуралья. Каталог выставки. Сыктывкар : Национальный музей Республики Коми, 2017. 100 с.
- Оборин В. А. Древнее искусство народов Прикамья: Пермский звериный стиль. Пермь : Кн. изд-во, 1976. 189 с.
- Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. М. : Астрель ; АСТ, 2005. 465 с.
- Совсем не тот Плюшкин: [Ст. о жизни Ф. М. Плюшкина] / ред.-сост. Т. В. Медникова. Псков : Псков. гос. ист.-архитектур. и художеств. музей-заповедник, 2003. 72 с.
- Спицын А. А. Шаманские изображения // Записки отделения русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества. СПб., 1906. Вып. 1. Т. VIII. С. 29–145.
- Туркина Т. Ю. Орнитоморфные мотивы в искусстве населения Европейского Северо-востока в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. // Известия Коми научного центра УрО РАН. Сыктывкар, 2014. Вып. 1 (17). С. 94–102.
- Туркина Т. Ю. Уньинский клад // Седьмые Берсовские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Тезисы докладов. Екатеринбург. 2–4 декабря 2014. Екатеринбург, 2016. С. 259–265.
- Чернецов В. Н. Бронза Усть-Полуйского времени // Древняя история Нижнего Приобья // МИА. № 35. М., 1953. С. 121–178.

Two Winged Figurines from the Uninskiy Treasure: History of Study, Interpretation, Analogies

A. D. Muratbakieva

The article is devoted to two figures of winged beasts, which were attributed to the Uninskiy treasure. The treasure was found in 1884, and today there are 11 items of cult bronze casting. Images of animals found in the Urals and Western Siberia were used as analogies. We found out that the pendants depict winged moose widespread in the Pechora animal style. For images of birds of this style, semi-lowered wings, a profile image of the head, and the presence of several oval holes on the body are characteristic. As an analogy, we also drew bronze items from the collection of the State Hermitage that came from the collection of Fyodor Plyushkin. It turned out that the collection is similar to the items of the Pechora animal style. It is dated, like the Uninskiy treasure, III–IV centuries A. D.

Keywords: Uninskiy treasure, Pechora river, Iron age, animal style, moose, Plyushkin, analogy.

УДК 930.26(571.63)

Косторезное дело средневекового населения Приморья

Е. С. Галютин

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

Актуальность выбранной автором темы определяется тем, что костяные артефакты, наряду с прочими, являются культурно-бытовыми следами жизни древних сообществ, частично отображая их быт, верования и эстетические воззрения. Помимо этого важно отметить, что в дальневосточной археологии пока еще отсутствуют обобщающие работы по обработке кости средневековым населением Приморья. Поэтому целью исследования стали обобщение и анализ материалов по косторезному делу средневековых культур Приморья.

Источниками исследования послужили археологические отчеты и музейные коллекции костяных артефактов Института истории ДВО РАН (г. Владивосток), а также публикации разных лет российских и дальневосточных археологов.

Территориально-хронологические рамки доклада определены временем и местом существования таких средневековых государств на юге Дальнего Востока, как Бохай (698–926 гг.), Цзинь (1115–1234 гг.) и Восточное Ся (1215–1233 гг.).

На основе данных, полученных в ходе исследования, сделаны следующие выводы: сырьевая база ремесла формировалась на основе местных потенциальных ресурсов и хозяйственной деятельности бохайцев и чжурчжэней, занимавшихся животноводством и охотой [Государство Бохай ... , 1994; Гельман, 2018]. В зависимости от этого, сырье для изготовления костяных изделий можно поделить на домашнее и промысловое (табл. 1, 2) [Васильева, Гасилин, 2017, с. 131; Панасенко, Гельман, 2009, с. 200–201; Дикие и домашние ... , 2020; Uchiyama, Gelman, 2020].

Таблица 1

Соотношение костей диких и домашних животных на бохайских памятниках Приморья
[по: Панасенко, Гельман, 2009, с. 200]

№	Памятник	Животные, %	
		домашние	промысловые
1	Константиновское-1 поселение (бохайский слой)	74,3	25,7
2	Новогордеевское городище (бохайский слой)	74	26
3	Николаевское-II городище	78	22
4	Городище Горбатка	66	34

Таблица 2

Соотношение костей диких и домашних животных на чжурчжэньских памятниках Приморья
[по: Панасенко, Гельман, 2009, с. 202]

№	Памятник	Животные, %	
		домашние	промысловые
1	Константиновское поселение (чжурчжэньский слой)	70–80	19–29,7
2	Новогордеевское городище (чжурчжэньский слой)	86,9	13,1
3	Шайгинское городище	89–92	8–11
4	Майское городище	83,2	16,8

Учитывая социальную стратификацию общества и уровень производительных сил, можно утверждать, что продукция косторезного ремесла пользовалась спросом в основном у низших и средних слоев общества, а само ремесло являлось домашним, в отличие от специализированных кузнечного и гончарного производств [Гельман, 2020, с. 89].

Костяные изделия пользовались спросом во всех сферах жизни средневекового населения представленных культур.

Систематизация и классификация костяных артефактов позволили определить межкультурные различия в применении костяных изделий между бохайцами и чжурчжэнями (табл. 3, 4). Бохайцы чаще использовали изделия из кости как предметы быта и охотничьего снаряжения [Лещенко, Болдин, 1990, с. 60–69; Шавкунов, 1999; Асташенкова, 2003; Бохайские древности ... , 2013; Города ... , 2018; Лещенко, 2018], тогда как у чжурчжэней наблюдается тенденция к художественной обработке кости [Лещенко, 2000, с. 174–180; Васильева, 2001, с. 156–159].

Таким образом, изделия из кости являлись необходимым элементом бытовой и культурной жизни большей части населения средневековых государств Приморья. Производство костяных изделий на протяжении VIII–XII вв. оставалось преимущественно домашним промыслом. Однако поскольку отдельные костяные предметы чжурчжэней могут быть отнесены к высокохудожественным изделиям, то можно полагать, что некоторые ремесленники из городищ и поселений могли работать на заказ, а не только для удовлетворения своих личных потребностей.

*Научный руководитель – Е. И. Гельман
канд. ист. наук, доцент, зав. сектором
раннесредневековой археологии,
Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, Дальневосточный
федеральный университет*

Список костяных артефактов из бохайских памятников

Группа	Категория	Кол-во экземпляров
I. Предметы боевого и охотничьего снаряжения	1) наконечники стрел	65
	2) свистунки	17
	3) ушки от древков стрел	2
	4) детали сложносоставного лука	30
	5) обкладка колчана	1
	6) псалии	4
	Всего	119
II. Орудия труда и предметы домашнего обихода	1) шилья, проколки, иглы	28
	2) рукояти ножа из рога	13
	3) кочедыки	3
	4) ложки	1
	5) игольники	2
	6) ложила	2
	Всего	49
III. Предметы туалета и украшений	1) декоративные пластины-накладки	28
	2) шпильки для волос	3
	3) пуговицы	5
	4) гребни	1
	5) предметы поясного набора	2
	6) кольца	1
	Всего	40
IV. Предметы для игр	1) альчики	11
	2) игральные кубики	1
	Всего	12
V. Амулеты	1) подвески	31
	Всего	31

Таблица 4

Список костяных артефактов из чжурчжэньских памятников

Группа	Категория	Кол-во экземпляров
I. Предметы боевого и охотничьего снаряжения	1) путовые петли	3
	Всего	3
II. Орудия труда и предметы домашнего обихода	1) шилья, проколки, иглы	9
	2) рукояти ножа из рога	17
	4) ложки / палочки для еды	4/16
	5) игольники	5
	6) наковаленка ювелира	1
	Всего	52
III. Предметы туалета и украшений	1) косметические коробочки	3
	2) шпильки для волос	6
	3) гребни односторонние	17
	4) гребни двусторонние	4
	5) предметы поясного набора	6
	6) костяные щетки	13
	7) ухвертки (ухочистки)	?
	Всего	49
IV. Предметы для игр	1) альчики	43
	2) игральные кубики	4
	3) игральные фишки из рога	3
	Всего	50

Список литературы

- Асташенкова Е. А. Орнаментированный альчик из поселения Чернятино-2 // Россия и АТР. 2003. № 3 (41). С. 12–16.
- Бохайские древности из Приморского края России / отв. ред.-сост. Сун Юйбинь, А. Л. Ивлиев, Е. И. Гельман. Пекин; Вэнью : Ин-т археологии провинции Цзилинь; ИИАЭ ДВО РАН, 2013. 278 с.
- Васильева Т. А. Костяные поделки из материалов Горнохуторского городища // Тихоокеанская археология. Владивосток, 2001. Вып. 12. Произведения искусства и другие древности из памятников Тихоокеанского региона – от Китая до Гондураса. С. 155–161.
- Васильева Т. А., Гасилин В. В. Дикие и домашние животные из материалов Горнохуторского городища // Мультидисциплинарные исследования в археологии. Владивосток, 2017. Вып. 3: Ремесла и промыслы. С. 127–134.
- Гельман Е. И. Сельское хозяйство и промыслы в экономике Бохая (по материалам памятников Российского Приморья) // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. № 20. С. 168–176.

Гельман Е. И. Ремесла бохайцев // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и Дальнем Востоке. 2020. № 3 (53). С. 75–92. <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2020-3/75-92>.

Города средневековых империй Дальнего Востока / отв. ред. Н. Н. Крадин. М.: ИВЛ, 2018. 367 с.

Государство Бохай (698–926 гг.) и племена Дальнего Востока России / отв. ред. Э. В. Шавкунов. М.: Наука, 1994. 219 с.

Дикие и домашние животные в жизнеобеспечении бохайского города Яньчжоу / В. Е. Омелько, Е. И. Гельман, В. В. Гасилин, М. А. Винокурова // Россия и АТР. 2020. № 4. С. 161–174. <https://doi.org/10.24411/1026-8804-2020-10057>.

Лещенко Н. В. Предметы из дерева и кости в хозяйстве и быту чжурчжэней // История и археология Дальнего Востока. К 70-летию Э. В. Шавкунова. Владивосток, 2000. С. 174–180.

Лещенко Н. В. Домашние ремесла у бохайцев (на основе изучения археологических памятников в Приморье) // Россия и АТР. 2018. № 4 (102). С. 173–189.

Лешенко Н. В., Болдин В. И. Изделия из кости и рога бохайских памятников Приморья // *Материалы по средневековой археологии и истории Дальнего Востока СССР*. Владивосток, 1990. С. 60–69.

Панасенко В. Е., Гельман Е. И. Роль млекопитающих (Mammalia) в системе жизнеобеспечения бохайского населения городища Горбатка // *Вестн. НГУ. Сер.: История, филология: Археология и этнография*. 2009. Т. 8. Вып. 3. С. 193–203.

Шавкунов В. Э. Костяные наконечники стрел бохайцев Приморья // *Россия и АТР*. 1999. № 4. С. 110–114.

Uchiyama S., Gelman E. I. Mammal remains from the Gorbatka walled town // *Мультидисциплинарные методы исследования в археологии*. 2020. № 1. С. 3–39. <https://doi.org/10.24411/2658-3550-2020-10001>

Bone-Cutting Craft of the Medieval Population of Russian Primorye

E. S. Galiutin

The purpose of this report is to present the available generalizing materials on the study of bone carving in medieval cultures of Primorye. Based on the data obtained in the course of the study, we put forward the following theses. Firstly, bone-cutting among the medieval population of Primorye (Bohai and Jurchen) was dependent on the territory of its state, natural and climatic conditions (flora and fauna) and the level of development of productive forces. Secondly, bone products were in demand in all spheres of life of the medieval population, represented by cultures. Thus, bone products were a necessary element in the everyday and cultural life of most of the population of the medieval states of Primorye.

Keywords: home bone-cutting craft, commercial bone-cutting craft, bone products, Bohai State (698–926 AD), Jin (1115–1234 AD), Eastern Xia (1215–1233 AD).

Галиутин Евгений Сергеевич

магистрант 1-го года обучения
Дальневосточный федеральный университет
e-mail: galiutin.pochta@gmail.com

Galiutin Evgenii Sergeevich

Graduate student 1st year
Far Eastern Federal University
e-mail: galiutin.pochta@gmail.com

УДК [902.2+903.59 «5/11»](571.11)

Погребение раннего средневековья у с. Куртан

А. В. Белых

Курганский государственный университет, Курган, Россия

В августе 2006 г. в Мокроусовском р-не Курганской области местным жителем Н. Ф. Фомягиным у северного берега оз. Куртан было найдено одиночное грунтовое захоронение. Захоронение расположено в озерном крае Тоболо-Ишимского междуречья. Данная территория характеризуется крайне малой плотностью обнаруженных памятников. Из более чем 700 памятников археологии на территории Курганской области восточнее поймы р. Тобол известно не более 40 объектов археологического наследия.

Погребение находилось на глубине 1,5 м от поверхности, стенки ямы неровные, с уступами. Форма могильной ямы не прослежена, так как часть погребения была разрушена в результате обрушения берега. Костяк взрослого человека лежал на спине, головой ориентирован на север. Руки вытянуты вдоль туловища. Череп наклонен на правый висок, лицом к югу. По степени срастания наружных швов черепа был сделан вывод о том, что скелет принадлежал человеку возраста 20–25 лет. На дне погребения фиксировалась меловая подсыпка. Рядом с костями были обнаружены 7 костяных черешковых наконечников стрел. Сечение ромбовидное, длина наконечников достигает 7–8 см. В изголовье могилы, слева от черепа, был обнаружен плохо обожженный неорнаментированный круглодонный сосуд с отогнутой шейкой, в примесях керамического теста которого обнаружены следы толченой раковины и талька. Под сосудом фиксировалась частично расколота трубчатая кость копытного животного. Также в сыпье берега были обнаружены левая бедренная и правая тазовые кости, принадлежавшие скелету мужчины более зрелого возраста. Вероятнее всего, данные останки происходят из другого, незафиксированного погребения.

Датирующий инвентарь невыразителен. Костяные наконечники на территории Западной Сибири встречаются очень рано и бытуют на протяжении чрезвычайно длительного времени. Они известны в большом количестве в памятниках раннего железного времени и средневековья [Хазанов, 1971, с. 41–42]. Форма керамического сосуда характерна для бакальской культуры раннего средневековья (городище Усть-Утяк-1, Большое Бакальское городище). По типологии Т. М. Потемкиной данный сосуд относится к типу 2а – слабо профилированный сосуд с корот-

кой, едва намеченной шейкой, отогнутой наружу [Потемкина, Матвеева, 1997, с. 45; Кайдалов, Сечко, 2008, с. 77–78]. Низкое качество керамики обусловлено костровым обжигом при невысокой температуре, вероятно, при недостатке хорошего топлива или неблагоприятных природных условиях [Матвеева, 2016, с. 142–143]. Положение умершего на спине с северной ориентировкой и размещение инвентаря и пищи в изголовье, со смещением влево-вправо, характерны для бакальской погребальной традиции (Абатский-3 могильник, погребение 4 кургана 5; Перейминский-1 могильник, погребения 1 и 14; погребение на городище Черноозерье-1). Н. П. Матвеева относит подобные захоронения к раннебакальской группе погребальных памятников [Там же, с. 121–123].

На основании имеющихся аналогов захоронения предварительную датировку можно дать только в широком диапазоне VI–VIII вв. н. э.

Бакальская археологическая культура была выделена К. В. Сальниковым по материалам работ в пойме р. Исеть. Дискуссия о хронологии и периодизации данной культуры продолжается до сих пор. К. В. Сальников дважды пересматривал ее хронологию, первоначально датировав культуру в рамках IV–VIII вв., позднее сузив до IV–VI вв. Т. М. Потемкина опубликовала материалы раскопок Большого Бакальского городища, которое было датировано IX–XI вв. В. А. Могильников для бакальской культуры устанавливал даты в рамках IX – XIV–XV вв., хотя в последних работах он относит начало бакальского культурогенеза к VI–VII вв. н. э. Ряд авторов в последние годы предлагают вернуться к первоначальной периодизации, предложенной К. В. Сальниковым, связывая происхождение памятников бакальской культуры с кризисом саргатской культуры раннего железного века в ходе событий Великого переселения народов [Маслюженко, 2008, с. 8–9].

Наличие останков еще одного индивида в сыпье берега оз. Куртан может говорить о возможном обнаружении нового погребального памятника бакальской культуры, количество которых на территории Курганской области незначительно.

*Научные руководители – Д. Н. Маслюженко
канд. ист. наук, доцент,*

Курганский государственный университет,
И. К. Новиков
ст. преподаватель,
Курганский государственный университет

Список литературы

Кайдалов А. И., Сечко Е. А. Материалы эпохи средневековья городища Усть-Утяк-1 в Кетовском районе Курганской области (по результатам исследований 2002–2006 гг.) // Проблемы бакальской культуры. Материалы научно-практического семинара по проблемам бакальской культуры. Челябинск, 2008. С. 73–80.

Маслюженко Д. Н. Этнополитическая история лесостепного При-тоболья в средние века. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2008. 168 с.
Матвеева Н. П. Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов (проблемы культурогенеза по данным погребальных памятников). Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2016. 264 с.
Потемкина Т. М., Матвеева Н. П. Большое Бакальское городище // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 1997. Вып. 1. С. 39–50.
Хазанов А. М. Избранные научные труды: очерки военного дела сарматов. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1971. 294 с.

Burial of the Early Middle Ages Near the Village of Kurtan

A. V. Belykh

This publication is devoted to the monument of the Bakal archaeological culture of the West Siberian forest-steppe. A burial was excavated in 2006 and it is located on the northern shore of Lake Kurtan in the Mokrousovsky district Kurgan oblast. The burial of a 20–25-year-old man and the remains of another more mature person were found. The detailed description of the found inventory, funeral rite. Dating is implemented on the basis of inventory analysis and it dates from the 6th – 8th centuries A. D. The presence of the remains of another individual in the scree on the shore of Lake Kurtan may indicate the possible discovery of a new burial sites of the Bakal culture, the number of which is insignificant on the territory of the Kurgan oblast.

Keywords: Bakal Culture, Early Middle Age, West Siberian.

Белых Александра Витальевна

студент 3-го курса
Курганский государственный университет
e-mail: belykh.asya.99@mail.ru

Belykh Aleksandra Vitalievna

Student 3rd year
Kurgan State University
e-mail: belykh.asya.99@mail.ru

УДК 903.02(571.151)"653"

Средневековая керамика поселения Купчегень-1 (Центральный Алтай)*

В. И. Такпаева

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 20-78-00035)

Основной категорией находок на поселенческих комплексах является керамика, поэтому ее исследованию уделяется особое внимание. В связи со слабой изученностью средневековых слоев поселений, известных на Алтае, до сих пор нет надежных хронологических маркеров керамики этого периода. В связи с этим большую актуальность имеет изучение датированных комплексов, каковым является поселение Купчегень-1, обследованное в рамках разведочных работ археологической экспедиции ГАГУ. Предметный комплекс памятника рассмотрен в отдельной статье [Константинов, 2021], в этой работе более подробно будут представлены обнаруженные фрагменты керамики.

Поселение находится на северо-западной окраине с. Купчегень Онгудайского района Республики Алтай в 860 м к северо-западу от его центра, на правом берегу р. Большой Ильгумень. Памятник расположен в ложбине нижней части склона одного из отрогов Теректинского хребта, на небольшой наклонной площадке, прикрытой с северной стороны горным склоном, а с южной стороны – склоном невысокого вала-останца.

Керамический комплекс исследуемого поселения составил 247 фрагментов венчиков, стенок и придонных частей сосудов. Найденные фрагменты в основном относятся к сосудам баночной формы закрытого типа. Венчики прямые или загнуты внутрь. На одном фрагменте венчика имеется сквозное отверстие. 22 фрагмента стенок и венчиков керамических сосудов имеют орнаментацию. Фиксируются следующие виды орнамента: две сплошные горизонтальные линии под венчиком, выполненные прокаткой или протаскиванием (1 шт.); линии, прочерченные гребенчатым штампом (9 шт.); ряд вертикальных оттисков плоского штампа под венчиком в сочетании с насечками на верхнем крае венчика в виде креста (1 шт.); ряд

ногтевых вдавлений (1 шт.); ряд наклонных вдавлений кончиком пальца (2 шт.); ряд наклонных вдавлений крупным двузубчатым штампом (1 шт.); ряд вдавлений небольшим двузубчатым штампом (2 шт.); ряды вдавленных уголков лопатки (1 шт.); налепной валик с насечками, составляющими зигзагообразную линию. Над валиком округлое вдавление (1 шт.).

Технико-технологическое исследование керамики проводилось с помощью бинокулярного микроскопа МБС-10. Изучались свежие изломы и поверхности образцов. Предварительное обследование показало, что самым распространенным рецептом формовочных масс является глина с примесью дресвы. Рецептов с шамотом пока не зафиксировано. Использование дресвы характерно для горной и предгорной территории, что можно считать местной традицией населения, оставившего памятник. Это говорит о культурно однородном населении и менее интенсивном смешении с другими группами. Малочисленность изученных образцов не позволяет в достаточной мере охарактеризовать технологию изготовления керамики этого времени. Работы в данном направлении необходимо продолжить.

Некоторые аналогии купчегенской керамики можно найти в материалах средневековых слоев поселений Сары-Бел и Тыгкескен-3 [Поселение Сары-Бел, 1995; Кунгуров, 1994, с. 44], расположенных на Средней Катуни. Также определенные параллели можно найти в находках керамических сосудов и их фрагментов при изучении тюркских погребальных и поминальных комплексов Алтая [Кубарев, Журавлева, 1998; Борисенко, Худяков, 2001].

На поселении Сары-Бел найдены два сосуда [Поселение Сары-Бел, 1995], один из которых баночной формы, орнаментированный резцами животного и протаски-

ванием острого края орнамента; второй сосуд, диаметр венчика 10 см, горшковидной формы орнаментирован горизонтальными линиями и заштрихованными треугольниками в результате протаскивания острого края инструмента.

Керамический комплекс первого культурного слоя поселения Тыткескен-3, относимого автором раскопок к средневековью, представлен 438 обломками не менее чем от сотни сосудов [Кунгуров, 1994, с. 44]. Самые распространенные формы – закрытые баночные сосуды крупных размеров и профилированные плоскодонные горшки с отогнутым наружу венчиком. Большая часть посуды – без орнамента. Зафиксированный орнамент представлен округлыми вдавлениями, насечками, защипами, гребенчатым и двузубчатым штампом, треугольниками, образцованными вытянутыми вдавлениями. Также найдено цилиндрическое пряслище, украшенное штампом «трубочки».

Как отмечается исследователями, керамические сосуды встречаются достаточно редко при раскопках тюркских погребально-поминальных комплексов Алтая. На данный момент известно всего 9 целых сосудов [Кубарев, Журавлева, 1998; Кубарев, 2005, с. 63], относящихся к баночным, горшковидным изделиям и чашам. Серия фрагментов керамических сосудов также найдена при изучении пяти оградок поминального комплекса Биченег, относящегося к раннему средневековью. Обнаружены фрагменты нескольких сосудов с небогатой орнаментацией [Борисенко, Худяков, 2001, с. 146–147].

Орнаментация раннесредневековой керамики из погребальных и поминальных комплексов достаточно бед-

ная [Борисенко, Худяков, 2001; Кубарев, 2005, с. 64]. Встречаются следующие виды орнамента: одинарные и двойные ногтевые вдавления; вдавления в виде косой и ломаной линии; косые дугообразные насечки; квадратные вдавления и т. д.

Таким образом, аналогии керамическому комплексу поселения Купчегень-1, а также другие датированные предметы, найденные на памятнике, позволяют нам отнести рассматриваемую керамику к эпохе раннего Средневековья. Комплекс может стать опорным для выявления керамических комплексов этого периода на других многослойных поселениях Алтая.

*Научный руководитель – Н. А. Константинов
канд. ист. наук, ст. науч. сотр.,
Горно-Алтайский государственный университет*

Список литературы

- Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Керамика из древнетюркского поминального Биченег // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2001. № 7. С. 145–154.
- Константинов Н. А. Предметный комплекс поселения Купчегень-1 (Центральный Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2021. № 1. [в печати].
- Кубарев Г. В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005. 400 с.
- Кубарев Г. В., Журавлева А. Д. Древнетюркская керамика Горного Алтая // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 3. С. 19–31.
- Кунгуров А. Л. Верхние культурные слои поселения Тыткескен-3 // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 43–58.
- Поселение Сары-Бел / Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин, Н. Ф. Степанова, Н. Ю. Кунгурова // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1995. Вып. 1. С. 6–19.

Medieval Pottery from the Kupchegen-1 Settlement (Central Altai)

V. I. Takpaeva

The work presents the results of studying the ceramic complex from the Kupchegen-1 settlement, located near the Kupchegen village in the Ongudai district of the Altai Republic. There were found 247 fragments of ceramic vessels, 22 of which were ornamented. The found fragments mainly belong to can-shaped vessels. Using binocular microscope, a technical and technological study was carried out, in which one recipe for molding masses was recorded, namely clay + grit, which indicates a culturally homogeneous population and less intensive mixing with other groups. Some analogies of the Kupchegen ceramics can be found on the Sary-Bel and Tytkesken-3 settlements located on the Middle Katun, dating back to the Middle Ages, and the funerary and memorial complexes of the ancient Turkic time.

Keywords: Altai, ceramics, pottery, Early Middle Ages, ancient Turkic time, Turkic time, settlement.

Такпаева Валерия Ивановна

студент 2-го курса
Горно-Алтайский государственный университет
e-mail: takpaeva1997@mail.ru

Takpaeva Valeria Ivanovna

Student 2nd year
Gorno-Altai State University
e-mail: takpaeva1997@mail.ru

УДК 902/903.24.

Женский и мужской костюм кушнаренковской культуры по материалам Башкирского Предуралья

Л. В. Мамбетова

*Республиканский историко-культурный
музей-заповедник «Древняя Уфа», Уфа, Россия*

Кушнаренковская археологическая культура (VI–VIII вв.) была выделена В. Ф. Генингом в 1959 г., на основе исследований могильника у с. Кушнаренково Кушнаренковского района Башкирской АССР. Ее ареал включал бассейны рек Белая, Кама и Ик. На данную территорию «кушнаренковцы» переселились из Западной Сибири. Знарок западносибирских древностей В. А. Могильников считает, что причиной переселения западносибирского лесостепного («кушнаренковского») населения в Приуралье явились набеги воинских отрядов I Тюркского каганата, в 70-е гг. VI в. доходивших до Северного Кавказа и Крыма [Иванов, 1994, с. 79].

В настоящее время на территории Башкортостана выявлено около 40 памятников, в основном они расположены

в нижнем и среднем течении р. Белой. Наиболее крупные исследованные кушнаренковские некрополи – Маняжский, Лагереvский (р. Ай, открыты и исследованы Н. А. Мажитовым в 1967–1968 гг.), а также ряд погребений на территории г. Уфы, некоторые погребения Бирского могильника (р. Белая, открыт А. А. Спицыным в 1901 г.) и др. На основе исследований кушнаренковской группы могильников, учеными были определены основные черты погребального обряда. Особенностью погребальных памятников являются небольшие земляные курганы с одним или несколькими захоронениями под насыпью, диаметр которых составляет в среднем 7–8 м. Для погребального обряда кушнаренковской культуры характерны следующие признаки: наличие черепа, конечностей или даже шкуры коня; умершие по-

гребены в неглубоких ямах прямоугольной или овальной формы вытянуто на спине, головой на север или запад; погребальный инвентарь представлен предметами вооружения, принадлежностями конской сбруи, поясной гарнитурой и украшениями; в изголовье ставили глиняные сосуды с жертвенной пищей [Мажитов, 1981а, с. 5–6, 21; Иванов, 1994, с. 78].

Особое внимание к кушнаренковской культуре привлекает ее оригинальная керамика. Это тонкостенные круглодонные сосуды (толщина их 3–4 мм) шаровидной или яйцевидной формы, украшенные тонким и сложным орнаментом в виде горизонтальных линий, «сеточки», «елочки», полулунных или треугольных отпечатков [Васюткин, 1968, с. 59; Генинг, 1972; Овсянников, 1992, с. 67; Мажитов, Султанова, 2010, с. 150].

Этническая принадлежность рассматриваемой культуры с момента ее выделения стала полем для дискуссий исследователей: В. А. Иванов, Е. П. Казаков относят кушнаренковцев к угорским племенам [Иванов, 1988; Казаков, 2007]; В. Ф. Генинг и С. М. Васюткин считали, что они были выходцами из самодийских племен [Генинг, 1971; Васюткин, 1992]; Н. А. Мажитов носителей кушнаренковской культуры определял как древних предков башкир [Мажитов, 1981б, 2013].

Музеум-заповедником «Древняя Уфа» планируется реконструкция мужского и женского костюма кушнаренковской археологической культуры на основе проекта, подготовленного совместно с О. С. Белявской, с использованием материалов погребальных комплексов с территории Башкирского Предуралья.

История одежды – это язык вещей, рассказывающий о социальных отношениях и социальном сознании людей, ее носителей [Гаген-Торн, 1960, с. 4]. При реконструкции костюма используются разнообразные источники, которые восстанавливают полную картину одежды данного времени [Усова, 2011, с. 214]. Для воссоздания мужского и женского костюма кушнаренковской культуры планируется использовать комплекс опубликованных и неопубликованных источников, Маньякского и Лагеревского могильников, а также городища Уфа-II [Мажитов, 1981б].

Погребение № 1 Маньякского могильника было богато археологическими материалами для воссоздания мужского костюма. Здесь найден скелет мужчины, которого сопровождал следующий погребальный инвентарь: железный меч, накладки на лук, железный нож, два сосуда кушнаренковского типа и более 20 серебряных позолоченных накладок ремня и несколько серебряных пряжек [Археологическая карта Башкирии, 1976]. В фондах музея-заповедника «Древняя Уфа» хранится наконечник ремня прямоугольной вытянутой формы с округленным окончанием, обнаруженный в результате археологических раскопок на территории городища Уфа-II. Он представляет собой пластину из серебряной позолоченной фольги, другой наконечник с этого же памятника состоит из железной основы, обрамленной серебряной окантовкой, и золотой пластины с орнаментом в виде «елочки» в центре и «псевдозерну» по краям, все три элемента наконечника соединялись при помощи двух серебряных штифтов. Практически полные аналогии изделию, по Н. А. Мажитову, зафиксированы в погребении 1 Маньякского могильника [1981а,

с. 6]. Вполне возможно, что рассматриваемый наконечник мог попасть на городище Уфа-II во время «маньякского этапа», датированного, по Е. П. Казакову, второй третью VII–VIII в. н. э. [Белявский, Крапачева, 2017, с. 45].

Наиболее информативными для характеристики женского костюма являются комплексы, исследованные в Лагеревском, Бирском и Маньякском могильниках. В погребении № 2 кургана № 46 Лагеревского могильника были найдены серебряные серьги, перстни с щитками, проволочные кольца, браслеты, детали поясных наборов с разнообразными накладками, пряжки для реконструкции женского костюма кушнаренковской культуры. Материалы были опубликованы в работах Г. И. Матвеевой [1968], Р. Р. Руслановой [2018] и др.

Таким образом, на сегодняшний момент на территории Башкирского Предуралья накоплена богатая источниковая база, которая позволяет провести реконструкцию женского и мужского костюма кушнаренковской культуры. Для этого будут использованы археологические артефакты, хранящиеся в фондах Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева и музея-заповедника «Древняя Уфа».

Список литературы

- Археологическая карта Башкирии. М.: Наука, 1976. 262 с.
- Белявский А. А., Крапачева О. С. Ременная гарнитура с полихромным декором «шиповского горизонта» на территории Башкортостана (к вопросу о морфологии и технологии изготовления) // Международная археологическая школа: сб. материалов конф. «Междисциплинарные исследования в археологии: достижения и вызовы». Казань; Болгар, 2017. С. 41–55.
- Васюткин С. М. Некоторые спорные вопросы археологии Башкирии I тысячелетия нашей эры // Советская археология. 1968. № 1. С. 56–72.
- Васюткин С. М. О происхождении и этнической принадлежности населения кушнаренковской культуры // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. Ижевск, 1992. С. 31–44.
- Гаген-Торн Н. И. Женская одежда народов Поволжья. Материалы к этногенезу. Чебоксары, 1960. 230 с.
- Генинг В. Ф. Этнический субстрат башкир и его происхождение (по археологическим материалам I тыс. н. э.) // АЭБ. 1971. Т. 4. С. 44–54.
- Генинг В. Ф. Южное Приуралье в III–VII вв. н. э.: (Проблемы этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 221–295.
- Иванов В. А. Magna Hungaria – археологическая реальность? Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа, 1988. С. 31–66.
- Иванов В. А. Откуда ты, мой предок? (Взгляд археолога на древнюю историю Южного Урала). СПб.: Грань; УНЦ РАН, 1994. 128 с.
- Казаков Е. П. О территориях и этнонимах угров Урало-Поволжья в VI–XIV вв. н. э. // УАВ. 2007. Вып. 6–7. С. 145–150.
- Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981а. 162 с.
- Мажитов Н. А. Южный Урал в VI–VIII вв. // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., 1981б. С. 23–28. (Археология СССР).
- Мажитов Н. А. Еще раз о мадьярской проблеме в средневековой истории Южного Урала // II Международный Мадьярский симпозиум: сб. науч. тр. Челябинск, 2013. С. 84–88.
- Мажитов Н. А., Султанова А. Н. История Башкортостана: Древность. Средневековье. Уфа: Китап, 2010. 496 с.
- Матвеева Г. И. Население лесной и лесостепной Башкирии в III–VIII вв. н. э.: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1968. 237 с.
- Овсянников В. В. Раскопки городища Уфа-II в 1990 г. // Башкирский край. Уфа, 1992. Вып. 2. С. 56–80.
- Русланова Р. Р. Бусы Южного Урала по материалам некрополей III–VIII веков. Уфа: Башк. энцикл., 2018. 376 с.
- Усова И. А. Методика изучения костюма по археологическим материалам: историографический аспект // Изв. Алтайск. гос. ун-та. Сер. История. Политология. 2011. № 4/1 (72/1). С. 214–219.

Women's and Men's Costume Kushnarenkov Culture

L. V. Mambetova

This article presents a source base on the burial grounds of the Kushnarenkov archaeological culture, located on the territory of the Bashkir Urals. As a result of many years of research, many archaeologists have an idea of the characteristic features of the funeral rite of the culture in question. The richness of the funeral inventory is represented by items of the belt set, decorated in the "heraldic style", an iron sword in the men's, and a variety of jewelry: glass beads, earrings, bracelets, rings and a belt set of pendants-piercing in the women's burials. The Museum-Reserve has prepared a concept for the reconstruction of women's and men's costumes, which will be based on the materials of the Manyak and Lagerevsky burial grounds. The archaeological materials that are planned to be used for the reconstruction of the costumes are stored in the funds of the Institute of Ethnological Research named after R. G. Kuzeev and the museum-reserve "Ancient Ufa".

Keywords: Archaeology, Middle Ages, Kushnarenkov culture, ceramic, burial, suit.

УДК 903.2:671(571.151)"653"

Социальная элита одинцовской культуры (по материалам погребальных памятников)

М. А. Гриб, О. А. Качесова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

При реконструкции социальной истории народов древности и средневековья особое значение имеет изучение «элитных» погребальных комплексов. Раскопки таких памятников, несмотря на частые случаи их ограбления, позволяют получить наиболее информативные материалы. Определение структуры элиты и особенностей организации высших слоев общества способствует уточнению уровня развития и специфики устройства рассматриваемого социума в целом. Именно поэтому изучению «элитных» археологических комплексов традиционно уделяется повышенное внимание. Исследование таких объектов, отличающихся большим количеством «престижных» элементов предметного комплекса, способствовало развитию представлений о многих аспектах социальной истории. В настоящей работе представлен опыт интерпретации материалов раскопок «элитных» погребальных памятников одинцовской культуры лесостепного Алтая (IV–VIII вв. н. э.).

Основой для изучения стали материалы 17 погребений. Моделирование социальной структуры и организации населения одинцовской культуры предполагало выделение социально-типологических групп в рамках рассматриваемой совокупности погребений и их характеристику. Не останавливаясь на описании всех результатов исследования, сконцентрируем внимание на выводах, связанных с определением отличительных признаков «элитных» погребальных комплексов и их интерпретацией.

Изучение материалов раскопок погребальных памятников одинцовской культуры лесостепного Алтая позволяет утверждать, что основным критерием для определения прижизненного статуса человека является качественно-количественный состав сопроводительного инвентаря, зафиксированного рядом с умершим. Обоснованным является выделение из совокупности предметов сопроводительного инвентаря «символа власти», включающего показатели военно-управленческого могущества и политического статуса, а также «комплекса богатства», объединяющего признаки высокого имущественного положения, материального достатка [Серегин, 2013, с. 76]. «Символ власти» в одинцовской общности представлен главным образом предметами вооружения (меч, кинжал, копье, доспех). «Комплекс богатства» включал предметы из цветных и драгоценных металлов: наборные пояса, аксессуары костюма, нательные украшения. В результате проведенного многоступенчатого анализа материалов из погребений одинцовской культуры, предполагавшего последовательную корреляцию всех показателей обряда, но главным образом тех, которые были определены как социально значимые, выделены социально-типологические группы. Каждая из них отличается определенным набором маркирующих ее признаков.

Группа I – захоронение одного индивида, имеющего, вероятно, наивысшее привилегированное положение в данной общности. Исследовано на памятнике Тугозново (мог. 1). Основным показателем, объединенным в рамках первой модели, является максимальный по количеству и

разнообразию состав сопроводительного инвентаря. В могиле зафиксировано сочетание редких предметов вооружения (клинковое оружие, рукояти которого украшены драгоценными камнями, также к клинковому вооружению имелись ножны, окованные серебром, некоторые части были позолочены). В погребении присутствовали наборный пояс (две серебряные пряжки, обложенные золотыми пластинами, поясные бляхи-оковки с шарнирными подвесками), детали обуви (две обувные пряжки из серебра, в центре оковки – полукруглое гнездо, у стенок которого напаян рядок зерни, в гнезде – вставка полированного алмадина). Кроме того, зафиксированы украшения, выполненные в полихромном стиле с использованием звериного орнамента (шейная гривна, перстень, подвеска). Погребенного не сопровождало животное, но рядом с ним располагалось три погребения. А. П. Уманский предположил, что в данных могилах погребены участники «княжеских» похорон, убитые согласно существовавшему обычаю с целью сохранения тайны о месте погребения «князя» [Уманский, 1985, с. 57].

Группа II – захоронение 12 индивидов на памятниках: БЕ-ХII (мог. 11, 18), БЕ-ХIV (мог. 17, 29, 49), Чекановский Лог-9 (мог. 1 (парное)), Татарские могилки (мог. 1959 г., 4 (парное)), Ераска (мог. 1), Троицкий Елбан-1 (мог. 1969 г. (кремация)). В ходе исследования погребений, отнесенных ко второй модели, зафиксировано сочетание редких предметов вооружения (клинковое оружие, копье, части защитных доспехов). Во всех могилах присутствует поясная гарнитура (две пряжки, поясные бляхи), дополнительные детали одежды (бляшки, застежки), украшения (шейные гривны, серьги, подвески, бусы, кольца). Почти во всех захоронениях встречается снаряжение верхового коня. Кроме того, в некоторых могилах присутствует одна лошадь. В целом по качественному и количественному составу сопроводительный инвентарь рассматриваемых объектов уступает вещевому комплексу, обнаруженному на памятнике, отнесенному к первой группе [Грязнов, 1956, с. 101, 103; Уманский, 1974, с. 142–144; Горбунов, 1993, с. 81–87; Егоров, 1993, с. 77–80; Горбунов, Демин, Ситников, 2004, с. 19–24].

Группа III – захоронение шести индивидов на памятниках БЕ-III (мог. 15), БЕ-ХII (мог. 34), БЕ-ХIV (мог. 31), Осинки (мог. 19, 21, 23). Для погребений третьей группы характерно отсутствие набора вооружения. В объектах зафиксированы наборный пояс (пряжки, поясные бляхи, выполненные в геральдическом стиле), украшения (бусы, серьги, подвески, гривны), предметы из кости и рога. Также в данной группе погребений чаще встречаются орудия труда (железные ножи и посуда) [Грязнов, 1956, с. 105; Савинов, Новиков, Росляков, 2008, с. 12–13].

Таким образом, с опорой на полученные данные был произведен анализ элитных погребений одинцовской культуры, который позволяет представить сложную структуру и организацию раннесредневековых обществ лесостепного Алтая. При выделении социально-типологических групп

погребений достаточно четко обозначилась не только имущественная дифференциация населения, но также различия в профессиональной деятельности умерших. Прежде всего обратим внимание на памятники «высшей» элиты (группы I, II). По материалам данных погребений, объединенных в рамках этих групп, фиксируется принадлежность умерших к двум основным «ветвям» элиты: княжеской и военной. Различное прижизненное положение людей отражено главным образом в соотношении предметов вооружения и «комплекса богатства». Фигура верховного правителя по-прежнему оставалась сакральной и отделенной от простых смертных. Поэтому, по всей видимости, погребения представителей высших слоев элиты до сих пор не известны исследователям. Так или иначе, вопрос не теряет свою актуальность по сей момент.

*Научный руководитель – В. В. Горбунов
д-р ист. наук, доцент,
Алтайский государственный университет*

Список литературы

Горбунов В. В. Грунтовый могильник с обрядом кремации Троицкий Елбан-1 // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 80–90.

Горбунов В. В., Демин М. А., Ситников С. М. Погребение воинов эпохи великого переселения народов на Верхнем Алее // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Труды гуманитарного факультета НГУ. Новосибирск, 2004. Сер. II. Вып. 1. С. 18–36.

Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 163 с.

Егоров Я. В. Новое исследование погребения воина эпохи великого переселения народов на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 77–80.

Савинов Д. Г., Новиков А. В., Росляков С. Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. 424 с.

Сергеев Н. Н. Элита раннесредневековых тюрок Саяно-Алтая (по материалам погребальных комплексов) // Краткие сообщения Института археологии. 2013. Вып. 229. С. 71–83.

Уманский А. П. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 136–149.

Уманский А. П. Памятники эпохи «Великого переселения народов» на Алтае // Урало-Алтайстика. Археология, этнография, язык. Новосибирск, 1985. С. 55–63.

The Social Elite of the Odintsovo Culture (Based on Materials from Burial Grounds)

M. A. Grib, O. A. Kachesova

When reconstructing the social history of ancient tribes, the study of “Elite” burial complexes is of particular importance. Excavations of such objects, despite the frequent cases of their robbery, provide the most informative materials. The article deals with the main aspects of research of the social elite of the Odintsovo culture. Determining the structure of the elite and the characteristics of the organization of the upper strata of society helps to clarify the level of development and the specifics of the structure of the society in question as a whole. That is why special attention is traditionally paid to the study of “elite” archaeological complexes. As a result of the analysis, a group of elite burials with the main characteristics was identified. The social elite of the Odintsovo culture was characterized by heterogeneity, which confirms the complex nature of the social organization of the ancient tribes of the 4th–8th centuries.

Keywords: social elite, burial complexes, Odintsovo archaeological culture, Forest-steppe Altai, reconstruction, analysis.

Гриб Максим Александрович

магистрант 1-го года обучения
Алтайский государственный университет
e-mail: 42209@mail.ru

Grib Maksim Aleksandrovich

Graduate student 1st year
Altai State University
e-mail: 42209@mail.ru

Качесова Ольга Александровна

магистрант 1-го года обучения
Алтайский государственный университет
e-mail: ka4esova99@mail.ru

Kachesova Olga Alexandrovna

Graduate student 1st year
Altai State University
e-mail: ka4esova99@mail.ru

УДК 903(571.5)

Проблема изучения хозяйственно-культурной адаптации мохэских мигрантов в Юго-Восточном Забайкалье

М. В. Герасева

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Проблема археологического изучения динамики хозяйственно-культурного уклада в зоне контактов лесостепного и таежного мира Восточного Забайкалья актуальна в связи с изучением вопроса этногенеза народов Приамурья и интерпретации особенностей материальных комплексов городищ при определении их этнической принадлежности. Полученный в ходе исследований городищ Шилкинской системы комплекс материалов, в том числе керамика, свидетельствует, вероятно, о том, что носители троичского типа мохэской археологической культуры мигрировали на рубеже I и II тыс. к западу от Зейско-Буреинской равнины, основного ареала, в верхнюю часть бассейна р. Амур, где на берегах р. Шилки и ее притока р. Черная представители этого тунгусоязычного этноса вступили в контакт с аборигенным населением – носителями, вероятно, бурхотуйской археологической культуры, известными по китайским хроникам как монголоязычные шивэй [Алкин, 2019, с. 90–91]. Цель исследования состоит в изучении проявлений в материальном комплексе городищ Шилкинской системы хозяйственной адаптации раннесредневековых мохэских мигрантов к новым экологическим условиям во взаимодействии с местным населением.

Важный аспект изучения темы связан со спецификой средневековых хроник, авторы которых переносили название доминирующего в регионе этноса на соседние народы, что наряду с высокой динамичностью историко-культурных процессов в Центральной Азии I тыс. н. э. имеет большое значение, в том числе для определения принадлежности памятников. Так, Е. В. Ковычев считает городища Шилкинской системы принадлежащими бурхотуйской культуре, аргументируя данную точку зрения, кроме летописных сведений, также наличием аналогий в материальной культуре шивэй и мохэ, интерпретируемые как свидетельство определенного родства [Ковычев, 1989, с. 22–23]. В. П. Алексеевым была отмечена высокая степень выраженности монголоидности у мохэ, но с развитием методического аппарата археологии результаты краниологических и палеогенетических исследований материалов Троицкого могильника позволили исключить родство мохэ с восточноазиатскими и дальневосточными монголоидами и считать их носителями морфологических признаков байкальской группы популяций и предками современных эвенов, эвенков, юкагиров и ряда других этносов [Алексеев, 1980; Археология, антропология... , 2008, с. 204].

Исследование динамики гончарных традиций населения Забайкалья и Приамурья показывает, что обнаружение в западинах жилищ на шилкинских городищах керамики с нетипичным для Юго-Восточного Забайкалья приемом декорирования – вафельным орнаментом – объясняется среднеамурским происхождением данной керамики, поскольку вафельный орнамент был в этом ареале чертой облика лепных сосудов михайловской археологической культуры раннего железного века и сохранился в культуре средневековых троичских мохэ [Кудрич, 2008; Вальченко, 2019, с. 163].

Важным источником о населении городищ выступают особенности фортификации. Естественная защита городища Витчиха, расположенного на вершине сопки, замкнутая прямоугольная оборонительная система из рвов и валов, и обнаружение следов высохшего источника недалеко от городища на Чудейском утесе указывают на то, что, поскольку характерной чертой рек Амурского бассейна являются большие площади прирусловых равнин, образованных отложениями, мохэские мигранты использовали утесы как естественные защитные ограждения при строительстве укреплений. В пользу мохэского происхождения городищ говорит и тот факт, что в других ареалах распространения бурхотуйской культуры следы фортификации отсутствуют. Во всех крупных городищах зафиксированы следы дренажной системы. Экспериментальным путем была установлена возможность наличия системы визуальной сигнализации между городищами – логично предположить, что, зная о возможности нападения, мохэ определенным образом организовали пространство [Возможности использования ... , 2012, с. 140; Алкин, 2019, с. 91; Бычков, 2015, с. 130].

Среди археоботанических материалов присутствуют семена таких культурных растений, как просо метельчатое, пшеница мягкая, преобладают семена гречихи посевной, что не характерно для просяного земледелия бохайцев юга Дальнего Востока. Неожиданным и перспективным открытием стало обнаружение большого количества семян мари белой в материалах Усть-Чернинского городища. Данное сорное растение могло использоваться в лечебных целях [Алкин, Сергушева, 2013]. Анализ остеологической коллекции городищ позволил заключить, что лошадей здесь разводили в том числе для забоя на мясо, а разведение коров имело молочно-мясное направление [Васильев, Алкин, 2017, с. 161]. Ряд находок из городищ Усть-Чернинское и Сивачи свидетельствуют о выплавке железа их населением. Среди источников информации о хозяйственных занятиях проживающего здесь коллектива интересна также находка фрагмента керамического пряслица [Алкин, 2019, с. 91].

Таким образом, анализ карбонизированных семян и костных остатков позволяет проследить изменение ресурсной базы жизнеобеспечения, традиционной для мохэ. Формирование системы Шилкинских городищ связано с

характером контактов между двумя различными этносами и использованием ландшафтных особенностей, оно предусматривает необходимость создания запасов и отведения воды в случае осады при конфликте с местным населением. Особенности фортификации явно указывают на дальневосточный характер происхождения населения городищ. Широко применявшиеся на Среднем Амуре приемы сооружения жилищ типа полужемлянки, использование печи для отопления помещения и применение бересты для изоляции углов в жилищах впервые отмечаются в Забайкалье с рубежа I–II тыс. н. э., что позволяет реконструировать систему жизнеобеспечения населения городищ и подтверждает гипотезу об их мохэской принадлежности.

*Научный руководитель – С. В. Алкин
канд. ист. наук, доцент,
Новосибирский государственный университет*

Список литературы

- Алексеев В. П. Материалы по краииологии мохэ // Палеоантропология Сибири. М., 1980. С. 106–129.
- Алкин С. В. Археология среднего и нижнего течения реки Шилка в Верхнем Приамурье на Дальнем Востоке России: история изучения и современное состояние // 2019 Asian Archaeology Кукчэ хаксуль симпозиум: Россия кыкдоный сонса-чунсэсидэ когомунхва ёнгу, кы сонгава чонман = Изучение древней и средневековой археологии и культуры Дальнего Востока России: результаты и перспективы : материалы Междунар. симп. 2019 Asian Archaeology. Тэджон, 2019. С. 90–105.
- Алкин С. В., Сергушева Е. А. Семена мари белой (*Chenopodium album*) в культурных отложениях Усть-Чернинского городища // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2013 г. Новосибирск, 2013. Т. XIX. С. 164–167.
- Археология, антропология и палеогенетика Троичского могильника (культура мохэ): первые результаты комплексного анализа / С. В. Алкин, Т. А. Чикишева, М. А. Губина, И. В. Куликов // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций. СПб., 2008. Т. 1. Археология. Адаптационные стратегии древнего населения Северной Евразии: сырье и приемы обработки. С. 202–207.
- Бычков Д. А. Новые свидетельства использования сигнальных кострищ на городище Усть-Черная // Материалы LV Рос. археол.-этнограф. конф. студентов и молодых ученых. Иркутск, 23–27 марта 2015 г. Иркутск, 2015. С. 129–130.
- Вальченко В. Е. Шилкинская керамическая коллекция Дальневосточной археологической экспедиции 1954 года: анализ и интерпретация // Материалы LX Рос. археол.-этнограф. конф. студентов и молодых ученых. Благовещенск; Хэйхэ, 2019. С. 162–163.
- Васильев С. К., Алкин С. В. Фаунистические остатки из средневекового Усть-Чернинского городища в Юго-Восточном Забайкалье // *Universum Humanitarium*. 2017. № 2 (5). С. 150–162.
- Возможности использования зрительных сигналов населением городищ на реке Шилка / А. А. Суворова, Е. И. Вебер, М. Е. Кузнецов, А. Анохин // Материалы докладов LI Региональной (VIII Всерос. с междунар. участием) археол.-этнограф. конф. студентов и молодых ученых, посвященной 50-летию гуманитарного фак-та НГУ «Археология, этнография, антропология Евразии. Исследования и гипотезы». Новосибирск, 2012. С. 233–234.
- Ковычев Е. В. Этническая история Восточного Забайкалья в эпоху средневековья (по археологическим данным) // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. Новосибирск, 1989. С. 21–27.
- Кудрич О. С. Керамические традиции населения Приамурья в древности и средневековье. Сравнительный анализ : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2008. 17 с.

Cultural and Economic Adaptation of the Mohe Migrants in the Southeastern Transbaikalia

M. V. Geraseva

Material collection of the fortified sites on the Shilka river belongs to Mohe migrants who came to Southeast Transbaikalia in the end of 1st AD. The article discusses the content of the processes of adaptation to new environmental conditions. Means of adaptation are adaptation of tools, dwellings, clothes, changes in diet and nutrition patterns. The early medieval material culture of the Mohe migrants contains the marks of changing the habitat conditions. The settlement system and the organization of housing space are associated with the nature of interaction with the neighbouring ethnic groups.

Keywords: economic adaptation, mohe, Amur, Shilka River, migration.

Герасева Мария Валерьевна

студент 4-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: 14mariger@mail.ru

Geraseva Mariya Valerievna

Student 4th year

Novosibirsk State University

e-mail: 14mariger@mail.ru

Хозяйственно-бытовая деятельность населения Краскинского городища*

Н. Е. Кушнарев¹, А. С. Малышев^{1,2}

¹Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия

²Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

*Работа выполнена по гранту РНФ № 20-18-00081
«Археология Дальнего Востока России»

Домохозяйства (жилища и хозяйственные дворы) являются основой экономики городищ и поселений. На археологических памятниках хозяйство определено социальной структурой и демографией населения, что отражается в формах деятельности, оптимизации использования пространства в жилищах и прилегающих хозяйственных зонах. Изучение хозяйственной деятельности древних обществ невозможно осуществлять без рассмотрения различных маркеров, отражающих уровень социально-экономического развития населения, поэтому исследование опиралось на материалы изучения жилых и хозяйственных построек.

Целью рассмотрения хозяйственно-бытовой деятельности населения Краскинского городища является выявление связей между формами, площадью, устройством жилищ с условно выделенными хозяйственными дворами и повседневной жизнью населения. Это предполагает решение нескольких задач: изучение параметров и материалов жилищ из разных строительных горизонтов, анализ пространственного распределения предметов хозяйства и быта в жилищах и хозяйственных дворах, рассмотрение изменчивости использования хозяйственных зон в разных строительных горизонтах.

Исследование опирается на материалы из Краскинского городища, которое находится в Хасанском районе Приморского края, в приустьевой части правобережной долины р. Цукановка, впадающей в бухту Экспедиции. Культурный слой относится к археологической культуре государства Бохай (698–926 гг.), а само городище являлось центром округа Янь столичной области Восточной столицы [Города средневековых ... , 2018, с. 79]. Памятник исследовался с 1980 г. археологическим отрядом Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН под рук. В. И. Болдина, с 2008 г. – под рук. Е. И. Гельман. За время раскопок были изучены храмовый комплекс, часть жилых кварталов, устройство крепостного вала и восточных ворот. Период последних двух десятилетий отмечился значительными изменениями в методах изысканий на памятнике – была отработана методика изучения и фиксации жилищ и хозяйственных объектов, благодаря чему выявлены 5–6 строительных горизонтов, увеличился спектр применяемых естественно-научных методов и анализов, их использование стало системным, нацеленным на решение конкретных задач и проблем.

За период 2005–2018 гг. на памятнике было частично или полностью раскопано 28 жилищ в жилых кварталах. Данные результаты получены из северо-западной части памятника, на которой было заложено большинство раскопов [Отчет об ... , 2010; Археологические ... , 2011; Археологические ... , 2018; Археологические ... , 2019].

Общая характеристика жилищ и хозяйственных сооружений. Важной особенностью изучения жилищ на Краскинском городище является то, что строения из более новых горизонтов наслаиваются на старые. Это затрудняет идентификацию построек.

Средняя площадь жилищ по горизонтам следующая – в 5-ом горизонте площадь составляет 14,5 м², в 4-ом горизонте – 21,4 м², в 3-ем горизонте – 23,4 м², во 2-ом – 23,6 м², в 1-ом – 56,5 м². Жилища ориентированы согласно

общей планировке городища – город поделен на прямоугольные кварталы относительно центральной оси памятника [Гельман, Асташенкова, 2018, с. 28]. Соответственно, жилища внутри кварталов в большинстве своем также ориентированы по сторонам света, с выходами на север, юг, северо-восток, юго-восток, северо-запад и юго-запад. Наземные жилища могли немного заглубляться в зависимости от участка.

Нижний горизонт содержит только жилища-полуземлянки с открытыми очагами, все остальные горизонты – наземные или немного углубленные с кановой отопительной системой. В некоторых жилищах прослежены каменные фундаменты – основания под стены жилищ. В районе дымоходных каналов внешняя каменная стенка внешнего канала одновременно являлась основанием для стен. Жилища верхнего горизонта в некоторых случаях оснащались предвходовыми конструкциями, которые могли являться навесами или тамбурами. Площадь такой зоны составляла от 1 до 6,4 м².

Каны в наземных жилищах имели П-образную форму, преимущественно с двумя каналами и одним или двумя очагами. В большинстве случаев размер секций кана был пропорционален размеру жилища. В свою очередь, площадь и мощность очагов кана не коррелируют с размерами жилища. Их размеры начинаются от 60×40 см и мощностью заполнения около 20 см и доходят до диаметра в 1 м. Встречен один случай с очагом 192×150 см и мощностью до 34 см, состоящий из наслоения двух очагов со следами производственной деятельности.

Пространственное распределение остатков хозяйственно-бытовой деятельности. Концентрация артефактов и экофактов в жилищах представляется следующей. Скопления керамики и развалов сосудов наблюдаются в большинстве случаев в углах и вдоль стенок жилища, отдаленных от входа. Экофакты распространены с максимальной концентрацией в пределах 1,6 м от очагов, наблюдаются отдельные скопления створок моллюсков или костей животных в хозяйственных ямах, которые зачастую располагаются в направлении от очага к выходу из жилища. Индивидуальные находки, представленные хозяйственно-бытовыми предметами, преимущественно распространяются от центра жилища к стенам. Предметы домашних ремесел (косторезного дела, ткачества, обработки камня, использование камней в качестве ударных орудий для хозяйственных нужд) [Гельман, 2020, с. 87], напротив, распространены в более удаленных от центра жилища местах, ближе к стенкам и углам.

В прилегающих к жилищам зонах (хозяйственных дворах) обнаружены различные хозяйственные объекты – ямы, наземные постройки, навесы. Под конструкциями навесов и в остатках хозяйственных дворов выявлены скопления крупных сосудов и корчаг, которые вкапывались в землю жителями перед входами в жилище. Редким явлением пока можно считать вкапывание сосудов в жилищах. Также стоит отметить, что в заполнении хозяйственных ям, нередко обмазанных глиной, расположенных в жилищах и хозяйственных дворах, сосредоточены большие скопления керамики и экофактов. Некоторые ямы имеют навесы.

В жилищах и других хозяйственных постройках были обнаружены различные предметы быта – инструментарий, промысловые и сельскохозяйственные орудия, принадлежности для игр, мелкая глиняная пластика, украшения, поясная гарнитура, предметы религиозных культов.

Таким образом, можно говорить о некоторых закономерностях используемого пространства внутри жилищ Краскинского городища. Домашняя хозяйственная деятельность могла осуществляться вблизи очагов и в районе кана. Под ремесленные занятия отводились зоны вблизи стен жилища. Под хранение посуды, вероятно, выделялись угловые зоны. Остатки хозяйственной деятельности и бытовой мусор могли скапливаться около выхода из жилища. Вне жилища, перед входом, в верхнем строительном горизонте располагалась крупная тарная посуда, нахождение которой на открытом пространстве, возможно, было сезонным для жидких продуктов, что могло быть вызвано использованием различных видов пищевых ресурсов и разнообразием способов их приготовления, консервации и хранения [Роль растений ... , 2019, с. 36]. Предварительные этапы обработки пищи, такие как разделка туш животных или, например, первичная термическая обработка моллюсков [Лещенко, Раков, Болдин, 2002, с. 47], также могли происходить вне жилища.

Для более глубокого понимания и оценки хозяйственно-бытовых процессов, происходивших в жилищах бохайского населения, в перспективе необходимо привлекать данные демографических реконструкций. Это позволяет выявить динамику населенности городища в разных строительных горизонтах, а также отслеживать адаптационные стратегии и способы взаимодействия между членами домохозяйства или нескольких домохозяйств в разные периоды существования памятника. Пока мы можем только предполагать, что, судя по увеличению площади жилищ, благосостояние населения возрастало.

*Научные руководители – Ю. Е. Вострецов
д-р ист. наук, вед. науч. сотр.,
рук. группы изучения палеоэкологии человека сектора
первобытовой археологии,*

Household Activities of the Population of the Kraskino Walled Town

N. E. Kushnarev, A. S. Malyshev

The paper is devoted to the analysis of the spatial distribution of household deposits in dwellings and household yards of the Kraskino walled town, a reference site of Bohai State (698–926 AD). The studied data were obtained in the course of work in 2005–2018 in the territory of the Khasansky district in the south of the Russian Maritime province and originate from 6 identified building horizons in the northwestern part of the site. Certain patterns of use of space in dwellings and utility yards (ground structures, pits of different sizes, sheds) have been determined. Dwelling space includes cooking area close to hearth and heating system, craft areas near around the walls and pottery storage zones in corners of dwelling. In the higher horizon near the exit there was a season place for large pottery. Also, food pretreatment zone, perhaps was placed outside the dwelling.

Keywords: Bohai State, Primorye, Kraskino walled town, spatial statistics, economy, dwellings, household yard.

Кушнарев Никита Евгеньевич

аспирант, старший лаборант
Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН
e-mail: nekitkushnarev@mail.ru

Мальшев Александр Сергеевич

магистрант 1-го года обучения
Дальневосточный федеральный университет
старший лаборант
Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН
e-mail: alexandrm463@gmail.com

*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН,
Е. И. Гельман
канд. ист. наук, доцент, вед. науч. сотр.,
зав. сектором раннесредневековой археологии,
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего
Востока ДВО РАН*

Список литературы

Археологические исследования российско-корейской экспедиции на Краскинском городище в российском Приморье в 2010 году / Е. И. Гельман, Е. В. Асташенкова, В. И. Болдин, А. Л. Ивлиев, Н. В. Лещенко. Сеул : Фонд изучения истории Северо-Восточной Азии, Республика Корея ; ИИАЭ ДВО РАН, 2011. 396 с. (на кор., рус. яз.).

Археологические исследования на Краскинском городище в Приморском крае в 2015 году / Е. И. Гельман, Ким Ын Гук, Чжун Сук-Бэ, Е. В. Асташенкова, Я. Е. Пискарева, А. Ю. Санафеев. Сеул : Фонд истории Северо-Восточной Азии ; Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2018. 669 с. (на кор., рус. яз.).

Археологические исследования на Краскинском городище в Приморском крае России в 2018 году / Е. В. Асташенкова, Я. Е. Пискарева, Ким Ын Гук, Чжун Сук-Бэ. Сеул, 2019. 631 с. (на кор., рус. яз.).

Гельман Е. И. Ремесла бохайцев (по материалам Краскинского городища) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и Дальнем Востоке. 2020. № 3 (53). С. 75–92.

Гельман Е. И., Асташенкова Е. В. Городская культура в государстве Бохай // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 24–46.

Города средневековых империй Дальнего Востока / отв. ред. Н. Н. Крадин. М. : ИВЛ, 2018. 367 с.

Лещенко Н. В., Раков В. А., Болдин В. И. Морское собирательство и рыболовство по материалам археологических исследований Краскинского городища // Россия и АТР. 2002. № 1 (35). С. 45–49.

Отчет об археологических раскопках на Краскинском городище Приморского края в 2008 году // Е. И. Гельман, В. И. Болдин, Е. В. Асташенкова, А. Л. Ивлиев, Н. В. Лещенко, Кан Ин Ук, Ким Ын Гук. Сеул, 2010. 535 с. (на кор., рус. яз.).

Роль растений и животных в системе жизнеобеспечения населения Краскинского городища / Е. И. Гельман, В. Е. Омелько, М. С. Ляшевская, С. В. Баштаник, О. В. Бондаренко, В. А. Раков, О. А. Еловская // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. № 3 (49). С. 31–38.

Разнообразие погребальных практик в южной части побережья Перу (культуры чирибайя, тиуанако)

Е. А. Еремеева

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Существовавшие на территории Тихоокеанского побережья Южной Америки культуры и их оригинальные погребальные комплексы являются важным источником информации для понимания их ритуальных и социальных особенностей. Цель данной работы и специализации автора в целом – систематизация результатов исследований и характеристика основных проблем и перспектив дальнейшего изучения доиспанских погребальных традиций региона. Ниже будут представлены результаты исследований двух культур, наследие которых оказало заметное влияние на всю историю южной части перуанского побережья.

Культура чирибайя (Chiribaya) развивалась в период с 700 г. н. э. по 1360 г. н. э. Данная культура известна своими керамическими изделиями с полихромными узорами и уникальным способом погребений [Martinson, Reinhard, Buikstra, 2003]. За последние тридцать лет перуанским и европейским археологам удалось получить внушительный объем информации о чирибайя и среде их обитания. Среди недавно исследованных районов – поселения в долине р. Тамбо, регион Арекипа.

Впервые выделил культуру чирибайя в 1956 г. перуанский исследователь Умберто Герси Баррера. У. Герси раскопал 7 стоянок в долине р. Осмор, по материалам которых он подробно описал керамику со сложными орнаментами и сохранившиеся ткани с зооморфными орнаментами. Стоянки чирибайя зафиксированы от побережья Тихого океана до поселений, находящихся на высоте 3 тыс. м над уровнем моря. Только в районе Ило на сегодняшний день обнаружена 21 стоянка с захоронениями [Knudson, 2004, p. 8]. Основная область распространения чирибайя – долина р. Осмор, расположенная на расстоянии около 80 км к юго-востоку от долины р. Тамбо. Результаты исследований доказали, что в долинах этих рек существовало условное разделение типов поселений, основывающееся на специализации жителей: рыбаки, фермеры и пастухи. Жители этих зон обменивались ресурсами, и примечательно, что ни одна из групп явно не доминировала над другими.

Одними из первых исследований чирибайя, проведенных в долине р. Тамбо, были раскопки на стоянке Эль-Пино (El Pino). Результаты этих раскопок позволили проследить детали погребальных обрядов, а анализ инвентаря раскрыл некоторые особенности и специфику социальной структуры чирибайя [Kołomański, 2018, p. 136].

Основной особенностью погребений чирибайя являлись положение тела и его подготовка к захоронению. Умерших укладывали в положение «спящего младенца», руки складывали на лицо или колени, известны также «сидячие погребения» [Bewziuk, Krysińska-Kałużna, 2016, p. 27]. На тело покойного сначала надевали «унку» (длинную шерстяную рубашку без рукавов) и затем покойного оборачивали в несколько слоев текстиля. Вместе с погребенным часто заворачивали различный инвентарь. Это могли быть гарпуны, наконечники дротиков из кварца, керамические зооморфные сосуды и др.

Другой отличительной чертой погребальных практик чирибайя являлись необычные обские захоронения людей и собак. Открытие это связано с исследованиями антрополога Сони Гильен. В регионе г. Мокегуа было обнаружено 42 таких коллективных погребения. По сопровождающему инвентарю были сделаны выводы о принадлежности захоронений тем поселениям чирибайя, которые специализировались на пастушеском хозяйстве лам. Перуанские пас-

тушь овчарки были важным элементом культуры чирибайя, так как при разведении лам человеку были необходимы помощники. Факт захоронения собак по особому ритуалу являлся показателем отношения человека к животному.

Южнее, на территории северной части Чили и западной части Боливии, к числу наиболее развитых культур относится тиуанако – доиспанская индейская культура с центром в одноименном городе Тиуанако, в 15 км южнее оз. Титикака. Археологический интерес к культуре возник еще в XIX в. Первые исследование и чертежи этих комплексов были выполнены Эфраимом Сквайром. Другой ученый, немецкий археолог Макс Уле, впервые посетил памятник в 1894 г., подробно описал его и оставил после себя зарисовки Тиуанако. Первые полноценные раскопки провел в 1930-е гг. американский археолог Уэнделл Беннетт, он же первым разработал хронологию культуры. Последние исследования были проведены такими археологами, как Алан Колата, Марк Берманн и Джон Янушек. Финский археолог А. Корписаари заметил, что пока материалов о погребальных практиках тиуанако опубликовано очень мало, что предопределяет необходимость в таких исследованиях [Seifert, 2009, p. 2].

Специалисты выделяют четыре периода развития тиуанаку:

1. Формирование – 1600 г. – 800 г. до н. э.
2. Прегородской – 800 г. до н. э. – 45 г. н. э.
3. Классический – 45 – 700 г. н. э.
4. Имперский – 700 – 1180 г. н. э.

Известно, что погребения тиуанаку довольно просты по сравнению с их сложной архитектурой. Погребения имеют ряд маркеров, которые позволяют интерпретировать социальный статус умерших. Встречаются простые погребения в ямах, гробницы с каменной облицовкой и жертвенные погребения, например такие памятники, как Пампа Бланка, Пампиля-2, -3, -4. Чаще всего эти захоронения представляли собой простые ямы глубиной в метр и менее или «колодцы», выложенные камнем, и содержали одно первичное захоронение в сопровождении нескольких керамических сосудов [Blom, Janusek, 2004, p. 106]. Во многих случаях именно посуда и конструкция гробниц являются единственными признаками, говорящими об относительном богатстве захоронения.

Несомненно, важнейшим элементом погребальной традиции культуры тиуанако являются жертвенные захоронения. Наиболее внушительное монументальное сооружение находится в церемониальном центре Тиуанаку – Акапана – оно состоит из многоуровневых террас и использовалось в течение примерно пятисот лет (ок. 500–1000 гг. н. э.) в качестве места жертвоприношений [Isbell, Korpišaari, 2012, p. 105]. Значительную часть среди подношений занимали останки расчлененных человеческих тел, лам и альпак. Одно из найденных погребений включало части туловищ от спины до колен двух мужчин в возрасте 16–24 лет. Сопровождающий инвентарь состоял из сломанной курительницы, части обсидианового наконечника и бусины, а также двух сочлененных скелетов лам.

Таким образом, накопленный на данный момент интереснейший археологический материал позволяет реконструировать особенности хозяйства, промыслов и погребальных практик двух соседствующих в определенный промежуток времени культур. С другой стороны, необхо-

димы дальнейшие исследования, которые помогут ответить на такие вопросы, связанные с представленными культурами, как баланс между присваивающим и производящим элементами в экономике чирибайя, закономерности погребальных практик и развитие типологии погребений у тиуанаку, а также формат взаимоотношений с соседними культурами в Южной части перуанского побережья.

*Научный руководитель – А. В. Табарев,
д-р ист. наук, вед. науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Список литературы

Bewziuk E., Krysińska-Kaluźna M. Investigación arqueológica en la porción baja del valle del Tambo // The Latest Results of American Studies. Wrocław, 2016. P. 27–28.

Variety of Burial Practices in the Southern Part of the Peruvian Coast (Chiribaya and Tiwanaku Cultures)

E. A. Eremeeva

Funerary archaeology is a special method of social analysis that can be used to expand knowledge about the cultures being studied. The Chiribaya culture developed in the southern part of the coast of Peru and is known for its ceramic products with polychrome patterns and a unique method of burial. The main area of chiribaya distribution is the Osmore River valley, located at a distance of about 80 km to the southeast of the Tambo River Valley. The Tiwanaku civilization is known for its temple complexes and sacrifices. Tiwanaku burials are known to be quite simple compared to their complex architecture. Burials have a number of markers that allow us to interpret the social status of the deceased. There are simple burials in pits, tombs with stone lining and sacrificial burials. In conclusion, it should be noted that further research is needed, which will allow us to study each of the cultures in more detail.

Keywords: South America, Chiribaya culture, mortuary practices, Tiwanaku, ritual burials.

Еремеева Екатерина Андреевна
студент 3-го курса
Новосибирский государственный университет
e-mail: e.eremeeva@g.nsu.ru

Blom D. E., Janusek J. Making place: humans as dedications in Tiwanaku // World Archaeology. 2004. Vol. 36. P. 123–141.
Isbell W. H., Korpisaari A. Burial in the Wari and the Tiwanaku Heartlands // Diálogo Andino. 2012. N 39. P. 91–122.
Kolomański T. Kultura Chiribaya z Doliny Tambo. Warszawa, 2018. 328 p.
Knudson K. J. The Use of Strontium Isotope Analysis to Investigate Tiwanaku Migration and Mortuary Ritual in Bolivia and Peru // Archaeometry. 2004. N 46. P. 5–18.
Martinson E., Reinhard K. J., Buikstra D. E. Pathoecology of Chiribaya Parasitism // Memórias do Instituto Oswaldo Cruz. 2003. Vol. 98. P. 195–205.
Seifert K. Burial Practices of the Tiwanaku: A Comparative Analysis of Skeletal Remains. Wisconsin, 2009. 38 p.

Eremeeva Ekaterina Andreevna
Student 3rd year
Novosibirsk State University
e-mail: e.eremeeva@g.nsu.ru

УДК 903.01/.09

Роговые подпружные пряжки из древнетюркского погребального комплекса Маркелов Мыс 2: морфологический и технологический анализ

И. С. Половников

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

*Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 20-18-00111)

Конь занимал важное место в повседневной жизни, религиозных представлениях и ритуалах средневековых тюркоязычных племен, после смерти хозяина он должен был доставить его в загробный мир [Нестеров, 1990, с. 84]. Одним из важных элементов экипировки верхового коня являлась подпружная пряжка, которая позволяла застегивать ремень подпруги, охватывающий корпус лошади для удержания седла. Подпружная пряжка состоит из двух основных частей: рамки и фиксатора (подвижный язычок с крепежным штифтом или неподвижный шпенек).

В средневековых погребениях с конем подпружные пряжки относятся к массовым категориям сопроводительного инвентаря. Для юга Западной Сибири А. П. Бородовским были выявлены две технологические особенности изготовления пряжек в эпоху раннего железного века. Первая (ранняя), при помощи высверливания, получила распространение со второй половины I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э. (памятники Быстровка-1, Булан-Коба-II). Вторая (поздняя) – при помощи прорубания и прорезания. Она приходится на древнетюркскую эпоху (на примере пряжки «сросткинского» типа, могильник Усть-Чоба-I) [Бородовский, 1997, с. 101].

В данной работе приведены результаты сравнительного анализа технологических характеристик изготовления подпружных пряжек древнетюркского времени с территории Хакаско-Минусинской котловины.

В настоящее время при обращении к данным элементам экипировки верхового коня используется классификация, предложенная Б. Б. Овчинниковой, которая взяла за основу таксономическую схему, разработанную И. Л. Кызласовым [1983, с. 20]. Это группа (материал изготовления) – разряд (принцип крепления язычка к ремню) – раздел (общий контур) – отдел (наличие вырезов по бортикам) – тип (оформление внешнего края верхней рамки). Причем Б. Б. Овчинникова отметила, что все экземпляры древнетюркских подпружных пряжек были изготовлены исключительно из рога, кость не использовалась [1990, с. 113, 114].

А. П. Бородовский, изучивший большой массив предметов из рога и кости Западной Сибири, уточнил, что в Южно-Сибирском регионе сырьем для их изготовления служили в основном лосиный рог или широкие разветвления рога марала [1997, с. 101].

Археологический комплекс Маркелов мыс 2 расположен в 7 км севернее с. Новоселово (Новоселовский р-н, Красноярский край). Подпружные пряжки (4 экз.) были обнаружены в погребениях с конем в курганах № 9, 34, 69, 71 данного могильника [Митько, Тетерин, 1998].

Экземпляр 1 из кургана № 9 – прямоугольно-вытянутая одинарная пластина с одним овальным и противоположным прямым концом, со сплошным вертикальным вырезом в середине, замыкающимся с двух концов горизонтальными прорезями (7×4,4×1,9 см). Щиток с преобла-

данием трапециевидной формы, рамка имеет округловое завершение, язычок отсутствует. Заготовка была получена от плоского участка лопаты лосиного рога или широкого разветвления рога марала. Лицевая (выпуклая) сторона изделия представлена компактной тканью рога, на обратной стороне в средней части изделия, частично поврежденной, прослеживается губчатое вещество.

Экземпляр 2 из кургана № 34 типологически близок к первому экземпляру (6,5×4,45×1,8 см), однако на нем присутствует роговой подвижный язычок, прикрепленный железным штифтом. Заготовкой для изделия послужила та же часть рога, что и для первого экземпляра. Передняя (выпуклая) сторона пряжки состоит из пораженной компактной ткани, обратная сторона – из губчатого вещества. К сожалению, поверхность пряжки разрушена настолько, что какие-либо следы обработки или изнашивания обнаружить не удалось.

Экземпляр 3 из кургана № 71 вместе с экземплярами 1 и 2 также входит в один типологический раздел (9,1×4,4×1,8 см). Вырез для язычка Т-образной формы в овальной части не пересекается с горизонтальной прорезью, и отчетливо заметен плавный переход от рамки к щитку. Как для первых двух экземпляров, заготовкой также послужила одинарная пластина из рога.

Экземпляр 4 из кургана № 69 – прямоугольно-вытянутая двойная пластина (5,1×4,3×1,6 см) с вырезом для язычка Т-образной формы, как у экземпляра 3. Заготовкой для пряжки послужила двойная роговая пластина участка лопаты лосиного рога. По своим физическим характеристикам он отличается повышенной твердостью, изломо- и износостойкостью, что свидетельствует о том, что рог является превосходным материалом для изготовления предметов, выдерживающих высокие нагрузки [Панковский, 2016, с. 1004]. А. П. Бородовский проследил цепочку технологических операций обработки двойной роговой пластины [1997, с. 97, табл. 50: 1, 51: 1], которую можно дополнить по результатам анализа пряжек из курганов могильника Маркелов Мыс 2. Также в поставленных им экспериментах было отмечено, что место под отверстие крепежного штифта для язычка наиболее разумно делать в мягком, легко обрабатываемом губчатом веществе [Там же, с. 97]. По этой причине на экземплярах 1 и 2 место крепления железного штифта с мягким губчатым веще-

ством оказалось разрушенным (следовательно, здесь артефакты испытывали наибольшую нагрузку).

Отмечая следы обработки на экземплярах 1, 3, 4, можно заключить, что в обработке пряжек было задействовано несколько инструментов: сверло, скобель, строгальный и режущий нож, абразив. Стоит подчеркнуть, что при использовании ножа (на экземплярах 1, 3, 4) фиксируются следы от лезвия в местах расширения и соединения просверленных каналов. Восстанавливая последовательность технологических операций, выделяются следующие этапы изготовления пряжек:

- разметка;
- преобразование общего контура заготовок с помощью строгального ножа и, вероятно, грубого абразива;
- сверление сквозных отверстий в местах выреза под расположение язычков и ремней;
- расширение и соединение предварительно просверленных каналов с помощью строгального ножа;
- окончательная шлифовка и полировка на завершающем этапе работы с пряжками.

В заключение следует отметить необходимость проверки трасологического анализа изготовлением экспериментальных образцов. Это позволит не только подтвердить правильность наблюдений в последовательности технологической цепочки, но и дать оценку эффективности инструментов.

Список литературы

- Бородовский А. П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н. э. – первая половина II тыс. н. э.). Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 1997. 224 с.
- Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири. X–XIV вв. // САИ ЕЗ-18. М., 1983. 128 с.
- Митько О. А., Тетерин Ю. В. О культурно-дифференцирующих признаках древнетюркских погребений на Среднем Енисее // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск, 1998. Т. 1. С. 396–404.
- Нестеров С. П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск : Наука, 1990. 143 с.
- Овчинникова Б. Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск : УрГУ, 1990. 223 с.
- Панковский В. Б. Структурно-сырьевая и следоведческая экспертиза костяных и роговых объектов из могильника Глиное // Тельнов Н. П., Четвериков И. А., Синика В. С. Скифский могильник III–II вв. до н. э. у с. Глиное. Кишинев, 2016. С. 1003–1038. (Археологические памятники Приднестровья III).

Horn Girth Buckles from the Ancient Turkic Burial Complex Markelov Mys 2: Morphological and Technological Analysis

I. S. Polovnikov

This publication presents a short summary of the manufacture of girth buckles from the burial complex of the site Markelov Mys 2 (burial mounds No. 9, 34, 69, 71). The site Markelov Mys 2 is located 7 km north of the village. Novosyolovo (Novoselovsky district, Krasnoyarsk krai). Noting the traces of processing on artifacts 1, 3, 4, it can be noted that several tools were involved in the processing of the buckles: a drill, a scraper, a planing and cutting knife, an abrasive. Restoring the sequence of technological operations, the following stages of buckle manufacturing can be distinguished: markup; transformation of the general contour of the workpieces using a planer knife and probably a coarse abrasive; drilling through holes in the cutouts for the location of the tongues and belts; with the help of a planer knife, the pre-drilled channels were expanded and connected; at the final stage of working with the buckles, their final grinding and polishing was carried out.

Keywords: the Altai-Sayan region, Khakassia, the Early Middle-Ages, Turks, horn girth buckles, methods of fabrication.

Половников Иван Сергеевич

аспирант 2-го года обучения
Новосибирский государственный университет
лаборант
Лаборатория гуманитарных исследований
e-mail: polis.sib@gmail.com

Polovnikov Ivan Sergeevich

Graduate 2nd year
Novosibirsk State University
Assistant
Laboratory of Humanitarian Research
e-mail: polis.sib@gmail.com

Граненые сосуды из драгоценных металлов эпохи средневековья*

Ю. А. Солод

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

*Исследование проведено в рамках реализации государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021)

Посуда из драгоценных металлов является одним из наиболее ярких явлений материальной культуры средневековых народов Южной Сибири. Ее изучение позволяет раскрыть многогранность и сложность процессов межкультурного взаимодействия. К настоящему времени проведена работа по обобщению находок, хранящихся в коллекциях отечественных музеев страны, и сформирован свод источников для их дальнейшего изучения. Вся совокупность сосудов классифицирована, выделено шесть типов, что позволяет выявить хронологическую последовательность бытования отдельных из них, этнокультурную принадлежность, а также основные направления торгово-экономических связей. Особый интерес представляют сосуды пятого типа, отличающиеся изящной формой и декоративными элементами. Несмотря на малочисленность находок и вариативность стилистического оформления, существует достаточно устойчивая совокупность морфологических признаков, присущих этому типу. К ним относятся конусовидная форма, широкие грани, расширяющийся кверху венчик, низкий конический поддон и ручка [Солод, 2020].

Наиболее известной находкой является серебряный сосуд, именуемый в литературе «чаркой». Он происходит из могильника «Над Поляной», расположенного на северном склоне Афанасьевой горы около с. Батени (левый берег р. Енисей). Сосуд был обнаружен в 1964 г. Красноярской археологической экспедицией, руководимой М. П. Грязновым [Гаврилова, 1968]. Площадь разрушенного грабителями могильника занимали две группы расположенных на расстоянии друг от друга могил, отличающихся обрядом погребения. Находка была зафиксирована в 5 м от погребений с трупосожжением, вероятно, в могильном выкиде. По предположению А. А. Гавриловой, «граненая чарка» могла находиться в богатом погребении, принадлежащем кыргызской знати. Изделие богато орнаментировано: каждая из восьми граней имеет сюжетную композицию, причем повторяющиеся парные позолоченные рисунки расположены зеркально друг другу. Ребра и венчик сосуда – рубчатые. На нижней части поддона нанесен орнамент в виде плотно прилегающих друг к другу лепестков. Отдельного внимания заслуживает ручка. Возможно, она была круглой, но отломилась, а края изломов заглажены. Осталась неповрежденной горизонтальная накладка, украшенная рельефным изображением бабочки или пчелы. Сюжетные аналогии позволяют отнести чарку к концу IX – началу X в. [Там же]. По окружности поддона нанесена надпись, относящаяся к раннему типу уйгурской письменности. Одним из вариантов перевода является: «Держа сверкающую чашу, я сполна (или: я, Тольг) обрел счастье». Палеографические особенности позволили датировать надписи VIII–XI вв. [Щербак, 1968].

Другой сосуд этого типа известен благодаря научным изысканиям Д. Г. Мессершмидта на территории Сибири. Рисунки «серебряного кубка с ручкой» сохранились в рукописном сочинении *Sibiria perlustrata*. Согласно дневниковым записям исследователя, он был найден в церковной ризнице Караульного острога среди вещей, происходящих из курганов Среднего Енисея [Тункина, Савинов, 2017, с. 86]. Форма сосуда подобна предыдущему экземпляру, однако имеются отличия в оформлении. Каннелированные грани обрамлены рядом мелкого жемчужника, который также отделяет отогнутый венчик. Края низкого поддона

украшены более крупными жемчужинами. Придонная часть декорирована орнаментом в виде лепестков лотоса. Ручка выполнена в виде кольца с язычком и щитком, украшенным двумя мужскими головами, изображенными зеркально в профиль [Смирнов, 1909, рис. 115].

Помимо археологически целых сосудов, можно отметить отдельные фрагменты, которые также относятся к пятому типу. Так, в погребении с конем в кургане Наинтэ-Сумэ в районе р. Тола в Монголии зафиксирован разрушенный шестигранный венчик сосуда. Примечательно, что рядом с ним была найдена литая ручка в виде головы грифона [Боровка, 1927]. Есть все основания полагать, что эти части от одного сосуда и в данном случае по оформлению ручки мы можем говорить о вариативности пятого типа.

Еще две аналогичные ручки были найдены на территории Южной Сибири. Одна из них обнаружена в 1989 г. при раскопках погребения с конем в кургане № 34 могильника Маркелов Мыс II [Митько, 1999]. Другая, не имеющая археологического контекста, была обнаружена в 2012 г. около д. Черное Озеро в Ширинском районе Хакасии [Оборин, 2019, рис. 17]. Сравнительный анализ позволяет говорить об их типологической идентичности и реконструировать форму утраченного тулова.

Ближайшие параллели южносибирским граненым сосудам обнаруживаются среди высококачественной торевтики ближневосточного происхождения. Изделия, изготовленные в мастерских Сасанидской империи, являлись образцом для подражания в металлообработке и транслировались по всему Шелковому пути. Влияние прослеживается, прежде всего, в согдийском серебре, найденном в Средней Азии и России. В частности, в разработанной Б. И. Маршаком типологии согдийского серебра граненые кружки были отнесены к школе С [Маршак, 1971, с. 47]. Согдийские купцы и мастера, в свою очередь, сыграли большую роль в распространении предметов роскоши от Византии до Китая. Показательные примеры изделий из драгоценных металлов происходят из двух основных центров металлопроизводства Чаньяня и Лояна. Наиболее известные находки граненых кружек содержатся в хэцзянунском кладе, найденном в 1970 г. [Kieser, 2015, с. 63]. Совершенно очевидно, что они имеют сходство с согдийским серебром по форме и деталям орнамента, на которых остался явный след поликультурной взаимосвязи. Кроме того, в 1998 г. было сделано еще одно важное открытие, расширяющее наше понимание торгово-экономических связей: кораблекрушение у западного берега о. Белитунга в Яванском море, груз которого содержал семь экземпляров серебряной и золотой посуды. Восмигранные сосуды, найденные в их числе, были датированы специалистами не ранее VIII в. [Louis, 2011].

Таким образом, сравнительно-типологический анализ материала позволяет говорить о том, что находки сосудов пятого типа Южной Сибири принадлежат к категории импортных изделий.

*Научный руководитель – О. А. Митько
канд. ист. наук, доцент,
Новосибирский государственный университет*

Список литературы

Боровка Г. И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиции о работах, произведенных в 1925 году. Л., 1927. Т. 2. С. 43–88.

Гаврилова А. А. Новые находки серебряных изделий периода господства кыргызов. КСИА. 1968. Вып. 114: Древности Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии. С. 24–30.

Маршак Б. И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М.: Наука, ГРВЛ. Сер.: Культура народов Востока, 1971. 191 с.

Митько О. А. Образ грифона в искусстве народов Евразии в древнетюркскую эпоху // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск, 1999. Вып. 2. С. 7–10.

Оборин Ю. В. Серебряная посуда. Новые находки из Южной Сибири. 2019. URL: <https://www.academia.edu/40084355/Oborin> (дата обращения: 12.03.2021).

Смирнов Я. И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимуще-

ственно в пределах Российской Империи. Предисловие Я. И. Смирнова. СПб.: Изд. Импер. Арх. Комис., 1909. 18 с. 130 табл.

Солод Ю. А. Средневековые сосуды из драгоценных металлов Южной Сибири в системе культурных связей народов восточной части Евразии // Материалы LX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых с международным участием. Иркутск, 2020. С. 191–193.

Тункина И. В., Савинов Д. Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт: у истоков сибирской археологии. СПб.: ЭлекСис, 2017. 168 с.

Щербак А. М. Древнеуйгурская надпись на серебряной чарке из могильника над Поляной. КСИА. 1968. Вып. 114: Древности Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии. С. 31–33.

Kieser A. A "Golden age" just for the living? Silver Vessels in Tang Dynasty Tombs. Germany: Tang Studies, 2015. Vol. 33. P. 62–90.

Louis F. Metal Objects on the Belitung Shipwreck // Shipwrecked: Tang Treasures and Monsoon Winds. Washington: Smithsonian Books, 2011. P. 84–91.

Octagonal Footed Gold and Silver Cups of the Middle Ages from Southern Siberia

Solod Yu. A.

This article analyzes gold and silver vessels from the territory of Southern Siberia. The production of gold and silver metalwork was characterised by a great variability in respect of style and forms changing from one period to another. The vessels of the fifth type from the typology created by us are of the greatest interest. Their corpus was curved and they had seven or eight walls and a round stem. Their origin is discussed. We propose that these artifacts are not local and they were supplied to nomadic tribes inhabiting the Eurasian steppes. In the research there are specifics of their territorial spreading and analogies of vessels. It is quite obvious that they have similarities with Sogdian and Thai silver in the form and details of the ornament, which left a clear trace of multi-cultural interrelation.

Keywords: Southern Siberia, Middle Ages, silver vessels, metalwork.

Солод Юлия Александровна

студент 4-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: y.solod@g.nsu.ru

Solod Yuliya Aleksandrovna

Student 4th year

Novosibirsk State University

e-mail: y.solod@g.nsu.ru

УДК 904(571.53)"638"

Техноморфологический анализ артефактов 1-го культуросодержащего горизонта многослойного местонахождения Адорма (Северное Приангарье)

М. Д. Биткина

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Местонахождение Адорма расположено на правом берегу Усть-Илимского водохранилища, на участке протяженностью около 300 м, между безымянной падуью и долиной руч. Адорма, расположенной ниже по течению в 30 км от плотины Братской ГЭС (Иркутская обл.).

ОАН Адорма был открыт в 1990 г. археологическим отрядом Иркутского университета. На местонахождении в 2006 и 2010 гг. проводились охранно-спасательные работы по проекту строительства трассы нефтепроводной системы ВСТО. Общая вскрытая площадь составила 3571 м², в трех культуросодержащих горизонтах (КГ), содержащих каменный, костяной, металлический и керамический материал, зафиксировано более 13 тыс. находок [Швецов, 2007; Шохирева, 2008].

Целью работы является систематизация, анализ и обобщение данных о коллекции I горизонта, который предварительно датируется эпохой раннего железного века – средневековья. Находки привязаны к слою темно-серой супеси мощностью от 0,08 до 0,15 м, насыщенной корнями растений.

Коллекция археологических материалов I к. г. (3536 ед.) представлена 6 изделиями из железа (нож, наконечники стрел, щипцы), 3045 фрагментами сосудов с декором и без, 210 ед. каменных артефактов (нуклеус, бифас, скребки, ножи, наконечники, пластины и отходы литопродукта) и 275 ед. фрагментов костей палеофауны.

Группа нуклеусов представлена одной заготовкой на сколе аргиллита. Латерали оформлены с контрфронта, который является бифасиально оформленным гребнем.

Площадка подготовлена одним продольным снятием с фронта. Размеры 11,4×5,5×4,2 см. Найденные ножевидные изделия изготовлены на аргиллитовом сколе и отщепе. Лезвие ножа на аргиллитовом пластинчатом сколе оформлено краевой бифасиальной ретушью по левому маргиналу. Лезвие ножа на отщепе по правому маргиналу подготовлено краевой дорсальной ретушью. Также к этой группе можно отнести ножевидное изделие на кремневой гальке. Ретушь продольная, краевая, частично бифасиальная.

К группе скребков относятся 3 концевые и одна боковая формы. Лезвие фрагмента концевого скребка на аргиллитовом отщепе оформлено на дистальном сегменте краевой ретушью с дорсала. Другие два скребка оформлены на кварцитовом и аргиллитовом сколах. У двойного бокового скребка на кремневом отщепе лезвия оформлены краевой ретушью.

Также в этом горизонте были найдены фрагменты бифаса на кремневом сколе и фрагмент зубчатого изделия на аргиллитовом отщепе. Рабочий край оформлен дорсальной краевой ретушью по левому маргиналу.

В отходах производства – сколы, отщепы, чешуйки (123 ед.). Также в первом горизонте зафиксирован фрагмент костяного изделия, на конце которого имеется приотстриение, выполненное в виде двух срезов, расположенных друг к другу под тупым углом.

В рассматриваемом культуросодержащем горизонте было обнаружено одиночное погребение ребенка 10–14 лет в бересте. Сопроводительный инвентарь представлен нож-

ницами, бронзовым колокольчиком, серебряными орнаментированными пластинками, костяным игольником и др. [Ходосевич, 2007]. По элементам погребального обряда погребение сходно с детскими захоронениями объекта Унга VI (Унгинский залив Братского водохранилища), которые были отнесены В. С. Николаевым к I – началу II тыс. н. э. [Николаев, 2004].

Как уже отмечалось, всего было обнаружено 3045 фрагментов керамики от 61 сосуда. Изготовление сосудов в керамических комплексах преимущественно ленточное. При этом после формовки сосуды выколачивались гладкой либо рубчатой лопаточкой. Нередко верхняя поверхность сосуда оформлялась в качестве наклепного валика, нанесенного на срез последней ленты. Для этого срезка подготавливали протяженным продольным торцовым вдавлением для придания ему вогнутой в сечении формы и наносили редкие насечки для лучшей связки. По техническому декору выделяется гладкостенная керамика, в меньшем количестве – с оттисками рубчатой лопаточки, «шнура» и «сетки-плетенки». По технике нанесения орнамента в культуросодержащем горизонте можно выделить пять групп керамики [Биткина, 2019].

Первая группа объединяет сосуды, декорированные техникой отступания. Всего выделено 12 фрагментов от 3 сосудов. Сосуды имеют закрытую форму, орнамент выделен в области тулова и представлен рядами отступающего гребенчатого штампа.

Вторую группу составляют сосуды, орнаментированные техникой штампования. Всего в группе 109 фрагментов от 10 сосудов. Сосуды преимущественно закрытой сложной формы. Орнамент занимает верхнюю часть сосуда и представлен гребенчатым и гладким штампом либо насечками. В основном найденные фрагменты принадлежат к гладкостенной керамике, но также встречаются два сосуда, техническим декором которых является тонкий шнур. Венчики обоих сосудов орнаментированы косыми прямоугольными насечками, причем некоторые из насечек продолжают и по стенке сосуда.

В третьей группе присутствуют 8 сосудов, орнаментированные примазочными валиками по всему тулову. В группе представлены фрагменты сосудов с волнистыми и горизонтальными примазочными валиками треугольного и подтреугольного сечения, а также фрагменты венчиков с наклепными валиками, имеющие ногтевые вдавления. Сосуды данной группы имеют закрытую форму. Особый интерес вызывает гладкостенный сосуд закрытой простой формы, диаметром по венчику – 17 см, высотой около 28,5 см. Сосуд орнаментирован по срезу редкими насечками по венчику двумя наклепными валиками, ажурно украшенными ногтевыми вдавлениями. Два аналогичных валика проходят по экватору сосуда, между ними отмечены редкие вертикальные рассеченные валики. В придонной части полукругом (окаймляя трещину) расположены прямоугольные ремонтные отверстия.

Четвертая группа объединяет гладкостенные сосуды, декор которых сочетает в себе несколько техник нанесения орнамента в различных комбинациях, помимо примазочных валиков встречаются оттиски гребенчатого штампа, ногтевые и пальцевые вдавления. Всего в группе выделено 546 фрагментов от 35 сосудов. Большинство сосудов имеет закрытую форму. Чаще других орнаментов встречается наклепной валик на венчике и в области тулова, украшенный рядом пальцевых вдавлений. В ходе анализа был выделен гладкостенный сосуд закрытой простой формы диаметром по венчику – 23,5 см, по тулову – 31 см, высотой около 37 см. Орнаментация сосуда в зоне венчика представлена тремя горизонтальными наклепными валиками, дважды пересеченными вертикальными наклепами и ямочками, расположенными по три, в виде треугольников, отстоящих друг от друга. Ниже по всему тулову нанесены

волнистые примазочные валики, в сечении подтреугольной формы. Сосуд имеет следы древней реставрации. Подобное оформление можно соотнести с сосудами устьковинского типа, широко представленными в материалах Нижнего Приангарья и характерными для второй половины I тыс. н. э. Для данного типа характерны закрытая форма, округлое дно, профилировка верхней части, выраженный наличием шейки; использование обмазочных валиков; орнаментация всей поверхности сосуда, иногда исключая дно. Присутствуют также частные элементы. Такие как наличие «личиной» в виде трех «ямочек», образующих треугольнички, и симметричных выступов по венчику [Бирюлева, 2018]. Аналогичные сосуды зафиксированы в двух средневековых погребениях, выявленных на стоянке Усть-Ката 2 [Амзараков, 2013]. Практически идентичный сосуд был найден на стоянке Сергушкин-3 и отнесен авторами раскопок к эпохе средневековья [Герман, Леонтьев, 2013].

К пятой группе отнесены фрагменты сосудов без орнамента, всего выделено 1618 ед. предположительно от 5 сосудов. Фрагменты принадлежат как тонкостенным, так и толстостенным сосудам закрытой формы. Сосуды по техническому декору в основном гладкостенные, однако встречаются оттиски сетки-плетенки, шнура и рубчатой лопаточки. Один из гладкостенных сосудов был найден с обломком металлической скобы прямоугольного сечения. Ремонтная скоба вставлена в отверстие с внешней и загнута с внутренней стороны сосуда.

Помимо фрагментов сосудов в I горизонте найдены два парных «ушка» от сосуда. Они имеют четырехугольную форму, которая напоминает параллелограмм. На «ушках» расположены два круглых сквозных отверстия и мелкие насечки.

Таким образом, материалы, полученные в результате раскопок 2006 и 2010 гг., нуждаются в дальнейшем изучении для понимания культурных процессов, протекающих в Северном Приангарье в эпоху раннего железного века и средневековья. Полученные радиоуглеродные даты по погребению – 1100±90 л. н. (СОАН-6805) и 1085±80 л. н. (СОАН-6804), а также древесному углю из слоя – 1300±65 л. н. (СОАН-6794) [Псарев, 2008, с. 87], подтвердили датировку I горизонта.

Наличие фрагментов керамики с оттисками рубчатой лопаточки и «сетки-плетенки», а также их немногочисленность дают основания предполагать, что данная керамика попала в первый КГ в процессе антропогенных факторов, биотурбации (норы землеройных млекопитающих) и вывалов деревьев.

Археологические материалы, зафиксированные в I горизонте местонахождения Адорма, имеют широкие аналоги и встречаются на большом количестве местонахождений раннего железного века – эпохи средневековья как Северного Приангарья, так и Байкальской Сибири в целом.

*Научный руководитель – Д. Н. Лохов
преподаватель, кафедры мировой истории
и международных отношений,
науч. сотр., НИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет*

Список литературы

- Амзараков П. Б. Предварительные итоги археологических раскопок памятников Усть-Ката-1 и Усть-Ката-2 в зоне затопления водохранилища Богучанской ГЭС // Научное обозрение Саяно-Алтая. Сер.: Археология. 2013. № 1. С. 200–205.
- Биткина М. Д. Керамическая коллекция первого культуросодержащего горизонта местонахождения Адорма (Северное Приангарье) // Материалы LIX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Благовещенск, 2019. С. 158–159.
- Бирюлева К. В. Вариативность орнаментации керамики Усть-Ковинского типа нижнего Приангарья // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Красноярск, 2018. С. 304–305.
- Герман П. В., Леонтьев С. Н. Многослойные стоянки острова Сергушкин (краткие результаты полевых исследований 2009–

2011 гг.) // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. Красноярск, 2013. С. 57–72.

Николаев В. С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках: усть-талькинская культура. Владивосток, 2004. 306 с.

Псарев Р. А. Новые данные по объекту археологического наследия Адорма // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций. Барнаул, 2008. С. 87–88.

Ходосевич С. С. Погребение железного века на местонахождении Адорма // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. Новосибирск, 2007. С. 186–187.

Швецов Д. Л. Спасательные археологические работы в Северном Приангарье // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. Новосибирск, 2007. С. 89–90.

Шохирева А. В. Керамическая коллекция многослойного местонахождения Адорма в Северном Приангарье // VII Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязного. Омск, 2008. С. 206–208.

Technomorphological Analysis of Artifacts of the 1st Culture Horizon of the Adorma Site (Northern Angara Region)

M. D. Bitkina

The article presents the results of the study of the first culture-containing horizon of the multilayer Adorma site (Northern Angara region). The first layer dates from the Early Iron Age and the Middle Ages. The first Horizon collection consists of 3,045 ceramic fragments from 61 vessels, 210 stone artifacts, 275 paleofauna bone fragments, and 6 metal fragments. The ceramic collection on the technique of ornamentation was divided into 5 groups. A fragment of a ceramic vessel of the Ust-Kova archaeological culture was found in the layer. The ceramics of layer 1 have broad analogies and are recorded at a large number of sites in the Northern Angara Region and Baikal Siberia.

Keywords: Early Iron Age, the Middle Ages, Northern Angara region, site Adorma, ceramic complex, vessel, ornamentation, decor.

Биткина Марина Дмитриевна

студент 4-го курса

Иркутский государственный университет

e-mail: bitckina.m@yandex.ru

Bitkina Marina Dmitrievna

Student 4th year

Irkutsk State University

e-mail: bitckina.m@yandex.ru

УДК 903.21

Шлифованные каменные изделия о-ва Четырехстолбовой (по материалам раскопок 1995 г.)

А. С. Ягловский

Арктический научно-исследовательский центр, Якутск, Россия

Медвежий острова – это 6 островов в Восточно-Сибирском море, входящие в состав Якутии. Они расположены к северу от устья р. Колыма. Археологические работы проводились только на о-ве Четырехстолбовой сотрудником Гидрографического управления Главсевморпути А. М. Сырчиным в 1948–1949 гг. [Береговая, 1954, с. 288] и сотрудником зимовки (полярной станции) на острове Н. В. Андреевым [Днепровский, Дэвлет, 2017, с. 213]. На основе раскопочных работ и материалов, предоставленных А. П. Окладниковым, Н. А. Береговая выделила наличие на острове культуры бирнирк и более поздних культур. В 1995 г. Приленская археологическая экспедиция во главе с Ю. А. Мочановым провела раскопки на средневековом поселении эскимосов на о-ве Четырехстолбовом (Медвежий острова) [К истории формирования ... , 2015, с. 11].

Целью настоящего исследования являются предварительная технико-типологическая характеристика и корреляция полученных данных с археологическими материалами культур средневековья на территории Северо-Востока Азии и Северной Америки. Для этого были проанализированы технологические особенности обработки каменных орудий, их функциональное назначение, выделены основные классификационные элементы типов каменных орудий, а также проведен сравнительно-морфологический анализ. Приемы обработки камня, применявшиеся при изготовлении каменного инвентаря, – шлифовка, полировка и краевая оббивка.

Шлифованные орудия получены с территории трех жилищ. К сожалению, отсутствие полевых дневников, отчетов и карт не дает установить точное местоположение пунктов.

Изделия можно разделить на ножи, скребки и абразивные камни. Шлифованные ножи из кремнистого сланца представлены 35 образцами: мужскими ножами, выполненными с черешком и без (рис., 1), а также широким асортиментом женских ножей с традиционной для берингоморских культур формой типа *улу* (рис., 2) [Орехов,

2016, с. 255]. В коллекции с о-ва Четырехстолбовой примечательно отсутствие просверленных отверстий для фиксации в рукоятке ножа. Размеры ножей варьируются в зависимости от специфики применения. Аналогии встречаются как в древнеберингоморской культуре, так и в более поздних культурах пунук, бирнирк и туле, но нож *улу*, сменив каменное воплощение на металлическое, используется и в наши дни.

Следующая группа шлифованных орудий представлена 25 образцами скребков с прямым или овальным лезвием (рис., 3, 4). Лезвие полностью отшлифовано с обеих сторон и у большинства образцов имеет симметричную заточку, боковые стороны выполнены краевой двухсторонней оббивкой, верхняя часть отшлифована до состояния ровной площадки. Такие же скребки (обозначенные как тесла) имеются в коллекции А. М. Сарычина с о-ва Четырехстолбовой, аналогичные изделия встречаются в поселении Ипиутак [Gillispie, 2018, с. 34], у Чертова оврага на о-ве Врангеля, описанные как изделия палеоэскимосских культур [Диков, 1977, с. 210].

В последнюю группу шлифованных изделий включены 33 абразивных камня из песчаника. Один экземпляр имеет желобок посередине (рис., 5). Известны с древнейших этапов эскимосской культуры, например в жилищах и погребениях Ипиутака, в древнеберингоморских слоях на о-ве Св. Лаврентия [Береговая, 1954, с. 307]. Также экспедицией обнаружены 5 заготовок для шлифованных ножей, как мужских, так и женских (рис., 6).

В научной литературе существует две основные версии появления сланцевой шлифованной индустрии в комплексах культур Северо-Востока Азии и Северо-Западной Америки, и в частности в комплексах древнеберингоморской культуры. По одной из них предполагается, что эта традиция распространяется из Юго-Восточной Азии по побережью (7 тыс. л. н.), по другой – с побережья Аляски (4 тыс. л. н.) [Орехов, 2016, с. 256].

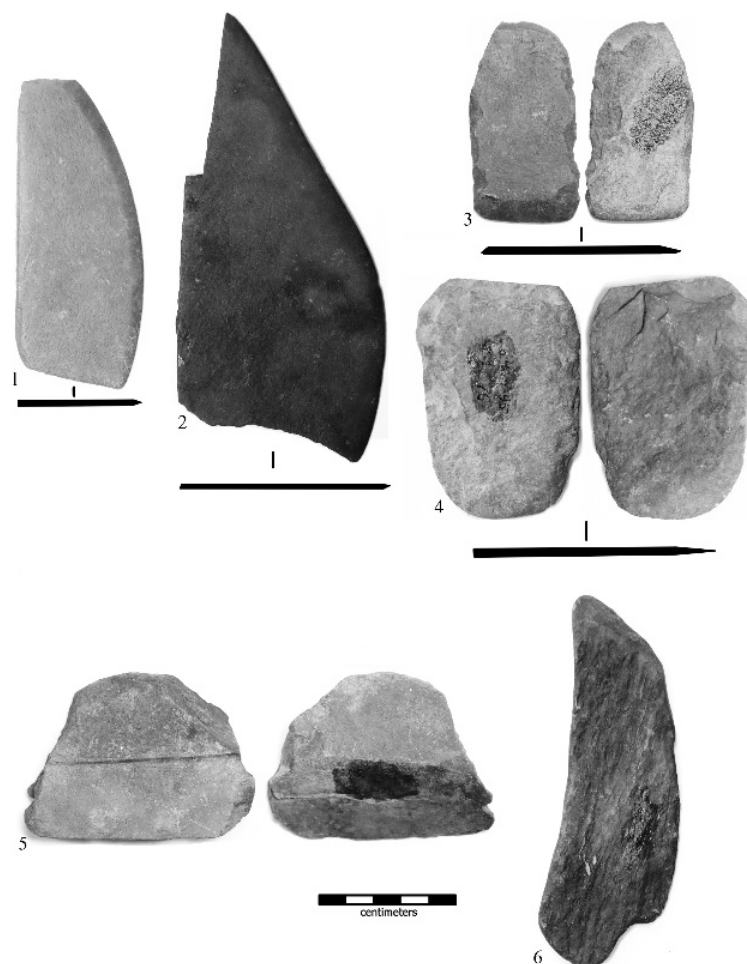

Рис. Шлифованные орудия из коллекции о-ва Четырехстолбовой:
 1 – мужской нож; 2 – нож типа улу; 3 – тесло с прямым лезвием; 4 – тесло с овальным лезвием;
 5 – абразивный камень; 6 – заготовка ножа с черешком

В целом определение принадлежности орудий к той или иной культуре затруднено из-за множества пересечений по типологии. На основе полученных результатов нельзя исключать присутствие на острове всех основных культур древних охотников (древнеберингоморской, бирнир, туле и пунук) на морского зверя и более древних культур.

Список литературы

- Береговая Н. А. Археологические находки на острове Четырехстолбовом (Медвежий острова к северу от устья р. Колымы) // Сов. археология. 1954. Вып. 20. С. 288–312.
- Диков Н. Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы: Азия на стыке с Америкой в древности. М.: Наука, 1977. 392 с.

Днепровский К. А., Дэвлет Е. Г. К вопросу о конструктивных особенностях жилищ древних эскимосов по материалам археологии, этнографии и изобразительным источникам // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 3. С. 211–251.

К истории формирования домашней собаки на территории Якутии / Г. Г. Боевский, А. Д. Степанов, В. Н. Винокуров, М. В. Щелчкова, А. В. Винокурова, Й. ван дер Плихт // Вестн. СВФУ. 2015. № 5 (49). С. 5–17.

Орехов А. А. Каменный инвентарь древнеберингоморского жилища 1 древнеэскимосского поселения Кивак (Чукотский полуостров) // Археология Арктики. 2016. № 3. С. 250–260.

Gillispie T. E. An Overview of Alaskan's Prehistoric Cultures. Alaska: Office of history and archaeology, 2018. 61 p.

Polished Stone Products about Chetyrekstolbovoy Island (Based on Materials from 1995 Excavations)

A. S. Yaglovskiy

The Prilena archaeological expedition carried out exploration work on Chetyrekstolbovoy Island in 1995. The island is located in the East Siberian Sea, is part of the Medvezhyi Islands and geographically belongs to the Nizhnekolymsky ulus of the Republic of Sakha (Yakutia). Four medieval Eskimo dwellings and two Neolithic sites were identified. The island's collection consists of 1626 artifacts. The research results were not published for unknown reasons. This work is devoted to a preliminary analysis of the polished stone industry of three dwellings, and on the basis of this analysis, the identification of cultural and historical ties with the materials of the cultures of the Middle Ages in the territory of northeast Asia and North America. The classification elements of the types of stone tools were highlighted; connections with the seaside cultures okvik, birnirk, tule and punuk were recorded. The four-pillar provides valuable insight into the history of northeastern Asia and North America.

Keywords: Stone knife, okvik, birnirk, tule, punuk, Medvezhyi Islands.

Ягловский Алексей Сергеевич
 младший научный сотрудник
 Арктический научно-исследовательский центр
 e-mail: yaglovskiy2020@mail.ru

Yaglovskiy Aleksey Sergeevich
 Junior researcher
 The Arctic Scientific Research Centre
 e-mail: yaglovskiy2020@mail.ru

Предметы торевтики снаряжения коня древних мадьяр

И. К. Ким

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Одним из важнейших маркеров древнемадьярской археологической культуры являются предметы торевтики, выполненные в особом стиле, который в силу своей специфичности известен как «венгерский». Торевты мадьяр включают несколько категорий вещей: накладки ташек – поясных сумочек; детали костюма, в частности предметы поясной гарнитуры – пряжки и накладки ремня; предметы вооружения; предметы снаряжения коня. На последних мы остановимся более подробно.

В свою очередь, предметы венгерской торевтики также не являются однородными и включают несколько категорий вещей: пряжки и накладки сбруйной гарнитуры, накладки седла, стремяна и псалии с декором из художественного металла. Наиболее массовой категорией данных предметов являются накладки ремней сбруйной² гарнитуры.

Важной особенностью предметов торевтики является их, к сожалению, частое обнаружение либо без контекста (случайные находки, грабительские раскопки или раскопки рубежа XIX–XX вв.), либо в контексте, который не позволяет однозначно реконструировать их первоначальное расположение (однако успешные реконструкции снаряжения коня известны [László, 1943, с. 17, 29–30, 37; Révész, 1993, с. 117; Грудочко, Газизова, Парунин, 2018, с. 154–156]).

Прежде чем мы перейдем к рассмотрению каждой категории в отдельности, следует кратко рассмотреть «венгерский» стиль как таковой. Данному вопросу следует уделить внимание, так как при обнаружении предметов этого стиля почти всегда (и часто не без оснований) их местонахождение трактуется как археологический след культуры древних венгров.

Как установил А. В. Комар, «венгерский» стиль представляет собой уникальное сочетание нескольких культурных традиций евразийских степей, трансформировавшихся в оригинальный стиль [Комар, 2018, с. 142–144]. Значительны согдийский, тюркский и китайский (эпоха Тан) импульсы, гораздо менее заметно влияние салтовской культуры и Надьсентмиклошского клада. Разумеется, все эти элементы «венгерского» стиля сильно трансформированы, их воспроизведение представляет собой не копирование, но подражание, зачастую отдаленное.

Бляшки снаряжения коня типичны, распространены, хорошо изучены, имеют крупную выборку восточноевропейских аналогий, их можно изучать во многих аспектах [Langer, Lőrinczy, Türk, 2019, с. 77]. На основании изучения хронологии рисунка известные накладки ремней подразделяются на три категории: круглые, шестиугольные и сердцевидные. Шестиугольные и сердцевидные накладки представлены всего 4 экз., из которых 3 – это параллели единственной венгерской находке, круглые накладки разделены на 9 групп в зависимости от их бордюрной окантовки, а также на подгруппы на основе внутреннего декора, формы лепестков и выпуклостей. 7-я группа представляет собой «бордюрный» тип, известно 13 местонахождений. Хотя четких хронологических соотношений не установлено, в 10 случаях они были изготовлены из сплавов на основе серебра, из которых 8 экземпляров позолочены, т. е. они были изготовлены, когда венгры были богаты

драгоценными металлами. Нет соответствующей закономерности в территориальном распространении различных форм [Там же, с. 82].

Венгерская торевтика эпохи завоевания родины практически не обнаруживает параллелей с основными стилями салтовского художественного металла VIII–IX вв. [Комар, 2018, с. 86]. По этой причине представления, что мадьяры имели прочные связи с салтовским населением, сейчас устарели. Однако известны аналогии на Южном Урале: так, на территории Башкирии в Ишимбаевском и Каранаевском курганных могильниках представлены накладки сбруйной/поясной гарнитуры, введенные в оборот Н. А. Мажитовым [1981, с. 88, 90, 108, 111]. Список уральских аналогий расширяют находки в курганных могильниках Уелги и Синеглазово Южного Зауралья, в частности именно здесь обнаружены сбруйные и поясные детали с «узелковым» бордюром, трехлопастные и сердцевидные сбруйные накладки, симметричные подовальные накладки с имитацией шарнира, наборные мелкие накладки с заходящими в подбор выступами (рис.) [Комар, 2018, с. 102–103].

Помимо всего прочего, показателен случай обнаружения Гегеньского клада. Данный клад был случайно обнаружен в 1903 г. на северо-востоке Венгрии, в медье Сабольч-Сатмар вблизи д. Гегень. В состав клада входили 7 круглых литых серебряных накладок с позолотой от конского оголовья, 3 сердцевидных пластинчатых серебряных бляшки от конского нагрудника с круглым позолоченным углублением по центру и чаша с процарапанными на дне прямыми перекрещивающимися линиями, обрамленными кругом. Если восточные аналогии накладок уже рассматривались выше, то чаши с подобным рисунком следует также отдельно рассмотреть, несмотря на то, что они не являются частью конского снаряжения. Как указывает И. Фодор, они представляют собой наиболее архаичные предметы торевтики мадьяр с аналогиями на угорских памятниках Урала и Западной Сибири середины – 2-ой половины I тыс. н. э. [Фодор, 2013, с. 308].

Металлические накладки луки седла известны в Уелгах, и их расположение аналогично венгерским серебряным деталям седел, известным по ряду могильников на территории Венгрии [Грудочко, Газизова, Парунин, 2018, с. 155; Révész, 1993, с. 105, 108, 111–114]. Принципиальных отличий между накладками сбруйной ремной гарнитуры и бляшками луки седла нет, основная разница между ними в том, что первые имеют у краев отверстия для гвоздей крепления, а вторые – крепления в виде шипов с обратной стороны.

Примечательны находки стремян с художественным декором из Коронцо и Коложвара [László, 1943, с. 10, табл. II; Pot fi folosite ... , 2020, с. 103]. Стремяна из Коронцо имеют гравировку в виде зигзагообразного орнамента, в пазы, возможно, втиралась краска, не сохранившаяся в процессе археологизации [László, 1943, с. 9]. Аналогичная гравировка есть также у псалиев, также найденных в Коронцо и некоторых других венгерских могильниках [László, 1943, с. 9; Dienes, 1966, с. 210]. Стремяна, найденные в Коложваре (совр. Клуж-Напока, Румыния), декорированы каплевидным орнаментом с позолотой и серебряной позолоченной накладкой поверх подвесной петли [Pot fi folosite ... , 2020, с. 103]. Схожий декор есть у псалиев, найденных в Берегово, но вместо покрытия из позолоты они имеют бронзовое покрытие [Dienes, 1966, с. 210].

² В ряде случаев невозможно достоверно установить, в состав какой именно ремной гарнитуры входили накладки и пряжки – поясной или сбруйной. Мы полагаем, что одни и те же металлические детали могли входить в состав как поясных наборов, так и снаряжения коня.

Рис. Аналогии венгерским накладкам, найденные в Синеглазово (сбруйные и поясные детали с «узелковым» бордюром, трехлопастные и сердцевидные сбруйные накладки, симметричные подовальные накладки с имитацией шарнира, наборные мелкие накладки с заходящими в подбор выступами) (по: [Türk, 2012, с. 5])

Таким образом, предметы торевтики, входившие в состав сбруи, являются важной частью древневенгерской археологической культуры.

Научный руководитель – В. Н. Седых, канд. ист. наук, заведующий кафедрой археологии, Санкт-Петербургский государственный университет

Список литературы

- Грудочко И. В., Газизова С. Р., Парунин А. В. Реконструкция конского снаряжения и костюма Южного Зауралья IX–XI вв. (по материалам могильников Уелги и Синеглазово) // *Magistra Vitae*: электрон. журн. по ист. наукам и археологии. 2018. № 1. С. 148–159.
- Комар А. В. История и археология древних мадьяр в эпоху миграции (A korai magyarság vándorlásának történeti és régészeti emlékei). Budapest: *Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia*, 2018. 424 с.
- Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981. 163 с.
- Фодор И. Западносибирская археология в трудах венгерских исследователей // *Вестн. Том. гос. ун-та*. 2013. № 3 (23). С. 305–309.

The Toreutics Things of Ancient Hungarian Horse Equipment

I. K. Kim

This work is a general overview of the known objects of Ancient Hungarian toreanics. The author reveals the origin – Sogdian, Turkic, Chinese (Tang), Saltovo and Nagyszentmiklós sources of it, and features of their style, examines both Hungarian materials. For instance, these are archaeological finds of Koroncó burial ground, treasure-trove of Gégény (megye Szabolcs-Szatmár), Beregszász burial ground, Kolozsvár burial ground on the Zápolya street, etc. Besides, author explains Eastern-European and Western-Siberian analogies of these finds – burial ground materials from Bashkiria (Ishimbaevo and Karanaevo burial grounds), Chelyabinsk Trans-Urals (Uelgi and Sineglazovo burial grounds), etc. Special attention is dedicated to the overlays of the harness set, but in addition to them, bits and cheekpieces with artistic decor are also considered.

Keywords: toreanics things, Ancient Hungarians, horse equipment, overlays, analogies.

Ким Игорь Константинович

студент 4-го курса
Санкт-Петербургский государственный университет
e-mail: mister-yoda2015@yandex.ru

Kim Igor Konstantinovich

Student 4th year
Saint-Petersburg State University
e-mail: mister-yoda2015@yandex.ru

Инкрустация торевтики енисейских кыргызов: технологический аспект*

Р. В. Давыдов

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

* Исследование проведено за счет гранта РФФИ (проект № 20-18-00111)

Наиболее массовым материалом в погребальном инвентаре енисейских кыргызов являются элементы поясной и сбруйной фурнитуры. К концу I тыс. н. э. они представлены преимущественно бронзовыми изделиями. На рубеже тысячелетий происходит отчетливо выраженный переход к железным предметам, которые покрываются серебром. Кыргызская инкрустированная драгоценным металлом торевтика малых форм датирована XI–XIII вв. н. э. Она достаточно полно исследована в семантическом и стилистическом аспектах [Король, 2008; Худяков, 2015, с. 56–66; и др.]. Однако технология создания данной категории инвентаря весьма слабо изучена [Кызласов, 1983, с. 126–127].

Цель данной работы – технологическая характеристика особенностей выполнения техники инкрустации серебром на железных предметах торевтики малых форм енисейских кыргызов XI–XIII вв. н. э. Источниковая база исследования включает только украшенные серебром вещи (142 экз.): 43 экз. из одиночного кургана Булыгино (Ермаковский р-н, Красноярский край), 8 экз. – мог. Мутная-1 (Ермаковский р-н, Красноярский край), 61 экз. – мог. Большой Телек (Идринский р-н, Красноярский край), 30 экз. – случайные находки с территории Красноярского края. Критерием отбора предметов является достаточно хорошая сохранность для фиксации техники нанесения орнамента и способа крепления драгоценного металла.

Наиболее общий термин, обозначающий механическое украшение поверхности железного или стального изделия драгоценным металлом, – тауширование. Инкрустация – врезная таушировка, техника украшения материалами, вставленными в поверхность украшаемого предмета, подразумевает наличие углубления. Насечка – поверхностная таушировка, при которой металл крепится на подготовленную поверхность [Бреполь, 1982, с. 338–340; Минасян, 2014, с. 247; Флеров, 1981, с. 154–156].

В результате проведения экспериментально-трасологического анализа установлено, что обработка поверхности изделий перед инкрустацией включала две операции: нанесение орнамента и подготовку фона.

Орнамент на предметах создавался путем формирования выступающих над поверхностью линий. Зафиксированы следующие варианты орнаментации: растительный (композиции и отдельные листья), геометрический (квадраты, ромбы, круги, чешуйки, волны), чистый фон. Канавки по бокам, фиксируемый в ряде случаев волнистый край и углубления, которые встречаются в центре выступающих линий, показывают, что декор создавался резцами серий поставленных вплотную параллельных ударов (рис., 1). Композиция и зона инкрустации обязательно окаймлялись рельефным бортиком, сделанным резцами, на что указывают канавки разной глубины и волнистый край (см. рис., 1, 3, 4).

Рис. Примеры оформления орнамента и фона на инкрустированных железных предметах торевтики: 1 – растительный орнамент с оформлением фона зубчиками; 2 – геометрический орнамент с оформлением фона зубчиками; 3 – чистый фон, оформленный зубчиками; 4 – чистый фон, оформленный сеткой

Подготовка фона представляла собой нанесение на пространство между элементами орнамента технических насечек в виде отдельных заусенцев (см. рис., 1–3). Совместно с растительными мотивами их размещение хаотично (см. рис., 1). В совокупности с геометрическим орнаментом, насечки располагаются, исходя из форм, по одной (на изогнутых поверхностях по две) в чешуйке, круге, квадрате, между волнами (см. рис., 2). Исходя из размеров и формы заусенец, можно установить, что они наносились треугольными или округлыми резцами.

Альтернативным заполнением фона, служившим для крепления серебра, является резная сетка (рис., 4). Она формировалась за счет перекрещивающихся канавок, с одной стороны которых выступал металл. Для их создания использовались резцы и поставленные под небольшим углом зубила. На применение последних указывают: отсутствие волнистого края, прямые или непреднамеренно изгибающиеся линии, вытеснение металла по одному краю.

После орнаментации и подготовки фона производилось покрытие серебром. Фольга из драгоценного металла накладывалась на выделенный бортиком участок и вбивалась ударными инструментами. Вероятно, для этой цели могли использоваться ювелирные молоточки и молотки-напильники (комбинированные орудия, состоящие из головки молотка и стальной рукоятки, оканчивающейся полотном напильника) [Давыдов, 2018].

После пребывания в огне (при совершении погребения по обряду кремации на стороне) серебро на поверхности изделий расплавлялось. В подавляющем большинстве случаев сохранились только капли металла. На отдельных предметах фиксируются остатки фольги, в том числе в углублениях орнамента между деталями рисунка (см. рис., 1). Данный факт позволяет заключить, что фольга не вырезалась для каждого участка, а накладывалась более крупным листом, после чего обрезалась по рельефу орнамента.

Оценить толщину серебра можно, исходя из высоты бортиков и выступов заусенец. Бортик мог достигать высоты 0,3–0,4 мм, заусенцы, как правило, не более 0,2 мм. Кроме того, на могильнике Большой Телек найдены два фрагмента серебряной фольги толщиной 0,1–0,2 мм. Характерные углубления указывают на их контакт с заусенцами для крепления. Таким образом, толщина серебряного покрытия была очень небольшой и могла варьироваться в диапазоне 0,1–0,4 мм. На поверхности одного из фрагментов серебра зафиксированы линейные следы, перекрываемые патиной. Они свидетельствуют о применении мелкодисперсного абразивного инструмента в ходе финальной доработки листа.

Таким образом, украшение железных предметов тонкой малых форм серебром осуществлялось путем вбивания фольги в углубление с подготовленной поверх-

ностью, созданное путем формирования выступающего бортика. То есть в специфической технике, базирующейся на принципе инкрустации (заполнение углубления) с элементами насечки (подготовка поверхности).

Данное техническое решение весьма своеобразно и имеет существенные отличия от поверхностной таушировки – насечки проволокой, которая фиксируется в средневековых южносибирских материалах, в первую очередь на клинковом оружии из Средней Азии [Худяков, 2016], и применяемой кыргызами во второй половине I тыс. н.э. инкрустации узких линий орнамента [Кызласов, 1983, с. 124–125]. Можно предположить, что рассматриваемый способ покрытия является синтезом этих техник.

В XIII–XIV вв. в материальной культуре енисейских кыргызов происходит постепенный отказ от украшения серебром, однако традиция создания закрытой композиции из рельефного орнамента и заполненного фона остается. Техническая насечка при этом приобретает декоративную функцию заполнения, сетка используется редко, заусенцы наносятся очень часто [Кызласов, 1978, рис. 2, 3, 8, 9]. В этнографическое время исследователями фиксируется использование южносибирскими народами только техники насечки [Вайнштейн, 1974, с. 84–85].

*Научный руководитель – О. А. Митько
канд. ист. наук, доцент кафедры археологии и этнографии,
Новосибирский государственный университет*

Список литературы

- Бреполь Э. Теория и практика ювелирного дела. Л.: Машиностроение, 1982. 384 с.
- Вайнштейн С. И. История народного искусства Тувы. М.: Наука, 1974. 224 с.
- Давыдов Р. В. Морфолого-технологический и функциональный анализ комбинированных инструментов с территории Южной Сибири (I тыс. н.э. – первая половина II тыс. н.э.) // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2018. № 2 (2). С. 71–94.
- Король Г. Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. 332 с.
- Кызласов И. Л. Курганы средневековых хакасов XIII–XIV вв. (Аскызская культура в монгольское время) // Сов. археология. 1978. № 1. С. 122–141.
- Кызласов И. Л. К истории обработки металла в Южной Сибири. Насечка по железу // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Материалы Всесоюз. совещания 13–15 мая 1981 г., г. Алма-Ата. 1983. С. 120–130.
- Минасян Р. С. Металлообработка в древности и Средневековье. СПб.: Изд-во гос. Эрмитажа, 2014. 472 с.
- Флеров А. В. Материаловедение и технология художественной обработки металлов. М.: Высшая школа, 1981. 288 с.
- Худяков Ю. С. Искусство древних и средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии: учеб. пособие. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2015. 98 с.
- Худяков Ю. С. Импорт клинкового оружия и доспехов из Средней Азии в Западную и Южную Сибирь в эпоху Средневековья // Урал. ист. вестн. 2016. № 4 (53). С. 93–98.

Inlaid Toreutics of the Yenisei Kyrgyz: a Technological Aspect

R. V. Davydov

In the article, the author presents the results of a technological analysis of the method of decorating with silver of iron toreutics of small forms of the Yenisei Kyrgyz of the 11th–13th centuries AD. The sources of the work were materials from the burial grounds Bulygino, Mutnaya-1, Eidiktyr-kyr, Bolshoi Telek and incidental findings from the Krasnoyarsk Territory, 141 objects in total. The exemplars were covered with carved protruding ornaments. The decorative composition was surrounded by a protruding rim. The embossing of the background contributed to the fastening of the silver. This technique is based on the principles of inlaiding and is complemented by the hucking of the background inherent in damascening (fr. damasquinage). It is distinctive for the region and this period of time. Subsequently, this technique disappears.

Keywords: Southern Siberia, Yenisei Kyrgyz, toreutics, jewelry, trasological analysis, manufacturing technology, metalworking.

Давыдов Роман Вячеславович

аспирант 1-го года обучения
Новосибирский государственный университет
e-mail: puer-viro@mail.ru

Davydov Roman Vyacheslavovich

1st year postgraduate student
Novosibirsk State University
e-mail: puer-viro@mail.ru

Технология сырцовой архитектуры в древнем зодчестве Казахстана*

А. М. Гайса

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан

*Работа выполнена в рамках реализации научно-исследовательского проекта грантового финансирования МОН РК AP08052281 «Сохранение памятников сырцовой архитектуры сакрального ландшафта Тенгиз-Коргалжынской впадины с использованием цифровых 3D-технологий» по договору № 94 от 22 мая 2020 г.

Постройки из грунтов обычно рассматривают как примитивный вид строительства, не требующий для своего осуществления глубоких знаний строительного искусства. Но глина является важным историческим и археологическим источником, который позволяет судить о ресурсной базе древнего общества, технике и организации строительства [Лебедева, Сергеев, Лебедев, 2019].

Сырец очень удобный и благодатный строительный материал. Основные достоинства материала:

- крайне низкая себестоимость;
  - огромные запасы сырья во всех регионах;
  - звуко- и теплоизоляционные характеристики;
  - простота изготовления и возведения;
  - огнестойкость, обеспечивающая значительную пожарную безопасность строения;
  - экологическая чистота.
- Недостатки:
- стены из кирпича-сырца боятся влаги, поэтому требуется хороший слой качественной штукатурки для их защиты;
  - при умеренном климате кирпич долго сохнет и медленно набирает прочность;
  - в стенах из кирпича-сырца часто любят поселиться грызуны и прочие вредители.

Немаловажной причиной изучения памятников из сырца является их сравнительная недолговечность. Как правило, кирпич-сырец очень легко разрушается под воздействием внешних факторов.

Глина – это самый древний строительный материал в мировой истории. Ею пользовались на Ближнем Востоке, в Египте и других регионах с аридным климатом для сооружения рядовых жилых и хозяйственных построек, дворцов и административных зданий, культовых сооружений и пирамид.

В первом томе книги, посвященной истории архитектуры мира, упоминается использование сырца в качестве строительного материала с глубокой древности [Архитектура древнего мира ... , 1970, с. 331].

Хорошо известны рекомендации Витрувия о технологии приготовления кирпичей из глины: «Итак, я начну с кирпичей и скажу, из какой земли надо их выделывать. Выделывать их надо не из песчаной (*harenoso*), не из каменистой (*calculoso*) глины и не из щебнистой (*sabulonoso*) глины, потому что такого рода кирпичи, во-первых, будут тяжелы, а во-вторых, намокая в стенах от дождей, станут расседаться и крошиться и не свяжутся из-за своей грубости со смешанной в них соломой. А надо их делать из глины беловатой, меловой (*terraalbidacretosa*) или из красной (*rubrica*), а то еще из плотного мергеля (*masculosabulone*); все эти породы, благодаря своей мягкости, обладают прочностью, при постройке не грузны, и мять их легко» [Кузнецов, 2015, с. 283].

Процесс изготовления кирпича-сырца на протяжении тысячелетий не претерпел особых изменений. Кирпичи изготавливались в специальных деревянных формах обычно без дна. Лесс в большинстве случаев предварительно промывался, отмачивался в творильной яме. Перед формовкой в глину добавляли саман или *янтак* (верблюжья колючка), предварительно измельченный, улучшающий

качество кирпича. Выкладка стен велась обычно в перевязку швов, в качестве раствора для связки кирпичей применялась обычная глина, оштукатуривание стен производилось также глиной, в которую добавлялся саман. Наряду с сырцом применялись и крупные пахсовые блоки (Кутлугдепе).

В кладках из сырцового кирпича многих местностей Передней Азии при постройке стен несколько слоев этого материала (от 5 до 13) прокладывалось тростниковой циновкой или слоем тростника, заливавшимся асфальтом [Очерки по истории ... , 1939]. Это обеспечивало прочность и сейсмостойкость конструкций.

Многообразие природных климатических условий Казахстана обусловило разнообразие материалов для строительства, конструкций и способов проектирования, используемых при возведении жилых домов и других сооружений. В южных районах Казахстана основным строительным материалом была осадочная серая глина (лесс), использовавшаяся при возведении ударных стен, а также для заливки глиняного или сырцового кирпича, которые сушили на солнце. Для сохранения ударных стен, возведенных из сырцового кирпича, от воздействия осадков штукатурили снаружи глиной [Мендикулов, 1959].

В степях Казахстана до сих пор сохранились культовые мемориалы, возведенные из сырцового кирпича. Они являются важными объектами историко-культурного наследия. Скопление их отмечено в Тенгиз-Коргалжынских степях Центрального Казахстана. Здесь расположены разновременные памятники: сырцовые и каменные мавзолеи конца XIX – начала XX в., зимовки, некрополи. Сырцовые мавзолеи разнообразны по архитектуре, построены над захоронениями известных личностей своей эпохи. Сырцовые мавзолеи однокамерные и двухкамерные; круглые и квадратные в плане относятся к типу портално-купольных. Фасадная сторона обращена, как правило, в южный сектор. Позднесредневековые сырцовые мавзолеи сочетают в своей архитектуре каноны золотоордынских парадных мемориалов и архаические языческие детали оформления внешних объемов, известные в степном культовом формо-творчестве с раннего железного века.

Судя по археологическим данным, кирпич-сырец является в строительном искусстве Казахстана в эпоху поздней бронзы. Ярким памятником, где использовались сырцовые кирпичи, был Северный Тагискен. Он находится в Приаралье, в 200 км к юго-западу от г. Кызыл-Орды. Здесь имеются около 20 больших и малых курганов. Из 5 раскопанных курганов 4 относятся к эпохе поздней бронзы [Грязнов, 1966]. Мемориалы эпохи бронзы включали монументальные погребальные сооружения (мавзолеи) и специальные пристройки к ним, сделанные из прямоугольного сырцового кирпича, выложенного горизонтальной кладкой на глиняном растворе, – строительный прием, характерный в то время только для сельскохозяйственных культур Передней и Средней Азии. Вместе с тем в качестве вспомогательных конструкций здесь широко использовались деревянные элементы – столбы и жерди, обмазанные глиной, т. е. те элементы, которые хорошо известны по материалам поселений андроновского типа [Итина, Яблонский, 2001, с. 110].

Одним из новых открытий сырцовой архитектуры в Казахстане являются мавзолеи могильника Караоба. Некрополь Караоба находится в 18 км к юго-востоку от с. Кривинка на территории Бескарагайского района Восточно-Казахстанской области. В 2013 г. в могильнике Караоба было исследовано сооружение № 1 с погребальной камерой, углубленной в грунт на 1,3 м. Стенки выложены сырцовыми блоками, частично обожженными в процессе горения верхней части сооружения, имевшего, видимо, деревянное перекрытие. Караобинский кирпичный мавзолей документирует существование сырцово-кирпичной архитектуры у населения Казахстанского Прииртышья в эпоху поздней бронзы, но со своей местной спецификой [Раскопки могильника ... , 2014]. Параметры караобинских глиняных сырцовых и обожженных кирпичей – 40×20×8–9, 38×20×11, 35×18×8, 30×23×11 см – почти соответствуют размерам тагискенских – 45×30×8 см, 44×30×8–10, 44–48×23–24×8–10, 43–45×27×8 см [Итина, Яблонский, 2001, с. 21–30]. Очевидно, что строители тагискенских и караобинских мавзолеев принадлежали к одной культурной традиции, происхождение которой дискуссионно.

В начале II тыс. н. э. происходит становление основных типов средневековой казахской культовой архитектуры: мавзолеев каменных, сырцовых, из жженого кирпича, оград типа «тортулак», ящиков-саркофагов, стел. Формируются мемориально-культовые комплексы [Ажигали, 2002].

Постройки из сырцового кирпича повсеместно были распространены в Казахстане, Средней Азии, Иране, Монголии, Китае, Турции: храмы, мечети, караван-сарай, двухэтажные дома и др. Следует вспомнить, что наши предки, строя себе жилые дома с использованием глины, жили в свободном обществе в единении с природой с сухим и

жарким климатом, в котором многие постройки из сырца возводятся и поныне.

*Научный руководитель – М. К. Хабдулина
доцент,*

кафедра археологии и этнологии,

*Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева,
директор,*

*Научно-исследовательский институт
археологии им. К. А. Акишева*

Список литературы

Ажигали С. Е. Архитектура кочевников. Феномен истории и культуры Евразии. Алматы, 2002. 654 с.

Архитектура древнего мира / под ред. О. Х. Халпахчыяна (отв. редактор), Е. Д. Квитницкой, В. В. Павлова, А. М. Прибытковской. Л. ; М., 1970. 512 с.

Грязнов М. П. Восточное Приаралье // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М. ; Л., 1966. С. 233–238.

Итина М. А., Яблонский Л. Т. Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. М. : Вост. лит., 2001. 295 с.

Кузнецов В. Д. Сырцовый кирпич (по материалам Фанагории) // Проблемы истории, филологии, культуры. М. ; Магнитогорск ; Новосибирск, 2015. № 1. 443 с.

Лебедева Е., Сергеев А., Лебедев М. Сырцовые кирпичи из Гизы и абу Эртейлы: археоботанический, технологический и исторический аспекты изучения // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2019. № 5. С. 6–20.

Мендикулов М. М., Маргулан А., Басенов Т. К характеристике архитектуры Казахстана XIX и начала XX века // Архитектура Казахстана. Алма-Ата, 1959. С. 116–147.

Очерки по истории техники Древнего Востока / И. Лурье, К. Ляпунова, М. Матъе, Б. Пиотровский, Н. Флитнер. М. : Изд-во АН СССР, 1939. 353 с.

Раскопки могильника Караоба в 2013 г. / А. З. Бейсенов, В. В. Варфоломеев, В. К. Мерц, И. В. Мерц // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана : сб. науч. ст., посвящ. 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К. А. Акишева. Астана, 2014. С. 173–186.

Technology of Raw Architecture in the Stepped Architecture of Kazakhstan

A. M. Gaisa

Construction has always occupied a central place in the life of society. The first buildings were made of clay, then began to use stone and other materials. Clay is the oldest building material in the history of the world. An important reason for studying the monuments of raw materials is their comparative fragility. As a rule, the brick is raw, very easily destroyed under the influence of external factors. You can pay attention to the numerous monumental structures made of raw bricks, which are found in almost all corners of the vast territory of Kazakhstan. Their accumulation is noted in the Tengiz-Korgalzhyn steppes. According to archaeological data, raw materials appear in the construction art of Kazakhstan in the late Bronze Age. Bright monuments where raw bricks were used were Northern Tagisken, Karaoba. They are important objects of historical and cultural heritage.

Keywords: raw, mausoleums of Kazakhstan, technology, architecture.

Гайса Акерке Мараткызы

магистрант 2-го года обучения

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева

e-mail: akos_777_777@mail.ru

Gaisa Akerke Maratkyzy

Graduate student 2nd year

L. N. Gumilyov Eurasian National University

e-mail: akos_777_777@mail.ru

УДК 903.43(470.53)

К вопросу о типологии Кирменского городища

С. Х. Рахматуллин

*Набережночелнинский государственный педагогический университет,
Набережные Челны, Россия*

Кирменское городище расположено в 800 м к юго-востоку от с. Средние Кирмени Мамадышского р-на Республики Татарстан и в 18 км от р. Кама. Городище занимает высокий мыс левого берега р. Кирменка. В настоящее время в отечественной исторической науке принято отождествлять Кирменское городище с летописным Керменчуком.

Работы на территории городища были начаты с уточнения площади распространения культурного слоя. Первые данные о площади Керменчука можно встретить в работах Е. Т. Соловьева. По нему, небольшое «военное укрепление находилось на левом берегу реки, на горе, а постройки различных городских жителей на правом», а

«склон, на котором стоял город, имеет длину около 200 сажень и ширину около 500 сажень» (т. е. 462 250 м²) [Нигамаев, 2005, с. 73]. Более точные сведения о размерах территории памятника появились в результате работ экспедиции Н. Ф. Калинина – 60 200 м², судя по топографическому плану 1955 г. Стоит упомянуть, что в полевом дневнике Н. Ф. Калинина указывались несколько другие, противоречивые данные, которые привели к появлению цифры 100 800 м². Именно эти данные в дальнейшем прочно вошли в литературу [Там же, с. 62–63].

Тщательные исследования, подкрепленные шурфовочными работами и сбором подъемного материала, про-

веденные в 1995–2000 гг., показали, что площадь поселения не превышает 85 тыс. м².

Укрепления Кирменского городища впервые были выявлены экспедицией Н. Ф. Калинина в 1955 г. На плане городища, снятом группой А. Х. Халикова, обозначены две линии рвов. Первая из них пересекает северную часть площадки городища по прямой линии с запада на восток. Длина рва около 200 м при ширине 14–16 м. Вторая линия расположена в 40–80 м юго-восточнее от первой и имеет Г-образную форму. Длина рва 190 м, ширина 12–15 м. Судя по расположению этих укреплений, они должны были защищать юго-восточную половину городища.

Одной из первых задач Елабужской археологической экспедиции (которая по сей день занимается исследованием Кирменского городища) было выявление следов оборонительных укреплений городища. К сожалению, тщательный осмотр памятника не дал положительных результатов: никаких внешних признаков, прослеженных экспедицией 1955 г., оборонительных рвов не было обнаружено. Целевые поиски данных укреплений, предпринятые раскопками I, III, IV в 1995–1997 гг., оказались также безрезультатными [Нигамаев, 2005, с. 65].

Лишь в ходе исследований 2001 г. на раскопе VI удалось обнаружить часть рва, оказавшегося не на том месте, где он был обозначен на плане 1955 г., а несколько южнее. Кроме того, не совпадали и размеры: в действительности ширина рва не превышала 5 м при глубине 2–2,2 м от древней поверхности. В 2002 г. раскоп VII площадью 240 м² был заложен по направлению рва. В целом вскрытая часть рва составила в длину 4 м.

Стратиграфические данные и находки из заполнения рва позволяют датировать время сооружения и функционирования объекта домонгольским периодом в истории городища. Заполнение сооружения имеет следующую структуру: верхняя часть с максимальной мощностью до 70 см состоит из темной-серой гумусированной супеси с большим количеством находок (в основном это относительно крупные фрагменты глиняной посуды и кости животных).

Имеется предположение, что ров был вырыт в начальном периоде существования памятника, не позднее второй половины XI в. Реконструкционно-очистительных работ в нем не проводилось, и ко второй половине XIII в. он полностью заполнился. Поселение XIV в. не имело уже укреплений в виде рвов.

Если говорить о типологии данного городища, то стоит отметить, что имеется типологическое разделение горо-

дищ, составленное П. А. Раппопортом для древнерусских памятников [1965, с. 63]. Данная классификация на сегодняшний день является наиболее признанной. Она с незначительными изменениями подходит и для выявления типологической классификации городищ Волжской Булгарии, Болгарского улуса Золотой Орды и Казанского ханства.

В данной классификации (именно по отношению к памятникам на территории РТ) выделяются 4 типа [Губайдуллин, 2019, с. 42]:

I тип – городища с планировкой укреплений (ограждений), подчиненной окружающему рельефу местности (в подавляющем большинстве – это мысовые памятники);

II тип – городища с планировкой оборонительных сооружений, лишь частично использующей защитные свойства рельефа местности;

III тип – городища, не подчиненные рельефу. Они располагаются на ровной местности или одной своей стороной примыкают к обрыву, краю террасы. Обычно данные памятники имеют правильную геометрическую форму;

IV тип – городища со сложным планом, т. е. относящиеся к сложно-мысовым. Они занимают несколько мысов или площадок, которые иногда объединены вместе общей линией обороны или имеют самостоятельные укрепления, но составляют единое в хронологическом и культурном плане поселение.

Следуя данной классификации, мы можем говорить о том, что Кирменское городище относится к I типу памятников, а именно к городищам с планировкой укреплений, которые подчинены окружающему рельефу местности. Городище расположено на высоком мысу и окружено земляными заграждениями, т. е. рвами. Стоит отметить, что памятники, относящиеся к I типу, являются наиболее распространенными на территории Республики Татарстан.

*Научный руководитель – А. З. Нигамаев
канд. ист. наук, доцент,
кафедра истории и методики ее преподавания,
Набережночелнинский государственный
педагогический университет*

Список литературы

Губайдуллин А. М. Фортификация в Среднем Поволжье в X – первой половине XVI вв. Казань, 2019. 323 с.

Нигамаев А. З. Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы. Своеобразие материальной культуры. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. 228 с.

Раппопорт П. А. Древние русские крепости. М.: Наука, 1965. 85 с.

On the Question of the Typology of the Kirmen Settlement

S. Kh. Rakhmatullin

The article provides an overview of the settlement of Kirmen and its typology. The settlement has fortifications in the form of ditches. And it is the fortifications that are the benchmark for defining the typology. When defining the typology of the monument, the typological division of ancient settlements of ancient Russian monuments was used, which in turn is similar to the typological division of the monuments of the Volga Bulgaria. It should be noted that in this typology there are 4 types of fortifications, which differ from each other in the complexity of the fortifications and the difference in the area of the territory. The article defines the specific typology of this archaeological site. The article defines the specific typology of this archaeological site. In this scientific article, the monographs of A. Z. Nigamaev, A. M. Gubaidullin, P. A. Rappoport.

Keywords: Archaeology, ancient settlement, site, Volga Bulgaria, typology, Prikamyе.

Ракматуллин Салават Хамитович

студент 3-го курса

Набережночелнинский государственный

педагогический университет

e-mail: sal.rakh@mail.ru

Rakhmatullin Salavat Khamitovich

Student 3rd year

Naberezhnye Chelny State Pedagogical University

e-mail: sal.rakh@mail.ru

Четырехлепестковые нашивки в средневековых комплексах Нижнего Приангарья: морфологическая характеристика

Д. А. Максакова

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Четырехлепестковые нашивки были распространены украшениями на территории Северной Евразии в эпоху средневековья. В Нижнем Приангарье они являются одной из наиболее массовых категорий украшений, но ранее они не становились объектом отдельного исследования. В данной работе впервые рассмотрены четырехлепестковые нашивки из ансамбля археологических памятников Шивера Проспихино.

Комплекс памятников располагался в 11,5 км к юго-востоку от г. Козьмодемьянска на правом берегу р. Ангары в Кежемском районе Красноярского края. В пределах территории ансамбля выявлено пятнадцать археологических памятников. Изучаемые изделия найдены на трех из них.

Четырехлепестковые нашивки обнаружены в погребении стоянки Проспихинская Шивера-II (XIII–XIV вв.) [Мандрыка, Сенотрусова, 2015], в 55 погребениях могильника Проспихинская Шивера-IV (XI–XIV вв.) [Мандрыка, Сенотрусова, 2018], в первом культурном слое поселения

Проспихинская Шивера-XI [Мандрыка, Сенотрусова, Титова, 2017]. В погребениях, выполненных по обряду трупопожжения на стороне, нашивки найдены в могильных ямах среди обожженных костей и других предметов сопроводительного инвентаря. Общая численность четырехлепестковых нашивок составляет 369 экз., из них исследовано 282 предмета (76,4%), представляющих собой целые изделия хорошей сохранности, что позволяет привести их морфологическую характеристику. Плохая сохранность части предметов связана с их пребыванием в погребальном костре.

Тип «четырехлепестковые нашивки» по продольному сечению предмета делится на варианты, на подварианты – по способу оформления щитка:

Вариант 1 (62 экз.). Четырехлепестковые нашивки четырехгранные в сечении с двумя и тремя параллельными насечками на лепестках (рис., 1–4).

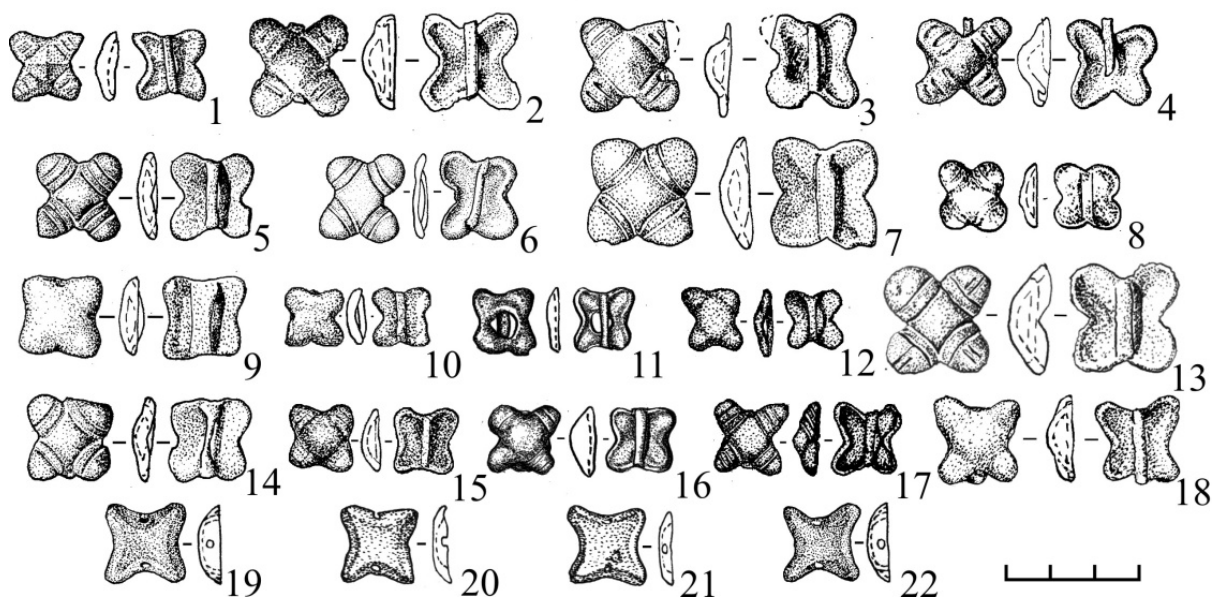

Рис. Четырехлепестковые нашивки из ансамбля археологических памятников Шивера Проспихино.
1–4 – вариант 1; 5–8 – вариант 2, подвариант 1; 9–12 – вариант 2, подвариант 2; 13 – вариант 2, подвариант 3;
14–17 – вариант 3, подвариант 1; 18 – вариант 3, подвариант 2; 19–22 – вариант 4.
1–18 – Проспихинская Шивера-IV, 19–22 – Проспихинская Шивера-II

Вариант 2 (128 экз.). Четырехлепестковые нашивки плоские в сечении:

Подвариант 1 (106 экз.). С одной, двумя и тремя параллельными насечками на лепестках (рис., 5–8).

Подвариант 2 (19 экз.). С гладким оформлением щитка (рис., 9–12).

Подвариант 3 (3 экз.). С двумя параллельными и двумя поперечными насечками на лепестках (рис., 13).

Вариант 3 (83 экз.). Четырехлепестковые нашивки выпуклые в сечении:

Подвариант 1 (76 экз.). С одной, двумя и тремя параллельными насечками (рис., 14–17).

Подвариант 2 (6 экз.). С гладким оформлением щитка (рис., 18).

Подвариант 3 (1 экз.). С двумя параллельными и двумя поперечными насечками на лепестках.

Вариант 4 (9 экз.). Четырехлепестковые нашивки трапециевидные в сечении с гладким щитком (рис., 19–22).

По размерам изделия можно разделить на три группы: мелкие – от 1,2×1,1×0,1 до 1,4×1,4×0,2 см (90 экз.); средние – от 1,5×1,4×0,1 до 1,7×1,7×0,2 см (179 экз.); крупные – от 1,8×1,5×0,2 до 2,0×1,9×0,3 см (11 экз.).

Для 27 погребений (из 56 погребений в общей численности – 48,2%) характерно сочетание нескольких вариантов: от двух до пяти. Только четырехлепестковые нашивки трапециевидные в сечении с гладким щитком не встречены с другими вариантами нашивок.

Аналогии четырехлепестковым нашивкам с параллельными насечками на лепестках разного сечения встречаются в археологических комплексах I–II тыс. н. э. Нижнего Приангарья (р. Чадобек, стоянка Усть-Кода, стоянка-могилище Отико-1, памятник Сергушкин-3), Восточного Забайкалья, Приамурья, Новосибирского, Томского, Сургутского и Нарымского Приобья, Среднего Причулымья, севера Западной Сибири, Зауралья и Предуралья [Богучанская археологическая экспедиция ... , 2015; Ковычев, 1982; Медведев, 1986; Троицкая, Новиков, 1998, с. 55–56; Гордиенко, 2018, с. 136; 2019, с. 129; Боброва, 2003; Беликова, 1996; Плетнева, 1997; Викторова, 1973; Савельева, 1987, с. 135]. В Западносибирском Заполярье в Тазовской мастерской (X–XIII вв.) отмечено изготовление подобных нашивок [Хлобыстин, Овсянников, 1973, с. 250]. Варианты изделий с гладким оформлением щитка разного сечения обнаружены в комплексах начала II тыс. н. э. лесосибирской (стоянка-могилище Отико-1, стоянка Сергушкин-3), басандайской, усть-ишимской и вымской культур [Богучанская археологическая экспедиция ... , 2015; Троицкая, Новиков, 1998, с. 55–56; Гордиенко, 2019, с. 147; Савельева, 1987, с. 136]. Нашивки первого варианта представлены в погребениях стоянки Кода-2 (Нижнее Приангарье) [Богучанская археологическая экспедиция ... , 2015, с. 86–90]. Нашивки четвертого варианта найдены в погребениях стоянки Галкина-1 (бассейн Среднего Енисея) [Спасательные археологические раскопки ... , 2018]. Вариант изделий с двумя параллельными и двумя поперечными насечками на лепестках не представлен на других территориях.

Четырехлепестковые нашивки в археологических комплексах Западной Сибири выступали в качестве украшений поясов, наборных браслетов, нижних пол одежды, ожерелий, уздечных наборов. В погребениях Нижнего Приангарья их зафиксировано от 1 до 66 предметов. Вероятно, это можно объяснить разным способом их применения. Украшения использовались в повседневной жизни, на что указывают стертые и сломанные петли на изделиях.

Нашивки выплавлялись в двухсторонних литейных формах по восковой модели. Для них характерны разные техники выполнения петель и насечек на лепестках. Они отливались из разных по рецептуре сплавов на основе меди. При визуальном осмотре на 141 предмете (50 %) отмечены технологические дефекты.

Таким образом, четырехлепестковые нашивки на территории Нижнего Приангарья использовались на протяжении всего периода развитого средневековья (XI–XIV вв.), кроме нашивок четвертого варианта (XIII–XIV вв.). Региональной особенностью является одновременное бытование разновариантных четырехлепестковых нашивок, некоторые из которых известны пока только в Нижнем Приангарье и бассейне Среднего Енисея. Четырехлепестковые

нашивки были универсальными украшениями детского, женского и мужского костюма. Техника выполнения изделий говорит о низком уровне литейного производства центра/центров по их изготовлению. Открытым остается вопрос о путях появления данных украшений в Нижнем Приангарье, но можно говорить о долговременных культурных связях средневекового населения региона с соседями близлежащих и отдаленных территорий.

*Научный руководитель – П. О. Сенотрусова
канд. ист. наук., ст. науч. сотр.,
Лаборатория археологии Енисейской Сибири,
Сибирский федеральный университет*

Список литературы

- Беликова О. Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. 272 с.
- Боброва А. И. Шейные украшения средневекового населения Нарымского Приобья // Археолого-этнографические исследования в южно-таежной зоне Западной Сибири. Томск, 2003. С. 24–26.
- Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 годы) / отв. ред. А. В. Табарев. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. 564 с.
- Викторова В. Д. Ликинский могильник X–XIII вв. // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1973. Вып. 12. С. 133–168.
- Гордиенко А. В. Культурные связи Сургутского Приобья в эпоху раннего средневековья. Тюмень : Изд-во РИЦ ТГИК, 2018. 427 с.
- Гордиенко А. В. Средневековье Западной Сибири и Европы. М. : РУСАЙНС, 2019. 232 с.
- Ковычев Е. В. К вопросу о древних связях племен Восточного Забайкалья с тюркоязычными соседями в I тыс. н. э. // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 148–156.
- Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Позднесредневековое погребение стоянки Проспихинская Шивера-II на Ангаре // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии. Иркутск, 2015. С. 381–390.
- Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Культурная принадлежность памятников развитого средневековья южнотаежной зоны Средней Сибири // РА. 2018. № 2. С. 98–112.
- Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О., Титова Ю. А. Результаты полевого исследования поселения Проспихинская Шивера-XI // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск, 2017. Вып. 8. С. 141–146.
- Медведев В. Е. Приамурье в конце I – начале II тысячелетия (чжурчженская эпоха). Новосибирск : Наука, 1986. 208 с.
- Плетнева Л. М. Томское Приобье в начале II тыс. н. э. (по археологическим источникам). Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1997. 350 с.
- Савельева Э. А. Вымские могильники XI–XIV вв. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. 200 с.
- Спасательные археологические раскопки стоянки Галкина-1 в Енисейском районе Красноярского края в 2018 году / А. В. Постнов, В. М. Харевич, И. Д. Зольников, В. В. Ахметов, И. В. Стасюк, Ю. А. Гревцов, Е. А. Филатов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2018. Т. XXIV. С. 488–490.
- Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.
- Хлобыстин Л. П., Овсянников О. В. Древняя ювелирная мастерская в западносибирском Заполярье // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 248–257.

Four-petal Appliques in Medieval Complexes Lower Angara Region: Morphological Characteristics

D. A. Maksakova

The article presents the morphological characteristics of bronze four-petal appliques from the medieval complexes of the ensemble Shivera Prospikhino in the Lower Angara region. In work variants of the type of four-petal appliques are indicated, their distribution in the region and on the territory of Northern Eurasia is determined. The four-petal appliques were universal jewelry of children's, women's and men's suit. The work touches upon the question of the technique of manufacture wares. The studied jewelry was used throughout the period of the developed Middle Ages (11–14 c.) in the Lower Angara region. The four-petal appliques reflects the results of cultural contacts of the region's population with adjacent territories in the medieval era.

Keywords: Lower Angara region, Middle Ages, burials, four-petal appliques, universal jewelry, typology.

Максакова Дарья Андреевна

студент 4-го курса
Сибирский федеральный университет
e-mail: darya.maxakova@gmail.com

Maksakova Daria Andreevna

Student 4th year
Siberian Federal University
e-mail: darya.maxakova@gmail.com

Новая находка золотоордынского мавзолея на Нижнем Дону

К. В. Карепин

Донецкий национальный университет, Донецк, Украина

Первым и одним из важнейших этапов археологического исследования является проведение археологических разведок, поскольку выявление новых памятников археологии с целью их учета – это одна из основных задач археологии. Археологические разведки чаще всего проводятся с целью сплошного исследования определенной территории для выявления новых памятников [Мартынов, Шер, 1989, с. 20]. Однако важные материалы дает и мониторинг уже известных памятников.

Так, летом 2020 г., в ходе разведок, проводимых ГАУК РО «Донское наследие», совместно с ООО «Архспецпроект» и ООО «Южархеология», в Пролетарском р-не Ростовской области был исследован ОАН федерального значения курган «Наумовка I». Объект располагается на

водораздельной возвышенности на правом берегу р. Маныч в 1,7 км от хутора Наумовский и представляет собой курганную насыпь округлой в плане формы, диаметром 19 м и высотой 0,4 м. До проведения раскопок хронологические рамки памятника могут быть определены в широком диапазоне от III тыс. до н. э. до XIV в. [Щипанова, 2020, с. 6]. В ходе мониторинга неподалеку от кургана были обнаружены скопления камней, которые при ближайшем рассмотрении оказались обломками кирпича (рис.). Характерная форма, а также большие размеры позволили предположить, что данные кирпичи являются золотоордынскими плинфами. Эта точка зрения была подтверждена А. Н. Масловским.

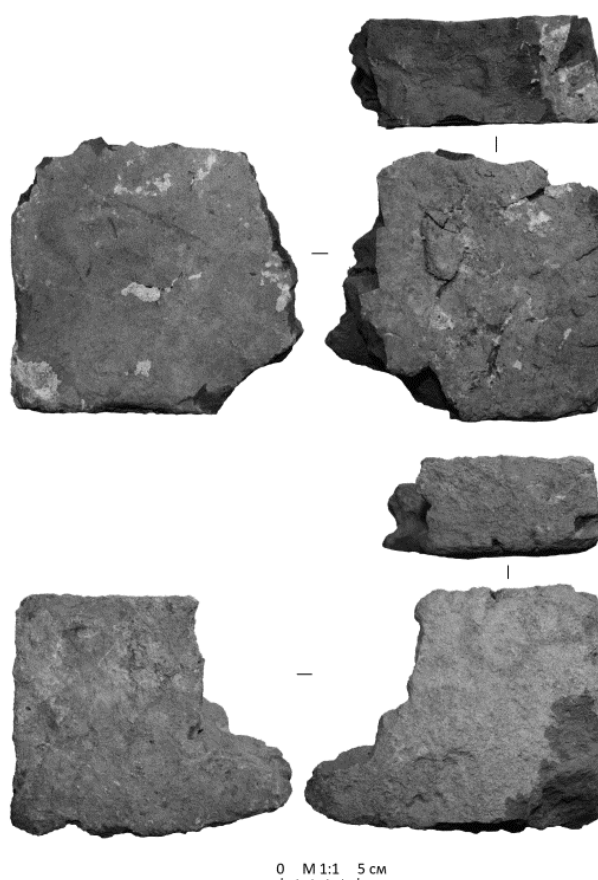

Рис. Образцы плинф, обнаруженные у кургана Наумовка I

Обычно плинфы достаточно велики по размеру: с длиной и шириной, равной 220–250 мм, и высотой от 40 до 60 мм. Так, размеры плинф с Болгарского городища составляют 225×225×40 мм [Баранов, Бадеев, Коваль, 2012, с. 161], среднестатистические размеры плинф с Увекского городища, по данным археологических отчетов, составляют 234×228×52 мм [Сингатулин, 2017, с. 66], а плинфы городища Конские Воды имеют размеры 225×225×50 мм [Сльников, 2010, с. 243]. Если учесть, что эти три памятника расположены на достаточно далеких расстояниях друг от друга – Болгар в Среднем Поволжье, Увекское городище в Нижнем Приволжье и Конские Воды в Запорожской обл. Украины, – то очевидной является унификация разме-

ров плинф в Золотоордынском государстве. К сожалению, плинфы кургана Наумовка I оказались разбитыми, отчего достоверно можно установить только высоту, которая составляет 60 мм у всех образцов с данного памятника. Далее, зная про унифицированные размеры, и по аналогии с образцами, происходящими из других городищ Золотой Орды, можно установить, что приблизительной длиной и шириной плинф кургана Наумовка I должны быть 250±5 мм.

Кроме размеров характерным также является и цвет представленных плинф. На сколах кирпичей видны следы, указывающие на недостаточную температуру обжига. Не углубляясь в технологический анализ производства дан-

ных плинф, следует обратить внимание на то, каким образом они оказались рядом с курганом. В целом случаи сооружения на курганах святилищ или же погребальных сооружений в литературе известны, однако, учитывая то, что курган – это погребальный памятник и то, что плинфы часто служили для сооружения мавзолеев, то более целесообразным будет принять точку зрения, что обнаруженные плинфы происходят от мавзолея золотоордынской эпохи, некогда стоявшего на вершине кургана.

Изменения в погребальных практиках и традициях, одним из которых является возведение мавзолеев различных типов (дюрбэ, кэшэнэ, мазар) для знатных либо почитаемых святыми умерших, происходят вместе с установлением в Золотой Орде ислама в качестве государственной религии. При этом стоит учитывать, что ислам и законы шариата запрещают сооружение мавзолеев, дабы могилы богатых не вызвали зависть у более бедных мусульман [Керимов, 1978, с. 57]. Тем не менее, так как мавзолеи отображают исламскую мечетную архитектуру, становится понятным, что населением Золотой Орды данный запрет был проигнорирован, и поэтому мы относим создание мавзолеев в золотоордынском государстве к XIV в.

На сегодняшний день известно большое количество мавзолеев золотоордынского времени. Основные места их обнаружения соотносятся с местонахождениями крупных городских центров Улуса Джучи, такими как Болгарское, Увекское, Селитренное и Водянское городища, Верхний и Нижний Джулат и т. д. Существует большое количество литературы, как посвященной описанию конкретных мавзолеев, так и обобщающей накопленные сведения с целью классификации [Васильев, 2003, с. 110]. Такой интерес со стороны исследователей вызван высокой сохранностью значительной части памятников данного типа, что позволяет подробно изучить архитектурные традиции Золотой Орды и культурные заимствования.

С другой стороны, практически все мавзолеи золотоордынского периода происходят из регионов Нижнего Поволжья, Северного Кавказа и Южного Урала. В западных районах государства (за исключением Крыма) находки мавзолеев единичны, что связано с практическим отсутствием городищ на этих территориях. Одним из примеров мавзолея на западных территориях Золотой Орды является уже упомянутый мавзолей городища Конские Воды.

В случае же с исследуемым мавзолеем у хутора Наумовский ситуация иная. Расстояние до ближайшего крупного городища Азака (нынешнего Азова) составляет 153 км. То есть фактически перед нами пример мавзолея, сооруженного в степи. К сожалению, так как никаких конструктивных элементов сооружения не сохранилось, невозможно до раскопок восстановить его архитектуру и определить, к какому конкретно типу оно относится. Однако, с другой стороны, сам факт наличия в степи мавзолея указывает на то, что погребенный в кургане не являлся простым воином и при жизни был как минимум представителем кочевой знати одной из групп, под контролем которой находился данный улус.

New Find Golden Horde Mausoleum on Lower Don

K. V. Karepin

The article is devoted to the introduction into circulation of materials found during the survey of kurgan “Naumovka I”. During the study were discovered plinths that are associated with construction of mausoleum. Similar mausoleums appear in the Golden Horde in the XIV century and are associated with transformation of Islam into state religion. Based on this, author suggests that the burial in kurgan “Naumovka I” belonged to a member of the nomadic nobility. Author concludes that consideration of similar mausoleums will help to study the social processes associated with the penetration of Islam into the nomadic environment.

Keywords: Golden Horde, Lower Don, architecture, kurgan, mausoleum, plinth.

Карепин Константин Владимирович
магистрант 2-го года обучения
Донецкий национальный университет
e-mail: karepin.kostya@mail.ru

В целом сооружение мавзолея в степи, вдалеке от крупных поселений, должно было являться весьма затратным. Во-первых, необходимо было собрать группу рабочих и оплатить их труд. Кроме того, на время строительства рабочие должны быть обеспечены провизией. Строительный материал, а именно плинфы, также приходилось привозить издалека, что в совокупности с вышеизложенными пунктами еще раз доказывает, что погребенный имел высокий статус в кочевом сообществе и его семья была достаточно богатой для того, чтобы иметь возможность увековечить имя умершего родственника путем сооружения мавзолея.

Таким образом, повторное обследование ранее открытых памятников и обнаружение новых данных ставят перед исследователями целый ряд вопросов. Несомненно, раскопки кургана Наумовка I могли бы предоставить значительно больше информации, однако даже сейчас понятно, что обнаруженные остатки мавзолея отображают важные социальные процессы, происходящие в золотоордынском государстве в XIV в. Кроме того, они ставят вопрос о том, насколько широко были распространены мавзолеи и святилища в золотоордынской степи, поскольку на сегодняшний день этот вопрос не разработан, однако его решение позволило бы определить, насколько широко ислам проник в среду степняков-кочевников. Именно поэтому решение данного вопроса должно стать одной из приоритетных задач золотоордынской археологии.

Автор благодарит научного сотрудника ООО «Архспецпроект» А. Г. Щипанову за предоставленные материалы, а также заведующего отделом археологии Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника А. Н. Масловского за консультацию в идентификации золотоордынских плинф.

Научный руководитель – А. В. Колесник
д-р ист. наук, доцент,
Донецкий национальный университет

Источники

Щипанова А. Г. Отчет о проведении работ по определению границ территории объекта археологического наследия федерального значения Курган Наумовка I. Ростов-на-Д.: ГАУК РО «Донское наследие», 2020. 12 с.

Список литературы

- Баранов В. С., Бадеев Д. Ю., Коваль В. Ю. Исследования остатков монументальной постройки к юго-западу от Соборной мечети в Болгаре // Поволжская археология. 2012. № 1 (1). С. 158–171.
- Васильев Д. В. Мавзолеи Золотой Орды – географический обзор и опыт типологизации // Учен. зап. Астрахан. гос. ун-та. 2003. С. 110–119.
- Сльников М. В. В. Г. Фоменко – першовідкривач городища Кінські Води // Музейний вісник. Запоріжжя, 2010. № 10. С. 237–246.
- Керимов Г. М. Шариат и его социальная сущность. М.: Наука, 1978. 223 с.
- Мартынов А. И., Шер Я. А. Методы археологического исследования. М.: Высш. шк., 1989. 223 с.
- Сингатулин Р. А. Теплотехнические и прочностные характеристики плинфы с Увекского городища // Современные наукоемкие технологии. 2017. № 8. С. 65–68.

Karepin Konstantin Vladimirovich
Graduate student 2nd year
Donetsk National University
e-mail: karepin.kostya@mail.ru

Лаконичная композиция на курганном камне (могильник Селиваниха в окрестностях г. Минусинска)

В. П. Ганусова

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В. П. Астафьева, Красноярск, Россия*

Определение датировки и интерпретация наскальных изображений – одна из важных и актуальных проблем в современной археологической науке. Немаловажное значение в решении данных вопросов имеют петроглифы, обнаруженные во время раскопок в закрытых комплексах. Интересная лаконичная композиция была обнаружена экспедицией ЛАПСС КФ ИИФФ СО АН СССР в 1990 г. во время раскопок курганного могильника Селиваниха в окрестностях г. Минусинска (юг Красноярского края). По свидетельству автора раскопок Ю. А. Гревцова, рисунки были выявлены на вертикальной плите северо-восточного угла могильной ограды кургана тагарской культуры и обращены были внутрь ограды [Гревцов, 1991]. В настоящее время плита с изображениями находится в экспозиции Музея археологии и этнографии КГПУ им. В. П. Астафьева (МАС ВХ № 2-ПЗ, № 15).

Плита представляет собой обломок камня девонского песчаника в форме почти равнобедренного треугольника (42×45×60 см). Толщина камня варьируется от 3 до 5 см. Рисунки расположены в левой верхней части камня и в сюжетном плане представляют собой лаконичную композицию из трех фигур, выполненных в технике выбивки (рис. 1). Центральную часть занимает линейная фронтальная фигура человека. Справа от него показан солярный знак в виде окружности с «лучами» и ямкой в центре. Слева от фигуры человека нанесена вертикальная чуть изогнутая линия. Судя по патине, характеру выбивки изображения человека и солнца, рисунки выполнены в одно время и должны восприниматься как единая композиция. Линия и соседняя ямка, судя по степени скального загара, выполнены позже.

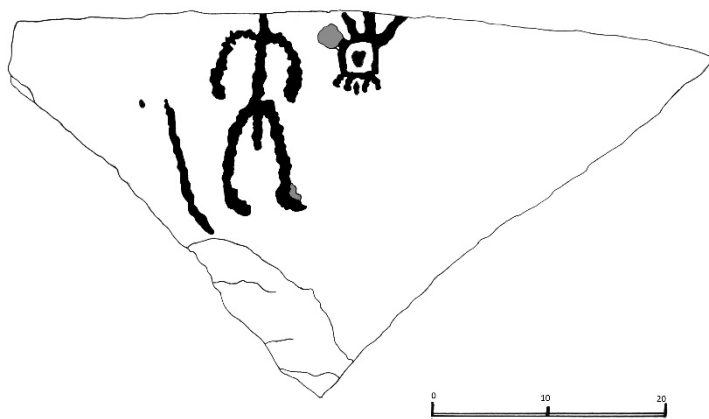

Рис. 1. Петроглифы на плите ограды кургана на могильнике Селиваниха.
Прорисовка изображений

Учитывая обстоятельства находки, рисунки были нанесены во время сооружения кургана или раньше, так как плита использовалась как строительный материал. В пользу последнего утверждения указывает фрагментарность основной композиции (рисунки нанесены вдоль края плиты, у антропоморфной фигуры голова уничтожена в результате разлома камня). Соответственно, изображения человека и солнца когда-то составляли более полный сюжет и были нанесены на камень до сооружения кургана, причем успели долгое время побыть на солнце, покрывшись довольно плотным скальным загаром.

Основная композиция (человек и солнце), видимо, была нанесена не на вертикальную скальную плоскость, а на горизонтальную плиту останцовых выходов девонского песчаника (судя по слоистости осадочных пород). По известным данным, такая традиция была распространена в карасукской культуре эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины [Пяткин, 1985; Мухарева, 2014, 2018]. Часто подобные плиты выламывались и использовались полностью или в виде фрагментов при сооружении погребальных комплексов более поздних культур [Пяткин, 1977; Савинов 1995; Ковалева, 2011]. Более того, в другом тагарском кургане могильника Селиваниха найдена широкая плита могильного перекрытия с явно карасукскими петроглифами. На ней представлена многофигурная круго-

вая композиция с несколько хаотично расположенными фигурами копытных животных, выполненными в линейном стиле. Таким образом, искомые петроглифы могут быть датированы эпохой поздней бронзы (карасукская культура) или ранним периодом развития тагарской культуры (ранний железный век) и охватывать сравнительно небольшой интервал времени (XI–V вв. до н. э.).

Солярная символика появляется в художественной культуре человечества в период освоения им цветных металлов, тогда же зарождаются мифы, связанные с солнцем [Топоров, 1994]. В наскальном творчестве Северной Азии этот процесс проявляется на примере солнцеголовых персонажей, которые ярко представлены, например, в петроглифах окуневской культуры на территории Хакасско-Минусинской котловины в период ранней бронзы [Дэвлет, 1997] (рис. 2, 1–4). В данных образах исследователи видят солнечных божеств, исполнителей ритуалов, посвященных солнцу, шаманов [Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980, с. 62–63; Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, с. 50–51; Кубарев, 2009, с. 57–59]. Примечательно, что среди наскальных рисунков окуневского типа, в петроглифах в устье р. Тубы, зафиксирована антропоморфная личина, у которой глаза и рот оформлены округлыми контурами с радиальными лучами (рис. 2, 5). То есть иконография органов чувств у данного образа соответствует изображению солярного

знака из могильника Селиваниха. Ю. Н. Есин соотносит усть-тубинскую личину с афанасьевской культурой эпохи энеолита [2010, с. 69]. Но, надо полагать, данный образ маркирует не начальную стадию развития, а наоборот, вырождение «солнцеголовой» традиции в окуневском искусстве. В любом случае мы здесь встречаемся с наиболее ранними солнцеподобными изображениями в виде окружности с радиально расходящимися лучами и с ямкой в центре. Большой частью они зафиксированы в более поздние периоды (ранний железный век – средневековье) в наскальных рисунках Ангары [Силин, Заика, 2005], на курганных камнях Хакасии [Липский, 1948, с. 24–25] (рис. 2, 7–12).

Что касается композиционного решения в петроглифах на плите из селиваниховского могильника, то необхо-

димо отметить, что сюжетное сочетание отдельно расположенных изображений человека и солнца не характерно для петроглифического искусства эпохи бронзы, не популярно оно было и в последующую эпоху раннего железа Хакасско-Минусинской котловины. Наиболее близкие территориальные и хронологические аналогии хорошо представлены среди крашенных рисунков в бассейне р. Маны на писанице Шкапчик [Заика, 2008] (рис. 3, 4). Данные рисунки датируются эпохой средневековья [Заика, Кузнецов, 2008, с. 59]. Примечательно, что на данном памятнике и на других манских писаницах присутствует другое сочетание антропоморфа и солнечного знака: человеческая фигура, вписанная в солнечный круг (рис. 3, 1–3).

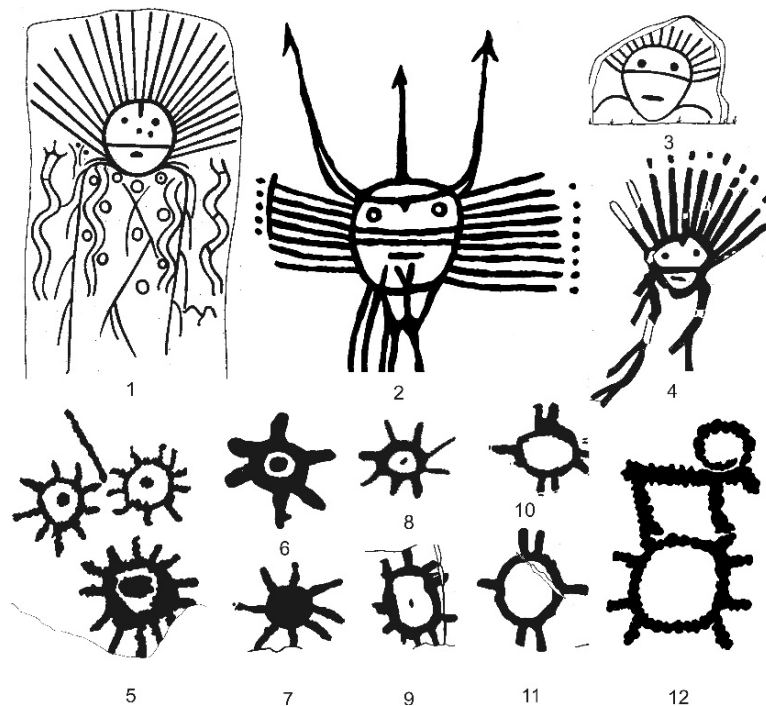

Рис. 2. Солярная символика в петроглифах Енисейской Сибири.

1 – Онхаков улус; 2 – Шалаболинская писаница; 3 – Белый Июс; 4 – Кантегир; 5 – Усть-Туба II; 7–11 – Нижняя Ангара; 12 – Райков улус (1, 3 – по: [Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980]; 4 – по: [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006]; 2, 5–11 – по: [Силин, Заика, 2005]; 12 – по: [Липский, 1948])

Рис. 3. Наскальные рисунки в бассейне р. Маны (по: [Заика, 2008]). 1 – писаница Верх-Базаиха; 2 – Писанское плесо; 3, 4 – писаница Шкапчик

Датируются рисунки эпохой позднего средневековья – началом нового времени (XIV–XVII вв.). По всей видимости, мы наблюдаем трансформацию сюжета «человек и солнце» в более лаконичную композицию «человек в солнце». Вопрос о том, повлияло ли изменение форм выражения на смысл композиций, а если повлияло, то в какой степени, требует отдельного исследования.

*Научный руководитель – А. Л. Заика
канд. ист. наук, доцент,
кафедра отечественной истории,
директор, Музей археологии и этнографии,
Красноярский государственный педагогический университет
им. В. П. Астафьева*

Список литературы

- Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А. Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980. 147 с.
- Гревцов Ю. А. Отчет о раскопках курганного могильника Селиваниха в Минусинском районе Красноярского края // Архив Музея археологии и этнографии КГПУ им. В. П. Астафьева. 1991. Оп. 78. Д. 03.
- Дэвлет М. А. О соляных знаках, «солнцегорогах», «солнцеголовых» в наскальном искусстве Сибири // Наскальное искусство Азии. 1997. Вып. 2. С. 11–17.
- Есин Ю. Н. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник: сб. науч. ст. Барнаул, 2010. С. 53–73.

- Заика А. Л. О методике зимних исследований петроглифов // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. М., 2008. Том III. С. 24–28.
- Заика А. Л., Кузнецов А. Л. Зимняя археология. Полевые исследования петроглифов: метод. пособие. Красноярск: РИО КГПУ, 2008. 76 с.
- Ковалева О. В. Наскальные рисунки эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2011. 160 с.
- Кубарев В. Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. 264 с.
- Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2006. 235 с.
- Липский А. Н. Археологические раскопки 1948 г. в Хакасии (Отчет) // Архив ИА РАН. Р – I. № 762. 55 л.
- Мухарева А. Н. Изображения на каменных «плитах» севера Минусинской котловины // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда. Казань, 2014. Т. IV. С. 83–84.
- Мухарева А. Н. Исследования петроглифической экспедиции Музея-заповедника «Томская писаница» в 2017 г. // Учен. зап. музея-заповедника «Томская писаница». 2018. Вып. 7. С. 26–35.
- Пяткин Б. Н. Некоторые вопросы датировки петроглифов Южной Сибири // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1977. С. 60–67.
- Пяткин Б. Н. Камень с рисунками в урочище Кизань (гора Оглахты) // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск, 1985. С. 116–127.
- Савинов Д. Г. Новые материалы по изображениям на каменных плитах юга Хакасии // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово, 1995. С. 69–71.
- Силин Е. В., Заика А. Л. Знаковая символика в наскальном искусстве Нижней Ангары (опыт классификации) // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск, 2005. С. 195–199.
- Топоров В. Н. Соляные мифы // Мифы народов мира. М., 1994. Т. 2. С. 461–463.

Composition on the Grave Stone (Selivanikha Burial Ground in the Vicinity of Minusinsk)

V. P. Ganusova

The plot “man and the sun” on the mound of the Selivanikha burial ground dates back to the Late Bronze Age – the beginning of the Early Iron Age and illustrates a certain stage in the development of solar cults on the territory of Yenisei Siberia.

Keywords: Petroglyphs, Bronze Age, Early Iron Age, solar symbolism.

Ганусова Виктория Павловна
студент 2-го курса
Красноярский государственный
педагогический университет им. В. П. Астафьева
e-mail: ganusova01@mail.ru

Ganusova Viktoria Pavlovna
Student 2nd year
Krasnoyarsk State Pedagogical University named
after V. P. Astafiev
e-mail: ganusova01@mail.ru

УДК 904(571.61)“653”

Новый археологический памятник владимировской культуры в Амурской области

Я. М. Мамуль

Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области, Благовещенск, Россия

Владимировская археологическая культура была выделена в 1995 г. Д. П. Болотиным по результатам исследований позднесредневековых некрополей на территории Амурской области [1995].

Сложность изучения периода позднего средневековья в Амурской области связана с неоднозначной этнографической ситуацией XIII–XVII вв. По информации письменных источников XVII в., население, проживающее по берегам верхнего и среднего течения Амура и его притокам, было представлено носителями двух этносов: тунгусо-язычными дючерами, проживающими на данной территории как автохтонное население, и пришлыми монголо-язычными даурами [Болотин, 1993, с. 52–53].

Появление владимировской археологической культуры обусловлено синтезом аборигенов и мигрантов, на что повлияло несколько факторов. В первую очередь, это общая территория проживания, а также экономический уклад и наличие торговых отношений. Данный вывод был сделан преимущественно по результатам исследования могильников. В то же время изучение данной культурной общности выглядит фрагментарно без анализа поселенческих комплексов. Выявление, изучение и систематизация данных объектов позволяют расширить представление о хозяйстве, ремесле и быте носителей культуры.

В 2020 г. сотрудниками «ЦСН Амурской области» в ходе проведения археологической разведки в Свободненском р-не Амурской области, на левом берегу р. Гашенка, вблизи ее места впадения в р. Зея, выявлено новое городище. Объект выражен на поверхности 5 рядами валов и 4 рядами рвов, оконтуривающих ровную площадку, в центре которой прослежены два округлых понижения. Фортификационные сооружения защищают площадку с запада. Городище ограничено с востока руслом реки, с юга и севера старичными протоками. Высота поверхности городища относительно уреза воды достигает 5 м. Общая площадь памятника составила 6480 м².

По типу памятник отнесен к малым равнинным городищам [История Амурской области, 2008, с. 129].

Для уточнения стратиграфической ситуации во внутренней части городища был заложен шурф. Археологический материал, представленный компактным скоплением предметов (137 ед.), был уложен в металлургическую чашу. Материал был обнаружен на глубине 70 см от современной дневной поверхности в слое серой рыхлой мешаной супеси с включением угля и прокала.

Найденные артефакты, после детального обследования, были условно разделены на несколько групп: предме-

ты вооружения и конской упряжи, бытовые изделия, одежда и украшения. При изучении коллекции особое внимание было уделено артефактам, сопоставимым с материалами из захоронений владимирской культуры.

Удила (трэнзель) – железные – состоят из двухсоставного грызла и двух колец, за которые удила крепят к щечным ремням оголовья (рис., 1).

Бронзовый бубенчик выполнен в виде полого шара с прорезью и петлей для крепления (рис., 2).

Панцирные пластины – 8 экз., железные, прямоугольной формы, 4 экз. с округлым краем, с 3 рядами округлых отверстий, расположенных парно, симметрично по краям и на конце пластины (рис., 3).

Бронзовые подвески (6 экз.) выполнены в виде плоских в сечении колец с параллельными насечками по одной стороне. У четырех предметов имеются ушки для подвешивания (рис., 4). Одна подвеска соединена с одним из звеньев фрагмента металлической цепочки (рис., 5).

Рис. Артефакты, обнаруженные на городище:
1 – удила, 2 – бронзовый бубенчик, 3 – панцирная пластина, 4–5 – бронзовые подвески, 6 – бронзовая нашивка, 7 – железная накладка, 8–10 – железные браслеты, 11 – бронзовое кольцо, 12–14 – бусы

Бронзовая ажурная нашивка, с двумя трапециевидными ушками, расположенными параллельно друг другу, имеет форму диска (диаметр 3,2 см). Центральная часть предмета выполнена в виде цветка лотоса. Внешний ободок нашивки украшен кольцевым орнаментом (рис., 6).

Железная накладка, выполненная как украшение, представляет собой подпрямоугольную изогнутую пластину. Спинка изделия украшена аппликацией в виде цветков и стеблей лотоса. В центре цветков зафиксированы маленькие отверстия для крепления. По-видимому, использовались маленькие клепки или гвоздики. Длина предмета 12,5 см, ширина до 2,2 см. Такой изгиб изделия может свидетельствовать о головном уборе с жесткой основой (рис., 7).

Железные браслеты (17 экз.) представлены в нескольких вариациях:

- выполнены из железной, круглой в сечении, полосы, плавню сужающейся на концах, – 4 экз. (рис., 8);
- сделаны из тонкого, круглого в сечении стержня (4 экз.). На одном из предметов с одной стороны имеются параллельные насечки (диаметр 5–10 см) (рис., 9);
- изготовлены из круглого витого в сечении стержня, концы спаяны между собой – 4 экз. (диаметр 5–10 см);
- произведены из тонкого, круглого, витого в сечении, стержня, концы загнуты наружу и закручены в петли (2 экз.);
- сделаны из двух витых стержней, спаянных на концах, которые загнуты наружу – 3 экз. (рис., 10).

Бронзовые кольца – 10 экз., цельнолитые, полукруглые в сечении, без орнамента, похожи на обручальные (рис., 11).

Бусы – 75 экз., стеклянные, шаровидной формы, нескольких оттенков, преобладают голубого и бирюзового цветов (рис., 12, 13). Три бусины сильно крупнее и тяжелее остальных, выполнены в форме бутона цветка (рис., 14).

Также в коллекции присутствуют 2 пряжки с прямоугольной и круглой рамкой, железные кольца, прямоугольный стержень, замок, звенья железной цепочки, скоба, фрагмент гвоздя и ряд других предметов, изготовленных из железа.

Все предметы лежали в металлической чаше с коррозированным отверстием на дне. Диаметр чаши в верхней части 25 см. По внутреннему краю посуды располагаются три петли, использовавшиеся для подвешивания чаши. Предмет в процессе использования был неоднократно подвержен ремонту.

Принадлежность описанных артефактов к позднесредневековой эпохе можно предварительно определить по имеющимся аналогиям и технологии изготовления. Изделия соотносятся с археологическим материалом из могильников владимирской археологической культуры [Болотин, 1995].

New Archaeological Site of the Vladimir Culture in the Amur Region

Ya. M. Mamul

The article examines the features of the identification of the Vladimir archaeological culture by the burial grounds on the territory of the Amur Region. The necessity of studying the settlement complexes of this culture is indicated. The characteristics of the new settlement are given, where archaeological material similar to the necropolises has been revealed. The description of the collection is presented. Conclusions about the prospect of studying the settlement complexes of the late Middle Ages are presented.

Keywords: archaeological culture, history Amur region, later-medieval town.

Мамуль Ян Михайлович
археолог
ЦСН Амурской области
e-mail: mamul.93@mail.ru

Mamul Yan Mikhailovich
Archaeologist
CHCH Amur region
e-mail: mamul.93@mail.ru

УДК 397.4

Культурные различия качинцев и аринцев среднего Енисея позднего средневековья и начала нового времени (по данным погребальных комплексов)

Е. В. Зеленина

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Археологические памятники являются важными историческими источниками, в том числе для периода письменной истории. Из сведений русских письменных документов, а также сообщений ряда западноевропейских авторов XVII–XVIII вв. известно, что еще до строительства в 1628 г. Красноярского острога в Красноярской лесостепи проживали тюркоязычные качинцы и кетоязычные аринцы. Часть из них в 20-е гг. XVIII в. переселилась на юг, в Минусинские степи, составив одну из групп современного хакасского этноса. Оставшиеся в Красноярской лесостепи в результате процесса этнической и культурной адаптации вошли в состав русского населения [Скобелев, Зеленина, 2019, с. 50].

Культуры этих двух групп автохтонного населения (качинцев и аринцев) были очень похожи, практически идентичны. Однако некоторые различия, прежде всего в сфере погребальной обрядности, фиксируются. Так, известно, что качинские «татары» использовали огонь во время погребального обряда, применяя его перед положением умершего в могильную яму (обожжение площадки захоронения). Разводился огонь также поверх могильного сооружения или самого тела покойника. Эти обычаи у качин-

Таким образом, полученные данные возвращают нас к вопросу об актуальности изучения поселенческих комплексов позднего средневековья. В перспективе проведения таких работ мы сможем получить данные о домостроительных традициях, особенностях фортификации, упорядоченности и видах сооружений. В представленном периоде истории Амурской области проживающие этносы отличаются неоднородностью, и продолжение работ по их изучению позволит детально осветить экономическую, религиозную и культурную сферы общества.

*Научный руководитель – С. В. Коваленко
начальник археологического отдела
ЦСН Амурской области*

Список литературы

Болотин Д. П. К вопросу об этнической принадлежности носителей владимирской археологической культуры // Новые материалы по археологии Дальнего Востока России и смежных территорий : докл. V науч.-пробл. совета археологов Дальнего Востока. Владивосток, 1993. С. 51–56.

Болотин Д. П. Этнокультурная ситуация на Верхнем Амуре в эпоху позднего средневековья (XIII–XVII века) : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1995. 188 с.

История Амурской области с древнейших времен до начала XX века / под ред. А. П. Деревянко, А. П. Забияко. Благовещенск, 2008. 424 с.

цев отмечены непосредственным очевидцем С. П. Крашенинниковым [1966, с. 61]. Признаки применения огня отмечены на 13 исследованных погребениях на левом берегу р. Кача (одиночные Иннокентьевское и Солонцы, курган № 2 могильника Бадалык, все 9 курганов могильника Высокое и курган № 1 могильника Шишка): встречались фрагменты жженных костей, как человеческих, так и животных, а также остатки горелого дерева и фрагменты бересты. Все это свидетельствует о применении огня во время погребального обряда непосредственно на месте захоронения и, скорее всего, относится к качинцам, поскольку об использовании огня у аринцев в источниках ничего не говорится.

Е. Пестерев сообщал о минусинских качинцах следующее: «Умерших хоронили в землю, в одежде, без гроба, но между досками, и с ними погребали различную утварь и пищу. При похоронах богачи на могиле покойника обязательно закалывали лошадь, на которой он ездил» [Потапов, 1952, с. 118]. И. Г. Георги, составивший этнографические описания качинцев и аринцев, отметил, что аринцы жили во всем одинаково с качинцами, но были беднее их. Можно, соответственно, предположить, что у аринцев поминки

справлялись скромнее, не так, как у качинцев, т. е. для большинства людей домашние животные не закалывались. Качинцы поминки по покойному могли себе позволить справлять дольше и чаще, чем аринцы, устраивая их даже несколько раз в году. Косвенно это подтверждается и сведениями князя Кострова о качинцах для более позднего времени, когда бедные люди, видимо, могли являться потомками именно аринцев [Костров, 1852, с. 54–55]. Поскольку у качинцев и аринцев были разные языки, то и поминальные молитвы у них, скорее всего, были разными по звучанию.

В ходе исполнения погребального ритуала качинцы и аринцы клали с умершими «несколько домашних вещей» [Там же], одежду и оружие, которыми они владели. Бусы, серьги, кольца и иные украшения были в широком употреблении у женщин качинцев и аринцев. Еще атаман Мугунчаков писал в 1737 г. о качинских женщинах: «... в ушах носят серьга большие, кольца и камни кладут хрущ..., шуру (скорее всего здесь имеется в виду «шкура») и потом к той шуре навешивают бисер и жемчуг китайский...» [Красноярск: от прошлого ... , 2013, с. 19]. Так, в некоторых погребениях были найдены подобные украшения: бусины разного размера голубого и темно-синего цвета, стеклянные, янтарные и из пасты; фрагменты ажурной серебряной обломанной серьги; несколько подвесок в виде бусин из пористого материала белого цвета с железными шпеньками; бронзовые пуговицы, которые были связаны вместе толстыми шерстяными нитками красновато-бурого цвета; бисер голубого цвета; несколько сережек и подвесок; один перстень и два кольца. Исходя из мнения С. В. Бахрушина о том, что у качинцев был более высокий уровень материальной культуры [1959, с. 34], можно предположить, что именно они могли сопроводить умершего украшениями, в то время как аринцы, видимо, делали это редко, поскольку лишь единицы из них могли себе такое позволить.

Differences between the Cultures of Kachins and Arins of the Middle Yenisei of the Late Middle Ages and the Beginning of the New Age (According to Data from Burial Complexes)

E. V. Zelenina

The article compares cultures of Kachins and Arins in Krasnoyarsk forest-steppe region from the written sources of the XVIII century and data collected from excavations of burial complexes of these peoples by the archaeological team from NSU in our time. Some information from these written sources, as well as the archaeological material obtained by the NSU archaeological team showed that although the two cultures of these peoples were very similar, they still had some differences between them. Those being: the use of fire during the burial ritual for Kachins, Arins being poorer of the two and Kachins having a more advanced culture with trades, therefore Arins had simpler rituals and grave inventory of the two.

Keywords: Krasnoyarsk forest-steppe region, Kachins, Arins, written sources, burial complexes, culture, grave inventory.

Зеленина Елизавета Витальевна
магистрант 1-го года обучения
Новосибирский государственный
университет
e-mail: zeleninaliza@gmail.com

Из сообщений письменных источников также можно отметить, что отличие аринцев от качинцев проявлялось в более широком использовании одежды и обуви, сшитой из шкур животных, и гораздо реже – пошитой из тканей. Следовательно, охота и скотоводство играли более важную роль в повседневной жизни аринцев, а тканей для одежды использовалось меньше, чем у качинцев, поскольку все они были предметами импорта – упомянутая «бедность» аринцев ограничивала их возможности в приобретении тканей для пошива одежды.

Таким образом, несмотря на длительный период совместного проживания и высокую степень ассимиляции аринцев со стороны качинцев, анализ сопроводительного инвентаря позволяет отметить отдельные различия в их культуре, которые можно связать и с этническими различиями.

Научный руководитель – О. А. Митько
канд. ист. наук, доцент кафедры археологии и этнографии,
Гуманитарный институт,
Новосибирский государственный университет

Список литературы

- Бахрушин С. В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. Сибирь и Средняя Азия в XVI–XVII вв. // Научные труды. М. : Изд-во АН СССР, 1959. Т. IV. 257 с.
- Костров Н. А. Качинские татары. Сочинения. Казань : Типография Губернского правления, 1852. 66 с.
- Красноярск: от прошлого к будущему: очерки истории города / В. В. Куимов, В. Ф. Федорова, Г. Ф. Быконя, П. И. Пимашков, Ю. А. Кирюшин. Красноярск : РАСТР, 2013. 640 с.
- Потапов Л. П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов XVII–XIX вв. Абакан : Хакас. обл. гос. изд-во, 1952. 216 с.
- С. П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы / Подготовка текста и вступ. ст. проф. Н. Н. Степанова. М. ; Л. : Наука, 1966. 241 с.
- Скобелев С. Г., Зеленина Е. В. Археологические памятники аринцев и качинцев в Красноярском лесостепном районе (XVI–XVIII вв.) // Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий : материалы VI Междунар. научн. конф., посвящ. 75-летию Хакасского науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории (26–27 сент. 2019 г.). Абакан, 2019. С. 48–58.

Zelenina Elizaveta Vitalievna
Graduate student 1st year
Novosibirsk State University
e-mail: zeleninaliza@gmail.com

Железоплавильные мастерские на территории Хангаласского района Республики Саха (Якутия)

Е. Н. Николаев

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия

Изучение процесса освоения железа – одна из важнейших задач современной науки, так как появление металлургии привело к революционному преобразованию производительных сил, хозяйственного уклада и мировоззренческих основ древних культур. Вместе с тем проблема распространения и развития металлургии на территории Якутии затрагивалась в контексте исследований кузнечного дела якутов XIX–XX вв. [Стрелов, 1928; Алексеев, 1965; Иванов, 1966; Антонов, 1977; Уткин, 1991; Ксенофонтов, 2004].

Археологическое изучение металлургического производства якутской культуры зачастую ограничивалось лишь фиксацией следов плавки железа на поселенческих и иных комплексах. Так, вблизи г. Якутска, в окрестностях с. Марха у Соляного озера, А. П. Окладниковым были отмечены ямы прямоугольной формы, на дне и по сторонам которых встречались фрагменты железного шлака и обломки глиняных воздуховодных трубок. Исследователь интерпретировал углубления как плавильные ямы и предположил, что в них происходила плавка железа якутами в дорусский период [Ленские древности ... , 1950, с. 110]. Остатки металлургических горнов были обнаружены экспедицией под руководством Н. Д. Архипова на археологических комплексах Вилюя – поселениях позднего средневековья Элээнны, Хоту-Туулаах II [Архипов, 1969, 1977]. Свидетельства черной металлургии в виде шлаков и фрагментов глиняных трубок-сопел зафиксированы на памятниках кулун-атахской культуры XIV–XVI вв. [Гоголев, 1990]. На позднесредневековом поселении Сэндиэлэ были также найдены фрагменты четырех сопел кузнечных мехов и остатки горна-плавильни [Алексеева, 2008, с. 12]. Кроме того, следы плавки железа были обнаружены в ходе разведочных работ Вилюйского отряда археологической экспедиции ИГИиПМНС СО РАН на поселенческих памятниках якутской культуры XVII – нач. XX в. в Верхневилюйском, Нюрбинском районах РС (Я) [Разведки в Якутии ... , 2016, с. 395].

В целом на общем фоне работ по археологии Якутии вопросы развития металлургии железа являются малоработанной темой, требующей углубленных исследований. С целью устранить имеющийся историографический пробел археологической экспедицией ИГИиПМНС СО РАН были произведены разведочные работы в междуречье Лютенги и Буотамы.

Результатом этих работ стало исследование производственных комплексов черной металлургии на территории 2-го Жемконского наслега Хангаласского района (улуса)

Республики Саха (Якутия). В общей сложности было выявлено 10 объектов, содержащих свидетельства железнотехнического производства, в виде скоплений и отвалов металлургического шлака, задренованных остатков теплотехнических сооружений и т. д. Непосредственно места плавки визуально определялись на местности в виде небольших бугорков. Количество обнаруженных плавильных на каждом объекте было разным – от 1 до 3. Наряду с металлургическими печами, были также зафиксированы следы от различных углублений и западин, интерпретированных нами как углежогные ямы (якут. *хабаан*). Все это свидетельствует о том, что заготовка и отжиг древесного угля производился непосредственно рядом с плавильнями. Кроме того, на объектах в большом количестве были найдены фрагменты глиняных трубок-сопел, некоторые обломки имеют следы ошлакованности на кончике.

На ряде объектов (Сынгасалаах I–II, Тулур, Урочище Марь-I) в разные годы были проведены раскопочные работы, вскрывшие остатки пяти теплотехнических сооружений. Исследованные нами железоплавильные агрегаты имеют однотипную конструкцию. Плавильные камеры изготовлены из огнеупорной глины, имеют усеченно-яйцевидную форму. Высота от основания до верхней кромки составляла 52–58 см. Толщина стенок в сечении достигала, в донной части, 7–10 см и 2,5–3 см – у устья. Размеры устья точно определить не представлялось возможным, так как выступавшие над поверхностью элементы горнов практически не сохранились. В целом уцелевшие горловины горнов имели размеры 38×44 см, 30×45 см и 52×58 см. Несмотря на плохую сохранность, с достаточной степенью уверенности можно воссоздать их внешний облик и конструкцию (рис.). Все изученные плавильные агрегаты были обустроены на искусственно возведенных насыпных площадках. Сама рабочая камера сооружалась из глины, размещалась в специальной яме, выкапываемой в середине земляной насыпи. Стенки и дно ямы обкладывались плитками известняка. В процессе изготовления к тулову печи через специальное отверстие приставлялась фурма. По мере возведения, стенки укреплялись земляной подсыпкой. Обваловка вокруг горна служила для сбережения тепла, обеспечивала устойчивость корпуса, а также предохраняла саму печь от механических воздействий и разрушения. Выемка готовой крицы производилась с фурменной стороны, для чего печь частично разбиралась.

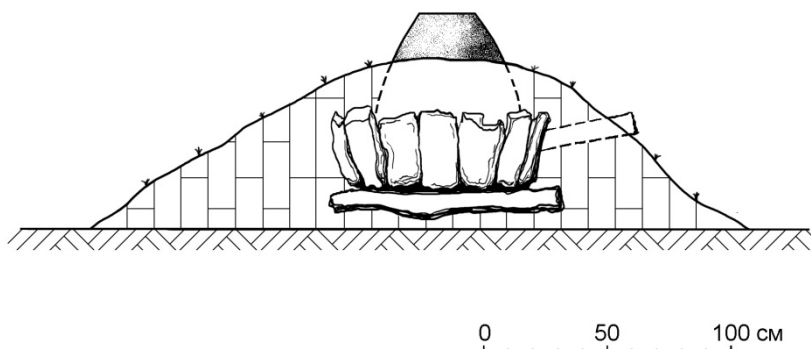

Рис. Схематичное изображение горна с земляной обваловкой

С целью определения времени существования производственных площадок был произведен отбор проб. По древесному углю из заполнения рабочей камеры горна № 1 площадки Сынгасалаах 1 получена дата 405±45 л. н. (СОАН-9661). Ее калиброванный интервал для 2σ с вероятностью 95,4 % расположен в пределах следующих значений: 1426–1529 cal AD (65,8 %) и 1551–1634 cal AD (29,6 %). Еще одна дата 350±40 л. н. (СОАН-9660) была получена по образцу угля из наполнения камеры горна производственной площадки Тулур, которая с вероятностью 95,4 % (2σ) лежит в промежутке 1455–1637 cal AD (перевод радиоуглеродных дат в даты календарные производился при помощи программы OxCal 4.3). Таким образом, исследованные металлургические горны относятся к кулун-атахской раннеякутской культуре и датируются концом XVI – нач. XVII в. Имеются сведения, что производство железа в плавильнях с земляной обваловкой имело место вплоть до конца XIX – нач. XX в. В этом плане большой интерес представляет примечание редакции «Горного журнала» о том, что в Якутской области существуют архаичные способы выплавки железа в так называемых волчьих ямах [Горный журнал, 1854, с. 338]. Классическая «волчья яма» представляет собой плавильный агрегат в виде углубления в земле, стенки которого обмазывались огнеупорной глиной. Представляется наиболее вероятным, что под «ямами» редакция вышеупомянутого журнала могла подразумевать горны с земляной обваловкой, в которых, в силу их простоты обустройства и обслуживания, якуты продолжали выплавлять железо и в конце XIX в. Впрочем, обвалованные землей горны характерны не только для якутских железоплавильщиков, прямые аналоги зафиксированы у населения Горной Шории. Схематичный рисунок кувшинообразной печи, размещенной внутри земляной насыпи, имеется в альбоме Конкордия Евреинова, составителя атласа по традиционной металлургии шорцев [Водясов, 2012, с. 170]. Также конструктивно близки плавильные агрегаты средневековых ангарских металлургов, применявших небольшие заглубленные горны с глинобитной камерой, обложенной каменными плитами. Остатки подобных сооружений были выявлены на ряде памятников таежной зоны Нижнего и Северного Приангарья, Среднего и Нижнего Енисея, датируемых XI–XV вв. [Сунчугашев, 1979; Гладилин, 1985; Леонтьев, Дроздов, 2005; Сенотрусова, Самородский, Мандрыка, 2016].

Картографическая привязка памятников металлургического производства показала, что плавильни располагаются достаточно компактно, в радиусе 6–7 км. Связано это с тем, что металлурги, по всей видимости, пользовались единой сырьевой базой, представленной рудопоявлениями по берегам р. Лютенга. В пользу этого предположения говорит также расположение объектов, размещенных в 4–5 км к востоку от реки. Железная руда в среднем течении р. Лютенга представлена бурьми марганцево-железняковыми пластами в песчано-конгломератовых породах [Округин, Васильева, 2013, с. 51]. По этнографическим свидетельствам, якутами разработку подвергались обнажения руды, лежащие сверху, которые они называли «сымса» [Стрелов, 1928, с. 53]. Добыча руды происходила при первых осенних морозах,

когда верхний рыхлый грунт пустых пород достаточно промерзал. Руду выламывали кайлами, оттаивая ее кострами до тех пор, пока пустая порода не обваливалась. Добытая руда складывалась кучами, а весной ее перевозили на места плавки [Там же].

В целом исследованные нами объекты относятся к концу XVI – нач. XVII в. и образуют обособленный металлургический центр, сформировавшийся вокруг рудопоявления среднего течения р. Лютенга.

*Научный руководитель – А. Н. Алексеев
д-р ист. наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН*

Список литературы

- Алексеев Н. А. Обряд посвящения в кузнецы у якутов // Из истории Якутии XVII–XIX вв. Якутск, 1965. С. 113–120.
- Алексеева А. Н. Анализ палеоэтнографических фондов Мегино-Кангаласского краеведческого музея как исторических источников // Изв. Алт. гос. ун-та. 2008. Вып. 4–5. С. 11–14.
- Антонов Н. К. О якутских металлургических терминах // Полярная звезда. Якутск, 1977. № 6. С. 108–109.
- Архипов Н. Д. Археологические памятники Нижнего Вилюя // Археологические открытия 1968 года. М., 1969. С. 206–207.
- Архипов Н. Д. Вахунайка – новый памятник раннего железного века Якутии // Научно-теоретическая конференция. Иркутск, 1977. С. 22–24.
- Водясов Е. В. Средневековые сыроступные горны Шайтанского археологического микрорайона // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2012. № 359. С. 79–82.
- Гладилин А. В. Металлургия Среднеангарья // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск, 1985. С. 167–180.
- Гоголев А. И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV–XVIII вв.). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. 192 с.
- Горный журнал. СПб.: Типография И. Глазунова, 1854. Кн. 3. Ч. 3. 450 с.
- Иванов В. Н. Кузнечное дело у якутов в XVII в. // Якутский архив (сборник статей и документов). Якутск, 1966. Вып. 3. С. 64–76.
- Ксенофонтов Г. В. Эллэйада: материалы по мифологии и легендарной истории якутов. Якутск, 2004. 350 с.
- Ленские древности / А. П. Окладников, Н. Ф. Григорьев, В. Е. Гарутт, А. А. Гуреев, В. П. Якимов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Вып. 3: Отчет об археологических исследованиях в районе с. Покровского и г. Якутска в 1940–1946 гг. 242 с.
- Леонтьев В. П., Дроздов Н. И. К вопросу о развитии металлургии железа у племен Северного Приангарья по материалам стоянки Пашина // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2005. Т. 11, Ч. 1. С. 390–393.
- Округин А. В., Васильева А. Е. Якутское кричное железо: минералого-химический состав и физико-химические условия выплавки металла из Mn-Fe лимонитовых руд // Наука и образование. 2013. № 1 (69). С. 47–54.
- Разведки в Якутии / Р. И. Бравина, В. М. Дьяконов, Н. С. Кирьянов, Е. Н. Николаев, И. П. Обутов, Д. М. Петров, Т. Б. Симокайтис, Е. Н. Соловьева, В. В. Сыроватский // Археологические открытия 2014 года. М.: ИА РАН, 2016. С. 392–395.
- Сенотрусова П. О., Самородский П. Н., Мандрыка П. В. Материалы по черной металлургии на комплексе Проспихинская Шивера IV в Нижнем Приангарье // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2016. Т. 15, № 5: Археология и этнография. С. 136–147.
- Стрелов С. А. К вопросу об эксплуатации залежей железных руд по рекам Ботоме и Лютенге (по архивным данным) // Хозяйство Якутии. 1928. № 1. С. 48–63.
- Сунчугашев Я. И. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. 192 с.
- Уткин К. Д. Черная металлургия якутов второй половины XIX – нач. XX в. Якутск, 1991. 88 с.

Iron-Smelting Workshops in the Khangalassky District of the Republic of Sakha (Yakutia)

Nikolaev E. N.

The article touches upon the issue of iron-smelting complexes on the territory of the Khangalassky district of the Republic of Sakha (Yakutia). The characteristic features of the studied metallurgical furnaces are identified and described, and a schematic reconstruction is given. On the basis of radiocarbon dating of the samples, the lifetime of the smelting facilities was determined. In conclusion the author writes that the ancient metallurgists of Yakutia in the XVI–XVII centuries used small clay furnaces with Embankment construction.

Keywords: Yakutia, iron-smelting, furnace, blast furnace, bloomery, metallurgy.

Николаев Егор Николаевич

младший научный сотрудник
Отдел археологии и этнографии
Институт гуманитарных проблем
и малочисленных народов Севера СО РАН
e-mail: nikolaev.ykt@gmail.com

Nikolaev Egor Nikolaevich

Junior researcher
Department of Archeology and Ethnography of the Institute
for Humanities Research and Indigenous Studies
of the North SB RAS
e-mail: nikolaev.ykt@gmail.com

Керамические грузила с многослойного местонахождения Усть-Ёдарма II и русского старожильческого поселения Деревня Ёдарма (Северное Приангарье)

Н. А. Рженев, А. В. Еремеев

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Старожильческое поселение Деревня Ёдарма и многослойное местонахождение Усть-Ёдарма II располагались на правом приустьевом участке р. Ёдарма при ее впадении в р. Ангару, в 88 км к северу от г. Усть-Илимска, на иркутском участке затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС (Усть-Илимский р-он Иркутской области). Местонахождение Усть-Ёдарма II занимало оконечность приустьевского мыса р. Ёдармы и прибрежный участок вверх по течению р. Ангары протяженностью около 1000 м. Деревня же вытягивалась вдоль по ангарскому берегу от острья мыса на протяжении более 500 м.

Деревня динамично развивалась уже более 300 лет, тем самым это воздействие уже стало археологическим, сформировался ископаемый «деревенский слой». Археологические остатки «додеревенских» периодов почти повсеместно перекрывались этими «техногенными» отложениями. Следовательно, голоценовая и доголоценовая археология вписана в контур деревенской деятельности.

С 2009 по 2012 г., в связи с подготовкой ложа Богучанской ГЭС, проводились спасательные работы на многослойном геoarхеологическом местонахождении Усть-Ёдарма II, отдельные участки территории которого в границах контуров своих площадей перекрывались наземными современными и погребенными историческими архитектурными деревенскими постройками. В результате был выделен «деревенский» слой (уровень 0), содержащий остатки материальной культуры русского старожильческого населения XVIII–XX вв. Непосредственно само поселение Деревня Ёдарма раскапывалось в 2011 и 2012 гг.

Первое письменное упоминание по летописным данным о д. Ёдарма (Ёдорма, Ёдорминская) относится к 1723 г., когда проводилась перепись мужского населения края [Шерстобоев, 2001, с. 88].

Расположение таежной деревни на берегу крупной реки, богатой рыбными ресурсами, предполагало занятие проживавшего в ней населения рыболовством.

В жизни русского населения рыболовство занимало не менее важное место, чем земледелие и охота, люди подсознательно стремились рыбой восполнить нехватку в пита-

нии животного белка. Охота являлась занятием нелегким, зачастую опасным, требовавшим дальних переходов, иногда и постоянной кочевки, а рыбу можно было ловить вблизи от дома. Рыболовство было ближе к оседлой жизни и служило подспорьем к земледелию [Мосияш, 1986, с. 85].

Среди важнейших орудий рыболовства первое место безусловно принадлежит сетям, изобретенным еще в конце эпохи мезолита [Чернецов, Куза, Кирьянова, 1985, с. 288]. Древнейшие сетки плелись из лыка или стеблей волокнистых растений: крапивы, болотной осоки. Однако эти снасти обладали большим весом и малой прочностью, что в разы снижало эффективность их применения. Роль главных промысловых орудий перешла к сетям после широкого распространения таких технических культур, как лен и конопля. Пряжа этих растений достаточно прочна и эластична. Поэтому из нее можно было изготовить снасти высокого качества и больших размеров. Об использовании в Древней Руси сетей свидетельствуют и археологические материалы, и письменные источники. Остатки самих сетей в руки археологов попадают редко. Дело приходится иметь, как правило, с маловыразительными деталями снастей: глиняными и каменными грузилами, резе – с деревянными или берестяными поплавками. Восстановить по ним достоверно конструкцию сетей бывает трудно, а порой – невозможно. Однако само присутствие деталей снастей говорит об использовании их в сетях [Там же].

В процессе раскопок в отложениях, содержащих вещественные остатки жизнедеятельности первого русского населения, было найдено значительное количество (79 ед.) керамических грузил («голков») и их фрагментов. Они представляют собой полый цилиндр, нанизывавшийся на «ставу», – плетеный из волокон крапивы или конопля шнур, привязывавшийся к подолу невысоких «ставных» речных сетей. Все они кустарного изготовления [Лохов, Липнина, Дударек, 2015, с. 80]. Цветовая гамма варьируется от серо-коричневого до красновато-коричневого тона. Керамические грузила имеют разные метрические параметры. По своей форме целые грузила (17 ед.) условно можно разделить на 4 группы (табл.).

Таблица

Формы и размеры керамических грузил

№	Длина, см	Диаметр внешний, см	Диаметр отверстия, см	Толщина стенок, см	Форма
Группа 1					
1	5,7	2,7	1,1×1,2	0,6–0,8	Овальная
2	3,3	2,8	1,1×1,4	0,5–0,8	Овальная
3	3,5	3,0	1,35	0,7–0,9	Овальная
4	3,5	3,3	1,4	0,6	Овальная
5	2,8	2,8	1,0	0,4	Овальная
6	2,8	3,2	0,9	0,5	Овальная
7	2,9	2,9×3,0	1,1	0,9–1,0	Овальная
8	2,9	4,15×4,3	1,4	1,3–1,6	Овальная
9	3,5	3,0	1,4	0,9–1,0	Овальная
10	3,4	3,2	1,1×1,2	0,9–1,2	Овальная
Группа 2					
11	3,0	3,2	1,2	1,0–1,1	Прямоугольная
12	3,6	3,6	1,2	1,1–1,4	Прямоугольная
13	3,0	3,1×3,3	1,2	0,8–1,1	Прямоугольная
14	3,5	3,8×4,0	1,2×1,3	1,3–1,4	Прямоугольная

№	Длина, см	Диаметр внешний, см	Диаметр отверстия, см	Толщина стенок, см	Форма
Группа 3					
15	4,0	2,5×3,2	1,3	0,7–1,1	Трапецевидная
16	3,0	3,0	1,2	0,5	Трапецевидная
Группа 4					
17	3,1	4,8	1,2	1,7–2,0	Биконическая

Самой многочисленной группой являются овалы грузила (10 ед.), длина которых варьируется от 2,8 до 5,7 см; что касается внешнего диаметра, то его показатели могут достигать от 2,7 до 4,3 см, а сам диаметр отверстия – от 1,1 до 4 см, тем самым толщина стенок может варьироваться в пределах 0,4–1,6 см.

Вторую группу представляют прямоугольные в плане керамические грузила (4 ед.) со следующими показателями: длина – 3–3,6 см, внешний диаметр обычно составляет 3,1–4 см, диаметр отверстия 0,9–1,4 см, толщина стенок – 0,8–1,4 см.

Третья группа представлена двумя трапецевидными формами. Длина колеблется от 3 до 4 см, внешний диаметр может достигать 2,5–3,2 см, диаметр отверстия обычно равен 1,2–1,3 см, толщина стенок – 0,5–1,1 см.

Четвертая группа представлена 1 экземпляром грузила биконической в плане формы, длина которого 3,1 см, внешний диаметр равен 4,8 см, диаметр отверстия составляет 1,2 см, а толщина стенок варьируется от 1,7 до 2 см.

На некоторых грузилах наблюдаются прочерченные неглубокие желобки.

Фрагменты керамических грузил представлены в 62 экз. Фрагменты не апплицируются между собой. Разная степень сохранности не позволяет судить о форме и размерах.

Также в слое были зафиксированы костные остатки ихтиофауны, представленные следующими видами рыб: щукой, налимом, окунем, нельмой, осетровыми. Костные материалы коллекции субфоссильных рыб представлены в основном прочными костными элементами: позвонками, marginalia, dentale, cleithrum и parasphenoideum и покровными костями голов [Мамонтов, Лохов, 2013, с. 129].

Помимо керамических грузил зафиксирован другой рыболовный археологический материал, относящийся к «деревенскому» хронологическому диапазону. Найдены 2 составных грузила, представляющие собой обернутую в бересту гальку, а также 12 самоловных железных крючков.

Старожильческое поселение Деревня Ёдарма и многослойное местонахождение Усть-Ёдарма II расположены на территории сохранившейся части современной деревни, с чем связано наличие «деревенского» археологического слоя в хронологическом диапазоне от XVIII до XX в. Ком-

плекс выявленного материала свидетельствует о направленности деятельности русского старожильческого населения на рыбный промысел. Нахождение значительного количества рыболовных керамических, а также двух составных грузил и остатков костей ихтиофауны свидетельствует о применении русским старожильческим населением в районе Деревни Ёдарма в том числе и сетевого рыболовства как «наиболее продуктивного вида рыбной ловли» [Куза, 2016, с. 67]. Коллекция рыболовных керамических грузил имеет широкие аналогии с материалами ряда местонахождений периода освоения русскими территории Северного Приангарья (Деревня Пашино, Деревня Мартынова, Деревня Чернова, Усть-Кеуль 1 и др.) [Богучанская археологическая ... , 2015, с. 114–122, 459–464, 440–441, 470–475].

*Научный руководитель – Д. Н. Лохов
преподаватель, кафедра мировой истории
и международных отношений,
науч. сотр., НИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет*

Список литературы

- Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012) / А. П. Деревянко, А. А. Цыбанков, А. В. Постнов, В. С. Славинский, А. В. Выборнов, И. Д. Зольников, Е. В. Деев, А. А. Присекайло, Г. И. Марковский, А. А. Дудко // Изд-во ИАЭТ СО РАН. Новосибирск, 2015. Т. 1. 559 с.
- Куза А. В. Рыбный промысел в Древней Руси. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 207 с.
- Лохов Д. Н., Липнина Е. А., Дударек С. П. Русское старожильческое поселение Деревня Ёдарма (по результатам спасательных работ в зоне затопления Богучанской ГЭС) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2015. Т. 13. С. 62–95.
- Мамонтов А. М., Лохов Д. Н. Динамика видового состава рыб в голоценовых комплексах геоархеологического местонахождения Усть-Ёдарма II (в зоне затопления Богучанской ГЭС) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2013. Вып. 2: Фундаментальные проблемы формирования разнообразия палеосреды и палеокультуры Евразии. Смена парадигм. С. 126–133.
- Мосияш С. С. Рыболовство в Древней Руси // Рыболов. Двухмесячное приложение к журналу «Рыбоводство». 1986. № 1. С. 55–58.
- Чернецов А. В., Куза А. В., Кирьянова Н. А. Земледелие и промыслы // Археология СССР. Древняя Русь: город, замок, село. М., 1985. С. 226–231, 241–242.
- Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Иркутск, 2001. Т. 1. 604 с.

Ceramic Sinkers with Multilayer Site Ust-Yodarma 2 and the Russian Old Settlement Derevnya Yodarma (Northern Angara Region)

N. A. Rzhenev, A. V. Ereemeev

The article presents the results of the study of ceramic sinkers and remains of ichthyofauna from the multilayered site Ust-Yodarma 2 and the Russian old settlement Derevnya Yodarma. The remains of the bones of the ichthyofauna, which include such fish species as pike, burbot, perch, nelma, and sturgeon, have been recorded. The bone materials of the collection of subfossiliferous fish are mainly represented by strong bone elements: vertebrae, marginalia, dentale, cleithrum and parasphenoideum and the integumentary bones of the heads. Fishing tools are represented by details of net gear – ceramic sinkers. A total of 79 units were recorded, of which the majority (62 units) are represented by fragmented remains. 17 units of whole sinkers are divided into 4 groups according to their shape: oval, rectangular, trapezoidal, biconic. Ceramic sinkers have different metric parameters. The collection of fishing ceramic sinkers has broad analogies with other archaeological sites of the period of the Russian development of the territory of the Northern Angara region (Derevnya Pashina, Derevnya Martynova, Derevnya Chernova, Ust-Keul 1 site, etc.).

Keywords: Northern Angara region, Russian old settlement Derevnya Yodarma, multilayered site Ust-Yodarma II, fishing, ichthyofauna, ceramic sinkers.

Рженев Николай Александрович

магистрант 1-го года обучения
Иркутский государственный университет
e-mail: nicolasmiklos@mail.ru

Rzhenev Nikolay Aleksandrovich

Graduate student 1st year
Irkutsk State University
e-mail: nicolasmiklos@mail.ru

Еремеев Артем Витальевич

студент 4-го курса
Иркутский государственный университет
e-mail: eremey2112@mail.ru

Ereemeev Artyom Vitalievich

Student 4th year
Irkutsk State University
e-mail: eremey2112@mail.ru

**«Исчезнувшие» деревни как уникальный источник
по археологическому изучению материальной культуры русского
старожильческого населения Кузнецкого Притомья
в XVII–XVIII вв.**

Н. Е. Горлышкин

*Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН,
Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия*

В настоящий момент налицо возрастание интереса к русской археологии Сибири в целом и Кузнецкого Притомья в частности, что выражается в увеличении количества полевых работ, публикационной активности профессиональных форумов по данной проблематике [Сизев, 2017б, с. 90–98].

Для Кузнецкого Притомья важным представляется историко-археологическое изучение сельских поселений XVII–XIX вв., характеризующих динамику русского освоения Кузнецкой котловины [Комплексное историко-археологическое ... , 2020, с. 37]. При этом остро обозначилась проблема необходимости четкого археологического выделения наиболее раннего хронопласта материальной культуры старожильского населения Кузнецкого Притомья.

Особый интерес для решения этой проблемы представляет комплексное изучение «однослойных» памятников. Прекращение существования отдельно взятого поселения или могильника в тот или иной момент обеспечивает «консервацию» культурного слоя. Примером такой «консервации» может служить Каштакский острог, существовавший в строго определенных временных рамках (1697–1706 гг.) [Каштакский сереброплавильный ... , 2016, с. 23–26]. По сути, при археологическом изучении Каштакского острога исследователь получит срез материальной культуры Томска конца XVII в.

Не менее интересным и перспективным, с учетом массовости, представляется акцент на раскопки «исчезнувших» сельских населенных пунктов, прекративших свое существование до середины XVIII в. Они представляют собой своеобразный и ценный археологический источник для характеристики материальной культуры старожильского населения региона, не подвергнутой «размытию» в результате социально-экономических изменений XIX–XX вв.

Объект археологического наследия поселение Кулаково III открыт в 2017 г. Нижнетомским отрядом Кузбасской археологической экспедиции под руководством А. Г. Марочкина в Яшкинском районе Кемеровской области [Сизев, Ермоленко, Соловьев, 2018, с. 50]. Позднее А. С. Сизевым по письменным источникам установлено, что его культурный слой совпадает с месторасположением д. Корчуганово в период между концом XVII в. и серединой 1730-х – концом XVIII в., между современными деревнями Кулаково и Саломатово [Там же, с. 51]. Таким образом, верхняя хронологическая граница материального комплекса достоверно не выходит за пределы XVIII в.

Здесь найден ряд археологических материалов (обломки посуды, наконечники стрел, конские упряжи). Особый интерес представляет коллекция из 26 нательных крестов. Согласно проведенным исследованиям, большая часть ставрографического материала поселения Кулаково III относится к XVII–XVIII вв. и имеет аналоги в северных и северо-восточных районах Европейской России, других регионах Сибири [Там же, с. 56–57]. Ряд представленных ставрографических материалов уникален для Кузнецкого Притомья и имеет сходство с крестами-тельниками Москвы, Твери, Новгорода XIV–XIV вв. [Там же, с. 56]. Археологическое изучение других подобных объектов в При-

томье позволит проверить выявленные особенности и выйти на уровень предварительных обобщений.

Отдельной задачей решения проблемы является создание реестра «исчезнувших» деревень и источниковедческий анализ полученных данных исторической картографии и письменных упоминаний.

Нами проанализированы сведения о 316 известных по письменным данным сельских поселениях Кузнецкого Притомья XVII – начала XX в. Краткий формат тезисов не позволяет полностью опубликовать данный реестр, поэтому ограничимся краткими констатациями.

Из всего этого массива интересующим нас критериям отвечает 32 населенных пункта, прекративших свое существование до конца XVIII в. Из них археологически исследованы всего три: Курья IVa, Сосновка IV и Кулаково-III/Корчуганово, но материалы первых двух малочисленны, не систематизированы и на данный момент почти не доступны специалистам. Это определяет возможность целенаправленного археологического поиска и изучения.

Благодаря богатому корпусу письменных источников, проблем с установлением хронологических рамок существования «исчезнувших» деревень практически не возникает. Картографически выделяется три группы рано исчезнувших сельских поселений, закономерно совпадающих с окрестностями Кузнецкого, Мунгатского и Сосновского острогов. В перспективе археологическое изучение отдельных объектов из этих групп приведет к обобщенным представлениям о материальной культуре русских старожилов всего Притомья, особенно в корреляции с уже имеющимися источниками по материальной культуре русских городов региона.

Опираясь на материалы Каштакского острога [Каштакский сереброплавильный ... , 2016, с. 22–24, 35–36], поселений Курья IVa [Сизев, 2017а, с. 472], Сосновка IV [Там же], мы приходим к выводу, что материальная культура русского населения XVII–XVIII вв. отличалась «консервативным» характером, преемственностью форм в случае переселения русского населения в Кузнецкое Притомье из первоначальных мест (будь то регионы европейской части России или ранее обжитой части Сибири). В то же время необходимо отметить разнообразие и богатство материальной культуры жителей региона [Комплексное историко-археологическое ... , 2020, с. 40].

Остается неисследованным комплекс исторических причин исчезновения того или иного поселка: в результате набега кочевников [Усков, 2005, с. 38], «переезда» деревни на новое, более удобное место, слияния с соседними деревнями (например, 2-я Басалаева [Там же, с. 36]).

Для решения проблемы выделения ранних хронопластов материальной культуры старожильского населения региона необходимо поступательное решение следующих исследовательских задач:

- обобщение и систематизация исторических данных;
- археологическое выявление культурного слоя сельских поселений нового времени, в первую очередь исчезнувших не позднее XVIII в.;

– создание комплексной историко-археологической карты (в широком понимании термина) русских старожильческих деревень Притомья.

Во-первых, это позволит получить дополнительные коллекции предметов материальной культуры русского населения Кузнецкого Притомья XVII–XVIII вв. Во-вторых, проведение разведок и раскопок может привести к обнаружению поселенческих памятников, исчезнувших на первых этапах освоения Кузнецкого Притомья и не отраженных в исторической картографии. В-третьих, совокупные результаты послужат существенным дополнением наших знаний о процессах русского освоения Кузнецкого Притомья в XVII–XVIII вв. в исторической ретроспективе.

*Научный руководитель – С. А. Васютин
д-р ист. наук, профессор,
кафедра всеобщей истории и международных отношений,
Кемеровский государственный университет
Научный консультант – А. Г. Марочкин
ст. науч. сотр.,
Институт экологии человека,
ФИЦ УХХ СО РАН*

“Disappeared” Villages as a Unique Source for the Archaeological Study of the Material Culture of the Russian Old-time Population of the Kuznetsk Pritomie Region in the 17th–18th Centuries

N. E. Gorlyshkin

The article is devoted to archaeological research of “disappeared” villages 17th – 18th centuries as a unique source for Russian settler’s material culture in the Kuznetsk Pritomie. On the example of materials from the settlement of Kulakovo III, author identifies early chronoplasts of old-time population of the region, cultural connections between Kuznetsk Pritomie area and different regions of European Russia and Siberia. In the article, we propose the registry, which was compiled on the basis of a number of criteria. Based on the presented register, the author concludes that there is a weak archaeological study of Modern history sites and necessary to create a map of “disappeared” villages. In conclusion, the author proposes solutions that would help improve the situation with the study of rural settlements in the region.

Keywords: archaeological research, sites of “Russian” archaeology, “disappeared” villages, Modern history, Kuznetsk Pritomie region, Western Siberia.

Горлышкин Никита Евгеньевич
ведущий инженер
ФИЦ УХХ СО РАН;
магистрант 1-го года обучения
Кемеровский государственный университет
e-mail: gorlyshkin.nikita@yandex.ru

Gorlyshkin Nikita Evgenievich
Lead engineer
FRC CCC SB RAS
Graduate student 1st year
Kemerovo State University
e-mail: gorlyshkin.nikita@yandex.ru

УДК 903.02(571.56-25)«653»

Предварительные результаты изучения керамического комплекса XVIII – начала XIX в. исторической части г. Якутска (по материалам раскопок на ул. Ярославского)

А. А. Иванов

Северо-Восточный федеральный университет, Якутск, Россия

В 2020 г. на ул. Ярославского, в исторической части г. Якутска, Арктическим научно-исследовательским центром АН РС(Я) были проведены археологические работы, в ходе которых были выявлены культурные горизонты, предварительно датируемые XVIII – первой пол. XX в. Полученный археологический материал представлен разнообразными артефактами – разновременными монетами, фрагментами изделий из керамики, изделиями из рога и кости, дерева и бересты, кожи и ткани, стекла, металла и т. д. На археологическом объекте было заложено два раскопа и два шурфа общей площадью 271 м².

Для данного исследования была отобрана часть керамического комплекса из четвертого горизонта, который предварительно датируется XVIII – началом XIX в. В данном культурном горизонте керамика является самым многочисленным материалом. Весь керамический материал, в зависимости от технологии производства, условно можно разделить на две большие группы: лепную и гончарную. Реконструкция форм и декора осложняется фрагментарностью археологической керамики, что связано с особенностью мерзлотных почв Якутии.

Список литературы
Каштакский сереброплавильный промысел / сост. В. Н. Добжанский, А. Н. Ермолаев : сб. док. и материалов Кемерово, 2016. 192 с.

Комплексное историко-археологическое изучение сельских населенных пунктов XVII – начала XX в. в Среднем Притомье / А. Г. Марочкин, А. Ю. Юракова, И. Ю. Усков, С. А. Васютин, А. С. Сизев, И. А. Плац, Н. Е. Горлышкин // Вестн. Кемеровского гос. ун-та. 2020. № 22 (1). С. 36–47. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-36-47>

Сизев А. С. Материалы русского времени из поселений Среднего Притомья (по материалам хозяйственной темы «Волна») // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2017а. С. 471–476.

Сизев А. С. Русская археология Среднего Притомья: история изучения, современное состояние и перспективы // Вестн. Кемер. гос. ун-та. 2017б. № 4. С. 90–98. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2017-4-90-98>

Сизев А. С., Ермоленко Л. Н., Соловьев А. И. Коллекция нательных крестов из поселения Кулаково III в Нижнем Притомье // Вестн. Кемеровского гос. ун-та. 2018. № 2 (74). С. 50–59. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-50-59>

Усков И. Ю. Формирование крестьянского населения Среднего Притомья в XVII – первой пол. XIX в. Кемерово, 2005. 130 с.

Цвет фрагментов варьируется от светло- и черно-коричневого до коричневого с ржавым оттенком. На изломе цвет также варьируется от черного до светло-коричневого. Такой неравномерный цвет фрагментов говорит о костровом обжиге. Однако встречаются фрагменты, которые имеют монотонный цвет снаружи, изнутри и на изломе, что, в свою очередь, говорит об обжиге в печи. На многих фрагментах присутствует пищевой нагар, что указывает на использование сосудов в обиходе для приготовления пищи.

Большая часть венчиков образована путем отгибания верхней части наружу, реже встречаются прямые венчики. Срезы венчиков имеют округлую или прямоугольную форму. Встречаются венчики, утолщенные дополнительным налепом. Подтверждением этому служат характерные растрескивания на изломе керамики. Венчики делались из отдельного кусочка глины, скатанного в виде валика, который с помощью лопаточки оформляется в трехгранный [Прыткова, 1955, с. 150].

Исключительно важную роль в определении якутской керамики играет орнамент на гладком тулове и плечике сосудов. Способы нанесения орнамента на найденных фрагментах следующие: штампование, отступление, налепы и насекание. Штампование характерно для большинства декорированных сосудов, однако нередко встречаются сосуды, которые имеют одновременно и налепные валики, и орнамент в виде штамповки.

Штамп представляет собой деревянную, круглую или четырехугольную палочку с особо оформленными концами, с помощью которых и наносился узор на мокрую глину сосуда [Прыткова, 1955, с. 160]. Встречаются орнаменты, сделанные путем штамповки в виде 8-образной формы с рассечением в нижней части, прямоугольных и округлых вдавлений (полых и сплошных), Х-образных крестиков, прямоугольных двухчастных, трехчастных и квадратных четырехчастных форм.

Для налепных валиков характерно декорирование путем отступления, выполненное штампом треугольной формы. Хотя нередко встречаются фрагменты с отступающим орнаментом меж налепных валиков. В нескольких фрагментах налепные валики имеют прямые или косые насечки. Орнаментация путем отступления также обнаружена на фрагменте тулова керамической посуды и представлена в виде двух горизонтальных полос.

Арочный орнамент, являющийся типичным якутским, встречается нередко. Считается, что данный тип орнамента выполнялся путем насекания ногтем или острым предметом (например, ножом) [Гоголев, 1990, с. 93]. Арочный орнаментальный мотив представлен двумя видами: 1) обычное прочерчивание шириной основания арки 1,6–2,2 см; 2) штампованная арка шириной основания арки 1,2–1,5 см, при этом у основания арки имеются квадратные вдавления размерами 0,2×0,2 см и 0,3×0,3 см.

Находки гончарной керамики, обнаруженные в культурных отложениях IV горизонта, имеют в составе формовочной массы разнозернистый песок, дресву и шамот. Хотя преимущественно в составе теста гончарной керамики наблюдаются только очень тонкие формовочные массы. Венчики гончарной керамики либо прямые, либо скошены наружу, преимущественно с округлым срезом.

Судя по сохранившимся фрагментам, гончарная керамика не подвергалась декорированию орнаментом. Однако встречается множество фрагментов, в том числе два развала сосудов, которые имеют технику глазурования (полива).

Развалы сосудов поливной керамики можно отнести к кухонной утвари (блюде и миске), которая входит в разряд красноглиняной и белоглиняной посуды, глазурованные темно-зеленой и желтой краской соответственно.

Глазурование наносилось по внешним и внутренним поверхностям посуды. Встречается поливная керамика следующих цветовых гамм: коричневая, зеленая, темно-зеленая, терракотовая и желтая.

Одной из наиболее интересных находок среди керамических изделий является красноглиняная курительная трубка турецкого типа. С распространением курения появились два вида трубок: европейские (белоглиняные с длинным монолитным мундштуком) и «турецкие» (с короткой втулкой для деревянного мундштука). Последние были распространены в Османской империи и сопредельных странах, в том числе России [Волков, 1999]. Чаша трубки выполнена в виде полусферы, где наибольший диаметр 3 см, высота самой трубки 1,8 см. Внешний диаметр отверстия 2,6 см, внутренний – 2 см. По краю чаша украшена тремя горизонтальными орнаментальными поясами. Верхний и нижний пояса состоят из вдавлений прямоугольного штампа, нанесенного прокатыванием, размеры вдавлений ок. 0,1×0,05 см. Средний ряд состоит из отступающих вдавлений высотой 0,6 см. Место соединения чубука и чаши выделено выступающим клином. Клинообразное место соединения дополнительно обозначено парными прочерченными линиями и орнаментальными поясами из коротких вдавлений. Сверху и снизу на чубуке сохранился выступающий шов. На чубуке имеется восьмиугольный валик, снизу под валиком методом прокатывания также нанесен пояс из прямоугольных оттисков. С правой стороны чубука имеется вдавленное круглое неопределимое клеймо диаметром 0,6 см. Внешний диаметр чубука 2,1 см, внутренний – 1,6 см.

Сопоставляя характерные черты керамики археологического памятника на ул. Ярославского, можно найти аналогии с материалами из раскопок на ул. Кулаковского, которые проводились в 2017–2018 гг. Это объясняется тем, что ул. Ярославского находится в нескольких сотнях метров от ул. Кулаковского. Материалы двух археологических памятников практически идентичны. Связано это еще и с тем, что их хронологические рамки совпадают. Стоит отметить, что керамика, представленная в данной статье, находит аналогии с материалами из Алазейского острога, где также имеется как гончарная, так и лепная керамика [Алексеев, 1996, с. 38].

*Научный руководитель – К. А. Пестерева
ст. преподаватель,*

*Северо-Восточный федеральный университет им.
М. К. Аммосова*

*Научный консультант – Е. Н. Соловьева
научный сотрудник,*

Арктический научно-исследовательский центр АН РС(Я)

Список литературы

Алексеев А. Н. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1996. 38 с.

Волков И. В. Частная коллекция «турецких» курительных трубок из Москвы // Материальная культура Востока. М., 1999. С. 226–252.

Гоголев А. И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV–XVIII вв.). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1990. 196 с.

Прыткова Н. Ф. Глиняная посуда якутов // Сборник МАЭ. 1955. Т. 16. С. 147–164.

Preliminary Results of the Study of Ceramic Complex of the 18th – early 19th Centuries of the Historical Part of Yakutsk City

A. A. Ivanov

The article describes the ceramics from the archaeological site of st. Yaroslavsky, which is located in the historical part of Yakutsk. Ceramics are conventionally divided into two large groups: handmade and pottery. Ceramics were made by prescription: “Clay + organic and inorganic additives”. Ceramic vessels were burnt in a furnace or a fire. The methods of applying the ornament on the found fragments are as follows: stamping, retreating, molding and

incising. Pottery was painted with glaze. A Turkish type smoking pipe is described. The ceramics are similar to materials from the excavations of st. Kulakovsky and Alazeyskiy ostrog.

Keywords: Archaeology of Yakutia, Middle Ages, ceramic complex, handmade, pottery.

Иванов Артем Анатольевич

студент 4-го курса
Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова
e-mail: asketogg95@mail.ru

Ivanov Artem Anatolievich

Student 4th year
M. K. Ammosov North Eastern Federal University
e-mail: asketogg95@mail.ru

УДК 902/904 (571.17)

Терракотовый изразец из деревни Кемерово: морфология и исторические аспекты*

Ю. С. Беляева

*Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН
Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия*

*Работа выполнена в рамках государственного задания ФИЦ УУХ СО РАН
№ 0286-2021-0011

В 2019 и 2020 гг. были проведены археологические раскопки на месте бывшей д. Кемерово, датируемой XVIII – нач. XX в. В ходе исследований 2019 г. в заполнении углубленной постройки был обнаружен фрагмент терракотового изразца. находка относится к категории статусных для «русских» памятников Сибири [Татауров, 2014], а для сельского поселения является уникальной [Беляева, 2020]. Работы следующего года подарили еще два фрагмента данного предмета. Задачами статьи являются морфологический анализ, установление происхождения и датировки изразца в контексте признаков, выделяемых для данной категории предметов.

Морфология. Изразец из д. Кемерово представлен двумя фрагментами лицевой поверхности и фрагментом еще одной грани предмета. Один из фрагментов лицевой части, размерами 4,4×3,1×3,6 см, найден в 2019 г.; включает часть декора, состоящего из центральной розетки и элемента в виде расходящихся линий, примыкающего к сохранившейся грани предмета. Декоративные элементы выступают над поверхностью изразца на 0,6 и 0,2 см соответственно (рис., 1а) [Беляева, 2020]. Другой лицевой фрагмент, размерами 3×3,9×3,4 см, найден в процессе исследований 2020 г. и образует с вышеописанным экземпляром размерами 5,7×3,9×5,9 см. Сохранившийся элемент декора V-образной формы продолжает участок центральной розетки (рис., 1б). Еще один фрагмент несет часть заглаженной боковой грани изразца и не имеет орнамента; его размеры – 5×3,6×2 см (рис., 2).

Важной частью изразцов является румпа, с помощью которой они крепятся в печной облицовке. С. А. Маслих выделяет три разновидности румпы в изразцовом искусстве, которые можно использовать как источник для датирования [1983, с. 13]. К сожалению, фрагменты «кемеровской» находки не сохранили румпу, но параметры предмета позволяют предполагать ее изначальное наличие.

Размеры изразца и форма румпы могут указать на место изразца в композиции. Специалисты выделяют несколько видов изразцов в зависимости от занимаемого места в печном наборе. Они различаются формой и размерами. Так, стенные изразцы преимущественно имеют форму квадрата и составляют зеркало печи. С. А. Маслих писал о двух разновидностях стенных изразцов: «большой руки» – 20×20 см и «малой руки» – 14×14 см [Там же, с. 12], М. П. Черная упоминает изразцы размерами 17×17 см и 18×18 см [2002, с. 56].

Второй вид – поясовые изразцы прямоугольной формы. Их использовали для выкладки горизонтальных рядов. Они имели высоту около 10 см, коробчатую румпу и ши-

рокие рамки по длинным сторонам, а также растительный и геометрический орнамент. Следующая разновидность – стенные изразцы со срезанной под углом 45° румпой – применялась для облицовки углов. Другой вид – половинки стенных изразцов – перевязывался в горизонтальных рядах композиции. Кроме этого, выделяются такие виды, как перемычки, закладываемые между швов керамических плиток, и «городки», создаваемые для верхней части печи [Маслих, 1983, с. 13].

«Кемеровская» находка представляет собой небольшую часть изразца, которая пока не дает полноценный ответ на вопросы о виде и месте в композиции. Однако сохранившаяся грань предмета, не имеющая следов обмазки, позволяет осторожно предполагать расположение изразца в верхней части композиции.

Вопросы датировки и происхождения. Среди информативных признаков для хронологической атрибуции и установления места производства изразцов выделяются наличие или отсутствие глазурного покрытия, рамки, вид декоративной композиции.

Одним из датирующих элементов изразцов является рамка. Изделия конца XVI – начала XVII в. были широкорамочными, а уже в конце первой половины XVII в. появляются узкорамочные. С. А. Маслих указывает на то, что и форма со временем меняется на прямоугольную, а также на то, что узкорамочные изразцы изготавливались преимущественно в провинциальных производствах [1983, с. 13–14]. Наш же изразец не имеет рамки. Сходные единичные экземпляры без рамочного оформления с мелким рисунком, характерным для XVIII в., были найдены в районе Макарьевского монастыря на Волге. Исследователь указывает на то, что, по всей видимости, данные изразцы были индивидуальным заказом лиц, не признававших никоновские нововведения [Там же, с. 14].

Благодаря заключению договоров о работе с мастерами «с Руси» и обучению местных, сформировались провинциальные изразцовые мастерские в Тобольске, Томске, Енисейске, Верхотурье, Березове, Тюмени, Иркутске. Их существование напрямую связано со строительством административных зданий и церквей. Производили в них как терракотовые, так и получившие распространение с XVIII в. эмалевые изразцы [Черная, 2016; Данилов, 2017]. Работа данных мастерских была тесно связана с изразцовыми традициями «Руси», но, помимо этого, к примеру, в Тобольске создавались местные орнаментальные композиции [Загваздин, 2014]. К началу XVIII в. «на Руси» терракотовые изразцы были вытеснены муравленными и многоцветными [Маслих, 1983, с. 14].

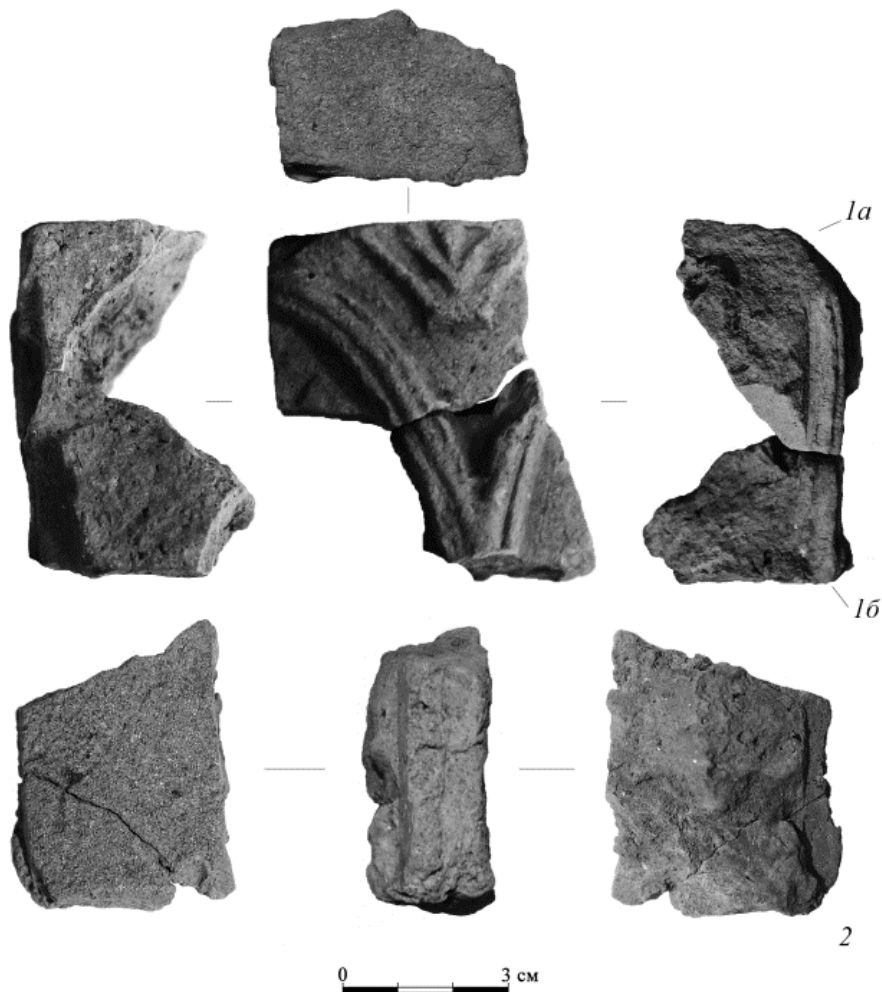

Рис. Изразец из д. Кемерово:
1а, 1б – фрагменты лицевой части, 2 – фрагмент боковой грани

Простота растительно-геометрического орнамента может указывать на работу провинциального мастера. Данное предположение связано с тем, что в периферийных мастерских зачастую, стремясь передать смысл изображения, могли упускать детали и упрощать рельеф [Черная, 2002, с. 66]. Находки изразцов из Кузнецка и Томска различны по материалу, декоративному оформлению и месту производства [Черная, 2016]. Наиболее приближенными аналогиями «кемеровскому» предмету служат терракотовые изразцы Томского кремля [Черная, 2002, с. 56–66].

Выводы. Морфологические особенности изразца из д. Кемерово не дают возможности достоверно определить место в композиции и воссоздать облик печи – важнейшего элемента быта и убранства русского населения. В то же время декоративное оформление предмета дает основание относить его к предметам сибирского производства. Косвенно на возможность приобретения работы провинциальных мастеров указывают торговые связи д. Кемерово с русским миром Сибири XVIII–XIX вв. – так, находка щитковосреднего перстня имеет почти доподлинные аналогии среди материалов Тобольска. Более точно определить место производства «кемеровского» изразца пока проблематично. Датировка изразца может быть обозначена в пределах XVIII в., так как в начале века уже сформировались изразцовые мастерские в городах Сибири, отсутствие рамки также характерно для периода первых императоров России. Предварительная датировка изразца согласуется с контекстом его обнару-

жения в нижних горизонтах заполнения исследованной постройки № 1, отнесенной к раннему периоду существования д. Кемерово (XVIII – нач. XIX в.).

Научный руководитель – В. В. Бобров
д-р ист. наук, профессор,
кафедра археологии
Кемеровский государственный университет
Научные консультанты – А. Г. Марочкин, А. Ю. Юракова

Список литературы

- Беляева Ю. С. Редкие предметы из раскопок деревни Кемерово (XVIII – начало XX в.) // Материалы LX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых с международным участием. Иркутск, 2020. С. 230–232.
- Данилов П. Г. История исследования сибирских изразцов в исторической литературе // Материалы XIV Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, посвященной Году экологии в России. Тобольск, 2017. С. 152–155.
- Загваздин Е. П. Изразцы из культурного слоя Абалакского монастыря // Культура русских в археологических исследованиях. Омск; Тюмень; Екатеринбург, 2014. Т. 1. С. 231–236.
- Маслих С. А. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М.: Изобразительное искусство, 1983. 250 с.
- Татауров Ф. С. Систематизация археологических коллекций как инструмент для воссоздания социального облика русского населения Западной Сибири конца XVI – первой половины XVIII в. // Культура русских в археологических исследованиях. Омск; Тюмень; Екатеринбург, 2014. Т. 1. С. 293–298.
- Черная М. П. Томский кремль середины XVII – XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 187 с.
- Черная М. П. Изразец в городском пространстве Сибири: трансляция культурных импульсов // Керамические строительные материалы в России: технология и искусство Позднего Средневековья: материалы I и II Всерос. науч.-практ. конф. М., 2016. С. 111–116.

Terracotta Tile From the “Kemerovo Village” Site: Morphology and Historical Aspects

Yu. S. Belyaeva

The excavations of the “Kemerovo village” site, provided in 2019–2020, became the first experience of a goal-seeking investigation of the sites of the Contemporary Times in the Middle Tom’ region. Some items being unique or high-status for Russian population in Siberia stand out from the others numerous findings. The terracotta tile found in fragmented form is one of such items. The presence of a tile in the cultural layer of a Siberian rural monument is unique. This article presents the morphological characteristics and features of the “Kemerovo” tile (size of fragments, plant-geometric decor, lack of a frame). The tile’s dating is proposed and the problem of the place of production is disclosed. The problems of tile production in Siberia, trade relations of Kemerovo village and the presence of prosperous population are raised.

Keywords: archaeological excavations, high-status items, terracotta tile, Late Middle Ages, Contemporary Times, Kemerovo village.

Беляева Юлия Степановна

лаборант
ФИЦ УУХ СО РАН
студент 3-го курса
Кемеровский государственный университет
e-mail: yulya_belyaeva_00@bk.ru

Belyaeva Yulia Stepanovna

Laboratory Assistant
FRC CCC SB RAS
Student 3rd year
Kemerovo State University
e-mail: yulya_belyaeva_00@bk.ru

УДК 903.23 (571.53)“634”

Заграничный фаянс в археологии Красноярска

А. Д. Харланович

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Зарубежный фарфор и фаянс в археологии Красноярска плохо представлен в исследованиях. Однако его изучение необходимо для понимания характера торговых связей. В процессе изучения можно определить, какой именно заграничный фарфор предпочитало население Сибири и кто мог позволить себе такой фарфор и фаянс, было ли это роскошью.

Материал, который упоминается в статье, обнаружен при раскопках на территории Успенского мужского монастыря Красноярской епархии Русской православной церкви, а именно на подворье Летнего дома архиерея. История монастыря начинается с 1873 г., когда глава Красноярской епархии епископ Антоний обратился к городским властям с просьбой продать участок земли для организации на нем монашеской общины. Церковь выделили землю в районе пос. Плотбище на берегу Енисея. И с 1879 г. Успенский монастырь стал одним из центров духовной жизни Енисейской губернии. Но в связи с изменением государственного строя, в 1921 г. все церковное имущество было национализировано и монастырь перестал функционировать [Археологическое изучение подворья ... , 2021].

На протяжении XX в. на территории монастыря работали многие исследователи, в том числе А. П. Ермолаев, Г. П. Сосновский, Г. К. Мергарт, А. П. Окладников, Э. Р. Рыгдылон, Н. П. Макаров. На данный момент на территории монастыря и дома архиерея проводятся исследования под руководством П. В. Мандрьки. Изучение проводилось в рамках реставрационных работ. Материалы русского времени изучены крайне слабо.

К интересующей нас категории изделий относится фаянсовая тарелка французского производства с растительным темно-синим орнаментом на белом фоне. Орнамент предположительно состоит из роз, ипомей и черной шелковицы. При раскопках на территории Летнего дома архиерея найден осколок данной тарелки. На сохранившемся кусочке присутствует фрагмент фирменного клейма Saiteguemines. Полный текст воспроизведен по аналогиям данного изделия. На доньшке клеймо синего цвета с надписью в верхней части Jardiniere, U&C, а в нижней части Saiteguemines. Производилась данная тарелка на заводе в г. Саргемин. Это предприятие основано в 1790 г. Данный завод, расположенный неподалеку от границы с Германией, знаменит фарфором и фаянсом на весь мир.

Тарелки этого типа выпускали с 1880 г. и, предположительно, до 1914 г. Ее диаметр равен 24 см.

Вторая фаянсовая тарелка польского производства – белая, с фигурным краем, борт украшен орнаментом зеленого цвета. Диаметр изделия 24 см. Мотив орнамента – растение, предположительно, мать-и-мачеха. На доньшке клеймо зеленого цвета с изображением птицы, сидящей на круге с надписью N.W.F.F., ниже – надписи Leopold gzamanski et C, Wloclawek и «№ 235». Данная тарелка произведена на Новой Влоцлавской фарфоро-фаянсовой фабрике Леопольда Чаманского в Польше. История этой фабрики началась в 1880 г. В период 1888–1923 гг. выпускали тарелки этого типа.

Также при раскопках Успенского монастыря и архиерейского дома был найден фрагмент доньшка футляра французских румян [Бирюлева, Титова, 2017, с. 121].

Вся найденная импортная посуда обнаружена на подворье Летнего дома архиерея. В период с 1870-х – нач. 1920-х гг. здесь находилась летняя резиденция архиереев Енисейских и Красноярских. Архиерейский дом расположен за территорией монастыря с западной стороны, у главных выездных ворот. На территории дома, кроме всего прочего, находилась одноэтажная трапезная, ограда и ворота, которые выполняли функцию встречи, приема и размещения прибывающих в монастырь. Для приема посетителей в архиерейском доме должна была иметься статусная фарфоровая и фаянсовая посуда.

Подобная посуда могла попасть в Красноярск разными путями. Основными поставщиками в Сибирь зарубежных товаров были русские купцы [Черная, 2016, с. 48]. В Красноярске купцами первой гильдии были известные Гадаловы. Свою торговую деятельность эта династия начала вести с первой половины XIX в. в Канске, впоследствии они вели торговлю во многих городах, в том числе и в Красноярске. Н. Г. Гадалову было выдано от императора Александра II дозвоительное свидетельство на торговлю мирными изделиями. Торговля шла не только вещами или предметами, но и свежими фруктами, виноградом, арбузами или чаем из Китая. У Гадаловых были все условия для импорта товаров в Красноярск, в том числе фарфора и фаянса [Терешкова, 2019]. Также поставкой из-за рубежа могли заниматься Кузнецовы. В частности, П. И. Кузнецов тоже являлся купцом первой гильдии и занимался прода-

жей чая, фарфора, пушнины и т. п. [Кузнецов Петр Иванович ...].

Помимо купцов первой гильдии, заграничной посудой могли торговать и мелкие торговцы на ярмарках. В этот период в Енисейской губернии работали следующие ярмарки: Соленоозерская, Ужурская, Балахтинская, перед крупными праздниками работала ярмарка и в Красноярске. Ярмарки имели крупный масштаб, торговля шла как «местными» товарами, так и заграничными [Материалы по исследованию землепользования ... , 1893]. Таким образом, фарфор и фаянс на подворье Летнего архиерейского дома мог попасть разными торговыми путями.

Можно заключить, что торговля в Красноярске имела большие масштабы и местные купцы расширяли свой ассортимент заграничной продукцией. Скорее всего, именно у Н. Г. Гадалова или у П. И. Кузнецова приобрели данную утварь. Находки зарубежной посуды на подворье Летнего дома архиерея подчеркивают особый социальный статус этого места.

Научный руководитель – П. О. Сенотрусова

Foreign Faience in the Archaeology of Krasnoyarsk

A. D. Kharlanovich

During excavations at the Assumption Monastery, on the territory of the Summer House of the Bishop in 2020, under the leadership of P. V. Mandryka, earthenware dishes of foreign production were found. It is necessary to clarify how these products ended up on the territory of the bishop's house. Also for what it could be used and by whom and how it was brought. An analysis of the faience products themselves from Poland and France is carried out, as well as a brief analysis of outlets in the city of Krasnoyarsk by the merchants Gadaloys and Kuznetsovs. Among other things, we are talking about the sale of foreign faience outside the city, in particular at such fairs as Solenoozerskaya, Uzhurskaya, Balakhtinskaya. And how could these foreign plates later get into the territory of the Bishop's Summer House?

Keywords: Krasnoyarsk, archaeology, faience, merchants, import, faience plates, the Assumption Monastery.

Харланович Анжелика Дмитриевна
студент 2-го курса
Сибирский федеральный университет
e-mail: kharlanovich00@mail.ru

Kharlanovich Anzhelika Dmitrievna
Student 2nd year
Siberian Federal University
e-mail: kharlanovich00@mail.ru

*канд. ист. наук, ст. науч. сотр.,
Лаборатория археологии Енисейской Сибири,
Сибирский федеральный университет*

Список литературы

Археологическое изучение подворья Летнего дома архиерея в городе Красноярске / А. В. Дедик, П. В. Мандрыка, П. О. Сенотрусова, М. В. Вдовенкова, О. С. Комарова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2021. 44 с.

Бирюлева К. В., Титова Ю. А. Археологические материалы Успенского монастыря конца XIX – начала XX в. в Красноярске // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск, 2017. Вып. VIII. С. 116–126.

Кузнецов Петр Иванович: Краскомпас. URL: <https://www.kraskompas.ru>. (дата обращения: 08.03.2021).

Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Енисейская губерния. Иркутск: Типография Штаба Иркутского военного округа, 1893. Т. IV. Вып. 5. 424 с.

Терешкова М. Торговый дом Н. Г. Гадалова // Красное место. 2019. URL: <https://www.krasplace.ru> (дата обращения: 08.03.2021).

Черная М. П. Европейский компонент в этнокультурном диалоге Сибирского сообщества: археолого-исторический контекст // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2016. Вып. 4. С. 46–52.

УДК. 316.4:39

Этнос через призму синергетики – попытка новой интерпретации*

Е. А. Паук

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

*Работа выполнена по гранту Правительства РФ, проект № 075-15-2019-866
«Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров»

Развитие научной мысли ознаменовано переходом в новую качественную фазу развития: в ней видное место занимает принцип нелинейного мышления, лежащий в основе методологии такого научного направления, как синергетика. Синергетическое направление активно формирует новый научный взгляд на процессы, происходящие в мире. Это особое, *отличное, мышление* базируется на понимании развития самоорганизующихся систем, сопряженного с чередой кризисов – бифуркационных фаз, которые переживают эти самые системы. Достоинство синергетики проявляется в двух важных аспектах: 1) качественно новой методологической базе; 2) возможности применения ее принципов, методов в различных областях знаний (естественно-научных и гуманитарных). Таким образом, приемы теоретических построений на основе синергетического направления можно использовать и в этнологии. В этом смысле устанавливается цепочка: этнос – самоорганизующаяся система, а объекты синергетики и этнологии совпадают. К тому же, если рассматривать с точки зрения социальной синергетики, возможности интерпретации и трактовки этноса существенно возрастают: теоретические манипуляции могут уже приобретать философский характер. Следовательно, этнос не просто механический конструктор, а система, имеющая главную цель – добиться состояния полной социальной стабильности.

Данная статья посвящена попытке интерпретации этноса как самоорганизующейся системы с точки зрения социальной синергетики.

Итак, нелинейное мышление позволяет взглянуть на этнос как на самоорганизующуюся систему, находящуюся в постоянной динамике. Динамизм непременно сопряжен с развитием системы через логику постоянных кризисов, обозначенных в синергетике как бифуркационные толчки. Любая самоорганизующаяся система следует законам социальной самоорганизации, проходя через цикл двух главных состояний – социального (или культурного) порядка и социального (культурного) хаоса. Для преодоления негативных последствий самоорганизующаяся система вынуждена проявлять творческую силу и, по существу, сочетает в себе свойства равновесной и диссипативной структур [Синергетическая философия ... , 2009, с. 130]. С течением времени тот или иной этнос впадает в бифуркационную точку (критическую ситуацию), где представлены альтернативы его развития, и, соответственно, тренд (линия, направление) этноса деформируется. Концептуально говоря, тренд развития этноса исключительно ультраконсервативный: любые изменения, новшества неприемлемы и нежелательны. Для поддержания общего стабильного состояния, ультраконсервативного тренда («верный и единственный правильный путь») члены этноса как элементы сложной системы проявляют невероятное *социальное*

творчество, которое проявляется в разных аспектах [Там же, с. 157].

Приведем конкретные примеры с их интерпретацией. Возьмем, к примеру, аборигенов Австралии, которые представляют собой этнокультурную общность. Это оформляется через идейную сущность этнонимов «нунга» («люди») или «ямадьи» («друзья») как противопоставление «чужакам», «врагам». Также своеобразным «кирпичом» в фундаменте общности служит и обычай экзогамии, предполагающий расширение родственных связей. Последнее, в случае непредвиденных катаклизмов, позволяет членам разных племен поддерживать друг друга, образуя систему социальной поддержки. В этом проявлен мощный компенсатор негативных тенденций, затрагивающих всю структуру этноса, племени. Не меньшую роль играет и необычная родовая организация австралийских аборигенов. Так, мамой (в социальном контексте) для малыша является не только родившая его женщина, но и остальные женщины племени. Это позволяет инкорпорировать новорожденного в социальную систему.

Важен и социальный подтекст тотемизма, который не ограничен рамками одной группы или рода: тотем может быть общим и для другой близкородственной группы. Также тотемные центры предполагали сбор различных локальных групп, племен в одном месте. Однотипные поклонения и обряды тем самым поддерживали и продуцировали единую культурную установку: «общие ценности – архетип – эмпатийное сопереживание».

Для укрепления самоорганизующейся системы этноса у австралийских аборигенов широко практиковались обряды инициации («обряды жизни»). Так, посвящения мальчиков сопровождалась практикой обрезания (кровь как имитация убийства и рождения), выбиванием зуба, нанесением татуировок на тело [Кабо, 2007, с. 205]. Материальная форма обряда несет важную символическую нагрузку – личность приобщалась к смыслу существования этноса как системы, в которой чередуются состояния рождения (начало порядка, жизнь), сопряженные с постоянной репродукцией обрядов, поддержкой членов коллектива (порядок) и постепенным распадом коллективных ценностей, отчуждением, изгнанием индивида из племени, группы или гибелью ее «лучших и достойных» членов (хаос). Подобные практики существовали и у других народов, достаточно ограничиться одной параллелью. Так, у народа дуни (Аризона) неопиты также проходили подобного рода инициации: им назначались «крестные отцы», которые завязывали глаза своим подопечным, а члены племени били посвящаемого ветками юкки, после чего «крестный отец» закреплял в волосы посвященного перо орла – юноша становился полноправным членом племени [Геннел, 1999, с. 102].

Таким образом, община получала социально активную личность, адаптированную под логику существования этноса. С точки зрения синергетики личность здесь выполняла роль «надежной» части системы, элемента, оформленного в связи с ее структурой и главным правилом «табу» [Гринин, 2011, с. 5]. Любые изменения, отклонения от правил неприемлемы – это грозит исчезновением этноса.

За счет выстраивания данного комплекса мероприятий этнос как система не только самостоятельно выстраивает процесс собственной иерархизации или усложнения собственной структуры в соответствии с логикой прочности, гибкости ее элементов. В этом случае члены этноса приспособивались к логике тренда, нелинейного движения с предупреждением следующей точки кризиса. Этнос движется к суператтрактору – состоянию, в котором полностью исключено воздействие внешних и внутренних флуктуаций (составляющих хаос), и использует вышеперечисленные методы (инициации, системы родства) для формирования отработанного механизма, однотипной цепочки действий: «тезаурус – детектор – селектор» [Синергетическая философия ..., 2009, с. 201, 202].

Тезаурус – это вариант, набор различного рода структур, представители этнических групп могут их комбинировать в рамках единой системы, актуальной по отношению к хаосу (подсистемы – системы – суперсистемы). Для формирования этих систем предназначен инструмент детектора: этнические системы сочетают направления «кооперации и соперничества». В первом направлении усилия членов коллектива сконцентрированы на социально-творческом процессе: подготовке обрядов инициации, вос-

произведении мифа о едином происхождении. Второе направление связано с отбором самых лучших и устойчивых элементов для обновления или формирования новой структуры. И селектор завершает цепочку как выражение системы ценностей – ориентиров, на которые система будет опираться при выборе структуры и модели поведения.

Итак, интерпретация этноса с точки зрения социальной синергетики позволяет нам увидеть его очень важные характерные черты как самоорганизующейся системы: этнос через процессы внутренней саморегуляции, отработанного механизма контроля культурных и социальных процессов, стремится к состоянию стабильности (социальный идеал – полный синтез порядка и хаоса). Идеал достигается за счет конструирования удобной и нужной для этноса социальной модели поведения личности – в этом ключе культурная и социальная динамика подвержена большой корректировке.

Научный руководитель – М. Г. Туров,

канд. ист. наук, доцент,

кафедра мировой истории и международных отношений,
Иркутский государственный университет

Список литературы

Геннеп ван А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Восточная лит-ра, 1999. 198 с.

Гринин Л. Е. Личность в истории: современные подходы. История и современность. 2011. № 1 (13). С. 3–40.

Кабо В. Р. Круг и крест: размышления этнолога о первобытной духовности. М.: Восточная лит-ра, 2007. 326 с.

Синергетическая философия истории / под ред. В. П. Бранского, С. Д. Пожарского. СПб., 2009. 313 с.

Ethnos through the Prism of Synergetics-an Attempt at a New Interpretation

E. A. Pauk

The article attempts to use methodological tools synergistic direction for the new scientific interpretation of this phenomenon, as an ethnic group. Ethnicity is viewed as a complex self-organizing system that develops according to the laws of synergetics. The processes occurring within the ethnos are considered as the means by which the ethnos, as a system, strives to achieve the social ideal, i. e. a state in which the alternation of the states of Order and Chaos is excluded. The main conceptual basis of the article is the logic of non-linear thinking. This allows us to look at the ethnos not only as a structure, but at a dynamicaly developing system. Through the synergetic direction, a new interpretation of the eschatological problem of the history of an ethnic group is clearly emerging as a philosophical problem.

Keywords: social synergy, social Chaos and Order, social ideal, self-organizing system, ethnos, initiations.

Паук Евгений Александрович

студент 4-го курса

Иркутский государственный университет

e-mail: evgenij.pauk.98@mail.ru

Pauk Evgeny Aleksandrovich

Student 4th year

Irkutsk State University

e-mail: evgenij.pauk.98@mail.ru

УДК 392.51(571.150)

Свадебные традиции алтайцев

А. В. Баяндина

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

В современной алтайской свадьбе (по сравнению с традиционной) произошло много изменений, однако схема свадебных обрядов в основном сохранилась. Сократилось количество дней празднования свадьбы, изменения коснулись предсвадебных и послесвадебных обрядов, а также игр, проводимых во время нее. Изменения в свадебных традициях начались в 1920-е гг., в период Великой Отечественной войны и после нее, так как не было материальной возможности соблюдать всю последовательность проведения свадебных обрядов, особенно это коснулось сватовства. Алтайскую традиционную свадьбу можно разделить на следующие этапы: сватовство, предсвадебные обряды, свадьба, послесвадебные обряды.

Исходным моментом сватовства в традиционной свадьбе был сговор родителей. Существовали различные формы заключения брака, но самым популярным был брак по предварительному согласию родителей («колыбель-

ный» брак, при малолетстве детей и др.). Сватами могли стать старшие уважаемые родственники жениха, также мог принять участие и отец. Мать и жених не могли принимать участие в сватовстве [Тадина, 1995, с. 46].

После окончания сватовства начиналась подготовка к свадьбе: родные жениха занимались приготовлением араки (традиционного молочного слабоалкогольного напитка) и ритуальных мясных угощений из баранины и конины. Сторона невесты готовила приданое (посуда, постельные принадлежности, одежда и др.). За несколько дней до торжества начиналось строительство свадебного айыла (традиционного жилища) возле отцовского айла.

Свадьба начиналась со встречи родственников невесты, едущих на свадьбу. Сородичи жениха угощали родных невесты аракой, мясом и раскуривали трубки. Свадьба сопровождалась различными спортивными состязаниями и играми: тепши блаажары – отбирание тепши (деревянное

блюдо с мясом); поиском невесты (необходимо было найти спрятанную невесту среди ее подруг), в случае если приехавшие не могли найти невесту, платили выкуп [Шатинова, 1981, с. 54]. После этого невесту сажали на лошадь и в сопровождении двух племянников жениха, держащих перед ней занавес из белой ткани, закрепленной на березовых палках (срезанных на восточной стороне местности), вели к месту торжества.

Родственники невесты привозили на свадьбу одежду (которую надевал племянник невесты и «продавал» каждую вещь по отдельности) и постельные принадлежности. Самым интересным и требующим особого внимания моментом алтайской свадьбы было плетение кос. Две женщины (одна – сноха жениха, другая – невесты) расплетали девичьи косы, снимали украшения, расчесывали волосы, смачивали их молоком и заплетали две косы (как полагалось замужней женщине). После надевали на голову женскую шапку (кураан борук). Во время всего этого женщины пели и говорили благопожелания невесте. После проведения всех обрядов начиналось само торжество [Там же, с. 56].

Невеста могла посетить дом своих родителей спустя год после свадьбы и забрать все, что входило в ее приданое. Описанные выше свадебные традиции, обряды и фор-

Altai Wedding Traditions

A. V. Bayandina

The wedding ceremonies of the Altaians are highlighted on the basis of the collected information where the main storylines described are matchmaking, wedding and post-wedding traditions. Attention is drawn to the change in the meanings of the ransom of the bride, ritual initiation into the status of married couples and the semantic load of the need to observe rituals by the spouses. Based on the research of previous years, the main forms of marriage and family among the Altaians are described. It was noted that a characteristic feature of the Altai wedding was that all the relatives took part in the preparation and conduct of the celebration. Wedding rituals and forms of match-making above make up the basis of preserved system of the Altai wedding traditions. It is also noted that there existed differences in wedding celebrations which were determined by the district where the future spouses lived.

Keywords: Altaians, traditions, wedding ceremonies, transformation, ethnic environment.

Баяндина Алтынай Вячеславовна

студент 4-го курса
Горно-Алтайский государственный университет
e-mail: totoaisaka@mail.ru

Bayandina Altynay Vyacheslavovna

Student 4th year
Gorno-Altai State University
e-mail: totoaisaka@mail.ru

УДК 394.21

О создании праздника Эл Ойын для арены национальных видов спорта в Горном Алтае

С. С. Ябыштаев

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

В целях развития и сохранения духовной нематериальной культуры в Республике Алтай периодически проходит Межрегиональный праздник алтайского народа Эл Ойын (Народные игры) [Ябыштаев, 2020]. Этот новый праздник возник на волне этнического возрождения. В первый раз он состоялся в 1988 г. в с. Ело Онгудайского района, затем проводился раз в два года, по четным годам, причем каждый раз в новом районе республики. В своем развитии национальный праздник Эл Ойын приобрел черты культурно-массового мероприятия, проявляясь в основном в показе особенностей этнической культуры алтайцев, национальных видов спорта, музыкального и певческого мастерства фольклорных групп районов республики и соседних регионов: Тувы, Хакасии и Кемеровской области. О том, что первоначально это мероприятие планировалось как соревнование по национальным видам спорта, было сказано в статье электронной газеты «Звезда Алтая», вышедшей в связи с 30-летием проведения Эл Ойына [Эл Ойын ... , 2018].

Сложилось так, что идея, витавшая среди активной части алтайцев, о создании олимпийских игр по национальным видам спорта отвечала требованиям постсоветского

периода о возрождении этнической культуры. Изучая пройденный период, обычно освещают национальный праздник Эл Ойын как этнокультурный маркер Республики Алтай или способ этнокультурного проявления этнического самосознания алтайцев на примере изложения его обрядовой составляющей [Тадина, Ябыштаев, 2015].

Праздник Эл Ойын проходит по единому сценарию: утренний ритуал освящения места праздника, открытие мероприятия, конкурс традиционного костюма и жилища, выступления творческих коллективов, выставка-ярмарка изделий народных промыслов и ремесел, спортивные национальные состязания. Первоначально Эл Ойын был задуман как олимпийские игры по национальным видам спорта, в которых были бы представлены: алтай куреш – борьба на поясах; алтай шатра – национальные алтайские шашки; ат чабыш – гладкие скачки; гиревой спорт; камчи – игра с плеткой; кодурге таш – поднятие камня; лазание на кедр; стрельба из лука; тебек – набивание волана; топок чачары – метание булавы; тонжаан југуриш – бег с партнером на спине; эмдик уредиш – объездка и укрощение необученной лошади.

*Научный руководитель – Н. А. Тадина
канд. ист. наук, доцент кафедры истории и археологии,
Горно-Алтайский государственный университет*

Список литературы

- Тадина Н. А. Алтайская свадебная обрядность (XIX–XX вв.). Горно-Алтайск : Горн.-Алт. респ. кн. изд-во, 1995. 214 с.
Шатинова Н. И. Семья у алтайцев. Горно-Алтайск : Алт. кн. изд-во : Горн.-Алт. отд-ние, 1981. 184 с.

Согласно собранным полевым сведениям, у каждого национального вида спорта есть авторство и территория его зарождения и распространения [ПМА]. Известный республиканский журналист, зайсан рода иркит А. Сельбикова о подготовке к первому Эл Ойыну вспоминал: «Без споров и дискуссий члены инициативной группы включили в спортивную программу состязания по алтайской борьбе куреш и алтайским шашкам шатра. По ним уже были разработаны правила, проводились соревнования областного уровня, даже на уровне Сибири и Дальнего Востока. По остальным видам споры порой заканчивались глубокой ночью. Звучали предложения о включении состязаний по армрестлингу (борьбе на руках), бегу, поднятию гири; как ни странно, было много противников стрельбы из лука. В итоге в программу вошли пять видов: куреш, шатра, кодурге таш (поднятие камня), стрельба из лука, конные соревнования» [Эл Ойын ... , 2018].

Наш информатор утверждает, что национальный вид спорта «кодурге таш» (поднятие камня) был предложен общественным деятелем В. П. Ойношевым. Неподалеку от его родного села Беш-Озек в Шебалинском районе сохранился увесистый камень (предмет тренировки известного в прошлом богатыря Оскус уул), на котором по сей день многие пробуют свои силы. О подобном факте в Кош-Агачском районе в с. Кокорю говорил Т. Яйтынов – в старину богатырь Бадма тренировался, поднимая камень и бережно опуская его через лошадь. Когда сельчане привезли тот самый камень на районный праздник борьбы, то никто из современных силачей (не только из нашей республики, но и из Казахстана, Киргизии, Монголии) не смог в одиночку поднять его даже до колен, хотя пытались. По этому национальному виду спорта утвердили две дисциплины: поднятие камня разной тяжести (от 80 до 170 кг) на пень высотой 110 см и бросок 20-килограммового камня на дальность назад через себя (вторую затем исключили из программы) [Эл Ойын ... , 2018].

До настоящего времени А. Сельбиков является председателем республиканской федерации стрельбы из лука. На первом празднике Эл Ойын мишенями были фанерные фигурки белки, зайца, косули. К состязаниям допускали только спортсменов с самодельными луками и стрелами, что было связано не столько с традициями, сколько с нехваткой современного снаряжения. Другой национальный вид спорта «бег тонжаанов» воспроизводили по рассказам Бориса Кортина, журналиста и общественного деятеля, утверждавшего, что в старину воины рода тонжаан тренировались, подсаживая друг друга на спину и пробегая такой парой.

Другой национальный вид спорта «камчы» (выбивание кеглей плеткой до трех метров) вошел в программу на втором празднике Эл Ойын, проходившем около с. Шыргайты Шебалинского района в начале июля 1990 г. У этого вида появились рекордсмены и лидеры, а основателем был Н. А. Абаков, чабан из с. Шыргайты. Благодаря энтузиасту А. Мандину из с. Кырлык Усть-Канского района, национальный вид спорта «камчы» совершенствуется и, возможно, будет включен в программу чемпионата Сибири и Дальнего Востока по национальным видам спорта [Там же].

Одним из главных видов состязаний являются скачки. Их исключительность объясняется значением коня в жизнеобеспечении и бытовой культуре алтайцев. В период подготовки к первому празднику Эл Ойын были различные мнения по видам конного соревнования. А. А. Сельбиков рассказывает: «Без особых споров в программу включили

гладкие скачки – они были увлечением почти всех табунщиков и привлекали зрителей. Большой популярностью на первых Эл Ойынах пользовалась конная эстафета – идею с описанием этапов подал в газету «Алтайдын Чолмоны» культработник из Улагана Сергей Тадыкин. Дистанции определили произвольно, 2700 и 5400 м. 12-километровую дистанцию для забега аргымаков (скакунов – С. Я.) я предложил, исходя из расстояния между селами Барагашем и Шыргайтой, где традиционно состязались жители этих сел. Я узнал, что в Киргизии аргымаки соревнуются на 50 километров, хочу предложить эту дистанцию у нас» [Эл Ойын ... , 2018].

В начале конных соревнований обычно демонстрируются традиционные методы выездки необъезженных лошадей. Они взяты непосредственно из скотоводческой практики и приближены к реальным условиям. Еще до первого праздника Эл Ойын это состязание проходило в с. Ело Онгудайского района, ставшего родиной этого национального вида спорта. Затем идут различные виды конных соревнований на личное и коллективное первенство. И опять же, выступающие борются не за свой личный приз, а за главное – честь района, селения и, конечно, сёока (рода).

Конноспортивная игра көк бөрү привлекает большое количество зрителей, и каждый из них видит ее по-своему. Приезжие из индустриально развитых регионов и крупных городов, иностранные туристы воспринимают козлодрание как экзотику и жесткое представление. Для европейца наблюдать за тем, как крепкие парни на конях вырывают друг у друга тушу козла, а затем скачут с ней, чтобы закинуть ее в специальные ворота, – захватывающее зрелище из жизни кочевников. Буквально «көк бөрү» означает «серый волк». Слово «волк» в названии неслучайно: оно олицетворяет ловкость участников, их навыки «коллективной охоты» [Ябыштаев, 2011].

Соревнования проходят весело, шумно, зрители участвуют в обсуждении итогов, включаются в борьбу. Сила, ловкость, смелость, выносливость, упорство участников – это персонифицированное молодечество и удаль их группы, их села, их сёока (рода). Игра и состязание и сегодня для алтайских этнических групп – составная часть быта и этнической культуры, без нее не мыслима социализация личности и признание авторитета, социальной значимости, наконец, признание этнической сопричастности.

*Научный руководитель – Н. А. Тадина
канд. ист. наук, доцент, кафедра истории и археологии,
Горно-Алтайский государственный университет*

Источники

ПМА (полевые материалы автора). Февраль 2021 г.
Эл Ойын. Тридцать лет // Звезда Алтай. URL: <https://zvezdaaltaya.ru/2018/06/yel-oyyn-tridcat-let/> (дата обращения: 10.03.2021).

Список литературы

Ябыштаев С. С. Об актуальности поправок реестра объектов нематериального культурного наследия в Республике Алтай // Материалы LX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых с международным участием. Иркутск, 2020. С. 308–310.

Ябыштаев Т. С. Игра Көк бөрү как социокультурный знак самоидентификации алтайцев // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2 (15). С. 201–209.

Tadina N. A., Yabyshataev T. S. The invention of "nomadic" holiday in Altai Republic (Изобретение «кочующего» праздника) // Oxford Journal of Scientific Research. 2015. N 1. (9) (January–June). Vol. 3. P. 596–602.

On Foundation of the El Oyin Holiday for the National Sports Arena in Gorny Altai

S. S. Yabyshataev

Based on the information collected about the history of the republican holiday El Oyin (People's Games), it is concluded that this event arose in the post-Soviet period of ethnic revival as the Olympic Games of national sports in Gorny Altai. Participants of the holiday compete in wrestling (kyresh), archery (ok-jaa adysh), raising a stone (ködyrge tash), knocking out knuckle bones (kamchi), tossing a shuttlecock (tebek), playing Altai drafts (shatra), riding young

horses and other types of games. Sports competitions have a developed system of rules, organized refereeing and prizes. There are also highlighted some problems of authorship, different views on the need for this or that kind of national sport in the program of the El Oyin holiday, which has become a republican event.

Keywords: republic, holiday, Altai people, national sports, ethnic culture.

Ябыштаев Судур Степанович

студент 2-го курса

Горно-Алтайский государственный университет

e-mail: yabyshtaev.sudur@mail.ru

Yabyshtaev Sudur Stepanovich

Student 2nd year

Gorno-Altai State University

e-mail: yabyshtaev.sudur@mail.ru

УДК 393(574)

Трансформация казахского погребального обряда в условиях пандемии (на примере аула Сегизбай)

Д. Ш. Тойбазарова

*Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
Омск, Россия*

Пандемия кардинально изменила привычную жизнь значительной части населения земного шара. Исключением не стала и культура этносов, столкнувшихся с этой глобальной проблемой. Практически все страны принимали различные ограничительные меры в связи с распространением COVID-19, меняя заведенный порядок жизни своих граждан. Мир столкнулся со значительной для XXI в. статистикой заболеваемости и смертности, к чему были готовы далеко не все государства. Потребовалось внести изменения в обряд похорон из-за возможности заражения, регламентировать его санитарно-эпидемиологическими правилами и нормами.

Погребальный обряд в привычном понимании представляет собой совокупность традиционных обрядовых действий, которые непосредственно связаны со смертью человека и процедурой проводов его в другой мир [Дворников, 2011, с. 62]. Традиционно казахский обряд делят на три этапа: подготовительный, похоронный и поминальный [Ахметова, Толпеко, 2011, с. 9–18]. Пандемия внесла изменения в каждый из них. Мы предлагаем рассмотреть трансформацию погребального обряда казахского населения в условиях пандемии на примере жителей аула Сегизбай (Азовский район Омской области) в той же последовательности [ПМА].

Первый этап у казахов связан с подготовкой тела умершего человека и места, где это тело будет пребывать до похорон. Фактически он начинается с момента смерти. В традиционной форме обряда жители аула Сегизбай готовят для умершего место в доме: тщательно завешивают зеркала, а также все изображения людей и животных для того, чтобы душа человека не смогла остаться в них. Покойнику выделяют отдельную комнату, где создается своеобразная лежанка и ширма из белых простыней. Однако тело умершего от COVID-19 не может находиться в доме, поскольку его перевозка из больницы куда-либо, кроме кладбища, запрещена. В этом случае в подготовке дома как части подготовительного этапа нет ни возможности, ни необходимости. Также на данном этапе должна проходить такая важная процедура в исламе, как омовение тела умершего. Оно совершается кругом лиц, являющихся близкими родственниками покойника, имеет четкую последовательность действий и некоторые ограничения, а также свой инструментарий (например, *табыт* – удлиненное корыто, используемое для омовения). Однако для людей, умерших от COVID-19, такая подготовка тела стала невозможной, что вызывало резонанс в обществе. По данному вопросу свое мнение высказало Духовное управление мусульман России, допустившее возможность невыполнения этой процедуры в условиях пандемии [COVID-19 внес коррективы ...].

Также невозможным для умерших от COVID-19 является изготовление савана, поскольку, со слов жителей аула Сегизбай, тело, подготовленное к похоронам, привозят в специальном мешке, вскрывать который категорически запрещено. Таким образом, пандемия и ограничительные меры сильно повлияли на подготовительный этап погребального обряда казахов не только Омской области, но и всей России в целом.

Следующим в казахской погребальной культуре является похоронный этап, который фактически начинается с выноса тела покойника из дома. Однако в сложившихся обстоятельствах умерший от COVID-19 не находится в доме, а привозится сразу из больницы специальными службами. Стоит отметить, что порядок выкапывания могилы в данном случае не нарушен, поскольку она готовится заранее. Однако дальнейшие действия претерпели изменения. На кладбище, помимо ограниченного количества ближайших родственников, также присутствуют санитары, контролирующие процесс захоронения. Умершего укладывают головой на запад, как и положено. Однако из-за запрета вскрывать мешок, в котором находится тело, отсутствует возможность повернуть голову лицом на юг, как это принято в традиционной форме обряда. Со слов информаторов, санитары не только контролируют процесс захоронения, но и участвуют в нем: они первыми берут лопаты и бросают землю в могилу, а позже передают их другим людям, участвующим в похоронах. Это делается для того, чтобы лишний раз удостовериться, что мешок не будет вскрыт. После завершения закапывания могилы присутствующие, как и принято, читают молитву. Санитары не вмешиваются в этот процесс. На следующий день, по традиции, на могиле устанавливают два деревянных обозначения, как правило, с вырезанными на них полумесяцами. Более длинное ставится в изголовье, покороче – в ногах.

Завершающим этапом погребального обряда является поминальный, который практически не претерпел изменений. По-прежнему покойника поминают на 7-й, 40-й, 100-й дни (в последнем случае в настоящее время поминки проводят все реже. – Д. Т.) и на годовщину. До 40 дней принято каждый четверг готовить специальную ритуальную еду и звать людей, которым впоследствии раздадут ткани, конфеты и т. д. До годовщины родственники обязаны установить погребальное сооружение на могиле – мазар (мавзолей) или оградку. В условиях ограничений пандемии количество гостей на похоронах и поминках заметно снизилось. В основном это связано с тем, что вводились запреты на перемещения между областями, районами, селами, особенно если их закрывали на карантин. Также были пере-

крыты сухопутные границы между Россией и Казахстаном, откуда часто приезжали родственники или бывшие жители аула Сегизбай. Не стоит забывать и о психологическом факторе: многие сознательно стали избегать большого скопления людей. В России не вводились ограничения по количеству человек, собирающихся на частной территории, но все же упомянутые выше факторы сыграли роль в снижении количества участников похорон и поминок.

Таким образом, пандемия внесла определенные коррективы в казахский погребальный обряд, что было хорошо прослежено нами на примере аула Сегизбай. В большей степени это сказалось на похоронах умерших от COVID-19, в меньшей – от других причин. Из-за санитарно-эпидемиологических требований и боязни заразиться казахи были вынуждены отказаться от традиционных ритуальных действий, связанных с подготовкой тела умершего от коронавируса. Похоронный этап в период пандемии стал проходить в условиях контроля привлеченных к данной процедуре санитаров, а на поминальном этапе снизилось количество участников. Можно предположить, что эти перемены не пройдут бесследно и в погребальном обряде современных казахов, в дополнение к уже имеющимся [Тойбазарова, 2020, с. 264–265], появятся новые изменения. Некоторые представители казахского населения, особенно те, кто проживает в городской среде, могут отказаться от самостоятельного проведения ряда действий, например, на подготовительном этапе, поскольку менее

затратным в физическом плане является перепоручение данных забот представителям ритуальных компаний.

*Научный руководитель – И. В. Толпеко
канд. ист. наук, доцент,
кафедра этнологии, антропологии, археологии и музеологии,
Омский государственный университет им.
Ф. М. Достоевского*

Источники

ПМА – полевые материалы автора. Экспедиция в аул Сегизбай Азовского Немецкого национального района Омской области, январь – февраль 2021 года.

Список литературы

Ахметова Ш. К., Толпеко И. В. Методика этноархеологического изучения погребального обряда казахов Западной Сибири. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. 52 с.

Дворников Э. П. Погребальный обряд архаических культур: о некоторых методических вопросах междисциплинарного подхода // Исторические, философские, политические и юридические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 2 (8). С. 62–65.

Тойбазарова Д. Ш. Традиции и новации в погребальном обряде казахов Среднего Прииртышья (на примере кладбища Баян) // Материалы LX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых с международным участием. Иркутск, 2020. С. 264–265.

COVID-19 внес коррективы в погребальный обряд мусульман // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4317924> (дата обращения: 23.02.2021).

The Transformation of the Kazakh Funeral Rite in Conditions of the Pandemic (on the Example of the Segizbay Aul)

D. Sh. Toybazarova

The work is devoted to the study of the changed elements of the Kazakh funeral rite of Segizbay aul. The Kazakh funeral rite was greatly transformed during the pandemic, in which the world has been living for a whole year. COVID-19 has affected almost all aspects of human life. The cultural component was no exception. The author analyzes a traditional ceremony and a new form of the rite, based on field material collected in the Segizbay aul. Kazakhs are forced to abandon some of the ritual actions prescribed by the centuries-old tradition and norms of Islam. Many of the changes that occurred during this period will certainly be able to take root, thereby forever changing the tradition of funerals familiar to Kazakhs. It is from this time that a new form of the Kazakh funeral rite can be counted, which must be studied and introduced into scientific circulation.

Keywords: Funeral Rite, Pandemic, Transformation, Rite, COVID-19.

Тойбазарова Дайана Шаймухановна

студент 3-го курса

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
e-mail: toybazarova2015@mail.ru

Toibazarova Daiana Shaimukhanovna

Student 3rd year

F. M. Dostoevsky Omsk State University
e-mail: toybazarova2015@mail.ru

УДК 27-76(571.151)

Христианизация коренных народов Северного Прииртышья в условиях трансформации традиционного общества на рубеже XIX–XX вв.

И. Г. Черляков

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

На рубеже XIX–XX вв. традиционное общество коренных народов Северного Прииртышья переживало трансформацию. Формирование индустриального общества в Российской империи отражалось и на ее окраинах. Развитие товарно-денежных отношений разрушали старые социальные связи и формы хозяйствования. Увеличивались расслоение общества и маргинализация отдельных его групп, что приводило, в свою очередь, к росту социальной напряженности и внутренней миграции.

Сложившиеся условия не могли не отразиться на миссионерской деятельности Русской православной церкви в Горном Алтае в целом и в Северном Прииртышье в частности. Здесь сложилась и функционировала достаточно разветвленная система богослужбных учреждений Алтайской духовной миссии (АДМ). Она решала задачу приобщения коренных народов края к «вере Христовой». Но несмотря на это, ее результаты в интересующий нас период оставляли желать лучшего. Так, с 1894 по 1902 г. уве-

личилось только количество крещений младенцев, в то время как крещение алтайцев-язычников снизилось (табл. 1) [Отчет Алтайской ... , 1895, с. 82–83; Отчет Алтайской ... , 1903, с. 6–7]. Такая ситуация более характерна для приходской жизни, нежели миссионерской, в том смысле, в котором ее понимали миссионеры. Так, в аиле Артыбаш (Кебезенское отделение. – *И. Ч.*), как явствует из отчета, удалось крестить всего восемь младенцев, но ни одного тубалара – «язычника» [Отчет Алтайской ... , 1910, с. 10]. В Яйлю (38 км от Артыбаша вверх по Телецкому озеру. – *И. Ч.*) из девяти человек только один по имени Яган принял крещение с именем Иван. Тот же результат в аиле Эдербес. Даже в верховьях р. Талой, где, по их словам, они еще ни разу не были, никого не смогли крестить, а новокрещенные скрывали от них своих детей [Отчет Алтайской ... , 1910, с. 8]. В аиле Чорбоп (38 км от с. Кебезень) «обратили двух шаманистов в православную веру». В аилах Азаганды и Чулушкару еще один некрещенный «ино-

родец» по имени Чоро изъявил желание креститься по причине болезни его семьи, так как «камлание» не помогло. Кроме этой семьи священник-миссионер крестил еще пятерых «инородцев» [Там же, с. 33–37].

Еще более противоречивой была ситуация с участием крещеных в главном христианском таинстве – причастии.

В 1902 г. количество неприсяжных по сравнению с 1894 г. увеличилось в разы, особенно среди коренных народов Северного Притундра (табл. 2) [Отчет Алтайской ... , 1895; Отчет Алтайской ... , 1903, с. 10–11].

Таблица 1

Количество крещеных и обращенных в православие жителей Северного Притундра в конце XIX – начале XX в.

№	Наименование отделения	Младенцы		Шаманисты		Раскольники		Мусульмане	
		1894 г.	1902 г.	1894 г.	1902 г.	1894 г.	1902 г.	1894 г.	1902 г.
1	Кебезенское	190	272	45	8	–	1	–	–
2	Макарьевское	154	208	8	3	1	1	–	–
3	Сузопское	111	70	31	12	–	–	–	–
4	Паспаульское	–	108	–	5	–	1	–	–
5	Тайнинское	–	87	–	1	–	13	–	–

Таблица 2

Количество причастников в миссионерских отделениях Северного Притундра в конце XIX – начале XX в.

№	Наименование отделения	Причащались				Не причащались			
		1894 г.	1902 г.	1894 г.	1902 г.	1894 г.	1902 г.	1894 г.	1902 г.
		русские	русские	северные алтайцы	северные алтайцы	русские	русские	северные алтайцы	северные алтайцы
1	Кебезенское	141	530	1011	796	4	750	71	913
2	Макарьевское	831	709	467	734	305	512	14	395
3	Сузопское	17	87	1459	214	–	85	–	1055
4	Паспаульское	–	435	–	437	–	428	–	402
5	Тайнинское	–	462	–	68	–	490	–	196

Говоря о причинах, миссионеры делали акцент чаще на внешние факторы. Так, например, даже по большому престольному празднику небольшая Покровская церковь в Кебезени была полупуста. Местный миссионер объяснял это тем, что большинство его прихожан уезжает на промысел (особенно ореховый) целыми семьями, однако АДМ связывала это с «безбожной русской интеллигенцией» [Черлояков, Модоров, 2010, с. 160], отрицательно влияющей на новокрещеных. По другой причине Миссия связывала это с издержками управления. В Кебезенском отделении число «язычников» было меньше, чем крещеных, а вот «командовали» ими последнее время некрещеные. Крещеные алтайцы оказались между двумя культурами – с одной стороны, русская, а с другой – алтайская. Некрещеные алтайцы нередко отвергали крещеных и называли их «крестюлер» (крещеные), а русские не принимали их как из представителей другого народа [Тащина, 2000, с. 90–94]. Такое промежуточное положение крещеных вело к социальной напряженности. По этому поводу В. В. Радлов писал: «Хотя у них и есть в своей деревне старшина и их дела решаются собранием общины, но как отдельные личности они все еще подчинены бывшим зайсанам, а те ненавидят их как вероотступников и при малейшей возможности преследуют их; поэтому во всех спорных делах крещеные всегда терпят поражение. А русские в пограничных деревнях никак не хотят видеть в крещеных алтайцах людей, равных себе, и смеются над ними, когда те требуют, чтобы к ним относились, как к русским... Крещеные алтайцы... всячески стараются подражать во всем русским, чтобы обрести хоть какую-то точку опоры. Особенно... заметно это в их языке. Даже говоря между собой, они употребляют как можно больше русских слов» [Радлов, 1989, с. 182]. «Ныне, – говорили они, – некрещеному живется легче, чем крещеному». Это объясняется тем, что крещеный больше озабочен в платежах разных повинностей, чем некрещеный. А «шаманисты» отбывали только одни волостные повинности. При этом сами крещеные просили у них деньги на уплату поборов. «Раньше, – продолжали они, – [миссионеры] помогали нам, желающим креститься. После крещения покупали дом, корову и давали деньги на семе-

на. Теперь... обратно [Миссия] взывает с крещеных. Они [миссионерам] платят ежегодно по два рубля с лишком с каждой души». Словом, «черновые инородцы» тяготились ими из-за своей бедности. Несмотря на это, миссионеры продолжали проповедовать, однако их поездки все чаще заканчивались безрезультатно, от чего, как отмечали они, оставалось впечатление «весьма неприятное» [Отчет Алтайской ... , 1907, с. 26–27]. По другим данным, тяжелое положение коренных жителей усугублялось пьянством. Причем «пьют в улусах все, во всякое время года и при всяком случае. Водку покупают, гонят ее сами, затрачивая на это последние хлебные зерна. Ни увещания миссионеров, ни болезни, ни нищета – ничто не останавливает этих детей природы» [Томские епархиальные ... , 1908, с. 51]. В этом убеждались сами начальники миссии, посещая кумандинцев (Макарьевский стан. – *И. Ч.*). «Церковь не посещалась многими прихожанами (русскими и кумандинцами), – отмечали они, – занятиями извозным промыслом и преданными пьянству и разгулу. Миссионер борется с этим злом, но безуспешно» [Отчет Алтайской ... , 1910, с. 10].

В еще более трудных условиях находились те миссионеры, у которых на «окормляемой» ими территории были «раскольники». Так, в Кебезенское отделение последние прибыли в количестве до 130 дворов из Пермской губернии. Две семьи православных, доносил миссионер, перешли в раскол (австрийского толка. – *И. Ч.*), а именно: дочь Алексея Казанцева, строителя церкви в Турочаке, и солдатка-вдова с пятерыми детьми. Имелись раскольники также в Верхне-Пьянковой деревне (80 дворов). Центром раскола в Северном Притундре стало Тайнинское отделение (свыше 2 тыс. человек. – *И. Ч.*). Они ничем не отличались от православных по обрядам, за исключением «легкости брачного сопряжения» (без всяких документов. – *И. Ч.*). Также были случаи венчания «австрийскими» священниками даже малолетних [Черлояков, 2010]. Миссионеры старались через школу и библиотеки [Клировая ведомость ... , 1907, с. 5] укрепить новокрещеных алтайцев и православных в вере, что позволяло возвращать некоторых раскольников [Отчет Алтайской ... , 1907, с. 28–29].

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. христианизация коренных народов Северного Прителечья, проводимая АДМ, переживала системный кризис. Традиционная миссионерская деятельность вступала в противоречие с необходимостью миссии не только среди «язычников», но и среди русских переселенцев, раскольников и новокрещенных, что требовало от нее совершенно иного качественного уровня. Решение проблем миссионеры видели в увеличении числа храмов, т. е. в экстенсивных методах.

*Научный руководитель – Н. А. Тадина
канд. ист. наук, доцент,
кафедра истории и археологии,
Горно-Алтайский государственный университет*

Источники

Отчет Алтайской Духовной Миссии за 1894 г. // Томские епархиальные ведомости. Томск, 1895. 83 с.

Отчет Алтайской Духовной Миссии за 1902 г. // Томские епархиальные ведомости. Томск, 1903. 56 с.

Christianization of the Indigenous Peoples of the Northern Pretelechic in the Context of the Transformation of Traditional Society at the Turn of the 19th – 20th Centuries

I. G. Cherloyakov

The article is devoted to the activities of the Altai Spiritual Mission for the Christianization of the indigenous peoples of the Northern Pretelechic at the turn of the 19th – 20th centuries: Upper Kumandins, Chelkans and Tubalars. Northern Pretelechic – the territory of partly Krasnogorsk and Solton districts of Altai Territory, Turochaksky and Choysky districts of the Altai Republic adjacent to Lake Teletskoye – the source of the river Biya. A place of compact residence of the indigenous peoples of the region. The latter were involved in the sphere of Christianization carried out by ADM, but at the turn of the 19th – 20th centuries, it faces new challenges associated with both the transformation of traditional society and the specific problems inherent in this organization.

Keywords: Altai spiritual mission, Northern Pretelechic, tubalars, chelkans, kumandins, a crisis, epiphany, the sacrament of the Sacrament, shamanism.

Черлояков Иван Геннадьевич

аспирант 4-го курса
Горно-Алтайский государственный университет
e-mail: cherloykov@mail.ru

Клировая ведомость Ыныргинского миссионерского стана за 1906 г. Томск, 1907. 10 с.

Отчет Алтайской Духовной Миссии за 1906 г. // Томские епархиальные ведомости. Томск, 1907. 39 с.

Томские епархиальные ведомости за 1908 г. Томск, 1908. № 14. 51 с.

Отчет Алтайской Духовной Миссии за 1909 г. // Томские епархиальные ведомости. Томск, 1910. 59 с.

Список литературы

Радлов В. В. Из Сибири: страницы дневника. М.: Наука, Глав. редакция вост. лит-ры, 1989. 749 с.

Тадина Н. А. Тип «крещеных» алтайцев: прошлое и настоящее // Христианский мир: религия, культура, этнос. СПб., 2000. С. 90–94.

Черлояков И. Г. Старообрядцы Бие-Прителецкой черни на рубеже XIX–XX веков // Материалы четвертых всероссийских краеведческих чтений, посвященных 20-летию создания Союза краеведов России. 13 мая 2010 г. Челябинск, 2010. С. 145–150.

Черлояков И. Г., Модоров Н. С. Революция 1905–1907 гг. в зеркале духовно-нравственного состояния местного общества // Современное историческое сибиреведение XVIII – начала XX в. СПб., 2010. Вып. 3. С. 154–163.

УДК 39(=161.2)+94(571.15)

Кухонная утварь украинцев Алтайского края в XX веке*

Н. В. Люля

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

*Работа выполнена по гранту РФФИ, проект № 19-09-00487

Кухонная утварь является одним из важных компонентов материальной культуры этноса. Утварь использовалась для обработки и хранения продуктов питания, приготовления и приема пищи. Ее разнообразие во многом зависело от традиций питания, которые связаны с природно-географическими условиями, направлением хозяйственной деятельности, интенсивностью контактов с другими народами и социально-экономическими преобразованиями [Украинцы, 2000, с. 242].

В данной публикации автором рассматривается процесс изменения традиционной кухонной утвари украинцев Алтайского края на протяжении XX в. При подготовке статьи использованы устные исторические источники, собранные автором в ходе этнографических экспедиций, а также музейные собрания.

Большая часть домашней утвари в крестьянских семьях украинцев Алтайского края изготавливалась из дерева (выдолбленная и бондарная), глины (гончарная), реже из лозы (плетеная) и была самодельной или кустарного производства [Коровушкин, 2007, с. 32].

В первой половине XX в. большинство посуды в домашнем хозяйстве многих крестьян было из дерева, что говорит о большом значении бондарного промысла в жизни населения. В основном украинцы проживали в степной и реже лесостепной зоне, где для изготовления посуды использовали доступные породы дерева – березу, осину, реже – сосну. Традиционным приемом обработки дерева

было выдалбливание. Из долбленых изделий в рассматриваемом регионе повсеместно были распространены кадки, ступы, корыта, ложки, поварешки. В ступах толкли зерно, например пшено для приготовления каши. Корыта использовали для замешивания теста или рубки овощей, они были изготовлены из цельного куска дерева и не имели вставного дна. Со второй половины XX в. для замешивания теста используют металлическую посуду (в приоритете эмалированную).

Деревянные ложки, поварешки изготавливали в основном из березы как одного из самых доступных материалов (рис. 1, 2). Традиции расписывать ложки в населенных пунктах Алтайского края, видимо, не сохранилось, так как в музейных собраниях представлены простые ложки разных размеров (взрослые и детские), часто с вырезанными геометрическими узорами (например, ромбы). Ложки из дерева в среде украинцев сохранялись долгое время, а в некоторых семьях их использовали параллельно с металлическими, так как они были более привычными: «Ложки, я знаю, деревянными ели... А в те времена я росла, наверно долго вот деревянными ложками ели. И я уже привыкла ложками деревянными, уже вышла замуж, уже съезды приехала, вот шо, и тут мы еще деревянными ложками пользовались. Мы уже в магазине были, мы не могли железными ложками есть, мы покупали деревянные. Просто уже привычка была. Надо было деревянной ложкой» [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Андрелева Г. М., 1940 г. р.].

Рис. 1. Ложки деревянные. Родинский музей истории и изобразительного искусства им. А. С. Цыбинова. Родинский район, с. Родино

Рис. 2. Деревянная поварешка. ОФ. 1316. Родинский музей истории и изобразительного искусства им. А. С. Цыбинова. Родинский район, с. Родино

Повсеместно украинцы использовали бондарную утварь – бочки, кадушки/кадки. Деревянные бочки были изготовлены из узких длинных дощечек, плотно подогнанных друг к другу, облегающих круглое дно и стянутых сверху и снизу металлическими обручами: «Тада не в банках закатывали, а в бочках были, и в бочках накладывали, в погребе стоит, накладывали, рассолом заливали, сверху кружку и камень сверху придавливаются» [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Небылица М. А., 1938 г. р.]. По словам информантов, такие бочки в основном были привезены с территории Украины и изготовлены из дубовой древесины. Использование стеклянных банок для засолки началось лишь с 1970-х гг. и сохраняется по настоящее время. Такие бочки сохранялись в хозяйстве длительное время, но использовались не по назначению (например, для хранения зерна).

В деревянных маслобойках с мутовкой в виде крестовины (толкательного типа) сбивали вручную сливочное масло. В селах Кулундинского района с массовым переселением немцев в ходе депортации в годы Великой Отечественной войны сливочное масло украинцы стали сбивать в немецких маслобойках: «Мы до них и не делали так. А как немцев привезли, они много с собой чего навезли и маслобойки эти. Так им есть нечего, они и меняли. А потом у нас все так стали масло делать» [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Юрченко Л. В., 1935 г. р.]. Немецкая маслобойка – горизонтального барабанного типа, в которых мутовка движется вверх-вниз, была проста в использовании, в отличие от вертикальной маслобойки, что привело к ее массовому распространению.

В первой половине XX в. в среде украинского населения края был разнообразен ассортимент керамической посуды – корчаги, кувшины, кри/ынки, макитры, горшки, мы/иски, кружки. Многие переселенцы привозили глиняную посуду с Украины или изготавливали из местной глины: «...делали, горшки. Сами, люди. Кто умел, тот и делал. А глина тут была» [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Шкурко А. Г., 1933 г. р.]. Это было обусловлено ее доступностью, что связано с особенностью их расселения на территории края, где почвообразующими являются глинистые и суглинистые породы. Многообразие керамической посуды украинцев представлено в собраниях музеев. Особенно в музеях, которые расположены в селах с компактным проживанием украинцев, например в селах Романово, Родино, Кулунда. Сохранившиеся керамические изделия традици-

онно декорированы в разных техниках – глазурирование (рис. 3), крытье (рис. 4), живопись. Такая посуда использовалась для хранения и употребления пищи, а не для ее приготовления. С улучшением материального положения сельских жителей, которое основная часть опрошенных относит к началу 1950-х гг., керамическая посуда была заменена на металлическую и стеклянную (тарелки, стаканы и т. д.) [Семья и семейный быт ... , 2017, с. 250]. При этом информанты отмечают, что в отличие от другой керамической посуды (кружки, горшки и т. д.) кри/ынки сохранялись в быту достаточно долго, так как считалось, что в них лучше всего хранится молоко: «Молоко с крынками стояло и банки уже стеклянные были» [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Скубко Л. Н., 1936 г. р.].

Рис. 3. Кувшин глиняный зеленый. ОФ 37/1. Романовский районный историко-краеведческий музей. Романовский район, с. Романово

Рис. 4. Горшок. ОФ 37/6. Романовский район, с. Романово

Кухонная утварь имела отдельное место для хранения. Мелкую кухонную посуду – ложки, кружки, мыски хранили в открытом шкафу, завешанном тканью, который традиционно называли «мысник» [Украинцы, 2000, с. 185], или на прибитых к стене деревянных полках – «полицах»: «Во цэ мысник и есть, шапчик таки. Тоже шкап такой, там стоит посуда. Вот оно от слова и произошло тоди по-украински, по-хохлацки чашка называлась мыска. Вот и шапчик тот называлась мысник» [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Ещенко А. И., 1939 г. р.].

Таким образом, анализ источников позволяет говорить о сохранении в семьях украинцев Алтайского края традиционной кухонной утвари самодельной или кустарного производства (из дерева, глины) на протяжении первой половины XX в. Контакты с другими народами оказали непосредственное влияние на процесс ее утраты, а активные социально-экономические преобразования со второй половины XX в. привели к повсеместному распространению посуды фабричного производства (из металла, стекла, фарфора и др. материалов).

Kitchen Utensils of Ukrainians of the Altai Territory in the 20th Century

N. V. Lyulya

The article considers the process of changing the traditional kitchen utensils of Ukrainians of the Altai Territory during the end of the 19th–20th centuries. Kitchen utensils are important components of the material culture of the ethnic group and are dependent on food traditions that were associated with natural and geographical conditions, the direction of economic activity, the intensity of contacts with other peoples and socio-economic transformations. Analysis of sources allows us to talk about the preservation of traditional kitchen utensils of homemade or artisanal production during the first half of the 20th century.

Источники

- Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г. : Романовский район, с. Закладное. Информант – Скубко Л. Н., 1936 г. р.
 Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г. : Романовский район, с. Дубровино. Информант – Ещенко А. И., 1939 г. р.
 Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013 г. : Алтайский край, Благовещенский район, с. Яготино. Информант – Шкурко А. Г., 1933 г. р.
 Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014 г. : Романовский район, с. Гилев Лог. Информант – Андрелева Г. М., 1940 г. р.
 Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г. : Алтайский край, Кулундинский район, с. Константиновка. Информант – Небылица М. А., 1938 г. р.
 Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2014 г. : Алтайский край, Кулундинский район, с. Семеновка. Информант – Юрченко Л. В., 1935 г. р.

Список литературы

- Коровушкин Д. Г. Украинцы в Западной Сибири: расселение и численность в конце XIX – начале XXI века. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. 247 с.
 Семья и семейный быт украинского сельского населения Западной Сибири в конце XIX–XX века / Н. С. Грибанова, И. В. Чернова, Н. В. Люля, А. С. Свидовская. Барнаул : АлтГПУ, 2017. 306 с.
 Украинцы / отв. ред. А. П. Пономарев, В. А. Тишков. М. : Наука, 2000. 535 с.

Active socio-economic transformations and cultural transformations from the second half of the 20th century, contacts with other peoples had a direct impact on the process of its loss and the replacement of utensils factory production.

Keywords: material culture, kitchen utensils, dishes, Ukrainians, Altai Territory.

Люля Наталья Викторовна

ведущий специалист по учебно-методической работе
УНИЛ «Центр устной истории и этнографии»
Алтайский государственный педагогический университет
e-mail: natalyalyulya@mail.ru

Lyulya Natalia Viktorovna

Leading specialist in the teaching and methodological work
UNIL "Center for Oral History and Ethnography"
Altai State Pedagogical University
e-mail: natalyalyulya@mail.ru

УДК 634(571.150)(091)

Развитие садов потребительского типа в селах Алтайского края в 1930–2010-е гг. (по полевым материалам)*

А. С. Свидовская

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

*Работа выполнена по гранту РФФИ № 19-09-00487А

Устойчивое социально-экономическое и экологическое развитие сельских территорий является стратегически важной государственной задачей, в которой сельскохозяйственная сфера является приоритетным направлением.

Садоводческая деятельность, начавшая свое развитие в Сибири с середины XIX в., вызывает интерес в основном среди представителей сельскохозяйственной науки, в первую очередь ориентирующихся на изучение промышленного садоводства и плодородства [Садоводство Алтай ... , 1948; Глотко, 2005]. В литературе недостаточно освещена тема развития и функционирования садов потребительского типа.

Настоящая статья, основанная на источниках, собранных автором в полевых экспедициях в районах Алтайского края (далее – АК) в 2016–2019, 2021 гг. – Крутихинском, Красногорском, Топчихинском, Курьинском, Романовском, посвящена изучению развития садов потребительского типа в селах АК в 1930–2010-е гг.

Разнообразие почвенно-климатических зон на территории АК, самые благоприятные из которых находятся в его юго-восточной части, позволяет выращивать различные плодово-ягодные культуры в садах различного типа: потребительских (неспециализированные хозяйства, коллективные, приусадебные), промышленных (сады площадью больше 250 га), специализирующихся на лекарственном сырье [Глотко, 2005, с. 83].

Начало развития масштабной садоводческой деятельности в АК относится к 1930-м гг. и связано с созданием опорного Алтайского плодово-ягодного пункта под руководством М. А. Лисавенко [Чернова, Грибанова, 2020, с. 146]. Разведение колхозных и совхозных садов активно началось как в юго-восточной части края, где были благоприятные для этого природно-климатические условия, так и в районах с высокой концентрацией немецкого и украинского населения (Шипуновский, Романовский, Немецкий и др.), которое переселилось с территорий, где повсеместно произрастали сады: «Мы даже не знали, как варенье варить... Это же немцы, они же там жили, у них сады были, богато они там жили» [ПМА, 2019]. Основными культурами, выращиваемыми в садах, были плодовые: в первую очередь, яблоки, затем – вишня, груша, слива. Ягодным культурам – смородине, крыжовнику, малине, землянике – уделялось меньшее значение, потому что в питомниках их селекцией занимались не в первую очередь и ягоды, кустарники в данной местности произрастали как дикоросы.

С началом 1950-х гг. в степных районах АК, в связи с политикой освоения целинных и залежных земель, увеличилась роль садоводческой продукции среди сельского

населения, так как была распахана местность, где традиционно произрастала ягода: «До поднятия целины много было полевой ягоды, мы ездили, нарывали. Дома рядно или простынь раскинешь, и сушили на солнце, потом кисели и компоты варили. Щас и полевой ягоды нет, только возле околков...» [ПМА, 2021].

С появлением колхозных садов в селах началось разведение плодовых деревьев, кустарников и ягод на приусадебных участках, но этот процесс не был повсеместным, поскольку сельские жители ориентировались в первую очередь на сбор дикорастущих ягод: «Вперед не сажали – ниче не было. Черемуха, да ранетки, да и все» [ПМА, 2018]. Также садово-ягодные растения появлялись на личном подворье путем пересаживания дикорастущих растений на участки [Чернова, Грибанова, 2020, с. 147].

Выращенные плоды и ягоды выдавали колхозникам на трудодни и продавали в населенных пунктах, где садоводство не получило распространения: «Я с отчимом возил малину и смородину на базар в с. Завьялово продавать. Это где-то 1959–1960-й год. Выручка – колхозу... Ездили на лошадах: на телеге ящики стоят, мухи кругом летают, а мы торгуем! Потом прилавок сделали, и я носил под навес, а отец продавал через весы» [ПМА, 2021]. Проблема качественного сбыта готовой продукции была актуальна, потому что не было налажено транспортной инфраструктуры и логистики: «От г. Бийска, ближайшего рынка сбыта, колхоз находится в 200 км. Тов. Воронков добился в 1952 году урожая яблок ранеток по 170 центнеров с гектара. Но это валовый сбор, а товарный составил 60 % с гектара, потому что большая часть урожая погибла» [Лисавенко, 1954, с. 2].

Плодово-ягодный урожай, получаемый с садов колхозов и совхозов, перерабатывался в местных столовых и использовался для питания работников на бригадах, распределялся по школам и детским садам.

В связи с быстрым ростом масштабов производства в 1970-е гг. получили развитие отраслевые научно-исследовательские учреждения, в том числе и в сфере садоводческой деятельности. Сотрудники НИИ садоводства Сибири им. М. А. Лисавенко внесли вклад в выведение новых сортов смородины, облепихи, абрикосов, винограда, ирги и др., которые давали более высокие урожаи. Их стали распространять по территории края и в сады потребительского типа. Для этого периода характерно то, что садоводческая деятельность в не специализирующихся на этом направлении хозяйствах становится нерентабельной: «Сады содержались только те, которые помощнее, а потом и вовсе перестали уделять им внимание» [ПМА, 2021].

В крае начали развиваться отделения совхозов, специализирующиеся на разведении плодово-ягодных культур. Например, в с. Боровое Крутихинского района функционировал совхоз «Яблочный»: «Организовался совхоз... основное направление – садово-ягодное и животноводство было... Ну вот как организовался, посадку сделали, это 1975, 1979, 1980. У нас очень много было малины, смородины, сливы, вишня, облепиха, цех переработки был... Собирали ягоду – по смородине босиком ходили, цех по переработке был, перерабатывали смородину, облепиху, сбраживали и отправляли в Бийск» [ПМА, 2016].

Собираемые плодово-ягодные культуры заготавливают на зиму, используя традиционную технологию высушивания, замачивания ягод (брусники, черники, калины, паслена и др.). К 1970-м гг., в связи с развитием сахаропроизводства и налаживанием промышленного выпуска предметов быта, среди сельских жителей распространяется варка варенья: «Засыпаю сахаром любую ягоду... на ночь... а утром ставлю на газ, как закипело – ровно пять минут [варю] и опять оставляю часов на восемь, на десять... Потом ставлю второй раз, еще раз закипит, тогда уже по банкам разливаю» [ПМА, 2014].

С 1990-х гг., в связи с изменениями коллективных форм хозяйствования и установлением рыночной модели экономики, наблюдается процесс перехода садов в частные руки и развитие садоводческой деятельности на приусадебных участках. Источником пищи и денежных средств для местного населения продолжает оставаться эксплуатация природных богатств – в том числе сбор дикорастущих растений и урожая с личных подсобных участков: «У нас на той стороне [р. Бий] черника есть... мы хорошие деньги делали на чернике всегда. Вот эту вот квартиру, мы купили ее – вот скот сдали и на чернике сколько заработали! Из Барнаула приезжают... сюда закупают» [ПМА, 2017].

Развитие ягодного сбора для рынка имеет большие перспективы в АК. На территории края хозяйственную деятельность осуществляют более 400 садоводческих действующих некоммерческих объединений граждан. На востоке и юго-востоке АК активно выращивают облепиху, которая в структуре плодово-ягодных насаждений занима-

ет 80 %, в том числе и в садах потребительского типа: «Ну вот у нас же облепиха есть, и неплохо зарабатывают. Я в моем возрасте в прошлый год 40 тысяч заработала за месяц» [ПМА, 2017]. После введения продовольственного эмбарго в 2014 г. основное внимание уделяется разведению и поддержке промышленных садов с целью развития рынка сбыта плодово-ягодной продукции.

Таким образом, на территории АК с 1930-х гг. начинается период масштабной садоводческой деятельности, где изначально основной упор делался на коллективные хозяйства. К 1980-м гг. колхозное и совхозное садоводство затухает в связи с нерентабельностью и основная ставка делается на сады приусадебных участков. В 2000–2010 гг. садам потребительского типа уделяется мало внимания, тем не менее жители сел продают плодово-ягодную продукцию, что для некоторых сельских жителей является основным доходом. Развитие садоводческой сферы АК позволит на современном этапе наладить промышленную переработку в крае плодово-ягодных культур, тем самым улучшив социально-экономическое положение сельских населенных пунктов.

Источники

- ПМА. 2014 г. АК, с. Кулунда, Кулундинский район (жен., 1940 г. р.).
ПМА. 2016 г. АК, с. Боровое, Крутихинский район (муж., 1934 г. р.).
ПМА. 2017 г. АК, с. Лебяжье, Красногорский район (жен., 1954 г. р.).
ПМА. 2018 г. АК, с. Переясловка, Топчихинский район (жен., 1937 г. р.).
ПМА. 2019 г. АК, с. Кузнецово, Курьинский район (жен., 1937 г. р.).
ПМА. 2021 г. АК, с. Романово, Романовский район (муж., 1940 г. р.).

Список литературы

- Глотко А. В. Размещение и современное состояние садоводства в Алтайском крае // Вестн. ОГУ. 2005. № 6. С. 83–86.
Лисавенко М. О перспективах развития садоводства на Алтае // Алтайская правда. 1954. № 69. С. 2.
Садоводство Алтая: материалы первого краевого совещания по садоводству, состоявшегося в г. Барнауле 2–3 октября 1947 г. Барнаул, 1948. 63 с.
Чернова И. В., Грибанова Н. С. Этапы развития садоводства в сельских населенных пунктах Западной Сибири (середина XIX – первые десятилетия XXI в.) // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы 10-й Междунар. науч. конф. Барнаул, 2–4 дек. 2020 г. Барнаул, 2020. Вып. 10. С. 146–149.

Development of Consumer-Type Gardens in the Villages of the Altai Territory from the 1930s to the 2010s (Based on Field Materials)

A. S. Svidovskaya

This article is devoted to the study of the development of consumer-type gardens in the villages of the Altai Territory from the 1930s to the 2010s on the basis of oral-historical sources collected by the author during field expeditions. The development of consumer-type orchards begins in the 1930s and is associated with the creation of a supporting Altai fruit and berry center and the spread of orchards in collective farms. Fruit and berry crops in the household plots appear gradually and initially this is due to the transplantation of wild plants. By the 1980s, collective and state farm gardening had died out due to unprofitability, and the main emphasis was placed on gardens on personal plots. In 2000–2010 little attention is paid to consumer-type orchards, but villagers sell fruit and berry products, which is their income.

Keywords: gardening, gathering, household farming, fruit and berry crops, rural area, Altai Territory, Western Siberia.

Свидовская Анастасия Сергеевна

аспирант 2-го года обучения
Алтайский государственный педагогический университет
e-mail: nastya-svi@mail.ru

Svidovskaya Anastasia Sergeevna

Postgraduate 2nd year
Altai State Pedagogical University
e-mail: nastya-svi@mail.ru

Типы головных уборов в традиционной культуре тувинцев

Б. Э. Ооржак

Тувинский государственный университет, Кызыл, Россия

В национальном костюме любого народа головной убор является основным элементом, отражающим определенную связь с прошлым, стремление передать природные формы, порой даже имитировать их. В нем заложено определенное значение, как правило, сакрального порядка, а с формированием определенных человеческих сообществ головной убор стал знаком отличия одних групп людей от других.

В XVII–XVIII вв. из разных родоплеменных групп в центре Азии сложился тувинский этнос, который стали называть «тувинцы». Традиционная одежда тувинцев сохранила свой облик с середины XVIII в. В данной статье автор раскрывает только тему головного убора. Согласно источникам, в традиционной одежде тувинцев отразилось китайское влияние. В разные исторические эпохи свою роль сыграли китайцы – маньчжуры, господствовавшие в Северном Китае, Монголии, Туве [Ондар, 2019].

При изучении материальной культуры народов Саяно-Алтая следует акцентировать внимание, в первую очередь, на исследованиях известных российских этнографов, составивших типологию одежды на основе полевых материалов. Это труды Е. Д. Прокофьевой [1971, 2011], Л. П. Потапова [1991]. Именно тувинская одежда наиболее полно представлена в работах С. И. Вайнштейна [1964], В. П. Дьяконовой [1977]. Особенно ценны в этом отношении коллекции, собранные Ф. Я. Коном и хранящиеся в Государственном музее этнографии народов СССР [Дьяконова, 1960].

Головные уборы тувинцев отличались большим разнообразием формы и назначения. Существовали также совершенно определенные различия между мужскими и женскими головными уборами. Небрежное обращение с шапкой, по представлениям тувинцев, могло плохо отразиться на ее хозяине. Следует сказать, что тувинцы не только в случае с шапкой, но и в других жизненных ситуациях старались не произносить вслух дурное, полагая, что сказанное может произойти. В данном случае не произносилось вслух и то, что может произойти, если, например, небрежно обращаться с шапкой, главным образом мужской.

Мальчиков уже с детских лет приучали аккуратно обращаться со своей шапкой, а шапкой отца или старших мужчин в семье – особо почитательно. В юрте хозяйина, например, шапка всегда находилась в почетной части, называемой *дөр*. В других местах, прежде чем снять головной убор, тувинский мужчина присматривал для него достаточно высокое и чистое, в крайнем случае безопасное место. Если таковые, на его взгляд, отсутствовали и шапку непременно надо было снять (снималась она в бытовых случаях, в торжественных, наоборот, мужчина обязательно должен был быть в шапке), то он клал ее к себе на колени [Кон, Сафьянов, 1904].

Теперь обратим внимание на некоторые типы головных уборов тувинцев.

Довурзак бөрт – головной убор, который шили в тибетейкообразной форме «округлая шапка». Данный вид головного убора изготовлен из шерсти клиньями, а также крепится от наверхи *дошка*. Довурзак чаще всего валяли из овечьей шерсти, кроме шерсти использовали также выделанные кожи и ткани. Данный вид головного убора предназначен для ношения в теплое время года. Большая часть традиционных головных уборов представляли собой производные от довурзак модели, выполненные из следующих материалов: войлока, шкур ягнят, овец или меха

зверей (лисица, соболь, выдра и т. д.). В одних случаях он просто охватывал шапку по периметру, в других – представлял собой один своеобразный клапан для покрытия ушей, который для фиксации в поднятом состоянии привязывался двумя ремешками позади, над клапаном, прикрывающим шею.

Иви бажы бөрт – головной убор, изготовленный из кожи голов оленей, не крытый тканью. Этот тип головного убора впервые обнаружили у оленеводов Тоджи и тофаларов Иркутской области, что характерно – западные тувинцы его не знали. На сегодняшний день хранится в фондах Национального музея в единственном экземпляре. Особое внимание привлекает тем, что шит полностью из шкур диких животных, такие уборы носили жители таежных районов Тувы – тоджинцы.

Калбак бөрт – головной убор, который шили из рысей или лисей шкуры. Шапка, сшитая из двух деталей из шкур (передняя, задняя). Носили в основном зимой. Фасон данного вида головного убора похож на зимний вариант довурзака. Отличие состоит в форме верхней части: у довурзака она тибетейкообразной формы, в варианте *калбак бөрт* – конусообразная. Все остальное – оторочка мехом по периметру, клапан, прикрывающий шею позади, – соответствует зимнему варианту довурзака. Калбак бөрт, безусловно, является типом головного убора, появившегося в результате влияния военного шлема древних кочевников [Потапов, 1969].

Маактыг бөрт – головной убор с широкой конусообразной тульей, который шили из меха и ткани. На верхушке крепилась *дошка*, к задней части шапки прикреплены две ленты, поэтому ее называли шапкой с лентами. Ленты и бахрома, ниспадающие на спину, являлись символическим оберегом.

Оваадай бөрт – данный головной убор из шкуры ягненка также напоминал довурзак, отличие состояло в том, что он выполнялся из одной выделанной шкуры ягненка, которая крепилась на голове шнуром, продетым по периметру шапки. Можно предположить, что овузай является древнейшим типом зимнего головного убора. Конструктивно и внешне он напоминает накидки арабийских кочевников, арабов. Такие шапки носили военные люди, буддийские ламы.

Шиш баитыг бөрт – шапка с острым верхом, форма которой появилась под влиянием китайской империи. Данный головной убор использовался чиновниками. Ношение его было обязательным. Шапка отличалась от других видов по форме, а также различными украшениями на ее вершине. Главными деталями шапок являлись *чиңзе* – камень – наверхи, *одага* – подставка для камня, павлинье перо.

Пожилые люди носили шапку, которую называли *«бүделге»*, в основе своей она напоминала все тот же довурзак бөрт, выполненный из мягкого войлока из шерсти осенней подстрижки *агарлаар*. Отличие состояло в том, что у *бүделге* отсутствовали меховые украшения и клапан, прикрывающий шею сзади. Старые люди не удалялись далеко от стоянок, им не нужно было защищаться от снега, падающего за воротник, и отсутствовала необходимость напряженно прислушиваться к звукам вокруг. Поэтому вместо клапана, прикрывающего шею, на этих шапках были клапана на вязках, закрывающие уши. *Бүделге* до деталей напоминает головные уборы древнетюркских воинов, изображения которых фиксируются на каменных изваяниях Тувы.

Баштаңы – женский головной убор, который напояет шитую из шелка накидку. Девушка, когда вышла замуж, покрывала им голову или часть лица, а также верхнюю часть спины. Данный головной убор изготовлен из шелка. Крой изделия состоит из двух деталей. Края его декорировались серебряными, бронзовыми мелкими литыми бляшками. Он характеризуется как головной убор невесты.

Тувинцы всегда к шапке относились очень бережно и всегда складывали так, чтобы она не упала. По тувинским обычаям говорят, что шапку не дарят. Традиционный головной убор представляет собой сложную знаковую систему, заключающую в себе комплекс культурно-значимой информации. Согласно семиотическому подходу, любая искусственно созданная вещь обладает утилитарным и символическими свойствами, вещностью и знаковостью [Вайнштейн, 1972; Вайнштейн, Маннай-оол, 2001].

Голова, особенно у детей и мужчин, для тувинцев являлась своего рода табуированным объектом – детям нельзя было давать даже подзатыльники, не говоря уже о более сильных ударах. До мужской же головы чужой человек не мог даже дотронуться. Таким образом, голова, а также связанная с ней шапка – это особые объекты, требующие к себе определенного отношения.

Types of Headdresses in the Traditional Culture of Tuvans

B. E. Oorzhak

The national costume, which is closely connected with the history of the Tuvans, is one of the most valuable sources of culture. The article deals with the headdress of Tuvans. In the national costume of any nation, the headdress is the most important element, reflecting a certain connection with the past, the desire to convey natural forms, sometimes even imitate them. It has a certain meaning, usually of a sacred order, and with the formation of certain human communities, the headdress has become a sign of difference between some groups of people from others. The information of the internal field of the object, based on its attribute characteristics: material, design features, decor, etc., and the information of the external field of knowledge related to the wearing of hats, is revealed.

Keywords: headdress, attribute characteristics, cultural code-sign, traditional clothing, national costume.

Ооржак Буян Эресович

студент 4-го курса

Тувинский государственный университет

e-mail: oorzhakbujan@yandex.ru

Oorzhak Buyan Eresovich

Student 4th year

Tuvan State University

e-mail: oorzhakbujan@yandex.ru

УДК 392.34

Испытания «Тос берге» («девять трудностей») как основа формирования мужских качеств в традиционном тувинском обществе

А. М. Монгуш

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Кызыл, Россия

В традиционном тувинском обществе в силу объективных обстоятельств мужчина всегда занимал главенствующее положение. Именно он являлся центральным звеном, выполняя самые важные функции: общественные, политические, хозяйственно-экономические. Его труд считался более тяжелым и производительным. В основном он был связан со скотоводством, земледелием и охотой. Краткие сведения о хозяйственных занятиях, промыслах и роли тувинского мужчины в традиционном обществе тувинцев встречаются в работах исследователей конца XIX – начала XX в., таких как П. А. Чихачев [1974], В. В. Радлов [2007], Н. Ф. Катанов [2011], Е. К. Яковлев [1900], Г. Е. Грумм-Гржимайло [1926], Ф. Я. Кон [1936] и др.

В тувинских семьях, как и у других тюркомонгольских народов, рождение мальчика всегда было желаннее, нежели чем рождение девочки. В этнографической литературе можно встретить множество примеров, подтверждающих степень важности рождения сына в тувинской семье. Так, Ф. Я. Кон отмечал, что «...сойоты

*Научный руководитель – З. Ю. Доржу
д-р ист. наук, профессор,
Тувинский государственный университет*

Список литературы

- Вайнштейн С. И. Тувинское шаманство. М.: Наука, 1964. 11 с.
Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М.: ГРВЛ, 1972. 316 с.
Вайнштейн С. И., Маннай-оол М. Х. История Тувы. Новосибирск, 2001. 367 с.
Дьяконова В. П. Материалы по одежде тувинцев (по полевым материалам 1957–1958 гг.) // Тр. ТКАЭЭ. М.; Л., 1960. С. 238–266.
Дьяконова В. П. Религиозные культы тувинцев // Памятники культуры народов Сибири и Севера. Л., 1977. Вып. 33. С. 172–216.
Кон Ф. Я., Сафьянов Г. И. Программа экспедиции в Урянхайскую землю. // Известия ВСОИРГО. 1904. Т. XXV. С. 19–68.
Ондар А. Б. История головных уборов тувинцев и ее классификация // Вестн. Тувин. госуд. ун-та. Социальные и гуманитарные науки. Кызыл, 2019. С. 44–50.
Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969. С. 205–228.
Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. Л., 1991. 321 с.
Прокофьева Е. Д. Шаманские костюмы народов Сибири // Сборник МАЭ. Л., 1971. Т. 27. С. 5–100.
Прокофьева Е. Д. Одежда тувинцев // Процесс национальной консолидации тувинцев. СПб., 2011. С. 306–329.

брали вторую жену и тогда, когда первая жена не рожала мальчиков» [1936, с. 93]. Сын в традиционных представлениях тувинцев воспринимался как продолжатель рода, опора, главный помощник и правая рука отца, гарант спокойной старости родителей, «...в нем видели будущего охотника и кормильца» [Айыжы, 2015, с. 416]. Если в семье рождались только девочки, то дедушка или близкий к семье старец дарил огниво главе семьи с пожеланиями, чтобы у них родился сын [Кенин-Лопсан, 2006, с. 160].

В кочевых обществах мальчика с раннего возраста воспитывали как будущего воина. Об этом свидетельствуют летописи Сыма Цяня, в которых о мальчиках хунну, к примеру, написано следующее: «Мальчики умеют ездить верхом на овцах, из лука стрелять птиц и мышей; постарше стреляют лисиц и зайцев, которых затем употребляют в пищу; все возмужавшие, которые в состоянии натянуть лук, становятся конными латниками... в мирное время все следуют за скотом и одновременно охотятся на птиц и зверей, поддерживая таким образом свое существование, а

в тревожные годы каждый обучается военному делу для совершения нападений» [Бичурин, 1950, с. 39]. Данное сообщение можно отнести и к тувинским мальчикам. Так, С. И. Вайнштейн отметил: «...мальчики во время игры-охоты применяли маленькие деревянные луки, которые обычно делали сами. Учились попадать в цель, преследовать “животное”, которое изображал один из играющих» [1961, с. 157].

Тувинские ученые в своих работах не раз отмечали, что в традиционном тувинском обществе как таковых проблем с воспитанием детей не было. Воспитание происходило посредством привлечения ребенка к трудовой деятельности, получения им практических знаний, в том числе и сакрального характера. По мнению И. С. Кона, в традиционных обществах «институты социализации», в том числе и «ритуалы», направлены не только на воспитание подрастающего поколения, но и на поддержание традиционных норм поведения [1992, с. 188].

В традиционном тувинском обществе мальчикам закладывали модель поведения и сознания, которая выражалась в пословице: *Эр кижги хана баарынга төрүттүнер, хая баарынга өлүр* (Мужчина рождается у стены юрты, а умирает у скалы) [Казырыкпай, Казырыкпай, 2007, с. 16]. Это означает, что круг обязанностей тувинского мужчины всегда находился за пределами юрты и связан, главным образом, с обеспечением семьи.

По традиционным воззрениям тувинцев, мальчик мог стать «настоящим» мужчиной *эзулуг эр* только после прохождения «девяти трудностей» – *тос берге*:

«1. Парень закаляется в жгучих морозах – девятикратных лютых стужах.

2. Девятилетний мальчик должен управлять лихой лошадей без седла на конских скачках.

3. Девятилетний мальчик должен быть хозяином девятиметрового аркана и ловить им лошадей.

4. Девятилетний мальчик должен преодолеть девять опасностей, которые угрожали его жизни. Что такое девять опасностей? Это значит, что в таком возрасте мальчик должен в точности узнавать лошадей по их следам; различать волчьи следы; отличать человеческий след от медвежьего; различать ручных оленей от диких; угадывать характер жеребенка; узнавать, какая будет погода по восходящему солнцу, по цвету облаков. Узнавать, какой будет погода – пасмурная, дождливая или ясная по новолунию. Узнавать по звездам – будет похолодание или оттепель. Все это должен был знать девятилетний мальчик. Благодаря этим знаниям, он имеет возможность отвести от себя опасность.

5. Мужчина в течение своей жизни должен уметь преодолеть девять трудностей: горе по поводу смерти близкого, переживание по поводу разлуки с близким человеком, переживание по поводу дальнего отъезда из родного места дедушки или бабушки, не тосковать и не грустить на чужбине, опасность пожара, черную ложь и клевету, не оказаться в плену у подхалимов.

6. Мужчина за свою жизнь должен преодолеть девять рек.

7. Мужчина в течение своей жизни должен перейти девять перевалов.

8. Мужчина в течение всей своей жизни должен быть осторожным.

9. Мужчина в течение своей жизни должен получить дары тайги» [Кенин-Лопсан, 2006, с. 87].

Возможно, прохождение мужских трудностей являлось своего рода древней инициацией, после которой мальчик переходил в категорию взрослых мужчин. В древнетюркских орхоно-енисейских рунических памятниках часто встречается выражение *эр адым* (мое мужское имя). Например, на памятнике Кожээлиг-Хову написано: «Мое имя младенца – Шубуш Ынал, мое геройское имя – Кумул-Оге» [Малов, 1952, с. 81]. По мнению С. Г. Кляшторного, получение «мужского имени» связано с обрядом

инициации, оно давалось юноше после совершения им охотничьего или воинского подвига: «... не исключено, что в знатных семьях обряд инициации происходил несколько раньше, чем в остальных, – после первых же охотничьих успехов испытуемого» [Кляшторный, 2003, с. 473]. В большой надписи памятника в честь Кюль-Тегина отмечается, что он получил «геройское» имя в 10 лет: «По смерти моего отца-кагана мой младший брат Кюль-Тегин остался семи лет (от роду); в десять лет для (т. е. на радость) ее величества моей матери-катун, подобной Умай, мой младший брат получил геройское имя Кюль-Тегин (стал зваться мужем, т. е. богатырем)» [Малов, 1951, с. 34]. О наречении юноши мужским именем записано и в «Книге гаданий» («Ырк битиг»). Там описана битва, где юноша, совершив воинский подвиг, становится мужем-воином – *эр*: «Сын героя-воина пошел в поход. На поле битвы Эркиг сделал его своим посланцем. И говорят: когда он возвращается домой, то сам он приходит знаменитым и радостным со славою (мужа-воина), достигшего зрелости» [Кляшторный, 2003, с. 352].

Похожие воззрения существовали и у других тюркомонгольских народов. Так, у бурят настоящий мужчина должен был обладать девятью науками «эрдэм»:

«Искусством охотника-слепопыта.

Искусством меткой стрельбы из лука.

Искусством мастерить по дереву (уран дархан).

Обладать мастерством изготовления конских пут из сыромятной кожи.

Знать кузнечное дело.

Уметь плести 8-стержневую плетку.

Владеть техникой национальной борьбы (бухэ барилдаан).

Уметь укрощать и обучать лошадь для турниров.

Уметь переламывать с одного удара позвоночную кость скотины (һээр шааха).

Идеал бурятского мужчины характеризовали “девять доблестей настоящего мужчины”.

Превыше всего – согласие.

В море – пловец.

На войне – богатырь.

В учении – глубина мысли.

Во власти – отсутствие лукавства.

В работе – мастерство.

В речах – мудрость.

На чужбине – непоколебимость.

В стрельбе – меткость» [Хамаганов, 1959, с. 141].

В настоящее время в Республике Тыва общественными организациями и органами власти, в том числе и лично главой РТ Ш. В. Кара-оолом, были иницированы очень важные проекты для сохранения и распространения мужских традиций. Так, в 2012 г. на Втором республиканском форуме отцов был принят Кодекс чести мужчин Тувы. В 2014 г. был утвержден проект «Формирование управленческих кадров из числа педагогов-мужчин». Один из заместителей директоров школ назначается из числа мужчин-учителей, а в сферу его ответственности включается патриотическое воспитание. В 2020 г. начал реализовываться губернаторский проект «Эзирлерниң уязы» («Гнездо орлят»), который предполагает строительство спортивных залов в селах республики, при этом здание спортзала строится в виде стилизованной бревенчатой юрты. Именно на базе проекта «Эзирлерниң уязы» готовится реализация курса «Тос берге». Мальчиков, посещающих спортзал, планируют обучить не только национальным видам спорта, но и традиционному тувинскому мужскому мышлению. Тем, кто прошел курс «Тос берге», вручают специальный сертификат и значок «эзулуг эр», т. е. «настоящий мужчина».

Таким образом, образ жизни кочевников и система воспитания естественным образом способствовали формированию у мальчиков черт мужского характера, устойчивых стереотипов мужского поведения, соответствующего

отношения к природе. Мальчики должны были пройти определенные испытания, чтобы стать мужчинами – эр, не позорить и не ронять свою честь и мужское достоинство: *Эр адым өлүрүнүң орнунга, эр болдум өлүмүзгө дээр* (Вместо смерти моего мужского имени лучше я сам умру). Эти испытания воспитывали у мальчиков настоящие мужские качества: храбрость, самодисциплину, ответственность, надежность, честность. Умение преодолевать трудности являлось самой важной чертой тувинского мужчины.

*Научный руководитель – Е. В. Айыжы
канд. ист. наук, доцент,
кафедра всеобщей истории и археологии,
Тувинский государственный университет*

Список литературы

Айыжы Е. В. Категория «возраст» и отношение к нему в традиционной культуре тувинцев // Казанский педагогический журнал. 2015. № 5–2 (112). С. 415–421.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. I. 382 с.

Вайнштейн С. И. Тувинцы-тодзинцы: историко-этнографические очерки. М.: Изд-во вост. лит., 1961. 216 с.

Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т. 3. Вып. 1. 412 с.

Казырыкпай Б. О., Казырыкпай Б. Б. Эр чол. Кызыл: ТывНУЧ, 2007. 174 ар.

Катанов Н. Ф. Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 году по поручению Императорской Академии наук и Императорского Русского географического общества. Кызыл, 2011. 384 с.

Кенин-Лопсан М. Б. Традиционная культура тувинцев. Кызыл, 2006. 232 с.

Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники русского письма. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2003. 560 с.

Кон И. С. Заключение // Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии. М., 1992. С. 186–191.

Кон Ф. Я. За пятьдесят лет. М.: Сов. писатель, 1936. 2-е изд. Т. 3–4. 344 с.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л., 1951. 451 с.

Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.; Л., 1952. 116 с.

Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника (извлечения) // Урянхай. Тыва дептер: антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае-Танну-Туве, урянхайцах-тувинцах, о древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. – первая половина XX в.). М., 2007. Т. 2. С. 221–281.

Хамаганов М. П. Очерки бурятской афористической поэзии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. 155 с.

Чихачев П. А. Путешествие в Восточный Алтай. М.: Наука; ГРВЛ, 1974. 360 с.

Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог Этнографического отдела Музея. Минусинск: Тип. В. И. Корнакова, 1900. 357 с.

Tests of “Tos Berge” (“Nine difficulties”) as a Basis for the Formation of Masculine Qualities in the Traditional Tuvan Society

A. M. Mongush

In the traditional Tuvan society as such, there were no problems with the upbringing of children. Education was carried out by attracting the child to work, obtaining practical knowledge, including sacred knowledge. The way of life of nomads and the system of education naturally contributed to the formation of male character traits in boys, stable stereotypes of male behavior, and an appropriate attitude to nature. Boys had to pass certain tests to become men. These tests brought up real masculine qualities in the boys: courage, self-discipline, responsibility, reliability, honesty. The ability to overcome difficulties was the most important feature of the Tuvan man.

Keywords: male education, Tuvans, traditional society, “tos berge”, nomads, the system of education.

Mongush Artysh Maadyr-Oolovich

научный сотрудник

Тувинский институт гуманитарных и прикладных

социально-экономических исследований

e-mail: art510@mail.ru

Mongush Artysh Maadyr-Oolovich

Research Associate

Tuva Institute of Humanities and Applied

Socio-Economic Research

e-mail: art510@mail.ru

УДК 39(571.52)

Трансформация повседневной и кочевой жизни тувинцев

С.-Б. Д. Хомушку

Тувинский государственный университет, Кызыл, Россия

Кочевой образ жизни тувинских племен за последнее столетие претерпел огромное количество трансформаций как в культуре, так и в быту, и исследование данных изменений является особо актуальным в современное время.

Повседневная жизнь является специфическим предметом исследования в микросоциологии, который связан с концепцией практической, интерактивной и социокультурной организации повседневной жизни отдельного индивида.

Трансформация в повседневной жизни единичного представителя того или иного этноса всегда характеризует и показывает изменения внутри быта всей нации, потому что диверсификация затрагивает культуру, традиции и обычаи народа.

Тувинский этнос издавна взаимодействовал с разными кочевыми народами Центральной Азии, такими как скифы, тюрки, уйгуры и др. В ходе данного культурного смешивания и сосуществования разных народов на территории Тувы медленно, но правильно складывались современная культура, быт, традиции и обычаи тувинского народа.

Трансформация быта и кочевой жизни тувинского этноса крепко взаимосвязана с природой республики, так как большая часть территории Тувы – степная зона с бедной растительностью, но в некоторых районах она переходит в

лесостепь и тайгу. Сама природа Тувы диктовала условия для формирования кочевого скотоводства как основного вида хозяйства на территории республики; все, начиная от домашней утвари, одежды, жилища (юрты), было приспособлено для ведения кочевого образа жизни.

Понятие «повседневность» используется для описания быта, обыденной жизни людей, связанной с обеспечением их физиологического существования, и может рассматриваться как определенный образ жизни человека.

Повседневная жизнь отдельного индивида или, в нашем случае, кочевника – многократно повторяющийся цикл действий со своей структурой и системой, который продолжался на протяжении нескольких тысячелетий и дошел до нынешнего поколения без больших изменений. Конечно же, современные технологии вносят свой вклад в трансформацию быта человека, привыкшего жить по заветам предков.

Тем не менее, чтобы определить нынешнюю повседневную жизнь тувинского кочевника, мы провели интервьюирование с людьми разных поколений, включая граждан пожилого возраста, занимавшихся скотоводством с малых лет. Самым интересным, на наш взгляд, выступало субъективное мнение отдельных граждан о насущной повседневной жизни тувинского кочевника.

Выборка:

1. Пол: мужской. Возраст 79 лет. Пенсионер.
2. Пол: мужской. Возраст 80 лет. Пенсионер.
3. Пол: женский. Возраст 65 лет. Пенсионер.
4. Пол: женский. Возраст 74 года. Пенсионер.
5. Пол: женский. Возраст 25 лет.
6. Пол: мужской. Возраст 36 лет.
7. Пол: мужской. Возраст 33 года.

Интервью проводилось при личной встрече с респондентами. Был заготовлен ряд вопросов:

1. Как начинается день современного тувинского животновода?
2. Как проходит день тувинского животновода?
3. Существует ли сейчас разделение юрты на женскую и мужскую стороны?
4. Какие современные технологии сейчас используются в быту?
5. Роль анимизма в повседневной жизни тувинского кочевника.

Данный список расширялся по мере проведения интервью, так как в процессе такого разговора возникали темы, о которых не было мыслей ранее. В среднем интервью длилось 30 мин. На наш взгляд, этого было достаточно для того, чтобы получить ответы на интересующие вопросы. Вначале интервьюируемый получал информацию о том, что проводимое исследование «Трансформация повседневной и кочевой жизни тувинцев» необходимо для написания научной статьи в рамках Российской археолого-этнографической конференции. После того как все интервью были проведены, происходил их тщательный и качественный анализ.

Анализ результатов интервьюирования:

1. Как начинается день современного тувинского животновода?

Обычный день тувинского кочевника начинается ранним утром. Первым начинает бодрствовать хозяин юрты, он сначала разводит костер в сугуу (печка), которая находится в центре жилища. Печка в современное время в большинстве случаев играет роль очага, а очаг – это главный сакральный объект каждого человеческого жилища, он также является семантическим центром юрты, который выступает как точка отсчета при организации ее пространства и место, вокруг которого протекает вся жизнь семьи. Использование печки как своего рода очага стало распространяться в советское время, тогда печки были прорывом в кочевом хозяйстве, так как данную печку можно было разобрать в небольшой объект, перевезти от пункта «А» до пункта «В» и потом также быстро ее собрать. Конечно же, не все кочевые семьи использовали данное новшество, предпочитая вместо печки традиционный очаг, где по центру стояла тренога с котлом.

Тем временем хозяйка юрты в первую очередь начинала варить чай с молоком (*суттуг шай*), затем наливала утренний чай в берестяное ведро или пиалу. Взяв ритуальную ложку-девятиглазку *тос-карак*, она вначале окропляла огонь, после выходила из юрты и окропляла небеса и землю, произнося молитву (*чалбарыг*), прося благополучия, счастья семье, роду [Айыжы, Базырчак, 2013, с. 20].

Молодые респонденты признаются, что данный обряд в некоторых семьях соблюдается очень редко, если даже знают о его существовании, его совершают лишь тогда, когда случаются определенные несчастья или когда в юрте есть представители старшего поколения.

2. Как проходит день тувинского скотовода?

День для главы семьи, как уже было упомянуто, начинается с разведения огня в юрте, а хозяйка юрты начинает утреннюю дойку коров, затем все семейство приступает к утренней трапезе. После этого начинается подготовка к выгону скота на пастбище. Через некоторое время глава семейства или специально нанятый для данной работы

человек уходит пасти скот, оставшиеся члены семьи начинают заниматься повседневными делами. Хозяйка юрты и ее дочь начинают готовку молочного продукта *айран* (*хойтпак*) с использованием сепаратора для очистки молока либо разделения молока на разные фракции. После чего получается сметана (*ореме*), затем из нее получают *саржаг*, а очищенное молоко добавляют в уже имеющийся айран, также из него гонят молочную водку (*араца*).

Респонденты большое внимание в рассказе уделяют именно приготовлению традиционной белой пищи, но нужно отметить, что данные продукты в большинстве случаев готовятся в зимнее время года лишь в праздничные дни, а в летнее время года это продукты повседневного рациона. Также в будничные дни готовят в основном чай с молоком, продукты из муки и различные супы с использованием газовой плиты или печки.

3. Существует ли сейчас разделение юрты на мужскую и женскую стороны?

Повседневная жизнь тувинцев на протяжении всей истории современной Тувы менялась под воздействием не внутренних, а внешних факторов, таких как интерференция других культур или идеологий. Последний термин играет особую роль в истории Тувы, потому что с приходом к власти просоветских сил в республике начинаются кардинальные изменения как в культуре, так и в повседневной жизни простых тувинцев.

Конечно же, повседневная жизнь тувинского скотовода неразрывно связана с его жилищем, т. е. с юртой, где происходили все важнейшие вехи жизнедеятельности кочевника. У тувинцев, как и у других тюрко-монгольских кочевников, основным видом жилища являлась юрта – *өг*, история которой насчитывает несколько столетий. Данный вид жилища народов Центральной Азии зафиксирован в китайских источниках, относящихся еще к I в. н. э. [Донгак, 2012, с. 63].

Респонденты утверждают, что юрта – это основа кочевой жизни, без нее нет и фундамента для семейной жизни, так как на тувинском языке *өг* – юрта, при добавлении соединительного союза *-буле*, составляет слово *өг-буле* (семья) [Шойдук, 2019, с. 303].

Юрта является важным атрибутом повседневной жизни чабана, так как представляет собой мобильное и простое по конструкции жилище, которое приспособлено для кочевой уклада жизни.

Сама юрта, как правило, условно делилась на женскую (правую от входа) и мужскую (левую от входа) части (в этнографической литературе принято рассматривать внутреннее расположение юрты именно так – от входа). На женской половине находится кровать (*орун*), ниже нее, ближе к двери, шкаф (*улгуурге*), в котором хранилась кухонная утварь. На мужской половине юрты содержали объемные подвешенные кожаные мешки для молочного продукта (*хойтпак*), различный домашний скарб (*чүък*) – одежда, одежду и пр. [Там же, с. 306].

Следует отметить, что традиционно в этой части юрты не было кровати, она появилась только в 30–40 гг. XX в. Ниже скарба, т. е. ближе к двери, держали конское снаряжение, отдельные орудия труда. Кроме того, весной, во время приплода скота, на этой же части содержали молодняк мелкого рогатого скота. Посторонний человек, вошедший в юрту, всегда проходил и проходит до сих пор на левую, т. е. мужскую половину, и никогда – на правую [Донгак, 2012, с. 64].

Большинство респондентов высказываются, что разделение на женскую и мужскую стороны – это уже пережиток прошлого. Данная формальность соблюдения женской и мужской сторон в сегодняшнее время зависит от устоев той или иной семьи, т. е. в современной повседневной жизни тувинского скотовода как такового условного разделения юрты на женскую и мужскую стороны отсутствует.

Тем не менее в южных районах республики все еще можно встретить традиционную семью, в которой все подчинено строгим канонам.

4. Какие современные технологии сейчас используются в быту?

В современное время в юрте также используются большое количество техногенных новшеств, таких как солнечная батарея, дизельные генераторы, которые служат источником электричества внутри юрты. Одними из самых распространенных видов бытовой техники среди кочевников стали телевизоры, холодильники и газовые плиты, данные техники позволяют сохранять связь с обществом и его культурными изменениями, если даже эти изменения происходят в техническом плане.

Мнения представителей пожилого и молодого поколения по данному вопросу отличаются: так, большое количество респондентов пожилого возраста утверждают, что чрезмерное использование современных электроприборов приведет к утрате традиционного уклада жизни, а молодое поколение более спокойно относится к применению электроприборов в хозяйстве в качестве дополнительного подспорья.

5. Роль анимизма в повседневной жизни тувинского кочевника.

Мнения респондентов как пожилого, так и молодого возраста сходятся по данному вопросу, потому что в повседневной жизни тувинских кочевников все еще сохраняются некоторые сакральные моменты, такие как поклонение – оваа, обряд окропления и др.

Оваа считается священным местом духов – хозяев гор и воды и небесных духов. Поклонение оваа первоначально было обрядом поклонения земле, и только впоследствии оваа стали считать местом, где живет множество различных духов. Оваа бывает нескольких типов: из нагроможденных камней и плит, в виде конусообразных шалашей из жердей, хвороста, в которые втыкались шесты с привязанными к ним лентами (*чалама*) [Айыжы, Базырчап, 2013, с. 20]. Кроме того, на шесты оваа привязывали шнуры с нанизанными на них веревками – метками от овечьих ушей – с целью благополучия скотоводства. Они должны были магически оберегать людей и их скот. Чалама указы-

вали, что это место священное, почитаемое. Оваа почитается каждый год. Самое удобное время года для освящения оваа – весна и лето, когда становится тепло и все начинает оживать [Там же].

Данный обряд символизировал связь человека и природы, поэтому человек безукоризненно верил, что, нанеся вред природе, он прежде всего причиняет ущерб самому себе. Исходя из этих соображений, тувинец никогда не рубил деревья без надобности, никогда не убивал дикого зверя и не ловил рыбы больше, чем ему это было нужно. И прежде чем что-то взять у природы, он в некоторой степени спрашивал у нее разрешения на это, исполняя разные обряды.

Интервьюирование показало, что мнения, рассуждения респондентов во многом идентичны. Повседневная жизнь тувинского кочевника, со слов респондентов, в нынешнее время подверглась лишь незначительным изменениям в ходе технического прорыва, который вносит свои коррективы в быт.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что трансформация в повседневной и кочевой жизни тувинцев выражается в первую очередь в технических новшествах, т. е. на современных чабанских стоянках можно увидеть солнечные батареи, генераторы и другие приспособления. Конечно же, современные тувинцы в большей степени ориентированы на сохранение традиционного уклада жизни, тем не менее технологические новшества вносят свои коррективы в дальнейшую трансформацию повседневной и кочевой жизни тувинского народа.

*Научный руководитель – Е. В. Айыжы
канд. ист. наук, доцент,
Тувинский государственный университет*

Список литературы

Айыжы Е. В., Базырчап А.-Х. О. Обряды и обычаи, связанные с культурами природы у тувинцев республики Тыва РФ, Китая, Монголии в начале XXI в. (сравнительный аспект) // Вестн. Кемер. гос. ун-та. 2013. С. 18–23.

Донгак С. Ч. Некоторые представления тувинцев, связанные с юртой // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2012. С. 63–67.

Шойдук Л. Ш. Юрта – древнее жилище тувинцев // Искусство Евразии. 2019. С. 302–312.

Transformation of Everyday and Nomadic Life of Tuvans

S.-B. D. Khomushku

Everyday life is a specific topic of micro-sociological research, which is related to the practice, interaction and concept of the socio-cultural organization of an individual's daily life. Changes in the daily life of individual representatives of a particular nation always characterize and show changes in the life of the entire nation, as diversity affects the culture, traditions and customs of the people. Since ancient times, the Tuvan ethnic group interacted with various nomadic peoples of Central Asia, such as the Scythians, Turks, Uyghurs, etc. After such cultural mixing and coexistence of different peoples in the territory of Tuva, the process of forming the modern culture, life, traditions and customs of Tuva was slow and correct. The daily life of an individual, or, in our case, nomads, is a cycle of repetitive actions with its own structure and system, which lasted for thousands of years and has reached the present generation.

Keywords: transformation, yurt, everyday life, technology, tuvans, culture, respondents, interviewing.

Хомушку Сайын-Белек Данилович
студент 4-го курса
Тувинский государственный университет
e-mail: Mongush1599@mail.ru

Khomushku Sayyn-Belek Danilovich
Student 4th year
Tuva State University
e-mail: Mongush1599@mail.ru

Обрядовая пища тувинцев (на примере растительной пищи)

А. У. Ондар

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

Пища неразрывно связана с традиционной культурой, мировоззрением, ценностными ориентирами и правилами поведения. У тувинцев, так же как и у других тюрко-монгольских кочевников, существовала целая система запретов, поверий, представлений, ритуалов и обрядов, связанных с добычей, приготовлением, подачей и приемом пищи. Различные аспекты растительной пищи и земледелия у тувинцев рассматриваются в работах С. И. Вайнштейна [1972], Е. Д. Прокофьевой [2011].

В данной статье предпринимается попытка рассмотреть обрядовую пищу тувинцев (на примере растительной пищи) на основе не только имеющейся литературы, но и полевых материалов автора.

В традиционной системе питания тувинцев растительная пища составляла один из ее компонентов и входила в их ежедневный рацион. Это было обусловлено комплексным хозяйством тувинцев, где земледелие сочеталось со скотоводством. Истоки земледелия на территории Тувы восходят еще к III в. до н. э. [Вайнштейн, 1972, с. 155; Семенов, 2014, с. 21], о чем свидетельствуют, к примеру, древние оросительные каналы, а также земледельческий инвентарь, сохранившийся до этнографической современности. Под растительной пищей тувинцев понимаются такие злаки, как ячмень (*арбай*), пшеница (*кызыл-тас*) и просо (*чиңге-тараа*) и др.

Земледельческие обряды. Одним из значимых земледельческих обрядов у тувинцев является освящение оросительного канала (*буга дагыр*). Весной, перед началом работ по подготовке посева зерна, тувинцы освящали оросительный канал. На таком обряде собирались люди одного рода под предводительством старшего. Заранее привозили барана, затем, у начала оросительного канала, на специальном месте, в землю зарывали фигуру быка, сделанную из теста, являющуюся символом плодородия. Лишь потом открывали канал и запускали воду. И по открывшему каналу спускали барана. Затем люди, зарезав этого барана, устраивали праздничный пир, игрыща, скачки и т. д. [Кенин-Лопсан, 2006, с. 105].

Осенью, после сбора урожая, начинается самая настоящая праздничная суета. Собранное зерно начинают готовить к зиме. Следует отметить, что такой праздник проходил на месте сбора урожая. Все люди были заняты работой. Кто-то собирал зерно ручным серпом, затем производили его обмолот с помощью быков или лошадей. Обмолотое и прокаленное зерно тувинцы провеивали. При этом совершали очень интересный обряд призвания ветерка (*салгын кыйгырары*). Суть этого обряда состоит в том, что один из мужчин начинает свистеть, таким образом призывая легкий ветерок, который поможет провеять зерно. Следует обратить внимание, что в обычное время у тувинцев существовал запрет свистеть где-либо, так как они верили,

что свист может потревожить нечистых духов [ПМА, 2017].

В новогодней обрядовой пище тувинцев была и растительная пища, главным образом ячменная мука (*арбай далганы*), прокаленное просо (*чиңге тараа*), пшеница (*кызыл тараа*). Из пшеницы, проса и ячменя готовили различные блюда: дробленую и жареную пшеницу или ячмень (*кажаң* или *каржаң*), которую толкли в ступе вместе с курдючным жиром барана или с подбрюшным лошадиным салом, либо с жиром сурка-тарбагана, затем из этой смеси делали колобки (*чочак*). Готовили также различные каши, приправляя молочным чаем, сливками (*өреме* и *саржаг*). Готовили также сладости: *узүм-чигир* – нечто вроде халвы из пшеницы или проса, пекли пряники (*чигир-боова*), печенье в виде жаренных в топленом масле кусочков теста (*боорзак*), пресные лепешки (*боова*) [Курбатский, 1973, с. 8].

К новогодней трапезе обычно приступали после обряда *саң салыр*, во время которого мужчины во главе с пожилым человеком «кормили» огонь самыми лучшими кусочками только что приготовленной праздничной пищи. Старейшина, затем остальные подливали в огонь топленое масло (*саржаг*), возжигали можжевеловый, клали ячменную муку (*арбай далганы*). Когда огонь начинал гореть, старший человек с помощью ритуальной ложки с отверстиями (девятитлазки – *тос-карака*) брызгал молочный чай в огонь, затем на 4 стороны света, начиная с востока и далее по ходу солнца [Там же, с. 14–15].

Растительная пища, являясь повседневной едой, также продолжает занимать значительное место в различных праздниках и обрядах тувинцев. Сегодня трудно представить традиционное новогоднее застолье без жареной ячменной муки, прокаленного проса и т. д.

Научный руководитель – Н. А. Тадина
канд. ист. наук, доцент,
кафедра истории и археологии,
Горно-Алтайский государственный университет

Источники

ПМА. 2017. Информанты: Амбар-оол Василий Донгакович, 1959 г. р., с. Хову-Аксы Чеди-Хольского кожууна, род донгак; Оюн Чолапаа Опаевна, 1923 г. р., с. Ээрбек Кызылского кожууна, род оюн.

Список литературы

- Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. М., 1972. 314 с.
Кенин-Лопсан М. Б.-Х. Традиционная культура тувинцев : учеб. пособие. Кызыл : Тувинское книжное изд-во, 2006. 230 с.
Курбатский Г. Н. Тувинские праздники. Историко-этнографический очерк. Кызыл, 1973. 75 с.
Прокофьева Е. Д. Процесс национальной консолидации тувинцев. СПб. : Наука, 2011. 538 с.
Семенов В. А. Неолит и бронзовый век // История Тувы. Кызыл, 2014. Т. I. С. 21–37.

Ritual Food of Tuvans (Using Plant Foods as an Example)

A. U. Ondar

In this article viewed the ritual food of Tuvans (by the example of plant food), mainly central ones, i. e. agricultural regions of Tuva, in particular, Tandinsky, Chaa-Kholsky and Chedi-Kholsky kozhuuns. The article examines Vegetable food, along with other meat and dairy dishes, has occupied an important place in the traditional cuisine of Tuvans. During family holidays, during various ceremonies and rituals, not a single meal was complete without food from cereals (barley, wheat and millet). At the same time, it should be noted that not only various dishes were prepared from cereals, but also various figures were made, which, according to Tuvan belief, have different functions. Vegetable food in the family-festive rituals of Tuvans is presented in all directions. The most significant are not only agricultural ceremonies, but also the New Year's meal, farewell to the old year, and the funeral and memorial rite was not complete without food from cereals.

Keywords: Ritual food, plant food, agriculture, barley, wheat, millet.

Ондар Азиана Уран-ооловна

аспирант 2-го года обучения

Горно-Алтайский государственный университет

e-mail: aziana27ondar88@gmail.com

Ondar Aziana Uran-oolovna

Postgraduate student 2nd year

Gorno-Altai State University

e-mail: aziana27ondar88@gmail.com

Национальные пояса (кур) как часть материальной и духовной культуры тувинцев

С. Н. Доржу

Тувинский государственный университет, Кызыл, Россия

Любая одежда – это интересный научный материал, так как, изучив ее, можно получить представление о быте людей в определенных природных условиях. Она имеет несколько функций: во-первых, защищает человека от непогоды как вещь, во-вторых, выполняет роль украшения, в-третьих, несет определенную символическую нагрузку. Каждый элемент тувинской одежды связан с традициями и культурой народа.

В традиционной одежде тувинцев есть такие элементы, которые считаются сакральными, почитаемыми с прошлых эпох до настоящего времени. В данной статье автор попытается раскрыть значение тувинских поясов. Пояс является необходимым элементом верхней тувинской одежды. Его тувинское название – *кур*, у носителей юго-восточного диалекта в обиходе слово, заимствованное из монгольского языка, – *бус* [Куулар, 2016]. И мужчины, и женщины, а также дети, если они надевали шубы (*тон*), должны были подпоясываться кушаком (длинный кусок скрученной ткани). Пояс был шириной около 0,5 м, длиной около 3–4 м (у богатых пояса доходили до 6 м), пояс скручивали и обматывали два-три, реже – четыре-пять раз вокруг туловища, концы закладывали за обмотку. Без пояса тувинцы не выходили в люди, так как это считалось неприличным. Но были и исключения, например беременные женщины и шаманы.

Мужские и женские пояса традиционно различались по цвету. Мужские пояса были преимущественно темно-синего и коричневого цветов, а женские – красные, оранжевые и голубые.

Пояса также были различных видов, тувинцы использовали не только матерчатые пояса, но и волосяные, шерстяные, кожаные. Были еще шелковые пояса (*тонук торгу кур*), они были предназначены для торжественных случаев. Для охоты использовали волосяные пояса (*баг кур*), плетенные из пряжи, женщины же подпоясывались веревочным или ленточным поясом из козьей шерсти (*кожалан кур*). Мужчины носили кожаные пояса с медной или железной пряжкой (*олум*) [Потапов, 1969, с. 215]. У тувинцев-оленоводов был свой вид пояса, который они надевали на промыслы, – узкий ремешок из кожи косули с копытцами на концах, они считали, что он принесет удачу во время охоты.

Пояс имел огромное значение, как функциональное, так и сакральное. Надевая пояс, человек приобретал полезное пространство за пазухой, куда можно было положить нужные вещи. Мужчины подвешивали все самое необходимое справа – огниво (*оттук*) с помощью ремня и курительные принадлежности, а слева – ножны (*хын*) с ножом (*бижек*), которые тоже были подвешены на ремне. Эти ремни были снабжены металлической пряжкой (*терги*) [Вайнштейн, 1991, с. 178–179], которая была нужна для подвешивания различных предметов. Тувинские пряжки были парными, подвешивались по бокам, т. е. имели одинаковую форму, материал, размер и орнаментацию. Пряжки состояли из двух половин, соединенных шарниром, верхняя имела прямоугольную или округлую форму. В нижней части пряжки имелось отверстие для ремня. На обратной стороне верхней части находилась обойма, в которой укреплялась кожаная петля, сквозь нее продевался пояс. Длина пряжек 7–8 см, но бывали и больше, и меньше. Орнаментацию они имели весьма разнообразную [Вайнштейн, 1973, с. 94–96].

Женщины носили свои инструменты для рукоделия. К женскому поясу с правой стороны на ремне был подвешен небольшой ножик (*кестик*) в ножнах для резания шкур, также женщины носили ключи (*дулгур*) от сундуков и серебряную цепочку (*илчирбе*), которые были прикреплены ремнем к пряжке. На левой стороне подвешивался игольник (*ине хавы ховул*), где лежала свинцовая палочка (*палаи*), заостренная на конце, для раскройки шкур и тканей [Сиянбиль, Сиянбиль, 2000, с. 18]. Детские пояса были завешаны оберегами. У юго-восточных тувинцев до шести лет подвешивали медные бубенчики, примерно до 10 штук. В основном же дети носили с собой свои любимые игрушки.

С древних времен и до конца XIX в. тувинцы носили кожаные ремни, увешанные серебряными или золотыми бляхами, но в XIX–XX вв. их полностью вытеснили матерчатые пояса, которые были заимствованы у монголов. В современной Туве в обиходе только матерчатые и кожаные пояса.

Одно из сакральных значений пояса было зафиксировано в работах В. П. Дьяконовой. В полевых материалах ученого было отмечено, что в поясе обитала одна из трех душ, которые имелись у человека. Считалось, что «внешняя душа предохраняла человека от всяческих бед, поселялась в поясе, неотлучно обитала здесь до смерти человека, поэтому нельзя было ни дарить, ни продавать свой пояс». После смерти человека, по буддийским верованиям, его одежду оставляли неподалеку от погребения. И только пояс возвращался родственникам. Ведь при жизни человека он был вместилищем его души [Дьяконова, 1960, с. 88].

В повседневной жизни тувинцы имели запреты и предписания, связанные с поясом. Пояс никогда не бросали куда попало, его аккуратно снимали, после чего сразу заворачивали, обычно пояс клали под голову или под шапку. Надевали пояс также по всем правилам – начинали оборачивать вокруг талии по часовой стрелке с области пуповины. Пояс плотно заворачивали и обязательно конец пояса закладывали за обмотку, так как считалось, что если конец пояса болтался, то человек мог упустить счастье – *кежшин оскунмас дээш*.

Сакральное значение имела и длина поясов, обычно, как уже писали выше, они были не длиннее 3–4 м, но чем богаче человек, тем длиннее его пояс. Как писали уже многие исследователи, из ткани пояса богатых можно было сшить полноценный шелковый *тон*. Бедный человек не мог себе этого позволить из-за дороговизны тканей, так как они были привозные. И это говорит нам о том, что по поясу определяли благосостояние и статус человека.

По некоторым данным, трансформация значения поясов произошла в обрядах, связанных со смертью человека. Если раньше желтый пояс надевали на умершего, то в XIX–XX вв. его, наоборот, стали снимать; объяснение этому нашли в религии, в шаманской и буддийской. По шаманским верованиям считалось, что в любом узле одежды умершего может скрываться опасность того, что он может унести за собой кого-либо из родственников. Буддисты же предполагали, что любой атрибут одежды, в том числе и пояс, мог помешать человеку переродиться. То есть дух умершего, видя богато одетое тело, мог остаться его сторожить, из-за чего упускал возможность перерождения.

Таким образом, тувинский пояс имел особое значение в жизни тувинца, как и вся одежда, которая была приспособлена к кочевому образу жизни. Она хоть и видоизменя-

лась, но выполняла свою функцию испокон веков. Мы отметили семантическое значение поясов, ведь в современной Туве уже мало стали придавать значения поясам, утрачивая традиционную культуру.

*Научный руководитель – Е. В. Айыжы
канд. ист. наук, доцент,
кафедра всеобщей истории, археологии и документоведения,
Тувинский государственный университет*

Список литературы

Вайнштейн С. И. История народного искусства Тувы. М.: Наука, 1973. 219 с.

Tuvan National Belts (*kur*)

S. N. Dorzhu

At present, in Tuva, belts are no longer given much importance, as in the last century. Therefore, it is necessary to study what functional and what sacred meaning it had. After all, the ancestors of the Tuvans attached special importance to their clothes. Tuvan clothing has changed over the millennium under the influence of other cultures, of course this also affected the belts. Likewise, in modern Tuva, most of the belts that were previously in use are no longer used.

Keywords: Tuva culture, belt, semantic meaning, worldview, National clothes, nomadism.

Доржу Сюзана Николаевна

студент 4-го курса
Тувинский государственный университет
e-mail: ssuzana85@mail.ru

Dorzhu Syuzana Nikolaevna

Student 4th year
Tuva State University
e-mail: ssuzana85@mail.ru

УДК 391.613.4

Народные методы лечения туберкулеза у якутов

С. М. Михайлова

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия

Туберкулез – это широко распространенное инфекционное заболевание, чаще всего данная болезнь поражает легкие. До XX в. туберкулез (*сэллик*) считался практически неизлечимым. На фоне неблагоприятных условий и холодного климата, а также в силу «социальности» туберкулеза жители Якутии до сих подвзяны данному заболеванию. Для лечения туберкулеза использовали различные методы и приемы, известные на тот момент якутам.

Якутская этномедицина изучена целой когортой исследователей: А. Е. Кулаковским [1979], В. Л. Серошевским [1993], Р. К. Мааком [1994], А. А. Макаровым [2002], К. М. Яковлевой [2019а, 2019б]; в частности о способах и методах лечения туберкулеза у якутов писали А. И. Гоголев [1983, 2015], А. М. Григорьева [1991, 1996].

Туберкулез по праву считается одним из тяжелых заболеваний и в наши дни. По статистическим данным, в 1995 г. в России число заболевших туберкулезом достигло 280 846 чел., умерших – 22 715 чел. А уже в 2018 г. число заболевших составило 149 182, умерших от туберкулеза увеличилось до 8617 чел. В Якутии на 2018 г. число пациентов, состоящих под диспансерным наблюдением, составляло 1135 человек, число заболевших туберкулезом – 524 чел. [Социально значимые заболевания ... , 2019, с. 5–7]. Основным фактором развития туберкулеза в Якутии считались плохие материально-бытовые условия и суровый климат региона, отсутствие правил гигиены, а также неправильное питание. Но при этом якуты обладали достаточно широким спектром средств и способов лечения туберкулеза.

Препараты для лечения туберкулеза средствами народной медицины можно разделить на две большие группы: животного и растительного происхождения.

В качестве средств лечения животного происхождения использовались млекопитающие, птицы, насекомые, земноводные.

Что касается млекопитающих, в широком ходу были средства лечения с использованием органов медведя. Одним из самых популярных средств лечения, по данным

Вайнштейн С. И. Мир кочевников Азии. М.: Наука, 1991. 296 с.

Дьяконова В. П. Материалы по одежде тувинцев (по полевым материалам 1958 г.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.; JL., 1960. Т. 1: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. С. 238–266.

Куулар Е. М. Лексика традиционной верхней одежды в тувинском языке и его диалектах // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 4 (59). С. 236–238.

Сиянбил М. О., Сиянбил А. А. Традиционный тувинский костюм (История. Символика). Кызыл: Респ. тип., 2000. 72 с.

Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. 401 с.

А. М. Григорьевой, была медвежья желчь, при этом женщине давали желчь самца, мужчине – самки. Больному давали пить 1 столовую ложку желчи, разведенную в воде, 3–4 раза в день. Как лекарство использовали также медвежье сало, мясо, печень, легкое в вареном виде [1991, с. 54–55]. Особой популярностью пользовался медвежий жир двухразовой топки. Его применение варьируется от столовой ложки до чашки, по 2–3 раза в день. Данный метод лечения туберкулеза да и других легочных заболеваний сохраняется и по сей день [ПМА].

В своем исследовании А. И. Гоголев пишет, что при лечении туберкулеза легких среди жителей Якутии было популярно лечебное средство из масла первородящей коровы. Данное масло в количестве примерно 1 кг 150 г топили до получения горьковатого и пригорелого привкуса, принимали внутрь по полстакана полученного масла в день. В качестве радикального средства использовали масло 7–10-летней давности. А также можно было пить масло, полученное из удоя 7 черных коров, 2 раза в день по 1 ложке [Гоголев, 1983, с. 63].

Также можно было использовать желчь рябчика по тому же алгоритму, что и медвежьей желчь. Больному можно было давать есть яйца сокола, яйцо из-под молодой курицы, которая снеслась в первый раз, можно было есть яйцо кукши или пить отвар, приготовленный из ее гнезда, а также есть легкие и сердце дятла [Григорьева, 1996, с. 23].

Еще одним популярным средством при туберкулезе легких в Якутии было кумысолечение. Кумыс готовили из молока старой кобылы, сам же кумыс обладал свойствами укрепления организма, также он способствует обмену веществ, поэтому его считали одним из эффективных средств лечения большинства заболеваний, в том числе и туберкулеза [Григорьева, 1996, с. 23].

Популярностью пользовалось так называемое муравьиное масло (*кымырдабас хайаба*). Его добывали из муравьиного гнезда. Оно представляет собой белое, прозрачное пенистое вещество в виде полужидкой массы. Вот эту самую массу принимают в разведенном в виде либо с чаем,

либо с водой, либо с водкой [Гоголев, 2015, с. 91]. Этот метод лечения отчасти сохранился и в наши дни, но не имеет столь широкой популярности, что, скорее всего, связано с его труднодоступностью [ПМА].

Из земноводных употребляли лягушек, разрешалось проглатывать их живыми, если они были небольшого размера. В современной Якутии практикуется глотание живых лягушек при легочных заболеваниях, видео данного метода лечения было широко популярно в социальных сетях [ПМА].

Среди лекарственных средств растительного происхождения большим спросом пользовались различного рода отвары и настои. Так, А. И. Гоголев отмечает, что жители Западно-Кангаласского улуса лечили больного с помощью отвара волчьей ягоды и волчьего языка [Гоголев, 1983, с. 91]. Также можно было принимать отвар из 7 растений, для этого летом собирали по 7 листьев с осины, ольхи, лиственницы, березы, сусака, сосны и тальника, затем кипятили его на воде с добавлением 7 ложек масла на медленном огне [Там же, с. 87]. Особо популярным и по сей день является питье настоев из листьев осины или из сосновых шишек [ПМА].

Помимо лечения народными средствами у якутов больному предписывалось соблюдение особых рекомендаций в плане приема пищи. Так, например, при туберкулезе запрещалось есть рыбу, поскольку считалось, что от нее затрудняется течение болезни. Или нужно было придерживаться особой, так называемой черной диеты, т. е. больному в течение 40 дней давали пить черный чай без молока и есть мясо исключительно без жира. Еще одним из методов лечения при тяжелой форме туберкулеза являлось то, что больному не давали выпасты в течение недели, в основном весной, при этом питание больного становилось усиленным, в особенности давали молоко, жир и масло [Григорьева, 1996, с. 23].

Подводя итоги, можно отметить, что заболеваемость и смертность от туберкулеза в России за почти 25 лет существенно сократились, что свидетельствует о качественной организации оказания медицинской помощи больным туберкулезом.

Что касается народных методов в борьбе с туберкулезом, у якутов большей популярностью пользовались лечебные средства животного происхождения, чем из мира флоры. На современном этапе развития общества якуты при туберкулезе прибегают к методам официальной медицины, но при этом некоторые комбинируют их с народны-

ми методами. Так, на данный момент среди жителей Якутии распространен способ лечения туберкулеза с помощью медвежьего жира, а также практикуется некоторыми глотание живых лягушек.

Таким образом, можно сказать, что якуты подходили к лечению туберкулеза основательно и способы лечения туберкулеза у якутов разнообразны, начиная от отваров и настоев лекарственных растений, жиров и органов животных до соблюдения особых режимов и диет.

Но несмотря на все усилия народной и классической медицины, туберкулез не только в Якутии, но и в России еще не побежден и является так называемой социальной болезнью.

*Научный руководитель – К. М. Яковлева
канд. ист. наук, доцент,*

кафедра всемирной, отечественной истории, этнологии и археологии,

*Северо-Восточный федеральный университет им.
М. К. Аммосова*

Источники

ПМА. 2019–2020. Полевые материалы автора, Усть-Алданский, Мегино-Кангаласский, Сунтарский, Верхневилуйский улусы РС(Я).

Список литературы

- Гоголев А. И. Историческая этнография якутов. Якутск, 1983. 113 с.
- Гоголев А. И. Народные знания якутов в XVII – начале XX в. (календарь, метрология, медицина). Якутск, 2015. 104 с.
- Григорьева А. М. О народной медицине якутов. Якутск, 1991. 72 с.
- Григорьева А. М. Народное врачевание в Якутии (XVII–XVIII вв.). М., 1996. 184 с.
- Кулаковский А. Е. Научные труды. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1979. 482 с.
- Маак Р. К. Вилюйский округ. М., 1994. 592 с.
- Макаров А. А. Лекарственные растения Якутии. Новосибирск, 2002. 264 с.
- Сорошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. М., 1993. 736 с.
- Социально-значимые заболевания населения России в 2018 году (Статистические материалы) / Г. А. Александрова, Н. А. Голубев, Е. М. Тюрина, Е. В. Огрызко, О. В. Залевская, Л. Н. Авлеева. М., 2019. 73 с.
- Яковлева К. М. Бытовая народная медицина якутов (БАК) // Общество: философия, история, культура. 2019а. № 11. С. 77–80.
- Яковлева К. М. К вопросу изучения лекарственных трав Якутии // Международный научно-исследовательский журнал. 2019б. № 12 (90). С. 67–70.

Traditional Methods of Treating Tuberculosis in the Yakuts

S. M. Mikhailova

Traditional medicine is a special knowledge base about traditional methods and methods of treating diseases of each ethnic community, which is formed by transferring experience and knowledge in the field of ethnomedicine from generation to generation in each nation. The article discusses folk methods and methods of treating tuberculosis in the Yakuts. It was also revealed what remedies were and remain popular in the fight against this disease among the inhabitants of Yakutia. The work used the author's field materials from ethnographic expeditions that took place in the Republic of Sakha (Yakutia) and presented statistical data on the incidence and mortality of tuberculosis in the Russian Federation, as well as data on the number of patients with tuberculosis in the Republic of Sakha (Yakutia).

Keywords: Yakuts, tuberculosis, methods, traditional medicine, disease, treatment.

Михайлова Саргылана Михайловна

студент 4-го курса

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

e-mail: s.mhlva@gmail.com

Mikhailova Sargylana Mikhailovna

Student 4th year

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University

e-mail: s.mhlva@gmail.com

Современные практики в погребально-поминальном обряде якутов

Е. Н. Дивдевилова

*Арктический научно-исследовательский центр
Академии наук Республики Саха (Якутия), Якутск, Россия*

Якуты в прошлом входили в группу бесписьменных народов, в связи с чем многие компоненты их духовной и материальной культуры являются белым пятном [Константинов, 1971, с. 3]. Следовательно, изучение традиций и культуры народа вызывает особый интерес, в особенности погребально-поминальная обрядность якутов. Ведь ничто так не консервативно, как погребальный обряд. Именно в этой области ярко показана приверженность людей к стародавним обычаям [Ополовников, Ополовникова, 1983, с. 97].

С развитием рыночной экономики и глобализацией в Республике Саха (Якутия) наблюдается трансформация традиционной погребальной культуры у якутов [Брагина, 2016, с. 111]. На 2021 г. в г. Якутске реализуют свою деятельность более 48 организаций по предоставлению ритуальных услуг. Данные предприятия предоставляют услуги, начиная с продажи похоронных принадлежностей, заканчивая благоустройством могил (предоставление прощального зала; наличие катафалка; продажа и оформление венков, предоставление ритуальных принадлежностей (одежда, саван и т. д.); изготовление и продажа готовых гробов; копка могил; установка оград; изготовление и установка памятников/надгробий; оформление околмогильного пространства; услуги по благоустройству мест захоронений). Данный перечень услуг характерен для г. Якутска.

Ситуация в селах обстоит иначе. Ритуальные услуги присутствуют в основном только в районных центрах, а в небольших селах их нет. Процессом похорон занимаются родственники умершего под руководством представителей старшего поколения. Те, у кого есть возможность, приобретают все необходимые товары в районных центрах, а большая часть населения изготавливают гробы, надмогильные сооружения самостоятельно либо обращаются к представителям строительного дела.

В настоящее время остро стоит вопрос о создании специализированных служб ритуальной направленности в ряде муниципальных образований, сохранности родовых кладбищ, о погребении безродных лиц. В начале 2020 г. на заседании постоянного комитета местного парламента – Государственного собрания «Ил Тумэн» Республики Саха (Якутия) был поднят вопрос о похоронном деле в муниципалитетах республики и было высказано мнение, что в селах никто не хочет заниматься ритуальными услугами, вера не позволяет, местное население может только продавать венки. В советское время в Республике Саха (Якутия) такого перечня услуг не существовало. По словам информанта Сергеевой Татьяны Петровны 1955 г. р., в 1970–1980 гг. в г. Якутске работали небольшие магазины, расположенные у кладбищ, прощальные залы отсутствовали. Тело после морга привозили в дом умершего, где оно должно было провести ночь. Отсутствовал спецтранспорт (катафалк), обычно заказывали грузовой, его предоставляли на работе умершего, или просили помочь кого-то из родственников или друзей [ПМА]. Отличительной чертой погребального обряда XX и XXI вв. является процесс повсеместного восстановления церковных обрядов. Если в советский период многие церковные ритуалы не совершались, то сейчас наблюдается повсеместный возврат к религиозным обрядам и символике. Население больше стало пользоваться услугами священнослужителей.

Для подробного изучения погребального обряда якутов XX–XXI вв. мы используем как основу те 3 этапа ритуально-практических действий, которые были характерны

для якутов в XV–XIX вв. и описаны Р. И. Бравиной и В. В. Поповым [2008, с. 172–193]. Это подготовка умершего к погребению, похороны и поминки [Там же, с. 172]. По некоторым данным, первым этапом подготовки считается заготовка погребальной одежды [Там же, с. 172–173], которая будет сопровождать душу умершего в загробном мире. На современном этапе к этой процедуре можно приравнять оформление юридически заверенного завещания, так как оно оформляется при жизни человека и символизирует собой подготовку к смерти при жизни человека. При погребении родственники стараются одеть покойного в наилучшую одежду, как правило, мужчин – в костюм, девушек – в платье, незамужних – в белое платье. Омовение тела усопшего сохраняется и в современной практике – данный процесс нес характер очищения тела от «живого запаха». Отличительной чертой является то, что в современный период существуют и практикуются услуги по наложению грима на лицо ввиду той или иной причины смерти или ситуации. Место погребения обычно выбиралось самим человеком при жизни или его родственниками. Согласно современному законодательству РФ [Федеральный закон], можно выбрать только одно из действующих кладбищ своего населенного пункта. Также умершие могут быть преданы земле на малой родине. Похороны проводились и проводятся на третий день после смерти. На месте похорон происходило прощание с человеком, при этом забивали крупный рогатый скот, чье мясо съедалось на месте. Эта практика полностью исчезла ввиду пересмотра социально-экономических отношений. Основной поминальной пищей у могилы являются оладьи и блины, из напитков – кисель и морс, а также водка. Все, что было задействовано в похоронах или случайно выпало, должно остаться на могиле, этот же ритуал сохраняется и сегодня.

В современной практике наблюдается трансформация отношения якутов к смерти. Информант Сергеева Татьяна Петровна 1955 г. р. поделилась своим опытом. До определенных событий она и ее семья не посещали кладбища. Даже на родительский день они не ходили на могилы своих родителей, но после скоропостижной смерти дочери в 2016 г. семья посещает кладбище 2–3 раза в год – на годовщину смерти, родительский день и день рождения. На наш взгляд, это связано с тем, что дочь умерла из-за тяжелой болезни раньше своих родителей [ПМА]. Посещение семьей кладбища на родительский день является наиболее яркой трансформацией отношений и представлений якутов о смерти. Если обратить внимание на национальный состав людей, пришедших к могилам своих родителей, то можно заметить, что среди них немало представителей якутского этноса. Данный пример говорит о смешении духовных и материальных ценностей. Также каждый человек после похорон или посещения кладбища не сразу возвращается домой, обязательно должны заехать в какое-либо нейтральное место, например магазин. Это поверье трансформировалось у якутов из таких ритуально-бытовых действий, как «разведение костра с целью очистительной функции после похорон» [Брагина, Попов, 2008, с. 180]. Также осталось широко распространенным поверье, связанное со смертью и практикующееся в настоящее время, что родственники и все те, кто занимались похоронами, считались «нечистыми», после похорон они не ходят на охоту и не принимают участия в различных обрядах [Там же, с. 176]. Несмотря на государственные установки и

идеологию, в наше время мы наблюдаем сохранение многих элементов погребальной обрядности, еще с XVIII в. Это обуславливается ростом национального самосознания якутов, который шел благодаря символизации традиционной культуры с 1990-х гг. XX в. [Брагина, 2016, с. 110]. Если в XX в. якуты старались стереть национальные и религиозные черты по отношению к погребальному обряду, то в настоящее время начинаются попытки воссоздания внешнего погребального облика надмогильных сооружений, характерного для глубокой старины.

В заключение можно сказать, что погребальный обряд якутов в XXI в. имеет сложную структуру. Происходит наложение традиционного мировоззрения, законодательства Российской Федерации, религиозных учений, глобализационных процессов и др. Все это приводит к отсутствию единой картины современного погребального обряда.

Modern Practices in the Funeral and Memorial Rite of the Yakuts

E. N. Divdevilova

The funeral and memorial rituals of the Yakuts have undergone a number of changes throughout the entire existence of the people. Despite the deep transformation, the Yakuts have preserved, to this day, the custom of establishing tombstones with inherent traditional elements. It should be noted that at the present stage, there is a process of national self-awareness growth, during which there is an interest in previously forgotten traditions and customs, some of which are practiced today. In modern science, there is a growing interest in the transformation processes of traditional cultures. Due to the fact that the culture of non-literate peoples is undergoing the greatest transformation, there is an increasing interest in its most stable forms and manifestations. Since the study and identification of stable forms and manifestations allows us to construct the broadest understanding of the traditional culture of an ethnic group.

Keywords: transformation, funeral rite, traditional culture, Yakuts, Yakutia, modern stage.

Дивдевилова Екатерина Николаевна
лаборант-исследователь
Арктический научно-исследовательский центр
e-mail: alkatepivn@mail.ru

Divdevilova Ekaterina Nikolaevna
Research Laboratory Assistant
Arctic Research Center
e-mail: alkatepivn@mail.ru

УДК 391.5 (391.91)

Боевые татуировки и мужские прически народа мдевокантонов из группы сиу, чукчей и эвенков: сравнительный аспект

В. Р. Николаев

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

С давних пор вопрос о происхождении аборигенов Северной Америки остается открытым. Современный «Справочник по палеоантропологии» [Хенке, Таттерсолл, 2015] датирует проникновение человека в Америку временем, отстоящим от нас на 14–15 тыс. лет в прошлое, приписывая Берингии – сухопутному перешейку между Америкой и Азией – роль миграционного пути как для животных, так и для людей. Детали этого события до сих пор дебатированы в научной литературе. Следует отметить, что обсуждению генетических и языковых связей между народами Сибири и Америки уделяют значительное внимание, чего нельзя сказать об антропологических исследованиях. В этой связи, для полного ответа на вопрос о родственности культур, актуальными становятся исследования антропологической направленности, нацеленные на поиск информации не столько о языках коренных народов, сколько об элементах их материальной и нематериальной культуры для выявления их возможного общего прошлого.

Основной целью данной статьи является введение в научный оборот результатов проведенного сравнительного исследования боевых татуировок и мужских причесок народа мдевокантонов из группы сиу, чукчей и эвенков с целью выявления их этнокультурных и исторических связей в прошлом. Кроме того, одной из важных задач данного исследования является проверка идеи о географическом положении как о ведущем факторе, формирующем структурно-типологические связи между этносами.

Источники
ПМА. Республика Саха (Якутия), г. Якутск, март 2020 г. Информант – Сергеева Татьяна Петровна, 1955 г. р.
О погребении и похоронном деле: федер. закон от 12.01.1996 № 8-ФЗ (ред. от 01.10.2019).

Список литературы
Бравина Р. И., Попов В. В. Погребально-поминальная обрядность якутов: традиции и современность (XV–XIX вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 296 с.
Брагина Д. Г. Трансформация традиционной культуры якутов: (конец XX – начало XXI в.). Новосибирск: Наука, 2016. 128 с.
Ополовников А. В., Ополовникова Е. А. Деревянное зодчество Якутии. Якутск: Кн. изд-во, 1983. 128 с.
Константинов И. В. Материальная культура якутов XVIII века (по материалам погребений). Якутск: Якуткнигоиздат, 1971. 212 с.

Для достижения поставленной цели были использованы следующие методы: анализ выявленных достоверных фотографий и рисунков с изображениями причесок и татуировок изучаемых народов с последующим выявлением общих и особенных черт³. Также были изучены научные публикации об исследуемых народах [Богораз, 1927; Титова, 1978; Нефедкин, 2003; Иванова-Унарова, 2005; Стукалин, 2013; Азабелев, 2017], документы с начала XX в., а также фольклор изучаемых народов: мифологические сказки и исторические предания нганасан [Долгих, 1976], сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки [Меновщикова, 1974].

Из-за малого количества доступной информации о коренных народах Америки приходится говорить о группе народов сиу, в которую входят такие этносы, как мдевокантоны, итазипчо, охенонпа и другие, обобщенно.

В ходе проведенного исследования была выявлена следующая сравнительная характеристика мужских причесок, представленная для анализа по двум важным аспектам:

1) назначение прически:

а) прическа эвенков была единой и универсальной, не было специальных стрижек, посвященных какому-либо событию [Эвенки];

б) у индейцев сиу было большое разнообразие назначений причесок: кроме обыденной, были также и статус-

³ Ссылка а облако с фотографиями: URL: <https://cloud.mail.ru/public/u9rg/NbrcBw6TV>

ные. Кроме того, есть сведения о событийном назначении некоторых причесок. Были и боевые стрижки;

в) чукчи тоже делали боевые прически. Это были стриженные волосы с выбритой на макушке тонзурой [Немирович-Данченко, 1877, с. 466]. Также они украшали свои волосы, что говорит о декоративном назначении. Были и повседневные прически – мужчины гладко выстригали волосы, оставляя спереди широкую бахрому и на темени два пучка волос в виде звериных ушей [Чукчи];

2) украшения для волос:

а) традиционным украшением причесок мужчин-эвенков была тесьма из кожи, расшитая бисером (*чир-эптуи*). Ею обматывали пучок волос на макушке [Эвенки];

б) у сиу тоже были головные уборы, украшающие прическу и несущие определенную информацию об их носителях. Речь идет о шапке с парой прикрепленных к ней рогов и лентой с одним рядом перьев, свисающей от короны в виде хвоста. Она была покрыта шкурками горностаев. Каждое перо в головном уборе несло определенную смысловую нагрузку [Шпаковский, 2007, с. 85]. Индейцы сиу также использовали красную ткань, которая имеет очень важное значение, как следует из индейского фольклора. А что касается волос, свою косу они могли украшать серебряными кружочками, придающими ей красивую форму;

в) у чукчей существовал головной убор, надевавшийся ими во время военных действий. Создан он был из скальпа волка. Его могли украшать лентами и бусами [Немирович-Данченко, 1877, с. 466]. Особенно почитаемой была красная лента. Чукчи украшали ими свои шапки и верили, что это помогает в различных делах. Также мужчины стригли или сбрасывали себе волосы, оставляя только кружок на темени, куда могли вплестать кораллы и другие украшения.

Что касается боевых татуировок, сравнение этого важного элемента нематериальной культуры представлено в трех пунктах:

1) назначения татуировок:

а) в представлениях эвенков татуировка обладала лечебными способностями и ее наносили на места ушибов. Также она была социальной и родовой отметкой – у каждого рода охотников эвенков была своя родовая татуировка. Она носила и декоративную функцию [Медникова, 2007, с. 122];

б) индейцы сиу наносили татуировки на местах ранений, обозначая опытность в военном деле. Они верили и в целебную способность татуировки. Также она имела событийный характер, например, индеец мог нанести особую татуировку, обозначающую то, что он был в плену, но сумел сбежать. Кроме того, татуировка у индейцев также могла показывать статус ее носителя;

в) татуировки у чукчей были чрезвычайно разнообразны как по узорам, так и по назначению. Они татуировали свое тело при победах в боях, для исцеления недуга, для привлечения удачи и защиты от злых духов и для обозначения своего социального статуса;

2) места нанесения:

а) как правило, эвенки наносили татуировки на лицо и ушибленные места;

б) мдевокатоны татуировали все тело, кроме спины. Индейцы сиу могли раскрашивать своих боевых коней за их определенные заслуги. Также они могли наградить коней и перьями, и почитаемой индейцами красной тканью;

в) места нанесения татуировок у чукчей достаточно разнообразны: руки, лопатки, лицо, предплечья, лобок. Разнообразие мест связано с приписываемым им лечебным эффектом. Чукчи также наносили знаки из крови оленя на свои лицо, руки и грудь. Они верили в защищающие от болезней и злых духов свойства оленьей крови;

3) форма узоров:

а) что характерно для эвенков – они в татуировках использовали лишь геометрический орнамент, состоящий из кругов, треугольников, прямых и волнистых линий;

б) в основном узоры индейцев сиу были геометрическими, благодаря фотографиям можно рассмотреть большое разнообразие фигур. Каждая геометрическая фигура означала определенное событие в жизни индейца: от ранения до плена и успешного побега;

в) чукчи в своих татуировках использовали и антропоморфные изображения, и геометрические узоры, и изображения предметов.

Таким образом, в ходе проведенного сравнительного анализа были получены следующие выводы.

Уже во время исследования причесок трех народов обнаруживается их одинаковое назначение у чукчей и сиу. Кроме того, для чукчей срезание скальпа было характерно так же, как и для индейцев, с тем исключением, что чукчи срезали скальп с волка. Далее, как индейцы использовали скальпы, также и чукчи перерабатывали скальп волка в головной убор.

Чукчи верили, что красная лента помогает в различных делах, украшали ими свои шапки из скальпа волка. Индейцы сиу также использовали красную ткань, которая имеет очень важное значение. Возможно, она символизирует достижение какого-либо успеха, как и у чукчей. К вопросу о таких же особенностях у эвенков: упоминаний о срезании скальпа, почитании красной материи мною обнаружено не было.

По поводу татуировок: как и индейцы сиу, чукчи наносили татуировку почти на все тело, в отличие от эвенков, которые татуировали лицо и травмированные места. Также интересен тот факт, что горизонтальные волнообразные цветные линии на запястье у индейцев сиу символизируют знак воина и в том же месте у чукчей есть такой знак в виде антропоморфной фигурки. Не остается без внимания факт почитания животных (уважаемыми животными у чукчей были олени, а у индейцев – боевые лошади).

Таким образом, мнение о географическом положении как о ведущем факторе структурно-типологических связей между этносами не обосновано – два этноса, эвенки и чукчи, расположенные ближе друг к другу, чем индейцы группы сиу, не обладают достаточными сходствами.

В результате выяснено, что у чукчей и мдевокатонов индейской группы народов сиу больше сходств в боевых татуировках и мужских прическах, чем у индейцев этой группы и эвенков. По итогам нашего исследования можно сказать, что история татуировки и прически на данный момент изучена в недостаточной мере. Выявленные черты сходства между чукчами и индейцами сиу в боевых татуировках и мужских прическах могут использоваться как дополнительное доказательство в вопросе об утверждении их родственных связей в отдаленном прошлом.

Научный руководитель – Н. А. Тучкова
д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории, археологии и этнологии,
Томский государственный педагогический университет

Список литературы

- Азабелев П. П. Пазырыкские татуировки как художественное свидетельство древних войн и бракосочетаний // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2017. № 7. С. 51–60.
- Богораз В. Г. Древние переселения народов в северной Евразии и в Америке // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1927. Т. 6. С. 37–62.
- Долгих Б. Мифологические сказки и исторические предания нганасан. М.: Наука, 1976. 342 с.
- Иванова-Унарова З. И. Традиционное искусство народов Севера-Востока Сибири (эвенки, эвены, юкагиры, долганы, чукчи, коряки). Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 2005. 192 с.

Медникова М. Неизгладимые знаки: татуировка как исторический источник. М. : Языки славянской культуры, 2007. 216 с.
Меновщикова А. Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. М. : Гл. редакция восточ. лит-ры изд-ва Наука, 1974. 646 с.
Немирович-Данченко В. Страна Холода. М. : Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1877. 528 с.
Нефедкин А. Военное дело чукчей (середина XVII – начало XX вв.). СПб. : Петербургское Востоковедение, 2003. 352 с.
Стукалин Ю. В. Военное дело индейцев Дикого Запада. Самая полная энциклопедия. М. : Яуза, 2013. 688 с.

Титова З. Материалы И. Г. Гмелина о тунгусах XVIII века // Советская этнография. 1978. № 1. С. 59–71.
Хенке В., Таттерсолл Я. Справочник по палеоантропологии. Берлин : Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2015. 2624 с.
Чукчи. URL: <https://geographyofrussia.com/chukchi/> (дата обращения: 06.03.2021).
Шпаковский В. Индейцы. Школьный путеводитель. СПб. : ББК, 2007. 98 с.
Эвенки. URL: yakutskhistory.net/якуты/эвенки (дата обращения: 08.03.2021).

Combat Tattoos and Men's Haircuts of the People of Mdevokantons from the Sioux, Chukchi and Evenk Group: a Comparative Aspect

V. R. Nikolaev

This research is devoted to a comparative consideration of such elements of the culture of the Mdevokantons of the Indian group of the Sioux peoples, as well as the culture of the Chukchi and Evenk peoples, as traditional combat hairstyles and tattoos typical for representatives of these ethnic groups. The main purpose of this article is comparative study of combat tattoos and hairstyles of the Mdevokanton Indian group from the Sioux, Chukchi and Evenk peoples in order to identify ethno-cultural and historical ties in the past. The research basis for this article was ethnographic encyclopedias of peoples, documents published at the beginning of the 20th century, as well as the folklore of the studied peoples. According to the results of the study, it became known that the Chukchi and the Mdevokanton people of the Sioux Indian group have more similarities in battle tattoos and men's hairstyles than the Indians of this group and the Evenks. The results of research will be a useful addition to the already existing knowledge about the intangible aspect of the spiritual culture of the studied peoples.

Keywords: Chukchi, Evenki, Indians, tattoos, national, haircuts.

Nikolaev Vyacheslav Romanovich

студент 3-го курса

Томский государственный педагогический университет

e-mail: nikass2602@mail.ru

Nikolaev Vyacheslav Romanovich

Student 3rd year

Tomsk State Pedagogical University

e-mail: nikass2602@mail.ru

УДК 903.26

Элементы гендерного подхода в современных исследованиях культур Японского архипелага

У. В. Ефименко

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

Предметы древнего искусства Японского архипелага представляют собой уникальные находки, ярко отображающие быт своих создателей. Однако в силу их многообразия они не всегда интерпретируются исследователями одинаково. В частности, предназначение глиняных антропоморфных статуэток *догу* может рассматриваться как элемент мифа, инструмент сугубо ритуальный или как вещь практического (бытового) характера, искусства. В находках эпох дзёмон (13 800–2300 л. н.) и яёй (III в. до н. э. – III в. н. э.) фигурирует гендер, что уже интересно для попытки проследить сквозь реконструкцию контекстов образ межполовых отношений указанного времени. Областью такого интереса занимается гендерный подход.

Исследования в данной области являются перспективными направлениями по ряду причин, в числе которых связь с актуальным социальным контекстом о гендерном равенстве. Как особое направление в системе гуманитарного знания гендерные исследования начали формироваться в конце 1970-х гг. с самого распространения понятия «гендер» [Зайцева, 2006, с. 101]. Данные исследования важны для понимания социальной истории; для реконструкции общественной и частной жизни; анализа происшедших общественных изменений в рамках проблем, связанных с принадлежностью к конкретному полу (гендерными ролями), что в целом составляет плюралистическое понимание исторического процесса. Говоря про гендерный подход и гендерную историю, стоит отметить, что начало популяризации направления было положено европейскими специалистами в области женской истории (Д. Скотт, Г. Бок, Л. Д. Николсон) [Пинчукова, 2007, с. 117].

В данной работе проводится анализ артефактов периодов дзёмон и яёй, в которых напрямую или косвенно фигурирует гендер. Вследствии того, что гендерный подход рассматривает место и влияние женщин в рамках сконструированных обществом возможностей, связанных с

полом, по большей части обозрения будут затрагивать те находки, которые фиксируют феминность.

Обозначенные ранее скульптурки *догу* могут быть источником для определенных выводов о мировоззрении людей эпохи дзёмон. Глиняные фигурки изображают антропоморфных существ обоих полов (встречаются андрогинные изображения) и некоторых животных (зооморфные изображения), которые также были частью повседневности человека.

Внешний вид антропоморфных скульптурок имеет критерии, позволяющие отнести ту или иную статуэтку к определенной группе (полые статуэтки, цельные, реалистичные, имеющие головные уборы и пр.) [Соловьева, Табарев, Табарева, 2010, с. 63]. Узоры (орнамент), покрывающие большинство скульптурок, могли изображать татуировки, которыми украшали лица *догу* или, по некоторым предположениям, одежду [Там же, с. 67]. В пользу татуировок приводятся сведения о народе айнов, женщины которых имели покрывающие лица татуировки, которые наносились в связи с автохтонными верованиями. Татуировка черными толстыми линиями занимала руки, область вокруг рта, участок над глазами. По некоторым данным, айны использовали данную традицию, чтобы женщин не крали туземцы. По другим теориям, татуировка наносилась в связи с замужеством, как «защита» от болезней, для красоты. Скучные сведения о мужских татуировках встречаются в качестве подтверждений того, что мужчинам они не делались либо были не настолько заметны [Лим, 2013, с. 105]. Данная аналогия склоняет исследователя к видению *догу* как отражения существовавшего феминного образа, но нельзя утверждать, что все примеры антропоморфных скульптур эпохи – это изображения женских персоналий.

В некотором роде благодаря *догу* закрепился стереотип об эпохе дзёмон как об идилическом феминизированном прошлом [Morgan, 2004, p. 27].

Тем не менее нет никаких оснований не полагать, что *догу* олицетворяли женское начало, культ плодородия, с чем в консенсусе сходятся многие исследователи [Соловьева, Табарев, Табарева, 2010, с. 56–57]. В свою очередь, к мужскому началу относят каменные жезлы *сэкибо* [Табарев, Иванова, 2019, с. 161].

Существуют различные скульптурки, у которых изображена женская грудь и вертикальная линия, идущая вверх от области гениталий к груди, что выглядит как попытка передать андрогинность. Сам факт существования андрогинных фигурок рассматривался исследователем Треси Нонно, которая приходит к выводам о наличии свободных творческих способностей людей эпохи дзёмон, которые утрачиваются в момент, когда архипелаг начинает активно заселяться мигрантами с Корейского п-ова [Nonno, 2018, с. 61].

На протяжении периода яёй (начальная – средняя фазы, ок. 2400–2200 л. н.) все более распространяются погребения в огромных кувшинах, верхняя часть которых наполняет бюсты *догу* [Соловьева, 2019, с. 603]. Женское тело, изображенное в виде маленькой фигурки с выраженными признаками пола, становится здесь вместилищем для покойника, который после кончины символично отправился назад в утробу, что выглядит подтверждением если не культа матери, то некоего существовавшего мифа, связанного с возвышением организма женщины, ее ролью в духовных воззрениях общества. Количество захоронений с богатыми предметами материальной культуры увеличивается к концу эпохи дзёмон, а процентное соотношение мужских и женских захоронений равно [Morgan, 2004, с. 30].

Общий обзор интерпретации гендера на протяжении периодов дзёмон, яёй и кофун дала Коллин Морган, исследователь из Йоркского университета, в публикации 2004 г. *The Many Faces of Queen Himiko: Interactions of Gender, Archaeology and Popular Culture*. Ею были исследованы упоминания о гендере в древнекитайской исторической хронике Вэйчжи, в части, посвященной преданиям о людях «ва» (древних японцах). Полученная информация позволила сделать некоторые выводы о взаимодействии пола и власти в рамках правления легендарной «королевы» Химико. К. Морган также отмечает, что женщины участвовали в археологических исследованиях почти с самого зарождения данной области, но большое количество теорий было создано европейскими мужчинами, которые воссоздавали облик древнего мира через призму своего опыта, что могло повлиять на реконструкции взаимоотношения пола и общественных ролей в изучаемую эпоху [Morgan, 2004, p. 10]. Автор подвергает сомнению реконструкцию, в результате которой дзёмонская женщина связана исключительно с ведением домашнего хозяйства, а мужчина – с

охотой. Предлагается идея об отсутствии гендерной иерархии. В подтверждение приводятся жезлы *сэкибо*, которые часто встраивались в каменную кладку очага, т. е. место, предположительно связанное с женским трудом [Там же, p. 29]. Однако *сэкибо* находят как внутри жилищ, так и среди скоплений камней. Некоторые исследователи относят эту группу артефактов к атрибутике охотничьих ритуалов, которые проводились мужчинами, только потому, что каменные жезлы изображают мужскую физиологию, а, по устоявшемуся мнению, мужчина изучаемой эпохи был охотником [Табарев, Иванова, 2019, с. 162]. Автор защищает мысль о том, что в прошлом Японского архипелага существовала более сложная картина, чем та, которая описывается как феминизированное или строго разделенное по гендерным принципам общество [Morgan, 2004, с. 30].

Таким образом, исследования в области гендерной истории, на наш взгляд, являются перспективными и важными в современных реалиях, поскольку на протяжении веков женщины наравне с мужчинами активно участвовали в историческом процессе. В рамках японского неолита – палеометалла часто роль артефактов, свидетельствующих о роли женщины в существовавшем обществе, исследуется с заведомой установкой приписать определенный бытовой опыт, который имели женщины более исследованных эпох и народов.

*Научный руководитель – Д. А. Иванова
канд. ист. наук, научный сотрудник, доцент,
Департамент истории и археологии,
Школа искусств и гуманитарных наук,
Дальневосточный федеральный университет*

Список литературы

- Зайцева Т. И. К вопросу об исторических «женских» и гендерных исследованиях в Германии в контексте общего развития гендерной истории // Вестн. ТГПУ. 2006. № 1. С. 98–103.
- Лим С. Ч. История татуировки айнов Сахалина и Хоккайдо // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 3 (23). С. 105–111.
- Пинчукова И. В. Гендерный подход в исторической науке // Изв. АлтГУ. 2007. № 4–2. С. 117–119.
- Соловьева Е. А. Погребения в сосудах с антропоморфными изображениями периода яёй в Японии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. 25. С. 602–606.
- Соловьева Е. А., Табарев А. В., Табарева Ю. В. Диалоги с догу: к проблеме интерпретации антропоморфной пластики тихоокеанского бассейна // Тихоокеанская археология. 2010. № 18. С. 50–96.
- Табарев А. В., Иванова Д. А. Структура, символика и атрибутика ритуальных комплексов эпохи дзёмон на Японском архипелаге // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 3 (27). С. 155–167.
- Morgan C. *The Many Faces of Queen Himiko: Interactions of Gender, Archaeology and Popular Culture*. Austin. The University of Texas at Austin, 2004. 60 p.
- Nonno T. *Images of androgynous beings of Jōmon epoch* // *Cultural Anthropology and Ethnosemiotics*. 2018. Vol 4. Iss. 4. P. 49–62.

Elements of the Gender Approach in Modern Studies of the Cultures of the Japanese Archipelago

U. V. Efimenko

This article offers an attempt to draw conclusions on the example of studies of archaeological sources of the Jōmon and Yayoi periods found in the Japanese archipelago, in which gender directly or indirectly appears. Keeping in mind that the gender approach considers the place and influence of women within the framework of socially constructed opportunities related to gender, for the most part, the reviews will touch on those artifacts that capture femininity.

Keywords: Japan, archaeology, Jōmon, Yayoi, gender studies, dogū, sekibō.

Ефименко Ульяна Владиславовна

студент 2-го курса

Дальневосточный федеральный университет

e-mail: efimenkou2017@yandex.ru

Efimenko Uliana Vladislavovna

Student 2nd year

Far East Federal University

e-mail: efimenkou2017@yandex.ru

Обзор основных групп источников по изучению Огненной Земли

Д. С. Дружинин

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Огненная Земля – это архипелаг на южной оконечности Южноамериканского континента, включающий в себя около 40 тыс. островов. Крупнейший о-в Исла Гранде (Isla Grande) отделен от материка Магеллановым проливом, от Антарктиды – Проливом Дрейка. Для территории характерен влажный холодный климат. Рельеф Исла Гранде преимущественно равнинный. Политически регион, как и вся Патагония, разграничен на две части – восточная подконтрольна Аргентине, западная – Чили.

Крупнейшими племенными группами, известными исследователям, были алакалуфы (кавескары), селькнамы (она) и яганы (ямана). Они вели кочевое присваивающее хозяйство, причем яганы и алакалуфы активно эксплуатировали акватические ресурсы, а селькнамы в большей мере ориентировались на наземные, так как обитали во внутренних районах Исла Гранде. Алакалуфы жили на островах к югу от Исла Гранде, в частности на островах Гордона и Наварино (Navarino). Яганы курсировали вдоль берегов Магелланова пролива. В 80-е гг. XIX в. на архипелаге обнаружили золото и вслед за миссионерами пришли авантюристы и золотоискатели. Равнины Огненной Земли оказались крайне удобными для овцеводства, что стало причиной истребления индейцев, мешавших выпасу овец. Численность аборигенов подкосили эпидемии кори и оспы. На данный момент чистокровных фуэгинов не осталось.

Сведения об аборигенном населении представлены историческими, этнографическими и археологическими группами источников. Их дополняют данные по физической антропологии, палеогеографии и палеозоологии. Исторические источники представляют собой записки путешественников и колонизаторов.

В 1519 г. Ф. Магеллан впервые оставил свидетельство об индейцах, но в непосредственный контакт с ними не вступал. Вдоль берегов будущего Магелланова пролива ночами были видны огни индейских костров. Ф. Магеллан посылал на берег шлюпку с матросами, но те обнаружили только несколько могил [Цвейг, 1956]. В 1578 г. через Магелланов пролив проходило судно английского корсара Ф. Дрейка. Члены его команды высаживались на берег и отмечали изящество утвари аборигенов, наличие у них каное из коры и крупных ракушечных ножей. Аборигены были толстыми, коренастыми и раскрашивали лица [The World Encompassed ... , 1628]. В 1774 г. в контакт с огнеземельцами вступила экспедиция Дж. Кука. Немецкий естествоиспытатель Г. Форстер, состоявший при этой экспедиции, отмечал некоторые антропологические особенности аборигенов, в частности развитую верхнюю часть тела и слабые ноги [Форстер, 1986].

В 1823 г. на Огненной Земле побывал русский мореплаватель О. Е. Коцебу. Он окрестил индейцев не иначе, как животными, деградировавшими от тяжелых климатических условий [Коцебу, 1987].

В 1830 г. в числе посетителей архипелага оказался капитан корабля «Бигль» р. Фицрой. Он сделал первое подробное описание аборигенов и начал составлять словарь их языка, сделал их зарисовки [Меллерш, 1975]. В 1832 г. архипелаг посетил Ч. Дарвин на корабле «Бигль». По словам натуралиста, стариков туземцы убивали и пожирали в голодное время. У племен не было общего вождя, они были разделены нейтральными территориями и языковыми барьерами и часто враждовали между собой [Дарвин, 2019].

В 1848 г. англичанин А. Гарденер высадился на о-ве Эстадос (Estados) с миссионерскими целями, однако в 1851 г. весь его отряд погиб от голода и болезней. Только в 1869 г. У. Стирлинг основал г. Ушуайю (Ushuaia), также миссионерский центр. Продолжателем его дела стал Т. Бриджес, составитель словаря яганского языка, включившего в себя более 30 тыс. слов и выражений.

В 1922 г. американский путешественник и художник р. Кент посетил о-в Доусон (Dawson). Он приводит многочисленные примеры геноцида индейцев и неудачных миссионерских акций [Кент, 1966]. Французский путешественник Ж.-И. Кусто в 1972 г. посещал чилийский порт Пуэрто Эден (Puerto Eden), где встречал остатки алакалуфов. По его словам, они находились на грани вымирания, отказались от традиционной раскраски тела и других украшений, жили в жуткой нищете на подаяния от туристов [Кусто, 1984].

Из этнографических источников наиболее значительными являются записки австрийского этнолога М. Гузинде. Четыре его экспедиции длились в общей сложности с 1918 по 1924 г. Основными своими задачами он видел сохранение культурного наследия фуэгинов, на момент его деятельности почти уничтоженных, а также пересмотр негативных суждений своих предшественников. Зафиксировал обширные пласты фольклорного материала и лично наблюдал индейские обряды инициации [Gusinde, 1975, p. 2–18].

Фундаментальная обзорная работа по этнографии огнеземельцев принадлежит перу американского антрополога и социолога Дж. Купера [Cooper, 1917]. В отечественной науке обзорные работы о фуэгинах написаны А. А. Зубовым [1961] и Э. В. Зиберт [1955, 1959].

Археологические источники на архипелаге хорошо сохранились в силу того, что он практически не был под ледником. Богатый материал содержат скальные навесы и гроты. Первые археологические работы в регионе провел аргентинец М. Виньяти в 1927 г. [Handbook of South ... , 1946, p. 19]. Американский этнограф и археолог С. Лотроп в 1928 г. выявил на Огненной Земле многочисленные следы длительного человеческого обитания [Там же]. В 1932–1937 гг. Американский музей естественной истории в сотрудничестве с чилийским Национальным музеем естественной истории (Museo Nacional de Historia Natural) произвел исследование памятников к югу от Пуэрто-Монта (Puerto Montt) и до Магелланова пролива, раскопки на о-ве Наварино и чилийской территории к востоку от Пунта-Аренас (Punta Arenas) [Там же]. Дж. Берд в 1936–1937 гг. раскапывал пещеры Фелл (Fell's Cave) и Пали Айки (Pali Aike), где были обнаружены наконецники в форме рыбьего хвоста, датированные возрастом 10–9 тыс. л. н. [Табарев, 2006, с. 165]. Французенка А. Ламен-Эмперер проводила работы под скальным навесом Марацци (Marazzi) в 1965 г. [Handbook of South ... , 2008]. Чилиец М. Массоне в 1983 и 1986 гг. исследовал пещеру Трес Арройос (Tres Arroyos), где выявил четыре компактно расположенных кострища, датировка которых показала 11,8–10,3 тыс. л. н. для ранних слоев [Табарев, 2006].

Отечественными археологами на Огненной Земле работ до настоящего времени не производилось. Однако археологический аспект в виде обзора затронут в учебном пособии А. В. Табарева [2006]. К антропологическому материалу обращались как в России [Сюткина, Васильев, 2017], так и за рубежом [Fuente, Galimany, 2015].

Тематика прошлого Огненной Земли интересна прежде всего материалами древнейшего освоения континента. На архипелаге, примерно 9–11 тыс. л. н., стали развиваться оригинальные культуры охотников и собирателей, ведущих как наземное, так и акваторическое хозяйство в суровых климатических условиях. Их изучение перспективно в рамках не только южноамериканской, но и мировой археологии как элемент формирования общей картины миграций древнего человека. Для российской науки будут полезны сведения об адаптациях древних людей в холодных условиях и механизмах их выживания в приморских районах.

*Научный руководитель – А. В. Табарев
д-р ист. наук, ведущ. науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Список литературы

- Дарвин Ч. Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль». М., 2019. 439 с.
Зиберт Э. В. Индейцы Огненной Земли // Сборник МАЭ. СПб., 1955. Т. 16. С. 253–263.
Зиберт Э. В. Огнеземельцы // Народы Америки. М., 1959. С. 377–390.
Зубов А. А. Люди Огненной Земли. М., 1961. 40 с.
Кент Р. Плавание к югу от Магелланова пролива. М., 1966. 248 с.

- Коцебу О. Е. Новое путешествие вокруг света в 1823–1826 гг. М.: Наука; Гл. ред. вост. лит-ры, 1987. 351 с.
Кусто Ж. Жизнь на краю земли. Л., 1984. 304 с.
Меллерш Г. Е. Фицрой – капитан «Бигля». Л., 1975. 256 с.
Сюткина Т. А., Васильев С. В. К антропологии коренных обитателей Огненной Земли // Сибирские исторические исследования. Томск: Изд-во ТГУ, 2017. Т. 5. Вып. 3. С. 153–174.
Табарев А. В. Введение в археологию Южной Америки. Анды и тихоокеанское побережье. Новосибирск: Сибирская научная книга, 2006. 243 с.
Форстер Г. Путешествие вокруг света. М.: Наука; Гл. ред. вост. лит-ры, 1986. 586 с.
Цвейг С. Магеллан: человек и его деяние. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1956. 240 с.
Cooper J. M. Analytical and Critical Bibliography of Tierra del Fuego and adjacent territory. Washington: Government Printing Office, 1917. 233 p.
Fuente C., Galimany J. Ancient Marine Hunter-Gatherers From Patagonia and Tierra Del Fuego: Diversity and Differentiation Using Uniparentally Inherited Genetic Markers // American Journal of Physical Anthropology. 2015. N 4. P. 1–11.
Gusinde M. Folk Literature of the Selknam Indians. Los Angeles: Latin American Center Publications, 1975. 266 p.
Handbook of South American Indians. Washington: Government Printing Office, 1946. V. 1. 624 p.
Handbook of South American Archeology. New York: Springer Publishing, 2008. 1191 p.
The World Encompassed by Sir Francis Drake. London: Royal Exchange, 1628. 108 c.

Review of the Main Groups of Research Sources of Tierra del Fuego

D. S. Druzhinin

The paper examines the historical, ethnographic and archeological research sources of Tierra del Fuego, which was inhabited by hunters and gatherers between 9 and 11 thousands years ago. At the moment, there are no representatives of these cultures, so we have to rely on the preserved evidence of their existence. These tribes have survived in harsh climatic conditions and maintained an aquatic appropriating economy for thousands of years. Research of them can be useful for drawing up a picture of the ancient man migrations and adaptations in the New World.

Keywords: Indians, Tierra del Fuego, aquatic economy, sources, South American Archaeology.

Дружинин Данила Сергеевич

студент 2-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: d.druzhinin@g.nsu.ru

Druzhinin Danila Sergeevich

Student 2nd year

Novosibirsk State University

e-mail: d.druzhinin@g.nsu.ru

УДК 008(574)

Государственная программа по сохранению культурного наследия Республики Казахстан

Д. К. Жанатаев

*Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева,
Нур-Султан, Казахстан*

Сохранение культурного наследия являлось и является неотъемлемой задачей Республики Казахстан, так как мировая история связала эти земли с глобальными историческими процессами, повлиявшими на культуру во всем мире. С течением времени наследие, доверенное нам, начинает исчезать с лица земли, но ряд государственных программ, таких как «Мәдени мұра», созданы не только для сохранения, но и для познания культурного наследия всем миром. Прямой перевод «Мәдени мұра» на русский язык – «Культурное наследие», и цель данной программы – сохранить то, без чего всякая страна теряет свою ценность.

Первый президент Республики Казахстан Нурсултан Абишулы Назарбаев на расширенном заседании Общественного совета по реализации национальной программы, которое состоялось во Дворце мира согласия в Астане, подчеркнул: *«В нашей стране нет египетских пирамид и Римского Колизея, но роль Nomadov, живших в древности на территории Казахстана, неоценима не только для Евразии, но и для мировой истории. Мы должны на мировом уровне показать величие степной цивилизации – это одна из главных задач программы “Культурное наследие”»* [Государственная программа (а) ...].

Государственная программа «Культурное наследие» разработана по инициативе Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева. Программа предусматривает создание целостной системы изучения огромного культурного наследия народа, в том числе современной национальной культуры, фольклора, традиций и обычаев; воссоздание историко-культурных и архитектурных памятников, имеющих особое значение для национальной истории; обобщение многовекового опыта национальной литературы и письменности; создание на государственном языке полноценного фонда гуманитарного образования на базе лучших достижений мировой научной мысли, культуры и литературы.

«Культурное наследие» является основным документом в сфере развития духовной и образовательной деятельности, стратегическим национальным проектом [Государственная программа (а) ...]. Цель программы – изучение, восстановление и сохранение историко-культурного наследия страны, возрождение историко-культурных традиций, пропаганда культурного наследия Казахстана за рубежом [Государственная программа (б) ...]. Направления программы:

- воссоздание историко-культурных, архитектурных памятников национальной истории; археологические исследования;
- научные исследования культурного наследия казахского народа;
- социально значимые проекты, связанные с пропагандой культурного наследия казахского народа и развитием индустрии туризма на объектах истории и культуры;

– осуществление изданий по истории, культуре и историческому наследию народов Казахстана [«Казахстана Мәдени мұра» ...].

В общеисторическом плане – это уникальный проект современности, который по своим масштабам и результатам не имеет аналогов во всем постсоветском пространстве. С реализацией Государственной программы «Культурное наследие» связаны историческая судьба многих народов древности, средневековья, нового и новейшего времени; история ряда крупных политико-административных центров, городов; исключительно многообразное развитие традиционно-бытовой, духовной культуры казахов и взаимодействовавших с ними народов и стран; появление огромного круга самобытных мемориально-культурных памятников и т. д.

В 2008 г. на расширенном заседании по реализации Государственной программы «Мәдени мұра» («Культурное наследие») Н. А. Назарбаев акцентировал особое внимание на том, что в наши дни все большую актуальность приобретает современная история Казахстана. Это означало необходимость смещения акцентов из взгляда в наследие прошлого в достижения и сбережения достояния настоящего. Поэтому не случайно программа ныне обрела статус Национального стратегического проекта. О древности будут писать всегда, она привлекает и ученых, и людей искусства. Теперь пришло время задуматься, что мы, сегодняшние создатели, оставим нашим детям и внукам. Каждому поколению надо уметь сохранять свое культурное достояние.

Период реализации программы в 2004–2007 гг. в Республике Казахстан показал высокую востребованность опеки государства в деле по сбережению и приумножению материальных и интеллектуальных ценностей прошлых поколений. Богатство культурного наследия Казахстана определяется не только его вкладом в сокровищницу мировой истории, но и значительными потенциалами прорыва в будущее, когда, как отмечал Н. А. Назарбаев, история «придает импульс развитию национальной духовности» [Мажитов].

Результаты программы в период 2004–2011 гг.:

- реставрированы 78 памятников истории и культуры;
- проведены научно-прикладные и археологические исследования, которые обогатили науку тысячами артефактов, давших, в свою очередь, представления об истории наших предков (золотые изделия курганов Берель и Шиликты, которые относятся к «скифо-сибирскому звериному стилю» или эпохе сакского искусства V–III вв. до н. э.);
- приобретение свыше 5 тысяч ценнейших документов, рукописей, печатных изданий, ранее неизвестных в отечественных научных кругах, в научно-исследовательских экспедициях в Китай, Россию, Турцию, Египет, США, страны Западной Европы;

– издано 537 наименований книг тиражом более полутора миллионов экземпляров, среди которых уникальные серии по истории, археологии, этнографии, новые энциклопедические словари, в том числе серии «Бабалар сөзі», «Древний мир права казахов», «Антология казахской музыки» и др.;

– были изданы серии книг: «Мировая историческая мысль» в 14 томах на казахском языке; «История Казахстана в зарубежных источниках» в 20 томах и др., так как современные культурные процессы, в частности наука, немислимы без обращения к наследию мировой философско-исторической мысли.

Создана сеть государственных музеев исторического и этнографического профиля, мемориалов, посвященных памятным событиям истории Казахстана. Уникальный памятник истории и культуры Казахстана – мавзолей Ходжи Ахмеда Яссауи г. Туркестан включен в Список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. Отреставрированы золотые сокровища нашей государственности – курганы Иссык, Берель и ряд значимых памятников в г. Туркестане и городище Отрар – духовной колыбели, имевшей крупнейшую в мировой истории библиотеку.

Проведены уникальные работы по восстановлению и переносу на современные аудионесители фонозаписей выдающихся исполнителей-музыкантов устной профессиональной традиции, находящихся в фондах, архивах и хранилищах страны. Например, проведены исследования музыки средних веков, в частности таких жанров, как кюи, исторические песни. Выпущена антология казахской традиционной музыки «Мәңгілік сарын: қазақтың 1000 күйі, 1000 әні» («Вечные напевы: 1000 кюев, 1000 песен»). О талантности казахского народа метко сказал великий русский ученый, названный Ш. Валихановым «Геродотом казахской степи», А. И. Левшин: «Казахи представляют новое доказательство того, что человек родится поэтом или музыкантом». Это – грандиозный по масштабу и беспрецедентный в истории национальной культуры труд по сбору, подготовке, обработке, реставрации, оцифровке и выпуску CD-дисков произведений казахской традиционной музыки в аутентичном исполнении [«Мәдени мұра» – Культурное ...].

Киностудией АО «Казахфильм» создан ряд документальных фильмов об особо важных исторических местах и наследии национальной культуры. Это документальные фильмы из цикла «Культурное наследие»: «Қорқыт. История кюя», «Музыкальное наследие номадов», «Архитек-

турные памятники древнего Туркестана», «Мавзолей Жусуп Ата», «Петроглифы Тамгалы» и ряд других.

В программе «Культурное наследие» реализуются мероприятия, направленные на развитие туризма. Рекомендации археологов применяются при разработке туристских маршрутов. О масштабах проекта говорит тот факт, что в нем задействован весь интеллектуальный потенциал современного Казахстана: академические институты литературы и искусства, философии, истории и этнографии, языкознания и т. д., Национальная библиотека, высшие учебные заведения страны [«Мәдени мұра» – Культурное ...].

Поводя итог, хочу сказать, что овладение культурным наследием – это основа исторической памяти народа, без которой, в свою очередь, не бывает истинного патриотизма. Преодоление инерции исторического беспамятства особенно важно для воспитания подрастающего поколения. Комплексное решение обозначенных проблем в рамках Государственной программы «Культурное наследие» продолжает способствовать дальнейшему развитию системы изучения, сохранения и популяризации культурного наследия народа Казахстана.

*Научный руководитель – Т. В. Брынза
магистр, старший преподаватель,
кафедра археологии и этнологии,*

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева

Источники

Государственная программа «Культурное наследие» (а) // Государственный историко-культурный заповедник-музей «Берел». URL: <https://www.berel-museum.kz/ru/fondy/gosudarstvennaya-programma-kulturnoe-nasledie.html#> (дата обращения: 09.03.2021).

Государственная программа «Культурное наследие» (б) // Национальная б-ка Республики Казахстан. URL: http://www.nlrk.kz/index.php?option=com_content&view=article&id=645&catid=144&Itemid=518&lang=ru (дата обращения: 09.03.2021).

Государственная программа «Казахстана Мәдени мұра» («Культурное наследие») // История Казахстана. URL: <https://ehistory.kz/ru/first-president/show/12377/> (дата обращения: 09.03.2021).

Мажитов С. Ф. Национальный стратегический проект «культурное наследие» в контексте современной истории Казахстана // Институт археологии этнологии им. Ч. Ч. Валиханова. URL: https://iie.kz/?page_id=448&lang=ru (дата обращения: 09.03.2021).

Государственная программа «Мәдени мұра» («Культурное наследие») // «Тарих» – История Казахстана. URL: <http://tarikh-begalinka.kz/ru/history/independent/history/page3395/> (дата обращения: 09.03.2021).

«Мәдени Мұра» – Культурное наследие Казахстана // KAZPORTAL.KZ URL: <https://www.kazportal.kz/m-deni-m-ra-kulturnoe-nasledie-kazakhstan/> (дата обращения: 09.03.2021).

State Programs for the Preservation of the Cultural Heritage of the Republic of Kazakhstan

D. K. Zhanatayev

This article presents and studies the basis of the state program "Cultural Heritage" for the preservation of the cultural heritage of the Republic of Kazakhstan. By researching information on the Internet and processing it from articles, books and magazines, an overview of this significant program of our country will be clearly presented. The main aspect of the article is aimed at acquainting the reader with the program and demonstrating the most important results of the work done. Due to the requirements and certain rules, it will not be possible to fit all the information, therefore, I strongly recommend that each reader familiarize himself more extensively with all the programs of the state in any form that are in the public domain on the World Wide Web.

Keywords: cultural heritage, preservation, steppe, History.

Жанатаев Диас Кумырбаевич

студент 2-го курса

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева

e-mail: dias.zhanatayev.02@gmail.com

Zhanatayev Dias Kумыrbaevich

Student 2nd year

L. N. Gumilyov Eurasian National University

e-mail: dias.zhanatayev.02@gmail.com

Археологические памятники как ресурс регионального историко-культурного туризма (на примере Белозерского р-на Курганской области)

А. В. Ананьин

Курганский государственный университет, Курган, Россия

В современном мире туризм становится неотъемлемой частью жизни многих людей. Людей привлекают как природные богатства, так и историко-культурное наследие человечества. Важнейшей частью историко-культурного наследия являются археологические памятники как источники различной информации о прошлом человеческих обществ.

На данный момент актуальным является проблема сохранения и дальнейшего использования археологических объектов. Один из способов решения – использование археологического наследия в сфере туризма. Преобразование археологических материалов в ресурс для туризма можно осуществить благодаря их реконструкции.

Под реконструкцией понимается научно обоснованное восстановление утраченного/руинированного культурного или природного объекта либо его частей. Реконструкция может быть осуществлена в виде чертежа, макета, модели, реконструирования первоначального облика в натуре [Российская музейная энциклопедия]. Стоит упомянуть, что в настоящее время с развитием технологий получили распространение виртуальные реконструкции.

Белозерский р-он Курганской области является наиболее хорошо изученным в плане археологии. В результате многочисленных научных изысканий было выявлено большое количество различных археологических объектов: курганные могильники, поселения, стоянки, принадлежащие различным историческим периодам [Виноградов, 1993, с. 31–63].

Особый интерес представляет энеолитический памятник Савин-1, обнаруженный в 1982 г. Объект располагается на правом берегу р. Тобол, в 40 км к северу от г. Кургана и в 1 км северо-восточнее д. Бузан Белозерского р-на. Он занимает незатопляемую возвышенность (шириной 60 м и длиной 350 м) в широкой пойменной долине р. Тобол [Потемкина, Вохменцев, 1985, с. 236].

М. П. Вохменцев и Т. М. Потемкина первоначально интерпретировали памятник как поселенческий, но особенности его планиграфии, обнаружение остатков рвов глубиной от 0,4 до 1,2 м, следы столбовых конструкций, а также скопления костей диких животных и человеческие погребения позволили говорить о сакральной роли объекта.

В 1997 г. святилище было реконструировано с целью подтверждения его астрономического значения, что было успешно доказано и позволило говорить о том, что Савин-1 выполнял функции древней обсерватории [Потемкина, 1996, с. 21].

Изучение аналогичных памятников позволило говорить о том, что святилище Савин-1 является одним из наиболее восточных круглоплановых святилищ Евразии эпохи палеометалла и относится к категории вудхенджей.

Аналогичными памятниками на юге Западной Сибири являются Слободчики-1 и Велижаны-2. Общей чертой для них является круглоплановая архитектура, оформленная кольцевыми рвами и столбовыми конструкциями, а также их хронологическая принадлежность – эпоха раннего металла [Потемкина, 2014, с. 52].

Первая реконструкция была уничтожена (разобрана после завершения экспедиции). Однако уже спустя несколько лет был поднят вопрос о необходимости воссоздания уникального археологического объекта с целью, во-первых, привлечения внимания научного сообщества к древней обсерватории; во-вторых, создания площадки для

проведения мероприятий; в-третьих, повышения туристической привлекательности региона, создания уникального бренда «Савин».

В результате в 2019 г. КООО «Зауральское общество друзей истории, археологии и культуры» при поддержке КГУ было принято решение о проведении комплекса работ по реконструкции знакового памятника зауральской археологии – святилища Савин. Реконструкция проводилась при финансовой поддержке Фонда президентских грантов. К участию были привлечены специалисты из Ассоциации экспериментальной археологии «Археос» (г. Челябинск), Института проблем освоения Севера Тюменского научного центра СО РАН, а также первые исследователи памятника Т. М. Потемкина и М. П. Вохменцев.

Перед началом реконструкционных работ был принят ряд подготовительных мероприятий: были зафиксированы реперные точки, оцифрованы полевые чертежи и создан полноразмерный план. Опираясь на известные реперные точки, были вынесены в натуре все необходимые элементы, включающие рвы и месторасположение столбовых ямок. На основе полученных данных были воссозданы рвы, а в столбовые ямы установлены новые столбовые конструкции.

Помимо непосредственной реконструкции памятника, была необходима инфраструктура для удобства посещения и для обеспечения сохранности окружающего реконструкцию нераскопанного ОАН. Для этого была спроектирована система смотровых дорожек, которая начинается за 250 м от памятника и проходит через всю реконструкцию.

Уникальность проекта состоит в том, что, благодаря комплексу мер, удалось реконструировать сооружения непосредственно на месте раскопа, что позволило открыть первый в Курганской области музей под открытым небом.

Вместе с этим в Белозерском районном краеведческом музее оформлен тематический зал «Археология. Палеонтология. Савин», большая часть экспозиции которого посвящена археологическим объектам Белозерского р-на.

Не остались в стороне и современные технологии. На базе Белозерской центральной модельной библиотеки на основе полученных материалов созданы и проводятся 3D-экскурсии: «Святилище Савин» и «Тайны древних курганов».

Итогом проведенных работ на Савин-1 стало формирование нового туристического маршрута «Савин-1 – объект научно-познавательного туризма», разработанного Белозерским районным краеведческим музеем. Другими словами, археологический памятник трансформировался из объекта сугубо научного интереса в ресурс развития историко-культурного туризма.

В научном плане реконструкция памятника позволила привлечь внимание исследователей к проблематике круглоплановых святилищ. Продолжились исследования энеолитического памятника Слободчики-1, находящегося в 0,7 км северо-восточнее Савина. В рамках формирования раздела проекта об обеспечении сохранности объекта культурного наследия проводились неразрушающие исследования, в том числе и геодезическая, и геофизическая съемка, что позволило наметить перспективы для дальнейших исследований.

Значение нового музея для региона сложно переоценить. Дальнейшая работа, направленная на популяризацию археологического материала, способна как укрепить бренд

«Савин» на региональном уровне, так и вывести его на общероссийский уровень.

*Научный руководитель – Д. Н. Маслюженко
канд. ист. наук, доцент,
Курганский государственный университет*

Список литературы

Виноградов Н. Б. Археологическая карта Курганской области. Курган : Зауралье, 1993. 345 с.

Потемкина Т. М. Археoaстрономические объекты как один из источников изучения генезиса жречества // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху : материалы Междунар. конф. СПб., 1996. С. 20–24.

Потемкина Т. М. Святилища энеолита и бронзового века Западной Сибири, как источник астрономических знаний и космологических представлений в древности // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. 2014. № 2 (1). С. 50–89.

Потемкина Т. М., Вохменцев М. П. Раскопки в Курганской области // Археологические открытия 1983 года. М., 1985. С. 236–237.

Российская музейная энциклопедия. URL: <http://museum.ru/rme/dictionary.asp?132> (дата обращения: 7.03.2021).

Archaeological Sites as a Resource for Regional Historical and Cultural Tourism (on the Example of Belozersky District of Kurgan Region)

A. V. Ananyin

The article is devoted to the unique site of the Eneolithic period – Savin-1. The archaeological site is located on the territory of Belozersky district, Kurgan region. Savin-1 occupies an elevation in the Tobol river valley. In ancient times Savin-1 functioned as an observatory, was a place of worship for ancient people. The archaeological site was reconstructed in 2020 and an open-air museum was opened on its base. Reconstruction of the site allowed to attract the attention of researchers to the problems of round sanctuaries, as well as contributed to the development of regional historical and cultural tourism.

Keywords: Eneolithic period, cult place Savin-1, archaeological site, reconstruction, historical tourism, cultural tourism.

Ананьин Алексей Владимирович

студент 4-го курса
Курганский государственный университет
e-mail: wobas1999@gmail.com

Ananyin Aleksei Vladimirovich

Student 4th year
Kurgan State University
e-mail:wobas1999@gmail.com

УДК 908+316.72

Сохранение культурного наследия коренных малочисленных народов Севера в контексте государственной политики на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Е. Н. Девяткина

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия

На сегодняшний день, согласно законодательству, коренные малочисленные народы признаны особым субъектом правоотношений, нуждающимся в дополнительной поддержке и защите государства. В Ханты-Мансийском автономном округе – Югре принят ряд нормативных и правовых актов, регулирующих вопросы жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера.

Одним из показательных примеров деятельности органов государственной власти в вопросах взаимодействия с коренными народами является Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, представляющая собой систему принципов и приоритетов, направленных на решение задач социально-экономического и культурного развития малочисленных народов, регулирование межнациональных отношений, защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина. Стратегической целью Концепции является создание условий для устойчивого социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера на основе сохранения исконной среды обитания, традиционного образа жизни и культуры коренных малочисленных народов Севера [О Концепции устойчивого ... , 2011].

Вопрос сохранения территории (исконной среды обитания), имеющей историческую и хозяйственную ценность для коренных народов, сохраняющих традиционный бытовой уклад, тесно взаимосвязан с промышленным статусом автономного округа. Активное хозяйственное освоение территорий округа, связанное с добычей полезных ископаемых, начавшееся в 60-х гг. XX в., оказало значительное влияние на повседневную жизнь коренных малочисленных народов. Промышленное освоение территорий в той или иной степени сопровождается нарушением природно-экологического равновесия, а как следствие, в контексте рассматриваемого вопроса, происходит деформация природных ландшафтов, связанных с традиционным земле-

пользованием, имеющих в том числе историческую ценность.

Охрана природных ландшафтов, считающихся священными у коренного населения, закреплена в законе от 8 ноября 2005 г. № 92-оз «О святилищах коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре», согласно которому подобные территории должны быть признаны выявленным объектом культурного наследия автономного округа или включенным в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объекта культурного наследия автономного округа [О святилищах коренных ... , 2005].

В автономном округе продолжают проводиться мероприятия по формированию и постановке на государственную охрану достопримечательных мест, осуществляемые Службой государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (далее – Госкультухрана Югры) в рамках реализации государственных программ автономного округа. По состоянию на 1 января 2021 г. на территории округа государственной охране подлежат 55 достопримечательных мест, в отношении которых нормативными приказами Госкультухраны Югры утверждены границы и режим использования территорий, 44 из них созданы исключительно с целью сохранения священных мест коренного населения и исторического ландшафта, где предметом охраны помимо элементов природного ландшафта являются остатки культовых построек и предметов, а также культурный слой, содержащий артефакты [Достопримечательные места Югры ...].

Но несмотря на, казалось бы, существующую нормативно-правовую базу и мероприятия, реализуемые в данном направлении, возникают конфликтные ситуации, сторонами которых являются недропользователи и представители коренных малочисленных народов, где вопросы сохранения ландшафтов, имеющих историческую ценность,

обретают материально-финансовую оценку. Как показывает практика, подобное решение вопросов позволяет оказывать своего рода давление при принятии решения о передаче территорий недропользователям для их целей [Данилова, 2018].

Воздействие достигается также путем исключения или ограничения доступа к религиозно значимым компонентам культурного ландшафта – местам погребений, жертвоприношений, священным местам – природным (возвышенности, высокие берега, мысы, речные пески, священные роши, верховья рек и места слияния рек), священным лабазам, а также археологическим памятникам. Например, холм Ими-Яун – место молитвы восточных ханты – был скрыт при разработке карьера песка, несмотря на публичные возражения коренного населения [Вигет, Балалаева, 2014].

Таким образом, применительно к территориям, являющимся значимыми с хозяйственной и исторической точки зрения для коренных малочисленных народов и одновременно представляющим современный экономический интерес для региона и страны в целом, возникает серьезная проблема верного соотношения этих двух начал. Подчеркнем, что в любом случае нельзя упускать из виду особую роль характеризуемых территорий в формировании и сохранении – удержании в историческом времени этнической идентичности, ее ядра, самобытной культуры малочисленных народов и чувства уникальности местности. В условиях идущих в мире процессов глобализации и неумолимого «мультикультуралистского» радикализма, направленных на атомизацию народов, этносов, чреватых в итоге величайшей гуманитарной катастрофой, обозначенная нами проблема обретает особую актуальность, поскольку (по нашему убеждению) лишь формула единства многообразия, соборности предстает как выход из тупика. Отсюда

Maintenance of Cultural Heritage of the Indigenous People of North in the Context of State Policy on the Example of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Ugra

E. N. Devyatkina

This article is discussed the cultural heritage of indigenous people of the North in the context of national policy of Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Ugra. The article is also targeted to analyze the regional normative legal acts in the field of protection of cultural heritage and the measures implemented in this direction. To date, the formation of a national policy is one of the main measures aimed at preserving the cultural heritage of the region and individual ethnic groups. In addition, considering the measures for the preservation of cultural landscapes in the atmosphere of globalization and industrial development of the region. The preservation of natural landscapes with historical value, places of traditional land use and sacred places is considered on the example of creating a system of places of interest.

Keywords: cultural heritage, indigenous peoples of North, ethno culture.

Девяткина Екатерина Николаевна

аспирант 1-го года обучения

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

e-mail: ninedev@mail.ru

Deviatkina Ekaterina Nikolaevna

Postgraduate student 1st year

F. M. Dostoevsky Omsk State University

e-mail: ninedev@mail.ru

УДК 031(57)

Опыт и возможности «восстановления» наскальных изображений (по материалам коллекции каменных плит из фондов музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ)

М. П. Емельянцева

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

В настоящее время многие из памятников наскального искусства Сибири находятся в аварийном состоянии, а некоторые по разным причинам были частично или полностью утрачены. Существует множество факторов их деструкции, но наибольшие потери вызывает нарушение поверхностного слоя плоскости с петроглифами, вызванное отслоением скальной корки. Оно может происходить в силу различных обстоятельств, как природных, например вследствие сейсмической активности или нарушения береговой линии и подмыва основания скалы, так и антропо-

следует, что при формировании курса национальной политики в регионе в отношении культурного наследия необходимо ориентироваться на местные сообщества и их интересы, а промышленное освоение территорий должно осуществляться по принципу сбалансированного решения задач, с ориентацией на сохранение традиционных видов хозяйственной деятельности на исторически сложившихся территориях.

*Научный руководитель – В. Б. Шепелева
д-р ист. наук, профессор,
кафедра отечественной истории и политологии,
Омский государственный университет им.
Ф. М. Достоевского*

Нормативные правовые акты

О святынях коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре : закон Ханты-Мансийского АО – Югры от 8 ноября 2005 г. № 92-оз URL: <https://base.garant.ru/18919472/> (дата обращения: 05.03.2021).

О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры : постановление Правительства Ханты-Мансийского АО – Югры от 27 мая 2011 г. № 183-п URL: <https://base.garant.ru/19028435/> (дата обращения: 05.03.2021).

Список литературы

Вигет Э., Балалаева О. Э. Нефть, маргинализация и восточные ханты // Сибирские исторические исследования. 2014. № 4. С. 38–72.

Данилова Е. Н. Земля покровителя Большого Югана на грани перемен // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск ; Ханты-Мансийск, 2018. Вып. 16. С. 124–140.

Достопримечательные места Югры: Служба государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. URL: <https://nasledie.admhmao.ru/dostoprimechatelnye-mesta-yugry/> (дата обращения: 01.03.2021).

лись вниз по склону. Так, в одном из скоплений в разное время были найдены два отдельно лежащих камня с изображениями копытных животных и антропоморфных фигур, одна из которых выбита в грибовидном головном уборе. Прорисовки этих камней удалось соединить, тем самым восстановив неизвестную ранее композицию [Дэвлет, Миклашевич, Мухарева, 2009, с. 214; 2012, с. 270]. В качестве другого примера можно привести петроглифы на утесе Городовая Стена (Красноярский край). Всего за несколько десятилетий, между 1983 и 2012 гг., от скального массива отделились три крупных каменных блока с петроглифами. Это связано с тем, что воды Красноярского водохранилища периодически затапливают и подмывают нижние ярусы памятника, оставляя без опоры верхние блоки, что приводит к их падению [Мухарева, 2016, с. 146].

В настоящее время заслуживает внимания опыт исследователей наскального искусства по «восстановлению» первоначального вида и месторасположения утраченных изображений. Можно привести немало примеров, когда среди осыпей на склоне горы или под самой плоскостью находили отслоившиеся фрагменты скальной корки с петроглифами, которые впоследствии были склеены и переданы в фонды музеев. Например, во время полевых исследований писаницы Тус (Хакасия) в 1969 г. Н. В. Нащокиным были найдены два «камня» с рисунками. С одной из плоскостей, находящейся в аварийном состоянии, Н. В. Нащокин снял отслаивающуюся скальную корку и собрал выпавшие фрагменты (камень № 2 по Н. В. Нащокину), а у подножья скалы обнаружил расслоившуюся на три части плиту с гравированным изображением шамана, держащего бубен (часть камня № 4 по Н. В. Нащокину) [Заика, Пахомова, Фокин, 2018, с. 32]. Обе находки были переданы в фонды Красноярского краеведческого музея. Плита с изображением шамана впервые была склеена еще Н. В. Нащокиным, но с течением времени рассыпалась и только в 2018 г. была повторно «собрана» А. Л. Заикой и С. М. Фокиным [Там же, с. 34]. Отслоившиеся фрагменты скальной корки камня № 2 также были склеены и скопированы на микалентную бумагу в 2014 г. [Там же, с. 37]. Таким образом, даже при отсутствии некоторых фрагментов удалось восстановить значительную часть сложной, изобилующей палимпсестами композиции с изображениями зоо- и антропоморфных фигур, предметов обихода и вооружения.

Показателен также пример реконструкции таштыкских гравировок, представленный в старой экспозиции Хакасского национального краеведческого музея. Отсло-

ившиеся фрагменты скальной корки также были собраны В. Ф. Капелько и Н. В. Леонтьевым под плоскостью с петроглифами на оз. Тус [Миклашевич, 2011, с. 92], которые демонстрируют одну из ярких сцен в искусстве данного периода.

Также необходимо упомянуть найденные под плоскостью горы Большой Сибигур (Красноярский край) множественные фрагменты отслоившейся скальной корки (более 300 фр.), из которых было составлено несколько более крупных фрагментов, благодаря чему удалось частично восстановить сохранившуюся на плоскости композицию [Мухарева, 2019, с. 240].

В последние годы подобная работа осуществляется на материалах коллекции каменных плит из фондов музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ, собранных в разные годы с различных памятников [Миклашевич, Мухарева, 2011, с. 64]. И хотя консервационные и ремонтные мероприятия музеев начал проводить не так давно, некоторый опыт уже накоплен. Так, в 2016 г. были склеены каменная плита из Оглахты с изображениями антропоморфных фигур, состоящая из двух фрагментов, а также плита из тагарской могилы (памятник неизвестен), состоящая из 15 фр.; а в начале 2020 г. – два фрагмента сланцевой плитки из Горного Алтая с изображением козла [Емельянцева, 2020, с. 147].

Кроме того, в декабре 2020 г. автором были склеены фрагменты скальной корки с тончайшими гравированными линиями, найденные у подножья одной из плоскостей горы Яновской (Красноярский край) в 2017 г. [Мухарева, 2018, с. 33]. Изначально из поступивших в музей фрагментов были выбраны те, которые совмещались между собой. Их оказалось 4, и почти на всех были гравированные линии. В ходе работы использовался клей EPOX 5000 Premium Line Bellinzoni, который наносился на боковую грань кусочков тонким слоем, чтобы избежать выхода клея на лицевую поверхность. Стоит отметить, что поскольку в некоторых местах толщина кусочков составляла 2–4 мм, работа требовала аккуратности и немалой точности. После этого склеенный фрагмент был сфотографирован, в программе Adobe Photoshop CS6 по фотографии была сделана его прорисовка (рис., 2), которую удалось совместить с прорисовкой изображения, оставшегося непосредственно на плоскости (рис., 1). В результате склеенные кусочки скальной корки позволили частично восстановить гравированную композицию изображениями коня и идущего впереди человека.

Рис. Реконструкция фрагмента наскальной композиции горы Яновской (Новоселовский район Красноярского края): 1 – частично сохранившееся на плоскости изображение коня; 2 – фрагмент из фондов музея КемГУ (ВА, 43/110), состоящий из четырех отслоившихся кусочков скальной корки, склеенных между собой

Таким образом, совмещение когда-то отслоившихся от плоскости фрагментов скальной корки с петроглифами позволяет частично или полностью восстанавливать уникальные, утраченные с течением времени наскальные изображения, пополняя ими не только музейные собрания, но и источниковую базу для дальнейших научных исследований.

*Научный руководитель – А. Н. Мухарева
канд. ист. наук, доцент,
кафедра археологии,
Кемеровский государственный университет*

Список литературы

- Дэвлет Е. Г. Памятники наскального искусства: изучение, сохранение, использование. М. : Научный мир, 2002. 256 с.
- Дэвлет Е. Г., Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н. Новейшие полевые исследования петроглифов Чукотки // Вестн. Рос. гуманит. науч. фонда. 2009. № 3 (56). С. 213–223.
- Дэвлет Е. Г., Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н. Материалы к своду петроглифов Чукотки (изображения в скоплениях I–III на Кайкульском обрыве) // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. М. ; Кемерово, 2012. С. 203–283. (Труды САИПИ. Вып. IX).
- Емельянцева М. П. Коллекция каменных плит с петроглифами из фондов музея КемГУ: проблемы хранения и опыт консервации // Актуальные вопросы истории, международных отношений, политических

наук и туризма : материалы симпозиума в рамках XV Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Кемерово, 2020. Вып. 21. С. 146–148.

Заика А. Л., Пахомова Т. А., Фокин С. М. Спасенные петроглифы озера Тус // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск, 2018. Вып. IX. С. 32–43.

Миклашевич Е. А. Выявление новых изображений на изученных памятниках наскального искусства. Неизвестные петроглифы Суханихи // Археология Южной Сибири. К 80-летию Я. А. Шера. Кемерово, 2011. Вып. 25. С. 91–106.

Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н. Коллекция каменных плит с петроглифами в фондах музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета // Музей и наука. К 35-летию музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета : материалы Междунар. науч. конф. М. ; Кемерово : Кузбассвузиздат, 2011. 304 с.

Мухарева А. Н. Писаница на утесе Городовая стена: история изучения и современное состояние // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения) : материалы Междунар. конф. Кемерово, 2016. С. 144–147.

Мухарева А. Н. Исследование петроглифической экспедиции музея-заповедника «Томская Писаница» // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». Кемерово, 2018. Вып. 7. С. 26–35.

Мухарева А. Н. Петроглифы горы Большой Сибигур на Енисее // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства (2). Памяти Е. Г. Дэвлет. Кемерово, 2019. С. 237–256. (Труды САИПИ. Вып. XII).

Experience and Possibilities of “Restoration” of Rock Carvings (Based on Materials from the Funds of the Museum “Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia” of the KemSU)

M. P. Emelyantseva

The article is devoted to the problem of destruction of rock art sites in Siberia and possibilities of restoration of the lost rock carvings. Also, it describes the experience of different researchers in the field. On the basis of materials of the petroglyphic collection from the funds of the Museum of the Kemerovo State University, the author shows the technology of restoring lost images. Besides, great attention is paid to significance of the conservation and restoration works carried out by museum.

Keywords: rock art sites, Siberia, petroglyphs, rock carvings, restoration of the lost images, the Museum of KemSU.

Емельянцева Мария Павловна

студент 3-го курса

Кемеровский государственный университет

e-mail: emelyantseva.maria@yandex.ru

Emelyantseva Maria Pavlovna

Student 3rd year

Kemerovo State University

e-mail: emelyantseva.maria@yandex.ru

УДК 39(571.53)

Этнографические элементы в деятельности Дома ремесел и фольклора

З. Ч. Ухинов^{1,2}, В. В. Коваленко²

¹Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

²Музей истории города Иркутска им. А. М. Сибирякова, Иркутск, Россия

Дом ремесел и фольклора (далее – ДРиФ) является филиалом Музея истории города Иркутска им. А. М. Сибирякова. 29 декабря 2009 г. на базе Музея истории города Иркутска был открыт четвертый филиал «Дом ремесел». Это стало возможным благодаря реализации муниципальной целевой программы «Сохранение, возрождение и развитие традиционной народной культуры в г. Иркутске. 2008–2011 гг.», принятой городской думой в 2009 г. [Рубаненко, 2016, с. 195]. В 2017 г. к названию «Дом ремесел» добавили «и фольклора» с целью расширения функций в сторону народного устного творчества.

Главной задачей ДРиФ является создание ремесленно-методического объединения мастеров, заинтересованных в развитии народного творчества и художественных ремесел в г. Иркутске, оказание им помощи и поддержки в профессиональном росте и передаче накопленного опыта молодому поколению.

Задачи, которые выполняет ДРиФ:

– изучение и практическое освоение традиционных технологий обработки материалов и изготовления изделий декоративно-прикладного творчества и художественных ремесел;

– создание информационного банка данных о мастерах и направлениях развития традиционных ремесел в г. Иркутске;

– организация работы научно-методического центра для проведения семинаров, курсов, консультаций для населения города и области;

– создание условий для общения, объединения и творческого развития самобытных, талантливых народных умельцев;

– помощь молодым гражданам Иркутска и всем желающим в овладении навыками художественного творчества;

– организация и проведение занятий, мастер-классов, семинаров, творческих лабораторий, практикумов;

– экспозиционно-выставочная (персональные, тематические, по видам и жанрам декоративно-прикладного творчества и пр.), экскурсионная, просветительская работа среди различных слоев населения города и области не только в собственном здании, но и в школах, музеях, библиотеках, на экспериментальных площадках, в любительских семейных академиях ремесел;

– экспедиционно-исследовательская (полевая) и архивно-изыскательская работа по изучению традиционных ремесел в г. Иркутске и Прибайкальском регионе, фольк-

лорно-этнографических традиций городского населения Иркутска;

– создание творческих коллективов (фольклорного, театрално-этнографического и народной песни) с целью организации народных праздников, обрядов, фестивалей, ярмарок, познавательных-развлекательных программ для разновозрастной аудитории;

– мониторинг деятельности художественно-творческих мастерских Дома ремесел и фольклора и отдельных мастеров-прикладников.

На базе Дома ремесел и фольклора действуют творческие мастерские:

– «Степашка» – гончарное дело, декоративная керамика, мелкая пластика, роспись по керамике, обжиг глины в муфельной печи. Изготовление глиняных антропоморфных и зооморфных игрушек-свистулек;

– «Золотой конек» – художественная обработка древесины (роспись по дереву, резьба по дереву, работа с берестой, деревянная игрушка, деревянная уличная скульптура);

– «Макошь» – ручное ткачество на кроснах, на бердо, плетение на «дощечках» и булавах, народный костюм, плетение из лозы и соломки, каркасная и шитая текстильная кукла, лоскутное шитье, кружевоплетение на коклюшках, спицах и крючком. Например, куколка-скрутка, как и в старину, делается без сшивания, только из лоскута ткани, кусочка ваты и ниток [Магия настоящего дела ... , 2019, с. 22]. Часто эти простые куклы-обереги посетители изготавливают на мастер-классах;

– «Радуга» – валяние шерсти сухим и мокрым способом (художественный войлок), художественная вышивка, рисовальная гладь, бисероплетение.

В ДРиФ есть мастер-методист по фольклору, который знакомит посетителей с устным народным творчеством (например, народные песни «Как вставала я ранешенько», «Где же ты был, мой черный баран?», «А я по лугу...» и

др.; хороводы «Во саду ли, в огороде», «Ой весна красна», «Пришла к нам масленица» и др.; детские массовые игры «Зайнышка», «Камешки», «Горелки», «Рыжая лисица», «Коза» и др.).

Народные массовые мероприятия – это универсальный способ сохранения фольклора. ДРиФ организует и проводит старинные обряды и праздники народного календаря – Рождество, Масленицу, Пасху, Троицу, Осенние Спасы, Иркутские капустки, вечорки [Магия настоящего дела ... , 2019, с. 16]. ДРиФ стал своеобразным образовательно-методическим центром и проводит семинары-практикумы по народной культуре. На семинары в качестве преподавателей приглашаются специалисты из разных образовательных учреждений и городов страны.

Мастерские разделены между собой по видам декоративно-прикладного творчества. Для деятельности мастерских мастерами-методистами привлекаются обширные этнографические материалы.

ДРиФ – это современная универсальная модель музея нового типа, уникальный центр самобытной народной культуры, предназначенный для возрождения, сохранения и распространения лучших образцов народного творчества, ремесел и фольклора. Посетители имеют возможность не только познакомиться с выставочными образцами изделий народных промыслов и ремесел, сувенирной продукцией, но и принять участие в их изготовлении. ДРиФ является уникальным и самобытным центром культуры по возрождению, сохранению, распространению и научному осмыслению традиционных ремесел.

Список литературы

Магия настоящего дела: информационно-художественный фотоальбом / сост. Л. Г. Эверстова, Н. В. Соколов. Иркутск, 2019. 164 с.

Рубаненко Л. Н. Исторический очерк Музея истории города Иркутска им. А. М. Сибирякова // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. 2016. Т. 16. С. 183–200.

Ethnographic Elements in the Work of the House of Crafts and Folklore

Z. Ch. Ukhinov, V. V. Kovalenko

The “House of Crafts and Folklore” is a branch of the “Museum of the History of the City of Irkutsk named after A. M. Sibiriyakov”. The main task is the creation of methodological associations of artisans, the development of folk art and artistic crafts in the city of Irkutsk. The workshops are classified according to the principle of dividing by types of arts and crafts. In the “House of Crafts and Folklore” there are creative workshops: “Stepashka” pottery, decorative ceramics; “Golden Horse” wood painting, wood carving; “Makosh” hand weaving on crochet, reed and folk costume; “Rainbow” artistic embroidery, drawing surface. The workshops are classified according to the principle of dividing by types of arts and crafts. For the activities of the workshops, the master-employees draw on extensive ethnographic materials.

Keywords: folklore, folk culture, crafts, traditional holidays, workshops.

Ухинов Зорикто Чимитдоржиевич

стажер-исследователь

Научно-исследовательский центр «Байкальский регион»

Иркутский государственный университет

младший научный сотрудник

Музей истории города Иркутска им. А. М. Сибирякова

e-mail: zorikto-ukhinov@mail.ru

Ukhinov Zorikto Chimitdorzhievich

Trainee Researcher

Scientific Research Center “Baikal region”

Irkutsk State University

Junior Researcher

A. M. Sibiriyakov Museum of the History of Irkutsk

e-mail: zorikto-ukhinov@mail.ru

Коваленко Валерия Владимировна

младший научный сотрудник

Музей истории города Иркутска им. А. М. Сибирякова

e-mail: terifeleni@gmail.com

Kovalenko Valeria Vladimirovna

Junior Researcher

A. M. Sibiriyakov Museum of the History of Irkutsk

e-mail: terifeleni@gmail.com

Некоторые объекты культурного наследия Республики Тыва

А. А. Доржу

Тувинский государственный университет, Кызыл, Россия

Защита памятников и объектов историко-культурного наследия – одна из функций современного государства, такая же, как и популяризация их среди населения. Впервые на территории Тувы объекты культурного наследия местного значения были приняты на государственную охрану постановлением от 5 апреля 1977 г. № 152 «О мерах охраны памятников истории и культуры Тувинской АССР». В дальнейшем, постановлением от 6 марта 1984 г. № 93 «О создании при Министерстве культуры Тувинской АССР производственной группы по охране и использованию памятников истории и культуры и утверждению списка памятников истории и культуры местного значения» список памятников Тувы был дополнен [Доржу, Ондар, 2016].

В городе Кызыле 17 зданий и сооружений отнесены к объектам культурного наследия. Они внесены в единый государственный реестр недвижимости как имеющие историческую ценность.

Более подробно в статье акцентируется внимание на трех объектах культурного наследия, находящихся на территории г. Кызыла, так как они, несомненно, являются ценными объектами регионального значения.

В настоящее время в столице Республики Тыва в г. Кызыле редко встречаются дома, которые были построены при образовании города, в основном они расположены на ул. Ленина.

С 1924 г. при большой помощи СССР развертываются строительные работы по возведению новых зданий. В начале 30-х гг. XX в. г. Кызыле было всего 4 улицы: им. Ленина, Красных Партизан, Щетинкина-Кравченко, Кочетова. Деревянные дома города были построены из бревен по всем канонам русского сибирского зодчества. Бревна для строительства брали крупные, оклады окон делали массивными. Большинство домов облицовывали еще доской. Из Красноярска, Томска и других сибирских городов в Туву приезжали строители, начавшие в 1914 г. застройку Белоцарска [Кужугет, 2012].

Первый объект – это «Дом, где в июле 1921 г. проходила первая тувинская конференция членов РКП(б), на котором избрано оргбюро районной организации РКП(б), Первым председателем был тов. Чугунов Я. С.». Он построен в 1914–1915 гг., вскоре после включения Урянхайского края в состав России и основания г. Кызыла.

Первый его владелец – купец Гусев, русский переселенец, торговавший лошадьми по всему Урянхайскому краю. В 1921 г. дом перешел в собственность купца Хабибуллина Рунбаева, которому принадлежал вплоть до 1937 г.

В разные годы в этом доме размещались следующие учреждения:

- в 1920-х – начале 1930-х гг. – полпредство СССР;
- в кон. 1940-х гг. – детская больница;
- в 1960-х гг. – Тувинская государственная филармония;
- с 1976 г. вплоть до настоящего времени оно занято конторскими помещениями «Союзпечати» (ныне ООО «Тывапечать»). В декабре 1925 г. здесь проходил первый съезд Тувинского революционного союза молодежи. Деревянный одноэтажный с мезонином дом, построенный в 1914 г.

Пространственную композицию здания составляют два объема: основной (включающий дом 1910-х гг. и пристройку 1930-х гг.), повышенный по центральной оси узким мезонином, и низкая пристройка под самостоятельной крышей. Здание является памятником истории, имеет также историко-архитектурную ценность как памятник первоначальной, ныне практически утраченной, жилой застройки города начала XX в.

Другой объект, «Здание, в котором размещалось представительство СССР в ТНР», сохранилось в удовлетворительном состоянии, но все еще функционирует. Оно имеет важное значение в истории Тувы.

Памятник истории и культуры расположен в центральной части г. Кызыла на углу ул. Красных Партизан и ул. Чульдум. Это небольшое одноэтажное здание с необычными двумя ярусными куполами и четырьмя массивными колонами на западном фасаде, что необычно для Тувы в то время, так как Кызыл строился с нуля. Северное крыло было построено, предположительно, в 1910-х гг., а в 1936 г. здание было увеличено пристройкой вдоль ул. Чульдум.

Здание изначально имело административную функцию: здесь размещалось Переселенческое управление, ведавшее обустройством русских крестьян, приток которых из-за Саян значительно усилился после принятия Урянхайского края под протекторат Российской империи в 1914 г.

Здание Переселенческого управления уцелело от большого пожара в августе 1919 г. и с 1921 г. в нем разместился Исполком Русской самоуправляющейся колонии Танну-Тува (далее – РСТК), образованной в 1921 г. XII краевым съездом русского населения Тувы. РСТК просуществовали более 10 лет.

С 1933 по 1944 г. в здании размещалось полпредство СССР. С этим связана его перестройка. В 1936 г. оно было увеличено большой пристройкой с южной стороны, которая существенно изменила объем и конфигурацию плана, получившего Г-образную форму, а также повлекла за собой переориентацию главного фасада, которым стал теперь оформленный портиком западный фасад по ул. Чульдум.

С середины XX в. в здании размещались учреждения здравоохранения: сначала медицинское училище, а позже, вплоть до настоящего времени, Республиканская станция переливания крови.

В 2016 г. на заседании Республиканского экспертного совета при главе Республики Тыва по особо ценным объектам культурного наследия было принято единогласное решение отнести данный памятник регионального значения к особо ценным объектам.

Третий объект «Здание первой электростанции, построенное советским правительством в дар тувинскому народу, 1925 г.» расположен на старейшей улице г. Кызыла – на ул. Ленина. Примечательной в архитектуре данного здания является передняя часть фасада, левая часть которого выполнена в виде полукруга, а правая – в виде усеченного треугольника. Здание является памятником истории становления Тувинской Народной Республики и развития ее отношений с СССР.

Первая электростанция была построена советским правительством в дар тувинскому народу. Во главе строительства электростанции стоял инженер Шустер. Никто тогда и не помышлял тянуть линии из-за Саян в Туву. Станцию торжественно открыли 1 октября 1925 г. 16 октября впервые в Туве зажглась «лампочка Ильича» – дала первый ток электростанция небольшой мощности, построенная советским консульством, на ул. Ленина, дом № 27.

Кызыльская электростанция имела большое культурное и промышленное значение. Работала круглосуточно. Обеспечивала электроэнергией школы, больницу, клубы, театр, учреждения, радио, связь, кино, промышленные предприятия и население столицы республики.

Электростанция (небольшое одноэтажное здание) была единственным каменным строением города, все остальные были деревянные.

Проработала электростанция до 1938 г., когда в Кызыле была построена и введена в эксплуатацию новая электростанция. Здание первой электростанции сохранилось и поныне. В 1940 г. в него переселилась библиотека им. Пушкина, которая находится там же до сих пор.

Таким образом, свою историческую и архитектурную ценность имеют все перечисленные объекты, которые необходимо содержать в удовлетворительном состоянии. Они уникальны и связаны с определенными историческими событиями. Необходимо также популяризовать сохранение культурного наследия у молодежи, ведь связь поколений будет оставаться прочной, пока молодые физически

ощущают памятники той истории. Сохранение исторических объектов также важно для человеческого самосознания, население будет ощущать себя частью истории города.

*Научный руководитель – Е. В. Айыжы
канд. ист. наук, доцент,
кафедра всеобщей истории, археологии и документоведения,
Тувинский государственный университет*

Список литературы

Доржу З. Ю., Ондар О. Н. Историческое и культурное наследие Тувы и его государственная охрана в начале XXI в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, № 4. С. 99–104.

Кужугет А. К. Проблемы сохранения архитектурного облика старого Кызыла // Новые исследования Тувы. 2012. № 4. С. 113–118.

Some Objects of Cultural Heritage of the Republic of Tuva

A. A. Dorzhu

The article describes and lists the monuments of historical significance in the Republic of Tuva, a subject of the Russian Federation. Here, tree buildings from the list are described in detail. This is the “House where in July 1921 the first Tuvan conference of members of the RCP(b) was held, at which the organizing bureau of the regional organization of the RCP(b) was elected. Chugunov Y. S.”, “The building that housed the USSR representation in the TNR” and “The building of the first power plant, built by the Soviet government as a gift to the Tuvan people, 1925”. They are important because they have a unique architecture as well as a curious history of creation. By the example of these monuments, the significance of cultural objects is explained, as well as the importance of popularizing knowledge about objects of historical and cultural heritage. Preservation and protection of cultural heritage is a significant event of the modern state.

Keywords: cultural heritage, building, monuments, protection, history, decree.

Доржу Аян Артурович

студент 4-го курса

Тувинский государственный университет

e-mail: dorzhyayan@mail.ru

Dorzhu Ayan Arturovich

Student 4th year

Tuva State University

e-mail: dorzhyayan@mail.ru

УДК 069.01:902

Разработка тематической экскурсии по археологии Западного Приамурья на базе музея археологии БГПУ

А. В. Мусиенко, Э. В. Лавриненко, Н. Е. Очкуров

Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск, Россия

Музейное дело играет огромную роль в педагогической деятельности. Музейная педагогика как научная дисциплина занимается культурно-просветительской деятельностью среди учащихся общеобразовательных организаций и студентов высших учебных заведений. Ключевым направлением в данном случае является проведение тематических экскурсий.

В настоящее время работниками музеев, образовательных и научных организаций активно внедряются новые методики и программы, направленные на расширение кругозора и конкретизацию знаний музейной аудитории. При работе с музейными экспонатами в рамках учебного процесса происходит реализация принципа наглядности [Кузина, 2013, с. 106].

В 2006 г. на базе БГПУ был создан единый музейный комплекс, в состав которого входят 5 музеев: музей археологии им. Б. С. Сапунова, музей геологии, музей-гербарий, зоологический музей и литературно-краеведческий музей им. А. В. Лосева [Шеломихин, 2014, с. 97]. С 2020 г. идет сбор экспонатов и формирование музейных фондов для музея истории БГПУ.

В сентябре 2000 г. свою работу начал музей археологии, которому позже было присвоено имя профессора Б. С. Сапунова [Шеломихин, Болотин, 2020, с. 44]. В основе коллекций музея лежат артефакты разных исторических эпох (от палеолита до XIX в.). Большая часть экспонатов была найдена сотрудниками и студентами БГПУ в ходе археологических раскопок на территории Амурской области начиная с 1961 г. До сих пор музейная коллекция периодически пополняется новыми экспонатами.

В высших учебных заведениях роль музеев увеличивается – они играют роль определенных научных центров, в которых преподаватели, научные сотрудники и студенты могут проводить совместные научные исследования. Кроме того, на базе археологического музея регулярно проводятся лекционные и семинарские занятия по таким дисциплинам, как «История», «Археология», «Этнология», «Основы архивоведения и музееведения» и «История Дальнего Востока России». Так, например, в рамках лекции по теме «Древние народы Западного Приамурья» на примере экспонатов музея студентам демонстрируются орудия труда, предметы быта и основные элементы духовной культуры амурских этносов эпох камня, палеометалла и средневековья.

Более углубленно об археологическом наследии Амурской области можно говорить часами, поэтому рекомендуется ограничить тему каким-либо одним хронологическим периодом. В нашем случае можно обратиться к эпохе средневековья.

Музейный стенд по средневековой археологии Амурской области представлен артефактами 4 археологических культур – михайловской (III–X вв.), мохэской (VII–XII вв.), амурских чжурчжэней (X–XII вв.) и владимировской (XIII/XIV–XVII вв.). Следовательно, экскурсию рационально будет поделить на 4 тематических блока, посвященных каждой из археологических культур.

Разрабатывая для студентов тематическую экскурсию «Средневековая археология Западного Приамурья», в первую очередь, необходимо определить ее цель, т. е. то, ради чего экскурсантам демонстрируются экспонаты. Относительно педагогического университета главной целью

будет продолжение процесса формирования широкого перечня универсальных компетенций у студентов. Экскурсия должна помочь студентам получить ясное представление о том, где, когда и как происходили те или иные события, связанные с древней историей Амурской области. В некоторых случаях необходимо применять описательный и сравнительный методы [Жакина, 2017, с. 217]. Последний необходим для того, чтобы проследить эволюцию и динамику этнокультурной ситуации, происходившей на Амуре в III–XVII вв.

Тематическая экскурсия начинается с подготовительного этапа, в рамках которого проходит закрепление компетенций УК-2 и ОПК-8 в части формирования организаторских способностей и навыков проведения занятия [Об утверждении федерального ... , 2016].

Структурно занятие начинается с краткой характеристики эпохи средневековья в Западном Приамурье и на сопредельных территориях. Первая экспозиция «Раннее Средневековье» дает студентам представление о быте носителей михайловской и мохэской культур. Обратив внимание на сосуды, можно проследить эволюцию керамической технологии от носителей михайловской культуры до триоцкой группы мохэ. В частности, следует заострить внимание на ложно-текстильном орнаменте, который выполнен роликовым штампом или молоточком с соответствующей сетчатой структурой. Если михайловцы наносили «вафельный» орнамент на свои сосуды не только с целью их украсить, но и для улучшения обжига, то триоцкие мохэ, используя этот же технологический прием, после обжига затирали орнамент, для того чтобы их сосуды не напоминали михайловские.

Рассказывая студентам о михайловской культуре, особый упор следует сделать на вопросах ее этногенеза, поведав о двух точках зрения, господствующих в современной дальневосточной археологии: 1) С. П. Нестеров, опираясь на китайские летописи, называет носителями михайловской культуры северных шивэй (бэй, бо и шэньмода) [Нестеров, 1995, 2008]; 2) Д. П. Болотин, в свою очередь, указывал на преемственность керамических традиций михайловцев от урило-польцевского населения и талаканской культуры раннего железа [Болотин, 1999, 2001].

Для того чтобы студенты сами могли почувствовать себя исследователями, а также с целью формирования у них компетенций, связанных с формированием критического мышления и способности осуществлять духовно-нравственное воспитание, можно предложить им самим выбрать определенную точку зрения. Одна часть должна будет сравнить современную карту Приамурья и карту, составленную согласно династийным хроникам. Другая же часть попытается изучить морфологию сосудов урильской, талаканской и михайловской культур.

Во время рассказа про мохэскую культуру необходимо отметить, что именно ее мы можем соотнести с конкретным этносом. Однако следует учитывать, что в Амурской области существуют две локальные группы: найфельдская (хэйшуй мохэ) и триоцкая (сумо мохэ, ассимилировавшие михайловцев). Помимо этих двух племенных союзов, в «Бэй ши» упоминаются еще пять [Хао Цинъюнь, 1995, с. 102]. Студентам во время работы с картой необходимо соотнести локальные группы и племенные союзы, которые упоминаются в летописи «Бэй ши».

Также следует сказать о том, что часть археологических памятников, где были найдены артефакты мохэской культуры, являются грунтовыми могильниками. Из чего можно сделать вывод о разнообразии духовной жизни племен мохэ.

Переходя к стенду «Развитое Средневековье», студенты могут познакомиться с археологической культурой амурских чжурчжэней. Чжурчжэни были первыми в Приамурье, кто стал изготавливать керамику при помощи гон-

чарного круга, оставляя при этом на сосудах специальные знаки – тамги. Информацию о духовной жизни чжурчжэней можно узнать, благодаря бронзовому ритуальному зеркалу-толи, которым украшали костюмы шаманов [Болотин, Корнейчук, 2001]. Студентам задается историческая задача о предназначении этого зеркала, на который они должны будут дать развернутый и аргументированный ответ.

Стенд «Позднее Средневековье» иллюстрирует материальную и духовную культуру носителей владимировской археологической культуры. Помимо керамических сосудов, костяных предметов быта и бронзовых украшений, данная экспозиция представляет интерес двумя экспонатами: бронзовой фигуркой буддийского божества Бала-Кришна (Ваджрапани) [Болотин, Шеломихин, 2015; Болотин, Кухаренко, Шеломихин, 2020] и фрагментом группового захоронения из Прядчинского могильника (конец XIV – начало XV вв.).

Студентам дается два задания:

- 1) решить историческую задачу, связанную с интерпретацией скульптуры буддийского божества;
- 2) гипотетически определить по антропологическим признакам возраст, пол и расу человеческих останков в захоронении.

Военное дело средневековых племен Западного Приамурья студенты узнают после изучения палашей, удил, стремлян, наконечников копий и стрел, колец для стрельбы, кинжалов, элементов поясного набора, а также костяных и железных латных пластин.

Специфика и направленность педагогического университета подразумевает под собой и тесное сотрудничество с общеобразовательными организациями. Данное взаимодействие взаимовыгодно для школ в части разнообразия использования материально-технического оснащения вуза и достижения универсальных учебных целей и задач. Также для обучающихся старшего звена это может быть и важным аспектом профессионального самоопределения и выбора будущей сферы деятельности.

Для университета данное сотрудничество позволяет вывести на новый уровень систему наставничества, в рамках которой студенты на практической основе, освоив методику подготовки и проведения экскурсионных мероприятий, смогут совершенствовать свои общепрофессиональные навыки.

Реализация данного сотрудничества наиболее целесообразна в рамках внеурочной деятельности, что позволяет выделить часы в учебном плане для заинтересованных детей, а также финансово мотивирует организаторов данных экскурсий.

Музейная педагогика играет важную роль в формировании критического мышления студентов-историков. На примере экспозиции Археологического музея им. Б. С. Сапунова студенты знакомятся с эпохой Средневековья Западного Приамурья и обобщают ранее изученный материал. Разработка тематических экскурсий по археологии позволяет наглядно погрузить студентов и школьников в исторический материал и реконструировать структуры повседневности, характерные для той или иной эпохи и культуры.

*Научный руководитель – О. А. Шеломихин
канд. ист. наук, начальник музейного комплекса БГПУ,
заведующий кафедрой истории России и специальных исторических дисциплин,
Благовещенский государственный педагогический университет*

Источники

Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) (уровень бакалавриата): приказ Минобрнауки России от 09.02.2016. № 91 М., 2016.

Список литературы

- Болотин Д. П. Проблемы генезиса михайловской культуры Приамурья // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск, 1999. Вып. 2. С. 109–120.
- Болотин Д. П. Формирование раннесредневековой михайловской культуры бассейна Среднего Амура // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2001. С. 49–54.
- Болотин Д. П., Корнейчук Е. Н. Чжурчжэньское зеркало со Среднего Амура // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск, 2001. Вып. 3. С. 147–153.
- Болотин Д. П., Шеломихин О. А. Скульптура Ваджрапани из фондов лаборатории археологии и этнографии БГПУ // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Благовещенск, 2015. Вып. 5. С. 15–18.
- Болотин Д. П., Кухаренко С. В., Шеломихин О. А. Новые факты о скульптуре Бала Кришны из лаборатории археологии БГПУ // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Благовещенск, 2020. Вып. 10. С. 27–36.
- Жакина А. А. Требования для разработки тематических экскурсий // Молодежь в науке и творчестве: материалы Междунар. науч. форума обучающихся. Гжель, 2017. С. 216–218.
- Кузина Н. В. Основы музееведения: учеб. пособие. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского гос. ун-та, 2013. 151 с.
- Нестеров С. П. Северные шивэй в Приамурье // Традиционная культура Востока Азии: археология и культурная антропология. Благовещенск, 1995. С. 105–122.
- Нестеров С. П. Михайловская культура на Амуре (дискуссионные аспекты) // Тунгусо-маньчжурская проблема. Владивосток, 2008. С. 98–100.
- Хао Цинъюнь. Мохэ и локальные варианты их материальной культуры // Традиционная культура Востока Азии: археология и культурная антропология. Благовещенск, 1995. С. 101–105.
- Шеломихин О. А. Музейная коллекция как средство обучения // Чтения памяти профессора Александра Александровича Сидоренко. Благовещенск, 2014. Вып. 1. С. 97–103.
- Шеломихин О. А., Болотин Д. П. Становление и развитие археологии как науки в Амурской области // Чтения памяти Евгения Петровича Сычевского. Благовещенск, 2020. Вып. 20. С. 42–54.

Development of the Thematic Excursion on the Archaeology of Western Priamurye on the Basis of the Museum of Archaeology BSPU

A. V. Musienko, E. V. Lavrinenko, N. E. Ochkurov

Museum pedagogy plays an important role in the formation of a fully developed personality. Thematic excursion is a key element of educational, upbringing and scientific activity of students in which they can fully immerse themselves in this or that epoch. On the example of an excursion conducted on the basis of the archaeological museum named after B.S. Sapunov, students are given the opportunity to deepen their knowledge of medieval history, archeology and ethnography of the Amur region. Such forms of lessons will help the future teachers to improve the professional skills within the framework of the methods of teaching historical disciplines, both in general educational institutions, and in higher education institutions.

Keywords: Museum education, Archaeology, excursion, Amur region, Middle Ages, students.

Мусяенко Алексей Валентинович

аспирант 1-го года обучения
Благовещенский государственный педагогический университет
e-mail: alex-carr1995@yandex.ru

Musienko Aleksey Valentinovich

Postgraduate student 1st year
Blagoveshchensk State Pedagogical University
e-mail: alex-carr1995@yandex.ru

Лавриненко Эдуард Владимирович

магистрант 2-го года обучения
Благовещенский государственный педагогический университет
e-mail: iavrinenko@mail.ru

Lavrinenko Eduard Vladimirovich

Graduate student 2nd year
Blagoveshchensk State Pedagogical University
e-mail: iavrinenko@mail.ru

Очкуров Никита Евгеньевич

студент 2-го курса
Благовещенский государственный педагогический университет
e-mail: nikochh@mail.ru

Ochkurov Nikita Evgenievich

Student 2nd year
Blagoveshchensk State Pedagogical University
e-mail: nikochh@mail.ru

УДК 947.084-055(470)

Гижигинск в начале XX века (по результатам полевых и архивных исследований в 2020–2021 гг.)*

Л. С. Лебедева

Северо-Восточный государственный университет, Магадан, Россия

*Работа выполнена по гранту РГО, договор № 13/2020-Р

Город Гижигинск – первый город на территории Магаданской области, форпост России на Севере Дальнего Востока в XVII – начале XX в. [Вдовин, 1995]. Считалось, что функционирование «города Гижигинска» закончилось в 1927 г. [Конь, Понкратова, 2019]. Археологические исследования [Технический отчет ... , 2020], опрос местного населения [ПМА], документы фондов Государственного архива Магаданской области [ГАМО. Ф. Р-59, оп. 1, д. 9, 22, 25–27, 29, 53, 54, 60] позволяют уточнить некоторые факты о деятельности населения в Гижигинске после 1927 г.

В 2020 г. исследования ОКН «Город Гижигинск» (Магаданская область, Северо-Эвенский район) проводились под руководством С. В. Батаршева (ООО «НПЦ ИКЭ», г. Владивосток) при участии И. Ю. Понкратовой и студентов ФГБОУ ВО «СВГУ», А. В. Нестеровича (МО «РГО»). Софинансирование осуществлялось членом Попечительского совета МО ВОО «Русское географическое общество» И. Б. Донцовым.

В результате был получен археологический материал, отражающий разнообразные стороны жизни населения города, – от общих (хозяйство, устройство дома и быта) до индивидуальных увлечений отдельных жителей [Технический отчет, 2020]. В числе находок – монеты СССР 1930-х гг., фрагменты посуды с клеймами фарфорового завода Дулево и Конаковского фаянсового завода, использовавшейся в 1930–1950-х гг. и пр.

Были проанализированы архивные документы, датированные 1927–1930 гг.: «Постановления, решения и распоряжения вышестоящих организаций, относящиеся к деятельности Гижигинского сельсовета за 1927–1929 гг.», «Постановления Камчатского облисполкома, относящиеся к деятельности сельсовета за 1930–1934 гг.», «Протоколы общих собраний граждан» и другие, свидетельствующие, что Гижигинск продолжал свое функционирование в эти годы. Активную деятельность проводил Гижигинский сельский совет, к работе которого привлекались не только

русские женщины, но и «женщины-туземки» [ГАМО. Ф. Р-59, оп. 1, д. 9. Л. 2]; проводились выборы в члены совета и ревизионной комиссии и т. д. [ГАМО. Ф. Р-59, оп. 1, д. 29, л. 22]; часто решались вопросы ремонта и обеспечения школы [ГАМО. Ф. Р-59, оп. 1, д. 29, л. 57, 68]. Особое внимание уделялось решению бытовых проблем: обеспечению населения дровами, пушниной и продуктами. Дрова заготавливались в первую очередь для отопления зданий общего пользования, которыми являлись сельский совет и школа. Пушнина использовалась на одежду для населения и для вывоза в центральные районы страны. Основным видом продуктов была рыба, большая часть которой также вывозилась, в том числе и за границу.

При раскопках ОКН «Город Гижигинск» были обнаружены предметы японского происхождения – монета «Куань-Юн тун бао» с характерным для восточных монет квадратным отверстием в центре, имевшая длительный период использования (более 280 лет) с 1626 по 1860 г., фрагменты фарфора с типично японским орнаментом, осколки бутылочного стекла с японскими иероглифами [Технический отчет ... , 2020].

Анализ архивных данных позволил выявить, что в 1930-е гг. на территории Гижигинского района на специальных участках функционировали японские рыбные фактории. План одного из участков сохранился [ГАМО. Ф. Р-59, оп. 1, л. 6]. Основная информация о японских рыбопромышленниках представлена систематизированными в виде таблиц сведениями о количестве выловленной рыбы лососевых пород за определенные периоды [Там же]. Установлено, что основным объектом вылова были горбуша и кета, причем преимущество было за кетой, которую добывали в большем количестве [Там же, л. 17]. Часть документов, в которых произведены подсчеты выловленной рыбы, представлена на разлинованных бланках из рисовой бумаги, произведенных в Японии с печатными иероглифами. Бланки заполнены от руки на русском языке и подписаны переводчиком – японцем. В документах упоминаются имена переводчиков Д. Мураками [Там же, л. 3] и М. Кайто [Там же, л. 7]. Еще один документ свидетельствует об обязательствах японцев о способах укладки рыбы по установленному стандарту [Там же, л. 5].

В результате опроса местного населения было предположено, что в 1938 г. останки умерших от эпидемии жителей Гижигинска сожгли на территории закрытого поселения [ПМА]. В архивных документах имеются сведения об эпидемиях скарлатины, свинки и сыпного тифа в Гижигинске, но не в 1938, а 1928 г. В постановлениях от 16 августа 1928 г. «О мерах предупреждения эпидемии скарлатины и свинки», от 8 декабря 1928 г. «О мерах предупреждения надвигающейся эпидемии свиного тифа», от 28 января 1929 г. «О мерах предупреждения эпидемии сыпного тифа» содержатся указания по введению карантина, действиях в случае выявления больных, штрафах при невыполнении постановлений и пр. Контроль за выполнением этих мер осуществлялся Пенжинским районным исполнительным комитетом Камчатского округа [ГАМО. Ф. Р-59, оп. 1, д. 22].

Обнаруженные фрагменты медицинских изделий (обломки стеклянного поршня медицинского шприца, стек-

лянная аптекарская пробка, пипетка, керамический аптекарский пест, обломки стеклянных аптекарских емкостей и пробок от них, фрагмент ампулы), предметы канцелярии (карандаши, грифели, ластики) [Технический отчет ... , 2020] и архивные документы [ГАМО. Ф. Р-59, оп. 1, д. 22] позволяют предположить, что в раскоп вошла часть дома, в которой одновременно находились фельдшерский пункт, аптека, школа и контора японской фактории.

В целом, исходя из полученных данных, можно предположить:

1. Гижигинск продолжал функционировать после 1927 г. и, возможно, до конца 1930-х гг.

2. Обязанности по жизнеобеспечению населения исполнял Гижигинский Сельский Совет.

3. В 1930-х гг. на исследуемой территории находилась иностранная (японская) фактория, занимающаяся выловом рыбы.

4. В Гижигинске в 1928–1929 гг. имели место эпидемии, меры по предупреждению которых принимались советским государством.

*Научный руководитель – И. Ю. Понкратова
канд. ист. наук доцент, ведущ. науч. сотр.,
Северо-Восточный государственный университет*

Источники

ГАМО. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 9: Постановления, решения и распоряжения вышестоящих организаций, относящиеся к деятельности Гижигинского сельсовета за 1927–1929 гг.

ГАМО. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 22: материалы (доклады, сведения) о работе Гижигинского фельдпункта за 1924–1934 гг.

ГАМО. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 25: постановления ВЦИК и СНК СССР, относящиеся к деятельности сельского Совета и материалы к ним за 1930–1931 гг.

ГАМО. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 26: постановления Камчатского облисполкома, относящиеся к деятельности сельсовета за 1930–1934 гг.

ГАМО. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 27: Решения Пенжинского райисполкома, относящиеся к деятельности сельсовета за 1930 г.

ГАМО. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 29: Протоколы общих собраний граждан сельского Совета за 1930–1931 гг.

ГАМО. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 53: Постановления, решения, распоряжения вышестоящих организаций, относящиеся к деятельности сельсовета за 1933–1934 гг.

ГАМО. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 54: Решения райисполкома, относящиеся к деятельности сельского Совета за 1933–1934 гг.

ГАМО. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 60: Материалы инспектора рыболовства о деятельности японских фирм на арендованных рыболовческих участках за 1933 г.

ПМА – Полевые материалы автора. Опрос, проведенный в декабре 2020 г. в г. Магадан (информант – В. В. Брагин, 1999 г. р., уроженец с. Гижига, Северо-Эвенский район, Магаданская область).

Технический отчет о выполненных археологических полевых работах (археологической разведке) «Археологические полевые работы по определению границ территории ОАН «Город Гижигинск» в 2020 г. (Магаданская область, Северо-Эвенский городской округ)» ООО «НПЦ ИКЭ», г. Владивосток. Владивосток, 2020. 303 с.

Список литературы

Вдовин И. С. Гижига – город-крепость на Северо-Востоке России // Памятники, памятные места истории и культуры Северо-Востока России. Магадан, 1995. С. 78–82.

Конь У. С., Понкратова И. Ю. История города Гижигинска (1650-е – 1920-е гг.) // Материалы LIX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Благовещенск; Хэйхэ, 2019. С. 237–239.

Gizhiginsk at the Beginning of the XX Century (Based on the Results of Field and Archival Research in 2020–2021)

L. S. Lebedeva

The purpose of our study is to clarify the time and features of functioning of Gizhiginsk – the first city in the Magadan region. As a result of field and archival research, the material reflecting various aspects of the life of the city's population was obtained. These are coins of the USSR of the 1930s, fragments of tableware with the stamps of the Dulevo porcelain factory and the Konakovskiy faience factory, used in the 1930-s and 1950-s, items of Japanese origin and medical devices, office supplies, etc. Based on the data obtained, it can be argued: 1. Gizhiginsk continued to function after 1927, presumably until the end of the 1930-s; 2. The Gizhiginsky Country Board performed the duties of life support for the population; 3. In the 1930-s, a foreign (Japanese) fish factory was located on the territory of the city; 4. In Gizhiginsk in 1928–1929 there were epidemics, measures to prevent which were taken by the Soviet State.

Keywords: Historical and archaeological research, Gizhiginsk, foreign (Japanese) fish factory, epidemics.

УДК 392.8(571.56)(091)

Фарфор из коллекции ОКН «Город Гижигинск»*

А. А. Иванов

Северо-Восточный государственный университет, Магадан, Россия

*Работа выполнена по гранту РГО, договор № 13/2020-Р

В 2020 г. под руководством С. В. Батаршева (ООО «НПЦ ИКЭ», г. Владивосток) при участии И. Ю. Понкратовой и студентов ФГБОУ ВО «СВГУ», А. В. Нестеровича (МО «РГО»), софинансировании И. Б. Донцова были установлены границы территории ОКН «Город Гижигинск» (Магаданская обл.); изучена структура культуросодержащих отложений, получен археологический материал, датированный серединой XIX в. – серединой XX в. В разведочном раскопе общей площадью 9 м² получена археологическая коллекция [Технический отчет ... , 2020], впервые позволяющая конкретизировать исторические [Вдовин, 1995; Конь, Понкратова, 2019] и архивные данные [ГАМО. Ф. Р-59].

Наиболее массовый материал в коллекции представлен фрагментами фарфоровой, фаянсовой и стеклянной посуды (банки, бутылки и их фрагменты).

Коллекция фарфора и фаянса содержит фрагменты орнаментированных и без орнамента тарелок, чашек, чайников, супниц (более 700 экз.).

Частично сохранились доньшки тарелок и кружек с заводскими клеймами, которые ставились на доньшке фарфоровой статуэтки или посуды с целью указать производителя и защитить оригинальную продукцию от подделок [Ермолова, 1989]. Анализ клейм и орнамента посуды позволяет предположить место, время и особенности ее производства.

Часть клейм относится к российскому производителю – заводу в г. Дулево. Одно клеймо содержит надпись красного цвета на русском языке «Фабрика М. С. Кузнецова в Дулево», под ним персидская вязь. Такое клеймо ставилось с 1864 по 1889 г. на товарах фабрики М. С. Кузнецова в Риге (1864–1880 гг.), поставившихся на восточный рынок (от Персии до Китая). М. С. Кузнецову завод перешел по наследству в 1864 г. и достиг наивысшего расцвета: фарфор был востребован всеми слоями населения и буквально присутствовал в каждом доме и трактире [История дулевского ...]. Еще одно клеймо с надписью красного цвета «РСФСР. Фарфоровый завод Дулево. Сорт 2» (1930–1952 гг.) свидетельствует, что продукция продолжала поступать на север и после национализации завода большевиками в 1918 г.

К Конаковскому фаянсовому заводу относится продукция с клеймом «Н.К.М.П. им. М. И. Калинина в Конакове (Р.С.Ф.С.Р.)» (1934–1940 гг.) и «Товарищество Первалова, Щелкунова и Метелевых и К^о» (1900–1913 гг.). Конаковский завод – один из старейших представителей своей отрасли; основан в 1809 г. в Тверской губернии. В 1870 г. предприятие выкупил М. С. Кузнецов и присоединил его к Товариществу Кузнецовых. После революции завод был национализирован советской властью и в 1923 г. переименован в Конаковский фаянсовый завод им. М. И. Калинина [История ...].

Другое клеймо – синего цвета в форме ромба, в верхней части которого находится цифра IV (для обозначения керамики). В центральной части ромба буква R, слева от

нее D (месяц выпуска – сентябрь), выше нее – буква R (год выпуска – 1861 г.), что означает, что продукция была произведена в сентябре 1861 г. Это клеймо английского рестра компании Livesley Powell & Co, использовавшееся английским патентным ведомством с 1842 по 1867 г. Большая часть производимой компанией продукции шла на экспорт [Ермолова, 1989].

Большую часть коллекции фарфоровой посуды составляют фрагменты с разнообразным глазурированным орнаментом, который условно можно разделить на геометрический, растительный, зооморфный, антропоморфный. Геометрический орнамент представлен сеткой, прямыми линиями, кругами, квадратами синего, голубого, желтого цветов в виде ободка по краю и в разных частях – на внутренней и внешней поверхности изделий. Растительный орнамент составляют цветы, листья, деревья, ягоды; антропоморфный – фигурки людей; зооморфный – птицы. Встречается сочетание этих видов орнаментов. Зона расположения орнамента – по тулову отдельными элементами и в сюжете.

Орнамент большинства фрагментов фарфора и фаянса находит аналогии в коллекциях посуды предприятий, клейма которых представлены в коллекции. На некоторых фрагментах фарфора синей краской на белом фоне нанесены восточные сюжеты, изображающие пагоды, корабли, фигурки людей в национальных костюмах. Аналогии сюжетам находим на фарфоровой посуде г. Цзиндэчжэнь, который иногда называют «фарфоровой столицей» Китая. Производство бело-голубого фарфора началось в Цзиндэчжэне в начале XIV в. Во времена династий Мин (1368–1644 гг.) и Цин (1644–1911 гг.) сине-белый фарфор был известен не только в пределах Китая, но и на рынке международной торговли и имитировался азиатскими производителями фарфоровой посуды [Blue-and-White Porcelain]. На единичных фрагментах фарфоровой посуды тонкими линиями изображены разноцветные фигурки японских гейш на фоне растений.

В целом анализ фарфора и фаянса археологической коллекции ОКН «Город Гижигинск» позволяет предположить, что посуда доставлялась в Гижигинск с крупнейших фарфоровых и фаянсовых предприятий центральных районов России XIX – начала XX в., а также Юго-Восточной Азии – Китая и Японии.

Прекрасно орнаментированная разноцветной глазурью с разнообразными сюжетами посуда предназначалась для сервировки стола и свидетельствует о высоком статусе ее владельцев. Беднее орнаментирована посуда второго сорта советского периода, выпускаемая в 1930–1952 гг., что, возможно, связано с переориентацией заводов на более массовый выпуск продукции после их национализации в 1918 г.

Использование импортной посуды из Японии подтверждает факт присутствия в Гижигинске японской рыболовной фактории [ГАМО. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 60].

Свидетельств торговых или иных связей с китайскими производителями фарфора пока не установлено; не исклю-

чаем, что сине-белый китайский фарфор, пользовавшийся во всем мире большой популярностью в конце XIX в., мог быть завезен японскими рыбопромышленниками.

*Научный руководитель – И. Ю. Понкратова
канд. ист. наук, доцент, ведущ. науч. сотр.,
Северо-Восточный государственный университет*

Источники

ГАМО. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 60: Материалы инспектора рыболовства о деятельности японских фирм на арендованных рыболовецких участках за 1933 г.

Технический отчет о выполненных археологических полевых работах (археологической разведке) «Археологические полевые работы по определению границ территории ОАН «Город Гижигинск» в 2020 г. (Магаданская область, Северо-Эвенский городской округ)» ООО «НПЦ ИКЭ», г. Владивосток. Владивосток, 2020. 303 с.

Porcelain from the Archaeological Collection of the Cultural Heritage Site “City of Gizhiginsk”

A. A. Ivanov

As a result of archaeological research of the site “City of Gizhiginsk”, a collection of artifacts was obtained. In it, the most numerous material is fragments of porcelain, earthenware dishes. As a result of the description and analysis, we assume that the dishes were delivered to Gizhiginsk from the largest porcelain and faience enterprises in the central regions of Russia in the 19th – early 20th centuries, and from Southeast Asia-China and Japan. Beautifully decorated with multicolored glaze with a variety of subjects, the dishes were intended for serving the table, and indicate the high status of their owners. The dishes of the Soviet period are less ornamented. This may be due to the reorientation of the factories to more mass production after their nationalization in 1918. The use of imported dishes and Japan confirms the presence of a Japanese fishing company in Gizhiginsk. The blue-and-white Chinese porcelain could have been imported by Japanese fishermen.

Keywords: Gizhiginsk, porcelain, earthenware dishes, multicolored glaze, various ornaments import of products.

Иванов Арсений Андреевич

студент 1-го курса

Северо-Восточный государственный университет

университет

e-mail: arseniiivanov2504@gmail.com

Ivanov Arseniy Andreevich

Student 1st year

North-East State University

e-mail: arseniiivanov2504@gmail.com

УДК 392.8(571.56)(091)

Инструменты и строительные материалы из коллекции ОКН «Город Гижигинск» (по результатам исследования в 2020 г.)*

А. В. Береговых

Северо-Восточный государственный университет, Магадан, Россия

*Работа выполнена по гранту РГО, договор № 13/2020-Р

При исследовании ОКН «Город Гижигинск» (Магаданская область, Северо-Эвенский район) в 2020 г. под руководством С. В. Батаршева (ООО «НПЦ ИКЭ», г. Владивосток) при участии И. Ю. Понкратовой и студентов ФГБОУ ВО «СВГУ», А. В. Нестеревича (МО «РГО»), финансирования И. Б. Донцова была обнаружена коллекция инструментов и строительных материалов [Археологические полевые ... , 2020].

В палевом легком суглинке (горизонт 1) обнаружены деталь сенокосилки и топор. Металлическая деталь конной сенокосилки свидетельствует об использовании населением специальных приспособлений, применяемых при скашивании травы для заготовки кормов животным. Другие детали сенокосилки – целое полотно и обломки полотен металлических кос, используемых при работе сенокосилки, найдены в нижележащих горизонтах. В начале XX в. в России конные сенокосилки широко применялись при уборке урожая зерновых, крупяных и бобовых культур [Сельскохозяйственная энциклопедия, 1951].

Металлический топор со сломанной проушиной (длина – 13,5 см, длина лезвия – 14,5 см) необходим был для рубки дров и строительных работ.

В темно-коричневом тяжелом суглинке (горизонт 2) найдены металлические зубила, перочинный нож, металлическое орудие с прямоугольной рабочей частью, полотно (клинки и хвостовики) железных ножей, полотно лопа-

ты и черенок от нее, металлическое орудие Т-образной формы, металлический топор (маленький), абразив, щипцы, ножницы (фрагмент), полотно косы.

Металлические зубила – слесарные ударно-режущие инструменты. Длина одного – 14 см, ширина рабочего лезвия – 2,2 см, рукоять – удлиненная квадратного сечения, рабочее лезвие подпрямоугольное, клиновидное в профиле. Второе зубило – длиной 18 см, остроконечное, веретенообразной формы, квадратное в сечении, с одним длинным заостренным концом, на конце другого на торце уплощенная площадка. Слесарные зубила использовались для обработки металла или камня.

Перочинный нож – складной, в сложенном состоянии (ширина – 2 см), из металла и пластика; для использования в быту при выполнении небольших режущих работ. Рукоять (длина – 8,8 см) изготовлена из пластмассы коричневого цвета, на ней – три отверстия для крепления к механизму ножа. Клинок ножа коррозирован.

Металлическое орудие (длина – 14,5 см) с длинным округлым в сечении черешком и широкой прямоугольной рабочей частью использовалось, вероятно, в качестве скребка для обработки кож.

Полотна металлических профессиональных ножей размерами от 9,3 до 18,2 см. Ножи могли использоваться в разнообразных целях: в охоте, на кухне, для обдирки шкур животных и пр.

Полотно штыковой лопаты – металлическое, стандартное. Рядом обнаружен деревянный черенок от лопаты.

Металлическое орудие Т-образной формы с длинной рукоятью и двумя бойками интерпретируется как небольшой молоток, применяемый для забивания гвоздей, разбивания предметов и пр.

Металлический топор с проушиной (длина – 6,8 см, длина рабочего лезвия – 5 см) сильно коррозирован.

Обломок среднезернистого метаморфизованного песчаника (4,5×3,5×2 см) использовался, вероятно, как абразив для обработки поверхности различных материалов. Следы имеются только на одной плоскости орудия в виде характерной выровненной сглаженности.

Щипцы длиной 13,5 см с деревянными рукоятками 1,4 см в диаметре и обломанными губками. Могли использоваться в качестве слесарного инструмента, но не исключено, что и для укладки волос. Фрагментарность изделия не позволяет более точно определить его назначение.

Ножницы представлены половинкой изделия с большим каплевидным кольцом. Длина рабочего лезвия – 7,5 см.

В темно-буром тяжелом суглинке (горизонт 3) найдены оселки, ножницы, бурав.

Оселки – бруски из мелкозернистого абразивного материала вытянутой трапециевидной формы (2 экз.). Один из них – прямоугольный в сечении, имеются следы использования на обеих его плоскостях. Другой оселок квадратной формы, прямоугольный в сечении с использованными обеими плоскостями и одной боковой гранью. На одной плоскости в результате использования сформировалась узкая поперечная бороздка. Оселки применялись для доводки вручную поверхностей и режущих кромок инструментов (резцов, пил, ножниц, бритв, ножей, кос) после заточки [Оселок].

Ножницы – металлические (длина – 18,5 см, длина полотна – 6,5 см) с небольшими массивными кольцами и длинными изогнутыми шейками.

Бурав (сверло) плотницкий состоит из металлической рабочей части и частично сохранившейся деревянной рукоятки (длина рабочей части – 29 см), использовался для работы по дереву, для сверления отверстий.

К строительному материалу – массовому и обнаруженному во всех горизонтах – относятся находки гвоздей (более 40 экз.), кирпичи с клеймами, фрагменты оконного стекла, а также древесная щепа.

Гвозди – фабричные с плоскими шляпками и кованые обнаружены в деревянных конструкциях и металлических изделиях (дверные петли).

Оконное стекло – тонкое, фрагментированное, предназначалось, вероятно, для остекления оконных проемов жилищной конструкции. На некоторых фрагментах имеются следы оконной замазки синего и зеленого цвета.

Щепа древесная (10×8 см) использовалась для утепления полов, что особенно актуально для строительства домов в криолитозоне.

Tools and Building Materials From the Collection of the Cultural Heritage Site “Gizhiginsk City” (According to the Results of the Study in 2020)

A. V. Beregovykh

Gizhiginsk is the first city in the Magadan region. As a result of archaeological research in 2019–2020, artifacts were obtained, the study of which is relevant. We analyzed the collection of tools and building materials. It can be assumed that the activity of the population of Gizhiginsk was associated with agricultural work, engaged in carpentry, furriers' crafts. In everyday life, there were scissors, penknives. Construction materials were supplied from Primorye, which indicates the time of construction of the studied structure – the beginning of the XX century and trade relations of Gizhiginsk with the enterprises of the southern part of the Far Eastern region of Russia during this period. Harsh climatic conditions and permafrost have caused such structural features of the construction of wooden houses, such as the use of brick stoves for heating and cooking, glass for windows, and filling the floors with wood chips.

Keywords: Gizhiginsk, agricultural work, carpentry crafts, leather dressing, bricks, trade, severe climatic conditions, and design features of the construction of wooden houses.

Береговых Анатолий Владимирович

студент 4-го курса

Северо-Восточный государственный университет

e-mail: beregovykh201799@gmail.com

Красноглиняные кирпичи россыпью были найдены в юго-западном углу раскопа и, вероятно, являлись остатками печи. На одном из них зафиксировано клеймо «2РОВСК» (Завод 2-й Русского острова войсковой строительной комиссии). Этот завод был построен в начале XX в. на о-ве Русский в Приморье [Каталог кирпичей]. На другом кирпиче клеймо: «Н-ки А. Д. Старцева», что означает «Наследники А. Д. Старцева». Этот завод располагался в районе станции Угольная (Приморье); выпускал кирпичи с 1906 по 1923 г. [Производство наследников ...].

Таким образом, анализ обнаруженных при раскопках Гижигинска инструментов позволяет предположить, что деятельность населения Гижигинска была связана с сельскохозяйственными работами, при которых применялись конные сенокосилки, лопаты. Использование топоров, ножей, зубил, бурава, щипцов, оселков, молотков, скребков для выделки шкур животных предполагает занятия плотницким, столярным, скорняжным ремеслами. В быту имели место ножницы, перочинные ножи.

Металлические предметы сильно коррозированы, что свидетельствует о невысоком их качестве; проведение дополнительных трасологических исследований по определению более точного функционального назначения изделий не представляется возможным.

Анализ строительного материала свидетельствует о его привозном характере. Поставщиком кирпича были заводы из Приморья, что свидетельствует о времени постройки изучаемой конструкции – начало XX в. и торговых связях Гижигинска с предприятиями южной части Дальневосточного региона России в этот период.

Суровые климатические условия и вечная мерзлота стали причиной таких конструктивных особенностей строительства деревянных домов, как использование кирпичных печей для отопления и приготовления пищи, стекла для окон, засыпка древесной щепой полов.

Научный руководитель – И.Ю. Понкратова

канд. ист. наук, доцент, ведущ. науч. сотр.,

Северо-Восточный государственный университет

Источники

Археологические полевые работы по определению границ территории ОАН «Город Гижигинск» в 2020 г.: технический отчет о выполненных археологических полевых работах (археологической разведке) (Магаданская область, Северо-Эвенский городской округ) ООО «НПЦ ИКЭ», г. Владивосток. Владивосток, 2020. 303 с.

Список литературы

Каталог кирпичей. Музей «Кирпичная библиотека». URL: <https://brick-library.ru/kipich-s-klejmom-2rovsk/> (дата обращения: 25.02.2021).

Оселок. Толковый словарь Ожегова. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/141446> (дата обращения: 05.03.2021).

Производство наследников А. Д. Старцева. URL: <http://kfss.ru/page/chastnye> (дата обращения: 25.02.2021).

Сельскохозяйственная энциклопедия. М.: Гос. изд-во сельскохоз. лит-ры, 1951. 624 с.

Предметы охотничьего промысла и рыбной ловли из коллекции ОКН «Город Гижигинск»*

И. В. Казимиров

Северо-Восточный государственный университет, Магадан, Россия

*Работа выполнена по гранту РГО, договор № 13/2020-Р

В 2019 г. проводились предварительные исследования Гижигинска – первого города на территории Магаданской области. Был сделан вывод о перспективности научного изучения объекта [Лебедева, Понкратова, Волков, 2020]. В 2020 г. исследования были продолжены под руководством С. В. Батаршева (ООО «НПЦ ИКЭ», г. Владивосток») при участии И. Ю. Понкратовой и студентов ФГБОУ ВО «СВГУ», А. В. Нестеровича (МО «РГО») и софинансировании И. Б. Донцовым. В результате работ было заложено 11 шурфов и один разведочный раскоп площадью 9 м², в котором обнаружены указывающие на разнообразные стороны жизни населения города артефакты. В том числе выявлены предметы, свидетельствующие об охотничьем промысле и военном деле, рыбной ловле. Это – оружейные гильзы, патроны, в том числе с порохом, свинцовая пуля, ружейный кремль, фрагменты самородной серы, костяное рыболовное грузило [Археологические полевые ... , 2020].

Всего обнаружено 58 оружейных гильз и патронов различного калибра. Определить удалось 37. Из них гильзы калибром 7,62 мм (17 экз.) изготовлены из оцинкованной латуни, покрыты ржавчиной. На одной из гильз калибром 7,62×54 мм имеется клеймо REM 30 U.S.A. Известно, что такие гильзы изготавливались в период 1915–1918 гг. по русским заказам на патроны американской фирме Remington. Патроны предназначались для проверки винтовок Мосина, прошедших ремонт [Авдеев, Донец, 2010].

Четыре гильзы и один патрон калибра 7,62×54 мм изготовлены на Тульском и Кольчугинском оружейных заводах, которые выпускали их с 1890 г. На дне гильзы патрона сохранился целый капсюль. Донные клейма гильз «П. Тульский 3 88», «К 88 П» и «3 ТК 32 32 46».

Возможно, что описываемые гильзы и патроны были предназначены для военной винтовки Мосина, разработанной с 1882 по 1891 г. и стоявшей на вооружении армии Российской империи, СССР и других стран [Мавродин, Мавродин, 1984].

Имеется одна гильза оружейного патрона с сохранившимся пороховым зарядом. На донце гильзы видна маркировка «19», W, V, (четвертая цифра не видна), буквы и цифры разделены радиальными линиями. Это клеймо винтовочного патрона 8×50R Mannlicher, где W – инициалы производителя (Manfred Weis, Budapest), «V» и «19» – дата производства – май 19(?) г. Известно, что предприятие «Манфред Вейс» в 1896–1914 гг. являлось крупнейшим военным заводом в Венгрии, который играл важную роль в тяжелой промышленности и военном производстве Австро-Венгерской монархии. В начале XX в. завод принимал заказы от России [Berend, 2013].

Армейские гильзы калибра 6,5×55 мм американской фирмы Winchester Repeating Arms Co (5 экз.) изготовлены из латуни, частично покрыты ржавчиной. Две из них обгоревшие, деформированные по дульцу. Имеется дульное клеймо W.R.A.C.O 30 ARMY.

Гильзы калибра 12 мм в количестве 9 экз. сохранились частично. Из них 3 гильзы составляли часть бумажного патрона. Тыльная часть патрона выполнена из латуни, внутри дна гильзы имеются вкрапления картона. Дульное клеймо гильз RUSSO-BELOE 12 MOSCOU. Гильзы были произведены, вероятно, Русско-Бельгийским анонимным

обществом патронных заводов в Люттихе и Москве, основанным в 1900 г. и национализированным в 1918 г.

Пуля из свинца диаметром 2 см могла быть использована в патроне крупнокалиберного гладкоствольного ружья.

Ружейный кремль светло-коричневого цвета размером 7×4,5×2,5 см предназначался для огнестрельного ружья с кремневым замком. Такое ружье впервые появилось в Европе в начале XVI в. и с конца XVI до середины XIX в. было распространено во всех странах мира. Принцип работы: кремневый вкладыш, ударяясь об огниву пластинку, высекал искры, порох воспламенялся, и происходил выстрел [Варакута, 2008].

Кусочки самородной серы желтого цвета в количестве 15 экз. размером от 1×1 см до 3,5×3 см. Серой чернили оружие для предохранения от коррозии; могли использовать вместе с углем и селитрой в составе пороха [Шиллинг, 1940].

Грузило усеченно-каплевидной формы из кости морского млекопитающего; на узком конце по одной плоскости оно уплощено, в центре уплощения высверлено отверстие диаметром 0,9 см. Сверление двустороннее. Размеры: 8,8×4,3×4,2 см. Возможно, использовалось для сети, предназначенной для вылова рыбы.

Таким образом, анализ предметов охотничьего промысла и рыбной ловли из археологической коллекции ОКН «Город Гижигинск» позволяет предположить, что:

1. Оружейные гильзы и патроны производились на предприятиях России и других стран. Расшифровка и анализ клейм на гильзах и патронах показали, что их изготавливали заводы Remington, Winchester Repeating Arms Co (США), Русско-Бельгийское анонимное общество патронных заводов в Люттихе и Москве (Бельгия, Россия), Тульский и Кольчугинский оружейные заводы (Россия), производящие оружие и боеприпасы в начале XX в.

2. Интерпретировать, что найденные в большом количестве на малой площади и в основном использованные боеприпасы применялись только для охотничьего промысла, сложно. Особенно в свете событий, которые происходили в Гижигинске в 1923 г., когда ликвидационный отряд красноармейца Ивана Чубарова разгромил здесь отряд белогвардейцев Валериана Бочкарева [Пустовит, 2008]. Возможно, что гильзы и патроны принадлежат сторонам конфликта и являются подтверждением тех событий.

3. Обнаруженный в нижних слоях ружейный кремль позволяет предположить, что используемые во второй половине – конце XIX в. кремневые ружья предшествовали винтовкам на территории Гижигинска.

4. Находка костяного грузила подтверждает направленность жизнедеятельности населения на добычу рыбы неводом, что не противоречит историческим данным [Сафронов, 1978].

В целом представленные материалы – это часть археологической коллекции, полученной при раскопках ОКН «Город Гижигинск», которая впервые позволяет уточнить исторические и конкретизировать архивные данные.

*Научный руководитель – И. Ю. Понкратова
канд. ист. наук, доцент, ведущ. науч. сотр.,
Северо-Восточный государственный университет*

Источники

Археологические полевые работы по определению границ территории ОАН «Город Гижигинск» в 2020 г. : технический отчет о выполненных археологических полевых работах (археологической разведке) (Магаданская область, Северо-Эвенский городской округ) ООО «НПЦ ИКЭ», г. Владивосток. Владивосток, 2020. 303 с.

Список литературы

Авдеев Д., Донец А. Наш, трехлинейный. Часть III. Заграничные заказы. Спортивные и охотничьи модификации // Охота и оружие. 2010. № 2. С. 57–67.

Варакута В. П. Кремневое оружие. Пехотный вариант: борьба за дальность и меткость. От массового выпуска до разнобоя калибров // Наука и техника. 2008. № 9 (28). С. 45–52.

Лебедева Л. С., Понкротова И. Ю., Волков Д. П. К вопросу о постановке на учет исторического объекта «Город Гижигинск» // Мате-

риалы LX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Иркутск, 2020. С. 298–299.

Мавродин В. В., Мавродин Вал. В. Из истории отечественного оружия. Русская винтовка. Л. : Изд-во Ленин. ун-та, 1984. 169 с.

Пустовит В. П. Противостояние. Очерки истории Гражданской войны в Охотско-Камчатском крае // Вопросы истории Камчатки. Вып. 1. Петропавловск-Камчатский, 2008. С. 150–266.

Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в.: Управление, служилые люди, крестьяне, городское население. М. : Наука, 1978. 258 с.

Шиллинг Н. А. Курс дымных порохов. М. : ОБОРОНГИЗ, 1940. 280 с.

Berend I. An economic history of nineteenth-century Europe: diversity and industrialization. Cambridge : Cambridge univ. press, 2013. XVIII. 521 p.

Hunting and Fishing Items from the Archaeological Collection of the Cultural Heritage Site "City of Gizhiginsk"

Kazimirov I. V.

In 2019–2020, archaeological studies of the cultural heritage site "Gizhiginsk" were conducted. In an exploratory excavation artifacts pointing to various aspects of the life of the city's population have been found. Among other things, items that indicate hunting, military activity, and fishing have been identified. These are gun casings, cartridges, including powder, lead bullet, rifle flint, fragments of native sulfur, bone fishing sinker. Their analysis suggests that the casings and cartridges were produced at enterprises in Russia and other countries. Found in large quantities, the used ammunition could be used both in hunting and in military conflicts. The rifle flint found in the lower layers suggests that the flintlock rifles used in the second half – the end of the XIX century preceded the rifles on the territory of Gizhiginsk. The discovery of a bone sinker confirms the focus of the population's life activity on seine fishing, which does not contradict historical data.

Keywords: Gizhiginsk, gun casings, cartridges, weapons factories, hunting, military conflicts, rifle flint, brimstone, bone sinker.

Казимиров Игорь Владимирович

студент 4-го курса

Северо-Восточный государственный университет

e-mail: saikazanfuguki@gmail.com

Kazimirov Igor Vladimirovich

Student 4th year,

North-East State University

e-mail: saikazanfuguki@gmail.com

Резолюция LXI Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых с международным участием, посвященной 85-летию со дня рождения Г. И. Медведева Иркутск, 4–8 апреля 2021 года

LXI Российская (с международным участием) археолого-этнографическая конференция студентов и молодых ученых, посвященная 85-летию со дня рождения Германа Ивановича Медведева, состоялась в г. Иркутске 4–8 апреля 2021 г.

Организаторами конференции выступили Иркутский государственный университет и Научно-просветительский центр палеоэтнологических исследований (г. Москва). Проведение конференции поддержано Фондом президентских грантов.

Работа конференции осуществлялась по следующим направлениям:

- Каменный век.
- Эпоха палеометалла.
- Средневековье и новое время.
- История науки, методология, музееведение и сохранение культурного наследия.
- Антропология, этнология и этноархеология.

В работе конференции приняли участие 123 студента и ученых из 27 организаций 24 городов России и Казахстана: Иркутска (Иркутский государственный университет; Иркутский государственный технический университет; Музей истории города Иркутска им. А. М. Сибирякова), Магадана (Северо-Восточный государственный университет), Южно-Сахалинска (Сахалинский государственный университет), Владивостока (Дальневосточный федеральный университет; Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН), Хабаровска (Всероссийская ассоциация экспериментальной археологии «Археос»), Благовещенска (Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области), Якутска (Арктический научно-исследовательский центр АН РС (Якутия); Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова), Читы (Забайкальский государственный университет), Улан-Удэ (Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова), Красноярска (Сибирский федеральный университет; Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева), Новосибирска (Новосибирский государственный университет), Барнаула (Алтайский государственный педагогический университет), Горно-Алтайска (Горно-Алтайский государственный университет), Кызыла (Тувинский государственный университет; Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований), Кемерово (Кемеровский государственный университет), Омска (Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского), Тюмени (Тюменский государственный университет), Томска (Томский государственный педагогический университет), Кургана (Курганский государственный университет), Кушвы (МАОУ СОШ № 1), Елабуги (Елабужский институт Казанского федерального университета), Москвы (Научно-просветительский центр палеоэтнологических исследований; Российский православный университет св. Иоанна Богослова), Санкт-Петербурга (Санкт-Петербургский государственный университет; Институт истории материальной культуры РАН), Нур-Султана (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан).

В общей сложности заслушано 88 докладов (61 устный, 27 в онлайн-формате). Еще 5 докладов представлено в виде постеров. Участники конференции обсудили широкий круг проблем в области археологии, этнологии, этноархеологии, антропологии, музееведения и сохранения культурного наследия.

В рамках конференции также был организован научно-образовательный блок в составе двух лекций и трех мастер-классов. Проведено пять экскурсий: обзорная по г. Иркутску, в Иркутский областной краеведческий музей, на Мальтинский георхеологический полигон, в архитектурно-этнографический музей «Тальцы» и Байкальский музей ИИЦ СО РАН.

Участники конференции отметили высокий уровень организации и проведения РАЭСКА.

Оргкомитет и участники выражают благодарность Иркутскому городскому молодежному центру за помощь в организации конференции, а также Иркутскому областному краеведческому музею за проведенные экскурсии и размещение на площадке проведения конференции передвижной выставки «100 лет иркутской школе археологии и этнографии».

Оргкомитет и участники конференции высказались за утверждение следующих предложений:

1. Организаторам РАЭСК-61 составить календарный график проведения конференции на ближайшие 3–5 лет для согласования и утверждения с научным сообществом.
2. В проведении будущих конференций предложить организаторам сочетание практики очных докладов и выступлений в онлайн-формате.
3. При организации последующих конференций сохранять утвержденные правила оформления статей, макета сборника и дизайна обложки.
4. Научным руководителям усилить контроль за подготовкой материалов докладов для публикации и подготовкой выступления молодых участников.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГУ** – Алтайский государственный университет
- АК** – Алтайский край
- АКИО** – Ананьинская культурно-историческая общность
- АКИО** – Ананьинская культурно-историческая область
- АКШК** – Ананьинская культура шнуровой керамики
- А. к.** – ананьинская культура
- АлтГПУ** – Алтайский государственный педагогический университет
- АН СССР** – Академия наук Союза советских социалистических республик
- БГПИ** – Барнаульский государственный педагогический институт
- ГЭ** – Государственный Эрмитаж
- ЕСВ** – европейский северо-восток
- ИАЭТ СО РАН** – Институт археологии и этнографии СО РАН
- ИАН** – Императорская Академия наук
- ИА РАН** – Институт археологии Российской академии наук
- ИИМК РАН** – Институт истории материальной культуры РАН
- ИГИиПМНС СО РАН** – Институт гуманитарных проблем и малочисленных народов Севера СО РАН
- ИДЛТ** – Известия лаборатории древних технологий
- КСИА** – Краткие сообщения Института археологии АН СССР/РАН
- НМРТ** – Национальный музей им. «Алдан-Маадыр» Республики Тыва
- ОПК** – общепрофессиональные компетенции
- РАН** – Российская Академия наук
- РАЕ** – Российский археологический ежегодник
- РЖВ** – ранний железный век
- САИПИ** – Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства
- СО РАН** – Сибирское отделение РАН
- ТИГПИ** – Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва
- УЗ ТНИИЯЛИ** – Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории
- УК** – универсальные (общекультурные) компетенции
- ЦУИиЭ** – Центр устной истории и этнографии
- ЮСАЭ** – Южносибирская археологическая экспедиция
- ЯГУ** – Якутский государственный университет
- ЕФЕО** – l'École française d'Extrême-Orient (Французская школа Дальнего Востока).

Научное издание

МАТЕРИАЛЫ
LXI РОССИЙСКОЙ (С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ)
АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
СТУДЕНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

ISBN 978-5-9624-1944-2

Редактор А. Н. Шестакова

Подписано в печать 01.07.2021. Формат 60×90 1/8
Уч.-изд. л. 33,9. Усл. печ. л. 30,8. Тираж 150 экз. Заказ 86

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664082, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124
e-mail: izdat@lawinstitut.ru